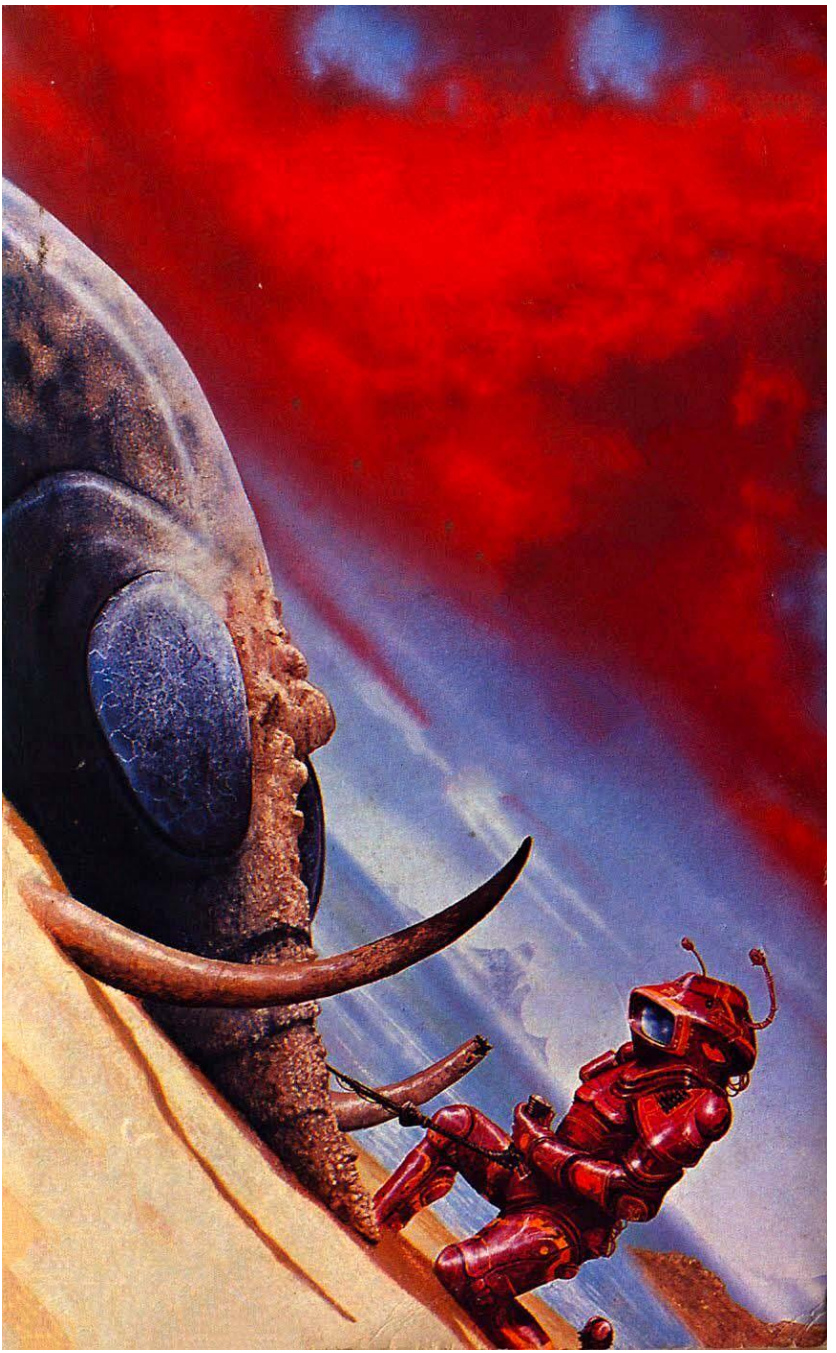


ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Хол Клемент

ЭКСПЕДИЦИЯ «ТЯГОТЕНИЕ»

Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций

выпуск 1

серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2021 год
2

Публикации и иллюстрации:

Astounding Science Fiction, April - July 1953
Mission of Gravity •
Cover, interior artwork by H. R. Van Dongen

Astounding Science Fiction, May - July 1958
Close to Critical •
Cover, interior artwork by H. R. Van Dongen

Analog Science Fiction, June - September 1970
Star Light •
Cover, interior artwork by Frank Kelly Freas

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Работа с текстом: by Petr

Идея и работа с иллюстрациями: by formally.

ЭКСПЕДИЦИЯ «ТЯГОТЕНИЕ»

1. Зимняя буря

Ветер налетел на залив, словно был живым существом. Он взбаламутил поверхность так старательно, что трудно было сказать, где кончается жидкость, а где начинается газ; он стремился поднять волны, которые могли бы захлестнуть «Бри», словно щепку, но те не успевали взмыть вверх хотя бы на фут, как он тут же распылял их на мельчайшие брызги.

Одни лишь брызги долетали до Барленнана, распластавшегося на кормовом плоту. Корабль давно уже был в безопасности на берегу. Его вытащили сразу же, едва Барленнан решил, что они будут здесь зимовать; и все же месклинит не мог подавить в себе некоторого беспокойства. Эти волны были намного выше тех, которые встречались ему в океане, и его не слишком подбадривала мысль, что малая сила тяжести, позволявшая волнам вздыматься на такую высоту, не даст им и причинить сколько-нибудь существенного вреда кораблю, даже если они до него докатятся.

Барленнан не был особенно суеверным, но ведь никто не знает, что может случиться в такой близости к Краю Света. Даже его команда, которой уж никак не приходилось жаловаться на избыток воображения, время от времени проявляла признаки беспокойства. «Не будет нам здесь удачи, – ворчали они. – Тот, кто обитает за Краем и насылает устрашающие зимние штормы, прорывавшиеся в этот мир на тысячи миль, может разозлиться, что его потревожили». При каждом несчастном случае ворчание возобновлялось, а несчастные случаи были нередки. Никто не застрахован от оплошности, если он весит всего два фунта с четвертью вместо пятисот пятидесяти, к которым привык за всю свою жизнь; командиру этот факт представлялся очевидным, но, чтобы усвоить это, по-видимому, необходимо было какое-то

образование или хотя бы привычка к логическому мышлению.

Уж кому-кому, а Дондрагмеру во всяком случае следовало бы соображать... Длинное тело Барленнана напряглось, и он чуть было не выкрикнул приказ прежде, чем по-настоящему понял, что происходит на третьем плоту. Видимо, помощник решил, что сейчас как раз подходящий момент проверить опоры одной из мачт, и, воспользовавшись почти полным отсутствием веса, поднялся над палубой, вытянувшись почти на всю длину. Зрелище было совершенно фантастическим – он поднимался все выше, неуверенно балансируя на шести задних ногах, хотя большинство команды «Бри» более или менее привыкло к подобным трюкам; но Барленнана поразило не это. При весе в два фунта нужно за что-нибудь держаться, иначе тебя сдует первым же порывом ветра; а как можно за что-нибудь держаться шестью задними ногами? Когда налетел этот шторм... но приказ уже нельзя было расслышать, даже если бы командир заорал во всю мочь. Барленнан пополз было через первую буферную щель, отделявшую его от места действия, когда увидел, что помощник привязал себя к палубе леерами и был почти так же надежно принайтован к палубе, как мачта, с которой он возился.

Барленнан расслабился. Он знал, почему Дон так поступает – помощник бросал вызов тому, кто гонит на них эту самую бурю, и он сознательно стремился внушить подобное отношение всей команде. «Молодчина», – подумал Барленнан и снова взглянул на залив.

Теперь бы никто не мог точно указать, где проходит береговая линия. Уже в сотне ярдов от «Бри» невозможно было ничего разглядеть из-за сплошного вихря белых брызг и белесого песка; даже и сам корабль становилось все труднее рассмотреть, ибо стремительно несущиеся капли метана, словно пули, все чаще ударялись в глазные капсулы командира и размазывались по их поверхности. Правда, палуба под множеством его ног была еще прочна, как скала;

хоть судно и было теперь легким, отдаться на волю ветра оно, по-видимому, не собиралось. «Да и с какой стати?» – мрачно подумал командир, вспомнив о множестве канатов, привязанных к глубоко забитым якорям и к низким деревьям, которые усеивали берег. Действительно, с какой стати?... Но это был бы не первый корабль, дерзнувший отправиться к самому Краю и пропавший без вести. Возможно, подозрения команды по отношению к Летчику в какой-то степени оправданы. В конце концов, именно это странное существо убедило его перезимовать здесь, не пообещав при этом никакой защиты ни кораблю, ни экипажу. Но если Летчик хотел их уничтожить, он мог бы сделать это гораздо проще и вернее, не тратя время на уговоры. Если бы это громадное устройство, в котором он передвигается, повисло над «Бри», то даже здесь, где вес, значит столь мало, было бы не о чем говорить. Барленнан заставил себя думать о другом: он в полной мере разделял обычный для месклинита ужас перед перспективой очутиться, хотя бы ненадолго, под чем-нибудь действительно твердым.

Команда давно уже укрылась под палубными брезентами – даже помощник прекратил работу, так как буря разыгралась по-настоящему. Все были на месте: Барленнан пересчитал бугры под защитной тканью, еще когда ему был виден весь корабль. Никто не отлучился на охоту, поскольку моряки знали о надвигающейся буре и без предупреждения Летчика. За последние десять дней ни один из них не удалялся от корабля более чем на пять миль, а пять миль – не расстояние при здешнем весе.

Конечно, запасов продовольствия у них хватало. Барленнан и сам не был дураком и сделал все возможное, чтобы не набрать в команду дураков. Тем не менее свежая пища не помешала бы. «Интересно, долго ли этот шторм продержит нас в заключении», – подумал он. На этот счет приметы не сказали ничего, хотя они достаточно красноречиво предупредили о приближении ненастья. Возможно, Летчик это знает. Ну что ж, на корабле делать больше нечего, и он

может со спокойной совестью потолковать с этим странным существом. При взгляде на устройство, которое дал ему Летчик, Барленнана до сих пор охватывал легкий трепет недоверия, и он не уставал вновь и вновь убеждать себя в его мощи.

Оно лежало рядом с ним на кормовом плоту под небольшим отдельным брезентом. Это был параллелепипед трех дюймов в длину и около полутора в ширину и высоту. Прозрачный кружок на гладкой поверхности одного торца напоминал глаз; по-видимому, он и играл роль глаза. Кроме того, там была еще одна особенность – маленькое круглое отверстие в одной из больших граней. Предмет лежал этой гранью вверх, и торец с «глазом» выступал из-под брезента. Брезент же был открыт, конечно, в подветренную сторону, и материя плотно облегала плоскую верхнюю поверхность машины.

Барленнан просунул руку под брезент, пошарил, пока не нашел отверстие, и сунул в него клешню. Внутри не было ни кнопки, ни переключателя, но это его не смущало: кнопки и переключатели были ему так же незнакомы, как тепловые, световые и электрические реле. Он знал по опыту, что если вложить в отверстие что-нибудь непрозрачное, то это каким-то образом сразу станет известно Летчику, и он знал, что нет никакого смысла гадать, почему это происходит. Все равно что учить навигационному искусству десятидневного младенца, с грустью думал он иногда. Утешительно было считать, что сообразительности бы, наверное, ему хватило, но явно не хватало нескольких лет опыта обращения с подобными предметами.

– Чарлз Лэкленд слушает, – отрывисто заговорил аппарат, прервав ход его мыслей. – Это ты, Барл?

– Это Барленнан, Чарлз. – Командир говорил на языке Летчика; языком этим он владел теперь достаточно свободно.

– Рад тебя слышать. Ну как, правы мы были насчет этого ветерка?

– Он начался в предсказанное тобой время. Погоди… Да, вот и снег пошел. Я не заметил сначала. Правда, пока я не вижу пыли.

– Будет и пыль. Вулкан выбросил в атмосферу десяток кубических миль пыли, и ее разносит вот уже несколько дней.

На это Барленнан не сказал ничего. Вулкан, о котором шла речь, до сих пор оставался предметом спора между ними, ибо расположен был в той части Месклина, которая, согласно географическим представлениям Барленнана, попросту не существовала.

– Что мне действительно хотелось бы знать, Чарлз, так это сколько времени еще будет продолжаться нынешний ураган. Как я понимаю, твои собратья могут наблюдать его сверху, и им, наверное, известна его протяженность.

– Что, вам уже худо? Зима еще только началась… Вам придется пробыть здесь несколько тысяч дней, прежде чем вы сможете покинуть эти места.

– Я понимаю. Продовольствия у нас полным-полно. Но время от времени нам хотелось бы чего-нибудь свежего, и было бы недурно знать заранее, когда мы сможем пойти на охоту.

– Ясно. Боюсь, для этого нужен будет очень точный расчет времени. Я не был здесь прошлой зимой, но знаю, что бури в этих местах и в это время года не прекращаются. Ты был когда-нибудь раньше на экваторе?

– На чем?

– На… Это то самое, что вы называете Краем.

– Нет, никогда я не был так близко от него и не представляю, как можно подобраться к нему еще ближе. Мне кажется, если бы мы заплыли в этот океан еще дальше, мы бы окончательно потеряли вес и улетели бы в пустоту.

– Пусть тебя это не беспокоит, потому что это не так. Если бы вы продолжали плыть дальше, ваш вес снова начал бы увеличиваться. Вы сейчас как раз на экваторе – там, где вес наименьший. Именно поэтому я здесь. Но теперь я

понимаю, почему ты отказываешься поверить, что дальше к северу тоже есть и море, и суша. Когда мы говорили об этом раньше, я решил, что мы просто не поняли друг друга. Может, у тебя сейчас найдется время объяснить мне, как вы представляете себе устройство мира? Или, может, у тебя есть карты?

– Конечно. Здесь, на кормовом плоту, у меня есть Чаша. Только сейчас тебе ее не разглядеть, потому что солнце село, а при такой облачности света от Эсстеса слишком мало. Я тебе покажу ее, когда взойдет солнце. Мои плоские карты не годятся, ни на одной из них не показана вся территория, чтобы дать по-настоящему ясную картину.

– Ну что ж, прекрасно. А пока мы дожидаемся восхода, попробуй объяснить мне это на словах.

– Я не уверен, что владею твоим языком в достаточной мере, но попытаюсь… В школе меня учили, что Месклин представляет собой огромную пустую чашу. Большинство населения живет поближе к ее дну, где нормальная сила тяжести. Философы считают, что притяжение зависит от гигантской плоской плиты, на которой стоит Месклин; чем дальше мы отходим к Краю, тем меньше мы весим, потому что удаляемся от поверхности плиты. Никто не знает, на чем стоит сама плита; на этот счет у менее цивилизованных рас существует масса нелепейших верований.

– Мне думается, что, если бы ваши философы были правы, вам приходилось бы всякий раз, когда вы пускаетесь в путь от центра, взбираться вверх по склону, и все ваши океаны стекли бы к самой низкой точке, – заметил Лэкленд. – Ты спрашивал кого-нибудь из философов об этом?

– В молодости я видел картину, объясняющую всю эту механику, – отозвался командир. – Учитель показал нам схему, где было изображено множество линий, которые поднимались от поверхности плиты, изгибались и сходились точно над центром Месклина. Благодаря изгибам они проходили сквозь чашу не наискось, а перпендикулярно к ее поверхности, и учитель говорил, что вес действует вдоль этих

линий, а не прямо вниз к плите. Я не все там понял, но на практике все вполне оправдывается. Они утверждают, что эта теория верна, так как расстояния, нанесенные на карту, согласуются с рассчитанными по этой теории. Такое я могу понять; по-моему, доказательство убедительное. Если бы форма мира была иной, все вычисленные расстояния при удалении от исходного пункта, конечно, пошли бы насмарку.

– Ясно. Я вижу, твои философы сильны в геометрии. И я не понимаю, как они не сообразили, что существуют два варианта, при которых вычисленные расстояния могут соответствовать реальным. В конце концов, неужели ты сам не видишь, что поверхность Месклина изгибается вниз? Если бы ваша теория была справедлива, горизонт казался бы выше уровня глаз. Как насчет этого?

– А он и есть выше. Потому-то даже самые примитивные племена знают, что мир имеет форму чаши. Ведь это только здесь, у самого Края, он выглядит по-иному. Надо полагать, какую-то роль в этом играет свет. В конце концов, солнце здесь восходит и заходит даже летом, так что стоит ли удивляться, что и все остальное несколько необычно? Сам подумай, здесь даже, кажется будто этот... горизонт, так ты его называешь?... ближе с юга и с севера, чем с запада и востока. Если смотреть на запад и восток, корабль виден с более далекого расстояния. Это все свет.

– Гм. Сейчас мне пока что довольно трудно оспаривать твою точку зрения. – Барленнан не настолько хорошо знал язык Летчика, чтобы различить нотку веселья в его голосе. – Я никогда не был на поверхности далеко от... э... Края, и мне никогда не удастся побывать в таких местах. Я и не предполагал, что все обстоит так, как ты описываешь, да и сейчас не могу себе этого представить. Но я надеюсь в этом убедиться, когда ты возьмешь с собой в наше маленькое путешествие мой телепередатчик.

– Я с удовольствием послушаю, в чем же наши философы ошибаются, – вежливо сказал Барленнан. – Конечно, когда

ты будешь готов к этому. А пока мне хотелось бы узнать, сумеешь ли ты сказать мне, когда наступит затишье.

– Понадобится несколько минут, чтобы получить информацию с базы на Турее. Давай я снова свяжусь с тобой, когда взойдет солнце. Я передам тебе прогноз погоды, и будет уже достаточно светло, чтоб ты показал мне свою Чашу. Как ты считаешь?

– Превосходно. Я буду ждать.

Барленнан распластался на палубе тут же возле радио. Кругом по-прежнему завывала буря. Метановые дробинки, стучавшие по его бронированной спине, мало беспокоили его – в высоких широтах они были гораздо сильнее. Время от времени ему приходилось смахивать за борт наносы аммиака, которые непрерывно скапливались на плоту, но даже это не было особенно обременительным – пока, во всяком случае. Ближе к середине зимы, через пять или шесть тысяч дней, аммиак будет таять под ярким солнцем, а затем замерзать вновь. Вот тогда главное будет – вовремя освобождать корабль от жидкости перед ее повторным замерзанием, иначе команде Барленнана придется вырубать из смерзшегося песка все две сотни плотов. Все-таки «Бри» – не речное суденышко, а крупный океанский корабль.

Летчику действительно понадобилось всего несколько минут, чтобы получить необходимую информацию, и, когда тучи над заливом высветило восходящее солнце, его голос вновь зазвучал из крошечного аппарата.

– Боюсь, что я был прав, Барл. Просвета нигде не видно. Почти все северное полушарие – правда, это ни о чем не говорит тебе – бурлит испарениями полярной шапки. Я так понимаю, что бури там бушуют всю зиму. А то обстоятельство, что в высокие южные широты они приходят разрозненно, объясняется кориолисовым отклонением, которое они испытывают при прорыве через экватор...

– Чем объясняется?

– Той же самой силой, что отклоняет влево предмет, который ты бросаешь... Правда, я никогда не наблюдал этого

в здешних условиях, но на вашей планете такое отклонение должно быть особенно заметно…

– Что такое «бросаешь»?

– Черт возьми, действительно, этого слова у нас еще не было. Ну, вот я видел, как ты подпрыгнул… черт, этого тоже не было! Ну, когда ты приходил сюда, к моему укрытию… Ты помнишь это слово?

– Нет.

– Ладно. «Бросать» – это значит взять какой-нибудь предмет, поднять его и с силой оттолкнуть от себя так, что он некоторое время будет двигаться, прежде чем ударится о грунт.

– У нас в нормальных странах таких вещей не делают. Здесь мы можем позволить многое такое, что там невозможно или опасно. Приведись мне «бросать» что-нибудь дома, оно могло бы запросто упасть на кого-нибудь… возможно, на меня самого.

– Подумать только, ты прав. Это могло бы кончиться плохо. Плохо даже здесь, на экваторе, при трех g, а ведь на полюсах у вас около семисот g. Но все-таки, если бы ты нашел такой маленький предмет, который тебе было бы под силу бросить, разве ты не смог бы снова подхватить его или по крайней мере выдержать его удар?

– Мне трудно представить себе такую ситуацию, но, кажется, я знаю ответ на твой вопрос. Не хватит времени. Если что-нибудь роняют… или бросают, то оно падает на грунт прежде, чем его успевают подхватить. Одно дело – поднять и нести, одно дело – ползти, а вот бросать и… прыгать… это уже совершенно другое.

– Понимаю. Вернее, мне кажется, что понимаю. Мы вроде бы априорно предполагаем в вас быстроту реакции, соизмеримую с вашей силой тяжести, но тут, видимо, в нас говорит антропоморфизм. Кажется, до меня дошло.

– То, что я понял из твоих слов, звучит убедительно. Различия между нами очевидны и несомненны; возможно, мы никогда полностью не осознаем, насколько они велики. Но

все же у нас достаточно общего, чтобы вести беседы... и я надеюсь прийти к взаимовыгодному соглашению.

– Я убежден, что так и будет. Кстати, для этого тебе придется рассказать мне о тех местах, куда собираешься плыть ты, а я должен буду показать тебе на ваших картах то место, куда хочу направить тебя я. Нельзя ли взглянуть теперь на эту твою Чашу? Света для видеопередатчика уже вполне достаточно.

– Конечно. Чаша встроена в палубу, так что перемещать ее нельзя; мне придется придвинуть к ней машину. Погоди немного.

Цепляясь за крепежные планки на палубе, Барленнан медленно пополз через плот к участку, закрытому небольшим брезентом. Он стянул и убрал брезент, затем вернулся, привязал к аппарату четыре леера, которые закрепил на подходящих планках, и поволок его по палубе. Машина была меньше Барленнана, хотя весила значительно больше его, но командир принял все меры предосторожности, чтобы аппарат не сдуло. Буря продолжалась с прежней силой, так что даже палубу время от времени потряхивало. Придвинув «глаз» аппарата почти вплотную к Чаше, Барленнан подвел под другой его конец планку таким образом, чтобы Летчик мог смотреть сверху вниз. Затем он перебрался к противоположному краю Чаши и начал объяснения.

Лэкленду пришлось признать, что карта, нанесенная на внутреннюю поверхность Чаши, была довольно последовательной и точной. Как он и ожидал, ее кривизна в общем соответствовала кривизне планеты – главной ошибкой здесь было то, что в соответствии с представлениями местных аборигенов их Месклин был вогнутым. Чаша была примерно шести дюймов в диаметре и около дюйма с четвертью глубины в центре. От внешних воздействий ее защищала покрышка из прозрачного материала – видимо, льда, как подумал Лэкленд, – уложенная заподлицо с палубой. Покрышка немного мешала Барленнану показывать на карте

те или иные детали, но снять ее было нельзя, иначе аммиачный снег тотчас же забил бы Чашу до краев. Эти наносы скапливались в любых местах, укрытых от ветра. Берег был более или менее свободен от них, но и Лэкленд, и Барленнан представляли себе, что творится по ту сторону гряды холмов, протянувшейся на юге. Барленнан в глубине души радовался, что он моряк. Путешествовать в этих местах по суше в течение ближайших тысяч дней будет делом нешуточным.

– Я старался наносить на свои карты самые последние данные, – произнес командир, устроившись напротив аппарата. Правда, я не внес никаких изменений в карту Чаши, потому что новые районы, которые мы нанесли на карты по пути сюда, слишком незначительны по протяженности. И вообще я мало что могу показать тебе в деталях, но ведь тебе нужно только общее представление о тех местах, куда я намерен отправиться, как только мы выберемся отсюда. Честно говоря, мне безразлично, куда идти. Я могу продавать и покупать повсюду, а сейчас у меня на борту почти ничего нет, кроме продовольствия. Да и того к концу зимы останется не так уж много; поэтому после нашего давешнего разговора я решил немного поплавать по районам малого веса и сделать запас кое-каких растений, которые южное население ценит за их воздействие на вкус пищи.

– Специи?

– Да. Я и прежде их привозил, и мне они подходят – за один рейс можно получить хорошую прибыль; так всегда бывает с теми товарами, стоимость которых зависит не столько от действительной нужды в них, сколько от того, что они представляют собой редкость.

– Значит, после того как ты возьмешь груз, тебе будет все равно, куда идти, так я понимаю?

– Совершенно, верно. Судя по тому, что ты мне рассказывал, твое поручение приведет нас чуть ли не к самому Центру – и это хорошо. Чем дальше на юг, тем выше цены на

мой товар; и вряд ли путешествие будет опасней оттого, что оно станет длинней; к тому же ты обещал нам помогать...

– Да-да. Прекрасно... хотя я предпочел бы расплатиться с тобой по-настоящему, чтобы тебе не тратить времени на поиски и сбор этих растений...

– Что поделаешь, нам нужно кормиться. По твоим же словам, твое тело, а значит, и твоя пища состоит совсем из других веществ, чем наша, поэтому твоя еда вряд ли подойдет для нас. А что касается всего прочего, то, честно говоря, какое-нибудь сырье или металл я смог бы раздобыть в любых количествах более простыми путями. Лучше всего было бы заполучить у тебя некоторые из твоих механических приспособлений, но ведь ты говоришь, что их пришлось бы сначала специально переделывать, чтобы приспособить к нашим условиям. Вот и выходит, что лучше нашего соглашения пока ничего придумать нельзя.

– Вот именно. Даже этот радиоприемник сконструирован со специальной целью, да и починить бы его ты не смог... ведь у твоих соплеменников, если я не ошибаюсь, нет необходимых инструментов. Впрочем, об этом мы еще успеем поговорить в пути; наверное, когда мы познакомимся поближе, перед нами откроются другие, более широкие возможности.

– Я в этом уверен, – вежливо ответил Барленнан.

Он, конечно, ничего не сказал о возможностях, на которые рассчитывал сам. Вряд ли это понравилось бы Летчику.

2. Летчик

Прогноз Летчика оправдался: четыре сотни дней прошло, прежде чем буря начала заметно стихать. Пять раз за это время Летчик беседовал с Барленнаном по радио; начинал он всегда с короткого прогноза погоды, а затем на протяжении дня или двух разговаривал на более общие темы. Еще раньше, обучаясь языку этого странного существа и нанося ему персональные визиты в его резиденцию на

Холме у залива, Барленнан заметил, что оно ведет жизнь, которая, по всей видимости, подчиняется удивительно правильному ритму; он обнаружил, что можно с большой точностью предсказать, когда Летчик спит и ест, потому что все эти отправления совершались с периодичностью, составляющей около восьмидесяти дней. Барленнан не принадлежал к числу философов, он более или менее разделял распространенное мнение о них, как о далеких от жизни мечтателях, и он просто и без долгих раздумий отнес эти особенности за счет прочих странностей этого жуткого, но несомненно интереснейшего существа. В жизненном опыте месклинита ничто не наводило на мысль о существовании планеты, которая вращается вокруг своей оси в восемьдесят раз медленнее, чем его собственная.

Пятый радиовызов Лэкленда отличался от прежних и был более приятного свойства по нескольким причинам. Прежде всего он состоялся вне расписания; а удовольствие командиру он доставил тем, что содержал, наконец, благоприятный прогноз погоды.

– Барл! – позвал Летчик и, зная, что месклинит все время находится поблизости от аппарата, не дожидаясь ответа, продолжал: – Несколько минут назад меня вызвала база на Турее. На нас движется сравнительно безоблачная зона. Насчет ветра на базе не совсем уверены, но поверхность сквозь этот просвет просматривается, так что видимость должна быть хорошей. Можешь готовить своих охотников; их не сдует, нужно будет только подождать дней двадцать-тридцать после того, как небо очистится. Тогда здесь установится очень хорошая погода и продержится примерно сотню-другую дней. Меня заранее предупредят, когда охотникам нужно будет вернуться на корабль.

– А как мы передадим это предупреждение? Если я отдам им свой аппарат, мы с тобой не сможем говорить о текущих делах, а если не отдам...

– Об этом я позаботился, – прервал его Лэкленд. – Как только станет потише, сразу же приходи ко мне. Я передам

тебе еще один аппарат... и вообще лучше, если у тебя их будет несколько. Путешествие, которое ты совершишь для нас, вероятно, будет опасным, да и долгим, уж мне-то это известно. Тридцать с лишним тысяч миль по прямой, как ворон летит, и мы еще понятия не имеем, сколько из них вам придется проплыть, а сколько – пройти по суше.

Из-за оговорки Лэкленда они отклонились от темы: Барленнан спросил, что такое ворон и что значит летать. Справиться с первым вопросом было легче. Но освоиться с мыслью о живом существе, которое летает само по себе, оказалось для Барленнана еще труднее, чем с мыслью о бросании. И она ужаснула его еще больше. То, что у него на глазах передвигался по воздуху Лэкленд, представлялось ему совершенно противоестественным, и он никак не мог к этому привыкнуть. И в какой-то степени Лэкленд его понимал.

– Вот что я хочу тебе предложить, – сказал он. – Когда небо очистится и станет возможной безопасная посадка, мне пришлют сюда транспортный механизм. Если ты посмотришь, как садится ракета, тебе будет легче свыкнуться с самой идеей полета.

– Может быть, – нерешительно проговорил Барленнан. – Но мне что-то не хочется смотреть, как садится твоя ракета. Я, знаешь ли, однажды уже видел и... Я бы не хотел, чтобы в это время со мной был кто-нибудь из команды.

– Почему? Думаешь, они бы до смерти испугались?

– Нет, – честно ответил месклинит. – Просто я не хочу, чтобы они видели, как испугаюсь я.

– Ты меня удивляешь, командир, – сказал Лэкленд, стараясь говорить в шутливом тоне. – Впрочем, я понимаю твои чувства и заверяю тебя, что ракета над тобой не пройдет. Чтобы этого не случилось, я сам буду направлять пилота по радио, если ты согласишься подождать у стены моего купола.

– Но все-таки она пройдет близко от зенита...

– Довольно далеко, обещаю тебе. И это не только для твоего спокойствия, но и для моей безопасности. Чтобы сесть

на эту планету даже здесь, на экваторе, дюзы должны работать на полную мощность. Уверяю тебя, я вовсе не желаю, чтобы струи пламени ударили по моему куполу.

– Хорошо, я приду. Как ты сказал, лучше, если у меня будет несколько радиоаппаратов. А что такое «транспортный механизм»?

– Это машина, которая будет возить меня по суше, как твой корабль плавает по волнам. Ты увидишь ее через несколько дней или даже через несколько часов.

Барленнан не стал спрашивать, что означает это новое слово, поскольку общий смысл последней фразы был понятен и без того.

– Я приду и посмотрю, – пообещал он.

Друзья Летчика на внутренней луне Месклина предсказали погоду точно. Едва командир, припавший к палубе на корме своего корабля, отсчитал десяток солнечных восходов, как небо начало проясняться, а ветер ослабевать. Это были верные признаки приближения «глаза» тайфуна. Теперь на основании собственного опыта он знал, что спокойный период продлится, как и утверждал Летчик, одну-две сотни дней.

Командир привлек внимание экипажа свистом, который разорвал бы Лэкленду барабанные перепонки, будь тот способен слышать звуки такой высоты, и принялся отдавать приказания.

– В поле выйдут два охотничьих отряда одновременно. Один отряд поведет Дондрагмер, другой – Меркус. Каждый возьмет девять матросов по своему выбору. Я останусь на корабле для связи – Летчик собирается передать нам еще несколько говорящих машин. Как только небо очистится окончательно, я отправлюсь за ними к Холму Летчика; машины и другое нужное имущество доставят его друзья сверху, поэтому до моего возвращения всем оставаться у корабля. Через тридцать дней после моего ухода будьте готовы к выступлению.

– А вы не слишком торопитесь, командир? Ведь ветер будет еще очень сильный.

Помощник был хорошим другом, и потому вопрос его не показался Барленнану неуместным, хотя иных командиров подобное замечание насчет их решения привело бы в ярость. Барленнан помахал клешнями, что у месклинитов соответствовало улыбке.

– Ты, конечно, прав. Но я не хочу тратить время зря. К тому же до Холма Летчика всего одна миля.

– И все-таки…

– Более того, он расположен в подветренном направлении. У нас в кладовых много миль канатов; я привяжу два каната к своей сбруе, и двое матросов, например Тербланнен и Харс, под твоим, Дон, надзором будут вытравливать их по мере моего продвижения. Возможно – и даже почти наверняка – меня собьет с ног, но, если бы ветер был способен наброситься на меня с такой силой, что лопнула бы добрая морская снасть, наш «Бри» давно бы уже отнесло далеко от моря.

– И все-таки, даже если вас просто собьет… или вдруг поднимет… – Дондрагмера мучило беспокойство, и мысль, которую он высказал вслух, заставила дрогнуть даже командира.

– Падение… да. Но не забывай, здесь мы в двух шагах от Края… на самом Краю, как говорит Летчик, и когда я взглянул на север с вершины его Холма, я ему поверил. Как многие из вас уже поняли исходя из собственного опыта, падение здесь ничего не значит.

– Однако вы сами приказали нам вести себя так, как если бы у нас был нормальный вес, чтобы мы не обрели привычек, которые могут оказаться пагубными по возвращении в обитаемые страны.

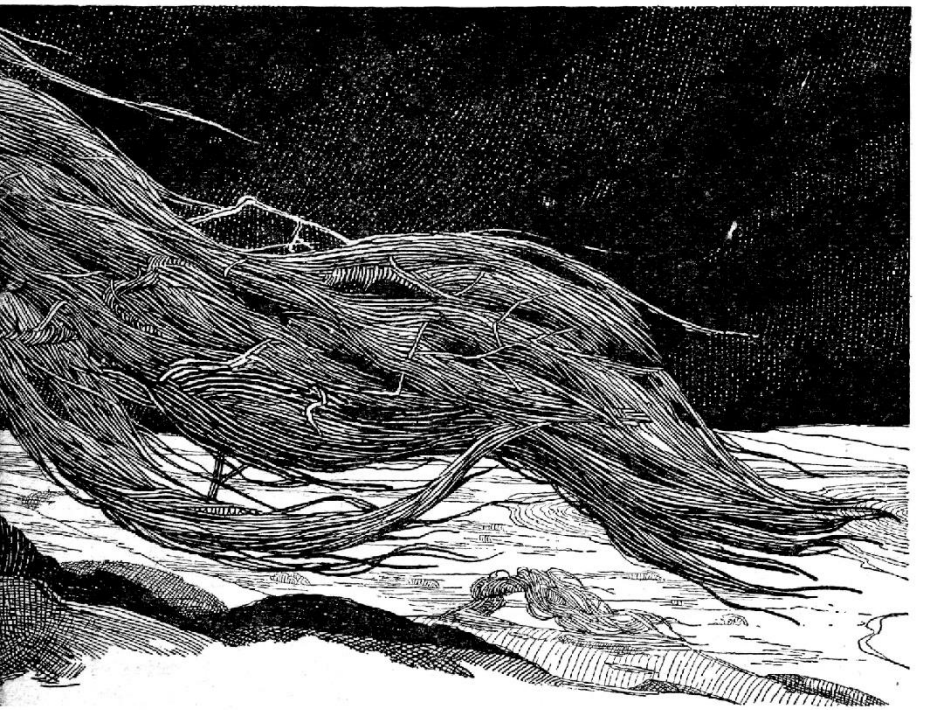
– Правильно. Это и не сделается привычкой, поскольку в нормальных странах никакому ветру меня не поднять. Одним словом, будет так, как я сказал. Пусть Тербланнен и Харс проверят канаты… нет, сам проверь. На это потребуется

много времени. Вот пока и все. Вахте под брезентами – отдыхать. Вахте на палубе – проверить якоря и крепления.

Дондрагмер, начальник палубной вахты, понял, что разговор окончен, и принялся за выполнение приказа с присущей ему энергией и деловитостью. Помимо всего прочего, он послал матросов вычистить снег, набившийся между плотами: как и капитан, он ясно представлял себе возможные последствия оттепелей с заморозками. Барленнан же сидел, расслабившись и с грустью спрашивал себя, кому из своих предков он обязан способностью попадать в неприятные ситуации, из которых невозможно выпутаться с честью.

Идея насчет канатов возникла у него совершенно самопроизвольно, и прошло несколько дней, прежде чем аргументация, которую он выдвигал перед помощником, стала звучать убедительно для него самого. Тучи тем временем исчезли, но он все еще чувствовал себя неважно, когда спустился на снег у носовых плотов, бросил последний взгляд назад на двух своих самых могучих матросов и на канаты, которые они держали, и пустился в путь по вылизанному ветром берегу.

Впрочем, все оказалось не так уж плохо. Вначале канаты слегка оттягивали его вверх, поскольку палуба на несколько дюймов возвышалась над уровнем грунта, но береговой уклон быстро скомпенсировал это неудобство. Деревья, которые столь честно служили кораблю в качестве швартовочных опор, по мере удаления от моря росли все гуще и гуще.



Это были низкие, будто придавленные растения с широко растопыренными щупальцами-сучьями и короткими толстыми стволами, в общем подобные деревьям на знакомых ему просторах далеко на юге Месклина. Правда, тяжесть здесь была в двести раз меньше, чем в полярных районах, и ветвям было легче, так что кое-где они поднимались вверх, совершенно не касаясь почвы. Деревья росли настолько тесно, что в конце концов соседние кроны стали переплетаться в путаницу коричневых и черных ветвей, образуя превосходную опору для движения. Через некоторое время Барленнан обнаружил, что можно карабкаться к Холму, цепляясь передними клешнями, разжимая задние и выбрасывая гусеницеподобное тело вперед, на манер червяка-землемера. Ветки немного мешали ему, но и ветки и крупные сучья были довольно гладкими и не являлись серьезным препятствием.

После первых двухсот ярдов берег стал подниматься довольно круто, и на середине пути Барленнан был уже на шесть футов выше уровня палубы «Бри». Отсюда можно было разглядеть Холм Летчика даже тому, у кого глаза едва выступали над грунтом, как это было у месклинитов; по обыкновению, командир остановился, чтобы окинуть взглядом окрестности.

Оставшиеся полмили пролегали через бело-черно-коричневую путаницу крон, подобную той, которую он оставил позади. Растительность здесь была еще гуще, а снегу – еще больше, и впереди не было заметно участков обнаженного грунта.

Над заросшей равниной маячил Холм Летчика. Месклиниту стоило больших усилий видеть в нем искусственное сооружение – отчасти из-за его чудовищных размеров, а отчасти потому, что любая крыша, если это не легкий отрезок ткани, была совершенно чужда его понятиям об архитектуре. Это был сверкающий металлический купол, почти правильная полусфера около двадцати футов высотой и сорока футов в диаметре. В стенах купола имелось множество обширных участков прозрачного материала, а также два цилиндрических выступа с дверями. По словам Летчика, двери эти были сконструированы таким образом, что через них можно было проходить, не выпуская воздух. Дверные проемы были, конечно, достаточно велики для этого странного гиганта. К одному из нижних окон поднимался трап, который давал Барленнану возможность вскарабкаться наверх и заглянуть внутрь через стекло. Командир провел на этом трапе немало времени, пока осваивал язык Летчика; он всласть нагляделся на странные приборы и предметы обихода, заполнявшие сооружение, хотя понятия не имел, для чего служит большинство этих предметов. Сам Летчик, по-видимому, был амфибией во всяком случае, большую часть времени он проводил в баке с жидкостью. Принимая во внимание его размеры, этого и следовало ожидать. Барленнан не знал ни одного живого существа на Месклине

крупнее себя, которое не было бы обитателем океана или озера, хотя он сознавал, что если дело только в весе, то они могут существовать здесь, в обширных и малоисследованных областях у Края Света. Он надеялся, что никого из них не встретит – по крайней мере пока он будет на суше. Размеры означали вес, а жизненный опыт не позволял ему пренебрежительно относиться к весу, как к источнику опасности.

Возле купола не было ничего, кроме вездесущей растительности. По-видимому, ракета еще не прибыла, и на мгновение Барленнану захотелось подождать здесь ее прибытия. Она, конечно, опустится по ту сторону Холма – если бы Барленнан не явился, об этом бы позаботился Летчик. Однако, с другой стороны, ничто не помешает снижающемуся

кораблю пройти как раз над ним; Лэкленд тут бессилен, ведь он не знает в точности, где сейчас находится Барленнан. Мало кому из землян удалось бы с расстояния в полмили заметить существо пятнадцати дюймов длиной и двух толщиной, ползущее через заросли. Нет уж, лучше следовать совету Летчика и двинуться прямо к Куполу. И командир пополз дальше, по-прежнему волоча за собой тросы.

Он проделал это путешествие довольно быстро, хотя немного задержался из-за периодических наступлений темноты. Была как раз ночь, когда он добрался до цели, но это уже не имело значения, потому что последний участок пути был озарен светом, падающим из окон купола. Впрочем, к тому времени, когда он закрепил канаты, вскарабкался по трапу и удобно устроился у окна, над горизонтом слева от него взошло солнце. Облаков на небе почти не осталось, и Барленнан мог бы рассмотреть за окном все, даже если бы свет внутри был выключен.

Лэкленда в этой комнате не оказалось, и месклинит нажал на крошечную кнопку, вмонтированную в трап. Из громкоговорителя немедленно отозвался голос Летчика.

– Рад, что ты уже здесь, Барл. Я не разрешил Маку садиться, пока ты не придешь. Сейчас я дам команду, и к следующему восходу он будет здесь.

– Где он сейчас? На Турее?

– Нет. Он дрейфует у внутреннего края кольца на высоте всего в шестьсот миль. Он вышел туда задолго до того, как кончилась буря, так что не воображай, будто ему пришлось тебя ждать. А пока мы ждем его, я вынесу тебе радиоаппараты, которые обещал.

– Я здесь один, и будет лучше, если ты сейчас вынесешь только один аппарат. Их очень неудобно тащить, хотя они, конечно, совсем не тяжелые.

– Может, лучше сейчас этим не заниматься, а подождать вездеход, тогда я смогу отвезти тебя назад, к твоему кораблю... Вездеход хорошо изолирован, так что даже если ты

будешь не внутри, а снаружи, ничего страшного не произойдет ни с тобой, ни с нами. Как ты на это смотришь?

– Прекрасно. Ну, а пока поупражняемся в языке, или ты покажешь мне еще какой-нибудь фильм про те места, откуда ты родом?

– У меня есть кое-какие фильмы. Несколько минут уйдет, чтобы зарядить проектор. Значит, когда все будет готово, уже порядочно стемнеет. Одну минуту... Я перейду в комнату отдыха.

Громкоговоритель замолк, и Барленнан уставился на дверь, видневшуюся в глубине комнаты. Через несколько секунд появился Летчик – он передвигался, как всегда, в вертикальном положении, с помощью искусственных ног, которые он называл костылями. Он приблизился к окну, кивнул массивной головой своему крошечному гостю и повернулся к кинопроектору. Экран, на который была нацелена машина, находился прямо против окна, и Барленнан, следя одной парой глаз за действиями человека, принялся устраиваться поудобнее. Он молча ждал; солнце лениво проползало по небу над его головой. Под лучами солнца было тепло и приятно, хотя для оттепели тепла было недостаточно: мешал непрекращающийся ветер с северной полярной шапки. Барленнан погрузился в полудремоту, а тем временем Лэкленд закончил возню с машиной, проковылял к релаксационному баку и забрался в него. Барленнан так и не заметил на поверхности жидкости эластичной водоотталкивающей пленки. Если бы он ее заметил, ему пришлось бы отказаться от теории амфибийной природы человеческих существ. Распластавшись в баке, Лэкленд протянул руку к небольшому пульту и щелкнул двумя переключателями. Свет в комнате погас, заработал кинопроектор. Фильм был пятнадцатиминутным, но он еще не закончился, когда Лэкленд объявил, что ракета сейчас сядет, выбрался из бака и взялся за костыли.

– Будешь наблюдать посадку или тебе хочется досмотреть фильм? – спросил он. – К концу фильма Мак, вероятно, будет уже на грунте.

Барленнан неохотно оторвался от экрана.

– Мне бы очень хотелось досмотреть, но лучше будет, если я начну понемногу привыкать к виду летающих предметов, – сказал он. – С какой стороны она появится?

– Скорее всего, с востока. Я дал Маку подробный план нашей местности; да к тому же у него есть фотографии, и вообще заход с этого направления для него всего удобнее. Боюсь, что сейчас тебе мешает солнце, но он пока еще на высоте около сорока миль... Высматривай его где-то над солнцем.

Барленнан последовал этому совету и стал ждать. Примерно с минуту он ничего не видел; затем градусах в двадцати выше солнца он уловил металлический блеск.

– Высота десять... расстояние по горизонтали – примерно столько же, – в ту же секунду сообщил Лэкленд. – Я вижу его у себя на обзорном экране.

Блестящая точка сверкала все ярче, направление было выдержано точно – ракета шла прямо на купол. Через минуту она была уже так близко, что можно было бы разглядеть детали, если бы не ослепительное сияние восходящего солнца. На какое-то время Мак завис в миле над поверхностью и в миле к востоку от станции; и когда Белн передвинулся, Барленнан увидел на цилиндрическом корпусе иллюминаторы и отверстия дюз. Ветер к этому времени почти утих, но оттуда, где струя пламени била в грунт, потянул тепловатый бриз, принесший запах тающего аммиака. Капли вязкой жидкости шлепались о глазные капсулы Барленнана, но он не сводил глаз с медленно снижающейся металлической массы. Его мускулы напряглись до предела, «руки» были плотно прижаты к бокам, клешни сжались с такой силой, что могли бы перекусить стальную проволоку, и в каждом сегменте его тела бешено бились сердца. Вероятно, у него и дыханье бы сперло, если бы его дыхательный

аппарат хоть сколько-нибудь напоминал человеческие легкие. Разумом он понимал, что ракета не упадет, он твердил себе, что она просто не может упасть: но он вырос в тех местах, где падение с высоты каких-нибудь шести дюймов обычно грозило гибелью даже невероятно прочным телам месклинитов, и держать свои чувства в узде ему было нелегко. Подсознательно он ждал, что металлический снаряд вот-вот исчезнет из виду и через мгновение появится внизу, на грунте, в виде бесформенной расплющенной лепешки, но пока ракету отделяли от поверхности сотни футов...

На грунте под ракетой уже не осталось снега, и черные заросли внезапно были охвачены пламенем. Черный пепел разметало ветром, и даже сам грунт засветился. Это длилось лишь мгновение, а потом сверкающий цилиндр мягко опустился в центре выжженного пятна. Еще через несколько секунд разом оборвался громоподобный гул, который грохотал сильнее, нежели все ураганы Месклина. Барленнан расслабил ноющие от напряжения мышцы и стал сжимать и разжимать клешни, чтобы избавиться от судороги.

– Подожди немного, я сейчас выйду с аппаратами, – сказал Лэкленд. Командир не заметил, как он ушел из комнаты. – Мак пригонит вездеход сюда, и пока я влезаю в скафандр, ты можешь на него посмотреть.

Барленнан увидел, как откинулся грузовой люк, и машина выползла наружу; он хорошо рассмотрел ее и решил, что понял в ней все – только ему был неясен источник силы, которая приводила в движение гусеничные передачи. Машина была велика, в ней бы уместились несколько соплеменников Летчика. Этому могли бы помешать разве что какие-нибудь механизмы внутри. Как и купол, она была снабжена множеством больших окон; сквозь одно из них в передней части командир разглядел облаченную в броню фигуру другого Летчика, который, видимо, ею управлял. Машина все еще была в миле от купола, и на таком расстоянии двигатель совсем не был слышен.

Она успела пройти лишь небольшую часть этого пути, когда солнце зашло, и детали стали неразличимыми. Эсстес, малое солнце, был еще в небе и светил ярче, чем полная луна на Земле, но зрительные возможности Барленнана имели свои пределы. Ничем не помог и яркий луч света, протянувшийся от вездехода к куполу. Барленнан ждал. Все равно машина была еще слишком далеко, чтобы можно было рассмотреть ее во всех подробностях даже при дневном свете, а к восходу солнца она уже несомненно будет у Холма.

Конечно, может, и тогда придется подождать. Может быть, Летчики воспротивятся и не дадут ему обследовать механизмы так, как ему бы хотелось.

3. Оторваться от грунта

Почти в ту же минуту, когда взошел Белн, к куполу подкатил танк, а из тамбура появился Лэкленд. Машина остановилась всего в двух ярдах от трапа, на котором расположился Барленнан. Водитель тоже выбрался наружу, люди стояли и беседовали совсем рядом с месклинитом. Командир не понимал, почему они не уходят в купол, чтобы прилечь там – и тот, и другой явно страдали от гравитации Месклина; однако новоприбывший отклонял приглашение Лэкленда.

– С удовольствием погостил бы у тебя, – ответил он, – но скажи по чести, Чарли, разве ты сам остался бы на этой жуткой планете хоть на секунду дольше, чем требуется?

– Ну, если на то пошло, я почти с тем же успехом мог бы выполнять свое задание, находясь не здесь, а на Турее… или в корабле на свободной орбите, – возразил Лэкленд. – Но я придаю большое значение личным контактам. Мне очень хочется узнать побольше о сородичах Барленнана – мы ведь даем ему так мало по сравнению с тем, что рассчитываем от него получить, и было бы славно, если бы мы смогли еще что-то сделать для него. Кроме того, ему сейчас нелегко, и

кто-то из нас обязательно должен быть рядом с ним; это очень важно и для него, и для нас.

– Не совсем понимаю тебя.

– Барленнан – морской бродяга, что-то вроде вольного торговца-первопроходца. Он забрался далеко за пределы тех мест, где обычно живут и путешествуют его соотечественники. Он остался здесь на всю южную зиму, когда испарение северной полярной шапки вызывает в экваториальном поясе такие бури, что расскажешь – никто не поверит, бури, каких ни он, ни мы в жизни никогда не видывали. А теперь попробуй прикинуть, сколько у нас шансов найти другого партнера для контакта, если с ним что-либо случится. Не забывай, они живут в гравитационном поле, которое от двухсот до семисот раз мощнее нашего земного. Не следовать же нам за ним на его родину для знакомства с его родственниками! Мало того, не наберется, вероятно, и сотни его соплеменников, которые не только заняты тем же делом, что и он, но и достаточно смелы, чтобы так далеко уходить от привычных мест. Так много ли у нас шансов натолкнуться еще на одного из этой сотни? Допустим, этот океан они посещают чаще всего; один только его рукав, от которого ответвляется этот вот залив, тянется на шесть тысяч миль в длину и на две тысячи в ширину – да еще при такой изрезанной береговой линии. А засечь их корабль сверху – все равно, на море или на суше... «Бри» Барленнана имеет длину около сорока футов и втрое уже, а ведь это один из их самых крупных океанских кораблей. Причем, вряд ли корабли выступают над водой более чем на три дюйма. Нет, Мак, наша встреча с Барленнаном была невероятной удачей; и на другую такую удачу я не рассчитываю. И ради этого стоит проторчать при тройной силе тяжести все пять месяцев до наступления южной весны. Конечно, если спасение аппаратуры на два миллиарда долларов тебе угодно поставить в зависимость от сомнительных результатов поиска на территории в тысячу миль шириной и полтораста тысяч длиной...

– Теперь мне все понятно, – проговорил гость. – Но все же я рад, что торчать здесь приходится тебе, а не мне. Конечно, если бы я знал Барленнана лучше… – Они повернулись к крошечному гусеницеподобному существу, распластавшемуся на трапе.

– Барл, извини, пожалуйста, я был невежлив и не представил тебе Уэйда Маклеллана, – сказал Лэкленд. – Уэйд, познакомься с Барленнаном, капитаном «Бри» и искуснейшим мореходом своей планеты – он так не отрекомендовался, но само его пребывание здесь – достаточное тому доказательство.

– Рад познакомиться с тобой, Летчик Маклеллан, – отозвался месклинит. – Никаких извинений не требуется, поскольку у меня есть все основания полагать, что ваша беседа предназначалась также и для моих ушей. – Он приветственным жестом раскрыл клешни. – Я уже имел случай выразить свое глубокое удовлетворение по поводу счастливой случайности, которая нас свела, и мне остается только надеяться, что я выполню свои обязательства по нашему договору столь же успешно, как, без сомнения, и ваша сторона выполняет свои.

– Ты замечательно говоришь по-английски, – заметил Маклеллан. – Неужели ты действительно научился меньше чем за шесть недель?

– Я не совсем хорошо представляю себе продолжительность «недели», но с момента встречи с твоим другом прошло меньше трех тысяч пятисот дней, – ответил командир. – Конечно, я легко усваиваю языки – это совершенно необходимо при моем роде занятий; и потом очень помогли фильмы, которые показал мне Чарлз.

– Нам еще посчастливилось, что ты можешь воспроизводить все звуки нашего языка. У нас иногда бывают с этим серьезные затруднения.

– Именно поэтому я учил ваш английский, а не наоборот. Как я понимаю, многие наши звуки слишком высоки для ваших голосовых связок. – Барленнан воздержался от

упоминания о том, что с соплеменниками он разговаривал обычно в тонах, тоже слишком высоких для ушей землян. Возможно, Лэкленд этого еще не заметил, а даже самый честный торговец хорошенько подумает, прежде чем раскроет перед партнером все свои преимущества. – Но я думаю, и Чарлз немного научился нашему языку, пока наблюдал и слушал нас при помощи аппарата, который находится сейчас на «Бри».

– Очень немного, – признался Лэкленд. – Должен сказать, у тебя на редкость хорошо обученная команда. Ведь большая часть повседневной работы на борту производится без всяких приказаний. А из разговоров, которые ты иногда ведешь со своими матросами и которые никакими действиями не сопровождаются, ничего понять невозможно.

– Ты имеешь в виду мои разговоры с Дондрагмером или с Меркусом? Да, это мои первый и второй помощники, и с ними я говорю чаще всего.

– Послушай, не сочти это за оскорбление, но я совершенно не способен отличить одного из твоих соотечественников от другого. Я просто не знаю пока, чем вы друг от друга отличаетесь.

Барленнан чуть не рассмеялся.

– Ну, у меня положение еще хуже. Я до сих пор не уверен, видел ли я тебя когда-либо без этих твоих искусственных оболочек.

– Ладно, давай все-таки вернемся к делам – мы и так потратили слишком много драгоценного дневного времени. Мак, я полагаю, что ты не прочь вернуться к ракете и поскорее убраться туда, где вес не играет роли и люди чувствуют себя воздушными шариками. Когда будешь там, проследи, чтобы приемопередатчики, обеспечивающие контакт с нашими четырьмя аппаратами, находились друг от друга в пределах слышимости. Наверное, не стоит соединять их проводами, но ребята собираются на какое-то время использовать их для связи между отдельными группами, а эти аппараты работают на разных частотах. Барл, я оставил

аппараты у входа в тамбур. Если никто не возражает, давайте сделаем так: я помещу тебя вместе с аппаратами на верхнюю площадку вездехода, мы отвезем Мака к ракете, а потом я доставлю тебя и аппараты на «Бри».

И, прежде чем кто-либо успел ему ответить, Лэкленд принялся за дело; в результате Барленнан едва не свихнулся от страха.

Бронированная рука Летчика протянулась и подхватила крошечное тело месклинита. На какое-то мгновение у Барленнана душа ушла в пятки, и он почувствовал, что висит в нескольких футах над грунтом; затем его положили на плоскую крышу машины. Его клешни судорожно и бестолково скребли по гладкому металлу в поисках опоры, десятки ног-присосков намертво впились в металлическую поверхность; в его глазах светился непереносимый ужас перед пустотой, разверзающейся вокруг него за бортами, совсем рядом. Долгие секунды, а может, даже целую минуту он не мог произнести ни звука; а когда он все-таки заговорил, его уже не было слышно. Он находился слишком далеко от микрофона на трапе – с такого расстояния, как он знал по опыту, никто не разобрал бы ни слова из того, что он говорит; но даже и в этот страшный миг он помнил о том, что сиреноподобный рев предсмертного ужаса, который ему так хотелось испустить, столь же отчетливо услышат и на борту «Бри», поскольку там тоже есть радиоаппарат.

И тогда на «Бри» пришлось бы избрать нового капитана. Уважение к его личной храбрости было единственной силой, которая пригнала его команду в эти бурные области на Краю Света. Если уважение исчезнет, он лишится и команды, и корабля, и, в сущности, самой жизни. Трусов на океанских кораблях не терпят ни в каком качестве; и, хотя его родина находилась на этом же материковом массиве, нечего было и думать пройти по сухопутью сорок тысяч миль по береговой линии.

Соображения эти не вылились в его сознании в отчетливую форму, но он инстинктивно молчал, пока Лэкленд

подбирал аппараты и вместе с Маклелланом забирался внутрь танка. Металлическая махина слегка дрогнула, когда захлопнулась дверца, и через мгновение сдвинулась с места. И тогда с аборигеном произошло нечто странное.

Он мог – и, возможно, должен был – свихнуться от страха. Его ощущения весьма приблизительно напоминали ощущения человека, висящего на одной руке на высоте в сорок этажей над каменной мостовой.

Но он не свихнулся. По крайней мере в общепринятом смысле этого слова. Голова у него была такая же ясная, как прежде, и мало кто из его друзей на какое-то время мог бы обнаружить в нем какую-либо перемену. Может, на какое-то время человек, лучше знающий месклинитов, чем Лэкленд, мог бы заподозрить, что командир слегка пьян; потом прошло даже это.

И вместе с тем прошел страх. Он вдруг понял, что почти спокоен – и это в нескольких футах над грунтом! Конечно, он держался изо всех сил; но потом он даже припомнил, что ему тогда пришло в голову: как это хорошо все-таки, что ветер продолжает стихать, хотя держаться ногами-присосками за гладкий металл необычайно удобно. И поразительно, что в таком положении ему было даже приятно оглядывать окрестности с высоты. Смотреть на вещи сверху вниз было удобно; отсюда открывались взгляду такие обширные просторы. Это было похоже на карту; Барленнану никогда раньше не приходило в голову, что карта – это вид сверху.

Его наполнило пьянящее чувство триумфа. Когда вездеход остановился перед ракетой, месклинит чуть ли не игриво помахал клешнями Маклеллану, который выбрался из танка, освещенный сиянием фар, и ощутил необыкновенную радость, когда тот помахал в ответ рукой. Танк тут же свернул влево и двинулся по направлению к берегу, где находился «Бри». Помня, что Барленнан ничем не защищен, Мак заботливо выждал, пока машина не удалилась на целую милю, и только тогда поднял ракету в воздух. При

виде гигантского снаряда, медленно всплывающего в небо без всякой видимой опоры, у Барленнана на мгновение воскресли прежние страхи, но он решительно подавил в себе это чувство и нарочно не спускал с ракеты глаз, пока она не исчезла из виду в лучах заходящего солнца.

Лэкленд тоже следил за взлетом ракеты; но, когда светящаяся точка исчезла, он, не теряя времени, кратчайшим путем погнал танк к «Бри». В сотне ярдов от корабля он предупредительно затормозил, но все же подъехал достаточно близко, чтобы ошарашенные месклиниты, столпившиеся на палубе, разглядели на крыше машины своего командира. Если бы Лэкленд появился перед ними с головой Барленнана на шесте, это вызвало бы, наверное, меньшее смятение.

Даже Дондрагмер, самый умный и уравновешенный из команды «Бри» (не исключая и самого командира), был на какое-то время совершенно парализован этим зрелищем; придя в себя, он первым делом взглянул в сторону баков с огненным порошком и «мехов» на внешних плотах. К счастью для Барленнана, вездеход находился не с подветренной стороны, ибо температура была, как обычно, ниже точки плавления хлора в баках, и, если бы позволило направление ветра, помощник послал бы на танк огненное облако, даже не подумав о том, что капитан жив.

Когда дверца вездехода распахнулась и появилась закованная в броню фигура Лэкленда, в толпе моряков возник глухой ропот. Образ жизни этих полуторговцев-полупиратов привел к тому, что в их рядах остались только те, кто в любой момент с охотой и без всяких колебаний кидается в бой при малейшем намеке на опасность, угрожающую любому из них: трусы от них, ушли давно, а эгоисты погибли. Единственное, что спасло Лэкленда, когда он вылез из машины, был рефлекс – они не привыкли прыгать сразу на сто ярдов, хотя даже от слабейших из них потребовалось бы здесь лишь незначительное напряжение мускулатуры. Ползком, как они это делали всю жизнь, красно-черной волной они хлынули с плотов и потекли через пляж к машине

чужака. Лэкленд видел, что они приближаются, но он настолько заблуждался относительно их намерений, что даже не торопился, когда протянул руку к крышке вездехода, подхватил Барленнана и поставил его на грунт. Затем он снова сунулся в машину, достал обещанные радиоаппараты и положил их на песок рядом с командиром; только к этому времени до команды дошло, что их капитан жив и, по всей видимости, здоров. Лавина в замешательстве остановилась на полпути между кораблем и транспортером; Лэкленд услышал в наушниках настоящую какофонию голосов – от необыкновенно низкого баса до самых высоких нот, какие только мог воспроизвести громкоговоритель. Хотя Лэкленд в свое время изо всех сил пытался изучить язык аборигенов, ему не удалось понять ни слова из того, что вопила толпа. Впрочем, для его душевного спокойствия это было не так уж плохо; он давно знал, что даже броня, способная противостоять атмосферному давлению на Месклине, в восемь раз превосходящему земное, не устоит перед клешнями месклинитов.

Барленнан перекрыл галдеж ревом, который, вероятно, донесся бы до Лэкленда, если бы не оглушил его, вырвавшись из наушников. Командир прекрасно понимал состояние умов своей команды и не имел ни малейшего желания увидеть Лэкленда разорванным на дюжину кусков.

– Молчать! – В действительности Барленнан испытывал к команде буквально человеческую признательность за ее реакцию на опасность, которой он якобы подвергался, но сейчас было не время для изъявления благодарности. – Вы уже достаточно валяли дурака в этих местах, где нет веса, и должны были понимать, что я вне опасности!

– Но вы же запретили…

– Мы думали…

– Вы были наверху…

Капитан оборвал хор возражений:

– Да, я запретил подобные действия, и я вам уже объяснил, почему. Когда мы вернемся к нормальному весу и к

приличному образу жизни, у нас не должно остаться привычек, которые могли бы по легкомыслию привести нас к таким поступкам, как этот... – Взмахом клешни он указал на крышу танка. – Вам всем известно, что сопутствует нормальному весу; но Летчику это не известно. Он поместил меня туда и, как вы сами видели, снял оттуда, не подумав об этом. Он явился к нам из мест, где практически совсем нет веса; где, как я понимаю, он может падать сколько угодно с высоты своего роста, не причиняя себе никакого вреда. Вы видите это своими глазами: если бы он испытывал должные ощущения в отношении высоты, как бы он мог летать?

Большинство слушателей Барленнана во время его речи зарылось в песок своими короткими ножками, как бы стараясь получше закрепиться в нем. Сомнительно, чтобы они полностью переварили слова командира, не говоря уже о том, чтобы поверить ему. Но так или иначе, а они отвлеклись от намерений, которые питали в отношении Лэкленда. Толпа снова смутно загудела, но теперь в ее гуле звучало скорее изумление, нежели ярость. Только Дондрагмер в отличие от прочих хранил молчание; и капитан понял, что должен будет дать своему помощнику более тщательный и подробный отчет о своих похождениях. Воображение у Дондрагмера дополняется могучим интеллектом, и, вероятно, он уже раздумывает, какое воздействие могли оказать такие переживания на нервную систему Барленнана. Что ж, в свое время на это можно будет потратить время, а сейчас нужно было заняться командой.

– Охотничьи отряды готовы? – Слова Барленнана вновь перекрыли гомон.

– Мы еще не поели, – смущенно отозвался Меркус. – Но все остальное – сети и оружие – в порядке.

– Что с едой?

– Будет через день, командир, – пробормотал кок Карондрасс и, не ожидая дальнейших приказаний, пополз обратно к кораблю.

– Дон, Меркус. Вот радиоаппараты. Каждый из вас возьмет по одному. Вы видели, как я пользовался таким аппаратом на корабле, – нужно только быть поближе к нему, когда ведешь разговор. Имея эти аппараты, вы со своими отрядами можете отойти друг от друга как угодно далеко: начальникам отрядов больше нет надобности сохранять между собой зрительную связь. Дон, я решил изменить первоначальный план и буду руководить вами не с корабля. Я узнал, что с верхушки самоходной машины Летчика открывается чрезвычайно широкий обзор, и я буду наблюдать за вашими действиями оттуда.

– Но, командир, – Дондрагмер был ошеломлен. – Да ведь эта… эта штука распугает нам всю дичь! Ведь ее слышно за сто ярдов, а видна она на открытом месте я уж не знаю за сколько. И кроме того… – он замялся, не решаясь сформулировать основное возражение. Барленнан подсказал ему:

– И, кроме того, никто не сможет заниматься охотой, пока я буду высоко над грунтом, не так ли?

Движением клешни помощник показал, что именно это он и имел в виду, и почти вся команда поспешила его поддержать.

Командира так и подмывало вступить с ними в спор и убедить их, но он вовремя осознал бессмысленность такой попытки. Он уже не мог больше встать на их точку зрения, которую так недавно разделял, но все же понимал, что на их месте и сам не поддался бы никаким убеждениям.

– Хорошо, Дон. Оставим это – ты, по-видимому, прав. Я буду держать с вами связь по радио, но видеть меня вы не будете.

– Но вы все-таки поедете на этой штуке? Командир, что с вами случилось? Я знаю, я сам готов утверждать, что здесь, у Края Света, падение с высоты нескольких футов ничего не значит, но я ни за что на свете не стал бы сознательно подвергать себя такому риску, и не понимаю, как можно на это решиться. Я даже представить не могу себя на верхушке этой штуки.

– Если я не ошибаюсь, – сухо возразил Барленнан, – ты сам не так давно вскарабкался на мачту почти на всю длину своего тела. Или это не ты возился там с верхними креплениями?

– Это другое дело… все-таки задними ногами я держался за палубу, – ответил Дондрагмер несколько смущенно.

– Ничего, зато голова была довольно далеко от палубы. И я своими глазами видел, как кое-кто из вас тоже совершал подобные поступки! Если вы помните, когда мы впервые приплыли сюда, я предупреждал вас на этот счет.

– Так точно, предупреждали. Но остаются ли в силе ваши приказания… – Помощник снова замялся, однако мысль его была еще более очевидной, чем ранее. Барленнану нужно было принять быстрое и точное решение.

– Забудем об этих приказаниях, – медленно произнес он. Причины, по которым я их отдал, достаточно основательны, но, если кто-нибудь из вас, когда мы вернемся домой, забудется и попадет в беду, пусть пеняет на себя. Впредь сами смотрите, что в этом отношении для вас лучше. Кто-нибудь желает поехать со мной?

Слова и жесты слились в хор отрицания. И только один Дондрагмер слегка помедлил, прежде чем присоединиться к остальным. Барленнан ухмыльнулся бы, если б ему было чем.

– Приготовиться к выходу на охоту! Я буду следить за вами по радио! – скомандовал он и распустил свою аудиторию.

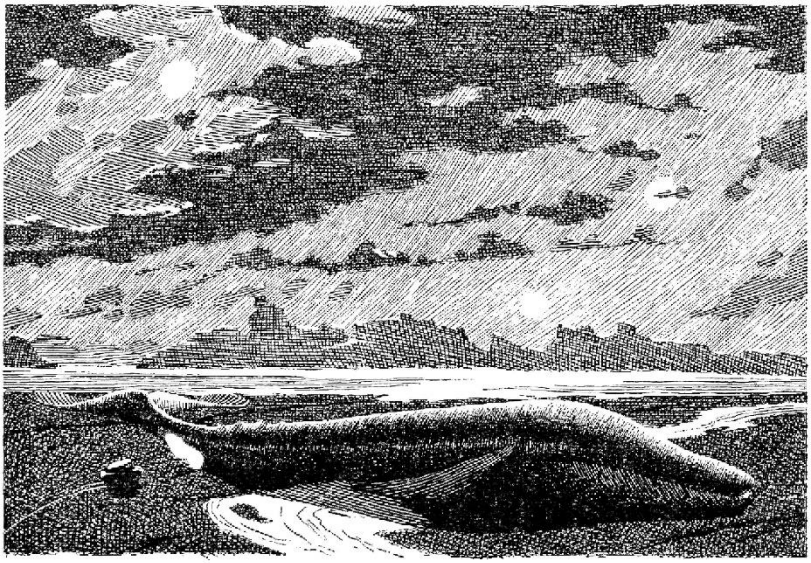
Все послушно устремились обратно на борт «Бри», а капитан повернулся к Лэкленду и выдал ему соответствующим образом откорректированную информацию о том, что произошло. Он был слегка рассеян, ибо в ходе переговоров с командой у него возникли кое-какие новые идеи. Но для разработки этих идей понадобится время. А сейчас ему не терпелось снова оказаться на крыше танка.

4. Авария

Бухта, на южный берег которой был вытащен «Бри», представляла собой небольшой эстуарий длиной около двадцати миль; ширина устья была две мили. Он открывался в южную часть большого залива примерно такой же формы и около двухсот пятидесяти миль длиной; залив этот в свою очередь был рукавом обширного моря, которое простиралось на неопределенное расстояние к северу и где-то там переходило в вечно замерзшую северную полярную шапку. Все три бассейна были вытянуты в направлении с запада на восток, причем меньшие с северной стороны отделялись от больших, сравнительно узкими полуостровами. Стоянка «Бри» была выбрана еще более удачно, чем считал сам Барленнан, ибо эти два полуострова защищали корабль от северных бурь. Однако в восемнадцати милях к западу ближайший и самый низкий из этих мысов кончался, и Барленнан с Лэклендом могли убедиться своими глазами, какую спасительную роль сыграл для них даже такой узкий язык суши. Капитана вновь удобно устроили на крыше танка, причем на этот раз Лэкленд закрепил рядом с ним радиоаппарат.

Справа от них, за мысом, замыкавшим бухту, было море, которое простиралось до самого горизонта. Позади был такой же берег, как и в окрестностях корабля – отлогая полоса песка, испещренная столь характерными для Месклина черными растениями с тросоподобными ветвями. Но впереди растительность исчезала начисто. Берег там был еще более отлогим, а полоса песка, насколько хватало глаз, становилась чем дальше, тем шире. И хотя здесь не удерживались даже растения с глубокими корнями, она не была совершенно пустынной: там и сям на изрытой волнами поверхности виднелись темные неподвижные груды – образцы морской флоры и фауны, выброшенные бурей на сушу.

Здесь были и громадные массы спутанных водорослей, – если только можно называть их водорослями, не слишком



напрягая воображение, – и тела морских тварей, причем некоторые из них были еще громаднее. Лэкленд был поражен не величиной этих чудищ, так как они обитали в жидкости, а расстояниями, на которые зашвырнули их волны. Одна чудовищная туша была распростерта в полумиле от береговой линии; и только тут землянин начал осознавать, что могут натворить на Месклине ветры даже при здешнем тяготении, если им дать разбег в шестьдесят миль открытого моря. Интересно было бы взглянуть, как сейчас выглядит мыс, не защищенный внешним полуостровом, но для этого пришлось бы проехать добрую сотню миль.

– Что было бы с твоим кораблем, если бы на него обрушились такие же волны, как здесь, Барленнан?

– Это зависит от вида волны и от того, где находишься. В открытом море мы бы плыли, как ни в чем не бывало; ну а на берегу от «Бри», наверное, ничего бы не осталось. Я понятия не имел, какой высоты могут достигать волны здесь, у Края Света... Впрочем, если подумать, даже самые огромные, может быть, не причинили бы особого вреда из-за малой силы тяжести.

– Боюсь, главное здесь не сила тяжести; и, вероятно, твое первое предположение самое правильное.

– Я примерно так и рассчитывал, когда искал укрытия на зиму за этим мысом. Правда, я не имел представления об истинной величине здешних волн. Неудивительно, что в этих широтах пропало без следа столько исследователей…

– И ведь это далеко не самое худшее место. Насколько я припоминаю фотографии, оно еще защищено вторым мысом, довольно гористым.

– Второй мыс? Ничего о нем не знаю. Ты хочешь сказать, что море за этой косой – просто еще один залив?

– Совершенно, верно. Просто я забыл, что вы обычно плаваете, не упуская берега из виду. Вы вышли к своей нынешней стоянке с запада, не так ли?

– Да. Здешние моря почти не исследованы. Эта береговая линия тянется на запад примерно на три тысячи миль, как тебе, конечно, известно, – теперь-то я начинаю понимать, что значит видеть вещи сверху! – а затем постепенно сворачивает к югу. Она довольно изрезана; в одном месте пару тысяч миль приходится плыть обратно на восток, но расстояние по прямой до моего родного порта составляет шестнадцать тысяч миль… а если плыть вдоль берега, получится, конечно, гораздо дальше. А оттуда до моего дома тысяча двести миль открытым морем прямо на запад. Тамошние моря нам прекрасно знакомы, и любой моряк может ходить по ним вдоль и поперек без особого риска.

Пока они так беседовали, танк повернулся кормой к морю и приблизился к чудовищной туше, выброшенной на берег недавней бурей. Лэкленду хотелось рассмотреть ее как следует, поскольку до сих пор он, в сущности, ни разу не сталкивался с представителями фауны Месклина. Хотелось этого и Барленнану. Он повидал на своем веку много всяких морских чудовищ, но такого не видывал.

Форма чудовища не произвела особого впечатления ни на человека, ни на месклинита. Оно напоминало не то исхудавшего кита, не то сильно раскормленного морского змея.

Землянин вспомнил о зоиглодонах, обитавших в морях его родной планеты тридцать миллионов лет назад. Но ни одно из когда-либо живших на Земле существ, которые превратились в окаменелости на потребу палеонтологам, по своим размерам не шло ни в какое сравнение с этой тварью. На добрых шестьсот футов растянулась она на песчаном грунте; при жизни это тело было, вероятно, цилиндрической формы и имело более восьмидесяти футов в диаметре. Теперь же, вне жидкой среды, в которой оно обитало, оно напоминало восковую модель, слишком долго пролежавшую под горячими лучами солнца. Даже если предположить, что плотность тела у этого чудовища примерно вдвое меньше, чем у земных животных, вес его, должно быть, был огромен, и Лэкленд содрогнулся, прикинув этот вес; а если еще учесть и тройную, по сравнению с земной, силу тяжести?

– Что же вы делаете, если встречаете такого гиганта в открытом море? – спросил Лэкленд.

– Понятия не имею, – сухо отозвался Барленнан. – Мне приходилось видеть подобных животных, но очень редко. Обыкновенно они держатся на больших глубинах в постоянных морях; на поверхности я видел такое животное только один раз, да еще раза три-четыре – на берегу, как вот это. Не знаю, чем они питаются, но, скорее всего, они находят пищу у себя на большой глубине. И я никогда не слыхивал, чтобы они нападали на корабли.

– Наверное, и не услышишь, – заметил Лэкленд. – Не могу себе представить, чтобы после такого происшествия оставались свидетели. Если эта тварь питается на манер некоторых наших китов, она может проглотить твой корабль и не заметить этого. Давай поглядим на ее пасть...

Он вновь включил двигатель и повел танк к тому концу гигантской туши, где, по его предположению, должна была находиться голова.

Да, у животного была пасть и нечто вроде черепа, но череп был совершенно раздавлен под собственной тяжестью. Впрочем, уцелело достаточно, чтобы опровергнуть догадку

Лэкленда насчет способа питания животного; с такими зубами оно могло быть только плотоядным. Вначале землянин даже не понял, что это зубы; он докопался до истины, только рассудив, что ребрам в пасти не место.

– Тебе ничего не угрожало, Барл, – произнес он наконец. Это животное и не подумало бы напасть на тебя. При его аппетитах ради ваших кораблей и трудиться не стоит... Оно обращает внимание только на объекты, в сто раз крупнее твоего «Бри».

– В глубинах морей, должно быть, плавает очень много мяса, – задумчиво отозвался месклинит. – Только вот толку от этого нет никакого.

– И то правда. Кстати, что ты имел в виду, когда упомянул о постоянных морях? Какие же у вас есть еще?

– Я говорил об областях, которые остаются под океаном перед самым началом зимних бурь, – последовал ответ. – Уровень океана выше всего ранней весной, в конце периода бурь, которые заполняют океанские впадины в течение зимы. Все остальное время океан отступает. Здесь, у Края Света, где берега такие крутые, это не имеет большого значения; но там, где нормальная сила тяжести, береговая линия между весной и осенью сдвигается на расстояния от двухсот до двух тысяч миль...

Лэкленд тихонько присвистнул.

– Вот, значит, как это получается, – проговорил он себе под нос. – Выходит, в течение четырех земных лет ваши океаны испаряются и хлопья метана оседают на северной полярной шапке, а затем в период между весной и летом в северном полушарии, то есть всего за пять месяцев или около того, весь этот метан возвращается с севера обратно на юг. Понятно. Теперь ваши бури меня больше не удивляют. – Он вернулся к более насущным делам: – Барл, я сейчас выйду из этого сундука. Мы уже давно стремимся раздобыть образцы животной ткани местных организмов – с тех пор как узнали, что на Месклине существует своя фауна; не брать же было срез с твоего тела... Скажи, мясо этой твари сильно

изменилось, с тех пор как она издохла? Уж кто-кто, а ты должен знать такие вещи.

– Для нас оно должно быть все еще съедобно, а тебе, насколько я понял, не переварить его и в свежем виде. Обычно мясо становится ядовитым через несколько сотен дней, если не провялить его или не предохранить от порчи каким-нибудь другим способом. В течение этого времени вкус его постепенно меняется. Если хочешь, я вырежу ломтик и попробую...

Барленнан не стал дожидаться ответа. Он даже не оглядел украдкой и не убедился, что поблизости нет никого из его команды. Он просто ринулся с крыши танка на громадную тушу. Он не рассчитал усилий и перелетел через нее, и на миг ощутил приступ отчаянного страха, но к тому моменту, когда коснулся грунта, полностью овладел собой. Он прыгнул назад, на этот раз более точно, и подождал, пока Лэкленд откроет дверцу и выберется из машины. Танк не был оборудован тамбуром; землянин оставался в скафандре; он просто замкнул на себе шлем и впустил в кабину месклинский «воздух». За ним наружу выпорхнул разреженный рой белых кристалликов – лед и углекислота, вымороженные из воздуха, мгновенно охладившегося до температуры Месклина. Барленнан был лишен обоняния, но при слабом токе кислорода ощутил резкое жжение в дыхательных порах и отпрянул назад. Лэкленд сразу понял, в чем дело, и рассыпался в извинениях за то, что не предупредил месклинита.

– Ничего, – отозвался капитан, – мне самому следовало быть осторожным... Ведь мне уже однажды досталось, когда ты выходил из своего Холма. И кроме того, ты частенько рассказывал, чем твой кислород отличается от нашего водорода... Помнишь, когда я учился твоему языку?

– Все это правда, и все же от того, кто еще не освоился с мыслью о различных мирах с различными атмосферами, нельзя ожидать, чтобы он держал в памяти эти обстоятельства. Я сам во всем виноват. Впрочем, мне кажется, кислород

не причинил тебе особого вреда. Я пока так мало знаю о химических процессах, происходящих в живых организмах на Месклине, что и гадать не берусь, какие это может иметь для тебя последствия. Вот почему мне нужны образцы животной ткани.

В сетчатой сумке поверх скафандра у Лэкленда имелся целый набор инструментов, а пока он рылся в этой сумке своими пневматическими бронированными перчатками, Барленнан принялся снимать пробу. Ловко действуя четырьмя парами клешней, он вырезал кусок шкуры с подкожной тканью и отправил себе в рот; некоторое время он задумчиво жевал.

– Совсем неплохо, – произнес он наконец. – Если тебе для твоих опытов не нужна вся туша целиком, я, пожалуй, вызову свои охотничьи отряды. Ручаюсь, что им удастся добраться сюда до того, как снова разразится буря, а мяса здесь больше, чем они смогут промыслить каким-либо иным путем.

– Хорошо придумано, – пробормотал Лэкленд. Он слушал своего спутника вполуха: все его внимание было сосредоточено на скальпеле, который он пытался вогнать в тело чудовища. Его не отвлекло даже предположение, что для лабораторного анализа может понадобиться вся эта гигантская туша целиком (месклинит не был лишен чувства юмора).

Он, конечно, знал, что животная ткань на этой планете должна быть чрезвычайно прочной. Даже такие малыши, как Барленнан и его сородичи, были бы неминуемо раздавлены в лепешку гравитацией в полярных районах Месклина, если бы их плоть имела земную консистенцию. Он ожидал, что проткнуть шкуру чудовища будет не так просто, но инстинктивно полагал, что после этого все пойдет как по маслу. Сейчас он понял, что ошибался: мясо под шкурой оказалось твердым, как доска. Скальпель был изготовлен из сверхпрочного сплава; затупить его с помощью мускульной силы было бы почти невозможно; но ему так и не удалось вогнать инструмент в эту массу, и он вынужден был

ограничиться соскабливанием. В результате он добыл несколько лоскуточков, которые и запечатал в пробирку.

– А местечек помягче здесь не найдется? – обратился он затем к месклиниту, с интересом наблюдавшему за ним. – Ведь чтобы получить из этой туши кусок, который ублажил бы наших ребят на Турее, мне придется пустить в ход машинное оборудование...

– Некоторые участки внутри пасти могут оказаться более податливыми, – ответил Барленнан. – Но не проще ли поручить это дело мне? Я вырежу сколько угодно кусков, только укажи, какие тебе нужны размеры и части. Или ваши научные процедуры предусматривают, чтобы образцы вырезались непременно металлическими инструментами?

– Насколько мне известно, нет... Большое спасибо; а если биологам это не понравится, пускай сами спускаются сюда и режут в свое удовольствие, – сказал Лэкленд. – Действуй, Барл. Для начала примем твое предложение и возьмем что-нибудь из пасти; я не уверен, что здесь мне удалось пробиться сквозь шкуру. – Он с трудом обогнул голову гиганта и остановился перед тем местом, где изуродованные силой тяжести губы обнажали зубы, десны и что-то похожее на язык. – Добудь мне кусочки, чтобы они поместились в этих вот сосудах, не сворачиваясь...

Землянин снова попробовал пустить в ход скальпель – язык оказался несколько более податливым, нежели то место, над которым он трудился в первый раз; а Барленнан послушно принялся выстригать ломтики требуемого размера. Время от времени то один, то другой кусочек он отправлял в рот – он не ощущал голода, но перед ним было свежее мясо, – однако, несмотря на некоторую убыль, пробирки были вскоре заполнены.

Упаковав последнюю пробирку, Лэкленд выпрямился и бросил алчный взгляд на колонноподобные зубы.

– Хорошо бы заполучить один, но здесь уж без динамита не обойтись, – проговорил он с некоторой грустью.

– А что это такое? – спросил Барленнан.

– Взрывчатка… вещество, которое почти мгновенно превращается в газ, производя при этом грохот и сотрясение. Мы пускаем в ход такие материалы, когда нам нужно что-нибудь рыть, разрушить ненужное здание или мешающую нам гору…

– Это был грохот взрывчатки? – спросил Барленнан.

Некоторое время Лэкленд молчал. Солидное «бабах!», прозвучавшее на планете, где аборигены понятия не имеют о взрывчатых веществах и где, кроме него, нет больше ни одного землянина, кого угодно может привести в замешательство, особенно если это происходит в такой на редкость подходящий момент; Лэкленд был, мягко выражаясь, испуган. Он услыхал взрыв одновременно через радиоаппарат Барленнана и через акустические диски своего шлема и потому не мог составить представление ни о расстоянии, ни о мощности взрыва, но уже через несколько секунд в его сознании отчетливо промелькнула неприятная догадка.

– Очень похоже… – запоздало ответил он на вопрос месклинита и, обогнув голову морского чудовища, заковылял к тому месту, где оставил танк. Его одолевали дурные предчувствия. А Барленнан, изнемогая от любопытства, двигался за ним по пятам самым привычным и естественным для себя способом ползком.

В первый момент, увидев танк, Лэкленд испытал чувство безмерного облегчения; но, когда он заглянул в раскрытую дверцу, облегчение сменилось столь же безмерным ужасом.

Он пола остались только вздыбленные и скрученные обрывки тонкого металлического листа; некоторые еще держались на стыках со стенками, а другие запутались среди рычагов управления и разных устройств. Двигатель, помещавшийся под полом, был почти весь на виду, и одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что он безнадежно разрушен. Барленнан был чрезвычайно заинтересован этим явлением.

– Я понимаю так, что ты вез в танке какую-то взрывчатку, – заметил он. – Почему же ты не воспользовался ею,

чтобы получить из тела животного нужный тебе материал? И что привело взрывчатку в действие, пока она находилась в танке?

– У тебя просто талант задавать трудные вопросы, – отозвался Лэкленд. – На первый я отвечу тебе, что никакой взрывчатки у меня в танке не было. Что же касается второго, то здесь мы на равных: ты знаешь столько же, сколько я.

– И все же эта вещь была у тебя в танке, – настаивал Барленнан. – Даже мне видно, что она помещалась под полом и стремилась вырваться оттуда наружу; кроме того, у нас на Месклине нет веществ, которые действуют подобным образом.

– Допустим, ты прав, но ведь под полом не было ничего, что могло бы взорваться, – ответил землянин. – Электромоторы и аккумуляторы не взрываются. Впрочем, ведь все эти обрывки находятся внутри кабины, так что при тщательном исследовании несомненно выявятся следы этого вещества, если оно было заключено в какой-нибудь контейнер. Но в первую очередь, Барл, мне предстоит решить гораздо более насущную проблему.

– Какую именно?

– От моего продовольственного склада меня отделяют восемнадцать миль – то, что осталось из еды у меня в скафандре, можно не считать. Мой танк разрушен, и не родился еще на свет такой человек, который смог бы пройти пешком восемнадцать миль в скафандре под давлением в восемь атмосфер и при тройной силе тяжести.

С «хлорелловыми жабрами» и при ярком солнце воздуха у меня будет сколько угодно, но прежде, чем я доберусь до базы, я умру с голоду.

– Ты можешь вызвать своих друзей на Турее и попросить их выслать за тобой ракету?

– Да, могу. Возможно, им уже все известно, если кто-нибудь в радиорубке слушает наш разговор. Беда в том, что, если мне будет оказана такого рода помощь, доктор Ростен непременно заставит меня вернуться на Турей на всю зиму.

Мне и так уже досталось, пока я уговаривал его, чтобы он разрешил мне остаться здесь. Мне, конечно, придется доложить ему насчет танка, но я хотел бы сделать это с базы – по возвращении туда без его помощи. Впрочем, все равно здесь нет мощностей, которые дали бы мне возможность вернуться; а ты не можешь проникнуть в купол, чтобы доставить мне еду, хотя я все равно не смог бы переложить эту еду в контейнеры моего скафандра, не впуская внутрь ваш воздух.

– Так или иначе, давай вызовем мою команду, – предложил Барленнан. – Пусть они займутся этой тушей, возьмут столько, сколько смогут унести. И помимо всего прочего, у меня есть еще одна идея.

– Мы идем, капитан, – прозвучал по радио, голос Дондрагмера.

Лэкленд вздрогнул: он успел забыть, что сам организовал связь таким образом, что все радиоаппараты прослушивали друг друга. Изумился и сам командир, который не подозревал, что его помощник тоже овладел английским языком.

– Самое большее через два дня мы будем у вас, – продолжал Дондрагмер уже на своем языке; Барленнан переводил его слова Лэкленду. – Мы идем по тому же направлению, что и машина Летчика.

– Я вижу, что уж вам-то голод никак не угрожает, – произнес землянин, бросив горестный взгляд на гору мяса, возвышающуюся рядом с ними. – Ну, а как там насчет твоей новой идеи? Имеет она отношение к моей проблеме?

– Мне кажется, имеет. – Месклинит улыбнулся бы, если бы его рот был более подвижен. – Встань на меня обеими ногами.

В течение нескольких секунд Лэкленд стоял, окаменев от удивления; в конце концов, Барленнан более всего напоминал гусеницу, а когда человек наступает на гусеницу… Затем он расслабился и даже рассмеялся.

– Понятно, Барл. Я просто забыл…

Тем временем Барленнан подполз к его ногам, и Лэкленд без дальнейших колебаний наступил на него. Осуществлению идеи Барленнана помешало одно-единственное затруднение.

Лэкленд обладал массой примерно в сто шестьдесят фунтов. Такую же массу имел его скафандр, в своем роде чудо инженерного искусства. Таким образом, на экваторе Месклина человек в скафандре весил приблизительно девятьсот пятьдесят фунтов (он бы и шагу сделать не смог, если бы не хитроумные сервомеханизмы в ногах скафандра), и этот вес лишь ненамного превышал вес самого Барленнана в полярных областях его планеты. Нести такой вес не составило бы для месклинита никакого труда; поражение ему нанесла простая геометрия. Барленнан имел форму цилиндра длиной в полтора фута и диаметром в два дюйма; закованный в броню землянин просто не мог сохранить на нем равновесие.

Затея Барленнана не удалась; тогда выход из положения придумал Лэкленд. Несколько металлических листов по бортам танка наполовину сорвало взрывом; один из этих листов Барленнан под руководством Лэкленда не без труда оторвал совсем. Он был около двух футов шириной и шести длиной; могучие клешни аборигена слегка загнули один край, и лист превратился в превосходную волокушу, но в этом районе планеты Барленнан весил всего три фунта. Ему не хватило силы сцепления между ногами и грунтом, чтобы тащить это устройство, а до ближайшего растения, которое могло бы служить якорем, было четверть мили. Лэкленда утешало только то, что краска стыда на его лице не имела в глазах местных жителей никакого смысла, ибо, когда провалилась и его затея, солнце было высоко в небе. Они работали не только днем, но и ночью, так как туч не было, а малое солнце и обе луны давали вполне достаточно света.

Прибытие охотничьих отрядов через несколько дней помогло быстро решить задачу, стоявшую перед Лэклендом.

Само по себе количество аборигенов мало что значило; двадцати одному месклиниту все равно недоставало силы сцепления с грунтом, чтобы сдвинуть с места нагруженную волокушу. Тогда Барленнан решил, что лучше всего расставить по углам по одному моряку с тем, чтобы они несли волокушу на себе; ему пришлось порядочно потрудиться, прежде чем он преодолел их врожденный ужас перед перспективой оказаться под массивным предметом. Когда же ему это удалось, то выяснилось, что все его усилия затрачены впустую: металлический лист был слишком тонок и прогнулся под тяжестью закованного в броню человека до самого грунта, так что над грунтом торчали только углы, подпираемые месклинитами.

Тем временем Дондрагмер без лишних слов вытравил и связал тросы, которые вместе с сетями входили в охотничий комплект. Общая длина их оказалась более чем достаточной, чтобы дотянуть тросы до ближайших деревьев; корни, способные противостоять самым свирепым месклинским бурям, были использованы в качестве якорей. Спустя четыре дня Лэкленд с целым поездом волокуш, изготовленных из металлических листов, и с громадным грузом мяса двинулся в обратный путь по направлению к «Бри» и при постоянной скорости – миля в час – через шестьдесят один день достиг корабля. Еще через два дня охотники при помощи остававшихся на борту членов экипажа, протащив скафандр с Лэклендом через заросли от корабля к куполу, благополучно доставили его к дверям тамбура. И вовремя: по небу уже вновь неслись тучи, а ветер набрал такую силу, что для возвращения на «Бри» морякам пришлось прибегнуть к привязным тросам.

Прежде чем послать официальный рапорт о том, что случилось с танком, Лэкленд основательно подготовился.

Должен же он знать, что на самом деле произошло с машиной. Не обвинять же товарищей на Турее в том, что кто-то из них по небрежности забыл под полом кабины заряд динамита!

Едва он нажал кнопку вызова рации, связывающей его со спутником, на него нашло озарение, и когда на экране появилась морщинистая физиономия доктора Ростена, он уже знал, что говорить.

– Док, в танке имеет место неполадка.

– Это я уже знаю. Электрическая или механическая? Насколько это серьезно?

– Главным образом механическая, хотя электричество тоже сыграло свою роль. Боюсь, что с танком все кончено. То, что от него осталось, находится на берегу в восемнадцати милях к западу.

– Приятно слышать. В эту планету деньги проваливаются как в бездонную бочку. Что же именно произошло? И как вы вернулись на базу? Не могли же вы пройти пешком восемнадцать миль в своем скафандре при такой силе тяжести.

– Я и не шел… Меня приволокла сюда команда Барленнана. Что же касается танка, то, насколько я полагаю, пол кабины над моторным отделением не был герметичным. Когда я вышел, чтобы провести кое-какие исследования, атмосфера Месклина – сжатый под большим давлением водород – смешалась под полом с нашим воздухом. В кабине, конечно, имело место то же самое, но весь кислород оттуда моментально вышел через дверь и рассеялся, прежде чем случилась беда. А вот под полом… Прежде чем кислород улетучился и оттуда, там проскочила искра.

– Понятно. Чем была вызвана эта искра? Неужели вы не выключили все моторы, когда выходили?

– Конечно! Там же много всего – рулевые сервосистемы, динамо и прочее. И честно говоря, я рад, что так получилось; иначе взрыв мог бы произойти, когда я вернулся и включил все это.

– Гм! – Вид у директора был несколько раздраженный. – А зачем вам вообще было выходить? Какая в этом была необходимость?

Лэкленд возблагодарил небо за то, что Ростен был биохимиком.

– В общем-то особенной необходимости не было. Я решил взять образцы животной ткани у шестисотфутового кита, выброшенного на берег. Я подумал, что кому-нибудь может понадобиться…

– Они у вас? – рявкнул Ростен, не дав Лэкленду закончить.

– У меня. Можете в любое время забрать их… И нет ли у вас еще одного танка?

– Есть. Пожалуй, я доставлю его вам, когда кончится зима. А до этого посидите в куполе, так будет безопаснее. Чем вы обеспечили сохранность образцов?

– Да ничем особенно… Водород… местный воздух. Я решил, что наши обычные предохранительные средства только испортят их. Так что забирайте их от меня поскорее; Барленнан утверждает, будто мясо становится ядовитым через несколько сотен дней, из чего я заключил, что здесь есть микроорганизмы…

– Смешно было бы, если бы их не было; ладно, я прибуду часа через два.

Ростен отключился, не сказав больше ни слова о разрушенном танке, и Лэкленд почувствовал себя почти счастливым. Он сейчас же отправился в постель, так как не спал около суток.

Его разбудила – да и то не совсем – прибывшая ракета. Ростен явился собственной персоной, что, впрочем, не было удивительно. Он даже не вылез из своего скафандра: он забрал пробирки, которые Лэкленд оставил в тамбуре, чтобы свести к минимуму опасность загрязнения образцов кислородом, взглянул на Лэкленда и понял, в каком он состоянии.

– Эти образцы, вероятно, стоят потерянного танка, – произнес он. – А теперь отправляйтесь спать. Перед вами стоят

еще кое-какие задачи. Мы вернемся к этому разговору, когда вы будете в состоянии понимать, что вам говорят. Всего хорошего.

И дверь тамбура захлопнулась за ним.

У Лэкленда не остались в памяти прощальные слова Ростена, но ему о них напомнили много часов спустя, когда он отоспался и поел еще раз. Директор приступил к делу почти без предисловий:

– Зимний период, в течение которого Барленнан не посмеет выйти в плавание, продлится всего три с половиной месяца. Здесь у нас получено несколько наборов телефотографий; они еще не сведены в карту, хотя в общем мы их сопоставили с местностью. Нам не удалось создать настоящую карту – мешают трудности, связанные с интерпретацией отдельных мест. Ваша задача на остаток зимы: проработать эти фотографии с вашим приятелем Барленнаном, преобразовать их в годную к употреблению карту и выработать маршрут, который в кратчайшие сроки приведет его к цели.

– Но Барленнан вовсе не собирается добираться туда в кратчайшие сроки. Он же купец-первопроходец, занятый своим делом, мы для него всего-навсего эпизод. Все, что мы способны предложить за его неоценимую помощь – это регулярные прогнозы погоды, которые могут оказаться полезными в его плавании.

– Все это понятно; только не забывайте, что вы там для того и находитесь; вы должны быть дипломатом. Я не жду от вас чуда – чудес на свете не бывает... и нам, разумеется, желательно, чтобы Барленнан оставался с нами в хороших отношениях; но на ракете – дорогостоящее оборудование стоимостью в два миллиарда долларов, и она не может подняться с полюса, а в ней данные, которым буквально нет цены...

– Я знаю, – прервал его Лэкленд. – И сделаю все, что смогу. Мне никак не удается заставить аборигенов понять, насколько это важно... Это не значит, что Барленнан глуп;

просто ему недостает необходимой подготовки. Ладно. Следите, когда будут просветы в штормовой погоде, чтобы он при первой возможности явился ко мне и взглянул на фотографии.

– Может быть, стоит соорудить снаружи у окна какое-нибудь укрытие, чтобы он мог оставаться у вас и в плохую погоду?

– Однажды я предложил ему это, но он отказался. В плохую погоду он не желает покидать корабль и команду. И я его понимаю.

– Я, пожалуй, тоже. Ну что ж, постарайтесь сделать все, что в ваших силах. Вы знаете, что это значит для нас. Из этих материалов мы бы узнали о тяготении столько, сколько никто не узнал со времен Эйнштейна.

Ростен отключился, и зимняя работа началась.

Местонахождение исследовательской ракеты, которую посадили в районе южного полюса Месклина, было давно уже определено по сигналам ее автоматических передатчиков; она, по всей видимости, собрала и зарегистрировала необходимые данные, но так и не смогла оторваться от грунта. Наметить морской или сухопутный маршрут от района зимовки «Бри» до ракеты оказалось гораздо труднее. Дорога океаном была еще туда-сюда; примерно сорок или сорок пять тысяч миль плавания по цепи морей вдоль побережья (причем половина пути была хорошо известна соотечественникам Барленнана) могли доставить спасательную команду близко к беспомощному аппарату. К сожалению, после этого оставалось еще около четырех тысяч миль по суше! В этом секторе побережья не было ни одной большой реки, которая сократила бы сухопутный участок хотя сколько-нибудь значительно. Между тем в пятидесяти милях от цели протекала речка, по которой «Бри» мог бы подняться без всякого труда; но она впадала в море, полностью изолированное от океана, где плавали соотечественники Барленнана. Этот океан представлял собой длинную, узкую и неровную цепочку морей, простирающуюся от района

севернее экватора неподалеку от базы Лэкленда и почти до экватора на противоположной стороне планеты, причем она проходила довольно близко от южного полюса – довольно близко по месклинским меркам, конечно. Море, в которое впадала река, протекавшая поблизости от ракеты, было пошире и с более ровной береговой линией; устье реки приходилось на самую южную точку его побережья, и оно тоже простиралось за экватор, где омывало северную полярную шапку. Оно располагалось к востоку от первой цепи морей и было отделено от нее узким перешейком, тянущимся от полюса к экватору – узким опять-таки по меркам Месклина. Когда фотографии сложились в карту, Лэкленд отметил, что ширина перешейка колеблется от двух до семи тысяч миль.

– Хорошо бы найти проход, соединяющий эти два океана, – сказал однажды Лэкленд.

Месклинит, удобно расположившийся на своем лежбище по ту сторону окна, слабым жестом выразил согласие. Зима перевалила за середину, и большое солнце, опускаясь к северному горизонту, становилось все тусклее.

– Ты уверен, что такой проход вам неизвестен? – спросил Лэкленд. – В конце концов, эти снимки сделаны осенью, а, по твоим словам, океанский уровень выше всего весной.

– Мы ничего не знаем о таком проходе в какое бы то ни было время года, – ответил капитан. – Про тот, второй океан, мы знаем, но очень мало. Слишком много народов населяют пространство между нашим океаном и тем, и завязать непосредственные контакты со всеми просто невозможно. На путешествие по перешейку из одного его конца в другой требуется два года; как правило, на это никто не решается. Товары на этом пути много раз переходят из рук в руки, и когда наши торговцы видят их в портах на западном побережье, бывает уже трудно определить, откуда они взялись. Если нужный нам проход существует, его следует искать здесь, вблизи от Края Света, где места почти совсем не исследованы. Карта, которую мы с тобой составляем, еще недостаточно полна. Во всяком случае, к югу отсюда осенью

такого прохода нет; я это знаю, потому что сам проплыл вдоль всей береговой линии. Правда, не исключено, что этот самый берег в конечном счете выходит где-нибудь к нужному нам морю; мы прошли вдоль него на восток на несколько тысяч миль и просто не знаем, куда он тянется дальше.

– Насколько я помню, через две тысячи миль он снова загибается к северу через внешний мыс, Барл… Правда, когда я видел это, была осень. Хлопотливое это дело – составлять карту вашего мира. Слишком он изменчив. Нам бы подождать до следующей осени, по крайней мере тогда мы бы могли пользоваться нашей картой без оглядки. Но ведь до осени четыре земных года. Я не выдержу такого срока.

– А ты вернись на свою планету и пока отдохни… хотя мне очень не хочется, чтобы ты улетал.

– Боюсь, мне пришлось бы проделать очень длинный путь, Барленнан.

– Какой же?

– Видишь ли… Ваши меры здесь не годятся. Погоди-ка… луч света проходит расстояние, равное длине «края» Месклина за… э… за четыре пятых секунды. – Он показал, что это такое, на своих часах. Абориген следил с интересом. – А чтобы пройти отсюда до моего дома, тому же лучу потребовалось бы более одиннадцати наших лет… и около двух с четвертью ваших.

– Значит, твой мир так далеко, что его не видно? Ты никогда не рассказывал об этом раньше.

– Раньше я не был уверен, что мы с тобой научимся понимать язык друг друга. Да, мой мир отсюда не виден, но, когда кончится зима и мы передвинемся на другую сторону от твоего солнца, я покажу тебе мое солнце.

Последняя фраза прозвучала для Барленнана совершенной загадкой, но он не стал на этом задерживаться. Единственные солнца, которые он знал, были яркий Белн, чей приход и уход творили день и ночь, и тусклый Эсстес, что в эту минуту светился на ночном небе. Менее чем через

полгода, в середине лета, оба солнца будут рядом, и тогда тусклое солнце будет почти не видно; но Барленнан никогда не ломал голову над причинами этих передвижений.

Лэкленд отложил фотографию и погрузился в размышления. Весь пол в комнате был покрыт кое-как пригнанными фотоснимками; район, знакомый Барленнану лучше всего, был уже нанесен на карту во всех подробностях. Но предстояло еще много-много работы, прежде чем будет скартографирована область, где расположился аванпост землян; между тем, Лэкленда уже теперь беспокоили стыки фотоснимков. Будь это снимки шарообразных планет, вроде Земли и Марса, он мог бы без труда ввести поправки на должную проекцию по малой карте, которую он сейчас составлял и которая покрывала весь стол в углу комнаты; но Месклин даже отдаленно не напоминал шар. Как уже давно понял Лэкленд, пропорции Чаши на борту «Бри» – эквивалента земного глобуса – были в общем правильными. Чаша имела шесть дюймов в поперечнике и четверть дюйма в глубину, и кривизна ее была хоть и плавной, но неоднородной.

К трудностям, связанным со стыковкой фотографий, добавлялось еще то обстоятельство, что поверхность планеты была сравнительно ровной, почти без резко выраженных топографических особенностей. И даже там, где были горы и равнины, дело осложнялось неодинаковым расположением теней на соседних снимках. Стремительный бег большого солнца, проносившегося от горизонта к горизонту менее чем за десять минут, сильно осложнял принятый процесс фотографирования; последовательные снимки одной и той же серии зачастую производились при освещении с диаметрально противоположных направлений.

– Мы все время топчемся на месте, Барл, – устало произнес Лэкленд. – Игра стоила бы свеч, если бы мы наверняка знали, что проход существует, но, по твоим словам, его нет. Ты же моряк, а не начальник сухопутного каравана; эти четыре тысячи миль по суше, и как раз там, где гравитация максимальна, нас доконают.

– Значит, те знания, которые дают вам возможность летать, не могут помочь вам изменить вес?

– Нет, – Лэкленд усмехнулся. – Возможно, со временем этому нас научат данные, зарегистрированные аппаратурой на ракете, которая застряла у вас на южном полюсе. Для того мы и отправляли эту ракету, Барленнан; сила тяжести на полюсах твоей планеты самая огромная во всей доступной нам Вселенной. Существует множество других миров, более массивных, нежели Месклин, и расположенных ближе к нам, но они вращаются не так, как ваш мир, и все они почти шарообразны. Нам нужны были данные измерений в этом чудовищном поле тяготения – самых различных измерений. Стоимость аппаратуры, которая была разработана для этого и послана сюда на ракете, невозможно выразить в известных тебе числах; когда выяснилось, что ракета не выполняет сигнал-команду «взлет», это подорвало престиж правительств десяти планет. Мы должны получить эти данные, хотя бы для этого пришлось рыть канал, чтобы вывести «Бри» в тот, другой океан.

– А что они измеряли, эти аппараты на ракете? – спросил Барленнан.

Уже в следующее мгновение он раскаялся, что задал этот вопрос; такое любопытство могло насторожить Летчика, и он мог заподозрить неладное относительно истинных намерений капитана. Однако Лэкленд, видимо, счел вопрос вполне естественным.

– Боюсь, что объяснить это будет затруднительно. У тебя просто нет подготовки, чтобы усвоить такие понятия, как «электрон» и «нейтрон», «магнетизм» и «квант». Может быть, проще было бы рассказать тебе о двигателе ракеты, но я и в этом сомневаюсь.

Было очевидно, что Лэкленд ничего не подозревает, но Барленнан все же решил переменить тему.

– А если поискать снимки, на которых показана береговая линия и суша к востоку отсюда? – спросил он.

– Понимаешь, меня все-таки не оставляет надежда, что эти океаны где-то соединяются, – отозвался Лэкленд. – Не мог же я запомнить все досконально. Может быть, дальше к северу, у самой полярной шапки… Как вы переносите холод?

– Когда море замерзает, мы испытываем неприятные ощущения, но это вполне терпимо… если не становится слишком уж холодно. Почему ты спрашиваешь?

– Очень и очень возможно, что вам придется идти вплотную к северной полярной шапке. Впрочем, посмотрим… – Летчик покопался в куче отпечатков и вскоре вытащил из нее тонкую пачку. – Это где-то здесь… – Он помолчал с минуту. – Ага, вот оно. Этот снимок был сделан с внутреннего края кольца, Барл, с высоты в шестьсот миль при помощи узкоугольного фототелеобъектива. Вот главная береговая линия, вот большой залив, а вот здесь, на его южной стороне, маленький залив, где стоит «Бри». Это снято еще до того, как была построена база… хотя ее все равно не было бы заметно. А теперь начнем подборку сначала. Где лист восточное этого?

Он опять замолчал. Месклинит зачарованно смотрел, как перед ним возникает четкая карта мест, которых он никогда не видел. Некоторое время казалось, что положение безнадежно, потому что береговая линия, как и думал Лэкленд, постепенно загибалась к северу; действительно, в тысяче двухстах милях к западу и в четырехстах или пятистах милях к северу океан, как видно, кончался – берег вновь повернул на запад. В этом месте в океан впадала огромная река, и, надеясь, что она окажется проливом, ведущим к восточному морю, Лэкленд принялся подбирать снимки верховьев этого могучего потока. Весьма скоро он был разочарован, ибо в двухстах пятидесяти милях от устья обнаружился целый ряд порогов, а к западу от них огромная река быстро превратилась в обыкновенную речку. В нее впадало множество таких же небольших потоков; видимо, она являлась главной артерией обширного бассейна, господствующего в этой области планеты. Стремясь проследить ее русло среди

множества притоков, Лэкленд продолжал подбирать снимки западной части. Барленнан следил за ним с интересом.

Насколько можно было различить, выше по течению русло главного потока поворачивало на юг. Развернув мозаику фотоснимков в этом направлении, они обнаружили значительный горный хребет, и землянин, подняв глаза, сокрушенно покачал головой. Барленнан уже знал, что означает этот жест.

– Не останавливайся, – попросил он. – Почти такой же хребет тянется посреди моей страны, а она расположена на узком полуострове. По крайней мере доведи карту до того места, где можно посмотреть, как текут реки по другую сторону этого хребта.

Лэкленд повиновался без особой охоты – он слишком хорошо помнил материк Южной Америки, чтобы поверить в возможность симметрии, на которую, видно, рассчитывал месклинит. Хребет оказался довольно узким и тянулся с запада-северо-запада на восток-юго-восток; к изумлению землянина, «водные» пути по другую сторону хребта весьма скоро обнаружили тенденцию к слиянию в одну большую реку. Река эта милю за милей текла примерно параллельно хребту, постепенно расширяясь, и снова в душе Лэкленда затеплилась надежда. Пятьюстами милями ниже она превратилась в обширный эстуарий, незаметно переходящий в «воды» восточного океана. Лэкленд работал лихорадочно, едва вспоминая о еде и даже об отдыхе, который был ему так необходим при колоссальной силе тяготения Месклина; и вот наконец весь пол комнаты покрыла новая карта – прямоугольник, представляющий пространство в две тысячи миль с запада на восток и в тысячу миль с юга на север. На восточном краю отчетливо виднелись большой залив и крошечная бухта; большая часть пространства на западном краю была занята однородной поверхностью океана. Посредине простирался барьер суши.

Он не был широк; в самом узком его месте, примерно в пятистах милях к северу от экватора, расстояние от берега до берега составляло едва восемьсот миль, да еще его значительно сокращали судоходные русла больших рек. Вероятно, не более трехсот миль, часть из которых занимал хребет, отделяли «Бри» от далекой цели, такой желанной для землянина. Три сотни миль; по месклинским меркам – всего один шаг.

К сожалению, для месклинских моряков это было гораздо больше, нежели один шаг. «Бри» все еще находился на берегу другого океана; и Лэкленд, уставившись на мозаичную карту у себя под ногами, так и сказал об этом своему крошечному приятелю. Он не ожидал ответа; в лучшем случае он надеялся, что месклинит печально согласится с ним; ведь его утверждение было самоочевидным. Однако абориген неожиданно ответил:

– Все будет в порядке, если у тебя найдется побольше металлических листов, на каких мы тащили тебя и наше мясо.

6. Волокуша

Лэкленд смотрел из окна в глаза моряку, пока смысл слов этого крошечного существа не проник в его сознание; затем он резко выпрямился, насколько это позволила утроенная сила тяжести.

– Ты собираешься тащить «Бри» через перешеек на волокуше, как вы тащили меня?

– Не совсем так. Корабль намного тяжелее, и нас опять подведет сила сцепления. Я имел в виду, что это ты потащишь корабль другим танком.

– Понимаю. По...нимаю. Разумеется, это будет нетрудно, если нам не встретится местность, непроходимая для танка. Но согласишься ли ты и твоя команда на такой поход? Достаточно ли будет того немногого, что мы в состоянии сделать для вас, чтобы отплатить вам за эти новые трудности, за такое далекое путешествие?

Барленнан вытянул клешни, что у месклинитов означало улыбку.

– Так будет гораздо лучше, чем то, что мы планировали сначала. Много товаров с берегов восточного океана доставляют в нашу страну долгими караванными путями по суше; к тому времени, когда они достигают портов нашего моря, цены на товары неимоверно поднимаются, и честному торговцу уже невозможно извлечь из них нормальную прибыль. А если я получу их прямо на месте... Для меня это, несомненно, дело стоящее. Конечно, ты должен обещать, что на обратном пути снова переправишь нас через этот перешеек.

– О чем может быть разговор, Барл! Я уверен, что мои товарищи с радостью согласятся. Но как насчет самого путешествия по суше? Ты ведь сам говорил, что эта страна тебе неизвестна; а вдруг твоя команда испугается новых земель, высоких гор, животных, которые, может быть, окажутся более крупными, чем у тебя на родине...

– Нам не впервой глядеть в глаза опасности, – отозвался месклинит. – Я уже сумел привыкнуть к высоте... даже к крыше твоего танка. А что касается животных, то ведь у «Бри» есть оружие – огонь; и ни одно животное на суше не сравнится по размерам с теми, что плавают в океане.

– Ты прав, Барл. Ладно. Видит бог, я не старался тебя отговаривать. Я только хотел увериться, что ты все хорошо продумал. Ведь идти на попятный в середине пути будет трудно...

– Это я понимаю, Чарлз, ты не бойся. Сейчас мне пора на корабль; снова собираются тучи. Я расскажу команде, что мы задумали; и, если кто-нибудь из них испугается, я им напомню, что прибыль будет распределяться в зависимости от званий. Ни у кого из команды страх не пересилит желания обогатиться.

– А как ты? – смеясь спросил Лэкленд.

– О, я не боюсь.

С этими словами месклинит исчез в ночи, и Лэкленд так и не понял, что он, собственно, имел в виду.

Ростен, услыхав об этом новом плане, разразился ядовитыми выпадами насчет того, что Лэкленд готов предлагать любые бредовые идеи, лишь бы заполучить танк.

– Впрочем, может, из этого что-нибудь и выйдет, – ворчливо признал он. – Какую же волокушу нужно для океанского лайнера твоего друга? Какой он величины?

– «Бри» имеет около сорока футов в длину и пятнадцати в ширину; осадка у него, по-моему, пять или шесть дюймов. Он составлен из множества плотиков примерно три фута на полтора, связанных между собой таким образом, что каждый из них двигается достаточно свободно… Я догадываюсь, для чего это нужно.

– Гм. Я тоже. Если бы в полярных областях обычное судно такой длины оказалось между двумя волнами и середина у него провисла бы, оно бы сейчас же развалилось на куски. Как этот корабль ходит?

– На парусах; на двадцати или тридцати плотиках установлены мачты. Подозреваю, что на некоторых имеются и выдвижные кили; когда корабль вытаскивают на берег, их убирают; впрочем, Барленнана я об этом как-то не спрашивал. Не знаю, насколько у них здесь развита парусная техника, но судя по тому, как небрежно он говорит о долгих плаваниях в открытом океане, ходить против ветра они умеют.

– Видимо, это так. Хорошо, мы изготовим здесь у нас подходящую волокушу из легкого металла и как только закончим, переправим к вам.

– До конца зимы лучше не переправляйте. Если вы оставите ее далеко от берега, ее завалит снегом, а если на самом берегу, то, когда уровень океана поднимется, как ожидает Барленнан, кому-нибудь придется нырять за нею.

– Что же он не поднимается до сих пор? Ползимы уже позади, и в некоторых областях южного полушария выпадает огромное количество осадков…

– А почему вы спрашиваете об этом меня? Спросите своих метеорологов, если только они у вас не свихнулись, пытаясь изучить эту планету. У меня своих дел по горло. Когда я получу новый танк?

– Когда сможете им воспользоваться; кончится зима, тогда и получите. Но если вы взорвете и этот, тогда не пойте, чтобы вам дали еще один. Ближе, чем на Земле, танков нигде нет.

Барленнан, явившийся через несколько сотен дней, выслушал краткий отчет об этом разговоре с полным удовлетворением. Его команда приняла сообщение о предстоящем походе восторженно; помимо соблазна больших барышей, в каждом моряке жила и тяга к приключениям, та самая, которая завлекла Барленнана так далеко от родных мест.

– Как только прекратятся бури, мы выступаем – объявил он Лэкленду. – На суше будет еще много снега; это нам поможет идти по местности, где грунт иной, чем песок.

– Я думаю, для танка это безразлично, – заметил Лэкленд.

– А для нас – нет, – возразил Барленнан. – Свалиться от тряски с палубы, конечно, не так уж опасно, но тряска очень неприятна во время приема пищи. Ты уже наметил курс, которым мы двинемся?

– Как раз занимаюсь этим. – Землянин достал карту и показал результаты своей работы. – Как мы с тобой решили, кратчайший маршрут имеет тот недостаток, что мне пришлось бы тащить вас через горный хребет. Возможно, это бы и удалось, но я боюсь за твою команду. Я ведь не знаю, какой высоты эти горы, но на вашей планете лучше избегать любой высоты. Поэтому я разработал маршрут, который показан здесь красной линией. Сначала он идет вверх по реке, что впадает в большой залив по нашу сторону от мыса. Длина этого участка составляет тысячу двести миль – если не считать мелких извивов реки, которые мы, скорее всего, будем просто срезать. Затем около четырехсот миль пойдем напрямик, пока не достигнем верховьев другой реки. Здесь

вы сможете спустить корабль на воду или я по-прежнему потащу вас на буксире – там посмотрим, как будет быстрее и удобнее. Хуже всего здесь то, что большая часть маршрута проходит в трехстах или четырехстах милях южнее экватора – для меня это означает увеличение тяжести еще на половину g. Впрочем, я как-нибудь выдержу.

– Если ты в этом уверен, значит, это действительно лучший вариант, – заявил Барленнан, тщательно изучив карту. – На буксире у тебя мы пройдем, вероятно, быстрее, нежели под парусами – на реках наверняка слишком тесно, чтобы маневрировать галсами.

Последнее слово он произнес на своем языке, а затем объяснил Лэкленду, что оно означает. И Лэкленд был доволен: очевидно, он имел правильное представление об уровне мореходного дела у соплеменников Барленнана.

После обсуждения маршрута делать Лэкленду было практически нечего до тех пор, пока Месклин, двигаясь по своей орбите, не подойдет к точке весеннего равноденствия. Впрочем, ждать оставалось недолго; зимнее солнцестояние в южном полушарии приходилось почти точно на тот момент, как гигантская планета оказывалась ближе всего к своему солнцу: орбитальное движение в осенний и зимний периоды было необычайно быстрым. Каждое из этих времен года продолжалось чуть дольше двух зимних месяцев; с другой стороны, лето и весна длились по восемьсот тридцать дней – грубо говоря, по двадцать шесть месяцев. Времени для похода было вполне достаточно.

Вынужденное безделье Лэкленда не разделяла команда на борту «Бри». Приготовления к сухопутному походу были тем более многочисленны и сложны, что никто из команды не знал, с чем им придется столкнуться. Возможно, весь поход им придется питаться из корабельных запасов, а возможно, животный мир в глубине перешейка окажется богатым и разнообразным и обеспечит их не только свежим мясом, но и товарами, если шкуры и кости будут кондиционными. Возможно, путешествие будет вполне безопасным,

как, по мнению моряков, безопасны все сухопутные путешествия, а может быть, их подстерегают опасности со стороны как неживой, так и живой природы. Что касается неживой природы, то тут они ничего не могли сделать и целиком полагались на Летчика. Зато средства борьбы с опасными животными были приведены в полную боевую готовность. Были изготовлены увесистые дубины, неподъемные в более высоких широтах даже для Харса и Тербланнена; найдены растения, накапливающие в своих стеблях кристаллы хлора, которыми пополнили баки огневого боя. Месклиниты, конечно, не знали метательных орудий; мысль о них не могла родиться в мире, обитатели которого не имели случая видеть падающий предмет, потому что предметы в нем падают настолько быстро, что их нельзя увидеть. Пуля пятидесятого калибра, выпущенная горизонтально на полюсе Месклина, пролетев сто ярдов, упала бы на сто футов. После бесед с Лэклендом Барленнан с грехом пополам усвоил концепцию «бросания» и даже подумывал спросить у Летчика, можно ли на этом принципе сконструировать оружие; но в общем он решил рассчитывать на более знакомые боевые средства. Лэкленд же, поразмыслив, пришел к выводу, что в походе им могут встретиться племена, освоившие лук и стрелы. И он сделал несколько больше, чем Барленнан: он обрисовал положение Ростену и попросил, чтобы буксирный танк оснастили сорокамиллиметровой пушкой для стрельбы термитными и фугасными снарядами. Поворчав, как обычно, Ростен неохотно уступил.

Волокушу сделали быстро и без труда; листового металла было сколько угодно, а само изделие, конечно, не отличалось сложностью. По совету Лэкленда доставку волокуши на поверхность Месклина задержали, поскольку бури все еще несли с собой огромные массы метанового снега вперемешку с замерзшим аммиаком. Уровень океана в экваториальном поясе долго не повышался, и метеорологи уже принялись отпускать в адрес Барленнана злые шуточки, выражая сомнение в его правдивости и в его лингвистических

способностях; но с приближением весны, по мере того как солнечный свет все больше освещал южное полушарие, по мере того как получались все новые и новые фотоснимки и сопоставлялись с прежними, полученными прошлой осенью, «хозяева погоды» становились все молчаливее; все чаще можно было видеть, как они бесцельно бродят вокруг базы, обалдело бормоча себе что-то под нос. Уровень океана в высоких широтах уже повысился на несколько сотен футов, как и предсказывал абориген, и продолжал расти прямо-таки на глазах. Разность океанских уровней в одно и то же время на одной и той же планете ставила метеорологов-землян в тупик; ни о чем подобном никогда не слыхивали и ученые с других планет, работавшие в составе экспедиции. «Хозяева погоды» ломали над этим головы, а между тем солнце передвинулось на юг за экватор и в южном полушарии Месклина началась астрономическая весна.

Еще задолго до этого бури ослабели и стали намного реже отчасти потому, что из-за сплющенности планеты резко сократилось количество радиации, попадающей на северную полярную шапку сразу после зимнего солнцестояния, а частично и из-за того, что расстояние Месклина от солнца за то же время увеличилось почти наполовину. Барленнан тогда же предложил начать поход с наступлением астрономической весны, не проявив при этом озабоченности насчет равноденственных штормов.

Лэкленд сообщил об этом работникам базы на внутренней луне, и те незамедлительно приступили к операции по доставке ему танка и волокуши; все было подготовлено уже давно.

Операция предусматривала два рейса грузовой ракеты, хотя волокуша была очень легкой, а тяга, развиваемая водородно-железными двигателями, – фантастически мощной. Сначала переправили волокушу – с таким расчетом, чтобы команда «Бри» успела подтащить к ней корабль до возвращения ракеты с танком; но Лэкленд настоял, чтобы посадка была произведена как можно дальше от корабля, поэтому

неуклюжую махину оставили возле купола, чтобы потом перетащить ее к берегу при помощи танка. Танк повел сам Лэкленд, а экипаж ракеты стоял возле него – всем хотелось поглазеть на аборигенов и, если понадобится, оказать им помощь в погрузочных работах.

Впрочем, помощь землян не понадобилась. В условиях тяготения, всего в три раза превосходящего земное, аборигенам ничего не стоило бы приподнять свой корабль и протащить его на себе какое угодно расстояние. Лишь непреодолимая боязнь оказаться под такой махиной вынудила их прибегнуть к помощи тросов. И они без всякого труда поволокли его по берегу, разумеется, при этом каждый член экипажа намертво вцеплялся для упора в какое-нибудь деревце своими могучими клешнями. «Бри» со свернутыми парусами и убранным выдвижным килем легко скользнул по песку на сверкающую металлическую поверхность волокуши. Заботы Барленнана о том, чтобы корабль не примерз за зиму к берегу, полностью себя оправдали; вдобавок за последние недели уровень океана начал подниматься, как он уже поднялся на юге. Наступающее море вынудило Барленнана оттащить корабль ярдов на двести в глубь суши; при случае оно, конечно, растопило бы и лед вокруг корабля.

Конструкторы волокуши на далеком Турее оборудовали свое детище многочисленными отверстиями и крепительными планками, что позволило морякам прочно закрепить «Бри». Применяемые для этого тросы показались Лэкленду поразительно тонкими, но аборигены, видимо, ничуть в них не сомневались. И не зря, подумалось землянину; ведь эти самые тросы держали корабль на берегу во время таких бурь, когда сам Лэкленд и думать не смел высунуть нос из купола даже в своем скафандре. И он подумал, что не лишним будет попытаться выяснить, смогут ли эти месклинские тросы и ткани служить в земных условиях.

Тут ход его мыслей был прерван: явился Барленнан и сообщил, что на корабле и на волокуше все готово. Волокушу привязали к танку буксирным канатом; в танк погрузили

продовольствие на несколько дней. По плану было решено по мере необходимости снабжать Лэкленда продовольствием с помощью ракет; ракеты будут садиться на грунт далеко впереди по курсу экспедиции, чтобы не смущать аборигенов. Выходить за припасами Лэкленд решил как можно реже; после злосчастной аварии он дал себе слово допускать месклинский «воздух» в двигательные отсеки машины только тогда, когда это будет вызвано крайней необходимостью.

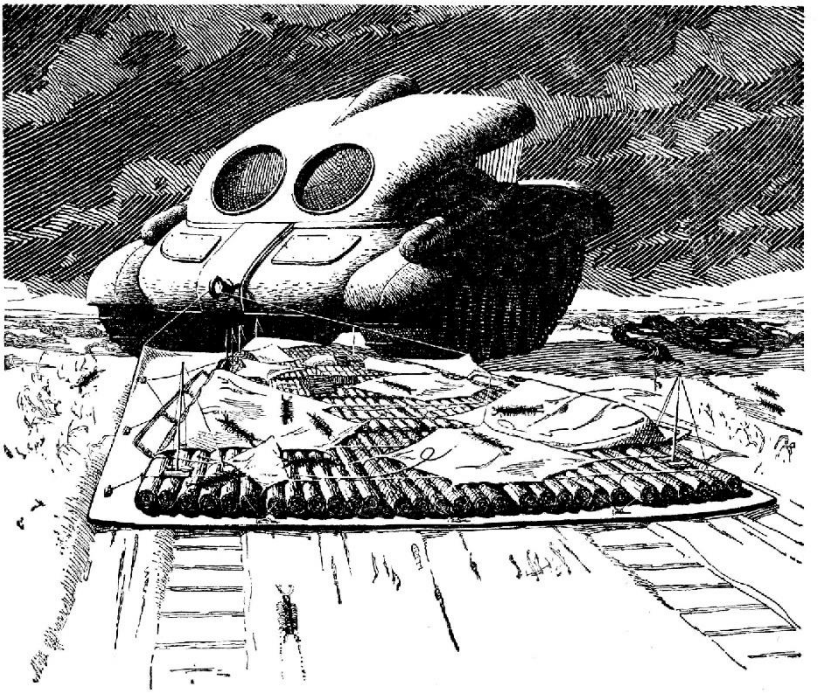
– Ну так в путь, дружище, – сказал он Барленнану. – Отдых мне понадобится только через несколько часов, а за это время мы пройдем вверх по течению порядочное расстояние. Хорошо бы, конечно, если бы ваши сутки были такой же длины, как земные; вести машину по снежной целине в темноте не очень-то весело. Даже твоей команде будет не под силу вытащить танк из какой-нибудь ямы или трещины...

– Да, наверное, – отозвался капитан, – хотя здесь, у Края Света, я не могу с уверенностью полагаться на свое суждение относительно веса предметов. Впрочем, на мой взгляд, риск не так уж велик; снег сухой, и большие ямы будут видны.

– А вдруг его нанесло до краев?... Ладно, об этом будем думать, когда произойдет беда, если она вообще случится. Все по местам!

Он забрался в танк, задраил за собой дверцу, выкачал месклинскую атмосферу и наполнил кабину земным воздухом из баллонов. В небольшом прозрачном баке с водорослями для обновления воздуха замерцали первые пузырьки. Крошечная спектрометрическая «нюхалка» оповестила Лэкленда, что содержание водорода в атмосфере танка пренебрежимо мало; тогда Лэкленд без дальнейших колебаний врубил ходовые двигатели и повел машину с ее громоздким прицепом прямо на восток.

Почти плоская равнина вокруг залива постепенно оставалась позади. Примерно через сорок суток они прошли



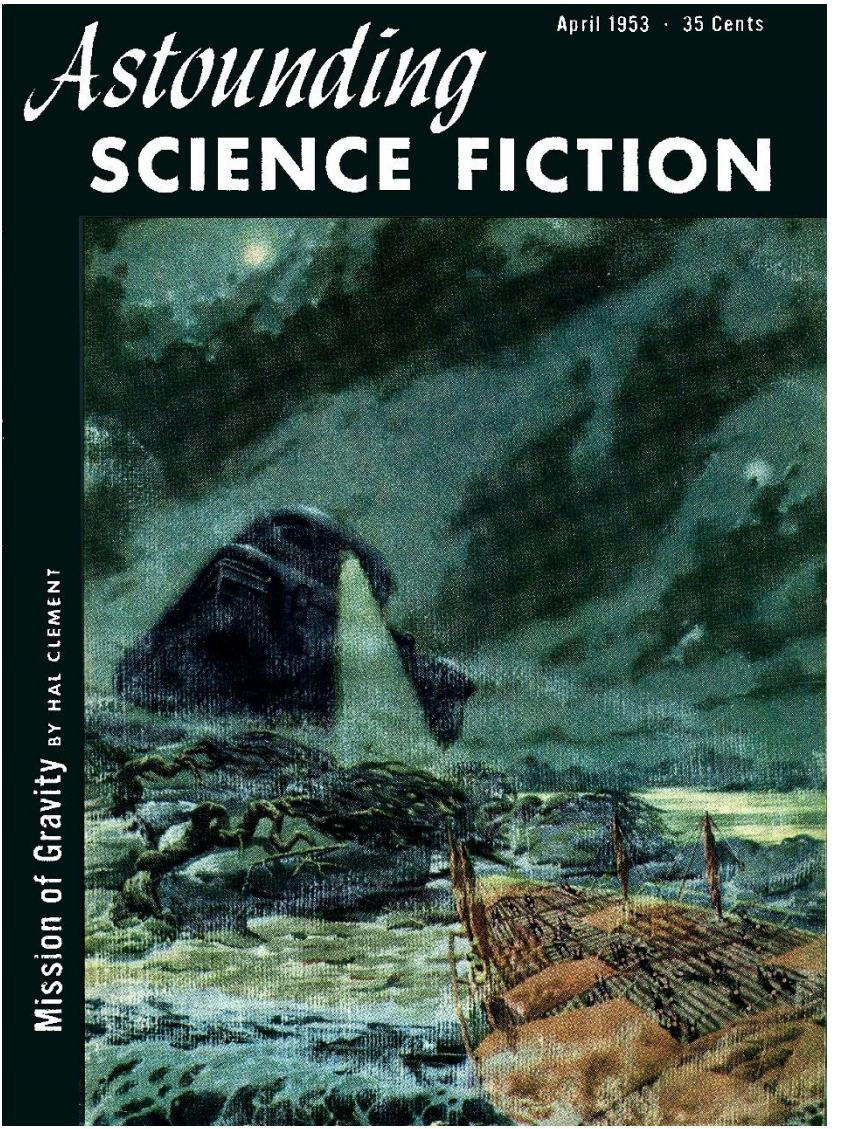
миль пятьдесят и оказались среди волнистых холмов высотой от трехсот до четырехсот футов. Лэкленд остановил танк, чтобы выспаться. Никаких происшествий за это время не случилось, в танке и на волокуше все шло как по маслу. Барленнан сообщил по радио, что команда в восторге от путешествия и что никто на непривычное безделье не жалуется. Танк шел со скоростью около пяти миль в час; это было намного быстрее обычной скорости месклинита при передвижении ползком; но кое-кто из команды уже выбирался за борт и пробовал передвигаться другими способами. Еще никто из них не отваживался на прыжки, однако были все основания предполагать, что в самом скором времени у Барленнана появятся подражатели – те, кто, подобно ему, начнут спокойно относиться к падениям.

Никаких животных они пока не видели, но время от времени на снегу попадались крошечные цепочки следов,

оставленных, вероятно, существами, на которых команда охотилась еще зимой. Растительность здесь была совершенно иной; местами снега не было видно под массой травянистых стеблей, проросших сквозь сугробы, а один раз команда была потрясена видом растения, которое показалось Лэкленду похожим на небольшое дерево его родной планеты. Никогда прежде месклиниты не видели растений такой высоты.

Пока Лэкленд отсыпался в тесной кабине, команда рассеялась по окрестностям. Моряками руководило не только стремление раздобыть свежее мясо; они искали главным образом что-нибудь пригодное для торговли. Всем им было известно множество видов растений, которые Лэкленд назвал специями, но ни одного из них поблизости не нашлось. Многие содержали зерна, почти все имели листовидные придатки и корни; беда заключалась в том, что без риска для жизни не было никакой возможности определить, годятся ли они в пищу. Никто из команды Барленнана не был столь опрометчивым или наивным, чтобы попробовать на вкус растения неизвестного вида; каждый знал, что очень многие растения на Месклине защищают себя необыкновенно сильными ядами. Обычно в подобных случаях месклиниты прибегали к помощи небольших зверьков, которых держали в качестве домашних животных: то, что съедобно для «парска» или «терни», можно было есть без опаски. К сожалению, единственное такое животное на борту «Бри» не перенесло зимы – вернее, пребывания на экваторе; оно было унесено первым же порывом зимней бури, так как его владелец не успел его привязать.

Конечно, моряки притащили на корабль множество образцов растений, которые показались им на вид подходящими, но никто не знал, что делать с этими находками. Лишь вылазка Дондрагмера увенчалась некоторым успехом; у него было более развитое воображение, нежели у остальных, ему пришло в голову заглянуть под камни, и он перевернул множество валунов и булыжников. Вначале ему


April 1953 · 35 Cents
Astounding
SCIENCE FICTION
Mission of Gravity BY HAL CLEMENT

было не по себе, но вскоре он успокоился и по-настоящему увлекся этим необыкновенным делом. Даже под самыми тяжелыми валунами оказалось множество интересных вещей; в конце концов он вернулся на корабль с грузом предметов, которые все решили считать яйцами. Ими тут же занялся Карондрасс (пробовать животные продукты никто не опасался), и предположение подтвердилось. Это действительно оказались яйца, причем весьма вкусные. И лишь когда было съедено последнее, кому-то пришло в голову, что надо было бы попробовать высидеть несколько штук – посмотреть, кто из них выведется. Тогда Дондрагмер сделал следующий шаг: он высказал предположение, что высиженные животные, возможно, заменят экипажу погибшего «терни». Его идея была воспринята с энтузиазмом, на поиски яиц немедленно вышло несколько отрядов. К тому времени как Лэкленд проснулся, «Бри» превратился в настоящий инкубатор.

Удостоверившись, что вся команда до последнего моряка вернулась на борт, Лэкленд вновь завел двигатель и повел танк дальше на восток. В течение последующих дней холмы становились все выше; экспедиция дважды пересекала метановые речки – к счастью, настолько узкие, что волокуша могла бы послужить там мостом. Высота холмов росла постепенно, и это было очень хорошо, ибо многие моряки все еще испытывали неприятные ощущения, когда им случалось взглянуть с вершины вниз.

И вот дней через двадцать на втором переходе все они мгновенно забыли о страхе высоты, так их поразило то, что внезапно открылось перед ними.

7. Каменный оплот

Раньше они видели холмы с отлогими склонами, давным-давно заглаженными ветрами и бурями. Не было никаких признаков ям и расщелин, чего Лэкленд так опасался перед выступлением в поход. Вершины были гладкими и

закругленными, так что переход через них был бы почти незаметен, даже если бы экспедиция двигалась намного быстрее. Но, преодолев один из таких подъемов, все они были поражены видом следующего холма, открывавшегося впереди.

Он был длиннее всех других холмов и был похож скорее не на округлый курган, а на барьер поперек пути; но прежде всего бросались в глаза его очертания. Вершина его была не гладкая, плавная кривая, характерная для других холмов, а на первый взгляд как бы в зазубринах. Приглядевшись же, можно было различить, что этот холм увенчан рядом валунов, расположенных столь упорядоченно, что это сразу наводило на мысль о разумности действовавшей там силы. Размеры валунов были самые разнообразные – от громадин величиной с танк Лэкленда до булыжников с баскетбольный мяч, – но все они имели в общем шарообразную форму. Лэкленд немедленно остановил машину и схватился за бинокль – он был без шлема, хотя и в скафандре. Барленнан, начисто забыв о своей команде, совершил прыжок через двадцать ярдов, отделявших палубу «Бри» от танка, и благополучно опустился на крышу танка, где давно уже специально для него был установлен один из радиоаппаратов. Он заговорил чуть ли не прежде, чем его ноги коснулись металла:

– Что там такое, Чарлз? Может быть, это город, о котором ты мне рассказывал, когда мы беседовали о твоем мире? Но он совсем не похож на города из твоих фильмов...

– А я-то думал, что объяснять будешь ты! – отозвался Лэкленд. – Конечно, никакой это не город, да и камни расположены слишком далеко друг от друга, так что это не может быть стеной или крепостью, если я не ошибаюсь... Ты не замечаешь вокруг них какого-либо движения? Я в бинокль не вижу ничего, но, может быть, у тебя зрение острее?

– Я различаю только, что вершина холма изрезана, и, если ты утверждаешь, что там разбросаны камни, мне придется верить тебе на слово, пока мы не приблизимся. И уж,

разумеется, никакого движения я там не замечаю. По-моему, на таком расстоянии вообще невозможно увидеть кого-нибудь моего роста.

– Тебя бы я разглядел на таком расстоянии и без бинокля, только не смог бы сосчитать твоих глаз и рук. С биноклем же я могу совершенно смело утверждать, что на вершине никого нет. Но все равно я готов поклясться, что эти камни попали туда не случайно. Нам надо держаться настороже. Предупреди команду.

Лэкленд отметил про себя слабость зрения Барленнана; впрочем, если бы он был хорошим физиком, то давно уже догадался бы об этом по размерам глаз аборигена.

Они подождали несколько минут, пока солнце не передвинулось и не озарило места, скрытые до того в тени, но не увидели там ничего движущегося, кроме теней, и в конце концов Лэкленд вновь включил двигатель. Пока они спускались по склону, солнце село. На танке был всего один прожектор, которым Лэкленд освещал грунт прямо перед машиной, поэтому им не было видно, что движется возле камней на вершине холма и движется ли что-нибудь вообще. Восход солнца наступил, когда они пересекали очередной ручей; затем снова начался подъем. Напряжение нарастало. С минуту или две ничего нельзя было различить, поскольку солнце било путешественникам прямо в глаза; затем оно поднялось и стала отчетливо видна вершина холма. Никто не мог заметить каких-либо изменений по сравнению с

предыдущей ночью. Правда, у Лэкленда, да и у месклинитов возникло смутное ощущение, будто камней стало больше, но, поскольку никто не догадался раньше сосчитать их, доказать это было невозможно.

При скорости пять миль в час несколько минут ушло на то, чтобы добраться до вершины, и к этому моменту солнце было уже у них за спиной. Лэкленд еще раньше отметил, что в некоторых случаях пространство между крупными валунами было достаточно широким для танка с волокушей, и, приближаясь к гребню, свернул к одному из таких проходов. Гусеницы заскрежетали по небольшим булыжникам, и на мгновение Дондрагмер на палубе «Бри» подумал было, что танк напоролся на один из этих булыжников, потому что машина вдруг резко остановилась. Барленнан неподвижно торчал на крыше танка, и взгляд его был прикован к тому, что открылось внизу. Летчика, конечно, не было видно, и помощнику пришло в голову, что землянин тоже настолько

поглощен открывшимся перед ним зрелищем, что забыл об управлении машиной.

– Что там такое, капитан? – окликнул он и жестом приказал канонирам занять места у баков огневого боя. Остальная команда, не дожидаясь приказаний, рассыпалась по внешним плотикам с дубинами, ножами и копьями наготове.

Некоторое время Барленнан не отзывался, и помощник уже хотел отдать приказ группе моряков сойти на грунт для прикрытия танка (он ничего не знал о скорострелке, установленной на машине), когда капитан оглянулся, увидел, что происходит, и сделал успокаивающий жест.

– По-моему, опасности нет, – произнес он. – Никакого движения не видно, но это больше всего похоже на город. Погодите немного. Летчик протянет вас вперед, и вы увидите все, не сходя с корабля.

Перейдя на английский язык, он обратился с этим предложением к Лэкленду. Тот без лишних слов двинул машину вперед, и сейчас же обстановка внизу изменилась.

Когда Лэкленд только выехал на гребень и остановился, перед ним и Барленнаном (который видел все менее отчетливо) открылась широкая, не очень глубокая чашевидная долина, ее со всех сторон плотно обступали холмы, подобные тому, на котором они находились. Дно лощины должно было бы представлять собой озеро, так как нигде не было видно стоков для дождей и тающих снегов. Затем Лэкленд заметил, что на внутренних склонах холмов снега нет; они были совершенно голые. И топография их была весьма странной.

Она никак не могла иметь естественное происхождение. От гребня начинались ведущие вниз широкие мелкие каналы. Располагались они на редкость правильно; разрез холмов по горизонтальной плоскости, проходящей чуть ниже уровня, где эти каналы начинались, напоминал ряды океанских волн. Каналы вели вниз по склонам к центру долины и становились все уже и все глубже – они словно бы

предназначались для направления дождевой «воды» в центральный резервуар. Но это предположение не выдерживало критики, так как не все каналы смыкались в центре – не все даже достигали центра, хотя все они доходили до сравнительно ровного и небольшого пространства на дне лощины. Еще интереснее, нежели сами каналы, были разделявшие их насыпи. Естественно, по мере того как каналы становились глубже, они выделялись все резче. В верхней части склонов это были плавно закругленные гребни, но ниже склоны их становились все круче, пока не превращались в настоящие стены, перпендикулярные дну каналов. Некоторые из этих стен тянулись почти до самого центра долины. Не все они были направлены в одну и ту же точку, временами они немного изгибались, что придавало им сходство не столько со спицами колеса, сколько с фланцами центробежного насоса.

Лэкленд оценил на глаз ширину каналов и разделяющих их насыпей – стен в пятнадцать-двадцать футов. Стены сами по себе были достаточно толстыми, чтобы устроить в них жилища особенно для живых существ величиной с месклинитов. Изобилие отверстий в нижней части стен подтверждало мысль о том, что это действительно жилища. Наблюдение в бинокль показало, что к отверстиям, расположенным выше дна, ведут своеобразные трапы; и еще не увидев ни одного живого существа, Лэкленд уверился, что перед ним действительно город. Очевидно, обитатели его жили в разделительных стенах, а все это сооружение построено с той целью, чтобы удалять избыток дождевой «воды». Ему и в голову не пришло задать себе вопрос: если они так стремятся избавиться от жидкости, почему же они не живут на наружных склонах?

Он додумался до этого лишь когда Барленнан обратился к нему с просьбой перетащить «Бри» через вершину холма, пока не наступила ночь. И едва танк тронулся с места, как в отверстиях, которые он счел дверями, возникли очертания множества темных фигур; на таком расстоянии разглядеть

их в подробностях было невозможно, но несомненно, это были живые существа. Лэкленд приложил героические усилия, чтобы не остановить танк и не схватиться за бинокль; он довел дело до конца и перетащил «Бри» на место, откуда команда могла видеть все.

Впрочем, как оказалось, нужды торопиться не было. Пока Лэкленд маневрировал с буксиром, обитатели города, не двигаясь, наблюдали за пришельцами, и до захода солнца у землянина осталось несколько минут, чтобы хорошенько рассмотреть всю картину. Даже в бинокль многого не было видно, потому что жители выползли из своих обиталищ не полностью; но то, что было на виду, не оставляло никаких сомнений: они принадлежали к той же расе, что и соплеменники Барленнана. Тела у них были длинные и напоминали гусениц; несколько глаз (сосчитать на таком расстоянии было трудно) располагались на самом переднем сегменте тела; руки, как и у Барленнана, заканчивались клешнями. Они были красно-черного цвета, причем черный преобладал, как и в команде «Бри».

Барленнан был не в состоянии все это разглядеть, но Лэкленд торопливо описал их ему прежде, чем город внизу погрузился в ночную темноту. Когда он замолчал, капитан вкратце пересказал услышанное напряженно ожидавшей команде. Потом Лэкленд спросил:

– Тебе приходилось слышать о народах, которые живут на Краю Света, Барл? Может, они тебе известны и даже говорят на твоем языке?

– В высшей степени сомнительно. Я рассказывал тебе, что мои соплеменники начинают чувствовать себя нехорошо уже к северу от широты ста g, как ты однажды ее назвал. Я знаю несколько языков, но совершенно невозможно, чтобы на них говорили в этих местах.

– Что же мы будем делать? Обойдем этот город или двинемся прямо через него – в надежде, что его жители настроены не слишком воинственно? Мне, признаться, очень хотелось бы взглянуть на него поближе, но нам дано

ответственное задание, и я боюсь рисковать. В конце концов ты знаешь свою расу лучше, чем я. Как ты полагаешь, чего можно от них ожидать?

– Ну, тут раз на раз не приходится. Возможно, их до полусмерти напугает танк… или то, что я сижу на крыше твоего танка, хотя здесь, на Краю Света, жители, возможно, начисто лишены нормального страха высоты. В наших странствиях мы встречали много диковинных народов; иногда нам удавалось торговать, иногда приходилось сражаться. А вообще я сказал бы так. Если мы спрячем оружие и выставим напоказ товары, то они как следует присмотрятся, прежде чем напасть. Я за то, чтобы спуститься в город. Как, по-твоему, пройдет волокуша по дну этих каналов?

Лэкленд помолчал.

– Об этом я как-то не подумал, – признался он. – Значит, прежде всего нам нужно тщательно измерить их ширину. Возможно, лучше будет, если сначала танк спустится в город без волокуши – с тобой и с теми из команды, кто согласится ехать на крыше. Кстати, тогда у нас и вид будет более мирный… Они, должно быть, уже заметили оружие у твоих моряков, и если мы оставим корабль…

– Никакого оружия они не заметили, разве что зрение у них намного сильнее нашего, – возразил Барленнан. – Но в общем я согласен, что сначала надо спуститься на танке и промерить ширину… Нет, мы сделаем еще лучше. Давай перетащим волокушу на противоположную сторону долины, оставим ее там, а сами спустимся вниз. Нет никакой необходимости рисковать кораблем в этих узких каналах.

– Это идея! Конечно, так будет лучше всего. Сделай милость, сообщи команде наше решение и спроси, кто хочет потом спуститься с нами на танке.

На том и согласились. Барленнан сейчас же вернулся на «Бри», чтобы переговорить с командой. Из осторожности он не хотел кричать с крыши танка, хотя и понимал, что вряд ли жители города услышали бы его на таком расстоянии или поняли бы его речь.

Команда единодушно одобрила это решение, но затем возникла небольшая неувязка. Побывать в городе хотелось всем, но ни один и слышать не хотел о том, чтобы спускаться в город на крыше танка, хотя на примере своего командира все давно уже убедились, что такие поездки совершенно безопасны. Выход из тупика нашел Дондрагмер. Он предложил, чтобы команда, за исключением тех, кто останется охранять «Бри», следовала за танком своим ходом; ехать на нем не было никакой необходимости, поскольку моряки уже научились передвигаться по грунту с той же скоростью, с какой движется танк.

Дискуссия эта заняла несколько минут, а когда она закончилась, солнце вновь появилось над горизонтом. По сигналу Барленнана землянин развернул танк на девяносто градусов и повел его по краю долины, следуя чуть ниже гряды камней, опоясывающей ее. Прежде чем включить двигатели, он посмотрел на город и не увидел никаких признаков жизни. Но едва танк с волокушей на буксире тронулся с места, как в маленьких дверях вновь появились головы – на этот раз их было много больше. Теперь Лэкленд мог спокойно вести танк: когда он освободится и спустится вниз, жители не попрячутся. Для того чтобы переправить волокушу с кораблем на противоположный край долины, понадобилось несколько дней; затем буксирный трос отцепили, и танк, вновь развернувшись носом к центру города, двинулся вниз.

В сущности, машиной не пришлось даже править: вскоре она въехала в устье одного из каналов и дальше сама собой двинулась по его дну к тому месту, которое Лэкленд определил для себя – без всяких к тому оснований – как городскую рыночную площадь. Следом за танком ползла половина команды «Бри»; остальные под руководством второго помощника остались охранять корабль. Барленнан, как обычно, ехал на крыше танка; за ним высилась груда товаров.

Восходящее солнце светило им в спины, так что видимость была хорошей. А смотреть теперь было на что: с

приближением пришельцев некоторые обитатели города наконец-то выбрались из своих жилищ. Ни Лэкленд, ни Барленнан не обратили внимания на то, что все эти смельчаки были по другую сторону открытого пространства; жители на этой стороне города оставались в своих укрытиях.

Расстояние между танком и туземцами все сокращалось, и вскоре стало ясно, что, несмотря на внешнее сходство, эти существа не принадлежат к расе Барленнана. Да, они были похожи; форма тела, пропорции, число глаз, рук и ног – все совпадало; но обитатели города были по крайней мере втрое крупнее пришельцев с дальнего юга. Их тела были длиной не меньше пяти футов при соответствующей ширине и толщине.

Явно стремясь получше разглядеть приближающийся танк, некоторые из туземцев высоко задирали переднюю треть тела, и это движение так же отличало их от соплеменников Барленнана, как и их размеры. При этом они слегка раскачивались из стороны в сторону, совсем как змеи, которых Лэкленду доводилось видеть в музеях на Земле. Едва заметно покачиваясь, они смотрели, как странное металлическое чудовище все ползет и ползет по дну канала, как оно постепенно скрывается из виду, по мере того как канал становится глубже и стены его поднимаются до уровня крыши танка, как оно через узкий проход, наконец, выбирается на открытое пространство в центре города. Если даже они и перекликались между собой, ни Лэкленд, ни Барленнан их не слышали; во всяком случае ничего похожего на жестикуляцию клешнями, которую Барленнан и его спутники пускали в ход при разговоре, Лэкленд не отметил. Туземцы просто глазели и ждали, что будет дальше.

Когда танк выбрался из узкого прохода, которым заканчивался канал, моряки протиснулись в узкую щель между корпусом машины и стенами канала, высыпали на открытое место и почти в таком же молчании уставились на туземцев. В их представлении жилье состояло из стенок трехдюймовой высоты с крышей из ткани для защиты от непогоды;

покрытие из твердого материала казалось им непривычным. Если б они собственными глазами не видели, как обитатели города выбираются из своих жилищ, они бы сочли эти стены причудливыми природными образованиями.

Лэкленд сидел у пульта управления, смотрел и размышлял. Собственно, пищи для конструктивного воображения у него пока не было, но так уж устроен был его мозг, что не мог оставаться в покое. Он рассматривал город и пытался представить себе обычную жизнь его обитателей, пока его внимание не привлекли действия Барленнана.

Капитан не любил тратить время зря; он прибыл сюда, чтобы торговать с этим народом, а если этот народ откажется от торговли, он тут же снимется с места и уйдет своей дорогой. Действия, которые привлекли внимание Лэкленда, состояли в том, что он принялся сбрасывать на грунт сложенные на крыше танка товары и отдавать приказания своей команде. Команда рьяно взялась за дело, пока не перетаскала все тюки. Вслед за последним тюком на грунт спрыгнул сам Барленнан – хотя этот поступок, по-видимому, не произвел на молчаливо глазевших гигантов никакого впечатления – и вместе с остальными моряками занялся подготовкой к выставке товаров. Землянин с любопытством наблюдал за этой процедурой.

На свет появились рулоны чего-то похожего на разноцветные ткани, связки не то сушеных кореньев, не то обрывков веревок, малюсенькие кувшинчики с запечатанным горлом и пустые кувшинчики покрупнее – великолепная и обширная коллекция предметов, о назначении которых землянину оставалось только догадываться.

По мере того как выставлялись все новые предметы, туземцы начали понемногу придвигаться, но Лэкленд так и не понял, движет ли ими любопытство или намерение напасть. Впрочем, никто из моряков не выказал ни малейших признаков тревоги – уж настолько-то он научился разбираться в их эмоциональном состоянии. К тому моменту, когда подготовка к торгам была закончена, танк окружило плотное

кольцо туземцев. Кольцо это прерывалось только с той стороны, откуда явились пришельцы. Туземцы продолжали молчать, и это молчание мало-помалу начало беспокоить Лэкленда; но Барленнан либо не обращал на это внимания, либо сознательно игнорировал его. Он выбрал в толпе одного туземца – было решительно непонятно, чем он при этом руководствовался, и приступил к торговым переговорам.

Как он это делал, Лэкленд опять-таки не понял. Ведь так недавно капитан сам утверждал, что этот народ не может знать его языка; тем не менее он заговорил, сопровождая слова обильной жестикуляцией. Эти жесты были совершенно непонятны Лэкленду. Для инопланетянина-наблюдателя тайна этих переговоров так и осталась за семью печатями, но Барленнан добился известных успехов. Беда была, конечно, в том, что за несколько месяцев знакомства с аборигенами Лэкленд сделал лишь самые первые, самые робкие шаги в постижении их психологии. И вряд ли это было по его вине; много позже эта задача ставила в тупик лучших психологов. Дело в том, что жестикуляция месклинитов непосредственно связана с их физиологическими особенностями, поэтому другие представители этой расы воспринимают такие жесты совершенно автоматически: гигантские обитатели города, строго говоря, не принадлежали к тому же виду, что соплеменники Барленнана, однако все они были, так сказать, слеплены из одного теста, и общение между ними не являлось такой сложной проблемой, как считал Лэкленд.

Прошло совсем немного времени, и вот уже множество туземцев потянулось из своих жилищ с товарами, которые они хотели предложить пришельцам, а со стороны команды «Бри» в торговые сделки вступали все новые и новые моряки. Торги шли непрерывно и при солнечном свете, и в темноте – по просьбе Барленнана Лэкленд обеспечил освещение прожекторами. Даже Барленнану осталось непонятным, как отреагировали гиганты на искусственный свет.

Каждый туземец был полностью поглощен делом: едва сбыв свой товар и получив то, что ему понравилось, он удалялся, уступая место следующему. В результате уже через несколько дней все товары Барленнана перешли к туземцам, а полученные от туземцев товары были переправлены на крышу танка.

Товары туземцев были такой же загадкой для Лэкленда, как и товары Барленнана, однако два предмета особенно привлекли его внимание. По всей видимости, это были два живых существа, но они были настолько малы, что он не сумел их как следует разглядеть. Оба существа были скорее всего ручные: они прижались к грунту у ног моряка, который их приобрел, и не делали никаких попыток отползти в сторону. Лэкленд решил – и, как выяснилось позже, он был совершенно прав, – что это те самые животные, на которых испытывают растительную пищу.

– Ну как, торговля кончена? – крикнул он Барленнану, когда последний туземец покинул место торгов.

– Мы свое дело сделали, – отозвался капитан. – Торговать больше нечем. Что ты предлагаешь? Хочешь задержаться здесь еще немного или сразу двинуться в путь?

– Мне бы очень хотелось узнать, как выглядят их жилища изнутри: самому мне, конечно, не протиснуться в их двери, даже если бы я снял скафандр. Что, если я попрошу тебя или кого-нибудь из твоей команды заглянуть в один из их домов?

Барленнан подумал.

– Я считаю, это было бы не совсем разумно. Правда, торги прошли вполне мирно, но в поведении этих туземцев есть нечто подозрительное, хотя я не берусь точно сказать, что именно.

– Ты хочешь сказать, что не доверяешь им… что они могут попытаться напасть на нас и отобрать свои товары?

– Нет, я бы этого не сказал; говорю тебе, я не берусь точно определить, отчего у меня такое ощущение. Давай договоримся так: мы вернемся на край долины, прицепим к

танку волокушу и приготовимся к отъезду в любой момент. Если за это время не случится никаких неприятностей, я сам вернусь сюда и загляну куда тебе угодно. Согласен?

Во время этого разговора ни Барленнан, ни Лэкленд не обращали на туземцев никакого внимания; и они не сразу заметили, что обитатели города впервые проявили признаки живейшего любопытства. Едва из крошечного ящика зазвучал голос Лэкленда, находившиеся поблизости гиганты повернулись и уставились в его сторону. Голос продолжал говорить и привлекал все больше и больше слушателей. Туземцы понимали, что ящик этот слишком мал, чтобы в нем могло поместиться разумное существо, и тем не менее ящик говорил, и это зрелище сломало стену сдержанности, которую не смог преодолеть даже танк. К концу разговора вокруг Барленнана собралась уже порядочная толпа, и когда из миниатюрного репродуктора прогремело согласие Лэкленда на предложение Барленнана и стало ясно, что разговор закончен, слушатели торопливо разбрелись по своим жилищам и почти сразу же возвратились с новыми товарами. Жестами, которые теперь были хорошо понятны морякам, они стали предлагать эти товары. Гиганты хотели получить радиоаппарат и готовы были заплатить за него хорошую цену.

Отказ Барленнана явно озадачил их. Они принялись по очереди предлагать все более высокие цены, пока Барленнан не продемонстрировал свой решительный отказ единственным понятным способом: он перебросил аппарат на крышу танка, прыгнул вслед за ним и отдал команде приказ начать погрузку приобретенных товаров. Несколько секунд гиганты, казалось, пребывали в замешательстве, затем, словно по сигналу, повернулись и скрылись в своих жилищах.

Барленнану это очень не понравилось; укладывая товары, он старался держать в поле зрения как можно большее число дверей, однако опасность пришла не из жилищ. Ее заметил великан Харс, когда он, подражая туземцам, вскинул

вверх половину тела, чтобы передать капитану особенно громоздкий тюк. При этом он одним глазом случайно скользнул вдоль канала, по которому они спустились; в то же мгновение он издал чудовищно громкий вопль – такие вопли всегда изумляли и пугали Лэкленда – и сейчас же разразился непонятной для землянина скороговоркой. Но Барленнан понял все, взглянул и прокричал по-английски:

– Чарлз! Оглянись! Прочь отсюда!

Лэкленду было достаточно одного взгляда, чтобы понять смысл причудливого устройства этого города. Гигантский валун размером с полтанка сдвинулся со своего места на гребне, окружавшем долину. Он был расположен как раз над широким устьем канала, по которому спускался танк; теперь он катился вниз, и постепенно поднимающиеся стены направляли его точно по пути, пройденному машиной. Он был еще высоко и на расстоянии в полмили, но с каждой секундой он катился все быстрее и быстрее по мере того, как тонны его массы разгонялись силой тяжести, в три раза превосходящей земную.

8. Лекарство от акрофобии

Плоть и кровь ставят пределы скорости реакции, но Лэкленд едва не преодолел эти пределы. Он не стал решать дифференциальные уравнения, чтобы выяснить, когда валун ударит в него; он просто врубил двигатели и круто, почти на месте, развернул танк на девяносто градусов, так что у машины едва не слетела гусеница, а затем бросил его в сторону от канала, по которому катился этот чудовищный метательный снаряд. И только тогда он по-настоящему оценил архитектуру города. Как он уже отметил раньше, каналы не просто уподоблялись спицам в колесе; они были распланированы таким образом, что по крайней мере два из них могли направить валуны в любую точку на центральной площади. Действий Лэкленда было достаточно, чтобы избежать первого валуна, но это было предусмотрено: по другим

каналам катились еще несколько валунов. Секунду он озирался в тщетной надежде определить место, которое не находилось бы на пути этих снарядов, а потом развернул танк в первый попавшийся канал и двинулся вверх по склону. По этому каналу тоже катился валун; Барленнану показалось, что это самый огромный валун из всех, что он с каждой секундой растет. Месклинит весь подобрался для прыжка; он решил, что Летчик спятил; и вдруг рядом с ним раздался оглушительный грохот. Звуки такой громкости не смогли бы воспроизвести даже его собственные голосовые органы. Будь его нервная реакция такой, как у большинства земных животных, он бы одним махом оказался на середине склона. Но реакция, естественная для его расы, состояла в том, чтобы сжаться и замереть в неподвижности, так что снять его с крыши танка в ближайшие несколько секунд могли бы только мощные подъемные краны. А в четырехстах ярдах впереди танка и в пятидесяти ярдах перед катящимся валуном дно туннеля взорвалось пламенем и тучей пыли: взрыватели снарядов Лэкленда были достаточно

чувствительны и срабатывали даже при рикошетах. Секундой позже валун влетел в эту пылевую тучу, и тогда скорострелка торопливо, взахлеб пролаяла еще несколько раз – выстрелы почти слились в один звук. Из облака пыли показалась добрая половина валуна, теперь уже далеко не шаровидная. Энергия взрывов почти остановила валун; об остальном позаботилось трение задолго до того, как он подкатился к танку. Да он и не мог больше катиться – слишком много появилось на нем плоских граней и выбоин.

На гребне перед устьем этого канала были еще валуны, но они не сдвинулись с места. Видимо, гиганты быстро проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что таким способом танк не уничтожить. Лэкленд не знал, что они будут делать дальше; естественнее всего было ожидать атаки в лоб. Им ничего не стоило вскарабкаться на танк, как это делал Барленнан, и завладеть своими товарами и радиоаппаратом в придачу; моряки не смогли бы им помешать. Лэкленд поделился своими опасениями с Барленнаном.

– Это может случиться, – последовал ответ. – Впрочем, если они попытаются карабкаться на крышу, мы их будем сталкивать обратно; а если они попробуют прыгать, то у нас есть дубинки; не знаю, как можно уклониться от удара дубинкой, когда летишь по воздуху.

– Да как же ты один удержишь крышу, если на тебя полезут со всех сторон сразу?

– А я не один, – ответил капитан и сделал движение клешней, обозначавшее у месклинитов улыбку.

Лэкленд мог бы увидеть свою крышу, только просунув голову в небольшой прозрачный обзорный колпак, но сделать это в громоздком шлеме было невозможно. Поэтому, он не видел, чем закончилась эта короткая «битва» для моряков, сопровождавших его в путешествии по городу.

Этим беднягам пришлось пережить все те ощущения, которые пережил их капитан, когда его впервые посадили на крышу танка. Они видели предметы – огромные тяжелые предметы, – которые стремительно падали на них,

попавших в ловушку в тесном пространстве между вертикальными стенами. О том, чтобы вскарабкаться на стены, нельзя было и думать, хотя их ноги-присоски, так хорошо державшие их во время месклинских ураганов, отлично послужили бы им и здесь; такой же ужас – если не больший – внушала им мысль совершить прыжок, как это не раз проделывал у них на глазах капитан. Однако физически это было для них вполне возможно, и когда разум отказал им, тела начали действовать сами. Все моряки, кроме двух, прыгнули; один из этих двух быстро и ловко вскарабкался по стене «дома»; другим был Харс, тот самый, кто первым заметил опасность. Может быть, он не поддался панике из-за своей огромной физической силы, может, боялся высоты больше других. Как бы то ни было, он все еще оставался на грунте, когда округлый булыжник величиной с баскетбольный мяч вылетел из соседнего канала и ударил в него. Эффект был такой же, как если бы булыжник ударил в прослойку из живой резины; защитная «скорлупа» месклинитов была из материала, по своим химическим и физическим свойствам аналогичного хитину земных насекомых, но ее прочность и упругость полностью соответствовали условиям жизни на Месклине. При здешней силе тяжести булыжник, ударившись в Харса, взмыл вверх на высоту в двадцать пять футов, перелетел через стену, которая должна была задержать его, с грохотом скатился в другой канал и вновь, уже спокойно, выкатился на открытое пространство. На этом боевые действия и закончились. Харс был единственным моряком, оставшимся на площади. Остальные, кое-как придя в себя, либо быстрыми прыжками добирались до крыши танка, либо уже устроились рядом со своим капитаном. Даже моряк, вскарабкавшийся по стене, перестал ползти и тоже запрыгал следом за танком.

По земным стандартам тело Харса было невероятно прочным, но все же нельзя было ожидать, что обрушившийся на него удар останется без последствий. Дух из него не вышибло только потому, что он не имел легких, но он

был ободран, исцарапан и оглушен. Прошла целая минута, прежде чем движения его сделались осмысленными, и он попытался скоординировать их и поползти следом за танком; ни Лэкленд, ни Барленнан, ни сам Харс не могли бы объяснить, почему злосчастный моряк не подвергся нападению. По мнению землянина, обитатели города забыли обо всем на свете, когда увидели, что после такого удара Харс вообще способен двигаться; Барленнан с его более точным знанием месклинитской психологии решил, что гигантов интересовало не убийство, а ограбление, и они просто не усмотрели смысла в нападении на отставшего моряка. Как бы то ни было, но Харс получил возможность прийти в себя и пуститься вдогонку за товарищами. Лэкленд, поняв, наконец, что происходит, остановил машину и дождался его; двое моряков спустились с танка и буквально зашвырнули Харса на крышу машины, где остальные сейчас же принялись оказывать ему первую помощь.

Теперь на крыше были все, причем некоторые теснились в такой близости от края, что их новообретенное безразличие к высоте подвергалось серьезному испытанию, и Лэкленд вновь двинулся вверх по склону холма. Он предупредил моряков, чтобы они держались подальше от дула пушки, и нацелил ствол прямо вперед; но наверху, на гребне, не было никакого движения, и камни больше не падали. Видимо, запускавшие их туземцы отступили в туннели, которые вели в город. Но не было гарантии, что они не вылезут снова, и все оставались настороже.

Они поднимались уже по другому каналу и оказались в стороне от волокуши, но с крыши танка моряки увидели «Бри» еще до того, как машина достигла гребня. Члены команды, охранявшие корабль, были на местах и с большим беспокойством смотрели вниз на город. Дондрагмер пробормотал что-то о том, как глупо было не выставить круговое наблюдение; Барленнан передал Лэкленду эту мысль на английском, притом в несколько более сильных выражениях. Впрочем, беспокойство их оказалось напрасным; танк без

всяких помех подъехал к волокуше, развернулся и принял буксирный канат. Вновь включая двигатели, Лэкленд подумал, что гиганты, к счастью, переоценили эффективность его пушки; нападение с близкого расстояния, например из туннелей, где они, видимо, прятались, поставило бы его в очень тяжелое положение, ибо в такой близости от корабля и его команды нельзя было бы применять ни фугасные, ни термитные снаряды.

Он неохотно пришел к выводу, что, пока «Бри» не достигнет благополучно «вод» восточного океана, ни о каких исследованиях не может быть и речи. Когда это соображение было доведено до сведения Барленнана, тот согласился, хотя про себя внес некоторые коррективы. В самом деле, не будет же команда бездельничать, пока Летчик спит.

Когда прыгающие месклиниты переправили обмененные вещи с крыши танка на корабль и поход возобновился, Лэкленд связался с Туреем, сообщил о том, что произошло, смиренно подставил голову под громы и молнии Ростена и, как и раньше, утихомирил директора известием, что тот может прислать контейнеры за образцами растительной ткани.

Ракета села на грунт далеко впереди по курсу экспедиции, чтобы не портить месклинитам нервную систему, дождалась, пока подойдет танк, забрала образцы, подождала, пока танк уйдет на безопасное расстояние, и снова стартовала. На это ушло много дней, но никаких происшествий за это время не случилось. Через каждые несколько миль в поле зрения появлялись холмы, увенчанные рядами валунов; экспедиция старательно обходила их стороной. Наверху ни одного гиганта не было видно. Это несколько озадачило Лэкленда, который принялся ломать себе голову над тем, где и как туземцы добывают пищу. Управление машиной – монотонное занятие, оставляющее много времени для размышлений, и у него, естественно, возникло множество гипотез относительно этих странных существ. Время от времени он поверял свои гипотезы Барленнану, но толку от

этого не было никакого, ибо достойный капитан не знал, какой из них отдать предпочтение.

Лэкленда тревожила одна мысль. Он задал себе вопрос: почему все-таки гиганты строят свои города таким странным образом? Ведь не могли же они ждать прибытия танка и корабля! Да и для отражения атаки со стороны себе подобных такой способ постройки тоже был непрактичным: из-за общности обычаев вряд ли можно было застигнуть противника врасплох.

Оставалось единственное возможное объяснение. Это была всего-навсего гипотеза, но она хорошо объясняла, почему город устроен именно так, почему вне городов не видно ни одного туземца, почему в их окрестностях нет ничего похожего на возделываемые поля. Правда, эта гипотеза требовала для своего обоснования множества всевозможных «если», и потому Лэкленд не упомянул о ней Барленнану. Прежде всего она не объясняла, почему экспедиция до сих пор не встречает никаких помех – если бы гипотеза была правильной, Лэкленду к этому времени пришлось бы расстрелять гораздо больше снарядов из своей скорострелки. Итак, он ничего не сказал капитану, а сам решил глядеть по сторонам внимательнее; и он не очень удивился, когда однажды на рассвете примерно в двухстах милях от города, где так досталось Харсу, он увидел, как впереди вдруг поднялся на дыбы небольшой холм на многочисленных коротких слоновьих ногах, вытянул вверх голову на двадцатифутовой шее, вытаращил множество глаз, а затем неуклюже двинулся навстречу танку.

Против обыкновения Барленнан находился в это время не на крыше танка, а на корабле, но он немедленно откликнулся на вызов Лэкленда. Землянин остановил машину; судя по скорости, с которой передвигалось чудовище, у них еще оставалось несколько минут, чтобы договориться о дальнейших действиях.

– Готов держать пари, Барл, что ничего подобного ты никогда не видел. Даже обладая самой прочной животной

тканью, какую только может создать природа на твоей планете, такое чудовище вдали от экватора было бы раздавлено собственной тяжестью.

– Ты прав: я никогда не видел таких животных. И даже никогда не слышал о них, так что не знаю, насколько они опасны и опасны ли вообще. И у меня нет никакого желания узнать. Правда, оно из мяса и, может быть...

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, хищник это или травоядное, – произнес Лэкленд. – Я склонен полагать, что это хищник. Никакое травоядное не попрется вот так, с ходу, прямо на предмет, который крупнее его самого... разве что это животное настолько глупо, что приняло танк за самку своего вида, а я в этом очень сомневаюсь. Кроме того, я как раз думал, что существование в здешних местах крупных хищников легче всего объясняет, почему гиганты никогда не выходят за пределы своих городов и почему они превратили свои города в такие великолепные западни. Когда такой зверь забирается к ним на холм, наверное, они, показавшись ему, заманивают его вниз, как это случилось с нами, а затем спускают на него каменные глыбы, как на наш танк. Прекрасный способ получить мясо с доставкой на дом.

– Все это, может быть, и так, – нетерпеливо произнес Барленнан, – но сейчас речь о другом. Что мы будем делать с этим зверем? Твое оружие, которое разбивает вдребезги камни, вероятно, может убить и его, но ведь оно разнесет тушу на такие клочья, что и не соберешь. А с другой стороны, если мы выйдем на него с сетями, нам придется приблизиться к нему настолько, что ты уже не сможешь пустить в ход свое оружие, если мы попадем в беду.

– Ты что, считаешь возможным выйти с сетями на чудище таких размеров?

– Разумеется. Сети выдержат, только бы изловчиться и накинуть их. Беда в том, что у него слишком толстые ноги, они не пройдут в ячейки, и наш обычный прием, когда мы раскидываем сети на пути у дичи, здесь не сработает.

Видимо, придется закидывать их вокруг туловища и вокруг ног и затягивать...

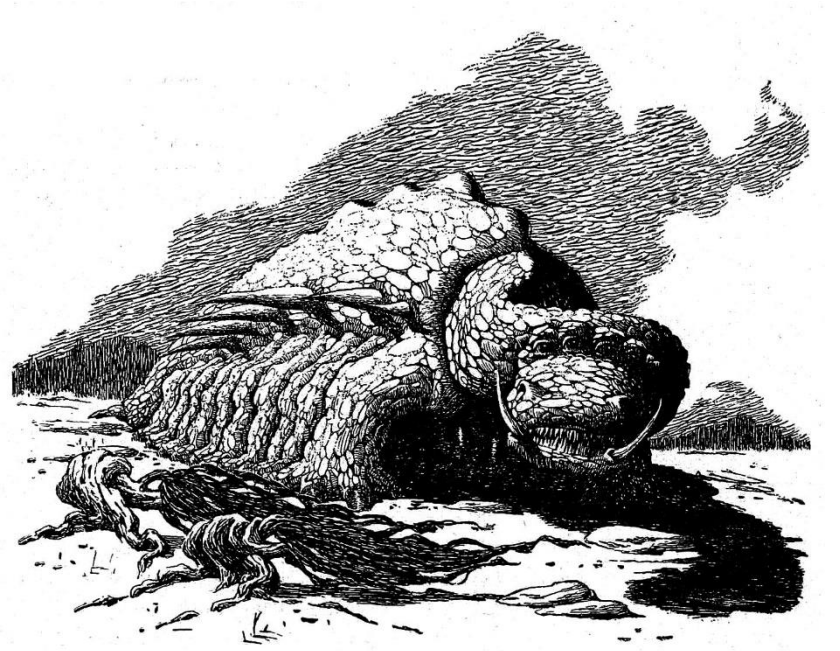
– У тебя есть хоть какой-нибудь план?

– Нет... и времени на это не осталось, чудище уже приближается.

– Спрыгни на грунт и отцепи волокушу. Сейчас я выдвинусь вперед и на время отвлеку зверя. Если ты решишься напасть с сетями, а потом дела пойдут плохо, отбегайте подальше, чтобы я мог стрелять.

Барленнан не задавал вопросов и не колебался. Он соскользнул с кормы и одним ловким движением распустил узел, удерживающий буксирный канат у днища танка. Затем он криком дал Лэкленду знать, что дело сделано, вновь прыгнул на борт «Бри» и принялся объяснять команде сложившуюся ситуацию. К тому времени, как он кончил, Лэкленд вывел танк вперед и в сторону, и моряки уже сами увидели гигантское животное. Некоторое время они смотрели на него с большим интересом, не без удивления и совершенно без всякого страха, а между тем танк начал играть со своим живым партнером.

Едва машина двинулась вперед, животное остановилось. Оно пригнуло голову к самому грунту и качнуло длинной шеей сначала в одну, затем в другую сторону, между тем как многочисленные глаза обозревали противника со всех возможных углов зрения. Зверь не обращал внимания на «Бри» и не заметил передвижения крошечных моряков, а, может быть, счел танк более опасным существом. Когда Лэкленд повернул ему во фланг, чудовище тоже повернуло на месте свое тело так, чтобы встретиться с противником лицом к лицу. Некоторое время Лэкленд раздумывал, не развернуть ли его на сто восемьдесят градусов задом к кораблю; затем он сообразил, что если придется стрелять, тогда «Бри» окажется на линии огня. Поэтому он остановился, когда волокуша оказалась справа от чудовища. Впрочем, подумал он, с таким, расположением глаз этот зверь все равно увидел бы моряков позади себя с тем же успехом, как и впереди.



Он вновь двинулся к животному. Когда танк перестал двигаться в обход, оно прижалось брюхом к грунту, а теперь снова поднялось на свои многочисленные ноги и втянуло голову в плечи, что было, видимо, защитной реакцией. Лэкленд затормозил, схватил фотоаппарат и сделал несколько снимков, но зверь, казалось, не собирался нападать, и Лэкленд с минуту-другую просто сидел и разглядывал его.

Тело животного было несколько крупнее, чем у земного слона; на Земле оно весило бы тонн восемь или десять. Этот вес равномерно распределялся между десятью парами ног, очень коротких и невероятно толстых. Лэкленд пришел к выводу, что вряд ли оно способно двигаться быстрее, чем двигалось до сих пор.

Прождав минуту или две, животное забеспокоилось; шея его слегка вытянулась, и голова принялась раскачиваться с боку на бок, словно бы высматривая других противников. Боясь, что беспомощный корабль и команда могут привлечь его внимание, Лэкленд рывком продвинул танк еще на

несколько футов; противник моментально вновь принял защитную позу. Так повторялось несколько раз, но интервалы с каждым разом становились все короче. Лэкленд делал эти ложные выпады до тех пор, пока солнце не скрылось за холмами на западе; когда наступила темнота, он, не зная, расположено ли чудовище продолжать бой ночью, включил на танке все прожектора и фары. Даже если эта тварь в такой новой и неожиданной для нее ситуации решится пойти навстречу танку, она ничего не будет видеть ни перед собой, ни во тьме вокруг.

Было совершенно очевидно, что чудовищу огни не понравились. Когда луч главного прожектора ударил его по глазам, оно несколько раз мигнуло, и Лэкленд отчетливо видел, как сужаются громадные зрачки; затем с пронзительным шипением, которое было подхвачено и передано в кабину приемником на крыше, оно проковыляло на несколько футов вперед и нанесло удар.

Лэкленд и не подозревал, что чудовище так близко, – вернее, он не подозревал, что оно может вытянуть шею так далеко. Неимоверно длинная шея рванулась вперед, выбросив слегка свернутую набок массивную голову. Один из колоссальных клыков с лязгом ударил по обшивке машины, и главный прожектор погас. Животное издало еще более пронзительное шипение; Лэкленд понял, что ток, питавший прожектор, замкнулся на металл через голову чудовища. Но раздумывать было некогда. Он торопливо выключил огни и подал машину назад. Страшно было представить себе, что будет, если клыки с такой же силой ударят по иллюминаторам кабины. Теперь поле боя освещали только фары, встроенные в броню внизу, спереди. Ободренное отступлением Лэкленда животное снова качнулось вперед и снова ударило, целясь в одну из фар. Боясь остаться в кромешной тьме, землянин не решался выключить фары и отчаянно воззвал по радио:

– Где же ты там со своими сетями, Барл? Если ты не вступишь немедленно, я открываю огонь, и наплевать мне на

твое мясо. Только держись подальше; эта тварь совсем рядом со мной, я не могу применять на таком расстоянии фугасные снаряды и буду стрелять термитными...

– Сети не готовы, – отозвался Барленнан. – Отведи его еще немного назад, чтобы оно было с подветренной стороны корабля, тогда мы управимся с ним другим способом!

– Будет сделано...

Лэкленд не знал, что это за другой способ, и немного сомневался в его действенности; но просьба капитана продолжать отступление вполне его устраивала. Ему ни на секунду не пришло в голову, что оружие Барленнана может повредить танк; откровенно говоря, это не пришло в голову и самому Барленнану. Серией поспешных коротких отходов Лэкленду удалось увернуться от страшных клыков; ума у чудовища явно не хватало на то, чтобы примениться к этой тактике. Между тем двух-трех минут этой игры в пятнашки Барленнану вполне хватило.

Он не сидел сложа руки. На подветренных плотиках «Бри», обращенных в сторону танка и животного, были установлены четыре устройства, напоминающих кузнечные мехи, над соплами которых высились ворончатые бункеры. У каждой установки находилось по два моряка; по сигналу капитана они изо всех сил принялись качать мехи. Одновременно моряки, приставленные к бункерам, открыли заслонки, и струи какой-то легчайшей пыли влились в струи газа, вырывающиеся из сопел мехов. Подхваченная ветром, пыль поплыла в сторону сражающихся. В ночной темноте трудно было уследить за ее движением, но Барленнан хорошо разбирался в ветрах. Через несколько секунд он выкрикнул новый приказ.

Моряки, орудующие возле установок, сделали какое-то движение возле сопел мехов. В то же мгновение во тьме развернулось ревущее полотнище пламени и, увлекаемое ветром, двинулось к полю боя. Команда корабля заранее укрылась под брезентами; даже «пушкари» были защищены полосами ткани, которыми были оснащены установки; но

растительность, проросшая сквозь снег, была слишком низкой и редкой, чтобы преградить дорогу огню. Лэкленд, бормоча слова, которым он никогда не обучал Барленнана, дал полный задний ход, чтобы вывести машину из бушующего пламени; он только молился, чтобы в иллюминаторах не расплавился кварц. Его противник тоже попытался спастись, но ума на это ему явно не хватило, и он просто заметался из стороны в сторону. Через несколько секунд пламя потухло, оставив после себя облако густого белого дыма, переливающегося в лучах фар; но либо хватило и этих нескольких секунд, либо дым тоже был смертоносен – рывки и движения животного на глазах становились все более беспорядочными. Ноги переступали все неувереннее и медленнее, они уже не в силах были поддерживать громаду туловища, и, наконец, чудище споткнулось и повалилось набок. Некоторое время ноги его еще отчаянно дергались, длинная шея судорожно вытягивалась и сокращалась, голова с обнаженными клыками то взвивалась в воздух, то билась о грунт. К восходу солнца у животного лишь иногда подергивались ноги и конвульсивно двигалась голова, но вскоре и это прекратилось. Команда «Бри» ринулась с корабля и по темной проталине, где снег выкипел, обнажив грунт, устремилась за свежим мясом. Смертоносное белое облако, постепенно оседая, медленно уплывало в сторону. Лэкленд с изумлением обнаружил, что оно оставляет за собой на снегу налет черной пыли.

– Барл, что это за вещество вы используете для создания такого пламени? И как ты не подумал, что у меня могли полопаться окна в танке?

Капитан, который остался на борту и был возле одного из радиоаппаратов, немедленно откликнулся:

– Прости, Чарлз, я ведь не знал, из чего сделаны твои окна, да мне и в голову прийти не могло, что наш огневой бой может повредить твоей великолепной машине. Впредь я буду более осторожен. А что касается горючего вещества, так это просто пыль, которую мы добываем из некоторых

растений. Оно содержится там в виде крупных кристаллов, и эти кристаллы нам приходится измельчать с большой осторожностью и в полной темноте...

Лэкленд медленно кивнул, раздумывая над этим сообщением. Химию он знал слабо, но вполне достаточно, чтобы догадываться о природе этого горючего. В водороде возгорается на свету... после сгорания оставляет белое облако... черные пятна на снегу... Все ясно. При низких температурах Месклина хлор может существовать только в твердом состоянии; он жадно соединяется с водородом; облака пыли хлористого водорода белого цвета; метановый снег от жара стаял и обнажил грунт, и газообразный метан тоже отдал свой водород этому ненасытному элементу, а выпавший углерод остался на снегу в виде черных пятен. Занятные растения есть на этой планете! Нужно будет послать на Турей еще одно сообщение... нет, пожалуй, прибережем его до случая, если придется опять побеспокоить Ростена.

– Право, мне очень жаль, что так получилось, – продолжал Барленнан. Видимо, он все еще чувствовал себя виноватым. Давай теперь предоставим тебе расправляться с этими тварями при помощи твоей пушки. Или ты научишь нас стрелять из нее. Она ведь специально сконструирована для использования на Месклине, как и радиоаппараты?

Капитан подумал было, что заходит в своем любопытстве слишком далеко, но решил, что дело того стоит. Он не видел, как улыбнулся Лэкленд, а если бы и увидел, то не понял бы почему.

– Нет, пушка самая обычная, Барл. Ее не приспосабливали для этой планеты. Здесь она действует достаточно хорошо, но я боюсь, что в твоих краях от нее будет мало толку. – Он взял логарифмическую линейку, что-то подсчитал. – Вот, – сказал он. – На вашем полюсе дальность стрельбы из этой штуки не превысит ста пятидесяти футов.

Барленнан разочарованно промолчал. Следующие несколько дней были затрачены на разделку чудовищной

туши. Лэкленд забрал себе череп на случай, если придется опять ублажать Ростена, после чего поход возобновился.

Милю за милей, день за днем танк с волокушей на буксире продвигался вперед. Они видели еще несколько городов камнеметателей; дважды останавливались, чтобы взять продовольствие для Лэкленда, оставленное ракетой на маршруте; довольно часто они встречались с крупными животными – некоторые походили на чудовище, поверженное «огневым боем» Барленнана, другие отличались от него как размерами, так и внешним видом. Два раза команда выходила с сетями на гигантских травоядных и пополняла запасы свежего мяса, и это зрелище вызывало у Лэкленда чувство восхищения. Ибо разница в размерах между дичью и охотниками была здесь гораздо разительнее, нежели между земными слонами и охотившимися на них африканскими пигмеями.

Со временем местность становилась все более неровной, и река, вдоль которой они шли вот уже сотни миль, сузилась, а затем распалась на множество неширокихъ потоков. Через два из них переправиться было довольно трудно, и для этого месклиниты вынуждены были стащить «Бри» с волокуши и пустить вплавь на конце буксирного каната, в то время как танк с волокушей переправился прямо по дну.

Наконец, примерно в тысяче двухстах милях от места зимовки «Бри» и в трехстах милях к югу от экватора, когда Лэкленд начал изнемогать под силой тяжести, увеличившейся еще на половину g, потоки стали вытягиваться в направлении их маршрута. На всякий случай Лэкленд и Барленнан не заговаривали об этом в течение нескольких дней, но в конце концов все сомнения исчезли: они вышли на водораздел, ведущий прямо к восточному океану. Настроение команды, которое и раньше-то не было плохим, поднялось еще выше. Теперь, когда танк взбирался на вершину очередного холма, на его крыше всегда торчали несколько моряков, надеявшихся первыми увидеть долгожданное море. Расцвел даже Лэкленд, хотя от усталости у него иногда

наступали приступы головокружения; и тем более страшным ударом для него было, когда танк совершенно неожиданно вышел к краю огромной пропасти: почти отвесный обрыв глубиной в шестьдесят футов тянулся поперек их маршрута, насколько хватало глаз.

9. Вниз с обрыва

Долгое время все молчали. Лэкленд и Барленнан, которые столь тщательно работали над фотографиями, прокладывая маршрут похода, были настолько потрясены, что лишились дара речи. А команда, при других обстоятельствах всегда готовая проявить инициативу, только взглянув на пропасть, единодушно решила возложить решение этой проблемы на своего капитана и на его инопланетного друга.

– Откуда это? – проговорил наконец Барленнан. – Насколько я могу судить, по сравнению с высотой корабля, с которого делались снимки, обрыв здесь, конечно, не так высок, но ведь он должен перед заходом солнца отбрасывать огромную тень…

– Должен, Барл, и я понятия не имею, почему он остался незамеченным. Как ты помнишь, каждый снимок охватывает территорию в сотни квадратных миль; это больше, чем весь район, который мы видим отсюда. Скорее всего, снимок этой местности был сделан между восходом и полуднем, когда тени от обрыва нет…

– Значит, обрыв не может тянуться дальше границ этого снимка?

– Это неизвестно, но возможно, что и соседние снимки были сделаны утром. Конечно, я не знаю, каким курсом летела съемочная ракета. Но если она, как обычно, двигалась с запада на восток, то, вероятнее всего, она пролетала над этим обрывом несколько раз в одно и то же время суток… Да что толку задаваться такими вопросами? Обрыв реально существует, и надо думать, как нам продолжить путешествие.

Вновь наступила долгая пауза; наконец, к удивлению землян, молчание было прервано первым помощником:

– Пожалуй, лучше всего попросить, чтобы друзья Летчика там, наверху, выяснили, далеко ли тянется этот обрыв в обе стороны. Возможно, где-нибудь поблизости есть удобный спуск, это избавило бы нас от дальнего обхода. И раз уж обрыв не получился на первых картах, пусть они сделают новые...

Помощник говорил на своем языке, и Барленнан перевел его предложение на английский. Лэкленд поднял брови.

– Пусть уж твой друг сам говорит по-английски, Барл... ты видишь, он понял наш разговор, значит, знает язык достаточно хорошо. Или ты передал ему содержание разговора каким-либо иным способом, который мне неизвестен?

Барленнан повернулся к помощнику: он был изумлен, а через секунду его охватило смятение. Он не передавал Дондрагмеру содержание разговора; видимо, Летчик был прав – помощник каким-то образом умудрился выучиться английскому. Но и вторая догадка Лэкленда была правильной. Барленнан давно уже заметил, что многие звуки, которые воспроизводит голосовой аппарат месклинита, не слышны землянину, хотя и не догадывался, почему. Некоторое время он лихорадочно размышлял, что же делать: то ли признать, что Дондрагмер тайком обучился английскому языку, сославшись при этом на его необыкновенные способности, то ли раскрыть тайну неслышных Летчику звуков, то ли рассказать и о том, и о другом. А может быть, если повезет, удастся скрыть и то, и другое? Барленнан сделал все, что мог.

– Видимо, у Дондрагмера более острый ум, нежели я предполагал, – проговорил он по-английски. – Это правда, что ты научился понимать язык Летчика, Дон? – И добавил скороговоркой на своем языке и в более высокой тональности: – Говори правду. Я хочу как можно дольше скрывать наше уменье говорить так, чтобы он не слышал. Отвечай на его языке, если можешь.

Помощник повиновался, хотя даже капитан не догадывался о том, что у него на уме:

– Я хорошо изучил твой язык, Чарлз Лэкленд. Я просто не знал, что ты имеешь что-нибудь против этого.

– А я вовсе не против, Дон; я даже очень рад, хотя, признаться, меня это удивило. Если бы ты приходил ко мне на станцию вместе с Барлом, я бы с удовольствием обучал и тебя. Ну, а поскольку ты изучил мой язык самостоятельно, видимо, сравнивая наши с капитаном переговоры с его последующими действиями, пожалуйста, прими участие в обсуждении ситуации. Предложение, которое ты сделал минуту назад, кажется мне весьма дельным; я сейчас же свяжусь с базой на Турее...

Оператор на луне отозвался немедленно, ибо теперь на частоте главного передатчика Лэкленда с помощью нескольких релейных спутников, запущенных во внешнее кольцо Месклина, было установлено постоянное дежурство. Оператор подтвердил, что понял задачу, и пообещал произвести фотографирование в самые ближайшие сроки.

«Самые ближайшие сроки», однако, растянулись на многие месклинские сутки, и в ожидании результатов тройка обсудила целый ряд других планов, рассчитанных на случай, если достаточно близкого обхода обнаружено не будет.

Тут некоторые моряки выразили готовность просто спрыгнуть в пропасть. Это встревожило Барленнана: он считал, что естественный страх высоты ни в коем случае не должен вытесняться полным к ней пренебрежением даже теперь, когда вся команда разделяла готовность своего капитана прыгать и карабкаться по вертикальным стенам. Он обратился к Лэкленду с просьбой помочь ему разубедить этих безрассудных храбрецов, и Лэкленд это сделал, подсчитав, что падение с обрыва высотой в шестьдесят футов в этих широтах равнозначно падению с высоты одного фута в их родных краях; этого оказалось достаточно, чтобы пробудить в отчаянных головах привычные страхи детских лет и заставить их отказаться от смертельно опасной затеи.

Впоследствии, обдумывая этот случай, Барленнан пришел к выводу, что вся его команда состоит из сумасшедших, а самым большим безумцем из всех является он сам; но он был почти уверен, что этот вид сумасшествия еще сослужит им добрую службу.

Некоторое время новых предложений не поступало, и Лэкленд воспользовался этим, чтобы урвать часок-другой для сна, в котором он остро нуждался. Он отлично выспался, проснувшись только один раз, чтобы плотно пообедать, а затем, наконец, пришло сообщение с обзорной ракеты. Сообщение это было коротким и обескураживающим. К северо-востоку от них примерно в шестистах милях у самого экватора обрыв уходил в море. В противоположном направлении он тянулся, медленно понижаясь, на тысячу двести миль и на широте пяти g сходил на нет. Линия его не была прямой, в одном месте она поворачивала в сторону океана; именно к этой дуге и вышел танк. По краям дуги в пропасть низвергались две большие реки; танк находился в дефиле между ними, и чтобы переправиться через любую из них, пришлось бы оттащить «Бри» на много миль вверх по течению подальше от чудовищных водопадов. Один из водопадов был примерно в тридцати милях к югу, другой – в сотне миль к северу и востоку, если идти вдоль дуги. С высоты, на которой производилась съемка, было, конечно, невозможно рассмотреть обрыв во всех подробностях на всем его протяжении, но специалисты по высотной фотосъемке очень сомневались в том, что танку в каком-либо пункте удастся спуститься вниз. Обнадеживали только районы водопадов, где сильная эрозия могла создать какое-то подобие проходимых спусков.

– Каким же образом здесь появился этот чертов обрыв? – услышав об этом, с горечью спросил Лэкленд. – Тысяча восемьсот миль какого-то паршивого эскарпа, и именно в него нас угораздило ткнуться. Держу пари, что другого такого нет на всей планете...

– Проспорите, – отозвался топограф. – Наши физиографы прямо-таки возликовали, когда узнали о нем. Все они считают, что такие образования должны быть очень характерны для Месклина, а один объявил, что подальше от экватора мы обнаружим их во множестве. Другой удивился, как вы до сих пор умудрялись их миновать. Так что ничего странного тут нет. Когда я отключился, они все еще бубнили об этом… А вы не расстраивайтесь, Лэкленд. По-моему, вам даже повезло, что продолжать поход вашим друзьям-малюткам придется уже без вас.

– Это, конечно, мысль, – пробормотал Лэкленд и замолчал, так как его осенила новая идея. – Но ведь если такие провалы здесь – обычное дело, значит, между нами и океаном могут быть и другие обрывы! Может, надо провести еще одну фоторазведку?

– Нет. Перед тем, как приступить к этой, я проконсультировался с геологами. Вам придется преодолеть только этот спуск, а дальше все будет в порядке. У подножия вы спустите корабль на реку, и остальной путь он спокойно проделает сам. Так что у вас сейчас одна забота: как спустить корабль вниз с обрыва.

– Спустить… Гм. Я понимаю, Хэнк, вы сейчас выразились, так сказать, фигурально, но в этом что-то есть… Ладно, спасибо за все. Возможно, мне еще понадобится с вами поговорить…

Лэкленд отодвинулся от приемопередатчика и вытянулся на своем ложе. Мысль его заработала. Он никогда еще не видел «Бри» на плаву; корабль был вытащен на берег до того, как он встретился с Барленнаном, а во время похода, когда приходилось форсировать широкие реки, он тащил его на буксире, а сам в это время находился в танке, который шел по дну. Поэтому он не знал, какая у корабля осадка. С другой стороны, чтобы плавать по океанам жидкого метана, судно должно быть весьма легким – ведь метан почти вдвое менее плотен, нежели вода. Но судно не было полым – в его корпусе не существовало обширных пустых помещений,

резко уменьшающих его среднюю плотность, как у стальных кораблей на Земле. «Дерево», из которого сделан «Бри», должно быть очень легким, чтобы этот корабль держался в метановом океане, да притом еще нес на себе команду и груз.

Выходило, что каждый отдельный плотик должен весить в этом районе Месклина не больше нескольких унций – возможно, двух фунтов. При таких обстоятельствах Лэкленд сам бы мог стоять на краю обрыва и спускать вниз сразу по нескольку плотиков; не исключено было, что любым двум морякам из команды вполне под силу поднять на себе весь корабль (если бы удалось уговорить их забраться под днище). Правда, у Лэкленда не было ни веревок, ни канатов – только буксирный трос; но «Бри» был обеспечен этим добром в изобилии. Далее, чтобы провернуть это дело, морякам придется соорудить что-то вроде спускового устройства: способны ли они на это? На Земле такая работа по силам любому мореходу; но на Месклине со здешней странной, но вполне понятной боязнью прыжков, бросков, подъемов – всего, так или иначе связанного с высотой, это превращается в целую проблему. Ну что ж, моряки Барленнана во всяком случае умеют вязать узлы, да и идея буксировки теперь им не столь чужда, как раньше; без сомнения, эта проблема разрешима. Остается последнее и главное: согласятся ли моряки, чтобы их спустили в пропасть тем же способом, что и корабль? Многие, возможно, предоставят решение этого вопроса капитану, но Лэкленд сильно подозревал, что кое-что будет зависеть и от него самого.

Однако необходимо выяснить, что по этому поводу скажет Барленнан. Протянув тяжелую руку, Лэкленд включил радиоаппарат и вызвал на связь своего крошечного приятеля.

– Барл, я кое-что обдумал. Как ты считаешь, смогут ли твои моряки спускать с обрыва на тросах по одному плотику и внизу снова собрать корабль?

– А как же будешь спускаться ты?

– Я не буду спускаться. Если сообщение Хэнка Стирмана соответствует действительности, в тридцати милях к югу отсюда есть большая река, годная для навигации на всем своем протяжении до самого океана. Вот что я хочу предложить. Я отбуксирую вас до водопада, окажу вам посильную помощь в спуске «Бри» с обрыва, прослежу, пока вы не спустите корабль на реку, а потом пожелаю вам счастливого плавания. А после этого мы сможем помогать вам только прогнозами погоды и навигационной информацией – как мы уславливались на зимовке… Ведь у вас есть веревки, которые выдержат вес плотика?

– Разумеется, в этих краях и самый обычный канат выдержит вес всего корабля. Нам только придется закрепить концы на деревьях или на твоем танке: без этого всю команду стащит вниз. Но это, конечно, задача разрешимая. Послушай, Чарлз, а ведь ты нашел выход из положения!

– Ну, а как насчет команды? Согласятся они, чтобы их спускали таким способом?

Барленнан на секунду задумался.

– Я думаю, все будет в порядке. Я прикажу им спускаться на плотиках и дам при этом какое-нибудь задание… например, пусть следят за тем, чтобы плотики при спуске не бились о скалу. Тогда им некогда будет глядеть вниз и думать о высоте. Да вообще все мы испытываем здесь такое ощущение легкости (при этих словах Лэкленд чуть не застонал), что теперь никто не боится падения; все расхрабрились даже больше, чем надо. Одним словом, на этот счет ты не беспокойся. Слушай, может, двинемся к водопаду прямо сейчас?

– Ладно…

Лэкленд перебрался к пульту управления. Вдруг он ощутил сильную усталость. Свою долю работы он почти выполнил раньше, чем ожидал, и теперь все тело его взывало к освобождению от чудовищной тяжести, которая давила на него вот уже семь месяцев подряд. Может быть, не стоило

зимовать на планете? Но он был страшно утомлен и не мог сожалеть о том, что сделал.

Танк развернулся вправо и снова двинулся в путь. Лэкленд старался не подходить к обрыву ближе, чем на двести ярдов. Возможно, месклиниты сумели преодолеть свой ужас перед высотой; Лэкленд же только начал испытывать этот ужас. Кроме того, он так и не починил главный прожектор, разбитый в первой схватке с месклинским зверем, и приближаться к краю пропасти в ночное время при свете одних лишь фар совсем не входило в его намерения.

Они достигли водопада за один двадцатидневный переход. И месклиниты и землянин услышали его издалека: вначале – смутное дрожание в воздухе, затем отдаленные раскаты грома и, наконец, оглушительный рев, перед которым спасовали даже голосовые связки аборигенов. Когда они вышли к берегу, был день, и Лэкленд невольно остановил машину. У края пропасти река была в полмили шириной и гладкая, как стекло: видимо, русло ее было свободно от рифов и других неровностей. Она просто спокойно перекатывалась через край и падала вниз. Водопад прорыл ущелье, начинавшееся в целой миле от линии обрыва; это было прекрасное зрелище. На поверхности жидкой массы не было видно ни одной морщинки, и о скорости ее падения можно было судить только по неистовству, с которым брызги вновь взмывали вверх. Даже при такой силе тяжести и при такой плотности атмосферы нижняя часть водопада была постоянно скрыта облаком брызг; чем дальше от нижней кромки обрыва, тем это облако становилось разреженнее, пока сквозь него не проступала наконец взбаламученная поверхность нижнего участка реки. Ветра не было, если не считать движения воздуха, порождаемого самим водопадом, и поток внизу по мере приближения к океану становился все спокойнее.

Едва танк остановился, команда «Бри» слезла на грунт, и по тому, как моряки рассыпались вдоль края ущелья, стало ясно, что никто из них не проявит малодушия при

спуске. Затем Барленнан приказал всем вернуться на борт, и работа закипела. Пока разматывались тросы и через край спускался отвес для уточнения высоты обрыва, Лэкленд прилег отдохнуть. Кое-кто из моряков принялся снимать с плотиков грузы и запасной такелаж; другие забрались между плотиками и стали развязывать узлы, которыми они были связаны, заодно проверяя состояние разделявших их амортизаторов. Чего-чего, а сноровки у этих работяг хватало, и один плотик за другим оттаскивался прочь от корпуса корабля.

Убедившись, что работа идет полным ходом, Барленнан и его первый помощник подошли к обрыву поискать подходящее место для спуска. Ущелье было забраковано немедленно; мысль о том, чтобы произвести сборку корабля прямо на плаву, пришлось отвергнуть, так как река в ущелье оказалась слишком бурной. Однако выяснилось, что с обрыва можно было спускаться, в сущности, где угодно, и начальство быстро выбрало место как можно ближе к устью ущелья. Удаляться от устья не имело смысла, поскольку внизу вновь собранный корабль или его отдельные части придется перетаскивать к реке уже без помощи танка.

Чтобы избежать трения канатов о край скалы, были сооружены мостки из мачт, выступающие над пропастью и обеспечивающие удаленную от края точку подвеса; тем не менее мачты не были достаточно длинными, чтобы при спуске предохранить плотики от ударов о стену обрыва. К мосткам прикрепили систему из блока и талей, которая очень заинтересовала Лэкленда, и на старт выволокли первый плотик. Плотик вставили в канатную подвеску, к подвеске прикрепили главный трос, конец которого обмотали вокруг дерева; несколько матросов ухватились за трос, плотик пополз по мосткам и перевалился через край. Все было подготовлено, но Дондрагмер с капитаном очень и очень тщательно обследовали установку, и только после этого первый помощник и один из матросов переползли на плотик, висевший с небольшим креном у края мостков. Они чуть-

чуть выждали, и Дондрагмер дал сигнал отдавать трос. Вся команда, кроме тех, кто был занят на тросе, ринулась к обрыву смотреть на спуск. Лэкленду тоже очень хотелось посмотреть, но подводить танк к самому обрыву или идти туда в скафандре он не собирался. Кроме того, он испытывал прежний страх перед высотой, а от вида канатов, с которыми возились месклиниты, ему делалось прямо-таки дурно: на Земле самый заурядный клерк отказался бы перевязать такой веревочкой двухфунтовый пакет сахара.

Послышались возбужденные крики, и толпа отхлынула от края пропасти: первый плотик был спущен. Трос потянули обратно, и тут Лэкленд вдруг увидел, что матросы стали подготавливать к спуску уже целый штабель плотиков, кладя их один на другой. Видимо, капитан решил не тратить времени зря. Землянин был высокого мнения об интеллекте Барленнана, и все же он решил своими глазами убедиться, что операция по спуску такого груза тоже пройдет благополучно. Он уже потянулся было к скафандру, но вспомнил, что выходить ему нет никакой необходимости; тогда он опять прилег, вызвал Барленнана и попросил его установить радиоаппараты таким образом, чтобы их «глаза» могли следить за работами. Капитан немедленно сделал все, что нужно: он послал моряка установить один аппарат на мостках так, чтобы «глаз» глядел вертикально вниз, а другой аппарат положил сверху на штабель, который к этому времени был уже опутан канатной петлей. И пока шел спуск, Лэкленд переключал свой экран с одного аппарата на другой. Первый передатчик привел его в замешательство: были видны только ближайшие футы троса, так что груз, казалось, уплывает вниз сам собой, без всякой поддержки. Второй же показывал медленно уплывающую вверх стену обрыва – зрелище, особенно интересное для геолога. Примерно на середине спуска Лэкленд спохватился и поспешно связался с Туреем, чтобы пригласить к экранам всех заинтересованных лиц. Геологи немедленно откликнулись и стали оживленно комментировать последний этап спуска.

Один за другим уходили на дно пропасти грузы, и лишь изредка нарушалось однообразие этих операций. Под конец спусковой трос заменили более длинным, и спуск производился уже снизу, поскольку большая часть команды собралась на дне пропасти. Лэкленд понял, в чем здесь дело, когда Барленнан вдруг оторвался от работы и прыгнул на крышу танка. Аппарат, установленный там, оставался на месте.

– Еще два груза и все, Чарлз, – начал капитан. – Но с последним грузом возникает небольшое затруднение. Нам бы, конечно, хотелось сохранить все наше оснащение, а для этого необходимо разобрать и спустить мачты, из которых мы соорудили спусковое устройство. Было бы нежелательно просто сбросить их с обрыва, ведь мы не уверены, что они уцелеют – грунт внизу скалистый. Вот я и подумал: что, если ты облачишься в свою броню и спустишь последний груз на руках? Это не очень много – один плотик, мачты и тали... и я.

При этих словах Лэкленд вздрогнул.

– То есть ты собираешься довериться моей мускульной силе, зная, что на меня и так давит троекратная сила тяжести, да еще мне придется выдерживать вес моего скафандра?

– Конечно. Скафандр достаточно тяжел, чтобы служить противовесом грузу. Тебе следует только намотать трос вокруг туловища и стравливать его постепенно. Я не вижу здесь ничего трудного или опасного; по вашим меркам груз будет весить всего несколько фунтов...

– Пусть так, но ведь это еще не все... Ваши тросы такие тонкие, а рычаги-манипуляторы моего скафандра совсем не годятся для работы с маленькими предметами... Что будет, если трос выскользнет у меня из рук?

Барленнан призадумался.

– Какой самый маленький предмет ты можешь крепко удержать в руках?

– Самый маленький предмет? Ну… скажем, мачту твоего корабля.

– Прекрасно, тогда все в порядке. Мы намотаем на мачту трос, и ты сможешь использовать ее как брашпиль. А потом сбросишь мачту вниз. Если одна мачта и сломается, потеря не слишком велика.

Лэкленд пожал плечами.

– Речь идет о твоем здоровье и о твоем имуществе, Барл. Могу только обещать, что я буду чрезвычайно осторожен; и я бы страшно не хотел, чтобы с тобой случилось что-нибудь нехорошее… особенно из-за моей небрежности. Ладно, жди, я сейчас выйду.

Удовольствовавшись этим, месклинит снова спрыгнул на грунт и принялся отдавать приказания немногим оставшимся морякам. Вот и последний груз отправился вниз вместе с моряками, и спустя несколько секунд землянин выбрался из машины.

Барленнан уже ждал его. У края обрыва теперь оставался один-единственный плотик в канатной подвеске и готовый к спуску. На нем лежали радиоаппарат и вязанка материала для мостков, и капитан тащил к Лэкленду мачту, обмотанную тросом. Землянин шел медленно, с каждым шагом им все более овладевала страшная слабость. Футах в десяти от края он остановился перед капитаном, нагнулся, насколько это позволял неуклюжий скафандр, и принял у маленького капитана мачту. Барленнан повернулся к плотику, еще раз проверил крепление груза, сдвинул его на край скалы и забрался на плотик. Он бросил последний взгляд на Лэкленда; землянин готов был поклясться, что при этом месклинит подмигнул ему. Затем по радио прозвучало: «Давай, Чарлз». Капитан ступил на ту половину плотика, которая повисла над пустотой. Его клешни вцепились в веревки, стягивающие груз – только за них он и держался, когда плотик покачнулся и соскользнул с каменной гряды.

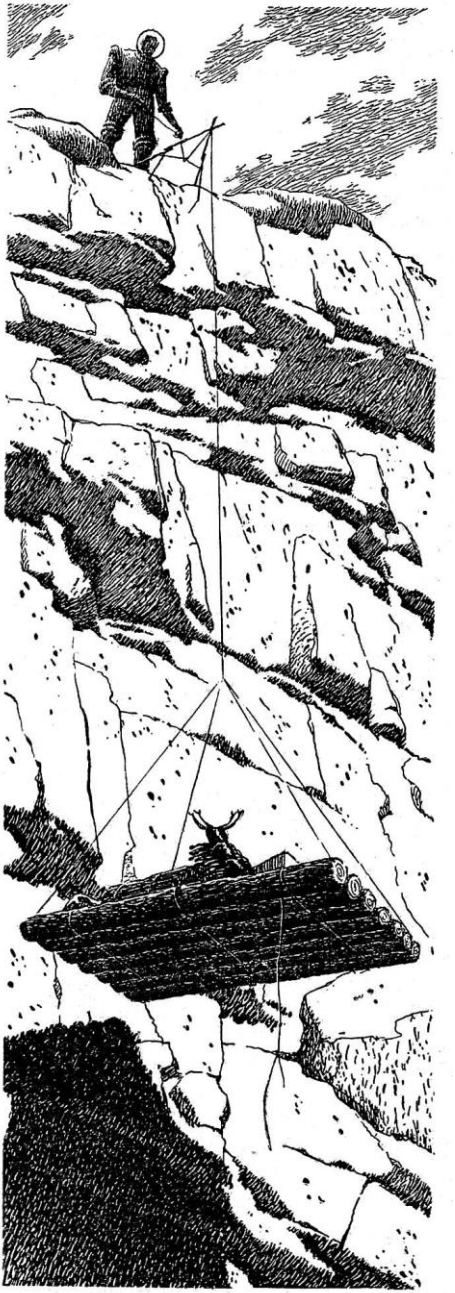
Лэкленд немного вытравил трос, и плотик сразу рухнул вниз на несколько футов. Резкий рывок свидетельствовал о

том, что трос выдержал, и сейчас же Барленнан радостно подтвердил это.

– Спускай! – скомандовал капитан; Лэкленд повиновался.

Чем-то это было похоже на запуск змея, возможно, формой брашпиля – простая веревочка, намотанная на палку. Это напомнило о детстве; но он знал, во что бы обошлась ему потеря этого змея. Ему было трудно удерживать мачту, и, для того чтобы сменить руку, пришлось, медленно поворачиваясь на одном месте, намотать несколько витков троса вокруг тела. Это его немного успокоило, и он стал постепенно отпускать трос.

Через равные промежутки времени в его шлеме звучал голос Барленнана; словно чувствуя страшное напряжение землянина, эта кроха старалась всячески ободрить его. «Полпути позади...» «Как



плавно ты спускаешь...» «А знаешь, я даже с такой высоты не боюсь смотреть вниз...» Наконец: «Вот и грунт... Еще чуть-чуть... Все! Я на грунте. Подержи мачту еще немного, пожалуйста; я тебе скажу, когда мы здесь все уберем и можно будет ее сбросить».

Лэкленд подождал. Он попытался оторвать на память фута два троса, но это оказалось ему не под силу даже в бронированных перчатках. Но угол одной из застежек панциря оказался достаточно острым, чтобы перерезать канат, и только Лэкленд обмотал этот «сувенир» вокруг руки, как услыхал последнюю просьбу своего приятеля:

– Мы расчистили место внизу, Чарлз. Можешь теперь отпустить конец троса и бросить мачту.

Тонкий трос моментально исчез из виду, за ним последовал десятидюймовый прут, служивший одной из главных мачт «Бри». И Лэкленд понял, что видеть свободное падение предметов при тройной силе тяжести еще менее приятно, чем представлять себе это. На полюсах, вероятно, картина иная – там падающего предмета вообще не видно. Да и как его увидишь, если в первую секунду падения предмет пролетает около двух миль. Но, может быть, такое внезапное исчезновение тоже действует на нервы... Лэкленд отмахнулся от этих мыслей и зашагал обратно к танку.

Два часа он наблюдал по телеприемнику, как собирали «Бри». А когда всю связку плотиков спихнули в реку и по радио зазвучали прощальные приветствия Барленнана, Дондрагмера и команды – он догадался, о чем кричали моряки на своем языке, – Лэкленд даже пожалел, что остается в одиночестве. Течение уносило корабль все дальше от обрыва. Прощаясь, Лэкленд молча поднял руку и смотрел, как «Бри» становился все меньше и наконец совсем исчез вдали.

Он долго сидел, глядя на опустевшую реку, затем вызвал базу на Турее.

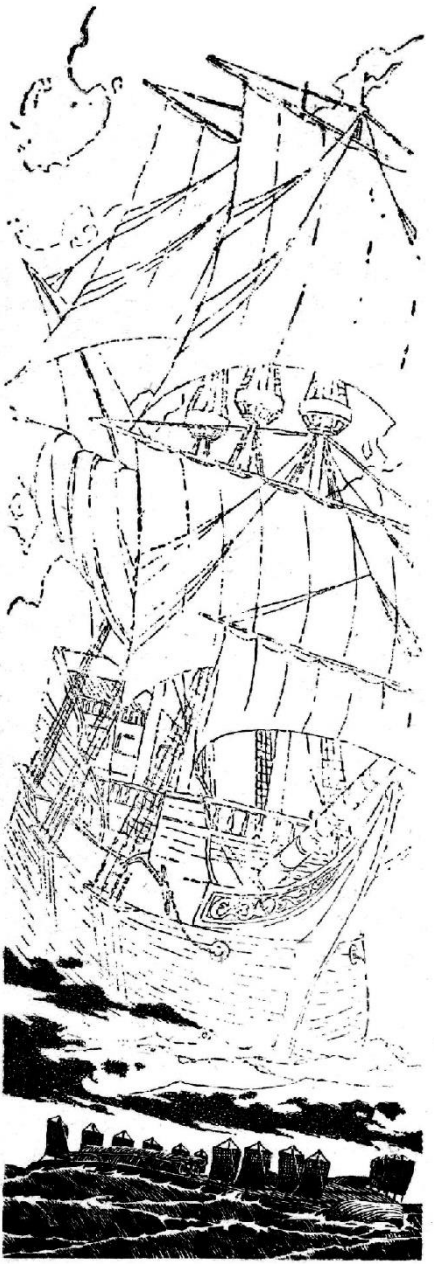
– Можете прилетать и забирать меня, – проговорил он. – Я сделал на планете все, что мог.

10. Полые лодки

Гигантский водопад остался позади; здесь река становилась широкой и текла медленно. Вначале воздух, увлекаемый массой падающей «воды», создавал ветер, тянувший в сторону океана, и Барленнан, чтобы воспользоваться этим, приказал поставить паруса. Но ветер вскоре стих, и корабль был отдан на милость течения. Впрочем, никто на это не жаловался: течение увлекало экспедицию в нужную сторону. Некоторые моряки смотрели на водопад до тех пор, пока он не растаял в дымке, а когда до них донесся приглушенный грохот снижающейся ракеты, все как один обернулись на запад, но думали главным образом о будущем.

Чем дальше, тем берега становились интереснее. За время сухопутного перехода моряки успели привыкнуть к вертикальным растениям, которые Летчик называл «деревьями»; такие растения попадались им раз в несколько дней. Вначале они возбуждали любопытство, а потом вдобавок выяснилось, что их плоды, видимо, можно будет продавать дома. Со временем деревьев становилось все больше и больше, они грозили вытеснить обычную стелющуюся растительность с канатоподобными корнями, и Барленнан уже подумывал, что хорошо бы устроить здесь поселение – оно бы полностью оправдало себя, торгуя плодами, которые Летчик называл «еловыми шишками».

Долгое время, на протяжении целых пятидесяти миль, им не встречалось никаких признаков разумной жизни, хотя они видели на берегах множество животных. Река кишела рыбой, но не было ни одной настолько крупной, чтобы она представляла опасность для «Бри». Наконец, деревья потянулись вдоль реки сплошной стеной, и невозможно было понять, насколько далеко простираются эти заросли в глубь суши. Тогда Барленнан любопытства ради приказал править ближе к берегу – посмотреть, что такое лес (конечно, он не знал такого слова).



Лес оказался довольно светлым, потому что у деревьев здесь не было таких развесистых крон, как на Земле, и все же он производил странное впечатление. Под сенью этих таинственных растений у многих моряков вновь возник страх перед тем, что находится над их головами; и, когда капитан молчаливым жестом приказал рулевому вновь вернуться на середину реки, команда с облегчением вздохнула.

Если в этих лесах кто-нибудь живет, они бы с удовольствием приняли у себя местных жителей. Дондрагмер сказал об этом в полный голос, и команда гулом одобрения выразила свое согласие. К несчастью, на берегу его слов либо не расслышали, либо не поняли. Возможно, лесные жители и не думали, что пришельцы намерены отнять у них лес, просто они решили не рисковать; и посланцы из тех мест, где сила тяжести велика,

получили возможность познакомиться с метательным оружием.

На этот раз против них были пущены в ход копья. Шесть копий бесшумно взлетели с высокого берега, и, задрожав, воткнулись в палубу «Бри»; еще два копья скользнули по хитиновым панцирям моряков и со стуком покатились по плотикам. Моряки, которых задело копьями, от неожиданности подпрыгнули и шлепнулись в реку в нескольких ярдах от корабля. Им пришлось догонять корабль вплавь и взбираться на борт без посторонней помощи, ибо все глаза были устремлены на берег в поисках нападающих. Рулевой, не дожидаясь приказаний, еще круче свернул к середине реки.

– Интересно, кто бросил эти копья?... И есть ли у них метательная машина, как у Летчика? – негромко спросил Барленнан, совершенно не рассчитывая на ответ.

Тербланнен выдернул из палубы одно копье и стал разглядывать наконечник из твердой древесины; затем он для пробы швырнул копье в сторону удаляющегося берега. Искусство бросания было для него совершенно незнакомым, до этого он только раз, в городе камнеметателей, перебрасывал вещи с грунта на крышу танка; поэтому он швырнул копье, как мальчишка швыряет палку, и оно, крутясь на лету, исчезло среди деревьев. Это было ответом на второй вопрос Барленнана; как ни малы были руки у моряка, оружие легко долетело до берега. Так что, если невидимые обитатели леса походили на среднего месклинита, у них не было никакой нужды в метательных приспособлениях вроде пушки Лэкленда. Правда, определить, как они выглядят, капитан не мог и не имел никакого желания высаживаться, чтобы самому посмотреть на них. И «Бри» вновь поплыл вниз по течению, в то время как к Лэкленду на далеком Турее несся подробный отчет о случившемся.

Леса тянулись на добрую сотню миль, а между тем река становилась все шире. После столкновения с лесными обитателями «Бри» держался середины реки, но очень скоро корабль попал в новую переделку. Уже через несколько

суток после случая с копьями по левому берегу открылась небольшая поляна. С палубы, в нескольких дюймах над поверхностью реки, Барленнан видел хуже обычного, но он сразу заметил на этой поляне нечто интересное. После некоторого колебания он приказал подвести судно ближе к берегу. Заинтересовавшие его предметы напоминали деревья, но были много ниже и гораздо шире. Будь Барленнан повыше ростом, он сразу заметил бы в них небольшие отверстия на уровне грунта, и это могло бы навести его на правильную догадку. Лэкленд, наблюдавший через телепередатчик, сразу вспомнил о виденных когда-то фотографиях африканских хижин и понял, что это селение. Но он ничего не сказал Барленнану, внимание его привлекли другие предметы, усеявшие берег и скопившиеся на реке напротив селения. Возможно, это были бревна, а может, и крокодилы – разобрать издалека было трудно, но он сильно подозревал, что это каноэ. Лэкленда очень интересовало, как Барленнан будет реагировать на лодки, столь сильно отличающиеся от его собственного судна.

Прошло довольно много времени, прежде чем моряки «Бри» сообразили, что «бревна» – это лодки, а странные предметы – жилища. Лэкленд уже начал беспокоиться, что Барленнан пройдет мимо без остановки: после столкновения с лесными жителями капитан стал очень осторожен. Но не один Лэкленд желал, чтобы корабль причалил к берегу. Едва «Бри» подошел к селению, как к берегу хлынул поток черно-красных тел, и сразу стало ясно, что догадка землянина верна. Бревнообразные предметы были стащены на «воду», и на каждом из них оказалось с дюжину существ, на первый взгляд принадлежавших к тому же виду, что и команда корабля. У них были, несомненно, сходные очертания тел, и размеры, и раскраска, и, приближаясь к «Бри», они издавали оглушительные вопли, в точности такие же, какие Лэкленд временами слышал от своих маленьких друзей.

По всей видимости, каноэ были выдолблены из бревен, так что над бортами торчали только головные сегменты

гребцов; судя по расположению «голов», они лежали на дне лодок «елочкой» и держали весла в передних парах рукклешней.

Огнеметчики на борту «Бри» были наготове, хотя Барленнан сомневался, что в подобных обстоятельствах применимо оружие «огневого боя». Крендораник, ведавший оружием, лихорадочно возился с одним из баков, причем никто понятия не имел о его намерениях: в подобной ситуации никаких определенных правил насчет оружия не существовало. И вообще вся система обороны корабля пошла насмарку из-за отсутствия ветра – ситуация, какой в открытом море никогда не бывало.

Когда флотилия каноэ развернулась и окружила «Бри», исчез последний шанс сколько-нибудь эффективно применить огненную пыль. В двух-трех ярдах от его бортов лодки замедлили ход и остановились; воцарилась тишина. К огромному неудовольствию Лэкленда, как раз в этот момент зашло солнце, и он не мог видеть, что же за этим последовало. Целых восемь минут он пытался понять, что означают странные звуки, доносившиеся из приемника, но все старания его пропали даром, потому что он не мог различить ни одного знакомого слова. Было ясно только, что до драки дело не дошло; скорее всего, команда корабля и туземцы пытаются завязать разговор. Однако общего языка они так и не нашли – связной беседы не получилось.

С восходом солнца Лэкленд обнаружил, что положение все-таки изменилось. По логике вещей течение должно было за это время снести корабль вниз по реке; но «Бри» попрежнему стоял возле поселка. Но главное было в том, что корабль теперь находился не на середине реки, а лишь в нескольких ярдах от берега. Лэкленд уже хотел спросить Барленнана, зачем он пошел на подобный риск и как умудрился осуществить этот маневр, но оказалось, что капитан сам озадачен таким поворотом событий.

Лэкленд повернулся к одному из сотрудников, сидевших рядом, и с раздражением произнес:

– Ну вот, Барл попал в беду. Я знаю, он бывалый парень, но ему надо пройти тридцать тысяч миль, а он застрял на первой же сотне.

– Почему бы тебе не помочь ему? Ведь на его кораблике плывут наши два миллиарда долларов, не говоря уже о нашей репутации.

– Что же мне делать? Отсюда я могу только давать советы, но он разбирается в положении лучше меня. На месте ему виднее, и к тому же он имеет дело с себе подобными.

– Видишь ли, островитяне южных морей тоже были подобны капитану Куку. Конечно, эти туземцы принадлежат к тому же виду, что и команда корабля, но, если они, скажем, каннибалы, твоему приятелю придется туго.

– Ну а чем я могу здесь помочь? Каким образом можно уговорить каннибала не прикасаться к сытному обеду, если ты не знаешь его языка и даже не можешь предстать перед ним лично? Плевал он на какой-то там ящичек, который говорит с ним на незнакомом языке...

Собеседник Лэкленда слегка поднял брови.

– Я, конечно, не ясновидец и не могу в деталях предсказать, что получится, если с каннибалом заговорит какой-то ящичек, но я готов предположить, что каннибал напугается до полусмерти и будет делать то, что ему прикажут. Не забывай, что я этнолог. На многих планетах, в том числе и на нашей Земле, существуют племена с очень низким уровнем развития, и перед говорящим ящиком эти племена будут падать ниц, исполнять ритуальные танцы и даже совершать жертвоприношения...

Лэкленд помолчал, затем кивнул и снова повернулся к экранам.

Довольно много моряков похватали запасные мачты и, упираясь ими в дно, пытались вновь направить корабль на середину реки. Попытки эти ни к чему не привели. Дондрагмер, торопливо обследовав состояние наружных плотиков, сообщил, что корабль находится в садке из вбитых в дно столбов; открытой была только одна сторона садка,

обращенная против течения. И не известно было, случайно ли садок имел именно такие размеры, что в нем поместился «Бри». Пока Дондрагмер рассказывал о положении дел, лодки отплыли от стен садка и потянулись к открытой его стороне; моряки, которые были готовы направить корабль против течения, устремили взгляды на Барленнана в ожидании приказаний. После минутного размышления тот велел команде перейти на нос корабля, а сам пополз на корму к подплывшим сюда каноэ. Он уже давно сообразил, каким образом его корабль попал в ловушку: с наступлением темноты часть гребцов тихонько нырнула, подплыла под днище «Бри» и стала незаметно подталкивать судно туда, куда им требовалось. В этом не было ничего удивительного: любой месклинит мог пробыть некоторое время под водой, так как в жидком метане содержалось довольно много растворенного водорода. Барленнана беспокоило только одно: зачем туземцам его корабль?

Проползая мимо коробов с провизией, он откинул с одного из них брезент и извлек кусок мяса, а достигнув кормы, протянул этот кусок толпе воинов, настороженно замерших в лодках. В толпе послышалось какое-то неразборчивое бормотание, но вдруг сразу все стихло: одна из лодок выдвинулась вперед, туземец на ее носу приподнялся и потянулся за подношением. Барленнан отдал ему мясо. Подношение было осторожно опробовано, было сказано несколько слов; затем вождь – видимо, это был он – оторвал порядочный кусок, а остальное передал своим воинам, после чего задумчиво сжевал свою долю. Барленнан приободрился: раз вождь не забирает себе все, значит, этот народец уже достиг определенной стадии общественного развития. Капитан достал еще один кусок и снова протянул вождю; но на этот раз, когда клешня вождя потянулась к нему, он не выпустил куска из рук. Напротив, он демонстративно положил мясо позади себя, подполз к шестам, удерживающим корабль в плену, после этого указал на «Бри», а затем на речную даль. Он был убежден, что изъясняется достаточно ясно, да так

оно и было на самом деле; даже земные наблюдатели там, на луне, поняли его, хотя он не сказал ни слова на их языке. Однако вождь не пошевелился. Барленнан повторил все сначала, затем снова протянул ему мясо.

Возможно, вождю и было свойственно сознание долга перед обществом, но только перед своим, ибо едва капитан протянул мясо во второй раз, как вперед выскочило копье, подобно языку хамелеона, пронзило кусок и, выдернув его из клешней Барленнана, отскочило назад прежде, чем пораженные моряки успели сдвинуться с места. Секундой позже вождь пролаял короткий приказ, и сейчас же гребцы с лодок позади него прыгнули вперед.

Моряки были совершенно не подготовлены к нападению сверху и, кроме того, когда капитан вступил в переговоры, утратили бдительность; поэтому ничего похожего на сражение не произошло. «Бри» был захвачен меньше чем за пять секунд. Комиссия под предводительством вождя принялась немедленно исследовать содержимое коробов с продовольствием, и, даже несмотря на языковый барьер, было явственно видно, что они удовлетворены. Барленнан с отчаянием смотрел, как мясо выволакивают на палубу, чтобы погрузить на лодки, и только тут его осенило, что у него ведь есть хорошие советники, о которых он совершенно забыл.

– Чарлз! – С тех пор как возник инцидент, капитан впервые заговорил по-английски. – Ты все видел, Чарлз?

Лэкленд, не зная, плакать ему или смеяться, немедленно откликнулся:

– Да, Барл, я все видел и все понял.

Произнося эти слова, он не спускал глаз с вождя и не имел оснований быть недовольным. Вождь, который не обратил внимания на радиоаппараты и смотрел совсем в другую сторону, мгновенно изогнулся, как испуганная гремучая змея, а затем, недоумевая, принялся озираться в поисках источника непонятных звуков – при этом он стал страшно похож на человека. Один из его воинов, стоявших перед аппаратами, указал ему на тот, откуда несся голос

Лэкленда; вождь приблизился, потыкал непроницаемый ящичек ножом и копьем и, по всей видимости, не поверил. В ту же секунду Лэкленд заговорил снова:

– Надо попробовать напугать их нашим радио, Барл.

На этот раз голова вождя была всего в двух дюймах от громкоговорителя, а Лэкленд, конечно, и не подумал уменьшить мощность звука. Теперь сомнений относительно источника звука больше быть не могло, и вождь начал пятиться от шумного ящика. Видно было, что он старался ползти медленно, чтобы сохранить свое достоинство, но, с другой стороны, поторапливался, подгоняемый иными эмоциями, и Лэкленд снова лишь с трудом удержался от громкого хохота.

Барленнан еще не сообразил, что ответить, а Дондрагмер уже подскочил к груде мяса, выбрал кусок поувесистей и, всем видом своим являя крайнюю степень смирения, положил кусок перед аппаратом. Он шел на риск, его могли заколоть, и он знал это; но охранявшие его туземцы были так ошеломлены развитием событий, что не решились остановить его. Лэкленд понял, что затеял помощник, и принялся подыгрывать ему: чтобы голос его звучал не так гневно, он уменьшил громкость и одобрил действия Дондрагмера.

– Молодец, Дон. Теперь будем делать так: всякий раз, когда кто-нибудь из наших будет совершать подобные действия, я постараюсь выражать одобрение; а когда наши новые знакомцы будут вести себя не так, как нам хочется, я стану орать во всю мочь. Ты разбираешься в ситуации лучше меня, и ты уж сам определи, как нам заставить их поверить, что эти радиоящики – могущественные существа, которые могут наслать молнии, если их разобидеть.

– Ясно, мы не подведем, – отозвался помощник. – Я ведь сразу понял, что ты задумал…

Вождь, набравшись храбрости, вдруг ринулся вперед и ударил в ближайший ящик копьем. Лэкленд промолчал, понимая, что расщепленный деревянный наконечник и без того произведет достаточное впечатление; моряки с

готовностью вступили в игру. Содрогнувшись от подобного святотатства (так это во всяком случае расценил Лэкленд), они отвернулись и прикрыли глаза клешнями. Подождав и увидев, что ничего не произошло, Барленнан предложил ящику новый кусок мяса, одновременно показывая жестами, что он умоляет сохранить жизнь этому невежественному дикарю. Было совершенно очевидно, что все это произвело на речных жителей большое впечатление; вождь снова отступил, собрал вокруг себя советников и принялся обсуждать с ними создавшееся положение. Наконец один из советников, видимо для пробы, взял кусок мяса и положил перед ящиком. Лэкленд уже собрался было выразить благодарность, но тут Дондрагмер быстро проговорил: «Откажись!» Не понимая, в чем дело, но полностью полагаясь на интуицию помощника, Лэкленд включил радио на полную мощность и взревел как лев. Даритель отскочил назад – это был неподдельный ужас; затем, после резкого окрика вождя, он пополз вперед, забрал кусок, вызвавший такой гнев, выбрал из кучи на палубе другой и положил перед аппаратом.

– Теперь хорошо, – произнес помощник, и землянин вновь уменьшил громкость.

– А чем плох был первый кусок? – спросил он тихонько.

– Тот я не бросил бы даже «терни», который бы принадлежал моему злейшему врагу, – ответил Дондрагмер.

– В отчаянных положениях я неизменно обнаруживаю огромное сходство между вашей и нашей расами, – заметил Лэкленд. Слушай, я надеюсь, что на ночь все-таки будет сделан перерыв, я же ничего не вижу в темноте. Если случится так, что потребуется мое вмешательство, ради бога, немедленно извести меня...

Тем временем опять начался заход солнца, и теперь уже сам Барленнан заверил Лэкленда, что будет все время держать его в курсе дела. Капитан вновь обрел самообладание и оказался более или менее на высоте – насколько это возможно для пленника.

Вождь провел ночь в спорах; до Лэкленда явственно доносился его голос, время от времени прерываемый другими голосами, принадлежащими, должно быть, советникам. К рассвету он принял решение. Вождь отполз от советников и сложил на палубе свое оружие; затем, когда солнце вновь озарило палубу, он приблизился к Барленнану и первым делом отослал прочь приставленную к капитану охрану. Капитан спокойно ждал; он уже догадывался, чего попросит этот тип. Вождь остановился так, что голова его оказалась в нескольких дюймах от головы Барленнана, выдержал внушительную паузу и заговорил.

Естественно, слова его были по-прежнему непонятны морякам; но жесты были достаточно красноречивы, и смысл их не укрылся даже от земных наблюдателей.

Совершенно очевидно, он жаждал получить радиоаппарат. Лэкленд поймал себя на том, что пытается догадаться, какие сверхъестественные силы приписывает вождь этому устройству. Возможно, он рассчитывает с его помощью защищать деревню от врагов или считает, что оно принесет удачу его охотникам... Вопрос был, конечно, праздный. Гораздо существеннее было другое: как вождь поведет себя, когда просьба его будет отклонена. Поведение его, возможно, будет весьма антиобщественным, и Лэкленд немного беспокоился.

Барленнан, по мнению своего друга-землянина, выказав скорее храбрость, нежели рассудительность, ответил на речь коротко: весь ответ состоял из одного слова и давно знакомого Лэкленду жеста. «Нет» было первым месклинитским словом, с которым познакомился Лэкленд и которое он сейчас узнал. Барленнан был весьма решителен.

По счастью, вождь не выказал никакой враждебности. Вместо этого он отдал своим воинам короткий приказ. Они тотчас отложили в сторону оружие и принялись укладывать краденое мясо обратно в коробы. Видимо, в уплату за волшебный ящик он готов был вернуть своим пленникам не только свободу. Барленнан и Лэкленд были уже почти

уверены, что, хотя в нем и пробудился разбойничий инстинкт, он теперь боится прибегать к силе.

Когда половина припасов была возвращена, вождь повторил свою просьбу; когда просьбу отвергли снова, он, подобно человеку, жестом выражающему покорность судьбе, приказал своим воинам вернуть и остальное.

– Слушай, Барл, а что он сделает, когда ты снова ему откажешь? – спросил Лэкленд тихим голосом.

Вождь взглянул на аппарат с надеждой; кажется, ему почудилось, будто всемогущий ящик вступает в спор с владельцем и требует отдать победителю просимое.

– Мне трудно предсказать что-либо определенное, – отозвался месклинит. – В лучшем случае он повысит цену и пошлет за мясом в деревню; но я не уверен, что нам настолько повезет. Если бы радио не представляло для нас такой ценности, я бы согласился отдать ему аппарат прямо сейчас.

Тут этнолог, сидевший рядом с Лэклендом, взорвался.

– Господи боже мой! – вскричал он. – Ты разыгрываешь это представление, рискуешь своей жизнью и жизнью команды, и все только потому, что цепляешься за этот дешевый телепередатчик!

– Ну, не такой уж дешевый, – пробормотал Лэкленд. – Его ведь конструировали так, чтобы он выдержал все – и гравитацию на полюсах Месклина, и месклинскую атмосферу, и обращение с ним месклинитов...

– Ты мне зубы не заговаривай! – резко оборвал его специалист по культурам. – Эти аппараты для того и отправлены туда, вниз, чтобы приносить информацию. Отдай один этому дикарю! Ведь лучшего места для аппарата не найти! Через этот глаз мы сможем наблюдать повседневную жизнь совершенно чуждой нам расы! Чарлз, иногда ты меня просто поражаешь...

– Тогда у Барла останутся только три, а ведь хотя бы один при любых обстоятельствах должен быть привезен на полюс. Я понимаю тебя, но, прежде чем расстаться с одним из

аппаратов в самом начале пути, давай все же посоветуемся с Ростеном...

– Зачем? Какое он имеет отношение к этому? Он не рискует всем на свете, как Барленнан. И, не в пример кое-кому из нас, его совсем не интересует наблюдение за этим обществом. Говорю тебе, отдай аппарат. Я уверен, что Барленнан с радостью отдал бы его; и мне кажется, что в данном случае последнее слово должно быть за Барленнаном...

Капитан, слушавший этот разговор, вмешался:

– Друг Чарлза, ты забываешь, что аппараты не являются моей собственностью. Чарлз передал их мне по моей же просьбе, чтобы мы наверняка доставили на полюс хотя бы один из них, если неблагоприятные обстоятельства приведут нас к потере остальных. Мне кажется, что последнее слово за ним, а не за мной.

И Лэкленд немедленно отозвался:

– Делай, как считаешь нужным, Барл. В беду попал ты; твой мир и твои соплеменники известны тебе лучше, чем нам... и вообще, ты же сам слышал: если один аппарат останется у туземцев, это даже принесет некоторую пользу моим друзьям.

– Благодарю тебя, Чарлз.

Пока Летчик заканчивал последнюю фразу, Барленнан принял решение. К счастью, во время этих переговоров вождь не пытался влиять на ход событий; забыв обо всем на свете, он вслушивался в незнакомые звуки. Чтобы довести начатую игру до конца, Барленнан подозвал нескольких моряков и быстро отдал распоряжения.

Двигаясь с крайней осторожностью и ни разу не коснувшись аппарата, моряки изготовили из тросов двойную петлю. Затем с «безопасного» расстояния они приподняли ящик при помощи рычагов и направляли и подталкивали его до тех пор, пока не подвели под него обе петли, затянув их сверху. Когда все было кончено, один конец троса с почтительностью вручили Барленнану. Тот в свою очередь поманил к себе вождя и передал ему конец с таким видом,

будто вверял нечто драгоценное и хрупкое. После этого капитан жестом указал в сторону советников и дал понять, что остальные концы должны взять они. Советники выступили вперед с некоторой робостью; вождь поспешно отобрал из них троих самых достойных, а остальные отступили.

Очень медленно и осторожно удостоенные этой высокой чести передвинули аппарат на самый край кормового плотика «Бри». Бесшумно скользя, подошла лодка вождя – длинная, узкая, с бортами толщиной в бумажный лист, видимо, выдолбленная из ствола лесного дерева. Барленнан оглядел ее с недоверием. Он всю жизнь плавал только на плотах; полые суда были ему совершенно неизвестны. Он был уверен, что каноэ слишком мало и не выдержит веса аппарата; и даже когда по приказу вождя лодку покинули почти все гребцы, капитан по-прежнему считал, что дело кончится бедой. Ему казалось, что лодка все-таки будет перегружена. И он был поражен, когда своими глазами увидел, что под тяжестью аппарата суденышко лишь едва заметно осело. Несколько секунд он ждал, что каноэ с грузом вот-вот камнем пойдет ко дну; но ничего подобного не случилось, и было ясно, что и не случится.

Барленнан был ловцом удачи, и он доказал это несколько месяцев назад, когда без колебаний вступил в контакт с пришельцем с Земли и принялся изучать его язык. Теперь перед ним опять было нечто новое и заслуживающее внимания; оказывается, можно строить корабли, которые при небольших размерах перевозят тяжелые грузы; подобные знания, несомненно, представляют огромную ценность для мореходов. Отсюда следовало, что необходимо заполучить одно из этих каноэ.

Когда вождь и трое его помощников перебрались в лодку, Барленнан последовал за ними на корму. Они задержались, недоумевая, что ему нужно. Но Барленнан хорошо знал, что ему нужно, он только не был уверен, удастся ли ему осуществить задуманное. Впрочем, у его народа была поговорка, смысл которой почти полностью соответствовал

земной пословице «волков бояться – в лес не ходить», а Барленнан не был трусом.

Очень осторожно и почтительно он потянулся к борту каноэ, до которого было рукой подать, и коснулся аппарата. Затем он заговорил:

– Чарлз, мне во что бы то ни стало нужна эта лодка, даже если мне придется вернуться сюда и украсть ее. Когда я кончу говорить, пожалуйста, ответь... неважно, что ты скажешь. Сейчас я собираюсь внушить туземцам, что на лодку, перевозящую радиоаппарат, переносятся волшебные свойства, что ее нельзя больше использовать в обычных целях и что она должна будет занять на моей палубе место аппарата. Ты меня понял?

Лэкленд отозвался:

– С детских лет мне внушили, что жульничать нехорошо – как-нибудь потом я объясню тебе это слово, – но меня восхищает твоя выдержка. Ладно, кончай с этим делом, Барл, но, пожалуйста, не подставляй под удар свою шею, которой, кстати, у тебя нет.

Он замолчал и стал наблюдать, как месклинит претворяет в жизнь эти советы.

Как и прежде, он почти не прибегал к словам, но действия его были понятны даже людям и ясны как день недавним противникам. Прежде всего он тщательно обследовал каноэ и явно счел его подходящим, хотя сделал это с большой неохотой. Затем он отогнал другое каноэ, подошедшее слишком близко, и жестами предложил туземцам, еще остававшимся на палубе «Бри», держаться на безопасном расстоянии. Он поднял копье, которое бросил один из советников, переносивших аппарат, и дал всем понять, что никто не должен приближаться к лодке с аппаратом на длину этого копья.

Затем при помощи все того же копья он измерил каноэ, вернулся к месту, где раньше стоял аппарат, и стал демонстративно расчищать пространство, достаточное для того, чтобы поместилась лодка; по его приказу матросы очень

осторожно переставили оставшиеся аппараты, чтобы освободить место для нового приобретения. Возможно, он продолжал бы в том же духе, но тут село солнце. Речные обитатели не стали пережидать ночь; когда снова взошло солнце, каноэ с аппаратом было уже вытащено на берег в нескольких ярдах от корабля.

Барленнан глядел на него с беспокойством. Большая часть всей флотилии была уже на берегу, и возле «Бри» оставалось лишь несколько лодок. Целая толпа туземцев собралась на берегу, но, к огромному удовлетворению Барленнана, никто из них не смел приблизиться к каноэ с аппаратом. Видимо, его действия произвели должное впечатление.

Вождь и его помощники осторожно выгрузили свою добычу, прочие же по-прежнему сохраняли почтительную дистанцию. Она, кстати, в несколько раз превышала требуемую Барленнаном длину копья. И вот аппарат понесли на берег, прочь от реки; толпа широко расступилась и пошла за ним, а затем исчезла из виду. Долго-долго берег оставался пустым. За это время Барленнану ничего не стоило бы вызволить «Бри» из ловушки, тем более что остававшиеся на реке почти не обращали на корабль внимания, но капитан не хотел уступить, отказаться от своего замысла. Обратив взгляд на берег, он ждал. Наконец на берегу вновь появилось множество черно-красных тел, и один из туземцев направился прямо к «священному» каноэ, но Барленнан разглядел, что это не вождь, и предупреждающе закричал.

Туземец остановился, последовала короткая дискуссия, которая закончилась серией переливчатых воплей, столь же громких, каких Лэкленду приходилось слышать от Барленнана. Через несколько секунд появился вождь. Он сел в каноэ; двое советников, помогавших нести аппарат, столкнули лодку в реку, и вождь погреб прямо к «Бри». Еще одно каноэ следовало на почтительном расстоянии.

Вождь пристал к наружному плоту в том самом месте, где выгружали аппарат, и немедленно высадился на борт «Бри». Барленнан к этому времени уже успел отдать необходимые распоряжения, и моряки как можно более уважительно втащили суденышко на борт и поволокли к подготовленному месту. Вождь не стал дожидаться окончания этой операции; он забрался в другую лодку и поплыл обратно к берегу, время от времени оглядываясь на корабль. Когда он начал подниматься на берег, над рекой сгустился ночной мрак.

– Твоя взяла, Барл, – произнес Лэкленд. – Мне бы твои способности; я бы преуспел намного больше, чем теперь... если бы, конечно, мне повезло, и я бы остался в живых. Ну как, будешь дожидаться утра, чтобы поживиться у них чем-нибудь еще?

– Мы отправляемся немедленно, – твердо ответил капитан.

Лэкленд отошел от экрана и отправился к себе, чтобы впервые за много часов отоспаться. С того момента, когда моряки впервые заметили эту деревню, прошло шестьдесят пять минут, чуть меньше четырех месклинских суток.

11. Глаз урагана

«Бри» попал в восточный океан столь незаметно, что никто не смог бы сказать, когда именно начались изменения. Ветер день за днем крепчал, и вот уже настало время поставить паруса, как при плавании в открытом море. Река расширялась ярд за ярдом, потом миля за милей, и вот уже с

палубы не стало видно ее берегов. Но здесь пока еще не кишела, не бурлила жизнь, которая окрашивает огромные океанские просторы в разные оттенки и при наблюдении из космического пространства придает этой планете такой диковинный вид; но вкус «воды» уже начал меняться, и моряки один за другим, к своему большому удовлетворению, убеждались в этом.

Они продолжали идти на восток, ибо по сведениям, получаемым от Летчиков, путь на юг все еще загораживал длинный полуостров. Погода держалась хорошая, а если бы она стала меняться, об этом их предупредили бы странные существа, которые так внимательно следили за движением корабля. Продовольствия на борту было еще много, его должно было с избытком хватить на то время, пока они не достигнут богатых областей в глубоких морях. Команда была довольна.

Капитан тоже был доволен. Руководствуясь отчасти собственными наблюдениями и экспериментами, отчасти отрывочными объяснениями Лэкленда, он выяснил, почему полая лодочка вроде каноэ может нести гораздо больший груз, нежели плотик такого же размера. Он уже вынашивал планы постройки большого судна – такого же, как «Бри», если не больше, – построенного по тому же принципу. Его розовую мечту не мог поколебать и пессимизм Дондрагмера; а между тем помощник чувствовал, что должны же быть какие-то причины, по которым его народ не строит подобных кораблей, хотя понятия не имел об этих причинах.

– Это же слишком просто, – говорил он. – Если бы что-то не мешало, кто-нибудь обязательно додумался бы до этого давным-давно...

В ответ Барленнан просто указывал на корму, где на буксире за кораблем весело бежала маленькая лодочка, в которой умещалась добрая половина их продовольственных запасов. Помощник не мог покачать головой, как это некогда делали старые кучеры при виде экипажей, бегущих без

помощи лошадей, но он бы непременно сделал это, будь у него шея.

Когда, наконец, они повернули на юг, его осенила новая идея.

– Вот увидите! – воскликнул он. – Как только мы окажемся в широтах с нормальным весом, она немедленно потонет. Такие суда, может быть, и годятся для каких-нибудь туземцев на Краю Света, но уж в наших широтах нет ничего лучше доброго крепкого плота!

– Летчик с этим не согласен, – ответил Барленнан. – Да ты и сам не хуже меня знаешь, что здесь, на Краю Света, осадка у корабля такая же, как у нас дома. Летчик объясняет это тем, что метан здесь тоже весит меньше, и это похоже на правду.

Дондрагмер не ответил; он только молча и, если можно так выразиться, с самодовольной улыбкой взглянул на один из главных навигационных приборов корабля – весы с пружиной из твердого дерева и подвешенный к ним грузик. Когда грузик начнет опускаться, уверял себя помощник, непременно произойдет что-нибудь такое, о чем ни капитан, ни Летчик не подумали. Он не знал, что именно, но был в этом совершенно уверен.

Тяжесть медленно нарастала, а каноэ как ни в чем не бывало следовало за кораблем. Осадка его была, правда, ниже, чем это было бы на Земле, поскольку вода вдвое плотнее метана; при нынешнем его грузе «ватерлиния» проходила примерно посередине между планширом и килем, так что «надводный» борт отделяло от поверхности всего четыре дюйма, но дни шли, а осадка не изменялась, и помощник ощущал что-то вроде разочарования. Что, если Барленнан и Летчик все-таки правы?

Пружинные весы начали едва заметно отклоняться от нуля (конечно, инструмент был сконструирован для плаваний в условиях гравитации, в десятки и сотни раз превосходящей земную), и тут монотонность плавания нарушилась. Сила тяжести превышала земную уже в семь раз. Обычный

вызов с Турея почему-то запаздывал, и капитан с помощником начали было думать, уж не могли ли сломаться сразу все оставшиеся радиоаппараты, когда Турей наконец вышел на связь. Но вызывал не Лэкленд, а метеоролог, с которым они в последнее время близко познакомились.

– Барл, – без предисловий начал «хозяин погоды», – я не знаю, какие бури считаются у вас по-настоящему опасными – кажется, вы смотрите на это несколько спокойнее, – но сейчас надвигается такая буря, в какую я бы не решился выйти на сорокафутовом плоту. Идет страшный циклон, я бы сказал, ураган даже по месклинским понятиям. Я проследил его на протяжении тысячи миль. Он такой свирепый, что выворачивает море наизнанку и оставляет за собой отчетливо видимый след другого цвета.

– Все понятно, – произнес Барленнан. – Как нам увернуться от него?

– В том-то и дело, что это пока не очень ясно. Он еще далеко от тебя, и я не совсем уверен, что он пересечет твой курс как раз в тот момент, когда ты будешь у него на пути. Тут есть еще парочка обычных циклонов, которые должны пройти неподалеку от тебя и слегка сбить тебя с курса, а может быть, они даже воздействуют на направление этого урагана. Я рассказываю тебе сейчас все это вот почему. Примерно в пятистах милях к юго-востоку от тебя расположена группа довольно больших островов. Возможно, ты надумаешь свернуть к ним. На них ураган обрушится непременно, но там множество отличных гаваней, где ты смог бы укрыть свой «Бри» и отсидеться, пока ураган не кончится.

– А я успею добраться до них? Если на этот счет есть серьезные сомнения, то по мне лучше встретить ураган в открытом море. Любые берега во время урагана опасны...

– При твоей скорости у тебя вполне достаточно времени, чтобы дойти туда и отыскать подходящую гавань.

– Хорошо. Дай мои координаты на полдень.

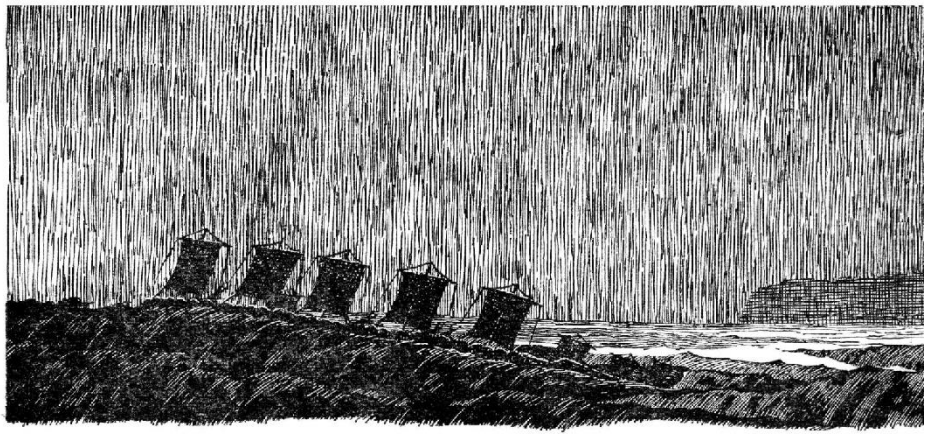
Под покровом атмосферы было бы невозможно разглядеть кораблик ни в какой телескоп, но люди пристально

следили за движением «Бри», лоцируя сигналы его передатчиков, и метеоролог без труда дал капитану требуемые координаты. Паруса были установлены должным образом, и «Бри» лег на новый курс.

Погода пока оставалась ясной, хотя дул сильный ветер. Солнце прочерчивало дугу от горизонта к горизонту, и ничего не менялось ни в небе, ни в направлении ветра; но вот в вышине возникла и постепенно стала сгущаться призрачная дымка, солнце из золотого диска превратилось в пятно перламутрового света, тени стали размытыми, и наконец, когда небо превратилось в белесый, равномерно светящийся купол, исчезли совсем. Все эти изменения происходили очень медленно, в течение многих дней, а тем временем миля за милей по-прежнему скользили под плотиками «Бри».

До островов оставалось уже меньше сотни миль, когда внимание моряков, поглощенное признаками надвигающейся бури, было отвлечено еще одним странным явлением. К тому времени цвет моря вновь изменился, но это никого не обеспокоило; все давно привыкли видеть его и синим, и красным. Никто не ожидал встретить на таком расстоянии признаков близости суши, так как течения здесь в основном пересекали курс корабля, а птиц, предупредивших Колумба, на Месклине не водилось. Возможно, и за сотню миль можно было бы заметить высокое кучевое облако, какие часто образуются над островами; но оно едва ли было бы различимым на фоне белесой дымки, заволокшей все небо. Земляне сверху больше не видели островов, и Барленнан плыл, руководствуясь только навигационными расчетами и надеждой.

Но странное событие произошло именно в небе. Далеко впереди по курсу «Бри» появилось крошечное темное пятнышко, которое то ныряло, то взмывало вверх, что было непривычно для месклинитов и хорошо знакомо землянам. Впрочем, долгое время его никто не замечал, а когда заметили, оно было уже слишком близко и слишком высоко для



телепередатчиков. Первый моряк, заметивший его, издал привычный вопль, выражающий удивление, и этот вопль перепугал наблюдателей на Турее, ничего им не объяснив. Они отвлеклись, а когда вновь устремились к экранам, то увидели только, что все моряки команды «Бри» глядят в небо, задрав вверх переднюю часть своих гусеницеподобных тел.

– Что там, Барл? – сейчас же позвал Лэкленд.

– Не знаю, – ответил капитан. – Сначала я подумал, что это спускается ваша ракета, что она ищет острова и будет показывать нам дорогу, но эта штука меньше и совершенно другой формы...

– Но она летает?

– Да. Шума от нее никакого, не то, что от ваших ракет. Я бы сказал, что ее будто ветром несет, вот только движется она слишком гладко и ровно, да к тому же против ветра. Не знаю, как ее описать... В ширину она больше, чем в длину... несколько напоминает мачту, привязанную поперек крепежной балки. Других слов я как-то не подберу.

– А ты бы приподнял один из аппаратов, чтобы мы могли взглянуть на нее...

– Сейчас попробуем.

Лэкленд связался по телефону с одним из биологов.

– Ланс, кажется, Барленнан наткнулся на какое-то летающее животное. Мы сейчас пытаемся все устроить так, чтобы взглянуть на него. Приходи в экранный зал, объяснишь, что мы видим...

– Иду незамедлительно...

Конец фразы прозвучал едва слышно – видимо, биолог был уже в дверях. Он явился в зал прежде, чем моряки успели установить аппарат на подпорки, но вопросов задавать не стал и молча рухнул в кресло. Барленнан продолжал:

– Она летает над кораблем взад и вперед, иногда по прямой, а иногда вроде бы кругами. Когда она поворачивает, то слегка кренится, а больше ничего не меняется. Кажется, в том месте, где палки скрещиваются, видно какое-то маленькое тело...

Он продолжал описание, но, очевидно, объект был слишком непохож на то, что он видел раньше, и ему не всегда удавалось отыскать подходящие слова в чужом языке.

– Как только эта штука появится на экране, сразу же зажмурьтесь, – произнес один из техников. – Я подстроил к экрану скоростную кинокамеру, и чтобы получить хороший фильм, мне придется резко увеличить яркость изображения...

– ...Поперек длинной палки укреплено несколько палочек меньшего размера, и между ними натянуто что-то вроде

тонкого паруса. Вот она опять летит на нас, теперь уже совсем низко... Сейчас, по-моему, она будет прямо перед вашим «глазом»...

Зрители застыли, рука оператора замерла на двойном переключателе, который должен был одновременно включить камеру и увеличить яркость. Но хоть оператор и был наготове, объект успел проскочить половину экрана, прежде чем щелкнул переключатель, и все невольно зажмурились от яркого света. Однако того, что они видели, было вполне достаточно.

Пока оператор проявлял пленку током высокой частоты, пока перематывал ее, пока разворачивал камеру к пустой стене, никто не проронил ни слова. Каждому было о чем подумать в течение тех пятнадцати секунд, которые потребовались на эти приготовления.

Пленку прокручивали в пятьдесят раз медленнее, и все нагляделись досыта. Неудивительно, что Барленнан не смог дать описание «этой штуки»; ведь еще несколько месяцев назад, до первой встречи с Лэклендом, он понятия не имел, что такое полет, и в его языке не было слов, которые обозначали бы этот вид движения. И в число немногих выученных им к тому времени английских слов не входили такие термины, как «фюзеляж», «крылья», «хвостовое оперение»...

Объект оказался не животным. Он имел корпус в три фута длиной и был вдвое короче каноэ, которым завладел Барленнан. Тонкий шест, выступающий на несколько футов из задней части корпуса, нес на конце рулевые плоскости. Размах крыльев составлял футов двадцать, и их структура – лонжероны и множество поперечных ребер – легко просматривалась сквозь покрывавшую ее почти прозрачную материю. Да, описания, данные Барленнаном, при всей их наивности были удивительно точными.

– Как она движется? – вдруг спросил один из зрителей. – Я не заметил ни пропеллеров, ни реактивного устройства... да и Барленнан говорил, что она летает бесшумно...

– Это глайдер, – заговорил один из метеорологов. – Планер. И его пилот, подобно нашим земным чайкам, умеет пользоваться восходящими токами воздуха от переднего фронта волны. Такое устройство может легко нести двух существ ростом с Барленнана и парить до тех пор, пока им не понадобится прекратить полет для еды и сна.

Но мало-помалу команда «Бри» начала нервничать. Машина летела в полной тишине, и невозможно было разглядеть, кто или что в ней находится, и вообще кому это может понравиться: тебя кто-то разглядывает, а ты его не видишь... Планер не совершал угрожающих маневров, но моряки были не в состоянии спокойно смотреть на все это. Некоторые выразили желание тут же испытать на практике благоприобретенные навыки по части бросания и принялись уже подбирать с палубы разные предметы, но Барленнан строго-настрого запретил им делать глупости. Они продолжали идти под парусами и тревожно следили за летательным аппаратом, пока купол неба не заволокло ночным мраком. И никто не знал, радоваться или тревожиться, когда на рассвете нового дня оказалось, что летающей машины и след простыл. Ветер усилился, он дул теперь почти поперек курса «Бри», с северо-востока; волны еще не следовали за ним, а лишь беспорядочно приплясывали. Впервые Барленнан обнаружил слабое место у каноэ: метан, который задувало или захлестывало в лодку, там и оставался. Еще до конца дня капитан принял решение втащить суденышко на внешние плотики и поставить двух моряков вычерпывать жидкость – выполнять работу, для которой у них не было ни подходящего термина, ни подходящего инструмента.

Дни проходили, а планер так и не появлялся, и постепенно все, кроме специально назначенных наблюдателей, перестали поглядывать на небо, дожидаясь его возвращения. Но дымка все сгущалась и темнела, и в конце концов превратилась в тучи, которые нависли в каких-нибудь пятидесяти футах над поверхностью океана. Землянин объяснил Барленнану, что погода сделалась нелетная, и тот сейчас же

отменил наблюдение за небом. Как и люди, Барленнан спрашивал себя, каким образом этот планер проложил путь в ночи, когда туманы не дают ориентироваться по звездам...

Первый замеченный ими остров был очень высок; он круто поднимался над морем и уходил в тучи. Он лежал с подветренной стороны от того пункта, где его впервые заметили; Барленнан, сверившись с картой архипелага, которую он набросал по описаниям землян, продолжал идти прежним курсом. Как он и ожидал, еще прежде, чем скрылся из виду первый остров, прямо по курсу появился другой, и Барленнан изменил курс, чтобы подойти к нему с подветренной стороны. Эта сторона, по наблюдениям сверху, казалась очень изрезанной и должна была иметь подходящие гавани; кроме того, Барленнану совершенно не хотелось идти вдоль наветренного берега несколько ночей подряд, которые, несомненно, потребуются для поисков.

Этот остров тоже оказался высоким; его холмистые вершины утопали в тучах, а когда «Бри» приблизился к подветренному берегу, то ветер заметно стих. Береговая линия действительно изобиловала фьордами; Барленнан вознамерился просто заходить для осмотра в каждый по очереди, но Дондрагмер предложил уйти как можно дальше от моря. По его мнению, вдали от моря убежищем для «Бри» сможет стать любой пляж. Тогда Барленнан решил доказать помощнику, что тот неправ. К сожалению, это похвальное намерение обернулось для экспедиции новыми неприятностями. Первый фьорд, в который они зашли, в полумиле от океана резко поворачивал и оканчивался неким подобием озерца, почти совершенно круглого и диаметром в сотню ярдов. Прямо из «воды» поднимались скалистые стены и исчезали в тумане наверху. Проход был только в двух местах: в устье фьорда, куда вошел «Бри», и рядом с ним – в ущелье поуже, из которого в озеро вливался поток. Между этими двумя проходами и располагался единственный доступный для высадки участок берега шириной в несколько ярдов.

Времени для обеспечения безопасности корабля и грузов оставалось еще достаточно; тучи были обязаны своим происхождением не столько грозному урагану, сколько второму из «обычных» циклонов, о котором упоминал метеоролог. После прибытия «Бри» в эту гавань несколько дней снова стояла ясная погода, хотя по-прежнему дул сильный ветер. Барленнан смог удостовериться, что гавань, в сущности, представляет собой дно чашеобразной долины, но склоны ее вовсе не так круты, как ему показалось вначале, и не выше сотни футов. Поднявшись по склону, можно было через расщелину, прорытую речушкой, заглянуть довольно далеко в глубь острова. Как только небо прояснилось, Барленнан совершил такое восхождение и тут же сделал весьма неприятное открытие: среди растений, покрывавших склоны, были в изобилии разбросаны ракушки, водоросли и кости довольно крупных морских животных. Продолжая исследования, он обнаружил, что эти останки совершенно равномерно распределены по всей окружности долины и их можно найти даже в тридцати футах над нынешним уровнем моря. Многие останки были древние, почти начисто истлевшие и наполовину занесенные грунтом; их можно было отнести за счет сезонных изменений уровня океана.

Другие, однако, были явно недавнего происхождения. Смысл всего этого был совершенно ясен: в каких-то случаях море поднимается гораздо выше теперешнего уровня; и не исключается, что положение «Бри» в этой гавани не такое уже безопасное.

Лишь одно обстоятельство уменьшало силу месклинских ураганов и делало океаны пригодными для мореплавания: метановые пары гораздо плотнее водорода. На Земле водяные пары легче воздуха, и они только необыкновенно усиливают начавшийся ураган; на Месклине пары метана, поднятые с океанской поверхности ураганом, напротив, в сравнительно короткие сроки тормозят и останавливают эти потоки. Кроме того, тепло, которое выделяет метан, конденсируясь в штормовые тучи, составляет всего одну четвертую часть того количества тепла, которое выделяется при конденсации такого же объема водяных паров; а между тем, после того как солнце дало ему первоначальный толчок, это тепло служит для урагана настоящим топливом.

Но несмотря на все это, месклинский ураган – не шутка. Хотя Барленнан и сам был месклинитом, но он только тут понял, что такое здешний ураган. Он начал было раздумывать, уж не оттащить ли «Бри» бечевой вверх по речке как можно дальше от гавани, насколько время позволит, как вдруг положение резко изменилось: уровень озера внезапно упал, оставив корабль на грунте ярдах в двадцати от берега. Секундой позже ветер изменил направление на девяносто градусов и задул с такой силой, что моряки, спасая свою жизнь, принялись хвататься за что попало – кто оставался на палубе, вцепились в крепительные планки, а кто сошел на грунт, впивались клешнями в стебли растений. Капитан пронзительно закричал, приказывая всем немедленно вернуться на борт, но его никто не услышал; а ведь их еще прикрывала кольцевая стена долины! Впрочем, нужды в приказах не было. Моряки ползли от куста к кусту, цепляясь за них по меньшей мере двумя парами клешней сразу, и упорно продвигались к кораблю, а на корабле их товарищи

торопливо привязывали себя к плотикам, изо всех сил затягивая узлы, а корабль трясся и содрогался, готовый вот-вот взлететь и унестись в объятьях ветра. И вдобавок ко всему несколько минут, показавшихся вечностью, хлестал дождь, – вернее, целые потоки брызг, несущихся через весь остров; затем, словно по волшебству, ветер стих, и дождь прекратился. Никто не осмелился ослабить привязи, но самые медлительные воспользовались затишьем, чтобы сделать последний рывок к кораблю. И они едва успели.

«Глаз бури» на уровне моря имел, вероятно, около трех миль в диаметре, и он передвигался со скоростью шестидесяти или семидесяти миль в час. Ветер прекратился лишь ненадолго: это означало, что центр циклона достиг долины. Сюда переместилась зона низкого давления, и когда она охватила устье фьорда, начался стремительный прилив. Уровень озера поднимался все быстрее и быстрее, жидкий метан хлестал из фьорда в долину, как вода из брандспойта. Он ринулся вдоль склона и на первом же круге подхватил «Бри», а уровень все поднимался и поднимался... пятнадцать футов, двадцать, двадцать пять... Корабль втянуло в центр этого водоворота, и тут ветер ударил вновь.

Хотя мачты и были сделаны из очень прочного дерева, они давно уже сломались. Двое моряков исчезли – видимо, они привязались слишком небрежно. Новый удар ветра подхватил лишенный мачт корабль и отшвырнул в сторону, а затем, словно щепку, беспомощного и незначительного, его бросило в бешеный поток жидкости, устремившийся вверх по речному руслу в глубь острова. Ветер прижал его к самому краю потока, но тут давление вновь подскочило, и жидкость ринулась обратно так же стремительно, как поднималась... нет, не совсем так; поток, увлекший «Бри», мог отступать лишь по тому же узкому проходу, а на это требовалось время. И если бы день продлился еще хотя бы одну минуту, Барленнан успел бы даже в таких условиях вывести его на середину стремнины; но как раз в этот момент солнце село, и ему пришлось действовать в кромешном мраке.

Несколько секунд замешательства оказалось достаточно; жидкость продолжала спадать, и когда солнце опять засияло на небе, оно увидело беспорядочный набор плотиков в двадцати ярдах от ручья, слишком узкого и слишком мелкого даже для одного-единственного плотика.

За холмами не было видно моря; обмякшая туша двадцатифутового морского чудовища, выброшенного на грунт по ту сторону ручья, казалось, символизировала беспомощное положение экспедиции «Тяготение».

12. Оседлавшие ветер

На Турее видели почти все, что произошло; радиоаппараты, как и большая часть других малогабаритных грузов, остались на палубе «Бри», там, где их укрепили. Конечно, когда корабль крутило в бешеном мальмстрёме, мало что можно было разобрать, но нынешнее положение было очевидно до боли. Никто из наблюдателей у экранов не мог сказать ничего утешительного.

Мало чем могли помочь своему кораблю и месклиниты. Им, конечно, не впервой было видеть корабли в грунте, поскольку в их широтах такое довольно часто случается поздним летом или осенью, когда моря отступают; но они не привыкли к такой внезапности, и им было странно, что корабль отделяет от океана столько холмистой суши. Барленнан и его помощник, разобравшись в положении, не нашли в нем ничего приятного.

Правда, у них все еще было много еды, хотя запасы, хранившиеся в каноэ, пропали. Дондрагмер не преминул воспользоваться случаем, чтобы отметить превосходство плотиков, хотя ему следовало бы помнить, что груз в каноэ был закреплен небрежно или совсем не закреплен, так как все понадеялись на высокие борта лодки. Само суденышко на буксирном тросе осталось невредимым. Дерево, из которого оно было сделано, не уступало по упругости стелющимся растениям высоких широт. Сам «Бри», построенный из того

же дерева, оформленного вдобавок в гораздо менее хрупкие конструкции, тоже был в порядке, хотя все могло бы кончиться для него много хуже, если бы на скалах чашеобразной долины было побольше скалистых выступов. Корабль ни разу не перевернулся и по-прежнему занимал правильное положение – несомненно, благодаря своей конструкции, каковое обстоятельство Барленнан признал сам, не дожидаясь выпада со стороны помощника. Короче говоря, дело было не в запасах продовольствия и не в корабле, а в том, что не было океана, по которому должен плыть этот корабль.

После долгих раздумий Барленнан сказал:

– Самый надежный выход – разобрать корабль, как мы это делали раньше, и перетащить его через холмы по частям. Они не такие уж крутые, да и вес пока еще совсем не чувствуется...

– Вы наверняка, правы, капитан, – вмешался Харс. Он давно оправился от удара булыжником и опять был прежним здоровяком. – Но, чтобы сберечь время, может быть, лучше сделать так? Разъединим только продольные ряды плотов. Тогда у нас получатся цепочки длиной в корабль, и мы сможем пронести или протащить их вниз по ручью до того места, где их можно будет пустить по течению...

– В этом есть смысл. Вот что, Харс, ты сейчас пойдешь и выяснишь, далеко ли отсюда это место. Остальным приступить к разъединению продольных рядов, как предложил Харс. Там, где это необходимо, спускайте груз на грунт. Боюсь, что часть грузов приходится на стыки между рядами...

– Интересно, хороша ли сейчас погода для этих летающих машин? – произнес Дондрагмер, ни к кому в особенности не обращаясь.

Барленнан взглянул на небо.

– Тучи стоят еще низко, да и ветер сильный, – сказал он. – Если Летчики не ошибаются – а они, как мне кажется, в таких делах разбираются, – погода пока плохая. Тем не

менее время от времени не мешает поглядывать на небо. Признаться, я надеюсь, что хоть одну машину мы еще увидим.

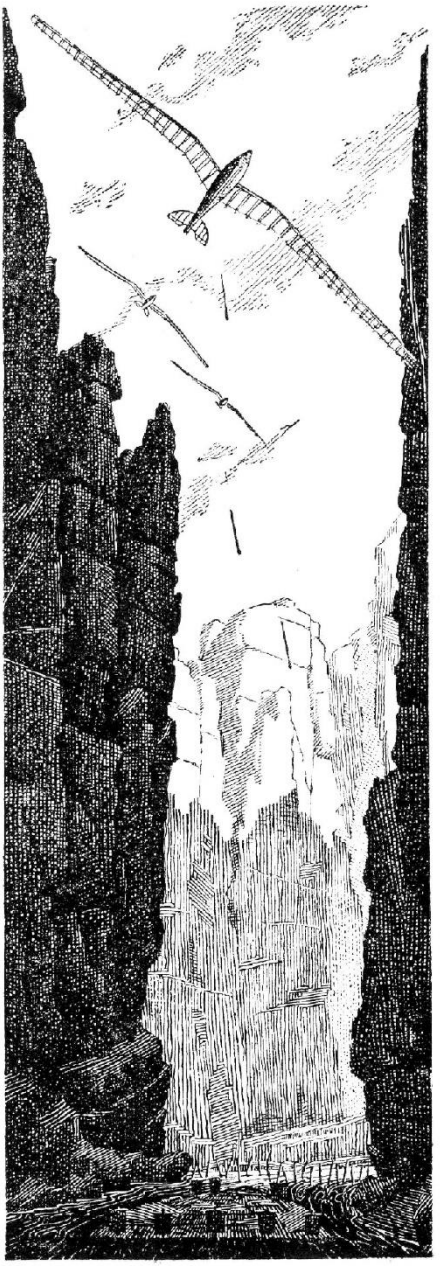
– Против одной я тоже не возражаю, – сухо ответил помощник. – Полагаю, что в дополнение к этому каноэ вам захотелось еще и планер. Но я скажу вам прямо: может быть, опыта ради, я когда-нибудь и заберусь в каноэ, а вот летающую машину испробую только в тихое зимнее утро, и чтобы в небе были оба солнца...

Барленнан ничего не сказал; раньше он и не помышлял пополнить свою коллекцию планером, но теперь эта идея ему понравилась. Ну, а что касается полета на планере – Барленнан, конечно, здорово изменился за последнее время, но всему есть свои пределы.

Вскоре Летчики сообщили, что погода проясняется; и в течение нескольких дней тучи послушно рассеялись. Но хотя наступила летная погода, мало кто из моряков следил за небом. Все были слишком заняты. План Харса оказался вполне разумным: глубина, достаточная для плотиков, начиналась всего в нескольких сотнях ярдов ниже по течению, а ширина – чуть подальше. Однако утверждение Барленнана, будто вес тут мало что значит, оказалось несостоятельным; каждый предмет здесь весил вдвое больше, чем в тех местах, где они расстались с Лэклендом, а привычка поднимать вещи у моряков не закрепилась. Они обладали громадной физической мощью, но удвоенное тяготение настолько подействовало на их рудиментарную способность к вертикально направленным усилиям, что плотики пришлось разгружать полностью. Только после этого морякам оказалось под силу частично перенести, а частично перетащить цепочки плотиков к берегу потока. Но когда каждый ряд начали спускать в ручей, дело пошло легче; и после того, как группа землекопов сделала берега пошире, все пошло как по маслу. И вот через несколько сотен дней длинная и узкая цепочка плотиков, снова полностью загруженных, потянулась на бечеве обратно к морю.

Когда корабль достиг участка реки с наиболее крутыми берегами, совсем недалеко от места, где она впадала в озеро, появились летающие машины; первым их заметил Карондрасс; он находился на борту и готовил пищу, и потому внимание его было не так занято, как у остальных моряков, тянувших бечеву. Его тревожный вопль заставил встрепенуться как землян, так и месклинитов, но земляне опять не увидели приближающихся гостей, поскольку видеопередатчики не были нацелены вверх.

Барленнан же видел их совершенно отчетливо. Это были восемь планеров, державшихся довольно компактно, но не сомкнутым строем. Они шли по прямой, оседлав восходящий поток, к подветренной части склонов долины, прошли почти над кораблем, а затем, резко свернув, направились ему наперерез. И, пролетая



над потоком, каждый сбрасывал что-то, снова сворачивал и скользил назад к подветренным склонам, чтобы набрать потерянную высоту.

Сброшенные предметы были видны совершенно отчетливо; моряки узнали в них копья, подобные тем, которыми были вооружены жители прибрежного поселения, но с более массивными наконечниками. На мгновение привычный ужас перед падающими предметами, казалось, угрожал повергнуть команду в панику; затем они заметили, что копья падают не на них, а чуть впереди. Через несколько секунд планеры налетели вновь, и моряки съежились в ожидании более точных попаданий; однако копья упали почти на то же место. При третьем налете выяснилось, что прицел этот берется намеренно; а вскоре стало ясно, какие цели преследуют метатели. Копья падали одно возле другого в узкий поток, и большая часть их врезалась в твердое глинистое дно; после третьего захода две дюжины древков наглухо заблокировали речку перед кораблем.

Когда «Бри» приблизился к этой баррикаде, бомбардировка прекратилась. Барленнан подумал было, что ее будут продолжать, чтобы не дать команде подойти к препятствию и разрушить его, но когда они подошли к ограде вплотную, то поняли, что это было уже ни к чему. Частокол копий стоял неколебимо; копья были необыкновенно точно сброшены с высоты около сотни футов в гравитационном поле семи g, и вырвать их из грунта не могло ничто, кроме мощного силового оборудования. Тербланнен и Харс убедились в этом после того, как пять минут тщетно пытались выдернуть хотя бы одно копье.

– А нельзя ли их перепилить? – спросил Лэкленд со своего далекого наблюдательного пункта. – У вас же такие могучие клешни…

– Это дерево, а не металл, – возразил Барленнан. – Для этого потребовалась бы ваша пила из сверхпрочного металла, ты говорил, что она берет даже наше дерево… или, может, у вас есть какая-нибудь машина для выдергивания?

– Но у вас должны быть какие-то инструменты для обработки дерева. Как же вы ремонтируете суда? Плотики ведь не растут на ветках…

– Наши режущие инструменты сделаны из зубов животных, вставленных в прочные рамы, и большинство из них с места не сдвинешь. Правда, на борту есть несколько инструментов полегче, и мы их, конечно, пустим в ход, но, боюсь, мы мало что успеем сделать…

– Ну, от нападения вы сможете отбиться огнем.

– Если они будут нападать с подветренной стороны. Только вряд ли они настолько глупы.

Лэкленд не нашелся, что ответить, а между тем команда принялась разрушать частокол теми инструментами, которые нашлись на корабле. Личное оружие моряков – ножи – было из твердого дерева, и оно никак не могло воздействовать на копья, но, как мельком заметил Барленнан, в распоряжении команды оказалось несколько пил из кости и клыков, которые начали вгрызаться в невероятно жесткое дерево. Те, кому не досталось инструментов, попытались выкапывать копья; они по очереди ныряли на глубину в несколько дюймов и разрыхляли глину вокруг древков, отчего по речке потянулись мутные струи. Дондрагмер некоторое время наблюдал за их работой, а затем объявил, что, вероятно, проще прорыть канал в обход препятствий, нежели выкорчевать две дюжины копий, вошедших в грунт на глубину четырех футов. Предложение было встречено с энтузиазмом, и работа началась в весьма быстром темпе.

Пока все это происходило, планеры продолжали кружить над кораблем; возможно, это были одни и те же планеры, а может, они сменялись под покровом ночного мрака – сказать было трудно. Барленнан внимательно следил за холмами по обе стороны речки, каждую минуту ожидая появления сухопутных отрядов; но долгое время единственными подвижными компонентами пейзажа оставались планеры и моряки. Экипажи планеров были невидимы; не говоря уж об их численности, никто не знал, что это за

существа; впрочем, и земляне, и месклиниты были убеждены, что пилоты летающих машин принадлежат к расе Барленнана. Они не выказывали никакого беспокойства по поводу землеройных работ, но в конце концов стало очевидным, что работы эти не прошли незамеченными. Когда обходный канал был на три четверти закончен, планеры приступили к действиям: вторая серия бомбардировок закупорила канал так же намертво, как первая – реку. Как и прежде, метатели приложили все усилия к тому, чтобы не задеть моряков. Тем не менее команда была обескуражена, как если бы она сама подверглась нападению; совершенно очевидно, что копать и вообще стараться не было смысла, поскольку работу нескольких дней пилоты за считанные минуты сводят к нулю. Нужно было продумать другой порядок действий.

По совету землян Барленнан давно уже распорядился, чтобы моряки не собирались в большие группы; теперь же он велел прекратить все работы и вытянул команду вдоль цепочки плотиков в два параллельных кордона по обе стороны ручья. Моряки были достаточно далеко друг от друга, чтобы не являть собой заманчивой цели для нападения сверху, и достаточно близко, чтобы при случае помочь друг другу. Барленнан стремился показать, что следующий ход – за экипажами планеров. Однако в течение ближайших нескольких дней те продолжали кружиться над речкой, словно чего-то выжидая.

Затем вдали показалась еще одна дюжина непрочных воздушных корабликов, пролетела над ними, разделилась на две группы и села на вершины холмов по обе стороны от корабля. Посадка, как и предсказали Летчики, была произведена против ветра; машины затормозили в нескольких футах от точки посадки. Из каждой выбралось по четыре существа, они бросились к крыльям и поспешно закрепили планеры, используя ближайшие кустарники в качестве якорей. Предположения землян и месклинитов оказались правильными: обликом, ростом и расцветкой обладатели

летающих машин были как две капли воды похожи на моряков «Бри».

Закрепив планеры, их экипажи принялись воздвигать с наветренной стороны сборное сооружение, к которому они затем присоединили тросы с крючьями на концах. Расстояние между этим сооружением и ближайшим к нему планером было, видимо, измерено весьма тщательно. И лишь выполнив эту работу, они впервые взглянули на «Бри» и его команду. Продолжительный вопль, который пронесся от одной вершины холма к другой, был, видимо, сигналом, оповещающим об окончании работы.

Тогда экипажи планеров на подветренном холме начали спускаться вниз по склону. Они двигались не прыжками, как во время работ сразу после посадки, а ползком, на манер гусениц, тем единственным способом, который был известен команде Барленнана до экспедиции на Край Света. Все же ползли они довольно быстро и к закату солнца оказались на расстоянии хорошего броска – так это восприняли наиболее пессимистически настроенные моряки. Здесь они остановились и переждали ночь; света лун было достаточно, дабы убедиться, что ни та ни другая сторона не предпринимает никаких подозрительных действий. С восходом солнца новоприбывшие вновь двинулись вперед, и как только первый из них оказался примерно в ярде от ближайшего моряка, наконец остановились; его спутники остались в нескольких футах позади. Ни у кого в этой группе не было оружия, и Барленнан отправился на переговоры, предварительно дав двум морякам указание направить один из телепередатчиков прямо на место встречи.

Представитель планеристов не стал тратить время понапрасну; едва Барленнан остановился перед ним, он сразу же заговорил. Капитан не понял ни слова. Произнеся несколько фраз, представитель догадался об этом и, помолчав немного, снова заговорил, на этот раз медленно и, насколько понял Барленнан, уже на другом языке. Чтобы не тратить время на поиски наречий, известных им обоим, Барленнан

произнес несколько слов на своем языке. Тогда собеседник снова сменил язык, и удивленный Барленнан убедился, что на этот раз планерист попал в точку: он говорил на языке народа Барленнана, медленно, коверкая слова, но вполне понятно.

– Давно я не слыхал, чтобы говорили на этом языке, – произнес он. – Надеюсь, меня еще можно понять? Ты понимаешь меня?

– Прекрасно понимаю, – ответил Барленнан.

– Отлично. Я – Риджаарен, переводчик Маррени, начальника Внешних Портов. Мне предписано выяснить, кто вы такие и откуда, и с какой целью плаваете в наших морях у этих островов.

– Мы совершаем плавание с торговыми целями, и определенного пункта назначения у нас нет. – Барленнан не собирался рассказывать о своей дружбе с существами иного мира. – Мы не знали о существовании этих островов, мы просто побывали на Краю Света, который надоел нам до смерти, и теперь возвращаемся. Если вы пожелаете с нами торговать, мы готовы, если же нет, тогда мы просим только одного – чтобы вы дали нам возможность продолжить плавание.

– Наши корабли и планеры ведут торговлю только в этих морях – мы никогда не видели других, – сказал Риджаарен. – Я одного не понимаю. Торговец с далекого юга, который научил меня твоему языку, рассказывал, что он прибыл из страны, расположенной по другую сторону океана за западным материком. Нам известно, что морского прохода из того океана в этот не существует, западный материк упирается в льды. Тем не менее, когда мы впервые заметили вас, вы плыли с севера. Напрашивается мысль, что вы таскаетесь по нашим морям в поисках суши. Как это согласуется с твоими словами? Шпионов мы не жалуем.

– Мы идем с севера, потому что пересекли сушу между этим океаном и нашим. – У Барленнана не было времени выдумать убедительную ложь, хотя он сам понимал, что

правда звучит совсем уж неправдоподобно. И реакция Риджаарена показала, что так оно и есть.

– Твой корабль построен при помощи громоздких инструментов, которых у тебя нет. Он построен на верфях, а верфей к северу отсюда нет. Ты хочешь убедить меня, будто вы разобрали свой корабль и тащили его на себе столько времени?

– Да! – Барленнану показалось, что он нашел выход.

– Как?

– А как вы летаете? Многим это показалось бы еще менее правдоподобным...

Судя по реакции переводчика, эти фразы прозвучали не столь уместно, как надеялся Барленнан.

– И ты смел надеяться, что я отвечу на этот вопрос? Знаешь, простых нарушителей мы еще можем простить, но уж со шпионами мы поступаем круто!

Капитан поспешил внести ясность.

– Да не нужен мне твой ответ! Я просто, насколько это уместно, хотел указать тебе, что ты не вправе спрашивать нас, каким способом мы пересекли сухопутный барьер...

– Не вправе?! Я буду спрашивать, и ты мне ответишь. Видимо, ты не понимаешь своего положения, чужеземец. Совершенно неважно, что ты думаешь обо мне; а вот что я думаю о тебе, имеет очень большое значение. Проще говоря, для того чтобы уйти отсюда целым и невредимым, тебе придется убедить меня, что ты не причинишь нам никакого вреда.

– Да какой же вред мы можем причинить вам – команда одного-единственного корабля? Почему вы так боитесь нас?

– Мы вас не боимся! – коротко и выразительно ответил Риджаарен. – Но вы явно можете причинить нам вред – один из вас, не говоря уже о целой команде, может увезти с собой сведения, которые мы не желаем выдавать. Мы, конечно, понимаем, что варварам никогда не постичь секрета полетов – разве что, если их специально обучать и наставлять;

вот почему в ответ на твой вопрос я рассмеялся. Но впредь ты должен выбирать выражения.

Барленнан не слышал смеха, и у него зародились кое-какие подозрения относительно переводчика и его народа. Полуправда, которая казалась бы уступкой со стороны Барленнана, будет, вероятно, наилучшим ходом.

– Нам помогли переправить корабль через сушу, – проговорил он как бы с некоторой неохотой.

– Кто? Камнеметатели и речные жители? Ну, ты, наверное, обладаешь необыкновенной силой убеждения. Нам от них доставались только камни и копья.

К радости, Барленнана, Риджаарен не стал задерживаться на этой теме и сразу перешел к более практическим делам:

– Итак, раз уж ты здесь, ты хочешь с нами торговать. Чем же вы собираетесь торговать? И вы, конечно, попроситесь для этого в один из наших городов?

Барленнан почуял ловушку.

– Мы будем торговать здесь или где вы укажете, хотя нам не хотелось бы удаляться от моря. А сейчас мы можем торговать только продовольствием с перешейка... боюсь только, что этого добра у вас и без того хватает благодаря вашим летающим машинам.

– Продовольствие у вас могут купить, – небрежно отозвался переводчик. – Готовы ли вы открыть торговлю до того, как выйдете ближе к морю?

– Готовы, если это необходимо, хотя я и не понимаю, какая в этом необходимость. Ведь если мы попытаемся уйти в море без вашего согласия, вы в два счета нагоните нас на своих летающих машинах, не так ли?

Видимо, последняя фраза вновь пробудила утихшую было подозрительность Риджаарена.

– Может быть, и так, но я не собираюсь говорить с тобой о таких вещах. Окончательное решение примет, конечно, Маррени, но я бы вам советовал разгрузить ваш корабль

здесь. Разумеется, тебе придется еще уплатить портовые налоги.

– Портовые налоги? Но здесь же не порт, и потом я не по своей воле попал сюда, меня загнала буря!

– Все равно, иноземные корабли должны платить портовые налоги. И имей в виду, размеры налогов определяются начальником Внешних Портов, а судить о тебе он будет с моих слов. Так что изволь держаться со мной поучтивее!

Барленнан с трудом удержался, чтобы не вспылить, но вслух заявил, что переводчик совершенно прав. Он выразил это в пространной речи и, видимо, до какой-то степени умиротворил этого типа. Во всяком случае, переводчик удалился, не произнеся более ни одной фразы, содержащей явную или скрытую угрозу.

Двое из его сопровождающих последовали за ним; один остался. Члены экипажей других планеров торопливо подхватили тросы, прикрепленные к сборной раме, и натянули их. Тросы неимоверно растянулись, пока их крючья не были продеты в кольцо, вделанное в носовую часть ближайшего планера. Затем планер отпустили, тросы мгновенно сжались и вышвырнули планер в воздух. Барленнану тотчас же страстно захотелось получить такие растягивающиеся тросы. Желание это он высказал вслух и встретил полную поддержку у Дондрагмера. Дондрагмер слышал всю беседу от начала до конца и полностью разделял чувства своего капитана по отношению к переводчику начальника Внешних Портов.

– Вы знаете, Барл, а ведь мы можем поставить этого молодчика на место. Хотите попробовать?

– Я бы с наслаждением, но мы не можем позволить себе злить его, пока мы здесь. Я не хочу, чтобы он и его приятели швыряли свои копья в наш «Бри»...

– Да я хочу не разозлить, а напугать его! «Варвары»... Я заставлю его проглотить это словечко, чего бы мне это ни стоило. Все зависит от двух обстоятельств: во-первых, знают

ли Летчики, как эти планеры действуют, и, во-вторых, захотят ли они поделиться с нами своими знаниями?

– Наверняка знают, если только давным-давно не забыли о них, когда построили более совершенные...

– Тем лучше для моей затеи!

– ...но я не уверен, что они пожелают рассказать нам об этом. Я полагаю, ты уже догадался, что я надеюсь извлечь из этого похода: я намерен научиться у Летчиков всему, чему смогу. Именно поэтому я так стремлюсь добраться до этой их ракеты у Центра; сам Чарлз говорил, что она содержит новейшее научное оборудование, какое только у них есть. Когда оно будет у нас в руках, на море и на суше не найдется такого пирата, который осмелился бы задеть «Бри», и мы больше не будем платить портовые пошлины – мы сами будем составлять свои меню...

– Я уже догадался.

– Вот я и сомневаюсь, что они согласятся дать тебе нужные сведения. Они могут заподозрить нас...

– А я считаю, что вы сами слишком подозрительны. А вы хоть раз пытались у них получить научную информацию, которую вы собираетесь украсть?

– Да, и Чарлз всегда говорил, что нам ее не понять...

– Что ж, может быть, он и прав, а может, он и сам не знает всего. В общем, я намерен расспросить кого-нибудь из его товарищей относительно планеров; я хочу увидеть, как этот Риджаарен будет унижаться перед нами.

– Да скажи толком, что ты задумал?!

Дондрагмер объяснил ему во всех подробностях. Сначала капитан преисполнился сомнений, затем постепенно им начал овладевать энтузиазм, и наконец оба они поспешили к радиоустановке.

13. Оговорка

К счастью, прошло много дней, а Риджаарен все не возвращался. Его сопровождающие остались; четыре-шесть

планеров непрерывно кружили над кораблем, и еще несколько сели на вершинах холмов рядом с катапультами. Число воздушных кораблей сколько-нибудь заметно не изменилось, но население холмов увеличивалось изо дня в день. Земляне приняли план Дондрагмера с энтузиазмом и, как подозревал Барленнан, решили немного позабавиться. Некоторые моряки оказались неспособны с достаточной быстротой воспринять то, что требовалось, и от главной части плана их пришлось отстранить; но в конце концов и они разобрались в положении. Барленнан был уверен, что свою скромную роль в предстоящем спектакле они сыграют, а пока он поставил их чинить расшатавшиеся мачты, которые держались только на такелаже.

План дозрел и был как следует отрепетирован задолго до возвращения переводчика, и командный состав горел желанием опробовать его, хотя Дондрагмер одновременно разрабатывал еще один проект и почти непрерывно торчал у радиоаппаратов. Так они держались несколько дней, но вот однажды утром капитан и помощник, исполненные решимости опробовать свою идею немедленно, не сговариваясь, отправились на холм, где стояли планеры. Погода давно уже установилась, и дул только обычный для месклинских морей ветер, – то ли он помогал, то ли мешал полетам. Видимо, на этот раз он склонен был помочь; планеры натягивали привязные тросы, словно живые существа, и члены экипажей стояли у крыльев, вцепившись в кусты, готовые в любую секунду прийти на помощь напряженно натянутым канатам.

Барленнан и Дондрагмер шли к машинам до тех пор, пока им грубым окриком не приказали остановиться. Они понятия не имели о чине и о правах типа, отдавшего этот приказ, поскольку на нем не было никаких знаков различия; но в их планы не входило пререкаться по таким пустякам. Они остановились и с расстояния в тридцать-сорок ярдов принялись разглядывать машины, между тем как члены экипажей глядели на них довольно враждебно. Очевидно,

спесивость Риджаарена была неотъемлемой чертой его народа.

– Вы удивлены, варвары, – произнес наконец один из них. Если бы я счел, что, глядя на наши машины, вы можете чему-нибудь научиться, я бы прогнал вас прочь. Но я скажу только, что больше всего вы похожи на малых детей.

Он говорил на языке Барленнана примерно с таким же акцентом, как и его начальник.

– Ну, глядя на ваши машины, многому не научишься, – сказал Барленнан. – Смотри, сколько неприятностей приносит вам ветер, сколько народу занято, а тут всего-то и нужно только – сделать крылья складными и опускать переднюю часть плоскости.

Он произнес слово «крылья» по-английски, так как в его языке такого не было. Страж немедленно потребовал объяснений; получив их, он на мгновение утратил высокомерный вид.

– Так ты видел планеры раньше? Где?

– В жизни никогда не видел летающих машин, подобных вашим, – ответил Барленнан. Он не сказал ни слова лжи, и только ударение на слове «вашим» вводило собеседника в заблуждение. – Мне не приходилось раньше бывать так близко от Края Света, и я полагаю, что эти ваши хрупкие конструкции развалились бы на куски под собственной тяжестью, если бы вы попытались слетать на них дальше к югу.

– А как же...

Но тут страж замолчал, сообразив, что тон его не приличествует цивилизованному существу, разговаривающему с варваром. Некоторое время он пытался сообразить, какого же тона ему теперь придерживаться; в конце концов он решил передать эту проблему на усмотрение начальника.

– Когда Риджаарен вернется, он, несомненно, охотно выслушает все ваши предложения относительно мелких усовершенствований в планерах. Если они окажутся ценными, он, может быть, даже снизит вам портовые налоги. Ну, а до

тех пор я вынужден просить вас держаться подальше от наших машин; вы можете заметить в их конструкции некоторые ценные особенности, и тогда, к великому нашему сожалению, придется рассматривать вас как шпионов.

Барленнан и его помощник, в высшей степени удовлетворенные произведенным эффектом, вернулись на «Бри» и дословно пересказали этот разговор землянам.

– Как он реагировал на твой намек, будто у вас есть планеры для полетов в широтах с двухсоткратной силой тяжести? – спросил Лэкленд. – Ты считаешь, он поверил?

– Не могу сказать; просто он решил, что либо он много говорит, либо много слушает, и отложил разговор до прихода своего шефа. Впрочем, мне представляется, что начало мы положили хорошее.

Возможно, Барленнан был прав, но переводчик по возвращении вел себя точно так же, как прежде. После посадки его планера и перед тем, как он стал спускаться с холма к кораблю, была какая-то задержка: вполне возможно, страж доложил ему о разговоре, но вначале переводчик даже не заикнулся об этом.

– Начальник Внешних Портов решил пока считать, что вы не имели дурных намерений, – начал он. – Конечно, вы нарушили наши правила, сойдя на берег без разрешения; но он понимает, что вас к тому вынудили обстоятельства, и склонен отнестись к вам снисходительно. Он уполномочил меня обследовать ваш груз и определить размеры портовых налогов и штрафа.

– А не пожелает ли начальник лично взглянуть на груз и, возможно, принять что-нибудь в знак нашей благодарности за его доброту?

Барленнану удалось приглушить саркастические нотки в голосе, и Риджаарен ответил чем-то похожим на улыбку.

– Ваши намерения достойны всяческой похвалы, и я уверен, что мы с вами поладим. К сожалению, он сейчас занят на одном из островов и задержится там на много дней. Если к концу этого срока вы все еще будете здесь, я уверен, что он

с удовольствием воспользуется вашим предложением. А мы пока приступим к делу.

Во время осмотра груза Риджаарен умудрился выдать Барленнану такие сведения, что, наверное, убил бы себя, если бы осознал свою промашку. На словах он, конечно, стремился принизить ценность всего, что попадалось ему на глаза; он бесконечно долдонил о «милости» своего отсутствующего начальника. Но он тут же под видом штрафа завладел значительной долей запаса «еловых шишек», которые были собраны во время перехода через перешеек. А ведь в этих плодах островитяне не должны были бы испытывать недостатка, потому что перешеек явно находился в пределах досягаемости планеров, да и сам переводчик обронил замечание, свидетельствующее о знакомстве островитян с туземцами этих районов. Значит, если эти плоды представляли в глазах Риджаарена такую ценность, выходило, что «варвары» с перешейка оказались не по зубам высококультурному народу переводчика, и этому народу еще далеко до положения царей мироздания, на которое они претендуют в глазах чужеземцев. Это означало, что план помощника имел все шансы на успех, так как переводчик пойдет на что угодно, лишь бы не оказаться на более низкой ступени, нежели «варварская» команда «Бри». Поняв все это, Барленнан почувствовал, что настроение его поднялось подобно ракете землян; он был готов обвести этого Риджаарена вокруг пальца, как ручного «терни». Он употребил для этого все свое искусство, и команда честно подыграла ему.

После того как штраф был уплачен, зрители на холмах принялись толпами спускаться к кораблю, и тогда выводы Барленнана относительно ценности «еловых шишек» полностью подтвердились. Вначале Барленнан не собирался распродавать весь их запас, поскольку он рассчитывал получить за них весьма высокие цены дома; но затем сообразил, что на обратном пути ему все равно придется вновь идти через перешеек, где можно будет собрать их сколько угодно.

Как оказалось, многие покупатели сами были профессиональными торговцами, и они явились с большими запасами разнообразных товаров. В частности, команде предлагались съестные припасы, но по указанию капитана моряки от них отказывались. Торговцы восприняли этот отказ как нечто вполне естественное; в конечном счете, какую ценность представляли такие товары для заморского купца, который без труда обеспечивает себя продовольствием в пути и не может рассчитывать на то, что съестное сохранится до распродажи по возвращении домой? Указание капитана исключало, пожалуй, только «специи», которые могли храниться практически вечно, но как раз специй местные торговцы не предлагали.

Однако у других купцов товары оказались гораздо более интересными. К удивлению, Барленнана, ему были предложены канаты и материи, которыми он давно интересовался. Он сам вел дело с торговцем, явившимся с такими запасами. Капитан долго ощупывал и осматривал невероятно прозрачную и еще более невероятно прочную материю, прежде чем поверил, что она действительно та самая, которая идет на крылья планеров. Риджаарен был все время рядом, и это вынуждало к известной осторожности. Торговец объяснил Барленнану, что, несмотря на свой поразительный вид, материал этот является тканью, что сырьем для него служит растительное волокно (хитроумный торговец не уточнил, какого именно растения) и что ткань эта после изготовления обрабатывается определенной жидкостью, которая частично растворяет нити, после чего эти промежутки между нитями заполняются этим раствором.

– Значит, эта ткань непроницаема для ветра? Прекрасно, я продам ее дома без труда. Вряд ли она пригодна для практических надобностей, например, для изготовления крыши, но она, безусловно, очень красива, особенно цветные образцы. Должен признать, хотя это и не совсем соответствует торговому протоколу, что она для нас самый ходовой товар из всех, что я видел пока на вашем острове...

– Вряд ли пригодна для практических надобностей? – Риджаарен возмутился больше, чем торговец. – Да знаешь ли ты, что такой материал изготавливается только у нас на островах, и это единственная ткань, достаточно легкая и в то же время достаточно прочная для крыльев наших планеров? Если ты решишь ее купить, я отдам приказ отмерять ее небольшими кусками, чтобы вы не смогли ее использовать для тех же целей у себя дома... только дурак станет летать на планерах с шитыми крыльями...

– Конечно, – согласился Барленнан. – Здесь, где вес можно игнорировать, эта материя вполне годится для крыльев. Но, уверяю тебя, в наших широтах использовать ее невозможно; крыло, достаточно обширное, чтобы поднять вес пилота, немедленно разорвется там в клочья при первом же порыве ветра, достаточно сильного, чтобы обеспечить взлет.

Барленнан почти дословно привел объяснение одного из землян, который обосновывал гипотезу, почему в странах на юге не додумались до планеров.

– Да, нагрузка на крылья в наших широтах весьма невелика, – признал Риджаарен. – Поэтому-то мы и не стремимся делать наши планеры более прочными, чем это необходимо. Увеличение прочности ведет к увеличению веса...

Барленнан пришел к выводу, что его противник не блещет умом.

– Естественно, – сказал он. – Но уж морские корабли при таких бурях, как у вас здесь, должны быть гораздо прочнее наших. Скажи, часто ли случается, что их забрасывает на сушу, как забросило наш? Я никогда прежде не видел таких приливных волн.

– Ну, когда приближается буря, мы, естественно, принимаем меры предосторожности. Насколько я знаю, такие приливные волны бывают только в наших широтах. А вообще-то наши корабли во всем похожи на ваши, хотя вооружение у вас, я вижу, совсем другое. Такого оружия я не знаю – несомненно, наши военные специалисты сочли его

непригодным для условий наших широт. Что, оно сильно пострадало во время урагана?

– Еще бы, – солгал Барленнан. – А как вооружены ваши суда?

Он не надеялся, что переводчик ответит на этот вопрос; он даже опасался, что Риджаарен опять напыжится. Но на этот раз переводчик был любезен и обязателен. Он повернулся к холму, на котором остались его спутники, и провопил какой-то приказ, после чего один из них послушно спустился к месту торгов со странным предметом в клешнях.

Барленнан, конечно, никогда прежде не видел самострела. Он преисполнился должного восхищения, когда Риджаарен послал в прочный ствол какого-то растения ярдах в сорока от них три шестидюймовые стрелы с кварцевыми наконечниками, и все они на три дюйма ушли в мишень. И он сразу перестал удивляться неожиданной любезности Риджаарена; такое оружие стало бы бесполезным грузом еще до того, как «Бри» прошел бы четверть пути до родных широт. Барленнан решил испытать его и попросил продать ему один самострел; переводчик любезно предложил самострел в подарок вместе со связкой стрел. Для капитана этого было достаточно; как всякий торговец, он любил, чтобы его принимали за дурачка. Как правило, это бывает выгодно.

Он в огромных количествах закупил материю для крыльев (Риджаарен либо забыл распорядиться, чтобы ее продавали небольшими кусками, либо больше не считал это необходимым), много эластичного каната и изрядное количество местных изделий, оставив на палубе свободными только рабочие места и небольшое пространство для резерва продовольствия. Он избавился от всех товаров, привезенных кораблем на остров, за исключением разве что огнеметов. С тех пор как Риджаарену сказали, что они вышли из строя, он больше не вспоминал о них, хотя явно понял, что это оружие. Барленнан подумал было о том, чтобы подарить ему один комплект без хлорного горючего, но ведь тогда пришлось бы объяснять и даже демонстрировать действие

«огневого боя», а этого он как раз не желал делать. Если островитяне не знают огневого оружия, он не желает, чтобы они с ним познакомились; а если оно им известно, он не желает быть уличенным во лжи. Гораздо важнее было сохранять с Риджааареном хорошие отношения.

Когда торги закончились, толпы местных жителей постепенно рассосались; в конце концов поблизости остались только планеры и члены их экипажей – кое-кто из членов экипажей толпился внизу, возле корабля, а часть оставалась на холмах, возле своих машин. Барленнан разыскал переводчика там, где и ожидал: тот проводил много времени, болтая с матросами. Матросы докладывали, что он все время осторожно выпытывает у них сведения насчет летательных аппаратов их народа. Так оно и ожидалось, и матросы превосходно сыграли свою роль в этой игре, отделываясь небрежными ответами, в которых «случайно» обнаруживали значительные знания по аэродинамике. Естественно, ни одним намеком они не дали понять, когда они приобрели эти знания или каков их источник. Теперь Барленнан убедился, что островитяне, или по крайней мере их официальные представители, поверили, что его народ умеет летать.

– Вот, кажется, и все, что я смог купить и продать, – сказал Барленнан Риджаарену. – Все необходимые налоги мы уплатили. Прошу разрешения покинуть остров.

– Куда вы направитесь отсюда?

– На юг, туда, где вес нормальный. Мы совершенно не знаем этого океана, у нас есть только отрывочные сведения о нем от наших купцов, которые прошли сюда по суше. Мне бы хотелось узнать его получше.

– Очень хорошо. Можете отправляться. Не сомневаюсь, в вашем путешествии вы еще встретитесь с нами, и я сам время от времени плаваю на юг. И впредь берегитесь бурь. – Переводчик, воплощенная сердечность, повернулся, чтобы идти, но снова остановился. – Мы еще увидимся на берегу.

Фьорд, в который вы вошли, представляется нам удобным местом для устройства порта, и я хочу его осмотреть.

С этими словами он двинулся вверх по склону к ожидавшим его планерам. Барленнан обернулся к кораблю и хотел было отдать приказ немедленно сниматься со стоянки (товары грузились на плотики сразу же после покупки), как вдруг до него дошло, что путь кораблю все еще преграждают копья, сброшенные с планеров. Секунду он колебался, не обратиться ли к островитянам с просьбой убрать барьер, но вовремя одумался. Требовать в его положении он не мог, а в ответ на просьбу Риджаарен, несомненно, снова надуется спесью. Нет, выходить из положения команде «Бри» придется без посторонней помощи.

На борту он отдал приказ взяться за пилы, но Дондрагмер остановил его.

– Я рад, что поработал не впустую, – объявил он.

– Что? – спросил капитан. – Ах, да, я ведь видел, что последние сорок или пятьдесят дней ты возишься с какими-то штуковинами, но был слишком занят и не спросил, в чем дело. С торгами мы управились без тебя. Чем же ты занимался?

– Сразу же после того, как нас заперли, у меня появилась одна идея. Вы навели меня на нее, когда спросили Летчиков насчет машин для выдергивания копий. Позже я обратился к ним с вопросом, нет ли у них такой машины, не слишком сложной для нас, и один из них, поразмыслив, ответил, что такая машина есть. Он объяснил, как ее сделать: вот этим я и занимался. Сейчас мы установим у какого-нибудь копья треногу, и я погляжу, как она действует.

– Что же это за машина? Я думал, все машины у Летчиков делаются из металла, который мы не можем обрабатывать, потому что прочные его сорта требуют слишком большой температуры…

– Вот.

Помощник показал ему два предмета, которые он изготовил. Один представлял собой простейший блок, очень

широкий, с прочным крюком. Второй был системой из двух блоков с гвоздеобразными зубцами, торчащими по окружности каждого. Блоки были вырезаны из цельного куска дерева и тоже снабжены крюком; вдобавок здесь была полоса кожи, пропущенная между ними, с отверстиями, соответствующими гвоздеобразным зубцам; концы ее были скреплены таким образом, что она образовывала двойную петлю. Вся эта конструкция представлялась месклинитам совершенно бессмысленной – в том числе и Дондрагмеру, который еще не знал, почему это устройство работает и будет ли оно работать вообще. Он перетащил оба предмета к тому месту, где находились радиоаппараты, и разложил их на палубе.

– Теперь это собрано правильно? – спросил он.

– Да. Теперь это будет работать, если ремень достаточно крепок, – отозвался землянин. – Ты прицепишь крюк единичного блока к копью, которое будешь вытаскивать; это вы сумеете сделать при помощи веревок. Другой блок, двойной, ты подвесишь к верхушке треножника. А что делать дальше, я тебе уже говорил.

– Да, я знаю. Только мне пришло в голову, что не надо тратить время на перемотку. Лучше я буду расстегивать ремень и вставлять его снова...

– Но не забудь при этом поддерживать груз, – сказал землянин. – Молодец, Дон.

Команда немедленно двинулась к первой ограде из копий, но Барленнан приказал им остановиться.

– На канале, который мы не дорыли, копий меньше. Слушай, Дон, Летчик не сказал тебе, сколько времени требуется, чтобы вытащить одно копье при помощи этой штуки?

– Он не мог сказать точно, потому что это зависит от того, как глубоко копья сидят в грунте и как быстро мы будем работать; но он считает, что на одно копье уйдет не больше дня – это быстрее, чем пилить...

– Ага, но ведь кто-то должен дорыть канал, да еще много народу нужно будет откомандировать для этой работы. Кстати, как эта штука называется?

– Летчик назвал ее дифференциальным подъемником. Второе слово вполне понятно, но как перевести первое – я не знаю. Для меня это просто набор звуков.

– Для меня тоже. Дифференциальный, гм… Ну, принимайся за дело. Ты берешь на себя подъемник, я – канал.

Команда с воодушевлением взялась за работу.

Канал был закончен раньше: очень скоро выяснилось, что в землеройных работах может принять участие почти вся команда; двух моряков, сменяющих друг друга у подъемника через каждые пять минут, оказалось достаточно, чтобы копья очень медленно, но уверенно стали вылезать из твердого грунта. К удовлетворению Барленнана, вместе с копьями подняли и наконечники, так что, когда операция закончилась, в распоряжении команды оказалось восемь копий весьма грозного вида. Народ Барленнана почти не знал обработки камня, и кварцевые наконечники представляли большую ценность.

Когда барьер остался позади, до озера было уже рукой подать; там они остановились, чтобы вновь собрать «Бри» в единое целое. На это тоже ушло не очень много времени – моряки стали настоящими специалистами по сборке кораблей, – и вот «Бри» опять оказался на сравнительно глубоком месте. Земляне наверху облегченно вздохнули. Но, как выяснилось, преждевременно.

Планеры летали над кораблем взад и вперед на протяжении всего пути до места торгов. Возможно, их экипажи и поразил способ, с помощью которого моряки расправились с барьером, но они не подали виду. Барленнан, конечно, надеялся, что они все разглядели и добавили эту информацию к списку достижений его народа. Он не очень удивился, когда заметил на берегу неподалеку от устья фьорда дюжину планеров, и скомандовал рулевому повернуть корабль к этому

месту. Теперь-то островитяне обязательно заметят целые и невредимые копья у него на палубе.

Когда «Бри» бросил якорь в нескольких ярдах от берега, первым их приветствовал Риджаарен.

– Итак, ваш корабль опять готов к плаваниям, а? Смотри, на твоем месте все остальные бури я постарался бы встречать в открытом море, подальше от суши.

– Правильно, – согласился Барленнан. – Когда плаваешь по незнакомому морю, самое трудное – это точно знать, как далеко ты от берега. Может быть, ты подскажешь нам, как распределяется суша в этом океане? А может, ты мог бы снабдить нас картами? Мне, конечно, следовало бы спросить об этом раньше...

– Карты наших островов – это секрет, – отозвался переводчик. – Впрочем, через сорок-пятьдесят дней плаванья вы оставите наши острова за собой, а дальше на юг вы не увидите суши примерно тысячу дней. Я не знаю скорости твоего корабля, поэтому говорю очень приблизительно. После этого начнутся острова: берег материка, который вы пересекли, круто завернет на восток, и если все время держать прямо на юг, ты выйдешь к нему примерно... (Он назвал широту по показаниям пружинных весов, и широта эта соответствовала силе тяжести в сорок пять земных g.) – Я мог бы рассказать тебе о странах, которые лежат вдоль побережья, но на это уйдет слишком много времени. Замечу только, что тамошние народы скорее склонны торговать, чем сражаться... хотя некоторые из них сделают все возможное, чтобы просто захватить у тебя товары.

– А они будут принимать нас за шпионов? – любезно осведомился Барленнан.

– Вы, конечно, рискуете, хотя у них не так уж много секретов, которые стоит выведать. Они скорее постараются выведать секреты у тебя, если узнают, что они у вас есть. Так что не советую вам там распространяться о своих летающих машинах.

– Мы и не собираемся, – заверил его Барленнан, старательно скрывая злорадство. – Мы благодарим тебя за советы и информацию.

Он отдал приказ поднять якорь, и тут Риджаарен впервые заметил каноэ, груженное продовольствием, которое болталось у «Бри» на буксире.

– Как же я не заметил его раньше? – произнес переводчик. – Я бы тогда не усомнился, что вы пришли с юга. Как вам удалось отобрать его у туземцев?

И тут Барленнан сделал первую серьезную ошибку за все время переговоров с этим островитянином.

– О, мы привезли его с собой; мы часто используем такие суденышки для транспортировки излишков съестных припасов. Ты видишь, его форма позволяет вести его на буксире безо всякого труда.

Это элементарное представление об обтекаемости он почерпнул из разговора с Лэклендом вскоре после того, как каноэ попало в его руки.

– А, так в вашей стране тоже строят такие суда? – полюбопытствовал переводчик. – Это интересно; я никогда не видел таких на юге. Можно мне осмотреть его? Или ты торопишься?

Барленнан заколебался: ему представилось, что последняя фраза является тонким ходом, своего рода маневром, к каким всегда прибегал он сам; с другой стороны, он не видел опасности в том, чтобы уступить Риджаарену, ибо не может же островитянин увидеть при осмотре больше, чем он видит сейчас. В конце концов, самое главное – форма каноэ, это ясно каждому. Он подогнал «Бри» еще ближе к берегу, подтянул каноэ за канат и толкнул в сторону островитянина. Тот бросился в залив и вынырнул у суденышка, крутившегося над отмелью в несколько дюймов глубины. Передняя часть туловища Риджаарена изогнулась вверх и вперед, и он заглянул в каноэ; мощные руки, увенчанные клешнями, ощупали борта. Каноэ было из обычного дерева, и борта пружинили, прогибаясь при надавливании; и тогда

островитянин издал вопль – сигнал тревоги, по которому четыре планера, кружившиеся в воздухе, развернулись и ринулись на «Бри», а сухопутные силы взяли оружие на изготовку.

– Шпионы! – пронзительным голосом завопил Риджаарен. Приказываю немедленно пристать к берегу, Барленнан – если это твое настоящее имя! Ты искусный лжец, но на этот раз твоя ложь будет стоить тебе тюрьмы!

14. Беда с этими полыми лодками...

Барленнана в годы его юности не раз предупреждали, что язык его до добра не доведет и он может попасть в такую переделку, что ему уж не удастся ничем отговориться. В разные периоды его последующей жизни не раз случалось так, что это предсказание вот-вот готово было исполниться, и каждый раз он клялся впредь не давать волю языку. Примерно то же самое происходило и сейчас, но, кроме того, он был уязвлен, так как решительно не понимал, чем же он все-таки себя выдал. У него не было времени теоретизировать на этот счет, необходимо было что-то предпринять, и чем скорее, тем лучше. Риджаарен уже громогласно отдавал приказания пилотам планеров пригвоздить «Бри» копьями ко дну, если он только попытается двинуться к выходу из фьорда, а катапульты на берегу выбрасывали одну за другой все новые машины на подмогу тем, что уже кружили над заливом. Ветер дул с моря и бил в дальнюю стену фьорда почти под прямым углом, создавая над этой частью острова атмосферную подушку, которая давала планерам возможность держаться в небе сколь угодно долго. Из объяснений землян Барленнан знал, что в открытом море силы восходящих атмосферных потоков от океанских волн не хватает, чтобы поднять планеры достаточно высоко для прицельного метания копий; но до открытого моря было еще далеко, и Барленнан, убедившись на опыте в искусстве

воздушных метателей, сразу же отказался от упований на свое мастерство в маневрировании кораблем.

Как это часто случалось и раньше, пока он раздумывал, действовать начали его подчиненные. Дондрагмер схватил самострел, подаренный Риджааренем, и с быстротой и сноровкой, свидетельствующей о том, что в последнее время он занимался не только подъемником, натянул тетиву. Затем он молниеносно установил оружие на стержневую подпорку, развернул его в сторону берега и прицелился в переводчика.

– Стой, Риджаарен, куда это ты?

Уже ступивший на берег островитянин, с длинного тела которого стекала жидкость, остановился и повернул переднюю часть туловища вполоборота назад, чтобы взглянуть, кто его окликает. Он понял, что к чему и заколебался, не зная, как поступить.

– Если ты считаешь, что я промахнусь, потому что никогда раньше не держал этой штуки в руках, – продолжал Дондрагмер, – тогда валяй, иди. Мне и самому будет интересно потренироваться. Так вот, если ты сию же секунду не повернешь обратно к кораблю, я буду считать, что ты пытаешься удрать от меня. Ну, давай!

Последние слова помощник пролаял громовым голосом, и на этом колебания переводчика закончились. Видимо, он не был так уж уверен в некомпетентности помощника; он завершил поворот, снова погрузился в жидкость и поплыл к «Бри». Если он и подумывал нырнуть, то храбрости у него на это не хватило. Он отлично знал, что даже под днищем «Бри» глубина не превышает нескольких дюймов и что такой слой метана – плохая защита от стрелы, пробивающей с расстояния сорока ярдов при семикратной силе тяжести слой дерева толщиной в три дюйма. Конечно, все это представлялось ему не в этих терминах и образах, но так или иначе он отлично знал, что такое самострел.

Он вскарабкался на борт, весь сотрясаясь от ярости и страха.

– Вы полагаете, это вас спасет? – осведомился он. – Вы же сделали себе еще хуже. Если вы сдвинетесь с места, планеры нападут в любом случае, буду я у вас на борту или нет.

– А ты прикажи им не нападать.

– Пока я в ваших руках, они не подчинятся никаким моим приказам; если бы в вашей стране было хоть какое-то подобие вооруженных сил, ты бы знал это...

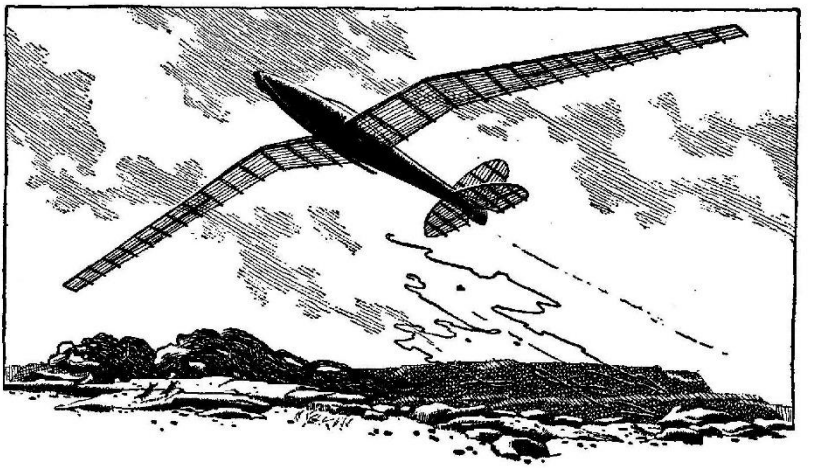
– Мне редко приходилось иметь дело с солдатами, – отозвался Барленнан. Он уже вновь взял инициативу в свои руки, как всегда, когда ход развития ситуации вполне определялся. – Ладно, примем пока твои слова на веру. Нам придется задержать тебя здесь до тех пор, пока не будет выяснено это дурацкое недоразумение и пока ты не перестанешь требовать, чтобы мы пристали к берегу... а может быть, за это время мы сумеем вдобавок разделаться с этими твоими планерами. Жаль, что мы не захватили с собой на эти задворки более совершенного оружия.

– Не морочьте мне голову, – сказал пленник. – Оружие у вас такое же, как и у остальных дикарей на юге. Я признаю, тебе удалось одурачить нас на время, но ты все равно только что выдал себя.

– Чем же это я себя выдал?

– Не вижу смысла в объяснениях. То, что ты об этом не догадываешься, лишний раз доказывает мою правоту. И вообще для вас было бы лучше, если бы ваш обман не был таким успешным, тогда мы были бы осторожнее с нашими секретами. А теперь вы узнали столько, что нам так или иначе придется расправиться с вами.

– Если бы не эти твои последние слова, тебе, может, и удалось бы уговорить нас сдаться, – вмешался Дондрагмер, – хотя, впрочем, вряд ли. Капитан, я готов держать пари, что ваша несчастная оговорка касается как раз того предмета, о котором я вам все уши прожужжал. Правда, теперь с этим уже ничего не поделаешь. Сейчас вопрос в том, как нам избавиться от этих назойливых планеров; никаких морских сил я здесь не вижу, а публика на берегу располагает только



самострелами с планеров, стоящих на грунте. Значит, все свои упования они возложили на воздушные силы. – Он перешел на английский: – Вспомним все, что рассказывали Летчики; как бы нам избавиться от этих докучливых машин?

Барленнан упомянул о том, что высота полета над открытым морем строго лимитирована, но обоим было ясно, что сейчас это им не поможет.

– Можно обстрелять их из самострела, – предложил Барленнан на своем языке, и Риджаарен открыто выразил презрительную насмешку.

Но Крендораник, начальник вооружений, который, как и вся команда, жадно прислушивался к разговору, был настроен менее скептически.

– Давайте попытаемся, – резко заговорил он. – Есть одна штука, которую я мечтаю опробовать еще с тех дней, когда мы застряли у речной деревни.

– Что именно?

– Предпочитаю не рассказывать в присутствии этого типа. Лучше мы ему продемонстрируем, если вы не возражаете.

Барленнан секунду поколебался, затем дал согласие. Он слегка встревожился, когда Крендораник без всяких

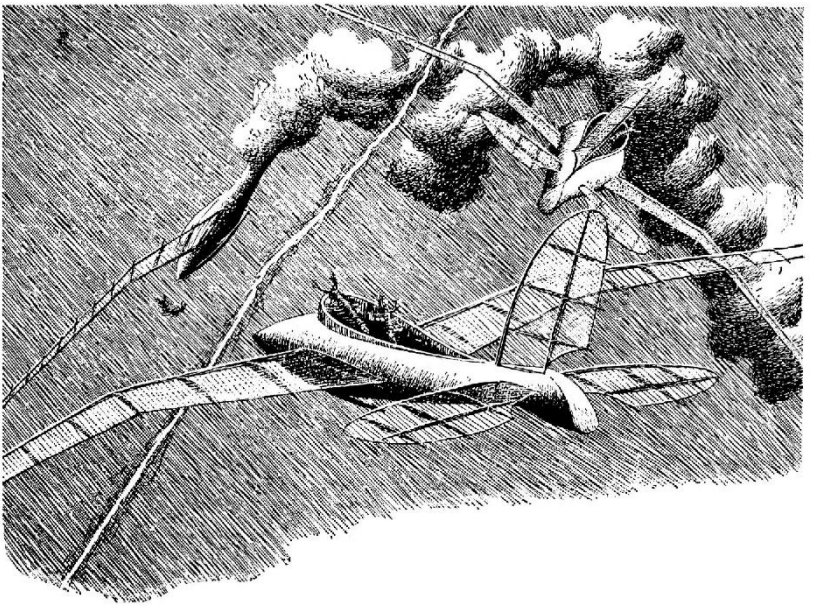
предосторожностей раскрыл короб с огнеприпасами, но тот знал, что делает. Он извлек небольшой пакет, завернутый в светонепроницаемую материю, и все поняли, чем он занимался темными ночами после того, как они оставили позади деревню речных жителей.

Пакет был почти шаровидный и предназначался, очевидно, для метания рукой; как и все остальные моряки, Крендораник по-настоящему увлекся возможностями, которые предоставляло новое искусство бросания. Теперь он был намерен развить эту идею еще дальше.

Он взял пакет, наложил его на древко стрелы и крепко-накрепко примотал его полосой какой-то ткани. По долгу службы, пока они спускали «Бри» вниз по течению и опять собирали его, он хорошо изучил самострел и ничуть не сомневался в том, что может поразить неподвижную мишень на не очень большом расстоянии; относительно движущихся целей у него было больше сомнений, но ведь планеры, перед тем как резко изменить направление полета, сильно накреняются, так что у него будет время подготовиться...

По приказу Крендораника один из матросов группы огневого боя приблизился к нему с зажигательным устройством и остановился в ожидании. Затем, к неописуемому разочарованию наблюдавших землян, Крендораник подполз к ближайшему телепередатчику и водрузил на него стержневую подпорку, чтобы изготовиться для стрельбы вверх. Это начисто лишило людей возможности следить за тем, что происходит, ибо передатчики были расположены «звездочкой» и ни один объектив не перекрывал поля зрения другого.

А между тем планеры продолжали кружить над заливом на высоте примерно пятидесяти футов и раз за разом проносились прямо над «Бри», угрожая «бомбардировкой» в любую секунду; пожалуй, по ним не промахнулся бы и менее опытный стрелок, чем начальник вооружений. Он рявкнул – отдал команду своему помощнику, направил самострел на



очередной приближающийся планер и повел его, не выпуская из прицела. Затем он подал исполнительную команду, и помощник протянул зажигатель к пакету на конце медленно поднимающейся стрелы. Последовала вспышка, клешня Крендораника нажала на спусковой крючок, и вслед за взлетающей стрелой потянулась полоса дыма.

С молниеносной быстротой Крендораник и его помощник припали к палубе и покатились в наветренную сторону, чтобы укрыться от клубов дыма; моряки с подветренной стороны бросились врассыпную и попрятались кто куда. К тому моменту, когда они почувствовали себя в безопасности, сражение было почти закончено.

Стрела едва не проскочила мимо: стрелок недооценил скорости планера. Она ударила в самый кончик фюзеляжа, и пакет с хлористым порошком яростно запылал. За планером потянулось огненное облако и длинный дымовой хвост, от которого шедшие следом машины даже не попытались увернуться. Экипаж подбитого воздушного корабля избежал воздействия ядовитых паров, но хвостовое оперение у

них за несколько секунд выгорело напрочь. Планер клюнул носом и, кувыркаясь, полетел вниз; пилоты успели выпрыгнуть за секунду до того, как он врезался в берег. Два планера, влетевшие в дым, тоже потеряли управление, едва пары хлористого водорода оглушили их экипажи, и оба свалились в залив. Словом, это был один из самых славных выстрелов в истории.

Барленнан, не дожидаясь падения последней жертвы, отдал приказ ставить паруса. Ветер дул им навстречу, но глубина для выдвижных килей была достаточной, и он начал маневрировать, направляясь к выходу из фьорда. На мгновение всем показалось, что солдаты на берегу готовятся обстрелять корабль из своих самострелов, но Крендораник уже зарядил самострел новым ужасным снарядом и нацелился на берег, и одной этой угрозы было достаточно, чтобы они обратились в беспорядочное бегство – впрочем, в наветренную сторону: большей частью это были благоразумные существа.

Риджаарен смотрел молча, всем своим видом являя крайнее смятение. Оставшиеся планеры еще кружились над заливом, и некоторые даже набирали высоту, как бы намереваясь атаковать; но он-то понимал, что теперь «Бри», в сущности, обезопасил себя от попыток такого рода. И действительно, один из планеров все-таки сбросил копье с высоты в триста футов, но еще один снаряд, за которым тянулся хвост дыма, сильно сбил его прицел, и попытки напасть больше не повторялись. Теперь машины кружили далеко за пределами досягаемости, между тем как «Бри» уверенно скользил по фьорду к открытому морю.

– Какого дьявола, что там у вас произошло, Барл? – спросил Лэкленд, не в силах больше сдерживаться. Толпа на берегу за дальностью была теперь едва различима, и он решил, что можно начать разговор. – Раньше мы молчали, потому что боялись, как бы радио не повредило твоим планам, но теперь-то ты можешь рассказать нам, что вы делали все это время...

Барленнан коротко описал события последних нескольких сотен дней, излагая главным образом содержание разговоров, из которых земные наблюдатели в свое время, конечно, ничего не поняли. Отчет продолжался всю ночь, а восход солнца застал корабль уже у самого устья фьорда. Переводчик с ужасом и смятением прислушивался к беседе капитана и радиоаппарата; он был уверен, и не без оснований, что капитан докладывает о результатах своей шпионской деятельности начальству, хотя никак не мог понять, каким образом это делается. Утром он попросил, чтобы его отпустили на берег, причем тоном, разительно отличающимся от прежнего; и Барленнан, сжалившись над существом, которое, вероятно, никогда прежде ничего не просило у представителей других народов, разрешил ему спрыгнуть за борт в пятидесяти ярдах от берега. Увидев, что островитянин нырнул за борт, Лэкленд с облегчением вздохнул: характер Барленнана был ему известен, но он не знал, как тому заблагорассудится поступить в подобных обстоятельствах.

– Барл, – произнес он после паузы. – Мы были бы тебе очень признательны, если ты хотя бы несколько недель не ввязывался во всякие неприятные дела; а мы пока приведем в порядок наши нервы и пищеварение. Каждый раз, когда «Бри» попадает в ловушку, все мы здесь, на луне, стареем на десяток лет.

– А кому я обязан этими неприятностями? – возразил месклинит. – Если бы мне не порекомендовали искать убежище от некоего урагана, который, между прочим, я бы много легче перенес в открытом море, мы бы, конечно, никогда не столкнулись с этими строителями планеров. Я не могу сказать, что сожалею об этом; я многому научился и, кроме того, знаю, что кое-кто из твоих друзей рад был познакомиться с островными жителями. Я вообще считаю, что пока наш поход довольно скучен; все встречи заканчиваются благополучно, да еще приносят нам прибыли...

– Так скажи мне прямо, раз и навсегда, что ты предпочитаешь: приключения или прибыли?

– Ну… не знаю. Я всю жизнь ввязываюсь в разнообразные истории, потому что мне так интересно, но еще приятнее, если я от этого что-нибудь имею. Вам бы, конечно, только лишить меня всех радостей жизни!

– Ну вот, так я и думал… Ладно, я не могу тебе приказывать, но помни, пожалуйста, как много значит для нас твоя информация!

Барленнан согласился более или менее искренне и снова повернул корабль на юг. Остров, который они оставили, еще несколько дней маячил позади, и им частенько приходилось менять курс, чтобы обойти другие острова. Время от времени они видели планеры, проносившиеся над волнами от одного острова к другому, но летающие машины всегда далеко обходили корабль. Видимо, среди этого народа новости распространялись быстро. Затем последний клочок суши погрузился за горизонт, и люди сообщили, что дальше впереди долго не будет суши – установившаяся ясная погода позволяла им очень точно координировать курс корабля.

На широте примерно сорока g они повернули корабль на юго-восток, чтобы обогнуть длинный выступ суши, который, как предупреждал Риджаарен, вытянулся перед ними далеко на восток. Корабль проходил по сравнительно узкому проливу, соединяющему два основных моря, но пролив этот был все же достаточно широк, так что никто на борту его не заметил.

Вскоре после выхода в новое море имело место небольшое происшествие. Примерно при шестидесяти g каноэ, по-прежнему преданно тащившееся на конце буксирного троса, постепенно начало увеличивать осадку. Суденышко подтянули к корме, причем Дондрагмер стоял тут же и молчал, но всем своим видом как бы хотел сказать «я же говорил». На дне каноэ оказалось некоторое количество метана; каноэ разгрузили и подняли для осмотра на борт, однако течи обнаружено не было. Барленнан решил, что в лодку плеснула

волна, хотя жидкость в ней была гораздо прозрачнее, чем в самом океане. Он распорядился спустить каноэ обратно в море и снова загрузить, но теперь выделил моряка для периодического осмотра и, если потребуется, для вычерпывания. Долгое время этого было вполне достаточно; стоило удалить жидкость, как каноэ восстанавливало прежнюю высокую осадку, однако скорость течи все время возрастала. Его еще два раза вытаскивали на борт для осмотра, но безрезультатно; Лэкленд, к которому обратились за консультацией, не мог дать никаких объяснений. Он предположил, что дерево может быть пористым, но тогда течь должна была иметь место с самого начала...

Апогей был достигнут на широте примерно двухсот g, когда позади осталось более трети морского пути. Продолжительность дня все увеличивалась, по мере того как весна подходила к концу, и планета все больше удалялась от своего солнца, и моряки чаще всего целыми днями били баклуши. Состояние общей расслабленности не миновало и матроса, назначенного черпальщиком. В тот день он, как обычно, подтянул каноэ к корме и перебрался через его планшир. И тут расслабленность его как рукой сняло. Когда он забрался в каноэ, оно, естественно, слегка осело; при этом пружинистое дерево бортов слегка прогнулось внутрь. Каноэ осело еще глубже... борта прогнулись сильнее... каноэ погрузилось...

Как и всякая реакция с прямой связью, эта реакция протекала с необыкновенной быстротой. Едва черпальщик успел заметить, что борта вдавливаются внутрь, как все суденышко нырнуло в океан, а матрос обнаружил, что он ошеломленно барахтается на поверхности. Наконец каноэ повисло на тросе, рывком затормозив движение «Бри»; этот толчок сразу поднял всех.

Черпальщик перелез через борт, на ходу рассказывая, что произошло. Все матросы, кроме вахтенных, устремились к корме, и вскоре буксирный трос был выбран, а затопленная лодка подтянута к кораблю. Не без труда ее вытащили

на палубу вместе с той частью груза, которая была хорошо принайтована; подтянули телепередатчик и установили объектив перед каноэ. Осмотр ничего не дал; потрясающая эластичность дерева восстановила прежнюю форму суденышка, и оно выглядело совершенно таким, как прежде; и по-прежнему не было никакой течи. Это было установлено уже позже, когда лодку разгрузили. Лэкленд, внимательно оглядев ее, покачал головой и уклонился от объяснений.

– Расскажите сначала, что произошло, – попросил он. – Пусть каждый расскажет то, что видел.

Месклиниты принялись рассказывать. Барленнан перевел то, что говорили матросы, вытаскивавшие лодку, и матросы, видевшие все подробности этого события. Это и оказалось самым важным и интересным.

– Подумать только! – пробормотал Лэкленд вполголоса. – Ну стоило ли оканчивать институт, если ты не можешь при случае вспомнить то, что необходимо? Давление жидкости в заданной точке соответствует весу столба жидкости над этой точкой... и даже метан при силе тяжести в две сотни g весит немало, а каждый лишний дюйм глубины увеличивает вес... И ведь дерево это не толще бумажного листа; удивительно, как оно все еще держится.

Барленнан прервал этот невразумительный монолог и потребовал информации.

– Я вижу, ты теперь знаешь, в чем дело, – сказал он. – Не можешь ли заодно объяснить и нам?

Лэкленд честно пытался это сделать, но преуспел только отчасти. Концепция давления в количественном смысле остается камнем преткновения для студентов любого института.

Барленнан все-таки понял, что чем глубже погружаешься в море, тем больше давление, и что с глубиной оно возрастает с увеличением силы тяжести; но он не сопоставил эту силу с другими, известными ему, например, с силой давления ветра или даже с недомоганием, которое он сам

испытывал, когда при купании погружался слишком быстро.

А главное, конечно, состояло в том, что у любого плавающего предмета какая-то часть всегда находится под поверхностью, и при возрастании силы тяжести, если предмет полый, эта часть рано или поздно будет раздавлена. Когда в беседе с Лэклендом они пришли к этому заключению, Барленнан старался не смотреть на Дондрагмера, и настроение его не улучшилось, когда помощник заметил, что именно на этом его поймал Риджаарен. Полые суда на их родине, это надо придумать! Островитянам-то, наверное, давно известно, что в высоких широтах полые суда никуда не годятся...

Имущество, которое было в каноэ, закрепили на палубе, и поход продолжался. Барленнан никак не мог заставить себя расстаться с теперь уже бесполезным каноэ, хотя оно и заняло на палубе много места. Он старался скрыть бесполезность каноэ, набив его съестными припасами, которые нельзя было бы навалить такой высокой грудой, если б не борта. Дондрагмер заметил, что при этом маневренность «Бри» ухудшается, так как каноэ расположилось на двух плотиках, но Барленнан пропустил это мимо ушей.

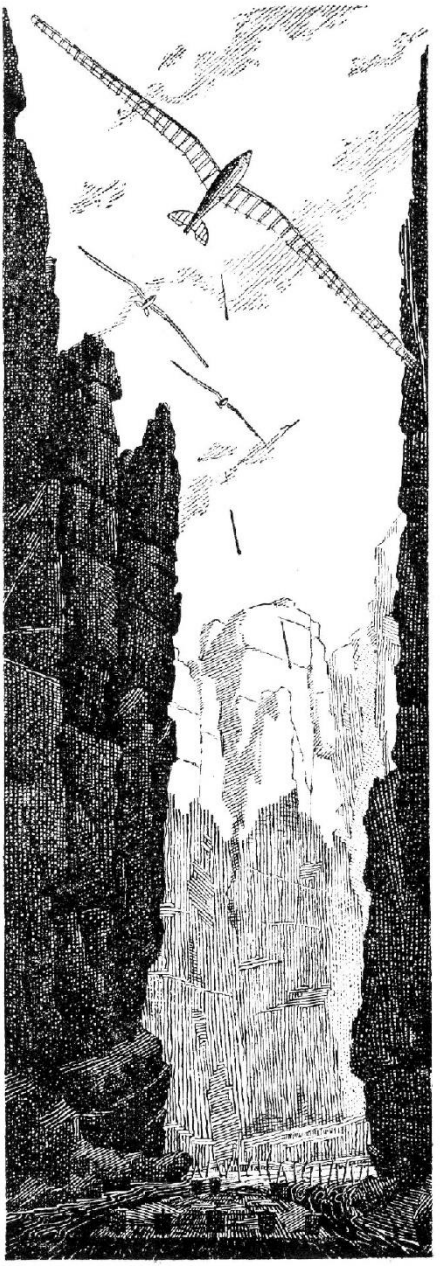
А время все шло, сначала сотни дней, затем тысячи. Для месклинитов, долгоживущих по своей природе, ход времени значил немного; землянам же все это приелось и наскучило. Они вели наблюдения, беседовали с капитаном, следили, как медленно удлиняется на глобусе линия маршрута; они меряли и вычисляли, определяя по просьбе капитана позицию корабля и наивыгоднейший курс; учили моряков английскому и сами учились у них месклинитскому, потому что иногда и морякам становилось скучно; короче говоря, ждали, работали, когда была работа, и по-всякому убивали время, пока не прошло четыре земных месяца или девять тысяч четыреста с лишним месклинских дней. Сила тяжести увеличилась со ста девяноста g на широте, где тонуло каноэ, до четырехсот, а затем до шестисот и выше, как

свидетельствовали деревянные пружинные весы – указатель широты на борту «Бри». Дни становились все длиннее, а ночи короче, пока, наконец, солнце не обошло небо, так и не коснувшись горизонта, хотя и склонилось к нему на юге. И землянам, которые успели привыкнуть к этому солнцу за короткий период прохождения Месклина через перигелий, оно казалось меньше. Горизонт, видимый с палубы «Бри» через телепередатчики, был выше судна по всей окружности – это в свое время Барленнан терпеливо объяснял Лэкленду; тогда месклинит терпеливо слушал, как люди уверяли его, что это всего лишь оптическая иллюзия. Суша, которая наконец появилась впереди, тоже, очевидно, выше: так как же оптическая иллюзия может обернуться фактом? Суша действительно там! И это было доказано, когда они ее достигли; ибо они-таки достигли ее у устья широкого залива, который тянулся дальше на юг на две тысячи миль – половину оставшегося расстояния до заветной ракеты. И они поплыли вверх по заливу, все медленнее, по мере того как он сужался до размеров обычного эстуария, ибо теперь приходилось лавировать, а не искать благоприятного ветра с помощью Летчиков, и наконец они достигли устья реки. Они двинулись вверх по реке, уже не под парусами, если не считать редких благоприятных минут, ибо течение здесь было сильнее, чем тяга парусов, оно напирало на тупые обрезы носовых плотиков. Теперь они шли бечевой; очередная вахта сходила на берег с тросами и тянула, так как при такой силе тяжести даже один месклинит располагал значительным количеством тягового усилия. Прошли еще недели, и земляне забыли о скуке, а база на Турее вся была в напряженном ожидании. До цели было рукой подать, и люди и месклиниты жили только надеждами.

Но надежды разом рухнули. Причина была почти та же, что и несколько месяцев назад, когда танк Лэкленда остановился у обрыва. Но на этот раз «Бри» и его команда были на дне обрыва, а не наверху. И сам обрыв был высотой не шестьдесят футов, а триста, и при силе тяжести почти в

семьсот g карабкаться, прыгать и передвигаться другими быстрыми способами, которые так вольно было применять на далеком Краю Света, было совершенно невозможно для могучих малюток, составлявших команду корабля.

По горизонтали ракета находилась от них в пятидесяти милях; по вертикали же это было все равно, что для человека карабкаться вверх тридцать пять миль по отвесной скалистой стене.



15. Плато

Команда «Бри» была уже не та, что раньше; слепой рефлекторный ужас высоты, свойственный им от рождения, исчез, и здравый смысл не оставил их. В этих областях планеты падение с высоты, равной лишь половине длины их тела, грозило неминуемой гибелью даже их могучим организмам. Поэтому, когда «Бри» пришвартовался к речному берегу в

нескольких десятках метров от чудовищного обрыва, отрезавшего им путь к цели, большинство из них ощутило страх.

Люди молча глядели на обрыв, тщетно ломая головы над новой проблемой. Экспедиция располагала несколькими ракетами, но ни одна из них не смогла бы оторваться от грунта даже при вдесятеро меньшей, чем здесь, силе тяжести; единственная ракета, специально построенная для этой цели, давно и безнадежно покоилась на грунте. Но даже если бы существовала еще одна такая же, в экспедиции не нашлось ни одного человека или инопланетянина, который смог бы посадить ее здесь и остаться в живых, а существа, способные жить и работать в этих условиях, не сумели бы управлять ею, и обучить их было бы так же невозможно, как бушмена, выхваченного наугад из сердца джунглей.

– Что ж, оказывается, поход еще далеко не закончен, – резюмировал положение Ростен, вызванный в смотровой зал. Должен же быть какой-то путь на плато, а может, обратный склон обрыва окажется не таким крутым. Конечно, совершенно очевидно, что в этом месте Барленнану и его команде не подняться, но почему бы не попробовать пойти в обход?

Лэкленд передал его предложение капитану.

– Все это так, – отозвался месклинит. – Но здесь возникает целый ряд трудностей. Добывать пропитание на берегах реки за последние дни становится все труднее; мы слишком далеко от моря. Далее, у нас нет никакого представления о том, сколько нам еще придется пройти, значит, мы не можем планировать потребление съестных припасов и многое другое. У вас есть достаточно подробные карты, по которым мы могли бы заранее определить новый маршрут? Если нет, лучше бы вам их составить...

– Хорошая мысль. Сейчас узнаю, как у нас с этим обстоит дело... – Лэкленд повернулся к товарищам и запнулся, увидев нахмуренные озабоченные лица. – Что случилось? Разве мы не можем провести фотосъемки, как это делали на экваторе?

– Можем, конечно, – ответил Ростен. – Мы можем составить карту и даже, пожалуй, достаточно подробную; но это будет нелегко. Над экватором мы могли держать ракету в заданной точке при круговой скорости на высоте всего шестисот миль от поверхности – прямо на внутреннем крае кольца. А здесь круговой скорости будет недостаточно, хотя для нас она самая удобная. Чтобы получить снимки с близкого расстояния без сверхъестественного перерасхода горючего, нам придется выводить ракету на орбиту, близкую к гиперболической; а значит, скорость на минимальном расстоянии от поверхности составит несколько сотен миль в секунду. Сами понимаете, что это будут за съемки. Видимо, снимать придется все-таки длиннофокусными объективами и с весьма порядочных расстояний; остается только надеяться, что четкость деталей удовлетворит нашего Барленнана.

– Я об этом не подумал, – признался Лэкленд. – Но мы это так и сделаем; другого выхода я не вижу. Конечно, можно было бы попросить Барленнана провести поход вслепую, но это было бы нечестно по отношению к нему.

– Правильно. Мы запустим одну из наших ракет и возьмемся за дело.

Лэкленд передал содержание разговора Барленнану, и тот ответил, что до получения необходимой информации он будет оставаться на месте.

– Я мог бы двинуться вдоль обрыва либо вправо, вверх по течению реки, либо влево, оставив здесь корабль. Но поскольку я не знаю, какой путь короче, мы лучше подождем. Я бы, конечно, предпочел идти по реке; тащить на себе продовольствие и радиоаппараты – дело нешуточное...

– Ладно. Как у тебя со съестными припасами? Ты, кажется, говорил, что с ними стало труднее, потому что вы ушли от океана?

– Да, с едой тут хуже, но все-таки здесь не пустыня. Какое-то время мы, во всяком случае, продержимся. Но если нам предстоит поход по сухопутью, мы сто раз пожалеем,

что с нами нет тебя и твоей пушки. Самострел, что нам подарили, на протяжении почти всего пути был для нас просто музейным экспонатом.

– Почему же ты его сохранил?

– Да по той самой причине, что это отличный музейный экспонат. Ведь у нас никто никогда не видел и, насколько я знаю, представить себе не мог оружие, которое основано на принципе бросания. Кстати, не можешь ли ты выделить нам какую-нибудь пушку? В наших условиях она все равно не будет работать...

Лэкленд рассмеялся.

– Боюсь, что не смогу. У нас только одна. Нам она, конечно, вряд ли еще пригодится, но мы должны будем отчитаться за нее.

Барленнан изобразил нечто вроде кивка и вернулся к своим делам. Ему предстояло многое исправить на Чаше, которая являлась эквивалентом глобуса; во время похода люди непрерывно давали капитану пеленги и расстояния до суши во всех направлениях, и теперь он имел возможность нанести на свою вогнутую карту очертания большей части обоих морей, которые он пересек.

Необходимо было также решить, что делать с продовольствием; этот вопрос, как Барленнан уже объяснял Лэкленду, пока не был злободневным, но сейчас пришла пора пустить в ход сети. Ширина реки в этом месте достигала двухсот ярдов, и в ней оказалось достаточно рыбы для их повседневных нужд, зато от суши ничего хорошего ждать не приходилось. С одной стороны реки каменистый и голый берег упирался в подножие скалистого обрыва; по другую сторону миля за милей тянулись гряды невысоких холмов и исчезали за отдаленным горизонтом. Скальная порода обрыва была отполирована до гладкости стекла, как это случается даже на Земле со скалами на гранях разломов. И даже на Земле, чтобы вскарабкаться на такой обрыв, потребовалось бы специальное оборудование и вес мухи (впрочем, на Месклине и муха оказалась бы слишком тяжелой).

Растительность здесь была, но в небольших количествах, и в течение первых пятидесяти дней никто из команды не обнаружил никаких следов сухопутной фауны. Время от времени кто-нибудь уверял, что заметил какое-то движение, но на поверку всегда оказывалось, что это лишь тени, отбрасываемые кружащимся солнцем, которое вновь и вновь проносилось по небу, чтобы спрятаться за обрывом. Они были так близко от южного полюса, что не могли уже замечать изменения высоты солнца над горизонтом в течение дня.

Земляне в это время не сидели без дела. Четверо членов экспедиции, в том числе Лэкленд, вошли в ракету и с быстродвижущейся луны взяли курс на Месклин. С луны планета выглядела как овальная селедочница с небольшим утолщением посередине; кольцо казалось узкой яркой чертой, но оно выделялось на фоне истыканного звездами мрака и подчеркивало сплющенность гигантского мира.

Когда была включена тяга, чтобы погасить орбитальную скорость луны и вывести ракету из экваториальной плоскости Месклина, картина изменилась. Кольцо стало похожим на кольцо, но хотя оно было тройным, вся эта система не напоминала систему Сатурна. Слишком велика была сплющенность Месклина, и он был похож только на самого себя – менее двадцати тысяч миль в полярном диаметре и сорок восемь тысяч миль в экваториальном: нужно было видеть это, чтобы оценить по достоинству. Члены экспедиции видели теперь эту картину достаточно часто, и все равно смотрели как зачарованные.

Ракета шла с орбиты спутника на большой скорости, но, как и объяснял Ростен, этой скорости было недостаточно. Понадобилась добавочная тяга; и, хотя ракета пролетела над полюсом на высоте в несколько тысяч миль, фотографу пришлось работать засучив рукава. Было сделано три оборота, но времени, пригодного для фотографирования, набралось в общей сложности всего две-три минуты; в основном ракета удалялась и вновь приближалась к планете. Все было рассчитано таким образом, чтобы Месклин

каждый раз был повернут к солнцу другой стороной; это было необходимо для измерения высоты обрыва по отбрасываемой им тени. Затем, когда фотографии были проявлены и легли на картографический стол, было затрачено еще некоторое количество горючего, чтобы сменить гиперболу на широкую дугу, пересекающую орбиту Турея, и пригасить скорость до оптимальной для посадки. Этот маневр потребовал времени, но они могли себе это позволить: картографические работы велись уже в полете.

Как и все, что было связано с Месклином, результаты оказались интересными и даже поразительными. На этот раз изумление землян вызвали размеры участка планетной коры, который был, видимо, выдавлен вверх тектоническими силами в виде единого «куска». По форме он напоминал Гренландию – обширный клин длиной примерно в три с половиной тысячи миль, острием направленный в сторону океана, откуда приплыл «Бри». Река, ведущая к нему, делала широкую петлю и подступала к его стенам почти с противоположной стороны в основании «клина». Высота его над окружающей местностью по краям была на удивление одинакова по всей окружности; измерения по теням свидетельствовали, что у острия «клина» река разве что чуть-чуть больше, нежели в том месте, где отшвартовался «Бри». И не было заметно иззубренных теней, которые указывали бы на проломы в этой стене.

Вот только одно. Лишь на единственной фотографии можно было разглядеть некоторую размытость на рисунке тени, которая могла бы обозначать более отлогий склон. Это место находилось на широкой стороне «клина», примерно в восьмистах милях от стоянки корабля. Более того, оно было выше по течению, и река текла вдоль самой кромки обрыва, а возле размытого участка тени делала резкий поворот, как бы огибая груду камней от обвалившегося склона. Все это выглядело весьма многообещающе. Это означало, что Барленнану предстоит пройти не пять тысяч миль, а всего тысячу шестьсот-тысячу семьсот; правда, половина

расстояния придется на сушу, но даже этот участок сухого пути вряд ли такой труднопроходимый. Лэкленд так и сказал своим товарищам, и тогда ему предложили более тщательно исследовать поверхность плато, по которой придется идти его маленькому другу. Но это дело Лэкленд отложил до возвращения, так как на базе было больше возможностей.

На базе микроскопы и денситометры в руках профессиональных картографов несколько поохладили восторги Лэкленда, ибо поверхность плато оказалась сильно изрытой. Там не было видно ни рек, ни чего-либо другого, что объясняло бы пролом в стене; впрочем, существование пролома подтвердилось с достаточной основательностью. Денситометрия показала, что середина плато ниже, чем его края, так что плато представляет собой некое подобие гигантской мелкой чаши; но глубину ее определить сколько-нибудь точно не удалось из-за отсутствия четких теней внутри нее. Тем не менее картографы с уверенностью объявили, что самый глубокий участок плато все же гораздо выше местности под обрывом.

Ростен просмотрел окончательные результаты и фыркнул.

– Ну что ж, это лучшее, что мы можем ему предложить, – произнес он. – Лично я и даром бы не взял это плато, даже если бы мне удалось там выжить. Чарли, вам придется лезть из кожи вон, чтобы оказать месклиниту моральную поддержку; ибо как поддержать его материально, я не знаю.

– Я все время лезу из кожи вон. Это же просто несчастье, что именно сейчас, когда до цели рукой подать, мы уткнулись носом в такую штуку. У меня одна надежда – что он не плюнет на нас, а постарается все-таки довести дело до конца; знаете, он ведь до сих пор не верит тому, что мы говорим. Возьмите, например, эту историю с высоким горизонтом. Было бы просто здорово, если бы кто-нибудь толком объяснил ему – и мне заодно, – как это получается. Тогда было бы легче выбить из него этот предрассудок, будто его мир имеет форму чаши, а то ведь он и сейчас не уверен, что

мы пришли сюда из другого мира, и считает это на пятьдесят процентов суеверной болтовней...

– Ты что, серьезно не знаешь, почему горизонт кажется выше? – возмущенно воскликнул один из метеорологов.

– Да, толком не знаю, хотя понимаю, конечно, что здесь какую-то роль играет плотность атмосферы...

– Но ведь это же очень просто!

– Не для меня.

– Это просто для каждого. Ты знаешь, как в солнечный день слой горячего воздуха над дорогой отражает свет от неба вверх под небольшим углом, поскольку горячий воздух менее плотен и свет идет сквозь него быстрее; ты наблюдаешь отражение неба и склонен принимать его за водную поверхность. Ты даже иногда на Земле видишь еще более сложные миражи, но все это основывается на одном и том же – «линзы» и «призмы» более холодного и более горячего воздуха преломляют свет. То же самое и тут, только здесь примешивается еще и гравитация; чем выше ты поднимаешься над поверхностью Месклина, тем меньше становится плотность водорода. И, конечно, помогает низкая температура.

– Хорошо, считай, что я понял. Я не...

Лэкленд не закончил фразы; Ростен резко прервал его:

– Как быстро плотность падает с высотой?

Метеоролог достал из кармана счетную линейку и несколько секунд что-то подсчитывал.

– Весьма приблизительно, принимая за среднюю температуру минус сто шестьдесят, можно считать, что на высоте тысячи пятисот – тысячи шестисот футов плотность падает до одного процента плотности у поверхности.

Ошеломленное молчание было ему ответом.

– А... насколько она упадет... э... на высоте в триста футов?

Ростен с трудом выдавил из себя этот вопрос. Метеоролог задумался, шевеля губами. Потом ответил:

– Опять же весьма приблизительно – на семьдесят-восемьдесят процентов плотности у поверхности, может быть и больше…

Ростен с минуту барабанил пальцами по столу, следя взглядом за их движениями. Затем поднял глаза. Все молча смотрели на него.

– Я понимаю, никто здесь не способен предложить блестящий выход из этого положения; или кто-нибудь искренне полагает, будто соплеменники Барленнана способны жить и работать при атмосферном давлении, которое в переводе на наши человеческие понятия соответствует высоте в сорок или пятьдесят тысяч футов?

– Я не уверен… – Лэкленд, нахмурившись, задумался, и Ростен с надеждой взглянул на него. – Когда-то довольно давно он объяснял мне, что способен проплывать под водой… простите, метаном… значительные расстояния. Если вы помните, речные жители тогда перетащили «Бри» именно таким образом. Если они просто задерживают дыхание или запасают воздух на манер наших китов, то для нас это бесполезно; но если они могут забирать необходимый для дыхания водород из его раствора в месклинских реках и морях, тогда у нас есть какая-то надежда.

Ростен еще немного подумал.

– Ладно. Надо вызвать вашего приятеля-крошку по радио и выяснить все, что он сам знает об этой своей способности. Рик, найдите мне данные по растворимости водорода в метане при давлении в восемь атмосфер и температурах от минус ста сорока пяти до ста восьмидесяти пяти по Цельсию. Дэйв, спрячьте вашу линейку обратно в карман и ступайте к вычислителю; получите мне значение для плотности водорода на вершине этого плато с максимальной точностью, какую только могут обеспечить физики, химики, математики и боги погоды. Кстати, это не вы говорили, что в здешних тропических циклонах давление в центре падает на две-три атмосферы? Чарли, надо выяснить у Барленнана, каковы при этом его ощущения? Ну, все за работу!

Конференция закончилась, и ее участники разошлись по своим местам.

Ростен остался в смотровом зале с Лэклендом, чтобы послушать его разговор с месклинитом.

Барленнан подтвердил, что способен пробыть под водой долгое время без неприятных для себя последствий; но он понятия не имеет, как он это делает. Во всяком случае, в это время он не дышит и не испытывает ничего похожего на человеческое ощущение удушья, как его описывает Лэкленд. Если он остается под водой слишком долго и при этом занят активной работой, наступает, насколько он способен это описать, нечто похожее на сонливость; иногда он теряет сознание, но на этом все и кончается; его можно вытащить и привести в себя в любое время, если он не погибнет от голода. Видимо, в месклинских морях растворено достаточно водорода для поддержания жизнедеятельности, но для активной работы в течение длительного времени его не хватает.

Ростен буквально расцвел на глазах.

– Даже в самые свирепые бури мне не было плохо, – продолжал капитан. – Например, во время урагана, который выбросил нас на остров планеров, все держались отлично, хотя, конечно, в центре его мы пробыли всего две или три минуты... А что случилось? Почему ты задаешь такие вопросы? Я не понимаю, к чему ты ведешь...

Лэкленд вопросительно взглянул на своего шефа, тот кивнул.

– Мы обнаружили, что воздух над плато, где стоит наша ракета, гораздо менее плотен, чем здесь, у подножия, – сказал Лэкленд. – И мы усомнились, сможете ли вы там работать.

– Но это же всего триста футов; как он может измениться, если расстояние так мало?

– Все ваша гравитация; боюсь, что на объяснения уйдет слишком много времени, но это факт: на любой планете чем выше, тем воздух становится менее плотным, а чем больше

сила тяжести, тем скорее падает эта плотность. На твоей же планете это особенно чувствуется.

– Ну, а где у нас здесь воздух, который ты назвал бы нормальным?

– На уровне моря; мы производим все измерения от уровня моря.

На некоторое время Барленнан погрузился в размышления.

– По-моему, это глупо, – объявил он наконец. – Для измерений нужно выбрать такой уровень, который никогда не меняется. А наши моря поднимаются и опускаются на сотни футов каждый год – и я ни разу не заметил каких-либо изменений в воздухе.

– Ты и не мог заметить, и вот почему. Прежде всего ты на палубе своего «Бри» всегда и во всех случаях остаешься на уровне моря и, следовательно, на дне атмосферы. Может, тебе будет легче представить все это, если ты задашься вопросом о весе воздуха над собой и под собой...

– Все равно не получается, – отозвался капитан. – Наши города не опускаются вслед за морями; они, как правило, весной на берегу, а осенью в сотнях и тысячах миль от берега. Конечно, берега эти очень отлоги, но я уверен, что во время отливов города остаются на высоте не менее чем в триста футов над уровнем моря.

Лэкленд и Ростен секунду молча глядели друг на друга; затем Ростен сказал:

– Но ведь твои города гораздо дальше от полюса... впрочем, нет, это все ерунда. Даже если на полюсах сила тяжести была бы в три раза меньше, все живое должно было бы испытывать огромные перепады в давлении. Может быть, это действительно ложная тревога.

Он сделал паузу, но месклинит не отозвался.

– Барленнан, не сделаешь ли ты попытку подняться на это плато? Мы, конечно, не станем очень настаивать, если это окажется вредным для ваших организмов, но тебе уже известно, как это важно для нас...

– Конечно, я попытаюсь; мы столько прошли, и, мне кажется, нет никаких оснований полагать, будто впереди нас ожидает нечто худшее, чем позади. И кроме того, я хочу… – Он внезапно замолчал и перевел разговор на другую тему: – Вы отыскали какой-нибудь путь наверх или спрашиваете просто так?

И снова от имени землян заговорил Лэкленд:

– Мы обнаружили что-то вроде такого пути выше по реке в восьмистах милях от нынешней стоянки. Мы все еще не уверены, что вы сможете пройти; вероятно, в тех местах был обвал и образовался сравнительно отлогий склон, но нам отсюда невозможно определить, какой величины там камни. Впрочем, если ты не сумеешь подняться в этом месте, можно считать, что тебе не подняться вообще, ибо обрыв везде отвесный.

– Очень хорошо, мы двинемся вверх по течению. Мне что-то не хочется взбираться в этих местах даже на небольшие камни, но мы сделаем все, что сможем. Кроме того, не исключено, что вы нам что-нибудь посоветуете, когда по телепередатчику увидите этот путь своими глазами.

– Чтобы добраться туда, потребуется много времени…

– Не так уж много; я не знаю, в чем дело, но здесь вдоль обрыва все время дует ветер, и как раз в нужном нам направлении. Он не меняет ни направления, ни силы вот уже много дней, с тех пор как мы прибыли сюда. Он не так силен, как обычный морской ветер, но он потянет «Бри» против течения, если только течение впереди не будет сильнее…

– На твоем участке пути река не сужается. Если течение усилится, то разве за счет того, что она обмелеет… Но мы можем сказать только, что порогов впереди нет.

– Очень хорошо, Чарлз. Мы тронемся, как только вернутся охотничьи отряды.

Отряды возвращались один за другим, все с добычей, но без новостей. Холмистая местность простиралась по эту сторону барьера по всем направлениям; животные были маленькие, ручьи встречались редко, растительность была

негустая, если не считать нескольких участков у ручьев. Настроение было несколько пониженное, но оно вновь поднялось при известии, что «Бри» опять отправляется в поход. Кое-какое оборудование, снятое на берег, вновь вернулось на плотики, и команда столкнула корабль в реку. Некоторое время течение медленно несло его назад, к морю. Но вот этот странный, неменяющийся ветер надул паруса, и судно двинулось против течения, медленно, но верно прокладывая путь в неведомые области величайшей из планет, когда-либо исследуемых Человеком.

16. Долина ветра

Барленнан ожидал, что по мере продвижения корабля вверх по реке берега будут становиться все пустыннее, но он ошибся. Целые заросли низких спрутообразных растений облепили оба берега, и на левом берегу они исчезали только тогда, когда река вплотную прижималась к скалистому обрыву. Пройдя первую сотню миль, заметили несколько ручьев, впадающих в главный поток; многие моряки клялись, что видели животных, шмыгающих среди растений. Капитана так и подмывало остановиться и высадить разведывательные и охотничьи отряды, но его удерживали два соображения. Первое – боязнь упустить ветер, который равномерно и с прежней силой дул в нужную сторону; второе – стремление поскорее добраться до цели и своими глазами увидеть волшебную машину, которую Летчики посадили и утратили в полярной пустыне его мира.

С каждой пройденной милей капитан все больше удивлялся ветру; никогда прежде не встречал он ветра, который бы дул в одном и том же направлении более нескольких сотен дней подряд. А этот ветер не просто дул все время в одну сторону, он еще и сворачивал, следуя кривизне обрыва, и, в сущности, дул непрерывно в корму. Барленнан, конечно, не распустил палубную вахту, но теперь он смотрел сквозь пальцы на матроса, который на день-другой отвлекался от

усердного несения службы у вверенного ему участка парусного хозяйства. Да и сам капитан уже потерял счет дням с тех пор, как в последний раз ему пришлось работать с парусами.

Как и предсказывали Летчики, река оставалась все такой же широкой, но становилась мельче и быстрее, и такую возможность Летчики тоже предвидели. Это должно было затормозить ход «Бри»; действительно, скорость корабля несколько снизилась, но ненамного, потому что ветер вскоре тоже начал усиливаться. Тянулась миля за милей, проходил день за днем; метеорологи на далеком Турее совершенно обалдели. Круги, описываемые солнцем в небе, незаметно поднимались все выше над горизонтом, но это происходило так медленно, что «хозяева погоды» и помыслить не могли о том, чтобы отнести усиление ветра за счет астрономии. И люди, и месклиниты пришли к выводу, что в этом виноваты какие-то местные физико-географические факторы. В конце концов Барленнан решил-таки остановиться и выслать охотничий отряд: он больше не боялся, что ветер внезапно переменится.

Ветер и вправду не переменился, и вскоре миля за милей снова легко заскользили под плотиками «Бри». Восемьсот миль, сказали Летчики. Лаг отсчитал против течения гораздо больше, но в конце концов далеко впереди в обрыве показался предсказанный Летчиками пролом.

Сначала русло реки было прямым, и моряки увидели это место словно бы в профиль: почти ровный склон, начинающийся прямо из скалистой стены на высоте пятидесяти футов и спускающийся к горизонту под углом примерно в двадцать градусов. Когда они приблизились, русло резко свернуло вправо, и они обнаружили, что это веерообразная осыпь из пролома в стене, причем ширина пролома не достигает и двадцати ярдов. В самом проломе осыпь становилась круче, но и там, возможно, она была преодолимой; на этот счет никто не мог сказать ничего определенного, пока они не подплыли ближе и не увидели, из каких обломков

состоит осыпь. Первое впечатление было обнадеживающим: в том месте, где река огибала осыпь, валялись груды гальки, мелкой даже с месклинитской точки зрения. Если осыпь достаточно плотная, взбираться по ней будет не очень трудно.

Они свернули по руслу к месту напротив пролома, и когда достигли этого места, ветер наконец резко переменил направление и ударил прямо из пролома, ударил с невероятной силой. Гул, который за последние дни люди и месклиниты считали глухим шумом, превратился в чудовищный рев, и теперь стало понятно, откуда он исходит.

Ветер ударил в корабль, угрожая разнести в клочья прочную ткань парусов, и погнал его прочь от обрыва, наискось через реку. В то же мгновение рев достиг небывалой мощи, и около минуты кораблю пришлось бороться с бурей, сравнимой с самыми сильными ураганами, в которые экспедиция попадала во время похода. Это продолжалось недолго; паруса стояли поперек ветра, а инерция движения была достаточна, чтобы вывести корабль из этого бешеного урагана, прежде чем его выбросило на берег. Тут Барленнан поспешно повернул корабль вправо и быстро пересек оставшееся до берега пространство. Отдышавшись и придя в себя, он сделал то, что стало для него привычным в неожиданных ситуациях: вызвал землян и попросил объяснений. И земляне не обманули его ожиданий: один из «хозяев погоды» немедленно откликнулся и сразу заговорил с интонациями, в которых Барленнан давно уже научился распознавать удовлетворение.

– Теперь все понятно, Барл! Это все потому, что плато имеет форму чаши! Я уверен, что там, наверху, вам будет гораздо легче, чем мы предполагали. Ума не приложу, как мы не подумали об этом раньше!

– О чем? – Месклинит едва не зарычал, и бывшие поблизости матросы по его тону поняли, что капитан в невменяемом состоянии.

– О том, каким должно быть это место при вашем тяготении, вашем климате и с вашей атмосферой. Слушай: зима

в вашей части Месклина – ну, ты понимаешь, в южном полушарии – начинается, когда ваша планета проходит через самый близкий к солнцу участок орбиты. На севере в это время лето, и полярная шапка выкипает – вот почему в этот период у вас такие страшные и продолжительные бури. Это мы знали и раньше. Конденсирующаяся влага – метан, не знаю, как вы его называете, – отдает тепло и согревает воздух в вашем полушарии, так что у вас тепло – даже при том, что вы не видите солнца по три и четыре месяца. Температура поднимается, вероятно, до точки кипения метана – где-то около минус ста сорока пяти при вашем атмосферном давлении у поверхности. Верно? Разве у вас зимой не теплее?

– Да, – согласился Барленнан.

– Очень хорошо. Более высокая температура означает, что плотность вашего воздуха не так быстро снижается с высотой; вся ваша атмосфера как бы разбухает. Она разбухает и переливается через край этой чаши, возле которой вы сейчас стоите, как вода заливается в тонущую тарелку. Затем вы проходите точку весеннего равноденствия, бури стихают, и Месклин начинает удаляться от солнца. Вы остываете – правильно? – и атмосфера снова съеживается; но воздух в чаше остается, он в ловушке, причем давление у поверхности выше, чем на той же высоте вне чаши. Конечно, много воздуха переливается через край и стремится уйти от подножия обрыва – его ток отклоняется влево вращением планеты. Это и есть тот ветер, который все время дул вам в паруса. Остальной воздух стремится вырваться через единственную щель в стенах чаши – так возникает тот ураган, с которым ты только что сражался, и он создает частичный вакуум по обе стороны от щели. Это же так просто!

– Ты все это сообразил, когда я пересекал пояс ветра? – сухо осведомился Барленнан.

– Ну, конечно. Тут-то меня и осенило! Поэтому я и уверен теперь, что воздух там, наверху, будет гораздо плотнее, чем мы ожидали. Ты меня понял?

– Честно говоря, нет. Но если тебя это объяснение удовлетворяет, я готов просто принять его на веру. Я уже научился полагаться на ваши знания, Летчики. Впрочем, теория теорией, но что это означает для нас на деле? Взбираться по склону при таком урагане будет делом нешуточным.

– Боюсь, что другого выхода нет. Возможно, со временем он пойдет на убыль, но мне кажется, чаша опустеет не раньше, чем через несколько месяцев – возможно, через пару земных лет. Так что, если это вообще тебе под силу, Барл, стоит попробовать сейчас же, не дожидаясь.

Барленнан задумался. На Краю Света, конечно, такой ураган просто подхватил бы месклинита и забросил его в два счета неизвестно куда. Но в том-то и дело, что на Краю Света такие ураганы невозможны, потому что воздух, запертый в чаше, весил бы там в сотни раз меньше. Это Барленнан теперь знал точно.

– Мы отправляемся сейчас же, – сказал он отрывисто в аппарат и повернулся, чтобы отдать распоряжения команде.

«Бри» переправили через реку под обрыв – ведь Барленнан в спешке пристал к противоположному берегу. Затем корабль оттащили подальше от реки и накрепко привязали к вбитым в грунт сваям – рядом с осыпью не нашлось достаточно крупных растений, способных удержать такой груз. Было отобрано пятеро моряков, которые останутся с кораблем; остальные опоясались походными ремнями, прицепили к ремням тросы и тут же двинулись к склону.

Сначала ветер им не мешал. Барленнан приступил к подъему с наиболее выгодного места – сбоку, по краю веерообразно рассыпанного каменного крошева. Нижние участки осыпи состояли из сравнительно небольших компонентов – из песка и мелкой гальки; по мере продвижения вверх камни становились все больше. Всем было ясно, почему это так: мелкие частицы ветер относил дальше всего, и моряки представляли себе, через какие же валуны придется перелезать на самом верху пролома.

Всего несколько дней ушло на то, чтобы добраться до края пролома. Ветер здесь был свежее; а в нескольких ярдах впереди он с ревом вырывался из пролома, совершенно заглушая все остальные звуки. На моряков то и дело налетали маленькие смерчи, как бы предоставляя им возможность заранее вкусить то, что им предстоит; но Барленнан колебался всего секунду. Затем, удостоверившись, что его мешок прочно прилажен к ремням на спине, он весь напрягся и вполз в струю ураганного ветра. Все остальные бесстрашно последовали за ним.

Худшие опасения не оправдались: карабкаться через валуны не пришлось. Огромные обломки действительно валялись по всему склону, но их основания были почти скрыты под наносами всякого мелкого мусора, занесенного в эти сравнительно укромные места ураганным ветром. Эти наносы почти всюду смыкались друг с другом, а там, где этого не случилось, всегда можно было двигаться поперек ветра от одного наноса к другому. Путь был, конечно, мучителен, но преодолим.

Затем им пришлось изменить первоначальное мнение о том, что ветер не так уж опасен. Один из матросов, проголодавшись, забрался под прикрытие валуна и раскрыл у себя на спине мешок, чтобы достать еду; видимо, уже само его появление за этим валуном нарушило равновесие, сложившееся здесь за месяцы и годы, пока дул беспрестанный ветер: возник смерч, вихрь ударил в раскрытый мешок, который раздулся наподобие парашюта, вырвал несчастного из-за валуна и швырнул вниз по склону. В одну секунду он исчез из виду в клубах взметнувшегося песка, и его друзья только отвели взгляды от того места, где он сорвался. При такой силе тяжести смертельным исходом завершалось даже падение с высоты в шесть дюймов, а их бедному товарищу пришлось, вероятно, испытать не одно такое падение, пока он докатился до края осыпи. Но даже если его просто сволокло вниз, он все равно, несомненно, погиб под ударами сотен фунтов собственного веса об острые каменные обломки. Моряки попрочнее зарылись ногами в грунт и впредь зареклись думать о еде.

Раз за разом солнце пересекало небо перед их глазами, заглядывая к ним в ущелье. Оно пробегало за их спинами, озаряя противоположный склон. И с каждым разом, когда каменные обломки вспыхивали под его лучами, месклиниты оказывались все выше; с каждым разом они все отчетливее ощущали, что постепенно ослабевает ярость ветра, с воем несущегося над их длинными телами. Пролом становился все шире, а уклон делался все более пологим. Скалистые стены раздавались в стороны; наконец, путь вперед сделался почти горизонтальным, и перед ними открылись просторы верхней части плато. Ветер был еще очень силен, но уже не смертелен, а когда Барленнан повел команду влево, под укрытие стены, совсем ослабел. Ветер уже не был таким яростным и направленным, как внизу; он стекался в пролом отовсюду и почти совсем стих, когда пролом остался позади. Теперь они почувствовали себя в безопасности и первым делом раскрыли мешки, чтобы насладиться едой

впервые за три сотни дней – слишком длительный пост даже для месклинитов.

Когда голод был утолен, Барленнан оглядел простирающуюся перед ним местность. Они расположились сбоку от пролома у края плато; отсюда было хорошо видно, что вся местность впереди отлого понижается. И как же безрадостно она выглядела! Валуны здесь были еще крупнее, и их, несомненно, придется обходить – карабкаться на них было бы безумием. Держаться заданного направления в этом лабиринте будет невозможно, видимость там сокращалась до нескольких ярдов в любом направлении, а солнце в качестве путеводного ориентира было здесь бесполезно. Да, придется держаться поближе к краю обрыва (но не слишком близко, подумал Барленнан, внутренне содрогнувшись). Впрочем, проблема, как отыскать ракету, будет решаться на месте, когда они доберутся до ее окрестностей; тут, конечно, помогут Летчики.

Проблемой номер два была еда. В мешках ее достаточно и хватит на долгое время – возможно, на восемьсот миль пути к пункту над прежней стоянкой «Бри»; но необходимо отыскать какой-то способ пополнения запасов, потому что наличного съестного не хватит даже на обратный путь, не говоря уже о том, что сколько-то времени придется пробыть возле ракеты. Поначалу Барленнан не знал, что придумать, но вот наконец у него родилась одна мысль; он пришел к выводу, что лучше, пожалуй, и вообразить нельзя. Тщательно продумав детали, он подозвал к себе Дондрагмера.

Во время этого трудного подъема шествие замыкал помощник, и ему основательно досталось от песчинок, которые вырывались из-под ног, шедших впереди и, подхваченные ветром, с силой ударяли в него. Но он выдержал это испытание без всякого ущерба для себя; по выносливости, если не по физической мощи, он мог тягаться даже с великаном Харсом. Он выслушал распоряжения капитана, ничем не выдав своих эмоций, хотя замысел Барленнана глубоко разочаровал его по крайней мере в одном отношении.

Уяснив задачу, он созвал матросов своей вахты и половину матросов вахты капитана. Мешки были перераспределены: сравнительно небольшому отряду, оставшемуся с Барленнаном, отдали всю еду, а также и все тросы, за исключением одного, достаточно длинного, чтобы продеть его сквозь походные ремни всех матросов команды Дондрагмера. Это подсказал Дондрагмеру опыт – опыт, который он не желал повторять.

Когда приготовления были закончены, помощник не стал тратить времени даром; он повернулся и повел свою группу к склону, по которому они только что поднялись с такими усилиями, и вскоре цепочка моряков, связанных между собой тросом, исчезла во впадине, что вела в пролом. Барленнан повернулся к оставшимся.

– С нынешнего дня нам придется строго экономить еду. Мы будем продвигаться медленно: торопиться нам некуда. «Бри» подойдет к прежней стоянке гораздо раньше нас, но им придется сделать кое-какие приготовления, прежде чем они смогут нам помочь. Вы, двое с радиоаппаратами, берегите их как зеницу ока; только с их помощью мы узнаем, что вышли к месту стоянки, если, конечно, не найдутся добровольцы время от времени посматривать вниз с обрыва. Впрочем, со временем это тоже может понадобиться, но тогда это я сделаю сам.

– Мы выходим прямо сейчас, капитан?

– Нет, мы будем ждать, пока нам не сообщат, что Дондрагмер благополучно вернулся к кораблю. Если с ним что-либо случится, нам придется разработать какой-нибудь другой план, который, возможно, потребует нашего возвращения; в этом случае немедленное наше выступление будет напрасной тратой времени и сил, а время может нам понадобиться, если придется спешно возвращаться.

Между тем Дондрагмер со своим отрядом без труда достиг начала спуска. Здесь он остановил команду и сам проверил, надежно ли закреплен трос ремнями у каждого матроса, которые шли в связке на равных расстояниях друг от

друга; затем он пристегнул свой ремень к концу троса и отдал приказ начать спуск.

Идея использовать трос оказалась весьма здравой; даже для многоногих месклинитов удерживаться от скольжения при спуске было труднее, чем при подъеме. На этот раз, правда, ветер не грозил подхватить зазевавшегося моряка, потому что на их спинах не было мешков, в которые он мог бы вцепиться, но все равно спускаться было тяжко. Как и прежде, все вскоре потеряли счет времени и, конечно, испытали огромное облегчение, когда впереди открылся вход в пролом и они свернули влево, где ветер был меньше. Конечно, и после этого они все еще вынуждены были смотреть вниз, что крайне плохо действует на нервы месклинитов; но самый тяжелый участок спуска был теперь позади. Чтобы спуститься по краю осыпи и взойти на борт «Бри», им понадобилось всего три-четыре дня. Матросы, оставшиеся на корабле, уже давно заметили их и строили самые страшные предположения насчет судьбы остальной части команды. Их быстро успокоили, и помощник сообщил о своем прибытии людям на Турее, которые тотчас же передали эту информацию на плато Барленнану. Затем корабль снова стащили в реку – это была нелегкая задача, так как четверти экипажа не хватало, а плотики всей мощью полярной гравитации были вдавлены в грунт, но тем не менее все было сделано. Дважды корабль зависал на небольших камнях, которые не давали ему сдвинуться ни назад, ни вперед; тогда к вящей пользе для дела шел в ход подъемник. Когда «Бри» вновь очутился на плаву, Дондрагмер в пути вниз по течению потратил большую часть времени на изучение этого подъемника. Он уже разобрался в конструкции и мог при нужде соорудить еще один такой же без всякой посторонней помощи; но он все еще никак не мог взять в толк, почему эта машина работает. Земляне веселились, следя за его усилиями, хотя, конечно, не подавали виду, что им весело, и никто не хотел лишить его возможности разрешить эту проблему самостоятельно. Даже Лэкленд, при всей его

привязанности к Барленнану, давно уже пришел к выводу, что помощник по интеллекту намного превосходит своего капитана, и он ожидал, что Дондрагмер угостит своих друзей-землян объяснением этой механики еще прежде, чем «Бри» достигнет места прежней стоянки; но он ошибся.

Местоположение застрявшей ракеты было определено с необыкновенной точностью; предел возможной ошибки составлял всего несколько миль. Ее телеметрические передатчики – далеко не вся аппаратура на борту была постоянно регистрирующего типа – продолжали действовать еще целый земной год после того, как автоматы не среагировали на команду взлета; за это время было взято поистине астрономическое число пеленгов. Месклинская атмосфера, в сущности, не создавала помех радиоприему.

«Бри» тоже можно было лоцировать по передатчику на его борту, а также и отряд Барленнана; землянам предстояло свести обе группы вместе, а затем вести их к застрявшему исследовательскому снаряду. Трудность заключалась в регистрации сигналов на Турее; все три цели с точки зрения наблюдателя с луны были на самом краю диска. Хуже того, из-за формы планеты малейшая неточность превращалась в тысячи лишних миль на местности; направленные на цели антенны буквально скользили по плоскому участку поверхности этого мира. Чтобы восполнить этот недостаток, вновь была запущена ракета, в свое время фотографировавшая полярный район; ее вывели на круговую орбиту, плоскость которой проходила через оба полюса.

После того, как орбита была уточнена и стабилизирована, проблема пеленгации крошечных передатчиков, находившихся в распоряжении месклинитов, была окончательно решена.

Все стало еще проще, когда Дондрагмер привел «Бри» на прежнюю стоянку и разбил там лагерь. Теперь на планете был неподвижный передатчик, и можно было информировать Барленнана о том, сколько ему еще осталось идти, буквально через минуту-другую после его очередного запроса.

Так земляне вновь направили действия экспедиции по привычному руслу.

17. Лифт

Но для самого Барленнана ничего привычного здесь не было. Ландшафт на плато был именно таким, каким он показался капитану с первого взгляда: сухим, каменистым, безжизненным, похожим на лабиринт. Барленнан не смел удалиться от края обрыва; стоило углубиться в проходы между валунами, как всякое представление о направлении немедленно терялось. Здесь не было – или их просто не было видно с грунта – никаких холмов, которые могли бы служить ориентирами. Каменные глыбы скрывали за собой все, что находилось дальше, чем в нескольких ярдах; они громоздились, заслоняя поле зрения всюду; более или менее свободна от них была только полоса вдоль обрыва.

Сам поход не был слишком тяжелым. Грунт был ровным, если не считать валунов; но валуны можно было легко обходить. Восемьсот миль – долгий путь для человека; но еще дольше он для существа всего в пятнадцать дюймов длиной, которое «шагает», сокращаясь и вытягиваясь наподобие гусеницы; к тому же бесчисленные обходы намного удлинили эти восемьсот миль. Правда, соплеменники Барленнана могли передвигаться со значительной скоростью, если все учесть заранее, но уж очень много чего нужно было учитывать.

Еще задолго до того, как поход окончился, Барленнан начал по-настоящему беспокоиться о продовольствии. Он чувствовал, что при составлении плана действий многого не учел; необходимо было коренным образом пересмотреть теперь всю идею. Снова и снова он тревожно запрашивал людей, сколько еще ему осталось идти; иногда он получал ответ сразу – всегда неутешительный, а иногда ракета в это время оказывалась по другую сторону планеты, и на запрос откликался Турей с просьбой подождать немного, пока

будет взят новый пеленг. Релейные станции продолжали функционировать, но они не могли пеленговать по радио.

Только когда долгий поход уже подходил к концу, ему пришло в голову, что все-таки можно было идти напрямик через заваленную валунами местность. Конечно, солнце само по себе не могло служить ему ориентиром; оно без малого за восемнадцать минут описывало в небе вытянутые круги над горизонтом, и нужно было иметь очень точный хронометр, чтобы по его видимому положению на небесной сфере вычислять свой курс. Однако наблюдатели в ракете всегда могли сообщить Барленнану, где именно должно находиться солнце: впереди них, позади или где-нибудь сбоку. К тому времени, когда это дошло до всех, оставшееся расстояние уже было проще пройти, по-прежнему держась обрыва; он тянулся почти по прямой от местоположения Барленнана до точки рандеву.

Когда они достигли места, где земляне уже не могли определить разницу в расстоянии между радиопередатчиками, у Барленнана еще оставалось немного продовольствия. Теоретически следовало немедленно приступить к выполнению следующей части плана Барленнана и восполнить запасы съестного; но фактически прежде всего им нужно было сделать один чрезвычайно серьезный шаг. Барленнан говорил о нем еще до того, как его отряд выступил в поход, но тогда об этом никто серьезно не задумался. Теперь время настало.

Земляне объявили, что отряд находится где-то в непосредственной близости к «Бри». Следовательно, еда была всего в ста ярдах под ними; но прежде, чем что-либо предпринимать, чтобы до нее дотянуться, кому-то – и, возможно, не одному предстояло заглянуть за край обрыва. Они должны своими глазами увидеть, где точно находится корабль; они должны создать подъемное устройство, чтобы поднять продовольствие наверх; короче говоря, они должны заглянуть прямо вниз с высоты трехсот футов – и это при их обостренной боязни высоты.

Но это нужно было сделать, и это было сделано. Положение обязывало – Барленнан подал всем пример.

Он приблизился – надо признаться, не очень торопясь – к обрыву и остановился в трех футах от края, устремив взгляд на холмы и другие объекты между ним и далеким горизонтом. Медленно, очень медленно он опускал глаза, всматриваясь в объекты все более близкие, пока не уперся взглядом в скалистую площадку перед собой. Он постепенно осматривал дали, привыкая глядеть на предметы, которые располагались ниже его. Затем почти незаметно, дюйм за дюймом он стал продвигаться вперед, чтобы увидеть объекты, находящиеся ближе к подножию скалы. Долгое время в поле его зрения не появлялось ничего нового, но ему удалось заставить себя сосредоточиться на деталях ландшафта и забыть о том страхе, который он испытывал. Наконец из-за края обрыва появилась река, и тогда он спешно двинулся вперед. Он увидел дальний берег реки, то место, где в свое время высаживались его охотничьи отряды; сверху были видны даже сходящиеся и расходящиеся следы – ему никогда и в голову не приходило, что сверху можно увидеть такие вещи.

Вот стал виден и ближний берег, и вмятина в грунте, куда в свое время вытащили «Бри», еще немного – появился сам «Бри», такой же, как прежде, и моряки, неподвижно распростертые на палубе, и моряки, медленно передвигающиеся возле него по берегу. На какую-то секунду Барленнан забыл о высоте и вытянулся вперед на полную длину своего тела, чтоб их окликнуть. И из-за этого рывка его голова оказалась за краем обрыва.

И он взглянул вниз, прямо на отвесную скалу под собой.

Когда-то он думал, что быть поднятым на крышу танка – самое ужасное, что только может произойти с месклинитом. Позже он так и остался в неуверенности, хуже или лучше заглянуть вниз с обрыва. Он просто не помнил, как пополз назад, и не решился спросить у подчиненных, нуждался ли он тогда в помощи. Когда он полностью пришел в себя, его

отделяли от края обрыва два добрых и совершенно безопасных ярда, а сам он все еще трясся и был не в себе. Его душевное равновесие и мыслительные способности восстановились лишь через несколько дней.

Потом он, наконец, решил, что можно и что необходимо делать. Когда он просто глядел на корабль, все было в порядке; беда случилась, когда взгляд его скользнул от его собственного тела вниз по поверхности обрыва. Так предположили земляне, и Барленнан, подумавши, с ними согласился. Это означало, что выход из положения есть; они могут окликнуть моряков внизу и сколько угодно спускать и вытягивать тросы, если только не будут смотреть вертикально вниз с обрыва. Держать головы в паре дюймов от края обрыва – в этом спасение от безумия и от смерти.

Дондрагмер не углядел, когда высунулся капитан, но он уже знал, что отряд прибыл. Летчики держали его в курсе дел Барленнана. Теперь он со своими матросами стал внимательно следить за кромкой обрыва над собой, а матросы Барленнана тем временем вытолкнули на край мешок и стали двигать его из стороны в сторону. Мешок вскоре заметили, он оказался почти в точности над кораблем; Барленнан, прежде чем у него началось головокружение, успел осознать, что они несколько в стороне от нужного места, и перед тем, как начать сигнализацию, скорректировал ошибку.

– Все в порядке, вас вижу, – объявил Дондрагмер по-английски, и один из землян в ракете тотчас же передал это сообщение Барленнану.

Матрос наверху перестал размахивать пустым мешком, повесил его на край обрыва, чтобы было видно снизу, и с облегчением отодвинулся назад на безопасное расстояние от обрыва. Тем временем его товарищи разобрали и связали принесенные с собой тросы. Один конец был крепко обмотан вокруг небольшого валуна, причем Барленнан не пожалел времени и труда для этого дела; если трос сорвется, отряд на плато будет обречен на голодную смерть.

Удовольствовавшись сделанным, он распорядился перетащить моток к самому краю, и два матроса начали постепенно вытравливать трос вниз. Дондрагмеру все время сообщали о ходе работ, но он никого не поставил под обрыв, чтобы подхватить конец спускаемого троса. Если кто-нибудь наверху поскользнется, весь моток рухнет вниз, и как бы он ни был легок, тем, кто находился бы в этот момент у подножия обрыва, не поздоровилось бы. Он дождался, пока Барленнан не сообщил, что весь трос спущен, и только тогда отправился со своей командой к месту, где лежал моток.

Избыточная часть троса тугой связкой покоилась на твердом грунте. Прежде всего Дондрагмер отрезал эту часть, распрямил ее и измерил. Теперь он точно знал высоту обрыва.

Когда выяснилось, что избыточной части троса не хватает на высоту скалы, помощник достал еще один трос из запасных, удостоверился, что длина его подходящая, привязал к концу троса, свисавшего с плато, и подал Барленнану знак, что можно тянуть.

Это было нелегко, но все же по силам могучим существам наверху; в сравнительно короткий срок второй трос был вытащен на обрыв, и капитан избавился от худшего из своих опасений. Теперь, если один трос все-таки сорвется, у них останется запасной.

Следующий груз был совсем другого рода и доставил матросам много хлопот. Это был мешок, набитый продовольствием, и весил он примерно столько же, сколько один месклинит. Как правило, в этих областях планеты абориген не способен поднять такую тяжесть, поэтому сравнительно немногочисленному отряду Барленнана пришлось туго. Только зацепив трос за один из подходящих валунов и часто останавливаясь, чтобы передохнуть, они в конце концов сумели подтянуть мешок к себе и перевалить его через край, а когда все было закончено, оказалось, что на тросе по всей его длине видны явственные следы от трения как о валун, так и о край скалы. Очевидно, с этим надо было что-то

делать, и пока отряд праздновал конец «великого поста», Барленнан принял решение. После окончания пиршества он отдал помощнику необходимые приказания.

В соответствии с инструкциями Барленнана последующие грузы состояли из мачт, разного рода планок, новых мотков тросов и нескольких блоков того типа, который они использовали при спуске «Бри» с обрыва на далеком экваторе. Весь этот материал был пущен на сооружение треноги и подъемного устройства – аналогичного тому, которым они пользовались раньше, причем работали они теперь очень осторожно, так как в процессе сборки некоторые детали приходилось приподнимать, а прежний страх перед твердыми предметами над головой возродился в них с новой силой. Месклиниты почти не приподнимались над грунтом, поэтому большая часть сборки велась в «лежачем» положении; затем готовая конструкция была поднята и установлена при помощи рычагов, которыми служили планки с подложенными под них обломками камня. Такая же по численности группа людей, работающих в нормальных для них условиях, выполнила бы эту работу за час; у месклинитов на это ушло во много раз больше времени, но наблюдателям-землянам и в голову не пришло осудить их за медлительность.

Тренога была собрана и поднята на изрядном расстоянии от края обрыва, а затем ее с большим трудом, дюйм за дюймом, придвинули к самому краю; подпорки ее были закреплены на грунте кучами небольших булыжников. Самый тяжелый из блоков был прочно привязан к концу мачты, через него перекинули трос, а затем мачту положили на вершину опорной треноги и поставили в рабочее положение таким образом, что она на четверть своей длины выступила над пропастью. Хвостовая ее часть тоже была закреплена грудой камней. На эту работу ушло очень много времени, но дело того стоило. Поскольку применялся только один блок, группе на тросе пришлось по-прежнему иметь дело с полным весом груза; но теперь почти исчезло трение, а зажим,

устроенный на хвостовом конце мачты, разрешил проблему отдыха при грузе на весу.

Мешок за мешком со съестными припасами поднимался наверх, а команда внизу непрерывно занималась охотой и рыбной ловлей, чтобы бесперебойно питать этот поток грузов. Место вокруг подъемного устройства постепенно принимало обжитой вид; большинство моряков ухитрялось в перерывах между сменами сооружать вокруг какого-нибудь облюбованного местечка ограду из камешков высотой в дюйм, так что мало-помалу лагерь стал походить на настоящий город, как у них на родине. Тканей для крыш раздобыть было нельзя – точнее, Барленнан не пожелал тратить время и силы на то, чтобы тащить ткани снизу, – но во всех остальных отношениях это были настоящие дома.

Запасов продовольствия на плато скопилось уже больше, нежели мог нести отряд; Барленнан рассчитывал устроить несколько складов на всем пути к ракете. Считалось, что этот поход будет не таким долгим, как предыдущий, но им придется долго жить возле ракеты, и надо было как следует запастись провизией. Барленнан сознавал, что численность его отряда слишком мала; ему нужно было еще несколько моряков, чтобы оставить их у подъемника, а самому с остальными выйти на поиски ракеты; но эта проблема наталкивалась на некоторые практические трудности. Послать еще одну группу снизу обратно к пролому, чтобы она поднялась на плато и проделала весь путь наверх к его нынешнему лагерю – дело слишком долгое; а о другом выходе из положения никто и думать не хотел. Барленнан думал об этом все чаще; но тут один из матросов сильно осложнил дело.

Этот матрос с разрешения капитана – позже Барленнан жалел, что дал такое разрешение, – предупредил товарищей внизу, подкатил к обрыву камешек величиной с пулю и столкнул его вниз. Результатов с интересом ждали как месклиниты, так и земляне. Земляне не увидели ничего, поскольку единственный передатчик у подножия места

падения был все еще на борту «Бри», слишком далеко от места падения; но слышно им было все так же отчетливо, как и аборигенам. Впрочем, и месклиниты увидели не больше землян, потому что камешек мгновенно исчез.

Когда он прорезал воздух, послышался короткий звук, словно лопнула струна у скрипки, а затем, через долю секунды, последовал резкий удар о грунт.

К счастью, он упал именно на грунт, твердый, но слегка влажный, а не на другой камень; в последнем случае разлетевшиеся осколки могли бы кого-нибудь убить. Удар при скорости примерно миля в секунду расплескал грунт во все стороны кольцевой волной, слишком стремительной, чтобы можно было уловить ее движение. Но через долю секунды волна застыла, и вокруг глубокой дыры, проделанной этим снарядом в почве, возник небольшой кратер. Моряки медленно подходили к нему, тараща глаза на слегка дымящуюся землю; затем все как один отступили от подножия скалы на несколько ярдов. Чтобы сгладить впечатление, произведенное этим опытом, потребовалось некоторое время.

И все же Барленнану было нужно больше моряков на плато; он не принадлежал к числу тех, кто отказывается от своих замыслов из страха, что ничего не получится. В один прекрасный день он выступил с предложением сконструировать лифт и встретил в ответ, как, впрочем, и ожидал, мертвое молчание, но не отступился и регулярно продолжал возвращаться к этому вопросу в ходе работ. Как уже давно отметил Лэкленд, капитан обладал даром убеждения. Жаль было только, что убеждал он на своем языке, ибо люди получили бы большое удовольствие, слушая, как он искусно и нешаблонно подходит к этому вопросу со всех сторон и следя, как слушатели от прямого отказа переходят к раздумьям и от неприязненного молчания – к неохотному согласию. Они так и не стали энтузиастами этой идеи, но ведь Барленнан и не ожидал чудес. И вообще, весьма вероятно, что успех пришел не только благодаря ему. Дондрагмер

страстно мечтал быть в составе отряда, который выйдет к ракете; он испытал глубокое разочарование, когда получил приказ отправиться с группой, которая возвращалась на корабль, хотя врожденная неприязнь к тем, кто оспаривает приказания, заставила его скрыть свои чувства. И вот теперь, когда представился случай вернуться в состав активной группы (так он думал об отряде на плато), он вдруг осознал, что подняться на скалу на конце троса вовсе не так уж страшно. Во всяком случае, рассуждал он, если трос и оборвется, он об этом никогда не узнает. Поэтому он стал проповедником идеи капитана среди своих подчиненных у подножия обрыва; и когда они поняли, что их начальник собирается идти первым, да еще идет с охотой, все их инстинктивное сопротивление исчезло. К этому времени начали действовать автоматические релейные установки, и Барленнан смог лично, без посредничества землян, помочь Дондрагмеру всем своим авторитетом.

В результате была построена небольшая деревянная платформа с низкой оградой – изобретение Дондрагмера, – которая не позволяла пассажиру на платформе заглядывать вниз. Все это устройство должно было висеть на канатных петлях, которые удерживали его в горизонтальном положении; таков был потомок старого подъемника, действовавшего на экваторе.

Все тросы и узлы устройства были тщательно проверены странным способом, очень заинтересовавшим землян – игрой в кто кого перетянет, – а затем платформу подтащили под подъемник и привязали к главному тросу. По просьбе помощника на главный трос подали сверху слабину, и этот узел испытали тем же способом; удостоверившись, что все в порядке, Дондрагмер быстро забрался на платформу, установил на место откидную секцию ограждения и дал сигнал к подъему. Радиоаппарат подтащили сюда еще раньше; Барленнан слышал голос помощника прямо через релейную установку. И он сам занял место в группе у троса.

Платформа не раскачивалась; Дондрагмер вспомнил, как это было неудобно тогда, в полосе малого веса. Здесь ветер по-прежнему дул вдоль обрыва, но он не в силах был раскачать маятник с подвешенной платформой; трос был слишком тонок, чтобы оказывать сопротивление воздушным потокам, а вес гири на конце маятника был слишком велик для них. И это было сделано не только для удобства; отчего бы ни началось качание, оно бы сразу же происходило с частотой всего в полсекунды; по мере подъема частота увеличивалась бы и в конце концов свелась к вибрации в почти звуковом диапазоне, что наверняка разрушило бы все сооружение на обрыве.

Дондрагмер был существом прямолинейным, практически мыслящим, и во время подъема он не делал попыток любоваться открывающимся пейзажем. Напротив, он зажмурился и не стыдился этого. Путь, разумеется, показался ему бесконечным; в действительности он занял около шести дней. Барленнан то и дело останавливался, чтобы проверить подъемник и убедиться в прочности его крепления на грунте. Все было в порядке.

Наконец платформа появилась над краем, и канатные петли уперлись в блок, препятствуя дальнейшему подъему. Борт лифта был всего в дюйме от обрыва; платформа была длинная и узкая, под стать форме тела месклинита; толчок шестом в один ее конец повернул ее другим концом к треноге. Дондрагмер, открывший глаза при звуке голосов, с облегчением сполз на грунт и отодвинулся подальше от обрыва.

Наблюдавший эту процедуру Лэкленд сообщил, что все благополучно, еще до того, как Барленнан объявил об этом ожидавшим внизу морякам; слова Лэкленда были немедленно переведены теми, кто немного знал английский. Все вздохнули с облегчением; они видели, что платформа достигла цели, но ничего не знали о состоянии пассажира. Барленнан воспользовался охватившим всех восторгом, спустил лифт и начал поднимать следующего.

Вся операция была завершена без каких-либо происшествий; лифт спустился и поднялся десять раз, прежде чем Барленнан решил, что больше брать моряков снизу нельзя, иначе труды по снабжению продовольствием сделаются для оставшихся непосильными.

Напряжение спало, люди и месклиниты вновь ощутили, что они вышли на последний участок пути к цели. Лэкленд передал Барленнану информацию, только что полученную с одной из вычислительных машин:

– Надо подождать всего две минуты, Барл, и солнце будет стоять как раз там, куда тебе предстоит двинуться. Мы уже предупредили тебя, что можем указать местоположение ракеты с точностью не более чем в шесть миль; мы проведем тебя в самый центр этой зоны, а там тебе придется уже самому разработать метод поиска. И если там местность такая же, как вокруг твоего нынешнего лагеря, это будет делом нелегким.

– Ты, вероятно, прав, Чарлз; у нас совсем нет опыта в делах такого рода. Все же я уверен, что мы решим и эту проблему; мы ведь справились со всеми прочими, хотя, признаться откровенно, не без вашей помощи... Ну, что, как там солнце?

– Один момент... Вот! Есть в этом направлении хоть какой-то ориентир, по которому ты мог бы определять свое положение, пока солнце снова не вернется сюда?

– Боюсь, что нет. Мы будем делать все, что сможем, а вам придется каждый день давать нам поправки.

– Это немного похоже на прокладку курса в море, где не знаешь ни ветра, ни течений, но иного выхода нет. Мы будем вносить поправки в наши данные каждый раз, когда будет брать твой пеленг. Счастливого пути!

18. Курган

Самым сложным было придерживаться нужного направления, что сразу ощутили все, кого это непосредственно

касалось. Двигаться по прямой было практически невозможно; через каждые несколько ярдов отряду приходилось огибать валуны, слишком высокие, чтобы лезть прямо на них, а за ними ничего не было видно. Положение усугублялось еще и физическими особенностями месклинитов, глаза которых располагались слишком низко над грунтом. Барленнан пытался последовательно менять направление обходов, но это не помогло, поскольку у него не было возможности точно определять протяженность каждого обхода. И редко проходил день, чтобы при проверке не обнаруживалось отклонение от курса на двадцать или тридцать градусов.

Примерно раз в пятьдесят дней местоположение отряда определялось по пеленгу с передатчика – теперь у отряда остался только один из них; другой передали группе у подъемника. Работа эта требовала чрезвычайной тщательности, и иногда точность полученных координат вызывала сомнение у землян. В таких случаях Барленнана сразу предупреждали и оставляли все дальнейшее на его усмотрение. Если голоса землян звучали не слишком уверенно, он продолжал путь; в остальных случаях он останавливался и ждал несколько дней, пока земляне не запеленгуют их с большей точностью. На этих остановках он, как правило, занимался подтягиванием тылов, перераспределяя нагрузку в походных мешках и, если это казалось ему необходимым, внося изменения в нормы выдачи продовольственных рационов. Мысль о том, чтобы оставлять за собой отчетливо видимый след, пришла ему в голову еще до выступления в поход, и теперь их путь отмечала заметная полоса мелких камней. Он носился с мыслью когда-нибудь убрать с пути и отвалить в стороны все эти валуны, чтобы сделать настоящую дорогу; но это будет потом, когда переходы от застрявшей ракеты до базы снабжения и обратно сделаются регулярными.

Медленно тянулись пятьдесят миль под ногами месклинитов, но в конце концов они остались позади. Как и обещал Лэкленд, люди сделали все, что могли; лучших результатов

с их измерительными средствами получить было невозможно. Согласно их выкладкам, Барленнан должен был теперь находиться возле самой ракеты. Но и видеопередатчик, и слова капитана свидетельствовали о том, что никаких признаков ракеты в поле зрения нет; и Лэкленда это не удивило.

– Это все, что мы могли для тебя сделать, Барл. Я знаю наших математиков и готов поклясться, что ты находишься в шести милях от этой машинки, а может быть, и ближе. Ты сможешь организовать своих моряков для поиска лучше, чем я. Мы, конечно, окажем тебе любую посильную помощь, хотя я просто представить себе не могу, чем мы еще можем помочь. Как ты намерен приступить к этому делу?

Барленнан помедлил, прежде чем отвечать. Круг шесть миль в поперечнике – это устрашающая картина, когда видимость ограничена тремя-четырьмя ярдами. Можно было бы, конечно, ускорить ход поиска, рассыпав моряков в цепь; но тогда он неминуемо потеряет нескольких подчиненных. Он сказал об этом Лэкленду.

– Ракета высотой в двадцать футов, – заметил землянин. – Поэтому радиус обзора у тебя значительно больше, чем ты считаешь. Ведь если бы ты смог забраться на какой-нибудь из этих валунов, ты бы наверняка увидел корабль с того места, где сейчас остановился, – вот ведь что самое обидное...

– Конечно, но мы не в состоянии сделать это. Крупные камни высотой от шести до восьми ваших футов; даже если было бы мыслимо вскарабкаться по их почти отвесным бокам, я все равно никогда в жизни больше не взгляну вниз на вертикальный обрыв и не пошлю на такой риск никого из моих товарищей.

– Но вы же сумели подняться до осыпи через пролом.

– Это другое дело. Там мы ни разу не были вблизи отвесного обрыва.

– А если бы такая же насыпь вела на валун, ты бы решился взобраться на такую высоту над грунтом?

– Да, но... Гм-м-м... Ага, я понимаю, что ты имеешь в виду. Погоди немного.

Капитан пригляделся к окружающему пейзажу. Поблизости было несколько крупных валунов; самый высокий из них вздымался на шесть футов над грунтом. Вокруг валунов и между ними валялось множество мелкой гальки. Возможно, если бы Барленнан был хорошо знаком с геометрией, он никогда бы не решился на такое дело; но у него не было реального представления об объеме строительного материала, который ему придется пустить в ход для выполнения его замысла, и он решил, что Лэкленд подал вполне здравую идею.

– Мы сделаем это, Чарлз. Здесь вокруг вполне достаточно мелких камней и всяких обломков, чтобы соорудить все, что угодно.

Он рассказал морякам о своем плане. Если у Дондрагмера и были какие-либо сомнения на этот счет, он оставил их при себе; и вот уже весь отряд принялся собирать камни. Те, что валялись возле выбранного валуна, были подтащены вплотную, к ним подкатывали все новые, и вскоре вокруг места работ начало шириться кольцо голого грунта. Время от времени могучие клешни выцарапывали из грунта твердые комья и укладывали их на груду гальки; этот материал было легче таскать, и он занимал много места, заполняя промежутки между камнями; затем слой грунта покрывался очередным слоем камней, поверх которого снова накладывался грунт.

Работа продвигалась, верно, но медленно. В один прекрасный день часть отряда пришлось направить по проложенному следу на базу за продовольствием, чего не делали даже во время восьмисотмильного похода от пролома; и вот, наконец, на плоскую вершину валуна ступила нога месклинита – вероятно, впервые с тех пор, как внутренние силы Месклина выдавали вверх это плато. По обе стороны от линии, по которой было совершено восхождение, тянулась

насыпь; и никто не приблизился к противоположной стороне валуна, отвесно уходящей вниз.

И на этом новом наблюдательном пункте сбылось предсказание Лэкленда – после долгих месяцев походов и опасностей они увидели то, ради чего сюда шли. Барленнан распорядился втащить на валун и телепередатчик, чтобы земляне тоже все видели; и впервые за этот земной год лицо Ростена утратило мрачное выражение. Собственно, ничего необыкновенного они не увидели; египетская пирамида, если ее обшить металлом и поместить на достаточном расстоянии, выглядела бы примерно так же, как этот тупой конус, возвышающийся над хаосом валунов. Он не был похож на ракеты, которые Барленнану приходилось видеть прежде, – в сущности, он не был похож ни на одну ракету, построенную в пределах двадцати световых лет от Земли; но это было явно нечто совершенно чуждое обычному месклинскому ландшафту, и даже те, кому не пришлось провести месяцы на поверхности чудовищной планеты, разом вздохнули с облегчением.

Но хоть Барленнан и был доволен, он все же не собирался разделять восторги землян на Турее. Ему было виднее, чем людям, у которых обзор зависел от положения телепередатчика, какие трудности еще отделяют отряд от ракеты. Местность эта была не хуже той, что они уже пересекли, но уж во всяком случае и не лучше. И земляне больше не смогут давать ему направление; и даже стоя на этом наблюдательном пункте, он не мог придумать, как держаться правильного курса те полторы мили, которые им предстояло пройти. Направление на цель людям теперь неизвестно, поэтому их метод больше не годится... Но так ли? Ведь он сможет сообщить им, когда солнце окажется прямо над ракетой; и после этого они начнут окликать его каждый раз, когда оно будет проходить через эту точку на небосводе. И между прочим, для этого вовсе не обязательно обращаться к Летчикам; можно оставить на валуне одного из матросов, который будет давать отряду ту же информацию... Погоди, теперь у нас

только один радиоаппарат. Он не может быть в двух местах одновременно. Впервые Барленнан по-настоящему пожалел об аппарате, который остался у речных жителей.

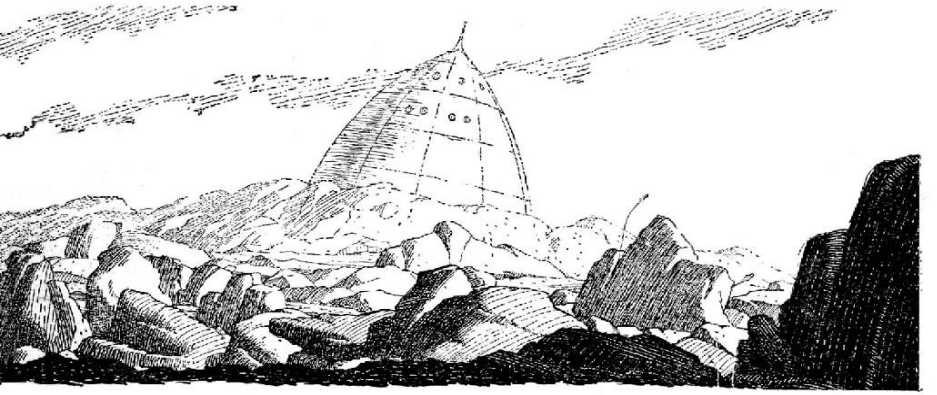
Затем его осенило, что второе радио ему, собственно, и не нужно. Правда, воздух здесь хуже проводит звуки – это была единственная особенность разреженной атмосферы на плато, которую отметили моряки, – но Лэкленд как-то заметил: голос месклинита надобно услышать, чтобы поверить, что такое возможно. Капитан решил так и поступить: он оставит здесь, на валуне, одного наблюдателя, который будет кричать что есть сил каждый раз, когда солнце будет проходить над целью – над этим сверкающим конусом. Отряд, как и прежде, будет оставлять за собой след из камешков, так что наблюдатель без труда найдет их, когда они прибудут на место.

Барленнан сказал об этом отряду. Дондрагмер напомнил, что если основываться на прошлом опыте, они все равно рискуют отклониться далеко в сторону, поскольку теперь без помощи землян они не смогут придерживаться нужного направления и исправлять накопившиеся ошибки; и вообще, если голос наблюдателя будет звучать не с того места, это ничего не будет значить, поскольку тут повсюду сильное эхо. Однако он признал, что лучше ничего не придумаешь, и во всяком случае это самый верный путь к ракете. В конце концов на валун отрядили наблюдателя, и экспедиция двинулась в новом направлении.

Некоторое время пост был виден, и каждый раз, когда матрос подавал голос, они имели возможность корректировать направление. Потом валун затерялся позади других такого же размера, и с этого момента навигационные задачи свелись к тому, чтобы хотя бы приблизительно выдерживать курс на солнце каждый раз, когда в их ушах звучал раздробленный на многоголосое эхо вопль. Шли дни, и звук становился все слабее, но на этом безжизненном плато не было никаких других звуков, так что прослушивался он по-прежнему хорошо.

Никто в отряде не считал себя настолько сведущим в путешествиях по суше, чтобы уверенно оценить пройденное расстояние, и все уже привыкли добираться до цели намного позже намеченных сроков; поэтому отряд был приятно поражен, когда однообразие каменной пустыни перед их глазами вдруг нарушилось. Перемена была не совсем такая, какую они ожидали, но все равно она немедленно привлекла всеобщее внимание.

Они увидели это прямо перед собой, и некоторые матросы вначале даже подумали было, что отряд каким-то необъяснимым образом совершил полный круг и вернулся к тому месту, откуда начал поход. Между валунами появилась длинная насыпь из мелких камней и измельченного грунта. Она была почти такой же высоты, как и та, которую они возвели у наблюдательного пункта; но, подойдя ближе, они убедились, что она тянется в стороны гораздо дальше – насколько хватает глаз. Крупные валуны утопали в ней, как в океанской волне, замерзшей на подъеме; и даже месклинитам, ничего не знавшим о взрывах и метеоритных кратерах, было понятно, что весь этот материал был выброшен наружу из какой-то центральной точки, скрытой этой насыпью. Барленнан, не раз наблюдавший, как садятся ракеты с



Турея, сразу понял, в чем здесь дело и что они сейчас увидят. И когда отряд поднялся по склону, он убедился, что догадка его верна.

Ракета стояла в центре чашеобразной ямы, вырытой яростным потоком раскаленных газов из ее посадочных двигателей. Барленнан вспомнил, как взмывали вверх тучи снега, когда грузовая ракета садилась неподалеку от Холма Лэкленда. И он сознавал, что здесь подъемная сила должна была быть намного мощнее, чтобы мягко опустить на грунт эту громаду, хотя она и меньше прежних. Возле нее не было крупных валунов; несколько штук их высилось на самом краю воронки. Не было в воронке и мелких камешков, а грунт был выброшен до такой глубины, что ракета высотой в двадцать футов возвышалась всего на четыре или пять футов над бесконечными скалами, усеивающими равнину.

Диаметр основания ракеты был почти равен ее высоте; вся нижняя треть ракеты имела цилиндрическую форму. Здесь, как объяснил Лэкленд, когда на насыпь вытащили телепередатчик, располагались двигатели.

Верхняя часть представляла собой конус, быстро суживающийся к тупой вершине, и именно в этом конусе находились те самые аппараты, на которые было убито столько времени, умственных усилий и денег многих и многих обитаемых миров. Здесь виднелось множество отверстий, так как

большинство отсеков не нуждалось в герметизации. Загерметизированы были только те аппараты, которым для нормального функционирования требовался вакуум или специальная атмосфера.

– После взрыва, разрушившего твой танк, – сказал Барленнан Лэкленду, – ты как-то сказал мне, что нечто в этом роде должно было случиться и здесь. Но я не вижу никаких признаков взрыва; и потом, если все эти отверстия были открыты, когда ракета садилась, как там внутри мог сохраниться этот ваш кислород, чтобы вызвать взрыв? Ты сам говорил мне, что между планетами нет воздуха, и кислород должен был улетучиться еще во время полета...

Прежде чем Лэкленд успел ответить, вмешался Ростен. Он со своей группой тоже рассматривал ракету у себя на экране.

– Барл совершенно прав. Какова бы ни была причина аварии, это не кислородный взрыв. Не знаю, что здесь произошло. Когда мы заберемся внутрь, может, мы и узнаем причину – хотя теперь это интересует разве что тех, кто собирается построить еще одну такую штуку. Что же до меня, то я предложил бы приступить к работе; у меня на шее сидит куча физиков, которые прямо-таки изнывают от нетерпения. Какое счастье, что во главе экспедиции поставлен биолог! Сейчас у нас не найдется ни одного физика, с которым можно нормально разговаривать...

– Вашим ученым придется набраться терпения, – заметил Барленнан. – По-моему, вы кое о чем забыли.

– О чем именно?

– Вам нужно, чтобы я поставил телепередатчик объективом к аппаратам, которые находятся в ракете; но ни один из них не располагается ниже семи футов от грунта; и все они за металлическими стенами, которые, как мне представляется, взломать будет не очень просто, хотя ваши металлы не так уж прочны.

– Черт возьми, ты прав, конечно. Ну, вторая задача решается легко; почти вся наружная оболочка состоит из

съемных пластинок, а как их снимать, мы тебе покажем. А вот первая гм-м-м... У вас ведь нет ничего похожего на лестницы, да если бы и было, вы бы все равно не смогли ими пользоваться. У вашего лифта есть один небольшой недостаток – прежде чем пустить его в ход, нужно поместить наверху, в точке подъема, хотя бы небольшую группу работников. Боюсь, что вот так, с ходу, я ничего не смогу придумать. Но мы как-нибудь выйдем из положения; мы слишком далеко зашли, чтобы отступиться.

– Я готов ждать вашего решения до тех пор, пока мой матрос не доберется сюда с наблюдательного пункта. Если к этому времени вы ничего не придумаете, сделаем, по-моему.

– Как? Ты что-то придумал?

– Разумеется. Мы ведь добрались до вершины валуна, с которого увидели вашу ракету: почему бы нам не применить этот способ и здесь?

Некоторое время Ростен молчал; Лэкленд подозревал, что он в душе клянет себя на чем свет стоит.

– Я могу сказать только одно, – проговорил он наконец. – Вам придется поработать здесь гораздо больше, чем там. Ракета в три раза выше валуна, где вы возводили насыпь, а здесь вам придется возводить ее не, с одной стороны, а по всей окружности ракеты.

– А почему нельзя сделать насыпь только с одной стороны и до самого нижнего уровня, где находятся интересующие вас машины? Тогда к остальным уровням мы смогли бы подняться по внутренним лестницам, как вы это делаете в ваших ракетах...

– Это невозможно по двум причинам. Во-первых, у вас там не будет возможности лазить вверх и вниз; ракета не предназначалась для экипажа, и там нет сообщения между палубами. Все оборудование расположено так, чтобы добираться до него снаружи. А, во-вторых, начинать с нижних уровней просто нельзя. Съемные пластины вы откроете без труда, но поставить их назад вы уже не сумеете. Таким

образом, вы снимете всю обшивку внизу, а вершина корпуса просто провалится... во всяком случае, может провалиться. Эти съемные люки составляют почти всю площадь обшивки, и они достаточно толстые, чтобы выдержать большие вертикальные нагрузки. Может, такая конструкция представляется тебе неудачной, но не забывай, что мы рассчитывали открывать их в космосе, где веса нет вообще... И боюсь, что вам придется зарыть ракету полностью, до самого верхнего уровня, содержащего аппаратуру, а потом от уровня к уровню срывать эту насыпь. Может быть, разумно будет последовательно убирать аппаратуру из секций: это снизит нагрузку на нижние пояса обшивки до минимума. В конце концов, когда вы снимете все пластины, от ракеты останется только хрупкий скелет, и я даже представить себе боюсь, что может с этой конструкцией случиться, если вес аппаратуры умножить на семьсот.

– Понятно. – Теперь пришло время призадуматься Барленнану. – Вы сами не можете предложить какую-нибудь альтернативу этому плану? Ты верно заметил, что он потребует немалых усилий...

– Пока мы не можем предложить ничего. Мы последуем твоему совету и будем думать, пока твой наблюдатель не вернется с поста. Подозреваю, впрочем, что все это впустую – вряд ли можно обойтись без применения машин, а их мы тебе доставить не можем...

– Это я уже давно понял.

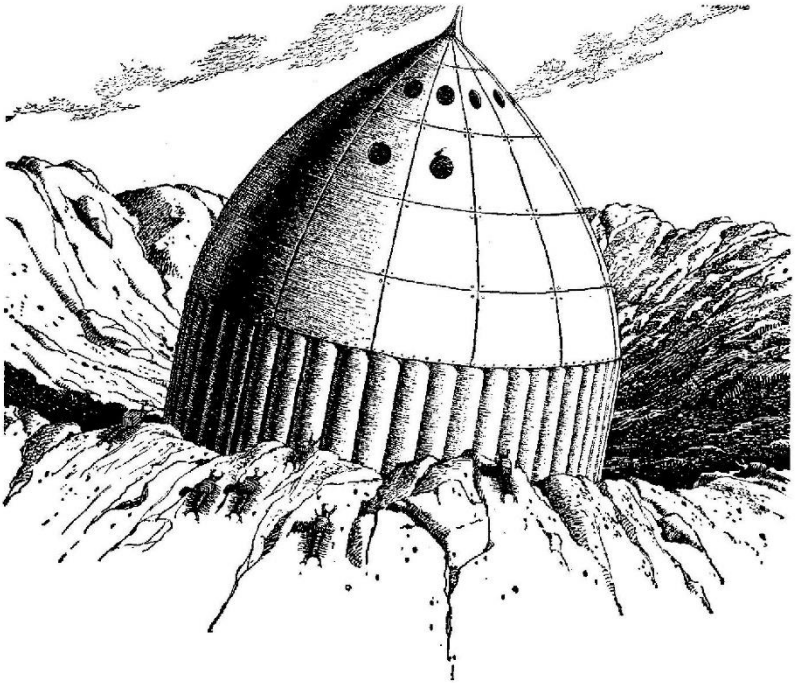
Солнце продолжало кружить по небу, проходя чуть меньше двадцати градусов в минуту. Давно уже отзвучал повторенный многократным эхом крик, известивший наблюдателя, что его работа окончена; несомненно, наблюдатель был уже на пути к ракете. Матросы бездельничали, отдыхая и развлекаясь; время от времени они спускались по отлогому скату ямы, образованной выхлопами ракетных двигателей, и осматривали ракету вблизи. Все они были достаточно разумны, чтобы не приписывать ее свойства волшебству, но все равно она вызывала в них чувство

благоговения. Они ничего не понимали в принципах ее действия, хотя объяснить это им было бы проще простого, если бы Лэкленд, наконец, перестал удивляться тому, как эти существа, которые не дышат, тем не менее способны разговаривать. Месклиниты обладали хорошо развитым сифонным органом, аналогичным двигательному органу у земных головоногих; этот сифон земноводные предки месклинитов использовали, чтобы быстрее плавать; у самих же месклинитов этот орган служил чем-то вроде голосовых связок, весьма похожих на человеческие, но они могли использовать его и в первоначальной функции. Таким образом, природа дала месклинитам все для понимания принципа реактивности.

Но моряки отнеслись к ракете с должным уважением не только потому, что они не понимали принципов ее действия. Их раса строила города, и они считали себя хорошими архитекторами; но высочайшие стены, которые они когда-либо возводили, не превышали и трех дюймов. Многоэтажные здания и даже крыши, построенные из иного материала, нежели лоскут материи, слишком противоречили их инстинктивному ужасу перед твердыми предметами над головой. Опыт, приобретенный отрядом, помог превратить бессмысленный страх в разумное опасение перед весом, но боязнь высоты осталась. Ракета была раз в восемьдесят выше любого архитектурного сооружения, которое они когда-либо возводили; и благоговение перед таким зрелищем было вполне понятным.

Прибыл наблюдатель, и Барленнан обратился к радио, но земляне так ничего и не придумали. Это его не удивило. Он не стал слушать извинений Ростена и вместе с отрядом принялся за дело. Даже тогда никто из землян и помыслить не мог о том, что у их помощника на Месклине есть какие-то свои намерения относительно ракеты. Любопытно, что теперь для таких мыслей уже не было никаких оснований.

Как это ни странно, работа оказалась не такой тяжелой и длительной, как ожидалось. Все объяснялось просто: камни



и грунт, выбитые и разбросанные реактивной струей, лежали довольно рыхлыми грудами, поскольку из-за разреженной атмосферы на плато эта масса не уплотнялась. Конечно, человек в скафандре с нейтрализатором гравитации, который ученые надеялись разработать на основании информации, скрытой в ракете, не смог бы воткнуть лопату в эти груды, потому что тяготение само по себе действует как хороший паровой каток; они были рыхлыми только по месклинитским стандартам. Месклиниты спихивали эти груды вниз по отлогим склонам к растущему вокруг дюзовых выступов кургану; они очищали камни от налипшего грунта и скатывали их туда же, предварительно оповестив об этом товарищей громогласным воплем. Предупреждения эти были необходимы; камни мчались с такой скоростью, что человеческий глаз не успевал за ними следить, и почти всегда бесследно зарывались в кучах только что насыпанного грунта.

Теперь даже пессимисты начали ощущать, что никаких задержек больше не будет, хотя им уже столько раз приходилось распаковывать ожидавшую своей очереди аппаратуру и снова запаковывать ее. С радостным чувством наблюдали они, как сверкающий металл исследовательского снаряда дюйм за дюймом исчезает под грудами камней и грунта; и вот, наконец, ракета почти совершенно исчезла под курганом, а снаружи остался только конус высотой в фут, самый верхний уровень, где было установлено оборудование.

На этом месклиниты закончили работу, и большинство из них немедленно покинуло курган. Наверх втащили телепередатчик и установили объектив перед выступающим металлическим конусом, на котором была явственно видна тонкая линия, очерчивающая контуры люка. Оставшись один, Барленнан растянулся перед ним в ожидании инструкций; Ростен, следивший за ходом работ так же напряженно, как все остальные, дал необходимые объяснения. Трапециевидная пластина крепилась по углам четырьмя болтами. Верхние два болта были примерно на уровне глаз Барленнана, нижние располагались на шесть дюймов ниже насыпи. Болты надлежало вдавить и повернуть на четверть оборота при помощи отвертки с широким лезвием; люди рассчитывали, что эту работу с успехом выполнят мощные клешни месклинита. При виде пластины Барленнан сразу убедился, что расчет этот был правильным. Широкие головки с прорезью легко выскочили наружу, но пластина пока не сдвинулась с места.

– Когда ты доберешься до нижних болтов и вытащишь их, советую тебе привязать к головкам верхних тросы и тянуть их с безопасного расстояния, – сказал Ростен. – Иначе этот кусок металла может грохнуться тебе на голову, он примерно в четверть дюйма толщиной. Да, кстати, пластины на нижних уровнях еще толще.

Совет был принят; капитан быстро разбросал грунт, пока не появился нижний край пластины. Нижние болты

вывинтились так же легко, как и верхние, и через несколько секунд резкий рывок тросов вырвал пластину из гнезда в обшивке. Только что она была видна – и вот исчезла и появилась уже на насыпи; до слуха наблюдателя донесся резкий звук, похожий на ружейный выстрел. Солнце заглянуло в открывшийся люк и озарило установленный там аппарат. В смотровом зале и в ракете-обсерватории послышались восторженные крики.

– Теперь все в порядке, Барл! Мы благодарны тебе больше, чем это можно выразить словами. Отойди в сторонку и дай нам сфотографировать эту штуку, а потом мы объясним тебе, как извлечь из нее запись и как демонстрировать ее перед объективом.

Барленнан ответил не вдруг; но он сразу принялся за дело: подполз к телепередатчику и повернул его объектив от носа ракеты.

– Сначала нам надо обсудить кое-какие вопросы, – спокойно сказал он.

19. Новая сделка

Мертвая тишина воцарилась в смотровом зале. Изображение головы крошечного месклинита заполнило весь экран, но никто не мог расшифровать выражение его «лица». Никто не знал, что сказать; спрашивать Барленнана, в чем дело, было бы пустой тратой слов, ибо совершенно очевидно было, что он все объяснит сам. Он молчал довольно долго, а потом заговорил на таком хорошем английском языке, что этому поразился даже Лэкленд.

– Доктор Ростен, минуту назад ты сказал, что вы благодарны нам больше, нежели можете выразить это словами. Как я понимаю, это твое высказывание было вполне искренним; с одной стороны, я нимало не сомневаюсь, что сейчас вы действительно испытываете к нам чувство благодарности, но, с другой стороны, эти твои слова не больше, чем пустая риторика. Вы не собираетесь дать нам больше, чем

когда-то предложили – прогнозы погоды, координатную информацию при плавании по незнакомым морям, а может быть, и кое-какую материальную помощь, например, сбор специй, о чем в свое время говорил Чарлз. Я прекрасно сознаю, что по вашим понятиям на большее я не имею права; я вступил с вами в соглашение и должен придерживаться его условий – особенно потому, что свои обязательства по этому соглашению вы уже большей частью выполнили.

И тем не менее я хочу большего; а поскольку я уже привык уважать мнение по крайней мере некоторых из вас, я хочу объяснить, почему я так поступаю – если это возможно, я хочу оправдаться перед вами. Правда, я сразу оговариваюсь, что все равно поступлю по-своему, независимо от того, удастся ли мне вызвать в вас сочувствие моим целям и намерениям.

Как вам хорошо известно, я торговец и заинтересован прежде всего в обмене товаров. Чего только вы не предлагали мне в уплату за мою помощь, и не ваша вина, что все эти вещи не имели для меня никакой ценности. Ваши машины, как вы заявили, не могут работать в условиях тяготения и давления на моей планете; ваши металлы я не могу использовать – и не нуждаюсь в них, даже если бы мог; во многих районах Месклина они лежат прямо на поверхности. Некоторые из моих соплеменников делают из них украшения; но из разговоров с Чарлзом я узнал, что для тонкой обработки металлов нужны сложные машины или по крайней мере огромное количество тепла, получить которое было бы для нас трудно. Кстати, штука, которую вы называете огнем, нам известна в более управляемых формах, нежели огненное облако; мне очень жаль, что я обманул Чарлза в этом отношении, но в то время мне казалось, что так будет лучше.

Возвращаюсь, однако, к главному. Итак, я отказался от всего, что вы мне предлагали, за исключением прогнозов погоды и координатной информации. Я думал, что этим вызову у вас подозрения, но ничего похожего на это не

заметил. И все же, чтобы помочь вам, я согласился совершить самое длительное путешествие, известное в нашей истории. Вы твердили мне, как вы нуждаетесь в знаниях; и никто из вас не подумал, что в том же могу нуждаться и я, хотя я то и дело расспрашивал вас, когда видел ту или иную вашу машину. И вы всегда отказывались отвечать мне на эти вопросы, и всегда под одним и тем же предлогом. Поэтому я пришел к заключению, что имею право на любые действия, лишь бы заполучить знания, которыми владеет ваш народ. Вы всегда очень много говорили об огромной ценности того, что вы называете «наукой», и всегда подразумевали при этом, что мой народ этой самой науки не имеет. Но если наука так хороша и ценна для вашего народа, то я не понимаю, почему она не может быть хороша и ценна для моего.

Вы уже поняли, к чему я веду. Я предпринял это путешествие с той же целью, с которой вы послали меня, – чтобы получить знания. Я хочу знать вещи, при помощи которых вы совершаете такие замечательные дела. Ты, Чарлз, всю зиму прожил в таких местах, которые сразу сгубили бы тебя, если бы не помощь науки; но согласись сам, что такие же услуги она могла бы оказать и моему народу.

Поэтому я предлагаю вам новую сделку. Я понимаю, что, поскольку мы не выполнили свои обязательства по прежней сделке, вы неохотно пойдете на заключение новой. Что ж, тут уж ничего не поделаешь; я не стыжусь напомнить вам, что ничего другого вам не остается. Вас здесь нет; вы не можете сюда прийти; со злости вы могли бы сбросить на нас какое-нибудь взрывчатое вещество, но и этого вы не сделаете, пока я нахожусь рядом с вашей машиной. Соглашение очень простое: знания за знания. Вы будете учить меня или Дондрагмера, или еще кого-нибудь из моей команды, кто имеет время и способности учиться; вы будете учить нас все время, пока мы будем разбирать для вас эту машину и передавать вам знания, которые она содержит.

– Одну ми...

– Погодите, шеф, – прервал Лэкленд возмущенного Ростена. – Я знаю Барла лучше, чем вы. Дайте мне сказать.

Они с Ростеном видели друг друга на своих экранах; несколько секунд руководитель экспедиции свирепо глядел на своего подчиненного, затем он осознал положение и сдался.

– Хорошо, Чарли. Скажи ему.

– Барл, я уловил в твоем тоне нотки презрения, когда ты говорил о предлоге, пользуясь которым мы отказывались давать тебе объяснения насчет машины. Поверь, мы вовсе не пытались одурачить тебя. Эти машины очень сложны; они так сложны, что люди, которые изобретают и строят их, сначала затрачивают почти полжизни, чтобы познать законы, на основе которых эти машины действуют, и постичь искусство их воплощения в металле. Кроме того, мы вовсе не принижали знаний твоего народа; правда, мы знаем больше, но это только потому, что мы дольше учились.

Я понял, что теперь ты хочешь узнать о машинах в ракете, причем намерен обучаться по мере того, как вы будете разбирать ее на части. Прошу тебя, Барл, поверь, что я говорю тебе чистейшую правду: во-первых, я бы не смог давать тебе объяснения, потому что просто сам не знаю ни одной из них, и, во-вторых, ни одна из них не может тебе пригодиться, даже если бы ты сумел в ней разобраться. Ведь это машины для измерения того, чего нельзя ни видеть, ни слышать, ни ощущать, ни попробовать на вкус, – того, что ты, возможно, увидишь в действии еще прежде, чем ты начнешь хоть немного разбираться в них. И это не оскорбление; то, что я сейчас сказал, в равной степени относится и ко мне, а ведь я с самого раннего детства живу в окружении таких механизмов и даже пользуюсь ими. Но я все равно не знаю их устройства. И не узнаю до самой смерти; наша наука содержит столько знаний, что ни один человек не способен охватить все, и я должен удовлетвориться той только областью, которую знаю; возможно, за свою жизнь я успею прибавить к ней хоть что-то новое.

Вот так, Барл, мы не можем заключить с тобой такую сделку, потому что для нас физически невозможно выполнить по ней свои обязательства.

Барленнан не умел улыбаться, и он старательно удержался от того, чтобы изобразить подобие улыбки. Он ответил так же серьезно, как говорил Лэкленд.

– Нет, Чарлз, вы можете выполнить свои обязательства, хотя и не знаете этого.

Когда я пустился в путь, все то, что ты сейчас говорил про меня, было правдой; мало того, я всерьез намеревался отыскать с вашей помощью ракету, затем убрать радиоаппараты, чтобы вам ничего не было видно, а затем взяться за разборку этой машины, чтобы в процессе этой работы постигнуть всю вашу науку.

Очень медленно я начал осознавать, что ты никогда мне не лгал. Я понял, что вы никогда не стремились скрывать от нас свои знания, когда вы так быстро и так хорошо познакомили нас с закономерностями науки и техники, которые учитывают строители планеров там, на острове. А когда вы помогли Дондрагмеру сделать блок, я окончательно уверился в этом. Я все ждал, что в своей речи ты об этом упомянешь; почему ты не сказал ни слова? Это ведь хорошие примеры.

И только когда вы объяснили нам насчет планеров, я начал по-настоящему понимать, что означает ваш термин «наука». Еще перед тем, как мы уплыли с острова, я осознал, что это настолько простое устройство, что ваш народ не пользуется им уже давно, и тем не менее даже для его сооружения нужно знать столько законов мироздания, сколько моему народу и не снилось. Как-то, как бы извиняясь, ты случайно обронил, что планеры такого рода твой народ применял более двухсот лет назад. Можно себе представить, насколько же больше вы знаете сейчас – и этого для меня достаточно, чтобы понять: я всего этого никогда не узнаю.

И все-таки вы можете сделать то, чего я хочу. Вы уже кое-что сделали, когда показали нам подъемник. Я не понимаю его, и Дондрагмер тоже, хотя порядочно поломал над ним голову, но мы оба догадываемся, что он чем-то сродни рычагам, которыми мы пользовались всю жизнь. Мы хотели бы начать все сначала, полностью отдавая себе отчет в том, что всех ваших знаний нам не усвоить – не хватит времени. Но мы очень надеемся узнать достаточно для того, чтобы понять, как вы сделали все ваши открытия. Даже для меня очевидно, что это не просто удачные догадки и даже не философствование, как у наших мудрецов, которые учат нас, что Месклин – это чаша. Тут я должен признать, что ты был прав; но я хотел бы узнать, как вы установили форму вашей собственной планеты. Я уверен, что вы знали это еще до того, как покинули ее поверхность и увидели ее со стороны. Я хочу знать, почему «Бри» плавает и почему вначале плавало каноэ. Я хочу знать, какая сила раздавила каноэ. Я хочу знать, почему в проломе все время дует ветер, – я ведь не понял ваших объяснений. Я хочу знать, почему у нас теплее всего зимой, когда мы почти не видим солнца. Я хочу знать, почему огонь обжигает и почему пыль от пламени смертоносна. Я хочу, чтобы мои дети знали, как работает радио и твой танк, а потом – и как ракета. Я хочу узнать многое – больше, чем смогу изучить, конечно; но если я смогу увлечь свой народ знаниями и пустить его по той дороге, по какой, должно быть, шли вы, тогда я охотно брошу торговлю.

Долгое время ни Лэкленд, ни Ростен не знали, что сказать. Молчание нарушил Ростен.

– Барленнан, если ты узнаешь все, что захочешь, и примешься обучать свой народ, скажешь ли ты им, откуда пришли эти знания? Считаешь ли ты, что им будет полезно узнать об этом?

– Некоторым – да; они захотят узнать о других мирах и о народе, который уже прошел тот путь к знанию, какой только что начали они. Остальным же – нет; у нас слишком много таких, кто любит перекладывать свой груз на чужие

спины. Если они узнают, они не станут учиться; они просто будут спрашивать, что им взбредет в голову – как это делал вначале я сам; и они никогда не поверят, что есть вещи, которые пока объяснить невозможно. Они будут думать, что вы их обманываете. Конечно, рано или поздно об источнике знаний узнают и эти, и тогда... В общем, по-моему, лучше будет, если они решат, будто я гений. Или Дон; в него еще легче поверить.

Ответ Ростена был краток и точен.

– Сделка заключена.

20. Полет «Бри»

Сверкающий металлический скелет возвышался на восемь футов над плоским курганом из камней и грунта. Одни месклиниты деловито атаковали новый ряд пластин, верхние болты которых только что очистили от насыпи. Другие оттаскивали разрытую землю и камешки к подножию кургана. Третьи сновали взад и вперед по хорошо утоптанной дороге, ведущей в пустыню; те, что двигались к яме, волокли плоские тележки на колесиках, нагруженные припасами, а те, что двигались обратно, тащили порожние тележки. Здесь царила деловая суета; в сущности, у каждого был свой участок работы. Теперь тут работало два радиоаппарата; один на кургане, где землянин с далекого наблюдательного пункта руководил разборкой, а другой на некотором расстоянии в стороне.

Дондрагмер перед этим вторым аппаратом вел оживленный разговор с далеким невидимым собеседником. Солнце продолжало совершать бесконечные круги по небу, но оно уже постепенно спускалось к горизонту и медленно, очень медленно увеличивалось в размерах.

– Боюсь, что с опытами по преломлению света у нас все сложилось неудачно, – говорил помощник. – Отражение я понял хорошо; зеркала, которые я изготовил из металлических пластин, помогли мне во всем разобраться. Очень

жаль, что устройство, с которого вы разрешили нам снять линзы, упало и разбилось; ведь у нас нет ничего похожего на стекло...

– Подойдет любой достаточно крупный осколок линзы, Дон, – отвечал аппарат. Это не был голос Лэкленда. Лэкленд оказался талантливым преподавателем, но время от времени уступал место у микрофона специалисту. – Любой осколок преломляет свет и даже дает изображение... Впрочем, об этом позже. Постарайся найти, что осталось от этого кусочка стекла. Дон.

Дондрагмер сказал, что сейчас этим займется, и повернулся было, чтобы уйти, но остановился.

– Может быть, ты мне скажешь, из чего делается это самое «стекло» и много ли для него требуется тепла? Ты же знаешь, у нас есть очень хороший огонь. Да, и еще этот материал, которым покрыта Чаша, – кажется, Чарлз называет его льдом. Он подойдет?

– Про огонь ваш я знаю, хотя будь я проклят, если понимаю, каким образом у вас горят растения в водородной атмосфере, даже если вы прибавляете туда кусочки мяса. Что же до остального, то лед, конечно, подойдет, если ты сумеешь его достать. Я не знаю состава песка в вашей реке, но ты попробуй расплавить его на самом жарком огне и посмотри, что получится. Заметь, успеха я не гарантирую; я только хочу сказать, что на Земле и на других известных мне планетах обычно стекло изготовляют из песка, в который для пользы дела добавляют некоторые другие вещества. Только будь я проклят, если знаю, как объяснить тебе, что это за вещества и где их искать...

– Благодарю тебя; я сейчас отряжу кого-нибудь для работы с огнем, а сам тем временем поищу кусочек линзы, хотя боюсь, что после такого удара остались только крошки. Зря мы стали разбирать этот прибор на краю кургана; эта штука, которую вы называете «цилиндр», так и покатилась вниз...

Помощник наконец отошел от радио и сейчас же натолкнулся на Барленнана.

– Твоей вахте пора заступать к пластинам, – сказал капитан. – Я сейчас спускаюсь к реке. Тебе что-нибудь нужно для работы?

Дондрагмер рассказал о предложении насчет песка.

– Если можно, принесите немного песка, большого огня я разводить не собираюсь. Или у вас и без того будет полно груза?

– Никакого груза у меня не будет; просто я намерен развлечься. Сейчас, когда весенний ветер улегся и отовсюду опять дуют старые добрые бризы, самое время попрактиковаться в навигации. Что толку от капитана, который не умеет управлять кораблем?

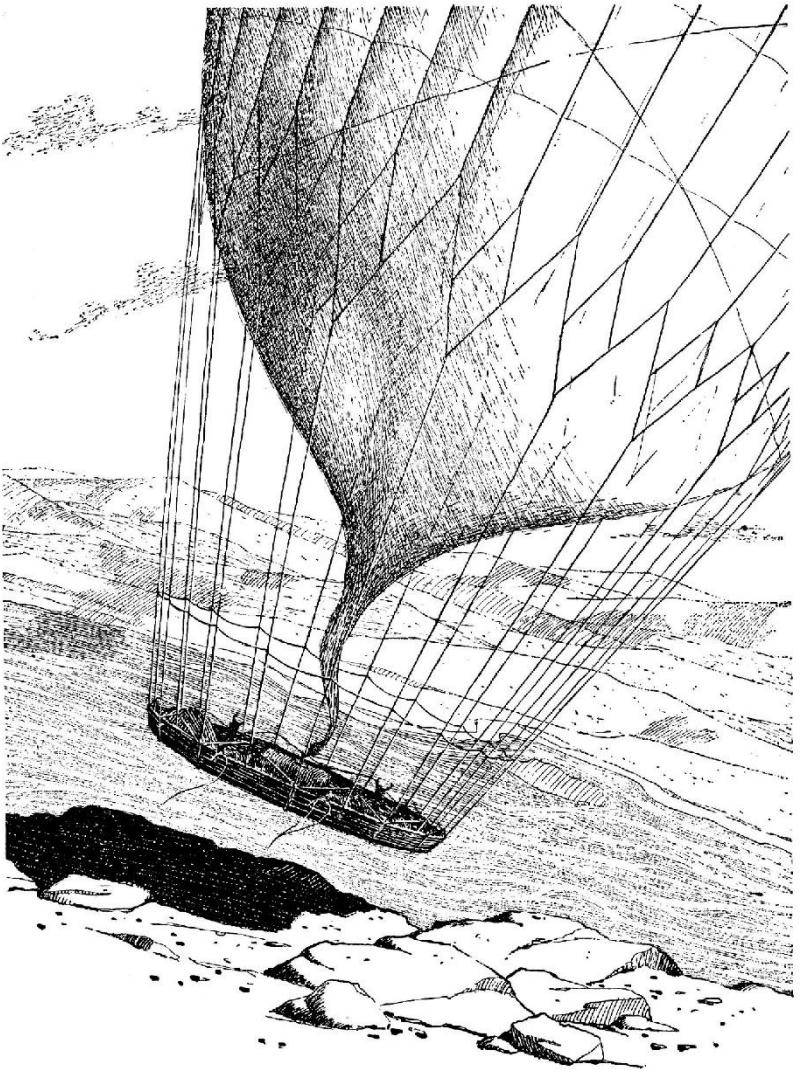
– Это уж точно. Что, Летчики не рассказали, зачем у них этот машинный отсек?

– Рассказали и очень много. Только я проглотил бы эти их объяснения гораздо легче, если бы смог уверовать во все эти штучки насчет искривления пространства. И закончили они старой песней, что-де словами этого не объяснить. Чем же, кроме слов, можно еще объяснить, скажи на милость?

– Я и сам об этом подумывал; полагаю, здесь речь идет о другом аспекте их количественного кода, который они называют математикой. Мне-то по душе больше механика; с ее помощью можно прямо начинать с чего-то полезного. – Одной рукой он указал на тележки, а другой – на подъемник.

– Ясное дело. Ох, сколько нам всего придется везти домой... а ведь кое о чем, наверно, дома лучше не распространяться. – Он жестом показал, что он имеет в виду, и помощник молча с ним согласился. – Сейчас-то, конечно, можно заниматься этим сколько душе угодно.

И капитан отправился своей дорогой, а Дондрагмер посмотрел ему вслед со смешанным чувством уважения и легкой насмешки. Хотел бы он, чтобы сейчас здесь оказался Риджаарен; островитянин никогда ему не нравился, и теперь



Риджаарена можно было бы окончательно убедить, что команда «Бри» не состоит из одних лгунов.

Впрочем, тратить время на такие размышления не стоило. У него была работа. Конечно, отрывать пластины от металлического чудовища было не так интересно, как выслушивать инструкции по проведению очередного опыта, но свои обязательства по сделке следовало выполнять. Он стал взбираться на курган, сзывая свою вахту.

А Барленнан отправился на «Бри». Корабль был уже готов к походу, два матроса ждали на борту, огонь был разожжен. Вид огромной массы мерцающей, почти прозрачной ткани развеселил его. Как и помощник, он вспомнил о Риджаарене, – представил себе, как бы отреагировал переводчик, если бы увидел, на что пошел этот материал. Тоже мне – нельзя доверяться сшитым тканям! Народу Барленнана также было кое-что известно, и в таких делах он умеет обходиться даже без подсказок друзей-Летчиков. Он чинил паруса этой нитью еще за десять тысяч миль от острова, и его швы выдержали даже ураган из долины ветра.

Он прополз в проход между перилами, удостоверился, что сзади все хорошо закрылось, и заглянул в огневую яму, выложенную металлической фольгой из конденсатора, подаренного землянами. Весь такелаж выглядел прочным и хорошо закрепленным; капитан кивнул экипажу. Один из матросов подбросил еще несколько палок в тлеющий без пламени огонь в яме; другой отдал швартовы.

Сорокафутовый шар, раздувшийся от горячего воздуха, стал тихо подниматься, и новый «Бри», «Бри»-монгольфьер, снявшись с плато, несомый легким бризом, поплыл по направлению к реке.

У КРИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ

Пролог

С расстояния в шестнадцать световых лет Сол кажется несколько менее ярким, чем звезда на острие меча Ориона. Поэтому искорку, вспыхнувшую в алмазных линзах странной машины, вряд ли зажгли его лучи. Но не одному оператору на корабле в этот момент подумалось, что робот как бы бросил прощальный взгляд на планетную систему, где его изготовили (это было бы вполне естественно для чувствительного и сентиментального создания). Робот уже начал падать на огромное темное тело, от которого его отделяло теперь всего лишь несколько тысяч миль.

На этом расстоянии даже обыкновенная планета казалась бы ослепительно яркой, ибо Альтаир — мощный источник света — и в данный момент занимал наилучшее положение. Альтаир — не переменная звезда, но вращение его столь стремительно, что он значительно сплющен, Тенебра же сейчас находилась в той части своей орбиты, где она получала наибольшее количество света от самых раскаленных и ярких полярных областей Альтаира. Несмотря на это, обширная поверхность планеты казалась мутным пятном, по яркости лишь незначительно превосходящим Млечный путь, на фоне которого она наблюдалась. Казалось, планета не столько отражала белое сияние Альтаира, сколько поглощала и гасила его.

Однако зрительные рецепторы аппарата при конструировании были рассчитаны именно на атмосферу Тенебры. Операторам было видно, как робот переключил свое внимание на планету, беловатый корпус из синтетического материала в металлической оправе медленно разворачивался. Батарея коротких, толстых цилиндров повернулась в направлении спуска. Струи пока еще не были видны — атмосфера была слишком разрежена, чтобы раскалиться от

соприкосновения с ионным потоком, но тонны металла и пластика уже изменили ускорение. Тормозные двигатели вступили в борьбу с мощным притяжением планеты, в три раза превосходящей диаметром далекую Землю. Они сопротивлялись силе тяготения так успешно, что аппарат ничуть не пострадал, когда, наконец, вошел в плотные слои атмосферы.

По мере того, как робот погружался в газовую оболочку нового мира, сияние в его алмазных глазах все более тускнело. Теперь он снижался медленно и равномерно. Пожалуй, если можно так выразиться, осторожно. Альтаир все еще сверкал вверху, но другие звезды меркли по мере того, как аппарат опускался.

Внезапно очертания аппарата изменились. До этого момента он напоминал ракету необычной конструкции, садящуюся на планету и тормозящую с помощью подвесных двигателей. То, что реактивные струи сверкали все ослепительней, было вполне естественно: чем ниже, тем плотнее становилась атмосфера. Однако сами тормозные двигатели не должны были светиться. А они светились. Все ярче и ярче сверкали струи, словно стремясь изо всех сил замедлить падение, ускорявшееся вопреки их усилиям. Пора было вмешаться далеким операторам. Ослепительно блеснули вспышки, но не в соплах двигателей, а на узлах металлических балок, на которых они были подвешены. Крепления двигателей были мгновенно срезаны, и аппарат перешел в свободное падение.

Но только на миг. Он был оснащен еще одним устройством — не прошло и полсекунды после отбрасывания двигателей, как над падающей глыбой раскрылся гигантский парашют. Можно было ожидать, что при такой огромной силе тяжести он тут же оторвется, но его конструкторы хорошо знали свое дело. Парашют выдержал. Невероятно плотная атмосфера — даже на этой высоте в несколько раз плотнее, чем земная, — надежно поддерживала огромную

поверхность парашюта. Без малейших повреждений робот опустился на грунт планеты.

Через несколько мгновений яйцевидное тело робота, лежавшее нижней уплощенной частью на грунте, освободилось от легких креплений, соединявших его с парашютом, отползло на почти невидимых гусеницах в сторону от путаницы металлических строп и снопа остановилось, словно для того, чтобы осмотреться.

Однако это лишь, казалось, робот не осматривался. Зрение к нему еще не вернулось. Глаза, так зорко видевшие в вакууме, тоже нужно было отрегулировать, чтобы различие коэффициентов преломления алмаза и новой внешней среды не искажало изображения. Впрочем, это длилось недолго — регулирование осуществляла автоматически сама атмосфера, проникая в оптическое устройство.

После оптической регулировки почти полный мрак, царивший на планете, был уже не страшен для глаз робота — их усилители улавливали каждый квант света. Далеко отсюда люди не отрывались от телевизионных экранов, воспроизводящих все увиденное роботом.

Перед оператором предстал пересеченный ландшафт, на первый взгляд, не столь уж отличный от земного. Вдали виднелись контуры высоких холмов, размытые, возможно, покрытые лесом. Вблизи почву сплошь покрывала растительность, похожая на траву, но, судя по следу, оставленному роботом, куда более ломкая, чем земная трава. Кое-где на пригорках виднелись купы высоких растений. Мир этот казался совершенно неподвижным. Однако микрофоны, вделанные в массу пластика, время от времени регистрировали шумы и треск. И нигде не было заметно никаких признаков животной жизни.

Довольно долго робот задумчиво вглядывался в окружающее пространство. Вероятно, операторы надеялись, что живые существа, спрятавшиеся при спуске робота, снова вылезут из своих укрытий. Но надежды их не оправдались. Через некоторое время робот опять подполз к парашютным

креплениям и стропам, включил освещение и внимательно осмотрел груду металлических перекладин, проводов и тросов. Затем снова двинулся в сторону, на этот раз весьма целеустремленно.

В последующие десять часов он тщательно исследовал район посадки, то освещая своим прожектором какое-нибудь растение, то надолго останавливаясь и без всякой видимой причины разглядывая местность. Порой он издавал звуки, разные по высоте и силе. Чаще он это проделывал в лощинах и уж, во всяком случае, не на вершинах холмов. Казалось, он изучает эхо.

То и дело робот возвращался к покинутым стропам и придирчиво осматривал их, словно ждал, что с ними что-то должно произойти. И конечно, в среде с такими экстремальными условиями события не заставили себя долго ждать. Робот с большим интересом наблюдал, как коррозия пожирает металл, и не оставлял района посадки до тех пор, пока не исчез последний кусочек металла.

Но гораздо интереснее было то, что на планете обнаружилась животная жизнь. Почти все живые существа были маленькие, но, судя по действиям робота, от этого их привлекательность для него ничуть не уменьшилась. Он разглядывал самым тщательным образом все, что появлялось в поле его зрения, стараясь подойти как можно ближе. Большинство этих существ имело чешуйчатый покров и восемь конечностей. Одни, очевидно, питались растениями, другие, похоже, были плотоядные.

После того как коррозия окончательно разъела металлические детали парашюта, операторы всецело занялись изучением животных. Наблюдения, впрочем, неоднократно прерывались, но это объяснялось скорее неполадками связи, чем невниманием. Несколько раз корабль, перемещаясь относительно планеты, терял связь с исследуемым районом. Однако вскоре методом проб и ошибок удалось установить период вращения Тенебры, и перебои в управлении прекратились.

Проект исследования планеты диаметром втрое больше земного с помощью одного-единственного аппарата мог показаться просто смехотворным. Один робот, конечно, был бы бессилен. Но робот, обслуживаемый группой мыслящих помощников, особенно принадлежащих к цивилизации, почти всесветной по своему распространению, — это уже нечто иное. Да еще, несмотря на тяжелейшие условия, в которые попал робот, операторы твердо рассчитывали на помощь разумных обитателей планеты. Это были опытные люди, кое-что знавшие о формах жизни во Вселенной.

Однако прошли недели, потом месяцы, а кроме существ, обладавших зачаточной нервной системой, на планете ничего обнаружить не удалось. Если бы операторы поняли принцип действия фасеточных глаз без хрусталика, присущих местным живым существам, они, возможно, смотрели бы на будущее более оптимистично. Но они этого не могли знать, и многие из них начали смиряться с мыслью, что исследование планеты потребует труда нескольких поколений.

Мыслящее существо обнаружили чисто случайно. Росту оно было добрых девять футов и, следовательно, в условиях этой планеты должно было весить значительно больше тонны. Согласно местным биологическим традициям, оно было покрыто чешуей и снабжено восемью конечностями. Однако существо это принадлежало к стопоходящим, то есть ходило на двух конечностях, следующими двумя, видимо, не пользовалось, а верхние четыре служили ему в качестве рук. Операторы убедились также, что существо это, разумно: оно несло два длинных и два коротких копья с каменными наконечниками и все четыре держало наизготовку.

Наконечники из камня! Пожалуй, это несколько разочаровало наблюдателей-землян. Впрочем, они, возможно, припомнили, что происходило с металлами на этой планете, и не стали поспешно судить об уровне культуры туземцев по

используемому ими материалу. Так или иначе, но они принялись внимательно изучать туземца.

Он шел медленно, явно стремясь оставлять поменьше следов. Вместе с тем он, видимо, учитывал, что совсем не оставлять следов просто невозможно. Время от времени он останавливался и сооружал хитроумное устройство из упругих веток довольно редко попадавшихся растений и заостренных каменных пластинок, неисчерпаемый запас которых он нес в большом кожаном мешке, закинутом за его чешуйчатую спину.

Назначение этих устройств стало понятным, когда туземец отошел достаточно далеко, и их можно было получше рассмотреть. Эти ловушки, сделанные так, чтобы вогнать острие камня в тело любого, кто попытался бы идти по следу, вероятно, предназначались скорее для животных,

чем для туземцев, — любое разумное существо могло легко избежать их, идя не по следу, а параллельно ему.

Однако интересно было уже и то, что предпринимались такие меры предосторожности. Роботу дали команду следовать за туземцем, соблюдая максимальную осторожность. Туземец прошел пять-шесть миль и поставил за это время около сорока ловушек. Робот легко обходил их, но несколько раз натыкался на другие, поставленные, видимо, раньше. Острые пластинки не причинили вреда аппарату, некоторые даже сломались о его пластиковую оболочку. Похоже было, что вся местность в округе «заминирована».

Идя по следу, робот подполз к холму с округлой вершиной. Туземец быстро взобрался на него и остановился у края узкой расщелины близ вершины. Он оглянулся, казалось, чтобы убедиться, не преследуют ли его, хотя к тому времени

наблюдатели-земляне еще не обнаружили у него органов зрения. Решив, видимо, что опасности нет, туземец вытащил из своего мешка какой-то овальный предмет величиной примерно с грейпфрут, ощупал его своими тонкими пальцами и исчез в расщелине.

Через две-три минуты он вылез из нее уже без этого предмета. Спускаясь с холма, он тщательно обходил ловушки, и свои, и поставленные другими, и пошел уже в другом направлении.

Операторам пришлось быстро решить: следовать ли роботу за туземцем или сначала выяснить, что он делал на холме. Первое казалось более разумным — туземец уходил, а холм оставался стоять на месте. Однако они сочли, что туземца будет легко найти по следам. К тому же близилась ночь: весьма вероятно, что туземцу, как и другим животным Тенебры, было присуще особое свойство — через несколько часов после наступления ночи впадать в состояние анабиоза. Робот подождал, пока туземец исчез из виду, и начал подниматься по склону холма к расщелине. Она вела к неглубокому кратеру, на дне которого лежало около сотни овальных предметов, в точности похожих на только что оставленный там. Все они были аккуратно уложены в один ряд. Истинная природа этих предметов казалась столь очевидной, что роботу даже не приказано было рассечь один из них. Это были яйца.

Тут, вероятно, возникла длительная и оживленная дискуссия. Поэтому робот долго бездействовал. Затем он покинул кратер, спустился по склону холма, с большой осторожностью прошел по «минному полю» и последовал за туземцем.

Это было не так просто, как днем, — пошел дождь, и видимость ухудшилась. Земляне еще не решили, как лучше передвигаться роботу в ночное время: придерживаться лощин и долинок и мало что при этом видеть или выбирать возвышенности и вершины холмов, чтобы хоть иногда иметь широкий обзор. Впрочем, в данном случае эта

проблема не имела значения. Туземец выбирал путь, максимально приближенный к прямой, пренебрегая рельефом. Робот шел по его следу миль десять и очутился на поляне возле утеса, изъеденного гротами и пещерами.

В пещерах стояли туземцы, но они никак не реагировали на свет прожекторов робота. Либо это был сон, более или менее похожий на человеческий, либо ночное оцепенение, типичное для животных Тенебры.

Никаких признаков цивилизации, которая была бы выше уровня каменного века, робот не обнаружил и через несколько минут, выключив большую часть своих фар, отправился обратно к холму с кратером.

Он полз непрерывно и целеустремленно. Когда он взобрался на верхушку холма, в его боках открылось несколько отверстий, из которых высунулись механические подобия рук. Робот осторожно взял десять овальных предметов с одного конца ряда, не оставляя промежутков, и спрятал их внутри своего корпуса. Затем снова спустился по склону холма и принялся разыскивать и изучать ловушки. Он вынимал из них каменные лезвия, отбирая те, что были в хорошем состоянии, и прятал их в гнездах пластикового корпуса.

Покончив с этим, робот на максимальной скорости двинулся прочь. К тому времени, когда взошел Альтаир, робот с образцами местного оружия и похищенными яйцами был уже далеко от кратера и еще дальше от пещерного селения.

1

Раздвигая высокие растения, Ник вышел на открытое пространство, остановился и произнес несколько слов из тех, которые Феджин неизменно отказывался перевести. Он не был ни удивлен, ни раздосадован тем, что впереди увидел воду — ведь стояло еще раннее утро, — но его огорчило, что справа и слева тоже была вода. Проклятое невезение загнало его на полуостров, а возвращаться уже поздно.

Строго говоря, он не знал, что его преследуют, но ни минуты не сомневался в этом. После бегства он затратил два дня на то, чтобы максимально запутать свой след, и дал большой крюк к западу, прежде чем повернуть к своему селению. Правда, он не заметил никаких признаков преследования. Его задерживали в пути обычные препятствия — непроходимые участки местности да дикие звери; однако те, кто держал Ника в плену, пока его не догнали. Не случайно летающие животные и растения, которых нужно всегда остерегаться, не проявляли никакого интереса к местности позади него. Между тем в плену Ник убедился, что его похитители — превосходные охотники и следопыты, однако он надеялся, что они потеряли его след. Искушение было велико, но он не мог заставить себя поверить этому. Ведь им так хотелось, чтобы он привел их к Феджину!

Ник сделал над собой усилие и вернулся в мир действительности. Рассуждать нечего — надо решать, возвращаться ли назад или ждать, пока озеро высохнет; и в том, и в другом случае они могут его настигнуть. Решить, где риск больше, было нелегко, но Ник мог кое-что проверить.

Он подошел к воде, внимательно посмотрел на ее поверхность и энергично ударил по ней ладонью. Круги, медленно расходящиеся по озеру, его не интересовали, иное дело — брызги, поднятые ударом. Он смотрел, как они летели в его сторону, медленно опускаясь, и с радостью увидел, что даже самые крупные из них испарились, не долетев до поверхности. Озеру оставалось жить недолго; Ник сел и принялся терпеливо ждать.

Подул легкий ветерок, растения просыпались, встречая новый день. Ник чуял это ноздрями. Он знал, что будет: ветер усилится, на озере появятся... нет, не волны, а вихревые воронки под более теплыми потоками воздуха. С этого момента уровень воды в озере начнет снижаться даже быстрее, чем это будет нужно Нику. Ветерок позволит ему не задохнуться, если он не станет слишком приближаться к убывающей воде — да, теперь уже ждать недолго. Он хорошо видел

поверхность озера. Вода отступала, исчезая, словно мираж. Ник осторожно двинулся вперед, с обеих сторон его окружала вода. Значит, этот полуостров действительно завершался мысом, рассекающим все озеро. Что ж, тем лучше.

Однако мыс не доходил до противоположного берега. Опять задержка! Добрых четверть часа ему пришлось ждать на его оконечности, пока озеро не высохло совсем. У Ника не хватило терпения, и он пошел вперед, вдыхая еще не рассеявшиеся пары. К счастью, с ним не случилось ничего дурного. Через несколько минут он уже взбирался на склон противоположного, восточного берега, пробираясь сквозь гущу высоких растений. Погони не было видно. Только два летающих хищника преследовали его. Он схватился за нож и с огорчением подумал о потерянных копьях. Впрочем, если он пойдет достаточно быстро, его не догонят. Он без колебаний нырнул в густые заросли.

Идти оказалось не очень трудно. Растения были гибкие, и он просто раздвигал их. Иногда, однако, приходилось прорубать себе путь, и это было не очень приятно, не столько потому, что требовало труда, сколько из-за ножа — воздух разрушал его. Ножей и так не хватало, а Феджин выдавал новые не слишком щедро.

Утро проходило, а преследователи все не появлялись. Большую часть дороги он двигался быстро, без задержек на схватки с дикими зверями. Ему на редкость повезло — обычно на сорокамильный переход приходилось четыре или пять схваток с хищниками, сегодня же на его долю выпало лишь одно сражение.

Проходили часы. Ник продолжал идти с такой скоростью, на какую только был способен. Единственное столкновение почти не задержало его. Это был летающий хищник, он плыл навстречу Нику и спикировал почти до самого грунта, ему наперерез. По счастью, хищник был небольшой, и рука Ника оказалась подлинней его щупалец. Выхватив нож, Ник проткнул газовые пузыри хищника так удачно, что тот начал беспомощно барахтаться. Ник вложил оружие в

ножны и пошел дальше, почти не замедлив шага и потирая руку, которой все же коснулось ядовитое щупальце.

Когда он, наконец, очутился в знакомых местах, рука уже перестала болеть, а Альтаир стоял высоко в небе. Ник немного изменил направление и прибавил шагу. Ему было неясно, что он будет говорить. Рассказывать обо всем происшедшем в подробностях, по порядку, пожалуй, отнимет много времени; важно, чтобы Феджин и остальные успели уйти. С другой стороны, придется все объяснить, иначе ему не убедить Учителя в реальности происшедших событий.

Размышляя над этой проблемой, Ник невольно замедлил шаг. Вдруг чей-то голос окликнул его по имени:

— Ник! Да неужели?! Где ты был? Уж больно ты часто дома не ночуешь!

Ник, потянувшийся было за ножом, узнал голос и опустил руку.

— Джонни! Как приятно снова услышать настоящую речь! Что ты делаешь так далеко от дома? Неужели овцам больше негде пастись?

— Я охочусь, а не пасу стадо.

Продравшись сквозь подлесок, Джон Дулиттл вышел на открытое место.

— Но где ты был? Уже несколько недель, как ты ушел, мы даже перестали искать тебя.

— Вы меня искали? Это плохо. А, впрочем, толку от этого было мало, иначе я узнал бы о ваших поисках раньше.

— Как, как? Не пойму, что ты мелешь. И что это значит: приятно услышать «настоящую речь»? Какая еще бывает речь? Ну-ка, рассказывай.

— Это длинная история, и мне все равно придется рассказать ее всем, так что пошли домой. Нет смысла повторять ее дважды.

Не дожидаясь ответа, он направился к долине, туда, где они жили.

Феджин был на своем обычном месте в центре круга, образованного хижинами. Подойдя поближе, Ник окликнул Учителя.

— Феджин! Нам грозит беда! Есть у тебя еще какое-нибудь оружие, о котором мы не знаем?

Как обычно, прошло несколько секунд, прежде чем раздался ответ.

— Да это Ник! А мы уж не надеялись увидеть тебя! Что это за разговор об оружии? Ты собираешься с кем-то драться?

— Боюсь, что да.

— С кем же?

— С теми, кто похож на нас. Но они не разводят скот, не умеют пользоваться огнем и называют вещи по-другому.

— Где ты встретился с ними? Почему мы должны драться?

— Это длинная история. Пожалуй, лучше мне рассказать ее с самого начала. Но нам не следует терять времени.

— Начинай. И рассказывай поподробнее.

— Как и было решено, я, не торопясь пошел на юг, нанося местность на карту. В районе, где мы обычно охотимся и пасем скот, больших перемен не произошло. А про те места, что находятся за его пределами, трудно сказать, изменилось ли там что-либо за последнее время и как именно. К концу первого дня я заметил отличный ориентир — гору правильной конической формы, гораздо более высокую, чем все виденные мною прежде. На второй день, вскоре после восхода солнца, я прошел вдоль восточного подножия этой горы. Ветер в тех местах очень сильный, поэтому на карте я дал ей название «Гора бурь». Там должно быть много трав и деревьев, растущих ночью. Разведку нужно планировать так, чтобы спускаться с горы до наступления темноты. В остальном все шло как обычно. Защищаясь, я убил достаточно зверей, чтобы прокормиться. Однако на третий день, когда гора уже скрылась из виду, какой-то зверь, сидевший в норе, высунул из нее лапу и схватил меня за ноги. Мои копья, видимо, не причиняли ему большого вреда. Я не вырвался бы, наверно, если бы меня не выручили.

— Выручили? — этот вопрос задал не Феджин, а Джим. — Кто мог тебя выручить? Нас же там не было.

— Так это и был не наш — во всяком случае, не совсем наш. Выглядел он точно так, как мы, и копья у него были такие же. Но когда нам удалось, наконец, прикончить зверя в норе, и мы попытались заговорить друг с другом, оказалось, что у него совсем иные слова, чем у нас. Я даже не сразу понял, что он обращается ко мне. Я решил пойти с ним и разведать побольше. Это показалось мне важнее, чем просто съемка местности. В пути я стал понимать некоторые из его

слов. Это было нелегко, потому что он соединял их как-то по-чудному. Однако мы охотились вместе и все время учились разговаривать друг с другом. Хотя шли мы не по прямой, я хорошо запомнил наш маршрут и могу нанести его селение на карту.

— Селение? — опять спросил Джим. Феджин промолчал.

— Другого названия я не знаю. Оно совсем не похоже на наше, это место у подножия крутой скалы. На склоне этой скалы много отверстий, среди них есть очень большие. Там-то и поселились пещерные жители. Мой спутник и был одним из них.

Ник рассказал о том, как встретили его эти существа. Он не сразу сообразил, что они живут в пещерах, и решил ночевать под открытым небом. Набрав валежника, он развел костер, приведя своих хозяев в крайнее изумление. Они обступили костер и не уходили, хотя начался дождь, несущий с собой вредные, ядовитые испарения. Ник прожил с пещерными жителями несколько недель, ознакомился с их бытом и научился сносно объясняться на их языке. Больше всего его удивило то, что они были неодинакового роста, от огромных девятифутовых до совсем маленьких, самых любопытных и дружелюбных. Слушатели Ника встретили это сообщение откровенным недоумением.

Ник рассказал пещерным жителям и их вождю по имени Быстрый о жизни в своем селении, обо всем, чему их научил Феджин: как возделывать почву, как добывать огонь. И вот что за этим последовало.

Вождь, властный и грубый повелитель своего племени, потребовал, чтобы Ник отправился к Феджину и привел его к пещерам — пускай Феджин научит пещерных жителей всему, что он знает. Ник с готовностью согласился передать просьбу Быстрого Феджину и выразил надежду, что Феджин поможет им. Но Быстрый привык к беспрекословному повиновению, и Ник из гостя превратился в пленника. Быстрый под угрозой зверской расправы потребовал доставить к нему Феджина. Ник понял, что допустил роковую ошибку, и

теперь опасность грозит не только ему, но и Феджину и всем его друзьям. Дождавшись ночи, он решил бежать. Его стража была уверена, что он никуда не уйдет до рассвета — слишком много опасностей грозило всякому, кто осмелится ночью углубиться в чащу леса. Ник, понимая, на какой риск он идет, все же отважился на ночной побег. Набрав сухих палок, он зажег одну из них и с факелом, хоть немного отпугивавшим ночных хищников, тронулся в путь. Шел он несколько суток. Он спешил домой, но, чтобы запутать преследователей, сделал длинный крюк на запад и лишь потом свернул на север, к родной долине...

Закончив свой рассказ, Ник добавил:

— Они меня так и не догнали. Но рано или поздно они найдут наше селение. Нам нужно уходить отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Потом все загалдели разом. Один только Ник молча ждал, что скажет Феджин.

Наконец робот заговорил.

— Ты, конечно, прав, пещерные жители отыщут наше селение. Они, вероятно, уже знают, где мы живем. Было бы крайне глупо с их стороны схватить тебя в пути. Они понимали, что ты идешь домой. Но я не вижу никакого проку в том, чтобы уходить отсюда: они будут преследовать нас везде. Очень скоро нам предстоит встреча с ними. Но я не хочу, чтобы вы вступали в бой. Я очень люблю всех вас, потратил немало времени на ваше воспитание, и мне будет горько видеть, как вы погибнете в резне. Вы никогда не дрались — этому я не учил вас — и не устоите против воинственного племени.

Поэтому, Ник, я хочу, чтобы ты и еще кто-нибудь из вас вышли им навстречу. Когда вы встретите Быстрого, скажите ему, что мы с удовольствием придем в его селение или пусть он приходит в наше, и я научу его людей всему, чему он захочет. Если ты сумеешь объяснить ему, что я не знаю его языка и что он сможет говорить со мной только через тебя,

у него, должно быть, хватит ума не причинить вреда кому-либо из вас.

— Когда нам выходить? Сейчас?

— Так было бы всего лучше, но ты долго шел и заслужил отдых. К тому же приближается вечер, и мы, вероятно, ничего не потеряем, если ты спокойно проспишь ночь. Отправляйтесь завтра утром.

— Хорошо, Учитель.

Ник ничем не проявил тревоги, которую вызывала в нем перспектива новой встречи с Быстрым. За те несколько недель, что Ник пробыл у скалы, он понял, что представляет собой этот дикарь, а Феджин никогда даже не видел Быстрого. Но Учитель так мудр; он научил Ника почти всему, что тот знал, и на протяжении жизни целого поколения — по крайней мере, жизни Ника — был в селении высшим авторитетом. Наверно, все будет так, как предсказал Феджин.

Вероятно, так оно и было бы, если б люди, управлявшие роботом, сумели сколько-нибудь правильно оценить необычайные способности пещерных жителей как следопытов. Когда пошел дождь, Ник разжег сторожевой костер, но не успел даже задремать, как услышал испуганный крик Нэнси и в то же мгновение увидел самого Быстрого, а бок о бок с ним шеренгу его отборных воинов. Они молча окружали холм и поднимались по склону.

2

— Что теперь будете делать?

Рекер не ответил. Ему было некогда болтать попусту даже со столь значительной персоной, задававшей этот вопрос. Нужно было действовать. Телевизионные экраны, связывающие его с Феджином, занимали всю стену перед ним, и на всех было видно одно: толпа похожих на еловые шишки существ, осаждавшая селение. Микрофон был выключен, чтобы ученики робота не слышали посторонних разговоров в пункте управления. Палец Рекера блуждал над тумблером

включения, но не касался его. Рекер не мог придумать, что ответить.

Все, что он передал Нику через робота, было правильно. Никакой пользы от схватки быть не могло, но, к сожалению, она уже началась. Если бы Рекер и мог дать полезные советы по обороне селения, все равно было поздно. Человеческий глаз не в силах был отличить атакующих от обороняющихся. Копья мелькали в воздухе с потрясающей быстротой. В свете костров сверкали топоры и ножи.

— Во всяком случае, зрелище любопытное, — послышался тот же пронзительный голос, минутой раньше задавший вопрос. — От костров там светлее, чем днем.

Спокойный тон привел Рекера в бешенство: он-то не мог равнодушно относиться к беде, в которую попали его друзья. Однако он не потерял самообладания и не ответил резкостью, причем отнюдь не по соображениям престижа. Посторонний наблюдатель случайно подал ему одну мысль. Палец Рекера нажал тумблер микрофона.

— Ник! Ты меня слышишь?

— Да, Учитель!

На голосе Ника не отразилось чудовищное физическое напряжение, которое он испытывал в этот момент; у тенебрийцев органы речи не так тесно связаны с дыхательным аппаратом, как у землян.

— Хорошо. Пробивайтесь поскорее к ближайшей хижине. Спрячьтесь так, чтоб меня не было видно. Не удастся добраться до хижины — укройтесь за поленницей или где-нибудь еще — например, за склоном холма, если не найдете ничего лучше. Крикните мне, как только спрячетесь.

— Постараемся.

У Ника не было времени добавить еще хоть одно слово. А те, кто находился в пункте управления, могли только наблюдать, хотя пальцы Рекера уже нависли над другой группой тумблеров на сложной приборной панели перед ним.

— Один из них добрался, — произнес тот же высокий голос, и на этот раз Рекеру пришлось ответить.

— Я знаю их уже шестнадцать лет, но сейчас не могу отличить своих от нападающих. Как вам это удается?

Он быстро перевел взгляд с экрана на двух неземлян, высившихся над ним.

— У нападающих нет топоров, они вооружены только ножами и копьями,

— спокойно сказал голос.

Человек поспешно повернулся к экрану. Да, не было оснований сомневаться в том, что дроммианин разглядел, как они вооружены. Он пожалел, что плохо знает Дромм и его обитателей. Рекер ничего не ответил тощему гиганту, но не стал следить за топорами, сверкавшими в свете костров. Действительно, те, кто держал их в руках, пробивались к хижинам на вершине холма. Это удалось не всем.

И все же кое-кто добрался до вершины. С полминуты четырехрукое, покрытое чешуей существо стояло в дверях одной из хижин, нанося удары тем, кто решался к нему приблизиться. Трое других, видимо раненые, подползли к нему и под защитой его могучих рук укрылись в хижине. Один из троих остался в дверях и, орудуя двумя копьями, оборонял от ударов снизу того, кто действовал топором.

Вот еще один обороняющийся пробился к первому, и оба отступили в глубь хижины. Никто из пещерных жителей не решился последовать за ними.

— Вы все в хижине, Ник? — спросил Рекер.

— Нас здесь пятеро. Не знаю, что с остальными. Алиса и Том, наверно, погибли. В начале боя они держались поблизости от меня, но я давно их не видел.

— Позови тех, кто не с тобой. Мне скоро придется кое-что сделать, и я не хочу, чтобы вы от этого пострадали.

— Они либо спрятались, либо мертвы. Бой затих. Теперь вас гораздо лучше слышно, чем прежде. Делайте, что задумали, за нас не беспокойтесь. Воины Быстрого, кажется, идут к вам. У хижины осталось только двое. Все остальные

окружают место, где я видел вас недавно. Вы ведь не ушли оттуда?

— Нет, — согласился Рекер, — и ты прав, они меня окружают. Один из самых рослых воинов идет прямо на меня. Спрячьтесь все в хижине, постарайтесь, чтоб свет не попадал вам в глаза. Даю вам десять секунд.

— Хорошо, — ответил Ник. — Мы заберемся под столы.

Рекер медленно сосчитал до десяти, следя на экранах за приближением нападающих. На счете «десять» пальцы его коснулись рубильника, который одновременно включил двадцать тумблеров. И, как позднее рассказывал Ник, «весь мир вспыхнул».

На самом же деле вспыхнули только мощные прожекторы робота, которые не включались уже много лет, но были вполне исправны.

По замыслу Рекера, вспышка должна была мгновенно ослепить пещерных жителей, выросших в вечной мгле Тенебры. Однако он был вынужден с огорчением признать, что этого не произошло.

Пещерные жители были, несомненно, очень удивлены. На мгновение они даже остановились и принялись громко переговариваться. Затем гигант, шедший впереди, направился прямо к роботу, нагнулся и принялся разглядывать одну из фар. Земляне давно уже поняли, что у жителей Тенебры органы зрения каким-то образом связаны с колючими гребнями на их голове, и существо, которое, как подозревал Рекер, было самим вождем Быстрым, приблизило именно эту часть черепа к одному из небольших отверстий, излучавших свет.

Землянин вздохнул и выключил прожекторы.

— Ник, — позвал он. — Боюсь, моя выдумка провалилась, попробуй заговорить с этим, как его, Быстрым. Может, он как раз пытается побеседовать со мной, кто его знает.

— Попробую, — голос Ника был едва слышен.

Затем послышалось какое-то невнятное щебетание с фантастическим диапазоном звуков, от самых высоких до

самых низких. Нельзя было понять, кто говорит, а тем более — о чем идет речь. Рекер раздраженно откинулся на спинку кресла.

— Нельзя ли использовать для боя манипуляторы робота? — прервал размышления Рекера резкий голос дроммианина.

— Можно, но в других условиях, — ответил Рекер. — Мы находимся слишком далеко от него. Вы, вероятно, заметили паузы между вопросами и ответами, когда мы переговариваемся с Ником. Мы на орбите Тенебры, но слишком далеко от ее поверхности, чтобы держаться все время над одним меридианом. Сутки на Тенебре равны примерно четырем земным; таким образом, разделяющее нас расстояние превышает сто шестьдесят тысяч миль. Двухсекундная задержка с передачей команд делает робота не очень-то хорошим бойцом.

— Несомненно. Я должен был сам догадаться. Извините, что отнял у вас время в такой трудный момент.

Сделав над собой усилие, Рекер оторвался от сцены, разыгравшейся внизу, и повернулся к дроммианам.

— Боюсь, что извиняться нужно мне, — сказал он. — Я ведь знал о вашем предстоящем визите и о его целях. Разумеется, я должен был хотя бы поручить кому-нибудь показать вам все, раз уж я не мог сделать этого сам. Единственное мне оправдание — чрезвычайные обстоятельства, свидетелем которых вы являетесь. Позвольте мне хоть сейчас загладить свою вину. Вы, полагаю, хотели бы осмотреть «Виндемиатрикс».

— Ни в коем случае. Мне и в голову не пришло бы увести вас сейчас из пункта управления. К тому же сам корабль по сравнению с той увлекательной программой, которую вы осуществляете на планете, не представляет большого интереса. Вы вполне можете рассказать нам о нем здесь, пока ожидаете ответа вашего агента. Насколько я понимаю, ваш робот уже давно находится на Тенебре. Не расскажете ли мне, как вы завербовали там своих сторонников? А моему

сыну, возможно, захочется осмотреть корабль, если кто-нибудь другой покажет его без ущерба для дела.

— О, конечно. Я не знал, что это ваш сын. В сообщении о вашем прибытии не упоминалось о нем, и я решил, что это ваш помощник.

— Все это пустяки. Познакомься, сын. Это доктор Хелвен Рекер. Доктор Рекер, это Аминадорнелдо.

— Очень рад познакомиться с вами, сэр, — пропищал младший из дроммиан.

— Я также весьма рад. Подождите минутку, и вам покажут «Виндемиатрикс», если только вы не предпочтете остаться здесь и присоединиться к нашей беседе.

— Спасибо. Мне больше хочется посмотреть корабль.

Рекер кивнул и ненадолго умолк. Он нажал кнопку и вызвал в пункт управления одного из членов экипажа. Его немного удивляло, зачем дроммианин захватил своего сына; уж наверно это было не без умысла. Впрочем, разговаривать без него будет легче, потому что Рекер совершенно не мог отличить одного от другого, а путать их было неловко. С точки зрения землян, оба были гиганты; встав на задние конечности — поза для них совершенно неестественная — они смотрели бы на землян с высоты в девять футов. Они напоминали ласку или, вернее, бобра, поскольку тонкие пальцы, которыми заканчивались пять пар их конечностей, были снабжены перепонками. Сами конечности — короткие и сильные, а перепонки на двух передних парах превратились в узенькие бахромки вдоль пальцев — совершенно естественное эволюционное развитие разумных амфибий, живущих на планете, где сила тяжести вчетверо превышает земную. На теле у обоих на специальных лямках висели баллончики, от которых к углам рта отходили почти незаметные трубки. Дроммиане привыкли к кислородному давлению, примерно на одну треть превышавшему привычное для землян. Волосяного покрова на них не было, но кожа блестела, как мокрая шкура тюленя.

Дроммиане растянулись на полу в позах блаженного покоя, задрав головы повыше, чтобы видеть экран. Когда дверь отодвинулась в сторону и в помещение вошел член экипажа, один из них легко поднялся. Рекер представил их друг другу, и оба покинули пункт управления.

— Вы хотели узнать о наших агентах на планете, — обратился он к старшему дроммианину, продолжая разговор. — Что ж, попробую рассказать. Наибольшая трудность состояла в установлении контакта с поверхностью планеты. Отправленный туда робот — выдающееся достижение техники. Температура окружающей среды там близка к критической точке, а атмосферное давление почти в восемьсот раз превышает земное. В этих условиях легко распадается даже кварц, а потому прошло немало времени, прежде чем удалось сконструировать аппарат, способный выдержать такую среду. В конце концов с этим справились; робот находится там уже больше шестнадцати лет. Я биолог и в технике разбираюсь слабо. Если она вас интересует, здесь найдутся специалисты. Первый год мы вели разведку и наконец обнаружили разумных туземцев. Они кладут яйца, и нам удалось добыть несколько штук. Наши агенты на Тенебре — выводок из этих яиц. Мы начали их учить с детства. И вот теперь, когда мы наконец приступили к настоящей разведке планеты, приключилась такая беда.

Он показал на экраны. Быстрый перестал разглядывать робота; похоже было, что он слушал кого-то; видимо, Нику удалось его заинтересовать.

— Если вы сумели сделать машину, которая так долго действует в подобной среде, вы, вероятно, можете создать корабль, который доставит на планету живых людей, — сказал дроммианин.

Рекер горько усмехнулся.

— Вы совершенно правы. Самое обидное, что такой корабль у нас есть, он почти готов к спуску. Да, мы рассчитывали уже через несколько дней установить непосредственный контакт с нашими воспитанниками внизу.

— Вот как! Наверное, вам пришлось долго повозиться с проектированием и постройкой.

— Так и было. Главная трудность не в спуске: робота мы посадили отлично с помощью парашютов. Все дело в другом — как потом взлететь...

— Почему? Насколько я понимаю, гравитация на поверхности Тенебры слабее, чем в моем мире. Любой ракетный двигатель может вас поднять.

— Конечно, если он будет работать. К сожалению, никто еще не изобрел ракетный двигатель, реактивная струя которого способна преодолеть давление в восемьсот атмосфер. Двигатели плавятся — не взрываются они только потому, что наружное давление слишком велико.

Дроммианин на мгновение призадумался, но потом мотнул головой совсем по-человечески.

— Понял. Но как же вы решили эту проблему? Какой-нибудь принципиально новый тип реактора?

— Ничего нового. Все известно уже сотни лет. В принципе это тот же тип корабля, который издавна применялся в моем мире для глубоководных исследований — так называемый батискаф. Ну, своего рода управляемый аэростат. Я могу описать его, если хотите, но вам лучше обратиться к...

— Учитель! — раздался знакомый голос из репродуктора. Даже Аминадабарли с планеты Дромм узнал его. Рекер повернулся и включил микрофон.

— Да, Ник? Что говорит Быстрый?

— В сущности, он сказал: нет. Он не хочет иметь дела ни с кем из этого селения, кроме вас.

— А ты объяснил ему, что мы не поймем друг друга?

— Да, но он ответил — если я сумел выучить его язык, то вы, мой Учитель, сделаете это еще быстрее. Он согласен оставить всех нас здесь, если вы пойдете с ним.

— Ясно. Пока что надо согласиться. По крайней мере, это убережет вас от новых бед. Быть может, нам скоро удастся устроить Быстрому небольшой сюрприз. Скажи ему, что я пойду с ним к его пещерам. Когда воины Быстрого уйдут,

оставайтесь на месте. Разыщи всех, кто уцелел, и подлечи их. Вы, наверно, почти все пострадали в этой потасовке. Ждите сигнала от меня.

Ник вспомнил, что Феджин может ходить ночью без огня. Он думал, что разгадал замысел Учителя — ведь про батискаф он никогда даже не слышал.

— Учитель! — сказал он после минутной паузы. — А может, нам лучше убраться отсюда поскорее? Давайте условимся, где мы встретимся после того, как вы удерете от них. Ведь Быстрый обязательно вернется сюда.

— Не беспокойся. Оставайся здесь и поскорее приводи всех в порядок. Скоро увидимся.

— Хорошо, Учитель.

Рекер медленно кивнул и снова откинулся на спинку сидения. Дроммианин, видимо, достаточно долго пробыл на Земле и научился понимать людей.

— Вы повеселели, я вижу, — заметил он. — Видно, вы нашли выход из положения.

— Как будто так, — ответил Рекер. — Надо спустить батискаф, и все будет решено. У нашего робота гусеничный ход, поэтому его легко выследить. А батискаф передвигается в атмосфере — с точки зрения туземцев, летает. Батискаф спустится, подцепит робота своими наружными манипуляторами и унесет его от скалы куда угодно. Пусть Быстрый поломает себе голову.

— Но тогда прав Ник! Быстрый поспешит прямо в селение. Не лучше ли прислушаться к совету Ника?

— У них будет уйма времени после того, как мы унесем робота. А если они уйдут раньше, нам будет трудно их найти. Съемки этого района неточны, да и то, что нанесено на карту, быстро меняется.

— Как так? Это звучит довольно странно.

— А Тенебра и есть довольно странная планета. Тектонические процессы на ней подобны погоде на Земле. Приходится гадать не о том, будет ли завтра дождь или ясное небо, а не превратится ли сегодняшнее пастбище завтра в

высокий холм. Наши геофизики буквально грызут удила — ждут запуска батискафа, чтобы связаться с товарищами Ника. Главная причина такой изменчивости нам известна — атмосфера Тенебры состоит в основном из паров воды с температурой, близкой к критической точке, а кремниевые породы в таких условиях быстро разрушаются. За ночь планета так остывает, что какая-то часть ее атмосферы превращается в жидкость. А ночь длится почти двое земных суток, и за это время кора частично смывается в океан. Если учесть, что гравитация здесь равна трем «g», не приходится удивляться, что кора то и дело перестраивается. Так или иначе, сейчас остается только ждать. До утра на Тенебре целых двое суток, и за это время там вряд ли произойдет что-либо интересное. Скоро явится мой сменщик и, если вы хотите, я смогу показать вам батискаф.

— Мне это будет очень интересно.

К сожалению, осмотреть батискаф удалось не сразу. Когда Рекер и дроммианин добрались до отсека, где обычно помещалось небольшое посыльное судно, он был пуст. Вахтенный офицер пояснил, что судно взял один из членов экипажа, которого сам Рекер еще до этого попросил показать корабль Аминадорнелдо.

— Дроммианин хотел посмотреть батискаф, доктор, и маленькая Изи Рич тоже.

— Кто?

— Да дочка советника Рича, которую он таскает с собой повсюду. Прошу прощения у джентльмена, который вас сопровождает, но политическая инспекция хороша, пока занимается делом. А когда инспекторы устраивают увеселительные прогулки для своих отпрысков...

— Я взял с собой сына, — поспешно прервал его Аминадабарли.

— Знаю. Но одно дело личность, достаточно взрослая, чтобы отвечать за себя, а другое — ребенок, пальцы которого приходится держать подальше от контактов под током...

Офицер, механик по специальности, замолк и покачал головой. Рекер заподозрил, что незадолго до этого вся компания побывала в машинном отделении, но не стал задавать вопросов.

— Не скажете ли, когда вернется посыльное судно? — спросил он.

Инженер пожал плечами.

— Понятия не имею. Флэнаген сказал девчурке, что полетит, куда она попросит. Вернется, когда ей надоест, так я думаю. Вы, разумеется, можете вызвать Флэнагена.

— Хорошая мысль.

Рекер повел своих спутников в радиорубку корабля, сел возле экрана и набрал сигнал вызова посыльного судна. Через несколько секунд экран засветился и на нем появилось лицо механика второго класса Флэнагена. Увидев биолога, Флэнаген приветственно кивнул.

— Хелло, доктор. Чем могу помочь?

— Мы хотели узнать, когда вы вернетесь. Кроме того, советник Аминадабарли хотел осмотреть батискаф.

— Я могу вернуться и забрать вас, когда захотите; мои гости увлеклись батискафом.

Рекер не без удивления спросил:

— А кто с ними?

— Был я, но я не особенно разбираюсь в этой штуковине. Они обещали ничего не трогать.

— Ненадежная гарантия! Сколько лет девочке Рича? Около двенадцати, не так ли?

— Примерно. Да я бы не оставил ее одну, но там дроммианин, а он заверил, что все будет в порядке.

— Я все же думаю...

Тут Рекеру пришлось умолкнуть. Четыре длинные перепончатые лапы с крепкими, как сталь, пальцами вцепились ему в плечи, и гладкая голова дроммианина появилась в поле зрения Флэнагена рядом с головою Рекера. Пара желто-зеленых глаз уставилась на изображение на экране, и молчание было прервано такими низкими звуками, каких на

памяти Рекера еще никогда не издавали дроммианские голосовые связки.

— Возможно, я хуже знаю ваш язык, чем предполагал, — начал он. — Правильно ли я понял, что вы оставили двух детей без присмотра в корабле, находящемся в космосе?

— Не совсем детей, — возразил Флэнаген. — Девочка-землянка достаточно большая и разумная, а вашего сына вообще едва ли можно считать ребенком — он ростом с вас.

— Мы достигаем полного физического развития через год после рождения, — прервал его дроммианин. — Моему сыну четыре года, что соответствует примерно семи годам у землян. У меня создалось впечатление, что человечество — великолепнейшая раса, но поручить ответственное задание особе столь глупой, как вы, могут только существа, которые по уровню развития недалеко ушли от дикарей. Если с моим мальчиком что-нибудь случится...

Он остановился. Флэнаген внезапно исчез с экрана. Но дроммианин еще не выговорился. Повернувшись к Рекеру, лицо которого стало бледнее обычного, он продолжал:

— Содрогаюсь при одном воспоминании о том, что, находясь на Земле, я иногда оставлял своего сына на попечение людей. Я считал вашу расу цивилизованной. Если эта глупость приведет к наиболее вероятному роковому результату, Земля заплатит за это сторицей; ни один космический корабль землян не совершит более посадки ни на одной из планет Галактики, где считаются с чувствами дроммиан.

Его прервали, но не словами. Из репродуктора послышался страшный треск, и несколько предметов, видимых на экране, полетели к ближайшей стенке, с грохотом стукнулись о нее и тут же были отброшены назад, отнюдь не повинуясь законам противодействия. Все предметы неслись в одном направлении — том самом, в котором, как с ужасом осознал Рекер, находился воздушный шлюз посыльного судна. В поле зрения в ту же сторону пролетела какая-то книга и ударилась о металлический прибор, пересекавший помещение с несколько меньшей скоростью.

Но удары были уже не сильными. Репродуктор умолк. На посыльном судне воцарилось молчание — молчание безвоздушного пространства...

3

Аминадабарли умолк, не сводя глаз с телевизионного экрана. Хотя вел он себя отвратительно, Рекер проникся сочувствием к нему. Он и сам в подобном случае был бы, наверно, по меньшей мере мрачен. Однако сейчас некогда было предаваться состраданию, пока еще есть надежда, нужно действовать.

— Велленбах! Как вызвать батискаф? — отрывисто крикнул Рекер.

Через его плечо перегнулся дежурный по связи.

— Сейчас соединю вас, доктор.

Рекер отвел его руку.

— Погодите. Скажите, там нормальная установка? Я имею в виду — там обычный радиотелефон или что-нибудь, встроенное в панели?

— Совершенно обычный. А почему вы спрашиваете?

— Потому что, если не так, ребята, чего доброго, могут открыть воздушный шлюз или натворить еще что-нибудь, пытаясь ответить на вызов. Но если по внешнему виду установка обычная, девочка сможет ответить без риска.

— Понимаю. У нее не будет никаких затруднений. Я сам видел, как она говорила здесь по телефону с кнопочным набором номера.

— Хорошо. Вызывайте их.

Пока офицер нажимал одну кнопку за другой, Рекер старался скрыть чувства, охватившие его. Все еще нельзя было понять, что случилось на посыльном судне. Ясно одно — по какой-то причине прорвало воздушный шлюз, но батискаф мог и не пострадать. Если же порван шлюз и на батискафе, дети погибли. Впрочем, оставалось надеяться, что

сопровождавший ребят механик надел на них скафандры. Нет, отчаиваться еще рано.

Наконец экран засветился, и на нем появилось осунувшееся личико, очень бледное, с шапкой волос, казавшихся на экране черными, хотя на самом деле, как хорошо знал Рекер, они были рыжие. Лицо выражало ужас, едва сдерживаемый панический ужас, но все же оно было лицом живого человека. Сейчас это было важнее всего!

Тут в радиорубку ворвался еще один человек, он остановился рядом с неподвижным дроммианином.

— Изи! Ты цела?

Рекер без труда узнал советника Рича. Узнали его и Аминадабарли, и девочка на экране. После двухсекундной паузы — видно, батискаф был уже далеко от корабля — выражение ужаса исчезло с лица девочки, и, заметно успокоившись, она заговорила.

— Да, папа. Сначала я очень испугалась, но теперь все в порядке. Ты прилетишь ко мне?

На мгновение в радиорубке возникла неразбериха — Рич, Рекер и дроммианин пытались заговорить разом. Но верх взяло физическое превосходство Аминадабарли, и он оттолкнул всех и подсунул свою гладкую голову чуть ли не к самому экрану.

— Где второй, где мой сын? — визгливо спросил он.

Девочка ответила без задержки:

— Он здесь, с ним все в порядке.

— Я хочу поговорить с ним.

Лицо девочки ушло за пределы видимости, и они услышали ее голос, но не разобрали слов. Потом она снова появилась; волосы ее были растрепаны, на щеке кровоточила царапина.

— Он забился в угол и не хочет оттуда выходить. Давайте я прибавлю громкость, чтобы вы могли поговорить с ним.

Она не сказала ничего о своей царапине и, к удивлению, Рекера, отец ее тоже промолчал. Аминадабарли же, казалось, и вовсе ничего не заметил. Он перешел на свой язык,

которого в радиорубке никто, кроме Рича, не понимал, и говорил несколько минут, изредка останавливаясь, чтобы выслушать ответ.

Сначала сын ему вообще не отвечал, но потом уговоры отца, видимо, подействовали, и в репродукторе раздался слабый писк. Услышав эти звуки, дроммианин успокоился и стал говорить медленнее. Спустя минуту рядом с головой Изи появилась голова Аминадорнелдо. Рекер старался понять, стыдно ли тому, но выражение лица дроммиан было для него закрытой книгой. Однако в Аминадорнелдо явно заговорила совесть, потому что, послушав еще немного, ребенок повернулся к Изи и перешел на английский:

— Мне очень жаль, что я сделал вам больно, мисс Рич. Я очень испугался и подумал, что вы зря подняли такой шум, да еще зачем-то хотите вытащить меня из угла. Отец сказал, что вы старше меня и я должен во всем вас слушаться, пока мы с ним снова не будем вместе.

Девочка, видимо, правильно оценила ситуацию.

— Ладно, Мина, — ласково сказала она. — Мне почти не больно. Я буду заботиться о тебе, и мы вернемся к твоему папе... через некоторое время.

Добавив последние слова, она взглянула в объектив камеры, и Рекеру снова стало не по себе. Взгляд, брошенный на советника Рича, подтвердил его подозрения, девочка хотела дать им что-то понять, стараясь, видимо, не испугать своего спутника. Вежливо, но решительно Рекер вытеснил дроммианина из поля зрения передающей камеры. Изи кивнула ему; незадолго до этого она познакомилась с ним, когда осматривала «Виндемиатрикс».

— Мисс Рич, — начал он, — мы все еще не знаем точно, что у вас там случилось. Сможете ли вы что-нибудь объяснить нам? Где офицер, который сопровождал вас?

Девочка покачала головой.

— Я не знаю, где мистер Флэнаген. Он остался на посыльном судне, наверно, покурить. Велел нам не трогать никаких кнопок, — видно, думает, что мы глупенькие. Мы, конечно,

держались подальше от панели, да и вообще только поглядели и ушли из рубки, стали осматривать другие комнатки. А потом собрались было надевать скафандры, чтобы вернуться на посыльное судно, и тут услышали голос мистера Флэнагена: он оставил приемник включенным и настроил его как нужно. Он сказал, что находится у наружного шлюза и откроет его, как только закроет шлюз посыльного судна — оба судна были так близко друг к другу, что мы просто шагнули из одного в другое. Еще он велел, пока не придет, сидеть тихо и ничего не делать. Мина только раскрыл рот, собираясь ответить ему, как мы почувствовали толчок. Нас швырнуло к стене, меня так прижало — шевельнуться не могла, похоже было ускорение в три-четыре «g». Мина ходил как ни в чем не бывало. Он попытался вызвать Флэнагена через передатчик, никакого ответа не было, а я не разрешила ему ничего трогать. Ускорение продолжалось, наверно, с полминуты. Вам лучше знать. Оно прекратилось как раз перед тем, как вы нас вызвали...

К этому времени радиорубка заполнилась людьми. Двое-трое принялись что-то просчитывать на линейках; Рекер, отвернувшись от приемника, следил за одним из них и, когда тот кончил считать, спросил:

— Разобрались немного, Саки?

— Кажется, да, — ответил инженер. — Разумеется, девочка рассказала не очень точно, но, по ее оценке, ускорения и продолжительности его и учитывая массу батискафа, следует думать, что каким-то образом включилось одно кольцо ускорителей, работающих на твердом топливе. Это как раз и должно было дать немногим больше четырех «g» в течение сорока секунд; суммарное приращение скорости около мили в секунду. Определить положение судна нельзя, пока не выйдем в космос и не засечем его. Вычислить тоже не можем — мы же не знаем направления ускорения. Вообще-то я предпочел бы, чтобы «скаф» был подальше от планеты.

Рекер понял Саки и решил не уточнять, но Аминадабарли немедленно спросил:

— Почему?

Бортинженер взглянул на него, потом на изображение второго дроммианина на экране и, видимо, решил не ходить вокруг да около.

— Потому что приращение скорости на одну милю в секунду в любом направлении может вывести его на орбиту, входящую в атмосферу, — отрезал он.

— Когда это может произойти? — вмешался Рич.

— Понятия не имею. Вычислим в пути. Думаю, не позднее чем через несколько часов.

— Так что же мы тут болтаем? — завопил Аминадабарли. — Почему не ведется подготовка к их спасению?

— Подготовка ведется, — спокойно ответил инженер. — В повседневной эксплуатации было только одно судно, в резерве есть еще несколько. Одно готовится к отправлению и стартует не позже, чем через десять минут. Вы полетите, доктор Рекер?

— Только лишняя масса, и никакой пользы, — ответил Рекер.

— Думаю, что это относится и ко мне, — сказал Рич. — Но все же я хотел бы — если найдется место. Конечно, неприятно быть вам помехой.

— Лучше оставайтесь здесь, — сказал Сакииро. — Мы будем держать связь с кораблем и со «скафом», так что вы будете в курсе событий.

С этими словами он выбежал из рубки.

Аминадабарли явно собирался настаивать на том, чтобы спасатели взяли его с собой, но после слов Рича он просто не мог этого потребовать. Он облегчил душу, пробурчав:

— Только дурак-землянин мог подключить к недостроенному судну ускорители для запуска!

— Батискаф был совершенно готов, если не считать последней проверки сетей и соединений, — спокойно ответил другой инженер. — А двигатели предназначены как для запуска, так и для посадки. Их, собственно, не предполагалось подключать до последней минуты, и мы не сможем

установить, почему произошло зажигание, пока не доберемся до батискафа. А сейчас искать виновных — только попусту терять время.

Он холодно взглянул на дроммианина, и Ричу пришлось вмешаться, чтобы разрядить напряжение. Рекер мысленно признал, что дипломат знает свое дело. Казалось, сейчас этот огромный бобер выкинет всех людей из рубки, но Рич за какие-нибудь четыре-пять минут успокоил разъяренного гостя.

К этому времени спасательное судно было уже в полете, и с каждой минутой крепли надежды людей на корабле, на батискафе и у самих спасателей. Если «скаф» вышел на орбиту, не входящую в атмосферу Тенебры, опасности вообще не было. Аппаратура для производства пищи и восстановления воздуха на борту была давно смонтирована, и на нее можно было положиться. Компьютер на спасательном судне работал непрерывно, вычисляя возможные орбиты. В худшем случае батискаф должен был войти в атмосферу через три четверти часа после аварии. Если этого не случится в течение двух часов, такая возможность вообще исключалась.

На «скафе» были иллюминаторы; Изи сумела узнать некоторые созвездия. Это позволило приближенно определить, с какой стороны планеты находится «скаф». Однако без точных измерений пользы от этого сообщения было мало.

Через шестьдесят семь минут после аварии Изи сообщила о возникновении ускорения. К этому времени даже Аминадабарли прекрасно понимал, чем это грозит. Спасательное судно было уже «рядом», то есть примерно в половине диаметра планеты от батискафа, но они ничем не могли помочь попавшим в ловушку детям. Инженерам легко было запеленговать батискаф и определить его положение с точностью до нескольких миль, однако вычислить орбиту для его перехвата в атмосфере Тенебры они не умели. Слишком мало они знали об этой атмосфере. Ясно

было одно — перехват возможен, когда батискаф опустится в нижние слои, а там ракетные двигатели спасателей работать не будут — слишком велико атмосферное давление. Через минуту после сообщения Изи Сакииро передал свои соображения по этому поводу на «Виндемиатрикс» и, прежде чем Аминадабарли успел раскрыть рот, повернулся к передатчику, настроенному на волну батискафа.

— Мисс Рич, пожалуйста, слушайте меня внимательно. Через несколько минут ускорение сильно возрастет. Пристегнитесь к сидению перед панелью управления и позаботьтесь о своем спутнике.

— Да ему ни одно из кресел не годится... — начала объяснять девочка.

— Четыре «g» — его норма, — вмешался Рич с борта «Виндемиатрикса».

— Тут ему придется получить чуть больше, — ответил Сакииро. — Надеюсь, он выдержит. Скажите ему только, пусть он ляжет на пол. Теперь, мисс Рич...

— Зовите меня Изи. Для экономии времени...

— Теперь посмотрите на приборную панель перед вами. Что вам знакомо на ней?

— Немногое. С левой стороны — выключатели света. Здесь написано. Наверху, в центре — управление связью. Около выключателей света — контрольные приборы, под особой крышкой — управление шлюзом. Чуть ли не два квадратных фута рычажков «Включено-Выключено», и над каждым какие-то буквы... Тут я ничего не понимаю... — Изи умолкла.

Саки одобрительно кивнул.

— Ладно. Теперь поглядите на верхнюю часть панели. Справа от управления связью есть группа рычажков. И надпись «Поиск». Нашли?

— Да, вижу.

— Так, вот, убедитесь, что рубильник в левом нижнем углу этой группы находится в положении «Выключено». Проверьте. Затем переведите три рычажка группы

«Атмосфера» в положение «Включено». Удостоверьтесь, что рубильник «D-I» выключен. Понятно?

— Да, сэр.

— Знаете, что вы сейчас сделали? Вы связали радиокомпас, настроенный на передатчик робота, находящегося на поверхности планеты, с аэродинамическим контрольным устройством вашего «скафа». Включение двигателей боюсь вам доверить. Если все пойдет как надо, автопилот посадит вас где-нибудь поблизости от робота, не беспокойтесь. В атмосфере вы не сгорите. Батискаф рассчитан на вход в атмосферу без торможения. Планета велика, но ничего... Даже если мы посадим вас с ошибкой в пятьсот миль, мы все равно вас разыщем. Понимаете?

— Да. Я уже привязала себя к креслу, а Мина лег на пол.

— Отлично. Теперь протяните руку к тому самому участку, где написано «Поиск», и возьмите на себя рукоятку рубильника. Вы не страдаете морской болезнью? Боюсь, что поначалу вам придется тяжко.

Сакииро на борту спасательного судна и люди в радиорубке «Виндемиатрикса» следили за ребятами — вот рука девочки потянулась за пределы поля зрения камеры. Они и не могли видеть, как она включила рубильник. К удивлению инженеров, ничего особенного не произошло. Они ожидали, что внезапное ускорение втиснет девочку в кресло, но все обошлось благополучно.

Изи сообщила:

— Я чувствую, что судно кренится — планета сейчас слева от нас. Меня немножко прижимает к креслу. А вот мы снова выровнялись. Теперь то, что было «низом», очутилось впереди, если только панель передо мной находится в носовой части батискафа.

— Да, именно там, — ответил инженер. — Вы направляетесь к роботу. Скорость спуска будет уменьшаться и в атмосфере дойдет до пятисот миль в час. Торможение будет резкое. Ваше судно снабжено отделяющимися тормозными

двигателями для преодоления теплового барьера. Не отвязывайтесь!

— Хорошо. А сколько все это продлится?

— Часа два. Вы отлично выдержите.

Тут в разговор вмешался Рич.

— Мистер Сакииро, а что, если батискаф пройдет над вашим роботом, не погасив скорости? Как поступит автопилот? Перейдет в пикирование?

— Разумеется, нет. Это же корабль, а не ракета. Он войдет в вираж, и ускорение возрастет еще на 0,5 «g». При необходимости автопилот посадит корабль. Но мы сумеем этого избежать.

— Каким же образом? Уж не хотите ли вы, чтобы Изи управляла батискафом?

— Ну, не в прямом смысле этого слова. Однако, когда скорость «скафа» снизится до обычной при полете в воздушной среде, главные цистерны, обеспечивающие его плавучесть, заполнятся атмосферой Тенебры. Тогда я объясню Изи, как включить установки для электролиза. В цистернах образуется водород, и батискаф «всплывет» до такой высоты, на которой мы сможем подойти к нему. Жаль, что его ускорители не подключены. Но, я полагаю, мы сможем добраться до них, когда «скаф» повиснет на максимальной высоте. Вы же знаете, конструкция его так и рассчитана, чтобы на этой высоте могли включиться ускорители.

— Следовательно, вы ее спасете.

Это утверждение больше походило на вопрос. Сакииро был честный человек, но ему трудно было дать прямой ответ. И все же, поколебавшись, он сказал, глядя в глаза этому немолодому человеку, чье лицо на экране так откровенно выражало безысходную муку.

— Мы должны спасти обоих. Не скрою — дело трудное и опасное. Надо пересадить инженера с ракеты, «висящей» на реактивных струях своих двигателей, на внешнюю оболочку «скафа», чтобы он подключил проводку. А «скаф» ведь будет плавать, как воздушный шар. Это будет нелегко.

— А почему бы не перевести ребят на спасательное судно?

— Потому что их скафандры не выдержат давления на той высоте, где будет парить «скаф», — ответил Сакииро. — Я не знаком с дроммианскими конструкциями, но нашу-то знаю хорошо.

— Мистер Сакииро, — снова вмешалась в разговор Изи.

— Да, Изи.

— Может, дадите мне какую-нибудь работу? Противно сидеть сложа руки; мне даже становится чуть-чуть страшно.

Рич умоляюще взглянул на инженера. Как всякий дипломат, он был тонким психологом и к тому же хорошо знал свою дочь. Она вовсе не была истеричкой, но какой двенадцатилетней девочке доводилось попадать в такую переделку! Сам он не мог ничего придумать, чтобы занять ее внимание; к счастью, Сакииро понял все.

— Слева от вас — манометры, — сказал он. — Не сможете ли вы передавать нам их показания? А ваш друг пусть наблюдает за звездами и сообщит нам, когда они начнут меркнуть. Этим вы нам немного поможете. Продолжайте передачу, пока вам еще нетрудно следить за показаниями приборов; ускорение, возможно, вот-вот сильно возрастет.

Рич с благодарностью кивнул инженеру. Может, Амина-дабарли выразил такие же чувства, но никто из присутствующих этого не мог заметить. В течение многих минут молчание нарушалось только голосами ребят, сообщавших о показаниях манометров и о яркости звезд.

Затем Изи сказала, что корабль опять дал крен.

— Отлично, — ответил Сакииро. — Это значит, что вы уже находитесь где-то над роботом. Теперь вас придавит ускорение побольше трех с половиной «g»; вам придется потерпеть, пока не погасится скорость батискафа. Ваше кресло автоматически откидывается на пружинах в наиболее удобное положение, но все равно ощущение будет не из приятных. Ваш приятель, несомненно, перенесет все это легко, предупредите его только, чтоб он не вздумал вставать. Корабль несется в атмосфере с огромной скоростью — несколько

тысяч миль в час, и переход из одного атмосферного потока в другой может дать здоровенную встряску.

— Мы готовы!

— Звезды меркнут. — Это сказал Аминадорнелдо.

— Спасибо. Можете еще раз сообщить мне показания манометров?

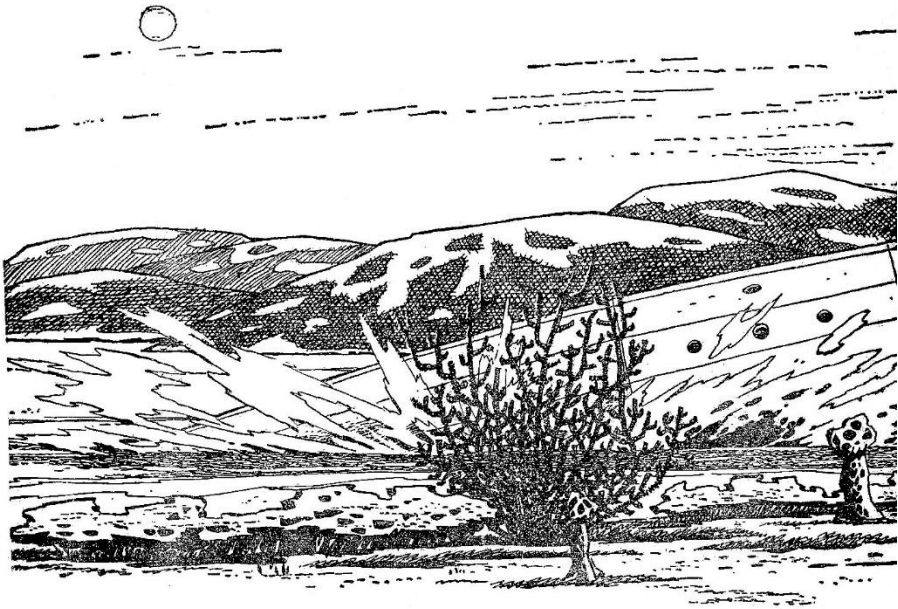
Девочка исполнила его просьбу, но чувствовалось, что ей уже трудно говорить. До начала последнего разворота «скаф» находился в свободном падении. Но сейчас рудиментарные плоскости батискафа уже получили опору в атмосфере, пусть еще сильно разреженной, и обеспечили его виражирование; положение резко изменилось.

Внезапно плавное движение батискафа, которое показалось Сакииро началом планирования и спуска, прервалось резкими толчками, которые следовали один за другим. Ремни прочно удерживали тело девочки, но голова ее, руки и ноги беспомощно болтались, словно у огородного пугала в ветреный день. Юный дроммианин впервые за все время не мог лежать спокойно. Сквозь скрип и грохот, которыми сопровождались толчки, из приемника доносились рыдания девочки и почти неуловимый для человеческого уха — так он был высок — вой Аминадорнелдо. Старший дроммианин вскочил, тревожно всматриваясь в экран.

Инженеры не могли понять, что случилось, но Рекеру показалось, что он нашел объяснение!

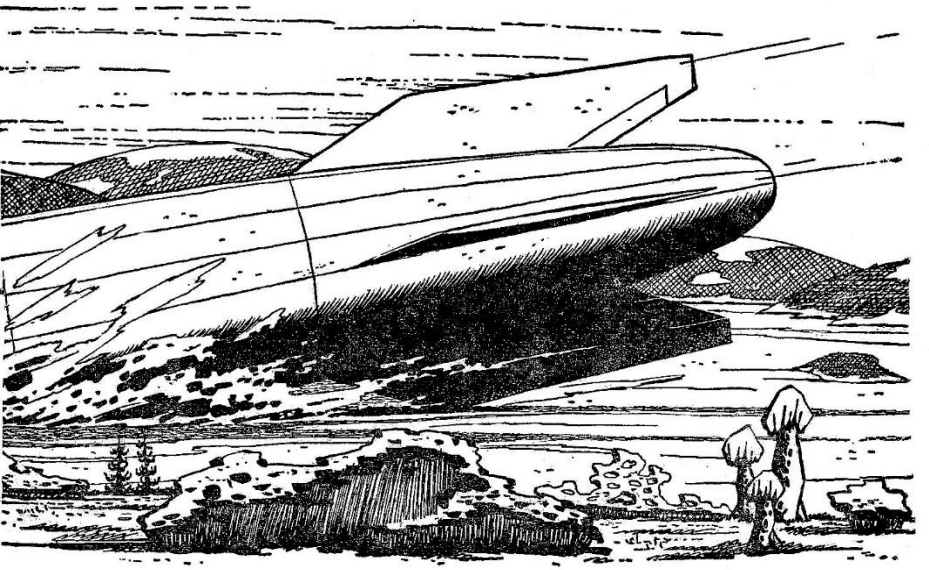
— Это удары дождевых капель! — закричал он.

Все с ним согласились. С наступлением ночи пары воды в атмосфере конденсировались и из-за особых гравитационных условий Тенебры сливались в огромные, диаметром в несколько десятков футов, шаровые скопления воды, падавшие на поверхность планеты. Их-то и назвали за неимением другого слова каплями... Кстати, в них растворялись некоторые газы, которые были ядовиты даже для выносливых аборигенов Тенебры. Батискаф ходил ходуном. Автопилот старался удержать судно на заданной траектории, но аэродинамические контрольные устройства позорно не справлялись



со своей задачей. Не меньше двух раз батискаф перекувырнулся — во всяком случае, так решил Рекер, увидев, как дроммианина швырнуло из одного угла кабины в другой. По чистой случайности его не ударило о рычаги управления. Правда, сейчас они были бесполезны. Что может сделать руль в положении левого поворота, если в этот момент о правое крыло ударилась капелька диаметром этак футов в пятьдесят? То, что вода была лишь немногим плотнее атмосферы Тенебры, не меняло дела. Сейчас судно попросту падало в самом прямом значении этого слова.

Для гравитации в три «g» скорость падения оказалась удивительно низкой. Причина этого была весьма проста. Несмотря на то, что внешняя атмосфера заполняла большую часть корпуса батискафа, объемный вес его был незначителен. Судно представляло собой сигарообразную оболочку длиной в двести футов. Единственной действительно тяжелой ее частью был шар в центре диаметром в сорок футов, где находились жилые отсеки. Вероятно, батискаф избежал



бы серьезных поломок даже при посадке на твердый грунт. Но случилось так, что он упал в жидкую среду.

В настоящую жидкость, а не в то вещество в критическом состоянии, которое составляло большую часть атмосферы Тенебры.

Батискаф упал «брюхом» вверх, но плоскости уже были отброшены подобно тормозным двигателям, а центр тяжести был достаточно низок, и потому судно перевернулось в более удобное положение. Наблюдатели видели, как похожий на бобра гигант осторожно встал на ноги, медленно подошел к креслу девочки и прикоснулся к ее плечу. Она вздрогнула и попыталась приподняться.

— У тебя все в порядке? — прокричали оба отца почти в один голос.

Аминадорнелдо, помня наставления отца, подождал, пока ответит Изи.

— Кажется, да, — сказала она не сразу. — Прости, что я разревелась, папа, мне было так страшно. Я не хотела пугать Мину.

— Все хорошо, детка. Уверен, что никто не попрекнет тебя. Главное, что ты цела, да и корпус судна не пострадал. Иначе вас обоих уже не было бы в живых.

— Разумеется, — поддержал его Сакииро.

— Вас изрядно растрясло, но теперь все позади. Ну, раз уж вы попали на Тенебру, посмотрите в иллюминаторы — вы первые, кто видит воочию эту планету, не считая, конечно, тамошних жителей. Когда наглядитесь вдоволь, скажите мистеру Сакииро, он объяснит вам, как снова подняться наверх. Ладно?

— Ладно, папа! — Изи провела ладонью по все еще мокрому от слез лицу, отстегнула ремни и встала. — Ну, когда же они выключат двигатели? «Скорее бы избавиться от этой тяжести!» — сказала она.

— Тяжесть так и останется, пока мы не вытащим вас оттуда, — ответил ей отец.

— Знаю. Я просто пошутила. Ой, снаружи, кажется, ночь: ничего не видать.

— Так оно и есть, если вы в том же районе, где робот, — ответил Рекер. — Впрочем, на Тенебре и в полдень немногим светлее. Даже свет Альтаира не может пробиться сквозь эту атмосферу, его недостаточно для того, чтобы человеческий глаз что-нибудь увидел. Вам придется включить прожекторы.

— Хорошо, попробую.

Девочка посмотрела на приборную панель, где еще раньше приметила выключатели света. Затем, к удивлению и радости инженеров, спросила Сакииро, те ли это выключатели. Саки потом говорил, что в этот миг его надежды на спасение детей возросли во сто крат.

Когда вспыхнул свет, ребята прильнули к иллюминаторам.

— Там не на что смотреть, — передала Изи. — Мы, видно, плюхнулись в озеро или океан. Гладь кругом, словно стекло. Даже ряби никакой нет. Я бы подумала, что здесь все твердое, если бы «скаф» не погрузился в это. Сверху опускаются

туманные шары — большие-большие! Но они как будто тают, не долетев до поверхности. И больше ничего не видно.

— Это дождь, — сказал Рекер. — Озеро, вероятно, из серной кислоты. Думаю, что в это время ночи она уже порядком разжижена и настолько теплее атмосферы, что капли превращаются в пар, не достигнув озера. А волн и не должно быть, там же нет ветра. На Тенебре небольшой ветер — уже грозный ураган.

— Несмотря на изобилие тепловой энергии? — поразился Рич.

— Да, так. Для тепловой энергии нет объектов приложения. Она не может превратиться в работу в физическом смысле этого слова. Когда на Тенебре меняется температура атмосферы или даже фаза ее состояния, колебания ее объема столь незначительны, что разности давлений, порождающей сильные ветры, не возникает. Атмосфера Тенебры, вероятно, самая спокойная во всей Галактике.

— Но это же не вяжется с вашими словами насчет землетрясений на Тенебре! — сказал Аминадабарли.

Видно, он уже обрел прежнюю уверенность, раз мог говорить не только о глупости землян.

— Да, не вяжется, — согласился Рекер. — Придется допустить, Изи, что вы увидите волны, если вам придется поплавать на этом озере подольше. Однако эти волны никак не назовешь бурными, и они не унесут вас к чудесным берегам. Кажется, вы уже посмотрели здесь все, что можно. Теперь пора подниматься наверх и спокойненько дожидаться спасения.

— Ладно. Только мне хотелось бы знать, что заставит эту штуку плавать в атмосфере, и еще одно... Неужели при подъеме нас будет трепать так же, как и при спуске?

— Не бойтесь. Подниматься вы будете вертикально и гораздо медленнее. Как на воздушном шаре. Большая часть корпуса вашего корабля разделена на отсеки, и каждый отсек в свою очередь делится надвое гибкой мембраной. Сейчас эти мембраны прижаты атмосферным давлением к

одной из стен каждого отсека. Когда вы приведете в действие устройства для электролиза, часть воды разложится. Кислород будет выбрасываться наружу, а водород постепенно заполнит пространство между мембранами и стенками отсеков и вытеснит из них атмосферу. В конструкции старых морских батискафов была использована та же идея, но там не нужны были мембраны.

— Понимаю. А сколько времени понадобится, чтобы образовалось достаточно газа, и мы начали подниматься?

— Не могу сказать — нам неизвестна электропроводность атмосферы. Как только вы запустите установку, надо следить за амперметрами — они там, над выключателями, на каждый отсек отдельно. Если вы передадите мне их показания, я быстро все подсчитаю.

— Хорошо. Где же они? А вот, здесь... Вы очень понятно их обозначили. Вверху справа? Двенадцать рычажков и большой рубильник?

— Они самые. А над ними — амперметры. Включите их, а затем — главный рубильник и давайте мне показания.

— Ладно.

Тонкая рука поднялась и исчезла из поля зрения камеры; все услыхали щелканье выключателей. Потом Изи опустила руку на колени и тяжело откинула на спинку кресла свое тело, которое весило там триста фунтов; оглядев одну за другой шкалы приборов она сказала:

— На всех амперметрах ноль. А теперь что мне делать?

Страшная опасность, угрожавшая детям, надолго отвлекла Рекера от бедственного положения, в которое попали его любимое детище, робот Феджин, и воспитанные им жители Тенебры. На пункте связи с роботом все это время дежурил коллега Рекера, с которым они чередовались, непрерывно поддерживая контакт со своими питомцами.

Между тем события там продолжали развиваться. Ник, незаметно для самого себя оказавшийся в роли вожака всей группы, не мог примириться с мыслью о том, что любимый Учитель, их Феджин, уходит один во вражеский стан.

Правда, он сообразил, что каменные ножи вряд ли причинят вред крепкому белому материалу, в который одет Феджин, но все же тревога за Учителя не покидала его.

И он решил на свой страх и риск пойти на хитрый маневр, который, по расчетам, должен был поразить Быстрого и все его войско. От испарений, приносимых огромными каплями тенебрийского ночного дождя, пещерных жителей пока спасали костры, зажженные питомцами Феджина еще до нападения. Запас топлива для костров был сложен в большой штабель неподалеку от хижины, ставшей убежищем для Ника и его друзей. Ник, меньше других пострадавший в схватке с воинами Быстрого, натаскал побольше сучьев в свою хижину, а остальные дрова поджег. План его был прост: костры скоро погаснут, поддерживать их будет нечем, и Быстрый со своими воинами задохнутся в испарениях дождя, от которого они обычно укрываются в пещерах.

Но Быстрый оказался не так уж глуп. Когда он обнаружил, что топлива для костров не осталось, он атаковал хижину Ника, чтобы отобрать припасенные сучья. Хотя силы были неравны, удобство «позиции» Ника помогло ему отбить натиск врагов и даже нанести им некоторые потери. Очень выручили Ника каменный топор и горящие сучья. Раскаленные угли, рассыпанные перед входом в хижину, послужили своего рода заграждением — подошвы нижних конечностей у тенебрийцев были достаточно чувствительны.

Дрожа от ярости, Быстрый был явно готов метнуть в Ника все четыре копья, которые он держал в руках, или прорваться по горячим углям к двери и схватиться с Ником и другими защитниками хижины врукопашную. Но он не сделал ни того, ни другого. Спокойно опустив копья, он повернулся и пошел прочь. Потом, словно вспомнив о чем-то, снова обернулся к Нику.

— Ну что ж, Дровосек, спасибо за выручку. Я попрощаюсь с тобой. А ты попрощайся со своим Учителем.

Ник опешил.

— Как же так? Ведь вы ночью не сможете...

— Почему? Ты-то смог?

— А Феджин?

— Ну, ты же сам сказал, что он может делать все, что умеешь ты... А не захочет пойти, мы его поджарим на огне.

— Учитель! Феджин! Ты слышишь?! — истошно завопил Ник. Он кричал и кричал, забыв, что Учитель никогда не отвечает сразу.

— Что случилось, Ник? — наконец откликнулся коллега Рекера.

— Быстрый сказал, что поджарит тебя на костре, если ты откажешься пойти с ними. Ты выдержишь?

Пауза была длиннее обычной. Трудно было решиться на ответ — никто на корабле толком не знал, какова истинная температура пламени на Тенебре. А робот — штука дорогая...

— Н-нет... Я пойду с Быстрым, — ответил наконец дежурный устами робота.

— А нам что делать?

Рекер забыл сказать своему коллеге о том, что всей группе он велел оставаться на месте, и дежурный вышел из положения как сумел.

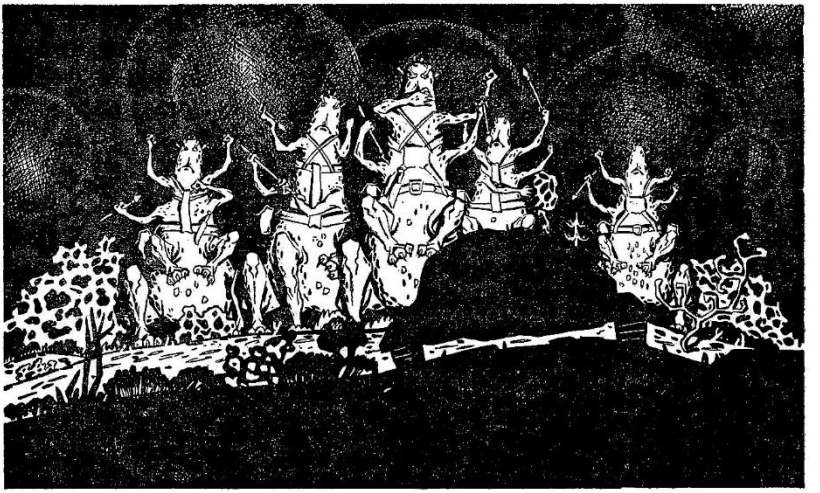
— Решайте сами. За меня не беспокойтесь, они меня не тронут. А с вами я потом свяжусь.

— Хорошо.

Ника вполне устраивало новое решение Учителя, поэтому он и не заикнулся о предыдущем. Он молча смотрел, как воины Быстрого с горящими сучьями в руках окружили Феджина полукольцом, и вся процессия медленно тронулась в путь.

Семь питомцев Феджина, уцелевших после боя, хотя и порядком израненных, и потрепанных, впервые с тех пор, как вылупились из яиц, оказались без своего наставника. Дотянув до рассвета у чуть теплившегося костра, они стали решать, что им делать дальше.

Оставаться в хижинах не было смысла — топлива нет, вся поросль на несколько миль вокруг селения давно уже



вырублена, тратить силы на заготовку сучьев и подвоз их на примитивной тележке, сколоченной под руководством Феджина, явно не стоило. Лучше уйти подальше, где есть лес и где Быстрый не сразу их разыщет...

Они долго спорили, куда им отправиться. Ник не раз думал, что иногда было бы неплохо обладать таким непререкаемым авторитетом, каким пользовался Быстрый у своего племени. Победило предложение Нэнси. Ее поддержали Джим, Дороти, Бетси и Оливер. Да и сам Ник, хотя и не без досады, признал, что оно разумно. Нэнси предложила уйти на берег моря — сравнительно недалеко от их стоянки. Это море, как сказал им Феджин, было заполнено не водой, а серной кислотой, и поэтому не испарялось с наступлением дня, как все водоемы и реки на Тенебре. И Феджину будет легко разыскать их — достаточно добраться до пещер и шепнуть: «Берег моря», а там уж он не собьется.

И они погрузили свой нехитрый скарб и оружие на тележку, собрали стадо, несколько поредевшее за ночь от набегов хищников, и тронулись в путь. Он был не очень долог, но утомителен — грунт здесь был почти сплошь покрыт острыми кристаллами кварца. Ближе к берегу им стали все чаще попадаться лужицы и озерца со странной тяжелой

маслянистой жидкостью. Такой жидкостью было заполнено и море, на берегу которого они разбили свой лагерь. К ночи, к началу дождя, они успели заготовить достаточно дров, поужинать и расположились на отдых под защитой спасительных костров.

Ник учел все, кроме одного — что дождевые капли падают и в море. Скоро ему пришлось убедиться в этом. Разведенная дождевой водой серная кислота вышла из берегов, и в свете костров они увидели, как холмик, на котором разбит их лагерь, превратился в остров, окруженный со всех сторон разлившимся морем.

Ночь была трудная и страшная. Они уцелели, но стадо еще более поредело. Надо было искать новую стоянку.

Посовещавшись, они решили перекочевать на более высокое место, но все-таки около берега моря, а Ник немедленно отправился к пещерам выручать Учителя.

К обрыву над пещерами Ник добрался еще засветло,

но предпочел ничего не предпринимать до наступления темноты. Он был уверен, что Быстрый разведет костры. Однако, когда он уже в сумерках осторожно заглянул вниз, через край обрыва, костров там не было. Вероятно, в пути пещерные жители утратили огонь, а добывать его никто их еще не научил.

Ник долго размышлял, как же ему связаться с Феджином; план, родившийся в результате этих раздумий, был и хитрый, и дерзкий.

Собрав побольше сучьев, он извлек свои нехитрые принадлежности для добывания огня и развел костер на краю обрыва. Одну горящую ветку он сбросил вниз, к подножию утеса. Феджина он приметил сразу. Дальше события развивались именно так, как он предполагал.

Увидев огонь, пещерные жители кинулись за топливом, и по неопытности набросали столько сучьев, что погасили ветку. Заметив отблески пламени на вершине утеса, все во главе с Быстрым побежали по извилистой и крутой тропе наверх. Ник не был уверен, бегут ли они только за огнем или же за тем, кто его разжег. Так или иначе, это отвечало его замыслу. Он начал спускаться вниз по обходной, более длинной тропе, поджигая за собой всю поросль, чтобы затруднить погоню. Когда пещерные жители со своим вожаком еще только подбегали к костру, Ник был уже рядом с Феджином.

— Учитель, это я, Ник! Вы меня слышите?

— Да, слышу хорошо. Как ты сюда пробрался? Значит, вся эта суматоха из-за тебя?

— Ну да! — торжествующе крикнул Ник. — Я пришел за вами!

Он торопливо рассказал Учителю обо всем, что случилось за те двое долгих тенебрийских суток, которые прошли с момента их разлуки, и предложил немедленно тронуться в путь.

Учитель молчал необычно долго. Нику, конечно, не могло прийти в голову, что где-то в полутораста тысячах

миль от него, у пульта связи с роботом, идет оживленная дискуссия, в которую уже включился и Рекер. Там решали вопрос, уходить ли роботу от пещерного племени или пока остаться и начать их обучение...

Наконец Учитель заговорил:

— Ты знаешь, Ник, что я не могу так быстро ходить, как ты. Надо их задержать подольше. На утес ведет одна тропа?

— Да, если не считать обходной, по которой я прибежал. Но она намного длиннее. Вам надо сейчас же трогаться в путь. Идите на северо-восток до моря, а затем по его берегу — дневному, конечно. А я постараюсь задержать Быстрого.

Без лишних слов Феджин пополз на своих гусеницах, а Ник, подбирая на ходу сучья, валежник, сухие растения, побежал к глубокой расселине, где начиналась тропа, ведущая на утес, и разжег там костер. Потом собрал все сучья вокруг и принес их в расселину. Таким образом, выход к подножию утеса был прегражден огненной баррикадой. Капли, скатывавшиеся по расселине сверху, испарялись, не достигая этого огромного костра, и заполняли ее дно плотной пеленой паров, в которых тенебрийцы не могли дышать.

Поджигая по дороге все, что могло гореть, Ник быстро догнал Феджина.

Робот одобрил действия своего верного ученика, но заметил: — Впрочем, вряд ли это нам поможет. К концу ночи они все равно нас догонят...

Однако прошло несколько часов, а погони не было видно.

Между тем, идти Нику становилось все труднее. Лужи и озерца дождевой воды встречались все чаще и разрастались в размерах. Феджин полз напрямую, Ник же был вынужден обходить их, иначе он бы давно потерял сознание.

— Видимо, теперь уж им и костры не помогут. «Мне это нравится», — удовлетворенно сказал Феджин.

— А мне нет, — огорченно сказал Ник. — Впереди глубокие лощины. Сейчас по ним текут широкие реки прямо к морю. Мы застрянем обязательно, и они нас нагонят.

— Реки? Да ведь это отлично! Быстрому ни за что не переправиться через реку, а мы с тобой переберемся без труда.

— А я-то как же? — недоуменно спросил Ник.

— Потом увидишь.

Но реки, как назло, не попадалось. Они шли по берегу моря, позади уже появились смутные проблески колеблющегося света факелов погони, когда наконец перед ними открылась широкая лощина, заполненная водой. Спасительная река встретилась им как нельзя более кстати.

— Приготовься, Ник. Сейчас я тебя подхвачу. Не робей, все будет хорошо.

— Я готов.

Робот подполз к Нику. Из небольших люков в его белом корпусе высунулись четыре шарнирных манипулятора. Крепко, но бережно они подхватили Ника и закинули его на верхнюю плоскость корпуса.

Робот спустился в реку и пошел ко дну. Ник тотчас же потерял сознание; впрочем, это было не страшно.

Спустя пятнадцать минут воины Быстрого подошли к месту, где следы робота исчезли в реке.

4

— Ну, и сколько времени вы выиграете, доктор?

Рекер ответил, не отрывая глаз от телевизионных экранов:

— Вероятно, весь остаток ночи и еще немного, пока река не высохнет после восхода солнца. А до восхода осталось часов двадцать.

— Может быть, за этот срок растения разрастутся так, что совсем скроют следы робота?

— Увы, мои представления о растительном мире Тенебры недостаточны.

— И это после шестнадцати лет наблюдений!

— За все шестнадцать лет у меня не было случая изучить характер растительности на северном берегу этой лощины,

— немного раздраженно ответил Рекер. — От Ника я знаю только, что Быстрый — отличный следопыт, но у меня нет информации, позволяющей определить, что такое «отличный». Право же, советник, мне известно, что последние три недели вы живете как в аду. Но если вы будете только критиковать, вряд ли особенно поможете дочери. Вы становитесь похожим на Аминадабарли.

— Рад, что вы о нем упомянули, — в голосе Рича не слышалось обиды.

— Я знаю, доктор, что вам трудно терпеть манеры дроммиан. Это довольно вспыльчивая раса, и их понятия о хорошем тоне не вполне совпадают с нашими. Аминадабарли необычайно сдержан для дроммианина, потому он и занимает столь высокий пост. Но я настоятельно прошу вас обуздать свои вполне естественные импульсы и не отвечать ему резкостью на его оскорбления.

Рекер на мгновение оторвал свой взгляд от экрана.

— Должен признаться, все сказанное вами никак не поможет спасению Изи и Мины; я и без того делаю все, что могу.

— Верю и благодарю, но я был обязан сказать вам об этом. Постарайтесь учесть особенности характера Аминадабарли. Он станет только больше уважать вас за это. И я тоже.

— Сделаю, что смогу, — обещал Рекер. — Но сейчас лучше бы он не появлялся еще несколько часов. Я перетаскиваю Ника через реку... Если вы предположите, что я считаю Ника своим ребенком, то окажетесь недалеки от истины. Я не прочь поговорить, пока все идет гладко, но, если вдруг замолчу на полуслове, не удивляйтесь. Вы говорили с детьми?

— Да. Они держатся молодцами. Счастье, что там этот дроммианин; боюсь, Изи сдала бы, если бы не чувствовала ответственности за своего Мину. Он, видимо, признал ее главенствующую роль, так что с моральным состоянием детей все в порядке. Да, кстати, говорил ли я вам о том, что обнаружил мистер Сакииро? Оказывается, на батискафе

остались открытыми несколько смотровых люков, так что сеть электролитических устройств, несомненно, подверглась коррозии под воздействием внешней атмосферы. Он надумал отправить туда ваших воспитанников для ремонта.

— Знаю. Я и сам сейчас не могу придумать ничего другого. Но для этого я должен сначала найти их, а они должны найти «скаф». Пока успокаивает хотя бы то, что механизмы будут бесперебойно снабжать детей пищей, воздухом и водой, так что они смогут прожить там сколько угодно долго.

— Да, но Изи не протянет долго в условиях тройной силы тяжести.

Рекер нахмурился.

— Простите, я об этом не подумал. А что говорит медицина?

— Ничего! Вопрос о детях никогда не изучался. Взрослые выдерживают по многу месяцев, это мне очень хорошо известно.

— Понятно. Ну, я полагаю, у вас больше оснований донимать нас, чем у Аминадабарли. Его сынок от тяжести не пострадает.

— Но может пострадать от другого. Синтезаторы батискафа производят пищу, рассчитанную на людей.

— Ну и что? Разве у дроммиан обмен веществ не такой же, как у нас? Они дышат кислородом, и я сам видел, как они ели нашу пищу здесь, на корабле.

— Вообще вы правы, но тут нужно кое-что уточнить. Их потребность в витаминах гораздо больше, чем у нас, хотя они и потребляют, подобно нам, жиры, углеводы и белки. Мина почти наверняка начнет страдать от авитаминоза, если застрянет там надолго. Отец его, как и я, не имеет точной медицинской информации.

Рекер присвистнул, и лицо его помрачнело. Рич подумал было, что его встревожили какие-нибудь события на Тенебре, но на экране по-прежнему виднелось лишь русло реки. Судя по продолжительности переправы, ширина потока была не меньше мили. Дипломат молча смотрел, как

робот продвигался вперед и наконец выбрался на противоположный берег.

Дождь продолжался. Поскольку факел Ника погас, пришлось включить прожектор, чтобы вовремя увертываться от медленно падающих капель. Пробыв минут десять в нормальной атмосфере, Ник стал оживать. Придя в себя, он подобрал сук потолще, зажег факел, и путешествие продолжалось, как и до переправы, только их уже не тревожило больше, где сейчас находится Быстрый.

Вскоре пришел сменный оператор. Рекеру не хотелось передавать ему пост наблюдения — обстановка внизу все еще оставалась сложной, — но он понимал, что не имеет на это права. Человек просто не способен бодрствовать и быть в состоянии боевой готовности на протяжении целой тенебрийской ночи — двух земных суток. Поэтому Рекер рассказал сменщику, как обстоят дела, и нехотя покинул наблюдательный пункт.

— Не думаю, что мне удастся сразу заснуть, — сказал он Ричу. — Пойдемте в радиорубку, посмотрим, как поживает Изи.

— Два часа назад она спала, — ответил отец девочки. — Поэтому я и пришел посмотреть, что тут у вас творится. Впрочем, лишний раз поглядеть никогда не мешает. — Он помолчал и добавил: — Я люблю смотреть на нее, когда она просыпается.

Рекер помолчал.

Дежурный по связи сказал, что происшествий никаких, но Рекер и Рич уселись у экрана связи с батискафом. Разговаривать им не хотелось.

Рекер уже задремал, когда из приемника раздался голос Изи:

— Папа, ты здесь?

Возможно, Рич тоже дремал, но ответил он мгновенно:

— Да, дорогая! Что случилось?

— Батискаф двигается. Мина еще спит. Я не хочу будить его, но решила, что надо сказать вам.

— Расскажи обо всем доктору Рекеру. Он здесь и Тенебру знает лучше всех.

— Ладно. Помните, в первую ночь после посадки я думала, что мы лежим на дне, а озеро становится все глубже? Так?

— Да, Изи. Мы решили, что дождь разжижает кислоту, в которую попал «скаф», и плотность ее снижается, поэтому вы продолжаете погружаться.

— Правильно. Через некоторое время бортовые иллюминаторы погрузились в жидкость, и мы не могли видеть даже дождь. А под утро жидкость покрыла и верхний иллюминатор, так что мы уходим под воду.

— Ну, это не совсем точно, но я тебя понимаю. Тогда бы вы ничего не видели вокруг, верно? Откуда же ты знаешь, что сейчас вы начали двигаться?

— А нам видно, если включить фары. Мы на дне озера или океана, или еще чего-то, и в иллюминаторе виднеются скалы и какие-то смешные штуки вроде растений, и нас медленно несет мимо них. Иногда мы как будто подпрыгиваем, иногда нас покачивает. Когда мы касаемся дна, я слышу треск и скрип.

— Ясно. Ну, особых оснований для беспокойства пока нет. Хорошо бы, правда, разобраться, чем вызвана такая перемена на шестую ночь. С наступлением дня излишек воды испарится, и вы окажетесь в обычном положении, если, конечно, вы все еще будете в озере или в море. Если же, что весьма вероятно, вас снесет вниз по течению реки, то, когда вода высохнет, вы можете оказаться где-нибудь на суше. Так что завтра, может быть, вы увидите пейзаж повеселее. Трудность у нас одна — как разыскать вас. Если вы начнете дрейфовать каждую ночь, то нелегко будет показать нашим питомцам, где вас найти. Вы уж сообщите нам поподробнее, какая местность вокруг вас, а мы будем все передавать Нику и его друзьям. Ты умница, что сразу нас вызвала, как только заметила, что вы поплыли.

— Спасибо, доктор. Мы будем смотреть во все глаза. Я ведь очень хочу познакомиться с вашим другом Ником.

— Мы тут стараемся изо всех сил, чтобы это знакомство состоялось.

— Может, мне лучше пока не засыпать, чтобы передать вам сразу, если что-то случится. Потом подежурит Мина, а я посплю.

— Это будет здорово! А здесь все время кто-нибудь будет вас слушать.

Рекер выключил микрофон и обернулся к Ричу. Дипломат испытующе глядел на него.

— Сколько из сказанного вами предназначено для поддержания бодрости Изи и сколько для моего успокоения? — спросил он.

— Я просто подбавил немного розовой краски, — сознался Рекер. — Ради детишек. Но я не лгал. Думаю, что довольно скоро смогу подвести свою «команду» к «скафу». Признаюсь, я не очень-то уверен в том, что они сумеют что-нибудь

сделать, когда найдут его. Учтите, мы, в сущности, не имеем почти никакого представления о среде, в которой находится батискаф. Прежде чем давать какие-либо указания Нику, нам придется дождаться его сообщения.

Рич строго посмотрел на биолога, но потом смягчился.

— Резонно, — согласился он.

Если Рич и собирался продолжать, то такой возможности ему не дали.

— А мне это совсем не кажется резонным!

Кому принадлежал этот пронзительный голос, сомневаться не приходилось.

— Все земляне, присутствующие тут, несут просто чушь! Научить орду дикарей исправить проводку в машине, которая опередила их развитие на две тысячи лет! Абсурд! Самое абсурдное утверждение, какое я когда-либо слыхивал! Любое мыслящее существо старше трех лет от роду поймет, что только второй батискаф может дать какие-то шансы на спасение потерпевших аварию. Между тем я не слышал ни единого слова о таком проекте. Видно, для землян деньги дороже жизней.

— Я тоже не слышал, чтобы на Дромм были посланы радиограммы с подобным предложением, — отрезал Рекер. — Насколько мне известно, Дромм обладает не меньшим промышленным потенциалом, чем Земля, и находится немногим дальше от Альтаира. Видимо, дроммиане не очень-то рвутся искать выход из трудных ситуаций, возникших, с их точки зрения, по чужой вине, даже если речь идет о спасении жизней.

Никто из землян не мог определить, как Аминадабарли реагировал на это. А Рич не дал ему времени, чтобы сказать хоть одно слово.

— Вы забываетесь, доктор Рекер, — резко сказал он. — Если советник Аминадабарли согласится пойти со мной, я готов обсудить с ним все рациональное, что, возможно, содержится в ваших словах, а также весьма ценную идею, которую он сам здесь подал. Если вы способны добавить какие-

либо соображения, сообщите их мне в корректной форме. Прошу вас, сэр.

Дипломаты покинули радиорубку. Дежурный по связи смущенно взглянул на Рекера.

— С дроммианами так нельзя разговаривать, — заметил он наконец.

— Знаю, — ответил Рекер. — Рич меня предупредил. Мне очень не хотелось этого, но необходимо было как-то отвлечь его внимание от дочки. Возможно, я немного поспешил... Но так или иначе, Рич какое-то время будет занят, дроммианин тоже, а мы займемся тем, чтобы вызволить ребят из беды. Теперь уж я никогда не стану совать свой нос в космическую дипломатию.

— По правде говоря, вы меня успокоили. А что вы скажете насчет этого предложения — строить новый «скаф»?

— Я не инженер, — резко заговорил Рекер, — но отлично представляю, сколько времени уйдет на это, нам не поможет даже опыт постройки первого батискафа. Я как биолог утверждаю, что никто из ребят не доживет до спуска второго. Если Рич и дроммианин хотят попробовать — пускай, не надо их отговаривать. Новый «скаф» пригодится. Да, может быть, я и ошибаюсь в оценке сроков. Но я уверен, что спасательную операцию придется вести по уже разработанному плану.

— А ведь дроммианин был прав насчет ремонта проводки?..

— Вы имеете в виду наше намерение поручить ремонт группе Ника? Да. Правда, это не настолько абсурдно, как изображает Аминадабарли. Я ведь уже шестнадцать лет воспитываю их. Учатся они очень быстро, и их можно считать такими же разумными существами, как и нас, людей. Уж, конечно, они смогут соединить несколько проводов.

На лице дежурного отразилось сомнение.

— Если только соединят те провода, которые нужно, — пробормотал он.

— А чем будут изолировать сростки?

— Они варят клей из чешуи животных. Я научил их. Надо еще проверить, является ли он изолятором, но это меня не особенно волнует.

— Хотя вы и полагаете, что жидкость в их организме содержит серную кислоту?

— Я же сказал: это меня не особенно волнует, — подчеркнул Рекер. — Главная задача сейчас — связать их между собой. Вы уверены, что не можете поточнее определить местоположение робота и «скафа»?

— Совершенно уверен. Они работают на разных волнах, к тому же я не имею возможности определить коэффициент рассеяния волн атмосферой в этой части спектра. Я уж не говорю о точном измерении толщины атмосферы или уменьшении погрешности, вообще присущих радиолокации. Пятьдесят шансов из ста за то, что они находятся сейчас на расстоянии сорока миль друг от друга, но девять из десяти — за то, что это расстояние не превышает ста миль. Точнее я сказать не могу, поскольку ни робот, ни станция «скафа» не дают мне частот, необходимых для более точного определения.

— Ну, что ж. Придется мне расспросить Изи и сопоставить ее данные с картами Ника. Хорошо еще, что Ник сумеет заметить свет прожекторов «скафа» за несколько миль.

Дежурный понимающе кивнул. Оба погрузились в молчание, созерцая включенный экран. Но он был пуст; если Изи и не спала, выполняя свое обещание, то в рубке ее не было. Иногда до них доносились негромкий глухой стук и скрежетание. Вероятно, судно все еще несло течением, но ориентиров, заслуживающих внимания, девочка пока не заметила.

Рекера, наконец, сморило, и он уснул, сидя в кресле. Дежурный не спал, но принял одно-единственное сообщение: Изи отправилась отдыхать, а на вахту заступил Аминадорнелдо. Его дежурство тоже, видно, шло без тревог. Репродуктор молчал.

Час за часом батискаф без помех плыл вперед. Иногда он останавливался то на мгновение, то на несколько минут. Но всякий раз течение снова сдвигало его с места. Изи проснулась и занялась завтраком. Потом приготовила обед, довольно невкусный, — так, во всяком случае, она сказала. Аминадорнелдо отозвался об этом обеде учтиво и свалил все недостатки на синтезаторы. Что хорошего можно приготовить из аминокислот, жиров и декстрозы? Тут даже витамины в порошке не улучшат вкуса.

Долгая ночь Тенебры все продолжалась. Рекер снова отдежурил смену в пункте управления роботом и помог Нику и Феджину добраться до места, которое, как он полагал, было близко к тому, где разбили стоянку остальные члены их группы. Даже одна ночь на планете, которая без малого за сто часов оборачивается вокруг оси, может изрядно надоесть. Впрочем, иногда и ночью бывает не скучно, подумал Рекер, без особого удовольствия вспомнив те часы, когда Быстрый совершил свой набег.

После восхода Альтаира обстановка начала проясняться. Ник узнал местность, по которой они шли, и заверил, что они встретятся с друзьями часа через два. Пришел сменщик, и Рекер ввел его в курс дела. Наконец из радиорубки поступило сообщение, что батискаф, кажется, остановился.

— Спросите, пожалуйста, лейтенанта Велленбаха, не сможет ли он обеспечить телевизионную связь между радиорубкой и нашим пунктом, — сказал Рекер инженеру, который принес известие от Изи. — Похоже, что скоро мне придется вести одновременные переговоры с батискафом и моими учениками.

— Не сомневаюсь, сэр, — ответил инженер. — Никаких затруднений это не вызовет.

— Хорошо. А теперь я пройду в радиорубку послушать, что скажет Изи. Сюда вернусь, когда связь будет налажена.

— Вам же надо поспать, доктор! — воскликнул его сменщик.

— Надо, но пока я не могу еще позволить себе это. Вы посидите со мной, когда я вернусь, и дергайте меня за рукав, если я начну нести околесицу.

Рекер знал, что поступает вопреки здравому смыслу, но не мог заставить себя уйти сейчас, когда события начали развертываться. И он поспешил в радиорубку.

Рич и Аминадабарли были уже там. Дипломат-землянин, видимо, успокоил своего коллегу хотя бы на время, поскольку появление Рекера не вызвало взрыва. Когда биолог вошел в радиорубку, Изи что-то передавала. Рекер прислушался.

— ...минут с тех пор, как мы опять сдвинулись с места. Снаружи так же темно, как и раньше, но качка не так сильна, наверно, течение стало слабее. Если я правильно следила за временем, солнце уже взошло, так что вода, надо думать, испаряется.

Девочка умолкла, и тогда Рекер заговорил:

— Как я понимаю, Изи, ни ты, ни Мина не видели во время дрейфа никаких существ, живущих в воде?

— Только растения. Или что-то похожее на растения.

— А теперь как?

— Так же.

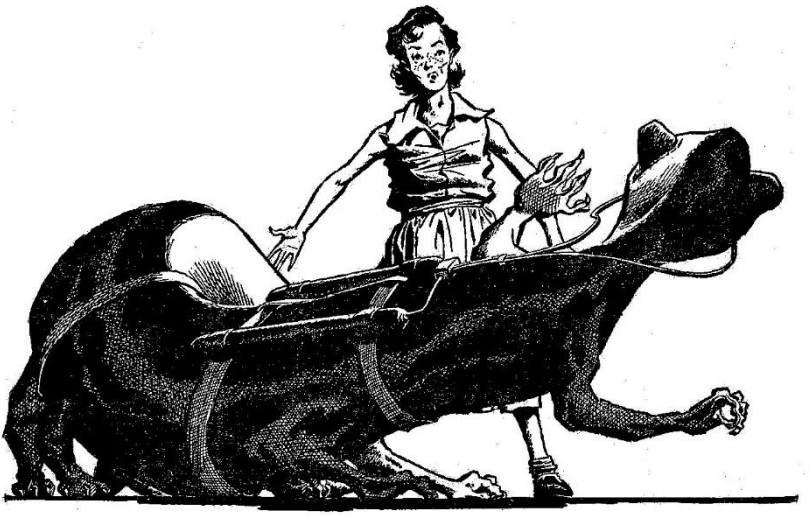
— Значит, вы, верно, еще не достигли океана. Ник утверждает, что там есть животные. Хотя их, конечно, могли распугать ваши прожекторы... Выключи их, пожалуйста, минут на пять примерно, а потом включи разом, чтобы осветить всех, кто мог подплыть к вам за это время.

— Хорошо, но только я хочу оставить освещение в рубке управления. Здесь нет иллюминаторов, так что свет не будет виден снаружи. Я боюсь выключать свет, потом в темноте я могу задеть не тот выключатель, когда надо будет снова зажигать.

— Ты права. А я и не подумал об этом.

— За последние три недели я о многом передумала.

На миг маска беспечности, надетая ради младшего товарища, чуть сдвинулась, и перед ними предстала несчастная,



испуганная двенадцатилетняя девочка, которая вот-вот потеряет самообладание. Рич закусил губу и сжал кулаки. Остальные земляне старались не встречаться с ним взглядами. Аминадабарли внешне оставался совершенно бесстрастным. Затем маска была водворена на место, и к дроммианскому малышу обратилась веселая девчурка, какой они ее все хорошо знали до аварии.

— Мина, пойди, пожалуйста, к иллюминатору в большой лаборатории. Крикни мне оттуда, и я выключу прожекторы.

— Хорошо, Изи.

Длинное тело пересекло экран. Потом из другого помещения раздался писклявый голос, и пальцы девочки легли на выключатели.

— Теперь снаружи темно, Мина?

— Да, Изи. Я ничего не вижу.

— Хорошо. Скажи мне, если что заметишь. Некоторое время будет темно. Доктор Рекер, отец Мины с вами?

— Да, я здесь, мисс Рич, — ответил сам Аминадабарли.

— Скажите, пожалуйста, мне и доктору Рекеру, сколько времени требуется вашим глазам, чтобы привыкнуть к темноте.

Рекер не переставал удивляться тому поразительному результату, к которому может привести воспитание. Судьба подарила Ричу чудесного ребенка. Он знавал студентов на добрый десяток лет старше Изи, которые по интеллекту отставали от нее. Важные мысли и соображения приходили ей в голову раньше, чем Рекеру, а ведь беда случилась не с ним...

Он вернулся к действительности, когда услышал свое имя.

— Доктор Рекер, Мина ничего не разглядел. Возможно, впрочем, что за пять минут ваши морские животные еще не опомнились от страха.

— Может быть, — согласился Рекер. — Не исключено, что их вообще не очень-то интересует батискаф. Будем все же исходить из предположения, что вы еще не достигли моря. Когда наступит утро и дождь испарится, интересно будет увидеть, находитесь ли вы в озере или торчите где-нибудь на суше. В любом случае нам понадобится возможно более подробное описание окружающей местности.

— Знаю. Мы уж постараемся.

— Мы тут готовим одно приспособление. Оно позволит вам напрямую разговаривать с Ником, и ты сможешь непосредственно давать ему указания; тебе не придется больше полагаться на мой пересказ твоих сообщений. Устройство скоро заработает.

— Отлично! Знаете, с той самой минуты, как я увидела вас в пункте управления роботом, мне захотелось самой поговорить с Ником. А как я буду говорить с ним, когда — он найдет нас? На «скафе» есть наружные микрофоны и репродукторы?

— О, да, мистер Сакииро объяснит тебе, как их включить. А через меня вы будете говорить, пока он еще не нашел вас.

— Хорошо. Мы вас вызовем снова, когда вода окончательно спадет. Мина голоден, и я тоже.

Рекер откинулся в кресло и подремал несколько минут. Потом тоже почувствовал голод и поел. Вот тут-то ему и

захотелось спать по-настоящему. Но по переговорному устройству сообщили, что робот установил телекамеру в пункте управления, и он поспешил туда. Прошло много часов, прежде чем он отправился спать.

Ник и Феджин только что нашли своих соратников на новой лагерной стоянке, и Ник рассказывал им о своих приключениях. Рекер слушал его напряженно — следовало учитывать, что Ник многое воспринимал иначе, чем земляне.

На этот раз в рассказе Ника для него не было ничего нового, но Рекеру все равно надо было знать, что сделали товарищи Ника. Как Ник и наметил, они много занимались топографической съемкой, и доклады их отняли несколько часов. Обычно карты показывали роботу, и их фотографировали на борту корабля. Затем каждый составитель по своей карте давал подробные пояснения. Приморская местность, где развертывались сейчас события, была достаточно своеобразна даже для Тенебры, поскольку почти полностью затоплялась каждую ночь. Поэтому много времени ушло на приведение ранее составленных карт в соответствие с последними наблюдениями.

Чересчур много времени...

Увлечение топографией могло дорого обойтись ученикам Рекера и если не сорвать поиски батискафа, то надолго затормозить их. Но по счастливой случайности все обошлось благополучно.

Пока все были заняты картами, Бетси, скользнув взглядом по окрестным холмам, заметила фигуру, мелькнувшую среди кустов. Она быстро сообразила, что это может быть только один из воинов Быстрого — все ее друзья были рядом. Незаметно для других она шепнула об этом Нику. Опасность была велика: ведь это означало, что воины Быстрого сумели перебраться через реку шириной в целую милю и вот-вот нагрянут сюда. Сметливость и решительность Ника порадовали бы Рекера, но в тот момент он ничего не заметил: чтобы не спугнуть разведчика, Ник решил действовать самостоятельно, без помощи Учителя. Воин Быстрого был

схвачен живым. Правда, прежде чем сложить оружие, он потребовал, чтоб Феджин гарантировал ему безопасность — не так уж глупы оказались эти пещерные дикари! Рекер устами робота сумел убедить воина в том, что здесь он в безопасности, и тут у него родилась новая идея. Он решил привлечь к поискам батискафа все племя Быстрого.

Монолог Рекера был долгий и трудный для обеих сторон. Ведь ученики его тоже еще ничего не знали о батискафе. Не так просто оказалось объяснить и относительно цивилизованным спутникам Феджина и тем более лазутчику Быстрого, что за штука космический корабль. Единственной ближайшей аналогией могла послужить убогая тележка, которую смастерили ученики робота. Нужно было все облечь в такие слова, которые Ник смог бы и понять, и перевести на примитивный язык тенебрийцев.

— У вас где-то неподалеку находится «тележка» с моими собратьями. Она прилетела сверху и не может улететь назад. У нее кое-что поломалось — ведь и у вас иногда что-нибудь ломается, например, наконечник копья. Надо разыскать ее и починить. Что и как — я расскажу потом.

Рекер-Феджин сумел убедить воина пещерного племени, что в награду за такую помощь он обучит племя многим полезным делам, в том числе и добыванию огня, а потом будут прилетать новые «тележки» и привозить тенебрийцам всякие полезные вещи.

За этим необычным диалогом следили и дети в батискафе, и оба дипломата.

Не обошлось без очередной вспышки ярости со стороны Аминадабарли. Но вмешательство Изи спасло положение.

— Пожалуйста, не сердитесь на доктора Рекера, хорошо? Мы с Миной видим, что он все делает, чтобы нам помочь. А если воины Быстрого найдут нас, они не сумеют причинить нам никакого вреда...

Длинная очередь пронзительных звуков, вырвавшаяся из уст «малыша» Мины, очевидно, подкрепила увещевания Изи, потому что старший дроммианин заметно поостыл.

Рекер смог приступить к подробному инструктажу «команды» робота. Он направил три поисковые группы, указав им направления и примерные районы разведки. Ник и Бетси вместе с роботом оставались в лагере и охраняли стадо.

Шел двадцать седьмой день по земному счету (и всего седьмые сутки по тенебрийскому времени), с тех пор как началась трагическая история с батискафом.

Родители не отходили от камеры, подбадривая своих детей, а те были настроены по-деловому. Они почти не отрывались от иллюминаторов, осматривая местность вокруг, и то и дело просили разрешения включить прожекторы, чтобы облегчить поиск.

Рекер долго не соглашался. Ему все же не хотелось, чтобы Быстрый нашел «скаф» раньше Ника. Но, отправив поисковые группы «своих» тенебрийцев, он почему-то уверился, что они быстрее разыщут судно, и позволил Изи включить свет. Хотя до ночи было еще далеко, прожекторы в той сумеречной мгле, которая называлась на Тенебре днем, могла служить отличным маяком.

Теперь предстояли долгие часы ожидания. Три пары разбрелись в разных направлениях, и связи с ними не было.

Как стало известно потом, одна из пар, Джон и Нэнси, вскоре обнаружили источник неясного света и к концу дня подошли к нему, но это оказался кратер действующего вулкана. Они было хотели заночевать вблизи него, но, когда совсем рядом с ним огромная глыба скалы отвалилась и рухнула в огненную бездну, благоразумно решили ретироваться.

На обратном пути впереди снова забрезжил свет. На сей раз это был обыкновенный костер. Минуту спустя их окликнули знакомые голоса Оливера и Дороти. Они тоже заметили издалека свечение вулкана, но ночь застала их в пути. А на соседний холм они убежали, увидев факел Джона и решив, что это пещерные жители. Две пары разведчиков устроились на ночлег возле костра, так и не выполнив своей основной задачи...

А на корабле продолжалась неусыпная вахта у каналов связи с роботом и с батискафом. Не сводя глаз с экранов, но выключив свои микрофоны, земляне говорили о том единственном, что волновало весь экипаж — о детях в батискафе и их судьбе. Рекера тревожила близившаяся ночь — ведь судно опять либо затопит, либо унесет куда-нибудь, и снова надо будет выспрашивать Изи, цепляться за сомнительные ориентиры и посылать разведку в новых направлениях. И всех страшило, что невероятной выдержки и самообладания маленькой Изи может не хватить...

Их невеселую беседу прервал пронзительный вопль в репродукторе связи с батискафом:

— Изи! Иди сюда скорей! Тут что-то шевелится!

— Сейчас, Мина. Иду! — Экран пересекла фигурка Изи. — Наверно, это какое-нибудь животное, вроде тех, какие держит Ник в своем стаде.

После паузы издалека снова послышался голос девочки.

— Ничего не вижу. Одни кусты.

— Он только что был тут. Совсем такой же, как Ник. Во-о-н у того куста стоял, — пропищал Аминадорнелдо.

— Ну, что ж, подождем. Он еще вернется.

Рич покосился на Рекера и сокрушенно покачал головой.

— Этого я и боялся. Они теперь сон и покой потеряют. Им каждый куст будет...

Его прервал внезапный крик, такой пронзительный, что они не сразу сообразили, кто это кричит.

5

— Папа! Доктор Рекер! Мина прав — это Ник!

В голосе Изи звучали почти истерические нотки. Мужчины тревожно переглянулись. Рич жестом попросил Рекера ответить. Рекер кивнул и включил микрофон.

— Ты уверена, что это действительно Ник, Изи? — спросил он как можно более непринужденным тоном. — Видишь ли, Ник должен был оставаться в лагере. Вас ищут шестеро других, они пошли попарно. Ты видишь двоих?

— Нет, — ответила Изи, теперь уже гораздо спокойнее.

Отец ее откинулся на спинку кресла, и на лице его было написано облегчение.

— Нет, там был только один. Я видела его какую-нибудь секунду. Погодите, вот он опять. Я все еще вижу только одного из них — вернее, его голову и плечи, если их можно так назвать. Он прячется в кустах. Вот он подходит ближе. Он должен видеть «скаф», хотя я не понимаю, куда и чем он смотрит. Я не уверена, что он ростом с Ника, но фигура такая же. Не пойму, как вы их отличаете друг от друга...

— Скажите мне, у него за спиной или в руках есть что-нибудь?

— Да. Справа у него что-то вроде рюкзака, перекинутого через... через... ну, через то место, что мы называем бедром. Спереди на рюкзаке висит нож, впрочем, может быть, есть и второй на перевязи с другой стороны. У него четыре копья

— точно такие же, как у Ника и его друзей; чем больше я гляжу на него, тем больше мне кажется, что это сам Ник.

— А топор у него есть? — спросил Рекер.

— Если и есть, то где-нибудь сзади и левее, и нам его не видно.

— Д-да... Вот теперь тебе придется доказать, что ты сумеешь договориться и с воинами Быстрого. Мои ученики носят только два копья, а те, кто пошли вас искать, взяли с собой одни топоры. Ну что ж, нам придется немного изменить план; мы надеялись, что наши ребята найдут вас первыми. Случай решил по-другому; очевидно, на вас наткнулся один из охотников Быстрого.

— Ваши разведчики вернутся в лагерь, верно, еще нескоро? — спросила Изи, подумав немного.

— Боюсь, что так. Не раньше, чем через неделю. Но Быстрый даст свой ответ Нику, конечно, раньше.

— Если бы только время не так тянулось в этом дурацком мире, где один день длиннее четырех. Мне кажется, вы немного изучили язык Быстрого, пока робот был в пещерном селении?

— Да. Не особенно хорошо, правда. Людям очень трудно произносить звуки их языка. Мы много записали на пленку. Звуки мы тебе передадим, если ты думаешь, что это пригодится, а некоторые слова я тебе переведу. Во всяком случае, это поможет скоротать время.

На экране появилось улыбающееся лицо Изи.

— Даже очень поможет. Правда, папа?

Теперь даже Рич улыбнулся.

— Так, так, доченька. Вы знаете, Рекер, она способна выучить любой язык.

— Да ну? Но она говорила только по-английски даже со своим молодым другом.

— А какой человек способен выговорить хоть одно словечко по-дроммиански? Но понимает его она, во всяком случае, не хуже меня.

— Ну, тогда я не поручусь, что она выговорит хоть одно тенебрийское слово.

— Возможно. Но давайте-ка лучше займемся главным. Что делает сейчас туземец, дочка?

— Он ходит вокруг «скафа» на расстоянии тридцати-сорока ярдов, должно быть, разглядывает его. Если и заметил нас через иллюминаторы, то виду не подает. Пока он один. Вы, наверное, правы, доктор Рекер.

— Да, я не сомневаюсь, что это воин Быстрого, — ответил Рекер. — Если он затеет что-нибудь, сразу скажи нам.

— Ну так вот! Он уходит в ту сторону, откуда пришел. Топора у него точно нет. Сейчас его уже почти не видно, наши прожекторы туда не достают. Ушел совсем.

Рекер посмотрел на стенные часы и быстро прикинул что-то в уме.

— До начала дождя осталось четыре часа. Скажи, Изи, у него был зажженный факел или вообще какой-нибудь огонь?

— Нет. Может, он потом зажжет.

— Племя Быстрого пока еще не умеет это делать. Наши воспитанники добывают огонь трением. Если тот, кого ты видела, не имел с собой огня, то до Быстрого ему всего три-четыре часа ходьбы. Быстрый сейчас либо у своих пещер, либо где-то на пути к тому месту, где Ник и робот вчера переправились через реку. Возможно, они даже ближе к тебе, чем я думаю. Будь начеку и сразу дай нам знать, как только они появятся. Тогда мы сможем определись расстояние точнее.

— Поняла. Будем высматривать их, — ответила Изи. — А пока мы ждем, почему бы не послушать ленты с их записями? Чем скорее мы начнем учить их язык, тем больше будет от него пользы.

С наступлением ночи возникло новое осложнение, которого следовало ожидать. Русло реки снова наполнилось водой. Батискаф подхватило и понесло. Определить скорость, с которой они плыли, дети не могли, хотя внимательно

следили за растениями и другими предметами, удаляющимися от них в свете прожекторов. Во всяком случае, скорость была непостоянной. Оценки были весьма приблизительные: «иногда двигаемся как будто быстрым шагом, иногда ползем, иногда стоим на месте». Хуже всего, что дети даже не заметили, когда именно батискаф сдвинулся с места. Они вдруг почувствовали сильный толчок и, подбежав к иллюминаторам, увидели, что местность вокруг была уже незнакомой. С начала дрейфа могла пройти минута, и полчаса.

Это новое событие явно обрадовало Рекера, хотя девочка сначала чуть не разревелась.

— Успокойся, Изи, — сказал Рекер. — Мы получили лишний шанс, что наши доберутся до вас раньше, чем пещерные жители. Ведь им придется искать вас заново. А мы сумеем точнее определить положение батискафа.

— Как же это? — спросила Изи дрожащим голосом. — Вы не знали, где мы, когда батискаф сдвинулся с места, мы не знаем, куда нас несет и с какой скоростью, не знаем даже, когда все это началось. Значит, мы знаем меньше, чем ничего, если так можно сказать. А прошлой ночью все-таки кое-что было известно.

— Мы не знаем, — согласился Рекер, — но зато нам легче догадаться. Мы уверены, насколько это вообще возможно без карт всего района, что вся эта местность находится в бассейне океана, открытого товарищами Ника. Значит, течение несет вас именно в океан и в конце концов вы окажетесь там — не нынешней ночью, так на следующую или на третью. Стало быть, Нику останется только искать вас вдоль берега, либо на суше, либо где-то близко к берегу на море по вашим огням. Не думаю, чтобы вас отнесло далеко в море: течение реки быстро слабеет, а не забывайте, что настоящего ветра на Тенебре ведь не бывает.

Изи заметно приободрилась.

— А если нас вынесет в море, что смогут сделать Ник и другие? — вдруг спросила она. — До нас не доберется ни он,

ни Быстрый, а ветров тут не бывает, хоть я и не понимаю, почему...

— Ну, это тебе трудно пока объяснить. Вот будешь в школе изучать физику, тогда легко поймешь... а впрочем... — и Рекер принялся долго и невнятно объяснять особенности поведения газов под высоким давлением.

— Спасибо. Я постараюсь вспомнить про это, когда вернусь в школу, — терпеливо выслушав его, сказала Изи. — Но вы не ответили, как все-таки доберется к нам Ник, если мы окажемся в море. Простите, если я помешала вам заговорить мне зубы.

Впервые за несколько недель Рекер громко расхохотался.

— Молодец, девочка. Нет, я не пытался заговаривать тебе зубы. Просто ты задала мне тот же вопрос, что и все гости, побывавшие здесь за шестнадцать лет. Ты, как говорится, нажала на красную кнопку. Ну, а насчет твоего вопроса, так ты уж предоставь это мне. Утром я поговорю об этом с Ником — сейчас он все равно ничего не может сделать...

— Хорошо, — сказала Изи. — Если вы так спокойны, не стану тревожиться и я. Но как я догадаюсь, что мы уже в море?

— Чуть только часть воды утром испарится, вы всплывете на поверхность, как тогда, в озере. Может случиться даже, что вы оторветесь от дна ночью, когда река вольется в море. Следи за донным ландшафтом и сообщи нам, если вы начнете всплывать.

— Хорошо. Это будет легко.

Но когда «скаф» остановился, они все еще были на дне. К этому времени люди на обоих концах линии связи успели поспать, но до наступления дня на планете оставалось еще несколько часов. Течение почему-то замедлилось, и тяжелое судно застряло. Рекер предположил было, что оно уже вышло в океан, но проверить это можно было только днем. А пока дети занялись тенебрийским языком; делать больше было нечего.

И тут батискаф начал всплывать. Движение это было таким медленным и постепенным, что прошла минута или две, прежде чем ребята поняли, что происходит. С наступлением дня Рекера покинули сомнения — теперь он почти точно знал, где находится батискаф. Накануне река высохла гораздо быстрее. Он попросил Изи слушать повнимательнее и вызвал Ника.

Рекер послал к нему робота. Когда они вернулись, Ник спросил, что случилось.

— Сейчас расскажу, — ответил Феджин. — Сходи-ка к тележке, возьми ведро, потом подойди ко мне. Я буду вон у того озерка.

— Сейчас.

Ник мигом взбежал на холм. Манипуляторы робота Рекер пускал в дело только в крайнем случае.

Озерко, о котором говорил Рекер, заполняло круглую впадину, а в эти часы оно занимало лишь небольшую часть впадины. Рекер давно знал, что жидкость эта — олеум, то есть серная кислота со значительными примесями ионов металлов и атмосферных газов.

— Эта штука не течет, Ник? Она удержит жидкость?

В ответ Ник погрузил ведро из звериной шкуры в озерко, дополна зачерпнул и, вытащив, подождал, пока посудина обсохнет снаружи.

— Думаю, что все в порядке, оно не течет, — сказал, наконец, Ник. — Но почему это так важно? Нам ведь не нужно носить жидкость далеко, озерки есть повсюду.

— А я и не хочу тащить ее в ведре. Ник. Опорожни его.

Ученик повиновался.

— А теперь опусти ведро в озерко боком и отпусти... нет, наполнять его не нужно.

Ведро наклонилось, и в него влилось три-четыре галлона олеума. Теперь его борта поравнялись с поверхностью озерка; в таком положении ведро и осталось. Ник очень удивился: он считал, что оно быстро пойдет ко дну.

Вскоре Ник начал понимать сущность закона Архимеда.

— Теперь проверь, сколько груза оно выдержит, прежде чем затонуть, — сказал Рекер.

Ник не спросил даже, что означает новый глагол «затонуть»; он немедленно, без возражений, все исполнил. К его нескрываемому удивлению, ведро не затонуло даже после того, как он доверху завалил его ломкими ветками растений. Рекер на этом не остановился и продолжал показательный урок. По его приказанию Ник взбаламутил ногами поверхность озерка. Поднятые им волны захлестнули ведро, и оно почти тотчас же затонуло.

— Как ты думаешь, можно построить какую-нибудь посудину наподобие этого ведра, которая выдержит несколько человек? — спросил Рекер.

Ник ответил неуверенно.

— Готов сказать «да». А зачем нам такая штука?

Рекер рассказал о сообщениях Изи, о появлении разведчика пещерных жителей и поделился своим предположением, что батискаф достиг моря. Остальное Ник понял сам. И сразу же намного опередил Учителя — такой уж у него бы характер.

— Понимаю! — воскликнул он. — Корабль в океане, где никто его не достанет! А вы показали нам, как можно путешествовать по океану. Вы хотите, чтобы мы сделали большое ведро, добрались до того корабля и перетянули его на другой берег, где Быстрый не сможет досаждать нам. Отлично! Мы начнем делать ведро, как только вернутся остальные!

— Погоди минутку, Ник. Пересекать океаны, даже такие небольшие, как тенебрийский, не так-то просто. Кроме того, надо подумать и о другом. Что если вы окажетесь в этом... этом ведре ночью?

Ник призадумался.

— Когда уровень океана поднимается, — продолжал Рекер, — плотность его падает, и я опасаюсь, что еще в начале ночи ваше ведро затонет, и вы вместе с ним...

— Да, — задумчиво согласился Ник и опять замолчал, но потом снова преисполнился энтузиазма. — Погодите минутку. Ведро тонет, потому что в него попадает жидкость, и оно становится тяжелее, чем вытесняемый им объем... Верно я говорю?

— Верно.

— А что, если вместо ведра у нас будет мешок, наполненный воздухом? Завяжем его поплотнее, и море не проникнет внутрь, сколько бы ни поднималось.

— Все это верно, если твой мешок не пропустит ни капельки. Было бы здорово сделать судно из многих мешков, связанных вместе. Тогда даже если некоторые из них дадут течь, вы все же останетесь на плаву.

— Ясно.

— Так и порешили!

— А Быстрый?

— Я займусь им сам. Мы ведь ему предложили соглашение.

Ник задумался.

— Ну да! А вдруг он не захочет? Если у корабля вчера был его разведчик, может, он решил сам, без нас искать.

— Я все еще думаю, что это чистая случайность. Если же окажется, что ты прав, мы займемся этим, когда надо будет. Изи говорит, что охотно померяется силами с Быстрым. Правильно я говорю, Изи?

— Конечно.

— Тебе что — нравится Быстрый? — удивленно спросил Ник. — А я не могу забыть, что он убил двух моих друзей.

— Я никогда его не видела, — сказала Изи. — Конечно, он поступил плохо, напав на ваше селение, но... наверно, он просто не мог придумать лучшего способа получить то, что ему было нужно. Будь ты половчее, Ник, тебе удалось бы заставить Быстрого делать то, что тебе надо, и убедить его, будто он придумал это сам.

— Никогда в жизни о таком не слыхивал! — воскликнул Ник.

— Что ж, тогда послушай внимательно мои разговоры с Быстрым, если он снова найдет нас, — ответила девочка тоном, который поразил даже ее отца своей уверенностью. — Кое-чему научишься.

Изи продолжала поучать таинствам дипломатии изумленного, но сомневающегося Ника. Рекера немало позабавил этот диалог, но через несколько минут он тактично перебил Изи, попросив ее рассказать Нику что-нибудь о строительстве лодок и плотов. Об этом молодой тенебриец знал еще меньше, чем о дипломатии, а нуждался в таких поучениях гораздо больше. Изи охотно сменила тему, — ее же не заставляли молчать!

Однако скоро Мина, добросовестно несший обязанности наблюдателя, позвал ее — они как будто всплыли на поверхность моря. Изи прервала разговор и убежала. Через мгновение она крикнула, что ее приятель, кажется, прав.

— Мы болтаемся дальше от берега, чем вы предполагали, доктор Рекер, — сообщила она. — Берег едва виден, наш самый мощный прожектор только-только достает до него. Разглядеть ничего нельзя. Может, это какой-нибудь мыс или островки.

— А Мина тоже не видит?

— Говорит, что нет, — ответила Изи после короткой паузы. — Кстати, у него зрение вообще хуже, чем у меня.

— Так... Вероятно, ты не сможешь определить, двигаетесь вы или стоите на месте.

— Океан абсолютно спокоен, никаких волн нет. Как тут скажешь, двигаемся мы или стоим. Единственное, что нам видно, это здоровенные медузы, которые плавают в воздухе. Они медленно движутся в разных направлениях, но большинство как будто к берегу.

— Ну, хорошо, — сказал Рекер. — Следи за океаном, чтобы ничего не упустить, и просвещай Ника, пока он готов тебя слушать. Вдвоем с Бетси они сделают все, что можно, но до возвращения остальных мало что успеют. А те вернутся,

вероятно, только завтра к вечеру по тенебрийскому времени, то есть через пять-шесть суток по-нашему.

— Ладно, доктор, вы о нас не беспокойтесь. Эти летучие медузы очень занятные.

Рекер выключил микрофон и в задумчивости откинулся на спинку кресла. Пожалуй, он удовлетворен. Кажется, все идет нормально. Может, медленнее, чем хотелось бы... но на большее трудно было бы надеяться. Настроение это, видимо, отразилось на лице Рекера, потому что мысли его были угаданы совершенно точно.

— Вы, я вижу, довольны собой, землянин?

Не стоило поднимать глаза, чтобы узнать говорящего. Рекер попытался, впрочем, безуспешно, изменить выражение лица.

— Н-ну... не совсем так, советник...

— Почему не совсем? — так же резко спросил Аминадабарли. — Как вы вообще способны испытывать сейчас удовлетворение хотя бы в малейшей степени? Разве вы хоть чего-нибудь достигли?

— Думаю, что да, — не без удивления ответил Рекер. — Мы довольно точно знаем теперь, где находится ваш мальчик, а через неделю или десять дней туда доберется наша спасательная группа.

— Через неделю или десять дней? А затем вам придется присвоить ученые степени по электротехнике всей толпе дикарей и возносить мольбы о том, чтобы коррозия окончательно не разъела всю проводку на этой вашей нелепой посудине! Сколько времени, по вашему мнению, займут сами спасательные работы?

— Мне не хотелось бы гадать, — ответил Рекер насколько мог мягче. — Как вы совершенно справедливо заметили, мы не знаем, какой ущерб нанесен проводке из-за того, что смотровые люки остались открытыми. Понимаю, ждать тяжело, но ведь они уже целый месяц там, и с ними не случилось ничего плохого...

— Где же предел глупости человека? — воскликнул дроммианин, апеллируя ко всей Вселенной. — Вы только что говорили с планетой и слышали не хуже меня слова девочки с Земли о том, что мой сын видит не так хорошо, как она.

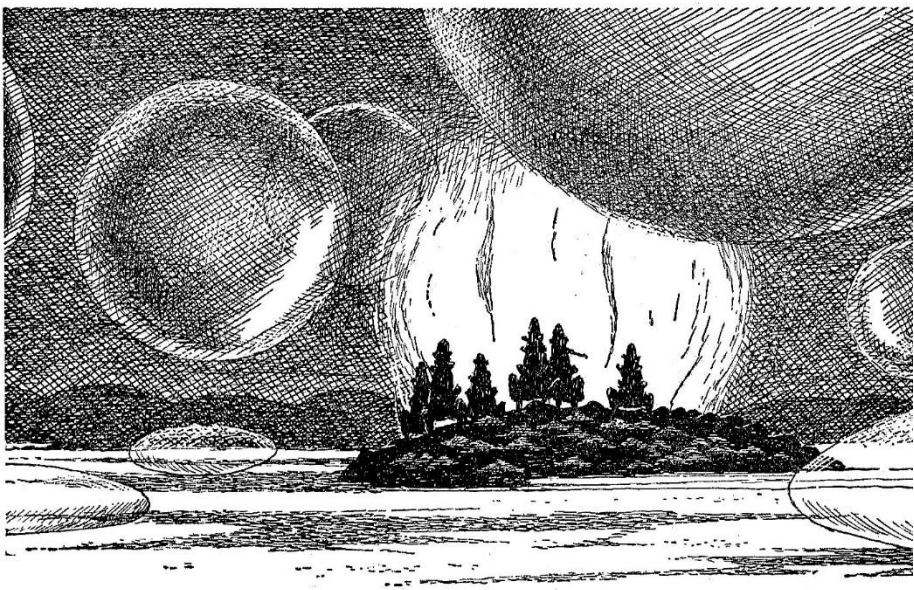
— Я действительно слышал, но, боюсь, не вполне оценил значение этих слов, — признался Рекер.

— У дроммиан зрение такое же острое, как у людей, а может, и получше. И мой сын всегда был нормальным ребенком для своего возраста. Если он видит хуже вашей девочки, значит, с ним что-то неладное. Я лично предполагаю, что причина этого — низкое содержание кислорода. И уж, конечно, ваши инженеры не предусмотрели возможности изменить состав воздушной среды на корабле.

— Боюсь, что нет, — сокрушенно сказал Рекер. — Ведь судно рассчитано на людей. Признаюсь, советник, я недооценил серьезности положения. Постараюсь ускорить операцию. Вероятно, я смогу получить от инженеров схемы проводки и скажу Нику, что надо делать немедленно, не ожидая остальных. Да, кстати, удалось ли вам получить медицинскую консультацию с Дромма? Насколько мне известно, с Земли несколько часов назад прибыл врач, который занимается сейчас улучшением рациона питания на батискафе.

— Наша Эта Кассиопеи на полпарсека дальше отсюда, чем ваше Солнце, поэтому мне не удалось получить ответ так быстро, — нехотя признался дроммианин. — Впрочем, он должен скоро поступить.

Рекер понял, что сделал ловкий ход, вынудив у дроммианина признание. К сожалению, у людей вынужденное признание ошибки не способствует хорошему настроению; дроммиане в этом отношении ничем не отличались от землян. Поэтому, пусть на время, Аминадабарли пришлось распрощаться со своим высокомерным тоном. Он немедленно удалился в свою каюту, где «бестолковые» инженеры-земляне по крайней мере ему обеспечили должный состав воздуха, и погрузился в мрачные раздумья.



Как только появился сменщик, Рекер отправился к инженерам. Сакииро и его коллеги согласились с предложением Рекера. Они тут же извлекли чертежи, чтобы решить, какие указания и каким образом передать Нику.

На это ушло несколько часов. Затем Рекер перекусил и отправился в каюту немного поспать.

Когда он снова появился в наблюдательном пункте, сменщик обрадованно поднялся ему навстречу.

— Изи хочет что-то сообщить, — сказал он, — но только вам лично.

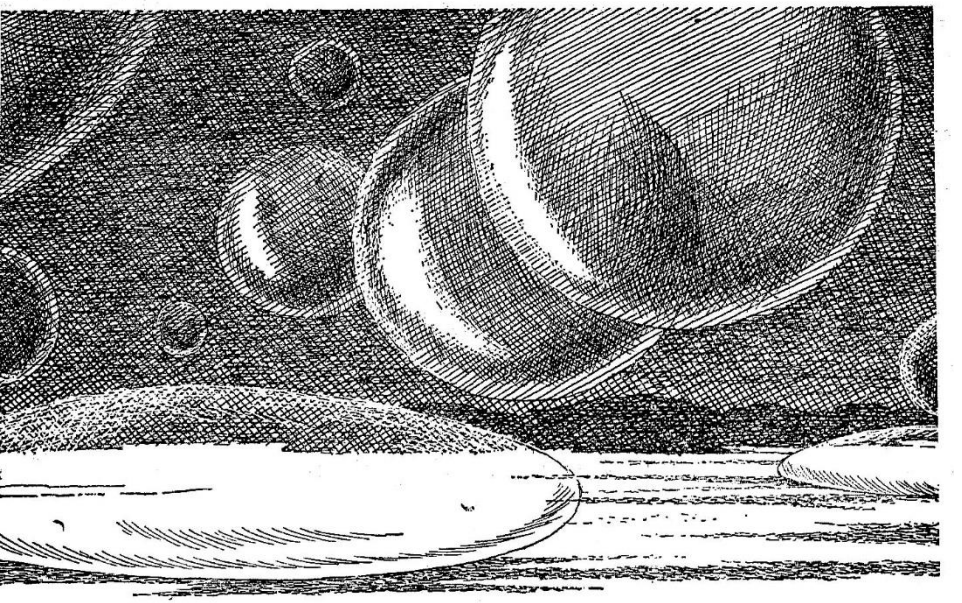
Рекер включил микрофон.

— Я здесь, Изи, — сказал он. — Что случилось?

— Я решила, что лучше сказать вам... Вы говорили, что мы не будем двигаться, — немедленно откликнулась девочка. — А мы вот уже пять или шесть часов приближаемся к берегу.

Рекер улыбнулся.

— Ты уверена? А может, берег сам приближается к вам? — спросил он.



— Совершенно уверена. Нам хорошо виден один участок берега, и море от него не отступает, это нас несет к нему. Там есть кое-что, хорошо заметное. Правда, только сейчас мы сумели разглядеть это как следует.

— Что же это такое? — спросил Рекер, поняв по паузе, что от него ждут этого вопроса.

Изи посмотрела на него с тем выражением, которое дети приберегают специально для взрослых, совершивших грубую ошибку.

— Толпа туземцев. «Их там примерно полсотни», — сказала она.

6

Ник в сотый раз сердито посмотрел в ту сторону, где должен быть океан. Он, разумеется, ничего не увидел; чтобы лагерь не затопило ночью, пришлось расположиться так далеко от дневного берега, что его не было видно. А ему очень хотелось видеть море, и не только видеть, но и плавать по

нему. Но пока что надо было строить плот. Вдвоем с Бетси они построить его, конечно, не могли. Приходилось ждать, пока вернутся разведчики. На заготовку шкур у них не хватало времени — стадо и сбор топлива отнимали большую часть дня.

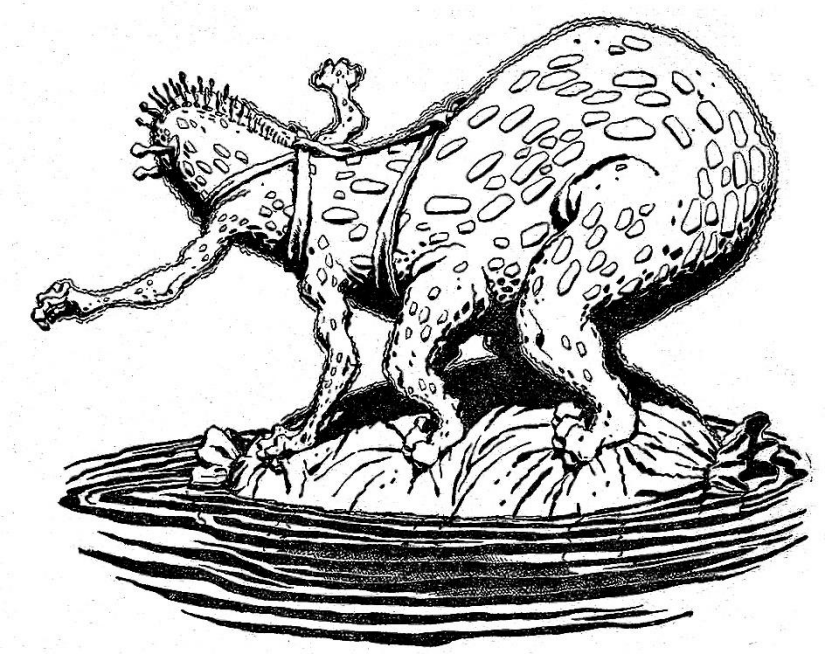
Ник не знал, сколько требовалось шкур. Феджин, к его удивлению, не захотел сказать даже приблизительно. Ведь Рекеру не были известны ни плотность жидкости в океане, ни плотность атмосферы Тенебры, ни даже вес его учеников. Да и размер кожаного мешка — бурдюка — ему тоже не был известен. Он предложил Нику разобраться во всем самому — Феджину частенько приходилось делать это в процессе обучения своих питомцев.

Ник решил изготовить пробный бурдюк. Забивать еще одно животное из их поредевшего стада ему не хотелось, и он отправил Бетси на охоту. Через несколько часов она принесла шкуру довольно крупного зверя, и в конце концов шкура превратилась в непроницаемый бурдюк. Ник придирчиво осмотрел его и остался доволен. Он потащил его к тому озерку, где утром плавало ведро.

Испытание бурдюка доставило Нику мало удовольствия. Он потерпел поражение в соревновании с надутым, вертлявым бурдюком — тот так и норовил выскользнуть из-под Ника. Как он ни хитрил, как ни цеплялся за него всеми восемью конечностями, бурдюк снова и снова, крутясь, сбрасывал его в озерко.

Единоборство с бурдюком приводило Ника в неистовство, но каждый раз, взбираясь на его крутые бока, он преисполнялся решимости удержать равновесие. В конце концов он установил, что бурдюк выдерживает его. Усталый и запыхавшийся, Ник потащил мешок к берегу.

— Не знаю, сколько таких штук нам еще понадобится, наверно, много, — сказал он Бетси. — Плот надо делать на шестерых — двое останутся сторожить стадо. А пока будем по очереди охотиться и заготовим еще несколько шкур.



— Ладно, — согласилась Бетси. — Нам еще надо научиться держаться на этих пузырях.

— Может, теперь Учитель нам что-нибудь подскажет, — предложил Ник.

— Кстати, Бетси, мне пришла в голову одна мысль. Помнишь, он объяснял нам, что голоса можно передавать из одного места в другое с помощью каких-то особых приспособлений? А вдруг Учитель вовсе и не Учитель, а всего лишь приспособление, доносящее до нас чей-то голос? Как ты думаешь?

— Может быть, ты и прав. Но какое это имеет значение?

— Ну как же! Феджин говорит, что чем больше знаешь, тем лучше.

— А может, он и сам скажет, если мы его спросим. Он ведь всегда отвечает на наши вопросы, когда считает, что мы сами не сумеем найти ответ.

— Правильно. Но сейчас важно одно — построить плот. Не стоит задавать всякие другие вопросы: Учитель может сказать, что нельзя разбрасываться.

— Хорошо, — ответила Бетси.

За разговорами они и не заметили, как добрались до вершины холма, где стоял робот. Бетси и Ник подробно рассказали о своих делах. Феджин молча выслушал их.

— Вы хорошо поработали, — заметил он наконец. — Кое-что узнали. Советую вам сделать деревянную раму величиной со стену хижины, а мешки привяжите по углам. У вас получится устойчивый плот. А пока будете работать, подумайте вот над чем: батискаф приближается к берегу. Осложнение заключается в том, что Быстрый и большая часть его племени, видимо, стоят на берегу и ждут, пока батискаф прибьет к ним течением. Изи не узнала Быстрого, но никого другого там быть не может. Неясно одно: принял ли Быстрый наше предложение или хочет захватить батискаф ради собственной выгоды? Пока что ждать от него ответа рано. Но если мы не получим ответа до конца дня, нам придется, я думаю, полагаться только на себя и действовать соответственно.

— Как именно?

— Вот вы сами и подумайте. Но при любом решении, я полагаю, вам без плота не обойтись, а потому принимайтесь за него поскорей.

Учитель умолк. Ученики взялись за работу. Провозившись несколько часов, они сделали прямоугольную раму размерами пятнадцать на двадцать футов. На нее ушло около трех десятков жердей, как назвал бы их землянин. Ник и Бетси связали их друг с другом под прямыми углами, образовав прочную решетку. Впрочем, их мало радовала мысль, что эта решетка будет служить им полом. Промежутки между перекладинами были так велики, что в них проваливались ноги, а ноги у тенебрийцев еще меньше приспособлены к хватательным движениям, чем у землян.

Однако Ник и Бетси решили, что с этим неудобством придется смириться.

Они обо всем доложили Учителю, и тот одобрил их работу. Ник и Бетси не сумели уловить в голосе Рекера желания отвязаться, но в тот момент ему было не до них. Батискаф был уже всего в пятидесяти ярдах от берега и сел на мель. Узкая полоска моря не позволяла воинам Быстрого добраться до батискафа, но расстояние отнюдь не препятствовало Изи практиковаться в тенебрийском языке. Рекер был лишен удовольствия слышать этот разговор. Микрофоны наружной связи были вполне разумно размещены у иллюминаторов, так что Изи нужно было кричать, чтобы ее слышали и на корабле. Но она не особенно старалась кричать; на время она забыла о Рекере и, честно говоря, даже об отце. Ее не очень-то интересовали ни биология, ни геология, ни малоизученный климат Тенебры. Своим спасателям она больше ничем не могла помочь и только ожидала от них известий. А тут перед ней появились живые существа, с которыми она хоть как-то умела объясняться. Поэтому она с увлечением болтала, и людям лишь изредка удавалось привлечь ее внимание к себе и что-то от нее узнать.

Она выяснила, что в толпе на берегу находится и Быстрый. Рекер сейчас же передал эту новость Нику. Но Изи не могла ответить, собирается ли Быстрый действовать по плану, с которым к этому времени его наверняка уже ознакомил бывший пленник Ника. Рекер не понимал, чем объясняется такая неосведомленность девочки: то ли Изи плохо владеет языком, то ли Быстрый преднамеренно уклончив в своих ответах. Рекер, конечно, нервничал. Неопределенность и раздражала, и тревожила его.

Во второй половине дня вернулись Джим и Джейн. Они рассказали о своих приключениях, но сейчас их сообщения интересовали Рекера только в плане изучения геологии планеты. Ему было не до того.

Теперь, когда прибавилось еще два работника, сооружение плота пошло быстрее. Зверя вокруг нового лагеря,

естественно, было больше, чем в окрестностях старого селения, и шкуры заготовили быстро. Сначала поплавки крепили по углам, помня указания Учителя, но к концу дня их сделали столько, что уже нельзя было найти свободное место еще хотя бы для одного поплавка. А как это отразится на устойчивости, строители даже не подумали.

Работа, разумеется, шла с перерывами. Нужно было поесть, запасти топлива на ночь, охранять скот. Несколько раз, к общему удивлению, стадо подвергалось нападению летающих хищников. Обычно такие нападения были редки. Эти странные существа быстро понимали, где им грозит наибольшая опасность, и избегали ее. А тут пришлось сразиться с четырьмя хищниками подряд чуть не за один час. Это было и необычно, и весьма неприятно: не всем удалось увернуться от прикосновения щупалец, длинных и ядовитых, которые в значительной мере компенсировали такие недостатки хищников, как уязвимость и медлительность.

Питомцы Феджина обратили внимание на то, что в атмосфере произошли какие-то неуловимые изменения, но поток воздуха с юга на запад, вызванный активностью далекого вулкана, был настолько слаб, что его почти невозможно было ощутить. Поэтому до начала дождя никто не заметил ветра.

К этому времени плот был в основном закончен — во всяком случае, для новых поплавков уже не оставалось ни одного свободного местечка. Никто, разумеется, не знал, сколько тенебрийцев сможет поднять этот плот. Решили так: когда остальные вернутся, отнести плот к океану и там на деле все проверить.

Когда зажглись вечерние костры, товарищей Ника поразило еще одно загадочное явление: дождевые капли опускались не по вертикали, а как-то странно — вкось. Нэнси и Джон, которые еще не вернулись с разведки, уже наблюдали такое накануне ночью у самого вулкана, но там им было ясно, почему это происходит. Ник сообщил о загадочном явлении Феджину.

— Знаю, — ответил Учитель. — По словам Изи, то же самое делается поблизости от корабля. Капли там заметно отклоняются к берегу. Жаль, что девочка не может точно определить направление. Все это очень любопытно.

— Та, которую вы называете Изи, должно быть, вообще не чувствует ветра? — спросил Ник.

— Так ведь она же в корабле. А ты чувствуешь?

— Немножко. Особенно теперь, когда движение капель показывает, что он все же есть. Мне кажется, ветер даже усиливается.

— Если ты в этом окончательно убедишься, скажи мне, — ответил Рекер. — А мы будем передавать тебе все, что нам сообщат с батискафа.

Рекер верно сказал — «мы». Из всех отсеков корабля в наблюдательный пункт и радиорубку сбежались геологи, инженеры и операторы. По огромному кораблю быстро распространилась весть, что на Тенебре происходит нечто загадочное. Тотчас же возникло множество всяких гипотез.

Изи с увлечением описывала волнующую картину, которая была видна из батискафа. Ночной дождь она видела уже не раз, но впервые попала в такое место, где могла непосредственно наблюдать его воздействие на уровень моря. Берег находился в пределах видимости, и море пузырем вздувалось над ним по мере того, как олеум разбавлялся водой. Зрелище было необычным и тревожным. Получалось так, что дети смотрели на берег сверху вниз; батискаф всплывал, и вздыбившееся море уносило его все дальше в глубь суши. Так продолжалось до тех пор, пока плотность жидкости не упала настолько, что та уже не могла удерживать батискаф на плаву. Он погрузился в море, но дети еще долго ощущали толчки — движение его не прекращалось.

— Я больше ничего не вижу, папа, — закричала, наконец, Изи. — Мы можем спокойно прервать передачу. Да мне и спать уже хочется. Если понадобится, разбуди нас.

— Хорошо, Изи. — Рич отвечал за Рекера и других слушателей. — Сейчас в лагере Ника ничего особенного не происходит, если не считать ветра, а он им вроде не угрожает.

Девочка на миг появилась на экране, улыбнулась, пожелав доброй ночи, и исчезла; затем показалось узкое лицо Аминадорнелдо, и связь с ними прервалась до утра.

Теперь все столпились в наблюдательном пункте, откуда можно было видеть поверхность суши близ стоянки Ника. Там, впрочем, не происходило ничего особенного. Робот, как обычно, стоял в центре лагеря, окаймленного кострами — с одной стороны их было меньше, с другой — больше. Трое тенебрийцев стерегли костры с северо-восточной стороны, а четвертый обходил как часовой остальные три четверти окружности. Можно было легко понять, почему они так неравномерно распределили сторожевые посты. Костры на северо-восточной стороне гасли в десять раз чаще, чем на всех остальных. Ник и его товарищи без передышки бегали с факелами, зажигая погасшие костры. Но непосредственная опасность, судя по всему, им не грозила. Помощнику Рекера удалось по времени движения дождевой капли через отрезок, равный длине корпуса робота, измерить скорость ветра. Она достигла рекордной цифры — почти две мили в час. Ученые, узнав об этом, не смогли ни объяснить это явление, ни прогнозировать его возможные последствия. Только один член экипажа, уходя с вахты, задержался у дверей наблюдательного пункта и задал роковой вопрос:

— А лагерь далеко от моря?

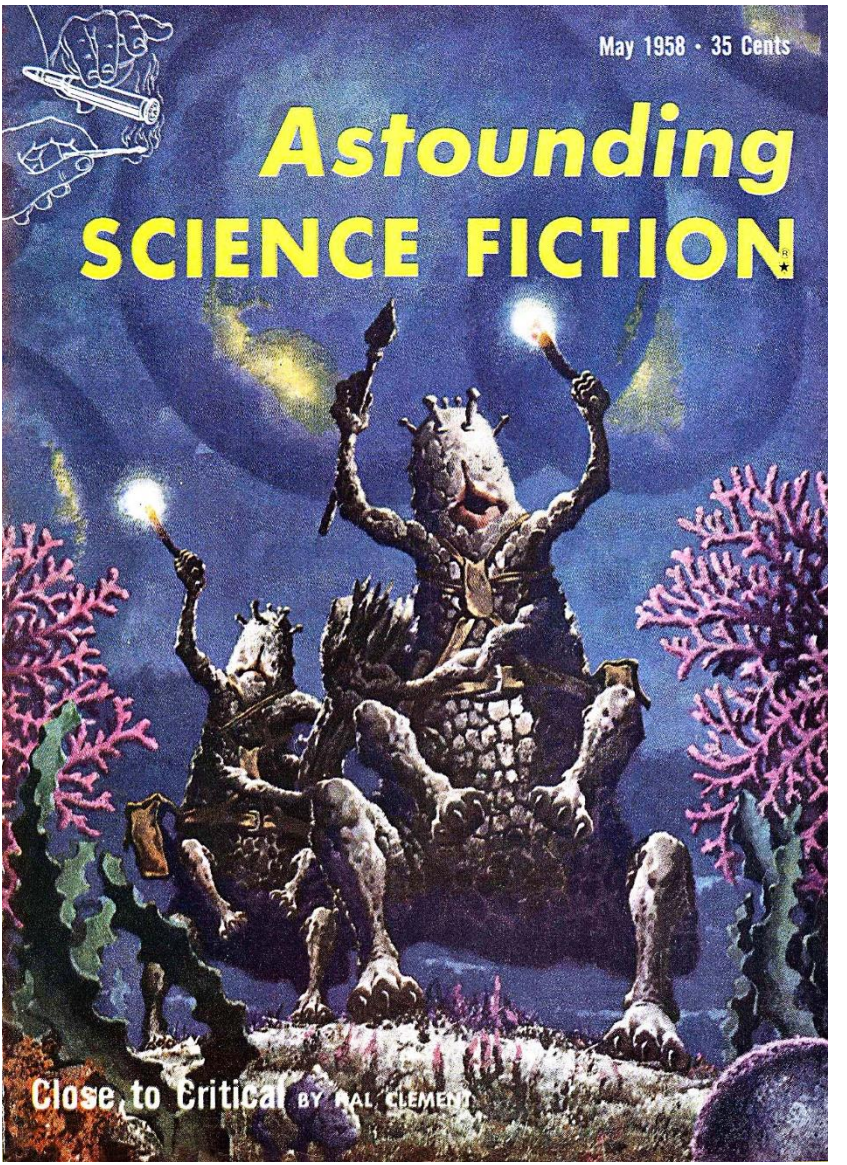
— Милях в двух от дневной линии берега.

— А от ночной?

— Море достигает долины ниже подножия их холма.

— А вы не опасаетесь, что ночью, когда плотность морской воды не выше плотности воздуха, даже этот жалкий двухмильный ураган способен натворить много бед?

Рекер опешил. Потом окинул взглядом собравшихся и прочитал на лицах то же, что испытывал сам: эта мысль не приходила в голову никому из них. Рекер задумался —


May 1958 · 35 Cents
Astounding
SCIENCE FICTION
Close to Critical BY HAL CLEMENT

опасение и впрямь было обоснованно... Его охватила тревога. Рич мгновенно понял, о чем думает Рекер.

— Считаете, доктор, надо их отодвинуть подальше, пока не поздно? — спросил он.

— Не уверен. Они не смогут перебросить все свое имущество, ведь их только четверо. Жалко оставлять их пожитки... Все-таки холм на целых пятьдесят футов выше обычного ночного уровня моря.

— При таких колебаниях уровня моря пятьдесят футов — не очень-то много...

— Не знаю. Не могу решить.

— Полагаю, вам придется что-то предпринять, — твердо сказал Рич. — Если море затопит их, вы потеряете все.

— Да, но...

— Какие там «но»! Смотрите!

Это крикнул тот самый член экипажа, который первым заговорил о ветре. Его взгляд был прикован к экрану, обращенному в сторону моря. И Рекер, и Рич мгновенно поняли, что именно он увидел, еще не успев взглянуть на экран.

Намного раньше, чем обычно, маслянистые языки моря начали лизать подножие холмов на востоке. На какое-то мгновение все словно онемели. Но Рекер тут же опомнился, и Ричу пришлось проститься с представлением о нем, как о медлительном, непрактичном, нерешительном «типичном ученом». Когда его ученикам и его делу грозила явная и непосредственная опасность, он принимал решения и отдавал приказы быстро и твердо.

— Ник! И все остальные! Посмотрите, что вам угрожает с востока, и немедленно за работу! Все записи и особенно карты хорошенько завернуть и привязать к плоту! Оставьте достаточно веревок, чтобы привязаться к плоту самим. Вы и карты — самое важное, не забывайте об этом. А потом уж постарайтесь закрепить оружие на себе или на плоту. Быстрее!

— А как же скот?

Рекер прервал Ника:

— Сейчас это неважно. Спасайте самих себя, карты и оружие!

Тенебрийцы принялись за работу, ни о чем больше не спрашивая. Наблюдатели, затаив дыхание, следили за тем, как далеко внизу шло состязание на скорость между мыслящими существами и стихией.

Море, сильно разбавленное дождем, уже захлестнуло холм и разом погасило костры, так что панорама лагеря на экранах сразу потускнела. Через минуту на экранах операторы увидели фигуры четырех скорчившихся туземцев. Плот так и не всплыл, а двигался рывками, скребя поплавками по суше, которая стала теперь дном океана. Рекер отдал приказание роботу следовать за плотом.

7

Тенебрийские ночи были очень тяжелы для дроммианина Аминадабарли. Для людей, которым приходилось иметь с ним дело, пока на планете царила тьма, они были еще тяжелее. Он просто не мог видеть людей, занятых работой, не имевшей прямого отношения к спасению его сына. Его необузданные эмоции быстро и неуклонно подводили его к мысли о том, что земляне — самая бездушная, самая недружелюбная раса во всей Галактике. И даже усилия Рича, который постоянно отвлекал его делами, ничего не могли изменить.

Сам Рекер был слишком занят, чтобы размышлять о Дромме и экспансивности его жителей. К счастью, роботу ни с кем не пришлось вступать в схватку; ни один из хищных представителей морской фауны не приближался к плоту и его беспомощным пассажирам. Бдительный робот не видел никого. Хотя это в какой-то степени облегчало положение Рекера, он как биолог был разочарован. Ему хотелось хоть что-нибудь узнать об обитателях кислотной среды с весьма малым содержанием кислорода.

Так или иначе, четверке тенебрийцев, привязанных к плоту, непосредственно ничего не угрожало. Тем не менее плот не должен был удаляться от робота — нужно было все время внимательно следить за ним.

Постепенно течение ослабло, и плот прочно заклинило. Был даже момент, когда Рекер чуть не уснул в кресле.

Наконец наступил день. Четверка тенебрийцев осталась невредимой, но все же положение обострилось. По мере того, как вода испарялась, плотность моря возрастала, и в конце концов плот всплыл. К счастью, течение исчезло и их уже никуда не несло. Всплывая, плот перевернулся, и два часа подряд оператор не без ужаса взирал на безжизненные тела тенебрийцев, болтающиеся под плотом. Но дрейф закончился удачно — в небольшом озерке.

Когда испарение прекратилось, озерко так обмелело, что плот, в сущности, не плавал, а лежал на телах бесчувственных тенебрийцев. Рекер дал роботу команду вытащить его на берег. В конце концов груда мокрых тел, жердей и бурдюков очутилась на суше. Ник и его друзья постепенно приходили в себя.

К этому времени батискаф тоже оказался на материке. Подобно плоту, он закончил свои странствия в другом

озерке, на дне другой долины, но не на плаву, а на мели — озерко было слишком неглубоким. Изи и ее друг-дроммианин как бы очутились в герметичном замке, окруженном рвом, который надежно преграждал путь Быстрому.

А Быстрый оказался тут как тут. Через час после того, как озерко перестало испаряться, пещерные жители явились, хотя за ночь батискаф унесло на значительное расстояние.

— Отсюда уже не видно моря, — сообщила Изи.

Появление Быстрого ничуть не встревожило девочку, она считала, что установила с ним прекрасные отношения. Не вызвала у нее особого волнения и весть о ночных приключениях Ника.

Итак, Ник и Бетси, Джим и Джейн вышли невредимыми из ночных испытаний; уцелели и карты, и оружие, привязанные к плоту. Теперь надо было разыскать место их стоянки, хотя Рекер не рассчитывал найти там что-либо из имущества. Стадо, конечно, погибло. Вряд ли уцелела и тележка.

Найти стоянку оказалось легче, чем Рекер предполагал. На помощь пришел Джим. Он проявил наиболее острое «чувство направления», которое у тенебрийцев, как и у землян, представляет собой сочетание зрительной памяти с пониманием сущности простейших явлений природы. Определив направление на море, они уже не испытывали никаких затруднений. Ведь их несло от лагеря в глубь материка почти по прямой. Час спустя была найдена тележка, а вокруг нее остатки костров. К удивлению, Рекера, ни тележка, ни сложенные на ней пожитки нисколько не пострадали. Ведь вода в наступавшем океане была немногим плотнее атмосферы!

— Мы, пожалуй, сумеем сэкономить немного времени, — сказал он наконец, когда имущество группы было осмотрено. — Отправляйтесь к морю, плот несите с собой. А тележку оставьте на месте и напишите записку остальным двум парам; пускай они идут вслед за вами. Мы испытаем плот и пройдем по морю на юг вдоль берега, сколько успеем.

— Будем искать дотемна? — спросил Ник. — Или нам нужно вернуться сюда засветло?

— Почти дотемна, — тотчас же ответил Феджин. — Обследуем побережье, а потом свернем в глубь материка, чтобы уйти подальше от океана.

— Тогда те, кто возвратятся, пусть пойдут с тележкой прямо на юг. У нас и у них будет трудно с едой. Стадо ведь потеряно.

— Потеряно? А я вроде бы видел, как Джим и Джейн сгоняли довольно много голов в одно место.

— Да, потеряны не все, но осталось так мало, что нам нельзя их забивать, пока не подрастет новый выводок. Надо здесь оставить кое-кого из наших — разыскивать остальной скот. Может, он просто разбрелся.

Рекер лихорадочно соображал. Потеря стада — серьезный удар по его группе. Без стада ученикам Рекера придется почти непрерывно охотиться, чтобы прокормиться. Но все-таки они пока проживут. А вот Изи и ее спутник, если их не спасти в самое ближайшее время, могут погибнуть. Значит, все силы надо бросить на спасение детей.

— Вы пойдете к морю. Как быть со стадом, решим позже. Если плот не поднимет всех, лишние вернутся и займутся поисками скота.

— Хорошо.

Голос Ника звучал спокойно. Если Учитель сказал, что новое дело важнее стада, значит, так оно и есть, во всяком случае, для самого Учителя. Ник огорчился, что сам-то он этим чувством не проникся. Спорить он не стал, но раздумья и беспокойство его не оставляли.

Вчетвером они без труда несли плот, хотя было нелегко идти против ветра, а в этот день ветер, по мнению Ника, еще усилился.

Они быстро прошли две мили, отделявшие их от моря, и сейчас же приступили к испытанию плота. Оказалось, что он держит всех четверых, хотя и очень неустойчив. Рекер

подсказал им, как смастерить некое подобие весел, и все теперь усердно учились ими орудовать.

— Зачем вы вообще послали их на поиски? — вмешался вдруг Аминадабарли. — Робот может идти по берегу с такой же скоростью, с какой они гребут на этом дурацком плоту, притом батискаф находится не на море, а на суше. Если вы надеетесь, что от ваших учеников будет хоть какой-то толк, почему бы им не пойти вместе с роботом?

— Потому что без плота они не смогут добраться до наших детей. В остальном вы совершенно правы. Если они найдут его, им все равно придется возвращаться за плотом.

— Понимаю, — сказал дроммианин.

Рекер взглянул на него. Если учесть меру дроммианского терпения, этот субъект вел себя сейчас необыкновенно любезно. С чего бы это? Однако у биолога не было времени для размышлений на эту тему: Ник и его спутники все еще нуждались в пристальном наблюдении.

Дроммианину пришла в голову некая мысль. Он отправился в свою каюту и растянулся на полу, чтобы спокойно все обдумать. Часа через два, крайне довольный собой и преисполненный еще большего чувства превосходства над бестолковыми землянами, он отправился в радиорубку, чтобы поделиться со своим сыном и девочкой с Земли блестящей мыслью, которая должна способствовать успешному и скорейшему их спасению.

Радиорубка была, как всегда, битком набита людьми. Один из них, незнакомый Дроммианину, стоял перед камерой.

— Изи! — кричал он в микрофон. — Ты поняла меня? Спроси сейчас же Быстрого: правда ли, что он знает, когда и где должны появиться новые реки и холмы? Спроси, почему он не боится жить в пещере, раз скала может в любое время обрушиться от подземного толчка.

— Хорошо, сейчас, — спокойно ответила девочка, и ее лицо исчезло с экрана.

Разъяренный Аминадабарли даже не заметил этого. Как смеют эти маленькие уродцы присваивать себе идеи, только что родившиеся в его мозгу? Неважно, что он еще не разработал их в деталях. Они должны были подвести именно к той мысли, которую сейчас высказал ученый-землянин. В этом Аминадабарли был уверен. Возможно, впрочем, что гипотеза недостаточно обоснована... Действительно, предположение, что пещерные жители способны почти инстинктивно прогнозировать тектонические процессы, что они заранее знали, например, куда понесет батискаф, и потому так быстро нашли его, пожалуй, звучит малоубедительно. Да, конечно же, поразмыслив хорошенько, он это увидел совершенно ясно. Вся эта концепция носит чисто спекулятивный характер. Просто жаль, что девочка будет даром тратить время. Сейчас он сам займется этим и поведает сыну об уязвимых местах этой гипотезы. А потом предложит более перспективный план... как только разработает его в деталях...

Тут он заметил, что и Аминадорнелдо исчез с экрана. Видимо, ушел с девочкой-землянкой. Что ж, не беда. Все равно ему нужно еще додумать кое-что. Минут пятнадцать-двадцать он был погружен в размышления и почти не слышал пустой болтовни землян. Потом дети вернулись, спокойные и деловитые. Изи сразу заговорила о деле.

— Кажется, вы правы, — сказала Изи. — По-моему, они даже удивились, что не всякий знает заранее, когда и где начнутся подземные толчки или когда выйдет из берегов озеро и в каком направлении оно будет разливаться. Им даже трудно было объяснить мне, по каким признакам они это узнают.

Геофизик, беседовавший с Изи, и его коллеги обменялись взглядами.

— Пусть все же попытаются объяснить! — сказал геофизик. — Записывайте то, что они говорят, и передавайте нам; неважно, поняли вы сами или нет. Потом мы используем учеников Рекера, чтобы изучить динамику процессов в коре планеты!

Это было уже выше сил Аминадабарли — заниматься сейчас такими пустяками! Пренебрегая правилами вежливости, как земной, так и дроммианской, он протиснулся в глубину радиорубки. Обтекаемое тело его раздвинуло толпу землян, словно корабль, рассекающий воду. Аминадабарли встал перед экраном и, не глядя на Изи, словно ее и не было, торопливо заговорил с сыном, испуская пронзительные звуки, от которых человеческим ушам было просто больно. Земляне не прерывали его. Размеры дроммианина и его конечности с десятком когтей каждая призывали к благоразумию даже того, кто совершенно не знал нрава этих инопланетян.

Сын явно пытался вставить в речь отца хоть словечко, однако попытки его были тщетны. Старший умолк лишь тогда, когда, казалось, окончательно исчерпал свой словарный запас. Ответ он получил немедленно, но вместо дроммианина ответила ему Изи, конечно, на своем родном языке: ее голосовые связки не были способны воспроизводить звуки дроммианской речи.

— Мина все знает, сэр. Доктор Рекер просил меня сказать и вам, когда вы появитесь. Вы ушли из пункта связи как раз перед тем, как я начала разведку. В общем, доктор Рекер все сказал Нику, и задолго до наступления ночи Ник подплывет на плоту как можно ближе к нам. А потом они поволокут плот по суше. Быстрый говорит, что они с моря заметят свет наших прожекторов. Робот пошел обратно в лагерь, чтобы встретить остальных и показать им дорогу сюда.

Дроммианин совершенно опешил, но нашел в себе силы проявить учтивость и заговорил по-английски.

— Вы просили Быстрого объяснить, как пройти из лагеря к месту, где вы находитесь? — растерянно спросил он.

— Ну да. Это придумал Мина. Мне надо было раньше сказать об этом доктору Рекеру или одному из вас.

Сообщение о том, что предложение исходит от сына, заметно успокоило Аминадабарли. Большинство землян втайне усомнилось в истинности слов девочки. Они знали,

сколько лет юному дроммианину, да и об Изи уже успели составить довольно четкое представление.

— Сколько времени нужно Нику, чтобы добраться до вас? — спросил Аминадабарли.

— Быстрый считает, что Ник пешком придет к нам немного позднее полудня.

— А вы не предлагали вашему другу Быстрому сделать такой же плот, как у Ника?

— Предлагала. Он не умеет и вообще не представляет, что это такое. Его воины могут заготовить сколько угодно шкур, но не знают, как сделать мешки... ну, герметичными. И они не умеют варить клей. А я тоже не умею. Вот Быстрый и ждет, пока Ник доберется сюда со своим плотом.

— И, конечно, отнимет плот у Ника.

— Ой, нет, что вы! Он ничего не имеет против Ника. Я рассказала ему, кто такой Ник, как робот украл яйца, положенные в расселину, он, кажется, немного рассердился на робота, но это не страшно. Я обещала научить его всему, что он захочет узнать. У нас с ним очень хорошие отношения.

Дроммианин не мог скрыть своего удивления.

— Это доктор Рекер вам посоветовал?

— Вовсе нет! Я сама придумала. Вернее, мы с Миной. Мы решили, что самое правильное — подружиться с пещерными жителями. Возможно, они и не смогут повредить «скаф», если разозлятся на нас, но на всякий случай так будет вернее.

— Понимаю!

Аминадабарли был несколько сбит с толку. Он весьма учтиво закончил и отправился опять на наблюдательный пункт к Рекеру. Едва он успел выйти из радиорубки, как ученые набросились на девочку с новыми расспросами.

Тем временем четверо туземцев и робот двигались на юг, таща за собой тележку и отвечая на ходу на бесконечные вопросы ученых с корабля. К удивлению, дроммианина, в наблюдательном пункте набилось почти столько же народу,

сколько незадолго да этого в радиорубке. Аминадабарли не сразу понял, о чем идет спор.

— Может, мы сумеем определить расстояние методом засечки? И в районе «скафа», в районе лагеря ветер, очевидно, дует прямо в сторону вулкана.

— Да, но мы не знаем точного направления. К тому же он может меняться под воздействием сил Кориолиса.

— Ну, на такой планете, как Тенебра, возможное отклонение невелико. К тому же, мы можем определить обратный азимут. Ведь гора на картах уже обозначена. Мы сможем использовать направление ветра, чтобы засечь местоположение «скафа»...

Дроммианин услышал все это, войдя в помещение наблюдательного пункта, но ничего не мог понять. Лишь спустя несколько минут до него дошло, что речь идет о вновь открытом вулкане. Ему было ясно, что такой мощный источник тепла может вызвать возникновение воздушных потоков даже в предельно сжатой газовой оболочке Тенебры.

— А что, если каждую ночь ветер станет гнать батискаф все дальше в глубь материка? — спросил он. — Не окажутся ли наши ребята в опасной близости от вулкана?

— Пока не нужно тревожиться. Какой бы ни был ветер, в глубине материка море все равно будет состоять главным образом из воды, так что далеко их не унесет. А кроме того, бьюсь об заклад: если извержение не прекратится, то ни днем, ни ночью на много миль от вулкана вообще не будет воды в жидком состоянии.

Аминадабарли не дослушал до конца. У него появился новый повод для волнений, а уж волноваться-то он умел! Он ринулся обратно в радиорубку на максимальной скорости.

Ученые на время оставили Изи в покое ради новой сенсации. Аминадабарли не стал задумываться, спят ли дети или, может, беседуют с пещерными жителями.

— Мисс Рич! Мина! — бесцеремонно завопил он в микрофон.

На этот раз на экране появилась Изи, потирая кулачком сонные глаза. Аминадабарли не понял этого жеста или сделал вид, что не понимает.

— Где мой сын? — спросил он.

— Спит.

Обычно Изи была не столь лаконична.

— Ну ладно, поговорю с вами. Вы слышали о том, что стало ясно, почему дует ветер?

— Да. Кажется, это вулкан. Я заснула сразу же после того, как услышала о нем. А что, есть еще новости?

— Не то, чтоб новости. Эти гадалки — ваши ученые соотечественники — вдруг сообразили, что каждую ночь батискаф будет относить к вулкану и вам грозит серьезная опасность. Что думает об этом ваш друг Быстрый?

— Во всяком случае, еще несколько дней нам ничего не грозит. Свет вулкана отсюда не виден.

— Вам-то он не виден. А важно то, что видят и думают туземцы. Вы спрашивали Быстрого?

— Нет. Я же только недавно узнала об этом. И вообще это меня не тревожит. Если бы они увидели свет, они тут же сказали бы нам. Они решили бы, что это робот. В худшем случае мы можем подойти к вулкану через несколько тенебрийских суток. Во всяком случае, не завтра.

— Не завтра! Да кто говорит о завтрашнем дне? Нет, для меня навсегда останется тайной, как вам, землянам, удалось создать свою цивилизацию! Разумные существа составляют планы на будущее, слышите!

— Разумные существа не делают поспешных выводов, — отрезала девочка, потеряв спокойствие впервые после аварии. — Я не строю планы на послезавтра, потому что к концу завтрашнего дня нас здесь уже не будет. Пожалуйста, скажите мистеру Сакииро, чтобы он приготовил посыльное судно к встрече.

Она повернулась и вышла, вернее, просто исчезла из поля зрения камеры. Аминадабарли был так поражен, что даже не рассердился на ее неучтивость.

8

Когда Ник добрался до батискафа, Изи уже проснулась. Он без труда нашел судно — свет прожекторов был хорошо виден с побережья. Ветер дул прямо в сторону батискафа. Ник и его друзья еще ничего не знали о вулкане и мысль о том, что они сбились с пути, не могла их тревожить. Выйдя на берег, они взвалили на себя плот и двинулись на огонек.

Феджин с четырьмя учениками пришли раньше — даже тихоходный робот двигался по суше быстрее, чем неуклюжий, громоздкий плот по морю. Быстрый был настроен весьма благожелательно.

Через несколько минут после прихода робота он потребовал, чтобы ему показали, как добывают огонь. Изи велела Джону научить его. Тот повиновался беспрекословно, вынул свой лучок, и через две минуты огонь уже пылал.

Тогда Быстрый решил взяться за дело сам. К тому времени, когда Ник, Бетси, Джин и Джейн пришли к батискафу, таща плот, вождь уже добыл огонь и пребывал в отличнейшем настроении.

На «Виндемиатриксе», напротив, настроение было неважное. Изи проснулась сердитая. Она не забыла оскорбительных реплик дроммианина и отказалась объяснить не только ему, но и вообще кому бы то ни было, на чем основана ее уверенность в том, что они с Миной смогут покинуть батискаф еще до конца следующего тенебрийского дня. Разумеется, она вела себя по-детски. Но Изи и была ребенком. Советника Рича попросили вмешаться. Он пристально посмотрел в лицо дочери, потом отвел глаза от экрана и сказал:

— Пожалуйста, попросите мистера Сакииро подготовить посыльное судно к встрече с батискафом. Насколько я понимаю, потребуется некоторое время на подвеску и регулировку наружных ускорителей.

Затем он поспешно покинул помещение, не отвечая на сыпавшиеся градом вопросы, и заперся в своей каюте.

— Что же нам делать? — спросил геофизик.

— Пожалуй, то, о чем он просил, — ответил другой ученый. — Рич как будто уверен, что девочка знает, о чем говорит.

— Он-то уверен. А она?

— В конце концов, даже если ребенок ошибается, никому вреда не будет от того, что мы подготовим спасательное судно к полету, — сказал третий. — Почему вы так тревожитесь?

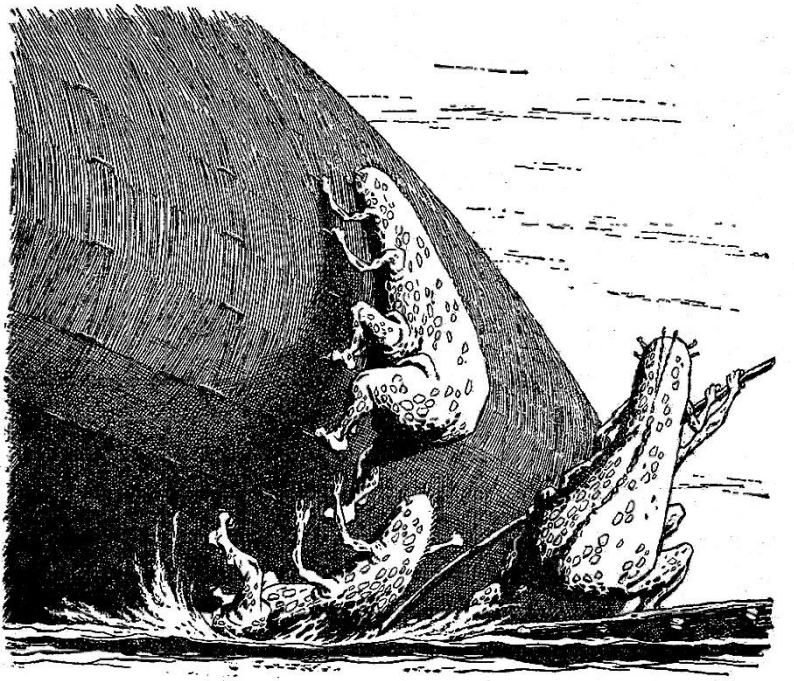
— Просто мы понимаем, что будет с Изи и ее отцом, если она ошибается, — ответил геофизик. — Хорошо, если она знает, что говорит. А если ее просто вывел из себя этот десятиногий бобер и она, не подумав, брякнула...

Он положил конец дискуссии, подключив еще один телефон и передав инженерам просьбу Рича.

Робот уже не был в центре событий, хотя и мог наблюдать за их ходом. Его ученики, видимо, влились в племя Быстрого и получали указания либо от самого вождя, либо от Изи из батискафа. Никто уже не спрашивал Феджина, что и как делать. События разворачивались такими темпами, что многое ускользало от Рекера. Он слышал о ссоре Изи с Аминадабарли, о ее намерении покинуть завтра Тенебру, но не больше других знал о том, как она собирается это сделать.

Рекер имел представление о том, чем занимаются тенебрийцы, но далеко не все было ему понятно, а добиться объяснений он не мог. Ему не приходило в голову, что Изи прервала поступление информации на «Виндемиатрикс» только для того, чтобы досадивший ей дроммианин ничего не узнал. Так или иначе, Рекеру оставалось лишь наблюдать, фотографировать, записывать на пленку доходившие до него обрывки разговоров и пытаться как-то истолковывать все, что он улавливал.

Плот спустили на поверхность озерка, и Ник с Бетси перевезли Быстрого к батискафу. Рекер видел, как у одного из иллюминаторов тенебрийцы вступили в беседу с детьми, но



не слышал ни слова — робот находился слишком далеко. Беседа была долгая и довольно оживленная; закончилась она только вечером. Затем плот вернулся к берегу, все начали собирать свои пожитки и вскоре тронулись в путь. Пещерные жители помогали нести плот и тащить тележку. Быстрый впервые за все время обратился к роботу и приказал ему следовать за собой. Переводчиком служил Ник. Рекер решил, что тенебрийцы уходят, спасаясь от ночного наступления моря. Естественно было ожидать, что в эту ночь оно разольется по меньшей мере так же, как и прошлой ночью.

— Куда унесет сегодня ночью большой корабль? — спросил он скорее ради того, чтобы пещерные жители могли продемонстрировать свой дар прогноза. Для него было неважно, что ему скажут. Он предполагал, что Быстрый вообще не снизойдет до ответа, но вождь был в прекрасном настроении. Он пошел рядом с роботом, весело болтая с ним; Ник переводил. Вождь подробно описал местность,

куда они направились, и район, куда, по его предположению, батискаф будет занесен течением. Он рассказал также, каким образом он знает об этом. Геофизики слушали, делали заметки и заботливо следили за магнитофонами, записывающими беседу. В этой зоне системы Альтаира царило такое безмятежное счастье, какого она, вероятно, давно не видывала. Пожалуй, только Аминадабарли и Рекер не разделяли общего благодушного настроения.

Часа через два Быстрый остановил воинов. Ночь вступила в свои права, и пошел дождь.

Целых шестнадцать лет появление вечерних костров знаменовало собой начало сорокавосьмичасового отдыха на борту «Виндемиатрикса», потому что ночью на Тенебре не случалось ничего — там всегда шел дождь. Теперь все изменилось... Дискуссии, временами переходившие в жаркие споры, не прекращались. Инженеры работали без отдыха, подвешивая к оболочке посыльного судна гидроферроновые ускорители и сеть управления ими.

Рекер наотрез отказался покинуть наблюдательный пункт. Он был уверен, что дело идет к развязке, и боялся даже думать о ней. Беспокойство это особенно обострилось при встрече с дипломатами. Рекер больше всего страдал от того, что вдруг потерял уверенность в себе. Он продолжал ломать голову, как ему научить своих подопечных произвести необходимый ремонт батискафа и как заставить их выслушать его.

Но вот ночь подошла к концу. Ничего серьезного не произошло ни в лагере, ни в батискафе. Вскоре все направились туда, где, по прогнозу Быстрого, должен быть батискаф. Это значило, что им придется пройти почти столько же, сколько накануне ночью — Быстрый считал, что «скаф» снесло не очень далеко.

Рекер продолжал терзаться — он не мог представить, каким образом эта смелая девочка собирается с помощью пусть смышленых, но совершенно невежественных аборигенов поднять батискаф для контакта с посыльным судном. В

те редкие мгновения, когда он засыпал, его мучили чудовищные кошмары: он считал себя ответственным за судьбу детей, и сознание собственного бессилия было для него нестерпимо.

Нетрудно себе представить, что пережили геофизики, когда батискафа не оказалось там, где его ожидали найти. Каждый из ученых выдвигал свою гипотезу, и никто не слушал соседа. Аминадабарли потерял сознание, и в течение нескольких минут все только и говорили, что о способах оказания первой помощи. К счастью, дроммианин скоро сам пришел в себя, ибо никто из людей не имел ни малейшего понятия, чем ему помочь.

А через четверть часа батискаф обнаружили на прежнем месте. Родители вздохнули с облегчением, но геофизики на корабле и тенебрийцы недоумевали, как это случилось. Споры между учеными разгорелись с новой силой, а тем временем вокруг батискафа закипела работа. Туземцы действовали явно по какому-то определенному плану, но Рекер никак не мог понять, что они намерены делать.

Быстрый выслал несколько вооруженных охотничьих партий, причем в каждой из них был один из учеников Феджина с топором. Плот то и дело сновал между берегом и батискафом. Быстрый и несколько его помощников тщательно осмотрели обшивку судна. Изи непрерывно разговаривала с ними, но Рекер и его коллеги не могли ее слышать. Туземцев очень заинтересовала верхняя часть корпуса батискафа, куда отводилось избыточное тепло из жилых отсеков, и они принялись карабкаться по корпусу, пользуясь многочисленными скобами, укрепленными на нем. Батискаф был круглый и едва касался дна, поэтому равновесие его, было мгновенно нарушено и он двинулся к плоту. Любознательные аборигены поспешили спрыгнуть с него. Плот подошел ближе к роботу, и Рекер, наконец, услышал несколько фраз. Ник сказал Бетси:

— Мы можем выиграть много времени. Если учителя, сидящие внутри, не будут возражать, мы перекатим эту штуку ближе к берегу, и нам будет удобнее работать.

Ник и Бетси столкнули плот снова на глубокое место и погребли к батискафу. На этот раз Рекер знал, о чем пойдет речь и, увидев, как Изи одобрительно кивнула, понял, чем закончились переговоры. Он встревожился и немедленно позвонил бортинженерам. Те заверили его, что батискаф абсолютно герметичен и его перекатывание никакого вреда, кроме разве неприятных ощущений для юной команды, не принесет.

Плот подплыл к берегу, и Ник стал что-то кричать Быстрому. Рекер понял лишь несколько слов, но этого было достаточно. Как только плот достиг мели, Быстрый влез на него. Затем плот вернулся к батискафу, вождь и Бетси схватились за скобы и принялись осторожно карабкаться вверх. Ник остался на плоту, чтобы в любой момент отвести его в сторону. Все обошлось без происшествий — Быстрый и Бетси проявили необычайную ловкость. Они держались над самой поверхностью олеума. К счастью, скобы шли вокруг корпуса, хотя Бетси и Быстрый вряд ли знали об этом раньше.

Перевернувшись дважды, батискаф оказался на мелком месте. Теперь он уже почти не плавал, и Бетси с Быстрым пришлось затребовать подкрепление — их веса было уже недостаточно. После третьего оборота батискаф лег правым бортом на берег. Тенебрийцы спрыгнули с него, и тут возникло небольшое осложнение — батискаф покатился было в обратном направлении. Но Рекер заставил слушать себя; он быстро объяснил Нику, что надо с наружной стороны подложить колодки из дерева, и батискаф прочно стал у берега. Изи и Мина принялись с любопытством разглядывать робота, который стоял всего в нескольких ярдах от них, а Рекер поспешил заговорить с ними, — он хотел узнать, что же Изи намерена делать.

— Хелло, Изи. Наконец-то мы вместе.

— Хелло, доктор. Да, ваши воспитанники здесь. Я думала, мы сумеем обойтись без них, но они здорово помогли нам. Вы хотите посмотреть, что мы тут будем делать?

Этот вопрос, мягко выражаясь, ошеломил биолога.

— Посмотреть? Да мы же только приступаем к работе. Я сейчас вызову инженеров — пусть послушают, что я буду говорить Нику и остальным. Они бы уже были тут, но я не ожидал, что мы так быстро найдем вас. Мы выясним, что случилось с проводами — коррозия или обрыв и...

Изи, видимо, заговорила раньше, чем он произнес последние слова, но из-за двухсекундной задержки сигнала он услышал ее не сразу.

— Простите, доктор, но мне бы не хотелось, чтобы Ник начал мудрить с проводкой. Я сама в ней ничего не понимаю и не представляю себе, как он может там не напутать чего-нибудь. Мы скоро взлетим и без этого, и лучше скажите ему, чтобы он не совался в смотровые люки, если они действительно открыты.

Девочка говорила, как всегда, вежливо, но в голосе ее слышалась твердость, которой нельзя было не заметить. Рекер сначала опешил, а потом возмутился.

— Почему ты не хочешь, чтобы работал Ник? Кто может заменить его? Конечно, он незнаком с электричеством, но какой будет толк, если вместо него этим займешься ты или Быстрый? Мы обдумывали этот план несколько недель, и ты не можешь...

— Не знаю, сколько времени вы его обдумывали, но я могу, — ответила девочка все еще учтиво. — Быстрый сделает то, что я попрошу, а Ник, — то, что прикажет ему Быстрый. Сначала мы попытаемся осуществить предложение Быстрого. Я уверена, что у нас получится как надо, ну а если не пойдет, тогда мы подумаем о вашем плане.

Рекер беспомощно огляделся. Девочка права. У него нет ни малейшей возможности навязать ей свою волю. Может быть, ее отец... Но Рич слушал из радиорубки, и на лице его,

которое Рекер видел на экране ретранслятора, можно было прочесть удовлетворение. Биолог сдался.

— Что ж, ладно, Изи. Может, ты мне скажешь, в чем состоит план Быстрого? И почему, если ты не доверяешь мне и Нику, тебе пришло в голову прислушаться к тому, что говорит невежественный дикарь, пещерный житель?

— Ваши ученые друзья очень даже прислушиваются к его словам, — язвительно ответила Изи. — Если я скажу вам, меня услышит отец Мины, начнет копаться в этом плане и искать недостатки, а папа будет волноваться. Вы просто посмотрите, что мы станем делать. Теперь уже недолго ждать.

— А что думает твой молодой друг? Он не сердится, что ты не посвящаешь в эти деда его отца?

— Он ничего не имеет против, правда, Мина?

— Правда, — пропищал молодой дроммианин. — Папа велел мне делать все, что скажет Изи, а потом он был очень груб с ней. Мы ему покажем!

Услышав такое, Рекер взметнул брови и немного повеселел. Если кто-то собирается поставить Аминадабарли в глупое положение, то...

План Быстрого вскоре перестал быть загадкой. На экране появилась группа охотников, волочивших безжизненное тело летающего хищника. Опасные щупальца этого существа были обрублены — вот зачем каждую охотничью партию сопровождал ученик Феджина с топором. Охотники проткнули часть газовых пузырей — столько, сколько нужно было, чтобы тело хищника не могло взмыть вверх. Остальные пузыри были целы. Нетрудно было догадаться, как их собирались использовать.

Отсеки водородных камер батискафа на нижней стороне его корпуса были снабжены клапанами для уравнения давления. Клапаны эти имели выводные трубки из пластика для сбрасывания в наружную среду излишков электролитического водорода. Обычно давление внешней атмосферы удерживало эти трубки в закрытом, точнее, сплющенном состоянии. Однако было вполне возможно ввести в такую трубку снаружи другую, твердую трубку и впустить в отсек газ или жидкость. Именно этим и занялись теперь тенебрийцы. Рекер не знал точно, из чего они сделали трубки, но он не удивился их находчивости. Конечно, при перекачке много газа пропадало, но это никого не тревожило. Летающих хищников, слава богу, было достаточно.

— Понимаю, — сказал Рекер через несколько минут. — Но я предвижу одну опасность.

— Какую? — быстро откликнулась Изи. Очевидно, и у нее возникли кое-какие сомнения.

— Батискаф рассчитан на подъемную силу водорода. Откуда ты знаешь, что газ, которым вы пользуетесь, поднимет вас так высоко, чтобы можно было включить ваши ускорители, даже если мы доставим на борт, инженера, чтобы...

— Почему вы думаете, что этот газ — не водород?

— А почему ты думаешь, что это водород?

— Ну, а что еще можно найти на этой планете, что было бы легче воды в парообразном состоянии?

— Гм, наверно, очень много всяких газов... Впрочем, не знаю. Я об этом не думал. — Тут его осенило. — Ты что, говорила с инженерами?

— Конечно. Я не хочу дерзить, но скажите сами, у кого еще я могла узнать что-нибудь толком о нашем судне? Вы, конечно, хорошо знаете планету, но этого мало...

— Вот оно что... — медленно протянул Рекер. — Я действительно меньше занимался батискафом, чем надо было бы, но насчет проводки с инженерами говорил...

На этом, собственно, все и кончилось. Ник вспомнил о своем плавании на плоту и позаботился, чтобы передние камеры батискафа были заполнены больше, чем задние. Батискаф понесло ветром в сторону вулкана. Он поднимался так медленно, что детям пришлось досыта наглядеться на устрашающее зрелище извержения. Войдя в нагретые слои атмосферы, батискаф начал угрожающе снижаться по направлению к огнедышащей горе, но вовремя выровнялся и пошел на подъем — водород в камерах тоже нагрелся. Зарево внизу постепенно удалялось и меркло, и счастливая Изи со своим другом стали ждать встречи со спасательным судном.

— Я давно говорил, что земляне беспомощны и вообще никчемны. — Как ни счастлив был Аминадабарли, он с большим трудом расставался со своими концепциями. — Вы потратили многие недели, пытаясь организовать спасательную экспедицию, а дикари, у которых меньше знаний, чем у любого из этих детей, оказались сметливее вас. Вы десять или двадцать лет учили собственных агентов на этой планете. И что же? За одну неделю вы узнали больше полезного от аборигенов, с которыми раньше не потрудились установить непосредственный контакт.

— Ну да, аборигены. Они немедленно попробовали бы съесть робота, — возразила Изи. — Не забудьте, мы с Миной хорошо узнали Быстрого. Он не тронул робота, потому что тот мог учить его — с помощью Ника! Иначе он просто не обратил бы на него внимания. Или уничтожил бы.

Аминадабарли поискал глазами сына, но тот мотнул головой, подтверждая слова Изи.

— Как бы то ни было, — снова затоварил дроммианин, — но аборигены с их самобытной культурой могут оказаться полезными, и я скоро докажу это.

— Как? — спросил Рекер.

— Через три месяца сюда прибудет экспедиция с Дромма. Я этого добьюсь. Мы сумеем договориться с Быстрым не хуже вас, и тогда поглядим, кто быстрее обогатит геофизику знаниями о Тенебре.

— Разве не выгоднее работать совместно и обмениваться информацией?

— Я сыт по горло сотрудничеством с землянами, и если мое мнение чего-нибудь стоит, то все дроммиане согласятся со мной. Ты ведь выучился языку Быстрого, сынок?

— Да, папа, но...

— Никаких «но». Понимаю, ты подружился с Изи... и полагаю, что, пробыв с тобой все это время, она стала менее

ядовитой, чем большинство землян, но я-то знаю, о чем говорю. Свяжись-ка с Быстрым через робота.

— Но я не могу, папа.

Даже земляне поняли, что Аминадорнелдо смущен.

— Не можешь? Как это не можешь? Ты же сейчас сказал, что изучил их язык...

— О, я хорошо понимаю их, но говорить не могу.

— Значит, ты слушал, а говорить предоставил девочке с Земли? Мне стыдно за тебя. Ты отлично знаешь, что никогда нельзя упускать возможность изучить новый язык.

— Я ее не упустил, папа.

Аминадабарли начал выходить из себя.

— Тогда во имя обоих солнц, чем ты занимался?

Люди, успевшие уже изучить нрав дроммианина, никогда еще не слышали, чтобы голос его звучал столь громоподобно. Аминадорнелдо беспомощно посмотрел на Изи.

— Хорошо, — сказала девочка. — Мы ему покажем.

Она заняли свои места перед микрофоном, и Изи включила его. Затем, не отрывая глаз друг от друга, они одновременно заговорили. Они издавали удивительно странные звуки; то они говорили вместе, то звучал голос одного дроммианина, когда нужно было взять особенно высокую ноту, а то — только Изи, когда требовались ноты более низкие. В ответ из репродуктора донеслись подобные же звуки. Изи отвечала Быстрому, одновременно пуская в ход руки, — подсказывала своему «маленькому» спутнику, что говорить дальше. Они явно выработали своего рода код глухонемых для объяснения друг с другом. Конечно, они говорили гораздо медленнее Быстрого, но туземец, видимо, их отлично понимал.

— Он здесь, советник, — сказала Изи после небольшой паузы. — Что вы хотите передать ему? Группа переводчиков готова приступить к работе. Надеюсь, вы простите Мине сотрудничество с девочкой с Земли. У нас, право же, не было другого выхода.

Никому не пришло в голову рассмеяться.

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ

1. Остановка для бурения

Битчермарлф почувствовал, как прекратилась вибрация, когда корабль остановился, но все же инстинктивно взглянул наружу, прежде чем отпустить руль «Квембли». Конечно, это было бесполезно. Солнце, или, точнее, тело, о котором он старался думать, как о Солнце, зашло почти двадцать часов назад. Небо еще оставалось достаточно светлым, чтобы на нем не проступили звезды, но наступившие сумерки уже не позволяли различить детали на утопающем в снежной пыли пространстве вокруг корабля. След, оставленный «Квембли» на снегу, мог бы позволить как-то определиться, но он остался позади, а это было единственное направление, не доступное для взгляда с центра мостика, и отсюда, с поста у руля, скорость установить не представлялось возможным.

Капитан, расположившийся на своей платформе сверху и позади рулевого, правильно понял, из-за чего тот поднял голову, но если он и удивился, то не подал виду. За долгое время, равное двум человеческим жизням, что он провел в плаваниях по непредсказуемым океанам Месклина, он так и не научился любить неопределенность, не говоря уж о том, чтобы мирно уживаться с ней. Командование «кораблем», в устройстве которого он не очень-то разбирался, путешествие по суше вместо моря и мысль о том, что его родной мир находится более чем в трех парсеках отсюда, — все это нисколько не прибавляло уверенности в себе, и капитан ни в коей мере не осуждал за отсутствие таковой более молодых членов экипажа.

— Мы остановились, рулевой. Закрепись и начинай проверку-обслуживание, как и положено через каждые сто часов. Мы пробудем здесь десять часов.

— Да, капитан. — Битчермарлф закрепил руль фиксатором.

Взгляд, брошенный на часы, сказал ему, что до конца вахты оставалось еще около часа, и потому он начал проверять тросы, соединяющие рулевое устройство с передними тележками «Квембли».

Тросы были хорошо видны, так как все механизмы корабля располагались с наружной стороны корпуса. Строителей огромного лэнд-крейсера и его одиннадцати «близнецов-братьев» не слишком заботил внешний вид. И убедиться в том, что несколько дюймов троса над мостиком не изношены, было нетрудно, это заняло лишь несколько секунд. Рулевой жестом сообщил капитану, что все в порядке, постучал по мостику, прося разрешения спуститься, подождал ответа, открыл трап по правому борту и поспешил вниз по лестнице, продолжать свою инспекцию.

Дондрагмер смотрел, как рулевой покинул пост, со спокойной душой, ведь тот был надежным матросом, так что в данный момент можно было выкинуть из головы проблемы управления кораблем. Капитана беспокоило другое. Он поднял переднюю часть своего восемнадцатидюймового тела, так что его голова оказалась на уровне переговорной трубы. Сиреноподобный вой, который без труда перекрыл бы любой ураган на Месклине, но здесь, в тиши снежного поля Дхрауна, совершенно неуместный, заставил вздрогнуть всю команду.

— Говорит капитан. Десятичасовая остановка для обслуживания и проверки. Вахтенным занять места. Исследовательскому персоналу следовать обычному распорядку, но прежде, чем выйти наружу, необходимо получить разрешение с мостика. Никаких полетов, пока вертолеты не будут как следует осмотрены. Энергоотсек — докладывайте!

— Проверяем. — Голос, прозвучавший из переговорной трубы, был ниже по тону, чем у Дондрагмера.

— Жизнеобеспечение — ваше слово!

— Жизнеобеспечение — проверка.

— Связь!

— Связь — проверка.

— Кервенсеру заступить на вахту на мостике! Я собираюсь выйти наружу. Исследовательский отсек, сообщите данные наружной атмосферы!

— Один момент, капитан. — Короткая пауза — и голос доложил: — Температура семьдесят семь, давление двадцать шесть и один, ветер около двадцати одного, постоянный, скорость двести кабельтовых в час, фракция кислорода стандартная при ноль - ноль сто двадцать два.

— Спасибо. Похоже, не так уж и страшно.

— Нет. С вашего разрешения, я хотел бы выйти вместе с вами, чтобы взять образцы с поверхности. Можно ли установить бурильную установку? Думаю, за десять часов нам удастся добыть образцы с довольно большой глубины.

— Хорошо. Выход наружу вам разрешается. Я выхожу немедленно, а вы собирайте свое бурильное оборудование и, когда будете готовы, сообщите Кервенсеру номер вашей партии, он отметит в вахтенном журнале.

— Спасибо, капитан. Мы не задержимся.

Дондрагмер позволил себе расслабиться. Конечно же, он не собирался покидать мостика до появления сменщика, хотя двигатели были уже остановлены. Кервенсер появится лишь через несколько минут, ему, в свою очередь, необходимо сначала передать обязанности своему сменщику. Тем не менее, ожидание не особенно тяготило капитана, ему было о чем подумать. Дондрагмер не принадлежал к числу существ, заранее обо всем беспокоящихся (нервная система месклинитов не реагирует на неопределенность подобным образом), но ему нравилось обдумывать ситуацию, прежде чем ее пережить. Тот факт, что, случись что-нибудь с «Квембли», а помощи в радиусе ближайших десяти или двенадцати тысяч миль взяться было неоткуда, его не обескураживал и не вырастал в какую-то особую проблему. Все это не слишком отличалось от ситуаций, с которыми ему приходилось сталкиваться большую часть жизни на безбрежных

морях Месклина. Основное беспокойство вызывала машина, которой он командовал. Этот корабль никоим образом не походил на тот набор свободных плотиков, какой в его понимании был кораблем. Его заверили, что при необходимости он может плавать. Он и действительно плавал во время испытаний, когда проходил проверку на далеком Месклине, где и был построен. Но ведь с тех пор многое произошло: его разобрали, погрузили на челночный корабль, переправивший его на орбиту вокруг мира, где он был создан, там, в космосе, его погрузили на межзвездный корабль, а затем, после прыжка в три парсека, перегрузили на другой, весьма отличающийся челнок, который доставил детище Месклина на поверхность Дхрауна, где его заново собрали. Дондрагмер лично наблюдал за разборкой и последней сборкой «Квембли» и других аналогичных кораблей, но промежуточные стадии не были доступны его непосредственному наблюдению. Именно в этом и заключалась истинная причина, гнавшая сейчас капитана наружу.

Как ни высоко ценил он Битчермарлфа и всех остальных членов подобранной им команды, все же он любил личные впечатления. Конечно, говорить об этом Кервенсеру, когда тот появился на мостике, не стоило, все и без того было ясно, тем более что, скорее всего, первый офицер и сам был таким же.

— Проверка и обслуживание ведутся полным ходом. Исследователи собираются выйти и пробурить шахту. Я тоже решил выйти и посмотреть, как обстоят дела. — Вот и все, что сказал Дондрагмер, покидая мостик, да еще добавил: — Если потребуется, посигнальте мне внешними прожекторами. Все — на ваше усмотрение.

Кервенсер беззаботно щелкнул двумя клешнями.

— Все будет в порядке. Дон. Желаю получить удовольствие.

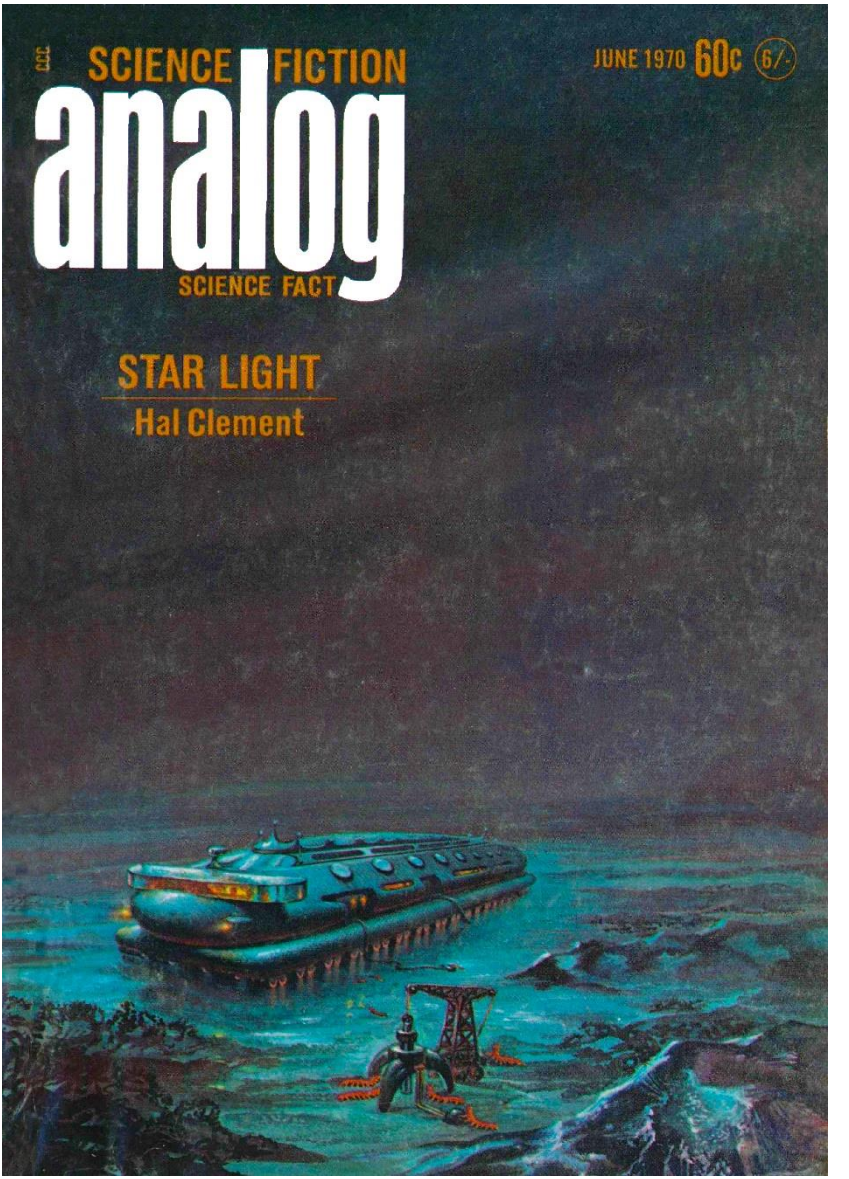
Капитан выбрался через оставшийся открытым люк, из которого только что появился его сменщик, заметив про

себя, что Кервенсер вовсе не так уж беззаботен, как хотел показать.

Четырьмя палубами ниже, в шестидесяти футах от мостика, в кормовой части располагался главный воздушный шлюз. На пути туда Дондрагмер останавливался несколько раз — поговорить с членами команды, работавшими среди балок, тросов и трубопроводов внутри чрева «Квембли», и к моменту, когда он добрался до шлюза, четверо ученых уже были там со своим бурильным оборудованием и даже начали облачаться в гермокостюмы. Капитан критическим взглядом наблюдал, как они, извиваясь, вползали в прозрачные сооружения, удобно размещая там свои длинные тела и многочисленные ноги, проверяли герметичность костюмов и запас аргона и водорода. Удовлетворенный, он жестом разрешил им выход и начал одеваться сам.

К тому времени, как Дондрагмер выбрался наружу, ученые уже вовсю разворачивали и устанавливали аппаратуру. Он бросил короткий взгляд в их сторону, остановившись на минутку на пандусе, ведущем из шлюза на поверхность. Капитан видел, что они делали, и вполне мог положиться на них, но, увы, он ни на минуту не мог быть спокоен, не зная, какой сюрприз преподнесет им погода, так как из-за низкого положения глаз над уровнем поверхности он мог видеть небо лишь постольку, поскольку позволял нависающий над ним корпус судна.

Темнота надвигалась медленно, очень, очень медленно, по мере того как двухмесячный период обращения Дхрауна все дальше отодвигал слабенькое солнце за горизонт. Как и дома, горизонт сам по себе казался расположенным выше его поля зрения, а создавала такой эффект спрессованная тяготением атмосфера, она же заставляла яростно перемигиваться звезды, как только они становились видимыми. Дондрагмер взглянул в сторону носа корабля, но двойные звезды — Хранители южного полюса, Фомальгаут и Сол, — по-прежнему еще не появились. В небе, дрейфуя в западном направлении, тянулись перистые облака. Очевидно, ветер


SCIENCE FICTION
analog
SCIENCE FACT
JUNE 1970 60c 6/-
STAR LIGHT
Hal Clement

на высоте примерно тысячи или двух тысяч футов дул в другую сторону, чем на поверхности, как и обычно в дневное время. Но Дондрагмер знал, как все здесь ненадежно: всего лишь в нескольких тысячах миль к западу находилась территория, где заходящее солнце гораздо сильнее влияло на температуру, чем здесь, и там перемены в погоде могли наступить уже через несколько дюжин часов, но какие перемены — он даже не смел предположить, это уже выходило за пределы возможностей матроса с Месклина, хотя и вооруженного кое-какими знаниями в области чужой метеорологии и физики.

Тем не менее, на данный момент все, казалось, было в порядке. Дондрагмер спустился вниз по пандусу на снег и продвинулся примерно на сто ярдов к востоку, так как шлюз был расположен по правому борту корабля, — частично для того, чтобы осмотреть другую часть неба, частично — чтобы завершить общий обзор своего корабля, прежде чем перейти к детальной инспекции.

На западе небо тоже не вызывало тревоги, и Дондрагмер ограничился коротким взглядом.

«Квембли» выглядел как обычно.

Для человека, возможно, корабль показался бы сигарой, скрученной из теста и долго пролежавшей на столе. Длина его достигала примерно сотни футов, а ширина — двадцати — двадцати пяти футов, наиболее высокая точка корабля находилась на высоте примерно двадцати футов над снегом. В действительности таких точек было две: верхняя точка изгиба корпуса (примерно на одной трети длины от кормы) и командный мостик. Последний представлял собой в плане двадцатифутовый прямоугольник, и его очертания странным образом нарушали гармонию плавной линии корпуса. Расположен он был почти у самого носа, в том месте, где передние гусеничные тележки почти соприкасались с поверхностью. Это позволяло рулевому, командиру и вахтенным наблюдать за местностью во время движения.

Плоское днище машины возвышалось примерно в ярде над снегом, поддерживаемое большим числом гусеничных тележек. Каждая из них была изготовлена индивидуально и соединена с соседними, сложной системой мощных тросов-тяг, позволяя «Квембли» совершать повороты с очень малым радиусом и обеспечивая довольно хорошее сцепление с грунтом. Между тележками и корпусом располагалось то, что можно было бы назвать пневматическим демпфером, который распределял тягу и адаптировался к незначительным неровностям местности.

Гусеницеподобная фигура медленно передвигалась вдоль ближней стороны лэнд-крейсера: очевидно, Битчермарлф продолжал инспекцию тросов. Примерно в двадцати ярдах от капитана уже была установлена короткая башенка бура для взятия глубинных образцов. А сверху, держась за поручни, которые усеивали корпус, но были едва заметны с того места, где находился капитан, карабкались члены команды, инспектировавшие швы на герметичность — весьма нервная работа для месклинита. Агорафобия была нормальным и здоровым явлением для существа, выросшего в мире, где гравитация на полюсах превышала шестьсот земных «g», и даже далеко от полюса, в районе, откуда родом была команда «Квембли», составляла примерно треть этой величины. Сравнительно слабое притяжение Дхрауна, примерно тринадцать сотен футов в секунду за секунду, несколько ослабило проклятие боязни высоты, но инспекция корпуса по-прежнему была наименее популярной обязанностью. Дондрагмер пополз назад, через плотно спрессованную смесь белых кристаллов и коричневой пыли, иногда покрытую случайными лишайниками, и, достигнув корпуса, стал взбираться по борту наверх, чтобы помочь в работе.

Огромные, изогнутые плиты корпуса, выполненные из пластика, борона, армированного кислородо- и флюориносодержащими полимерами, были изготовлены в мире, которого никто из месклинитов никогда не видел, хотя большинство команды и имело дела с его обитателями.

Инженеры-химики, земляне, позаботились, чтобы плиты, составляющие корпус, смогли противостоять любым коррозийным воздействиям, какие только могли предусмотреть. Они прекрасно понимали, что Дхраун был одним из мест во Вселенной, которое в этом отношении не лучше, а скорее, даже хуже, чем их собственный кислородно-водяной мир. Кроме того, они прекрасно знали о его чудовищном тяготении и все это держали в уме, когда синтезировали части корпуса и адгезивы — как временные склеиватели, использованные при испытании на Месклине, так и постоянные, примененные при окончательной сборке машин на Дхрауне.

Дондрагмер полностью полагался на мастерство этих людей, но не мог забыть, что им не приходилось и не придется никогда сталкиваться лицом к лицу в условиях, с которыми боролись созданные их руками механизмы.

Хотя капитан и уважал теорию, зато очень хорошо знал пропасть между теорией и практикой, а потому уделял максимум внимания проверке соединений между частями огромного корпуса.

Ко времени, когда он удостоверился, что все детали, по-прежнему, в хорошем состоянии, небо стало заметно темнее. Кервенсер в ответ на стук по внешней оболочке мостика, сопровождаемый несколькими жестами, включил часть внешних прожекторов, при свете которых те, кто еще оставался на корпусе, закончили свою работу и благополучно спустились назад на снег.

Битчермарлф, вынырнув откуда-то из-под огромного корпуса, доложил, что линии тяги в отличном состоянии. Буровики тем временем извлекли с глубины нескольких футов очередные пробы и теперь тащили их в лабораторию, тащили сразу же, едва лишь извлекался сегмент, так как никто не знал, как реагируют образцы на низкую температуру. Хотя на поверхности местный снег, похоже, был единственной водой, то есть точка таяния его лежала в безопасных пределах, никто не мог быть уверен, что так же обстоит дело и на глубине.

Искусственный свет мешал осматривать небо. Первым признаком изменения погоды стал неожиданно налетевший порывистый ветер. «Квембли» слегка покачнулся на своих тележках, а тросы зазвенели в плотном воздухе, струящемся мимо них. Однако месклиниты не волновались: при гравитации Дхрауна, чтобы их сдуть, потребовалась бы работа внушительного смерча, они здесь весили столько же, сколько весили бы их статуи тех же размеров из золота на Земле. Дондрагмера, инстинктивно вонзившего клешни в пыльный снег, взволновал не ветер, гораздо больше он был раздражен тем, что не заметил облаков, которые ему сопутствовали. Легкие перистые облака, усеивающие небо примерно на высоте тысячи футов, сменились рваными кучевыми, бегущими низко над поверхностью. Осадков пока еще не было, но никто из матросов не сомневался, что они вот-вот появятся, хотя неизвестно, в какую форму выльются и с какой яростью обрушатся.

На Дхрауне месклиниты провели уже полтора года, по человеческим меркам, или четверть оборота планеты, но это не так уж много, чтобы изучить особенности мира, гораздо большего по размерам, чем их собственный. Даже если бы Дхраун полностью завершил один из своих оборотов, то и этого времени не хватило бы, и команда Дондрагмера прекрасно знала это.

Голос капитана перекрыл завывания ветра:

— Все внутрь! Бердженди, Реффел и Стакенди — ко мне, помогите собрать бурильное оборудование! Первый, кто окажется внутри, — передать Кервенсеру, чтобы включил двигатели и был готовым развернуть корабль носом по ветру, как только последний из нас окажется на борту

Дондрагмер в момент, когда отдавал команду, понял, что ее, может быть, нельзя выполнить. Вполне вероятно, что проверка находится сейчас на такой стадии, когда запуск двигателей невозможен. Тем не менее, отдав приказ, он о нем больше не думал: команда сделает все, чтобы приказ выполнить, а внимание капитана требовалось в другом

месте. Бурильное оборудование представляло собой главную ценность, эти механизмы послужили основной причиной присутствия месклинитов на Дхрауне. Даже Дондрагмер, наиболее свободный от предвзятости в отношении человеческих мотивов, которой были заражены многие из месклинитов, подозревал, что обычный человек, в том числе и ученый, мог счесть бурильное оборудование более ценным, чем жизнь одного или даже двух месклинитов.

Исследователи, вытащив бур, уже направлялись внутрь корабля, когда капитан приблизился к ним. В шлюзовой отсек отправились треножник и передаточный механизм устройства, приводимого в движение мускульной силой. Снаружи остались только поддерживающий остов и башенки контроля — наименее значимые части, так как их можно заменить без помощи людей. Однако, несмотря на это, поскольку ветер не становился сильнее, капитан и его помощники задержались, чтобы забрать их тоже. Ко времени, когда все было готово, остальные уже исчезли внутри, и Кервенсер, стоя на мостике наверху, явственно выказывал признаки нетерпения.

С чувством удовлетворения Дондрагмер проводил свою группу вверх по пандусу и запер за собой дверь шлюза. Теперь они стояли на плите шириной в ярд и длиной в отсек, лицом к бассейну с жидким аммиаком, занимающему половину внутреннего отсека. Наиболее тяжело нагруженные члены группы осторожно спустились в жидкость, удерживаясь за поручни, подобные тем, что были на корпусе снаружи. Прочие, подобно капитану, просто нырнули. Внутренняя стена отсека уходила в глубину на четыре фута ниже поверхности, а затем следовал трехфутовый проем между нижним краем стены и дном бассейна. Проплыв сквозь щель и выбравшись на другой стороне, месклиниты оказались на выступе, подобном только что покинутому. Другая дверь открыла им доступ во внутреннее помещение «Квембли».

Чувствовался слабый запах кислорода. Несколько пузырьков наружного воздуха всегда проникали внутрь,

сопровождая все, что проходило через шлюз, но тяжелые аммиачные пары и катализаторы, размещенные во многих местах внутри корпуса, давно уже доказали способность справляться с этой неприятностью и держать ее под контролем. Большинство месклинитов научились не обращать внимания на запах, так как все знали, что по-настоящему малое количество газов не заключало в себе опасности.

Исследователи, скинув защитные костюмы, удалились со своей аппаратурой и контейнерами, предохраняющими образцы от жидкого аммиака. Дондрагмер отослал оставшихся по местам и отправился на командный мостик.

Кервенсер, увидев капитана, появившегося из люка, вознамерился было покинуть пост управления, но Дондрагмер жестом приказал ему остаться на месте, а сам направился к правому борту супермашины. Часть пола на мостике была прозрачной. Земные инженеры поначалу собирались сделать прозрачным весь пол, позабыв о психологии месклинитов. Взбираться на корпус и само по себе было для них делом нелегким, но находиться на прозрачном полу, когда под тобой пятнадцать или даже больше футов воздуха, — это уж вообще выходило за пределы всякого благоразумия. Капитан остановился на краю одной из таких прозрачных панелей пола и трепетно посмотрел вниз.

Серая поверхность вокруг огромной машины оставалась неизменной, несмотря на ветер, сотрясавший корпус. Ветер был нипочем для снега, спрессованного двенадцатикратным, по сравнению с земным, тяготением в течение столь долгого времени, что не поддавалось оценке. Даже завихрения вокруг «Квембли» ничем себя не обнаруживали, хотя Дондрагмер ожидал, что они пробуравят дыры у основания тележек. Еще дальше, вплоть до границ света прожекторов, не было видно ничего, кроме дыр, откуда брали образцы, и случайных, дрожащих на ветру веток кустарника. Он пронаблюдал несколько минут, ожидая, что ветер произведет какое-нибудь разрушительное действие, но, не дождавшись, обратил свое внимание на небо.

Несколько ярких звезд уже просвечивали сквозь разрывы в облаках, но Хранители полюса все еще не появились. Они стояли всего лишь в нескольких градусах над южным горизонтом, и, благодаря рефракции, облака, в беспорядке клубившиеся повсюду, блокировали обзор. По-прежнему не было ни дождя, ни снега, а чего ожидать — неизвестно. Температура снаружи по-прежнему держалась чуть ниже точки плавления чистого аммиака, что намного ниже точки плавления водяного льда, но трудно сказать, какой эффект она могла произвести на снег под кораблем, состоящий из смеси аммиака с водой. Дондрагмер знал о взаимной смешиваемости воды и аммиака, но никогда не пытался запомнить фазовые диаграммы или таблицы точек замерзания различных смесей. И если снег растает, «Квембли» придется продемонстрировать плавательные способности, но капитан не горел желанием проводить испытания.

Кервенсер прервал его мысли.

— Капитан, корабль будет готов к отправлению через четыре-пять минут. Включать двигатели?

— Нет пока. Я боялся, что ветер выметет снег из-под нас и перевернет машину, как волна выброшенную на берег лодку, и потому хотел, чтобы мы стояли носом к ветру, чтобы такое не случилось. Но, похоже, нет никакой опасности. Пусть продолжаются проверочные работы везде, где можно, лишь бы они не помешали за пять минут включить двигатели.

— Да, капитан. Я отдам распоряжения.

— Хорошо. Тогда будем держать включенными внешние прожекторы и наблюдать за почвой вокруг нас, пока не будем готовы возобновить движение или пока не стихнет ветер.

— Ужасно раздражает, что никак не понять, когда это произойдет.

— Да уж. Дома шторм редко продолжается более часа и никогда — более одного дня. Этот мир вращается так медленно, что штормовые поля могут быть величиной с континент, и кто знает, сколько сотен часов они будут гулять над нами? Придется просто дожидаться, когда это кончится.

— Вы имеете в виду, что мы не сможем продолжить путешествие, пока ветер не стихнет?

— Ну, не знаю. Воздушная разведка рискованна, а без нее мы не можем двигаться достаточно быстро, если не хотим попасть в переделку. Так, во всяком случае, думают люди, там, наверху.

— Мне не нравится быстрое движение. Просто невозможно осмотреть местность, если не останавливаться иногда. И все равно, наверное, мы много упустили такого, что даже эти людишки сочли бы интересным.

— Похоже, они знают, чего хотят: им важно определить, является ли Дхраун планетой или звездой. И они платят по счетам. Я допускаю, что парням становится скучно, если нечем занять себя, кроме самых обыденных вещей, — сказал капитан.

Кервенсер в ответ промолчал, хотя и не оставил замечание без внимания. Он знал, что командир не пытался намеренно оскорбить людей, даже после пренебрежительного замечания по поводу человеческих существ со стороны своего помощника. Это был один из пунктов, по которым Дондрагмер довольно резко расходился с большинством своих спутников, считающих само собой разумеющимся, что чужаки пытаются заполучить все, что можно, как и всякие хорошие торговцы. Но командир провел больше времени, близко общаясь с людьми, панешками и учеными-дроммианами, чем кто-либо из месклинитов, благодаря чему проникся терпимостью и расположением к чужакам, не говоря уж о большом к ним уважении, что большинство месклинитов, однако, считало мягкотелостью.

Споры по этому вопросу разгорались не часто, и прибытие Битчермарлфа предотвратило словесные баталии и на этот раз. Битчермарлф доложил о завершении инспекции. Дондрагмер жестом отослал его, приказав прислать на мостик другого рулевого, и молчал, пока не появился сменщик. Такуурч, напротив, не принадлежал к числу тех, кто любил помалкивать, и, добравшись до мостика, незамедлительно приступил к тому, что считал беседой. Кервенсера, как обычно, забавляло воображение и нахальство сменщика, и он поддержал его болтовню, Дондрагмер же разговор игнорировал, лишь иногда обращая внимание на какие-то реплики. Все мысли капитана были прикованы к тому, что происходило снаружи, хотя на первый взгляд могло показаться, что там не происходило ничего.

Он выключил огни на мостике и все внешние прожекторы, кроме расположенных у самой поверхности планеты, чтобы свет не мешал осматривать небо. Облаков, как будто бы, поубавилось, да и размеры их стали меньше, но они неслись с той же скоростью, что и прежде. Завывание ветра, доносившееся снаружи, не ослабевало. Постепенно появлялись звезды. На мгновение в разрыве облаков мелькнул один из Хранителей, как быстро окрестили их месклиниты,

у самого горизонта, на юге. Дондрагмер не мог сказать, какая именно это звезда: и Сол, и Фомальгаут с поверхности Дхрауна казались одинаково яркими и, из-за их яростного перемигивания сквозь плотную атмосферу планеты, совершенно неразличимыми по цвету, а кроме того, облака тут же сомкнулись, закрыв Хранителя.

— ...Вся группа плотиков с правого борта расползлась, и, кроме меня, на основном плоту не осталось никого...

По-прежнему не было ни намека на снег или дождь, и, к облегчению капитана, очищающееся небо делало осадки все менее вероятными. По одной из переговорных труб капитан вызвал лабораторию и выслушал, что температура падает, что сейчас она равна примерно семидесяти пяти градусам — на три градуса ниже точки плавления аммиака: все еще довольно опасная, но изменяющаяся в нужную сторону.

— ...Островов к юго-западу от Дингбара. Нас выбросило на берег штормовой волной, и довольно высоко, на сухое место. Половина плотиков была переломана. Я...

Облака в небе теперь почти исчезли, и звездам ничто не мешало перемигиваться. Конечно же, созвездия были знакомыми. Ведь смещение точки отсчета на три парсека не сильно изменило картину неба, да и времени, чтобы привыкнуть к незначительным изменениям, было у Дондрагмера в достатке. Он снова попытался найти Хранителей, и снова неудачно. Наверное, ближе к югу еще оставались облака. Было слишком темно, чтобы в этом убедиться зрительно. Даже выключение прожекторов на мгновение не помогло, зато привлекло внимание двух присутствующих, остановив неиссякаемый поток анекдотов.

— Что-нибудь меняется, капитан? — веселое настроение Кервенсера мгновенно исчезло, как только забрезжила вероятность каких-то действий.

— Возможно. Звезды постепенно появляются, но в южном направлении их пока не видно. Да, если честно, их нет по всему горизонту. Подойдите, взгляните сами.

Первый офицер повиновался и, подойдя, коснулся одного из переключателей. Копье электрического света пронзило темноту. Дондрагмер поманипулировал парой управляющих кабелей, и луч, метнувшись к западной части горизонта, заплясал, пока не лег параллельно поверхности. Из горла Кервенсера вырвался вой — примерный эквивалент возгласа удивления у человека.

— Туман! — воскликнул рулевой. — Непустой, но все же он закрывает горизонт.

Дондрагмер махнул клешней в знак согласия, одновременно наклоняясь к переговорной трубе.

— Исследовательский отсек! — заорал он. — Возможно выпадение осадков. Проверьте, что это за туман и как он может воздействовать на лед под нами.

— Но, чтобы взять пробу, понадобится некоторое время, сэр, — пришел ответ. — Конечно, мы постараемся побыстрее. Нам разрешается выход наружу? Или работать через корпус?

Капитан задумался на мгновение, прислушиваясь к завыванию ветра.

— Выход наружу разрешаю. Но постарайтесь не задерживаться.

— Мы отправляемся немедленно, капитан.

По жесту Дондрагмера первый офицер покинул свой пост, и все трое направились к правому борту, в самый конец мостика, чтобы понаблюдать за выходом партии наружу.

Месклиниты передвигались быстро, но туман сгущался все сильнее. Ко времени, когда открылся люк, в этом не оставалось сомнений. Две гусеницеподобные фигуры, тащившие груз, имеющий очертания цилиндра, достигли точки, которая просматривалась сверху, с мостика, и установили навстречу ветру свое оборудование — воронку, переходящую в фильтр. Несколько минут ушло на то, чтобы убедиться, что захваченного вещества вполне достаточно, затем они демонтировали оборудование, заключили фильтр в

контейнер, предохраняющий пробу от воздействия жидкого аммиака в шлюзе, и направились назад к кораблю.

— Теперь у них целый день уйдет на то, чтобы разобраться, что это такое, — буркнул Кервенсер.

— Не думаю, — успокоил помощника капитан. — Они уже столько возились с экспресс-анализами водоаммиачных смесей, что накопили порядочный опыт. Помнится, Бордендер что-то говорил о высокой степени достоверности при наличии определенного количества образцов.

— Если так, то почему они медлят?

— Да они еще только-только выбрались из своих гермокостюмов, — терпеливо объяснил капитан.

— А почему нельзя сначала доставить образцы в лабораторию, а потом снимать костюмы? Почему нельзя...

Сиреноподобный вой, раздавшийся из переговорной трубы, прервал его. Дондрагмер подал сигнал, что слушает.

— Почти чистый аммиак, капитан. Я думаю, это переохлажденные капли жидкого аммиака. Они смерзлись в комок в фильтре и, растаяв здесь, превратились в хорошую порцию внешней атмосферы. Если вы почувствуете запах кислорода в течение ближайших нескольких минут, это оно и есть. Пожалуй, такая смесь может покрыть ледяной коркой весь корпус, а если обледенение достигнет мостика, то, как мы поняли на примере фильтра, это будет мешать обзору. Вот пока и все, что я могу сказать о возможных неприятностях.

Дондрагмер мог бы сказать больше, но он ни с кем не стал делиться своими предположениями и прервал связь с лабораторией.

— Такого с нами, с тех пор как мы здесь, еще не происходило, — заметил капитан своему помощнику. — Не столкнулись ли мы с каким-то сезонным изменением? Хотелось бы мне, чтобы люди подольше наблюдали за этим миром, прежде чем продать нам идею об исследовании его для них. Как замечательно было бы знать заранее, что последует дальше! Кервенсер, запустите двигатели. Когда будете

готовы, разверните корабль носом по ветру и продвигайтесь вперед — очень медленно, — если сможете что-нибудь разглядеть снаружи. Если же не сможете, то двигайтесь по кругу как можно ближе к точке последней остановки, чтобы оставаться на почве, которая нам уже знакома. Не спускайте глаз с кабелей — конечно, там, где они выходят наружу, — и дайте мне знать, если к ним начнет что-то прилипать. Поставьте наблюдателя к кормовому портику, пусть наблюдает за следом корабля, это может что-нибудь дать. Понятно?

— Приказы — да, капитан. Чего вы ожидаете — нет.

— Может быть, я ошибаюсь, но даже если я и прав, то все равно нам ничего другого не остается. Мне не нравится идея выходить наружу и вручную очищать кабели. Остается только надеяться на лучшее.

— Да, капитан. — Кервенсер отправился выполнять полученные приказы.

Когда термоядерные двигатели тележек «Квембли» пробудились к жизни, капитан приблизился к пластиковому блоку, имеющему высоту четыре дюйма, длину один фут и ширину четыре дюйма и расположенному перед командным пультом. Он сунул одну из своих клешней внутрь небольшого отверстия в блоке, поманипулировал кнопками управления и начал говорить.

2. Зрители

Хотя звук распространялся с немалой скоростью, голос доходил до адресата достаточно долго. Радиоволны сперва пролетали сквозь плотную, хотя и быстро редеющую атмосферу, а затем сквозь космическое пространство. Секунда за секундой летели они, постепенно ослабевая, но спустя полминуты после начала своего путешествия еще обладали сконцентрированной энергией, позволяющей воздействовать на десятифутовую сетчатую антенну.

Антенна, с которой они столкнулись, была закреплена на цилиндре диаметром сотни в три футов и длиной, вполовину меньшей, образуя сооружение, напоминающее штангу, которая медленно вращалась вокруг своей оси, перпендикулярной к оси цилиндра.

Ток, инициированный волнами в антенне, перетекал в кристаллик величиной с булавочную головку, служащий детектором, и там зарождался поток электронов, усиливающийся расположенным рядом крошечным генератором, а оттуда попадал в старомодный громкоговоритель, установленный почти в самом центре цилиндра — в отсеке площадью в тридцать квадратных футов.

Лишь через тридцать две секунды после того, как Дондрагмер произнес свои слова, они достигли ушей троих из пятнадцати человеческих существ, дежуривших сейчас в отсеке.

Дондрагмер не знал, кто там находится в это время, и потому говорил на языке людей, который он выучил, а не на своем, так что все трое поняли его.

— Внимание, говорит, «Квембли». Внеочередной сеанс связи. Два с половиной часа назад мы остановились для обычной проверки оборудования и исследований. Ветер был примерно двести кабельтовых в час, западный, облачность незначительная. Вскоре после нашей остановки ветер набрал скорость более чем в три тысячи кабельтовых...

Лицо одного из присутствующих приобрело удивленное выражение, спустя мгновение лицо второго тоже вытянулось.

— Месклинитский кабельтов — это примерно двести шесть футов, Бойд, — пояснил последний.

— Ветер поднялся с пяти миль в час до шестидесяти.

— Спасибо, Изи.

Их внимание вновь обратилось к громкоговорителю.

— Туман полностью обволок нас и становится все гуще. Я не решаюсь пока продолжить движение, как планировал, и сейчас иду по кругу, чтобы не дать гусеницам обледенеть.

Туман, как считают мои ученые, представляет собой переохлажденный аммиак. Почва покрыта замерзшей водой — снегом. Похоже, моим ученым не пришло в голову, что при росте температуры где-то до семидесяти градусов туман может растопить немного замерзшей воды, частично сам перейдя в жидкое состояние.

Я понимаю, что при создании нашей машины предполагалось, что она может быть использована и как плавательное средство. Вряд ли почва настолько подтает, но все же хотелось бы знать, подумал ли кто-нибудь о том, что произойдет, если жидкость замерзнет вокруг наших гусениц.

Признаюсь, мне никогда не приходилось высвобождать корабль изо льда вручную, и сама эта мысль не очень-то меня привлекает, тем более что у нас на борту нет никакого специального оборудования для действий в подобной ситуации. Ведь я собирал и комплектовал эту машину сам.

Я вызвал вас, чтобы доложить: мы можем застрять здесь на гораздо более долгий срок, чем планировалось. Я буду постоянно информировать вас, и, если мы потеряем способность двигаться, хорошо бы на этот случай располагать хоть какими-нибудь идеями, чтобы занять наших ученых. Они уже проанализировали и проверили на практике большую часть из того, что вы предлагали для условий обычной остановки.

— Спасибо, Дон, — ответила Изи. — Мы постоянно будем на связи. Я попрошу наших наблюдателей и аэрологов высказать предположения о том, как долго может продержаться туман, в который вы попали. Может быть, у них уже есть что-нибудь полезное. Ведь вы находитесь на ночной стороне около дня, а значит, возможно, уже готовы последние данные фотосъемок. Сама я не знаю возможностей их приборов, но, так или иначе, я проверю и сообщу тебе.

Женщина отключила микрофон и повернулась к своим товарищам, в то время как ее слова все еще летели к Дхрауну.

— Хотела бы я понимать по голосу Дона, сильно обеспокоен он или нет, — заметила она.

— Каждый раз, когда месклиниты наталкиваются на что-то новое на этой ужасной планете, я поражаюсь, как мы вообще имели наглость послать их туда. Или как у них хватило храбрости согласиться.

— Ну, с определенностью могу сказать, что их никто не заставлял и никто хитростью туда не заманивал, Изи, — произнес одни из присутствующих.

— Месклинит проводит большую часть жизни как матрос, прочесывая свою планету от экватора до южного полюса, и его не назовешь наивным ни в чем, что касается любых исследований или первопроходчества. Да мы бы и не смогли их перехитрить, даже если бы и захотели.

— Разумом я все это понимаю, Бойд, но вот мой живот не всегда соглашается. Когда «Квембли» засел в песке всего в пятистах милях от базы, я чуть не съела свои собственные губы, пока месклиниты выбирались. Когда «Смоф» Дэнсичереджа попал в расщелину, куда его затащил грязевой поток, я осталась в одиночестве, поддержав решение Барленнана послать туда один из больших лэнд-крейсеров на подмогу. А когда исчез «Эскет», вместе со всей командой, в которой было много моих очень близких друзей, я сражалась с Аланом и Барленнаном из-за их решения не посылать туда спасательную группу. Я и сейчас думаю, что они были неправы.

Я знаю, что Дхраун — работа, которую надо выполнить, и что месклиниты согласились на нее, отчетливо понимая, на какой риск идут. Но когда одна из их команд попадает в переделку, я просто не могу не представить себя там, внизу, с ними, и поэтому склонна принимать их сторону, когда возникает спор по поводу спасательной операции. По-моему, в конце концов меня снимут с работы из-за этого, но так уж я устроена.

Бойд Мерсерэ рассмеялся.

— Не волнуйтесь, Изи. Вам потому и поручена эта работа, что вы реагируете подобным образом. Пожалуйста, помните, что, если даже мы и не соглашаемся в чем-нибудь с Барленнаном или с кем-то из его группы, мы находимся в сорока миллионах миль от них и Барленнан все равно волен поступить так, как захочет. Но это не значит, что вы должны изменить свое отношение. Ничуть.

— Гм. — Если Элиза Хоффман и была довольна или испытала облегчение, она не подала виду. — То же самое всегда говорит мне Иб, но я считаю его мнение предвзятым.

— Согласен, но не стоит подозревать его в предубежденности. Он говорит и правильные вещи, и иногда вы должны ему верить.

— Спасибо, Изи.

Ответ Дондрагмера прервал их разговор.

На этот раз месклинит воспользовался своим языком, который никто из присутствующих мужчин не понимал хорошо.

— Я буду рад каждому сообщению ваших наблюдателей. Барленнану ничего не сообщайте, если только сами не сочтете нужным. В общем, для нас пока опасности нет, а ему есть о чем подумать и без нас, пусть не беспокоится понапрасну Свои предложения по проведению исследований можете пересылать прямо сюда, в лабораторию, на второй передатчик. А сейчас я отключаюсь, но у всех четырех передатчиков будут дежурные.

Динамик замолчал, и Аукойн, третий из находящихся в отсеке, встал со своего места и вопросительно посмотрел на Изи.

Она перевела.

— Что ж, значит, нам прибавится работы, — вздохнул Аукойн. — У нас уже есть несколько разработанных программ, запланированных на более поздний срок путешествия «Квембли», но если Дондрагмер надолго застрянет там, где он сейчас, то мне лучше пойти взглянуть, какие из них сгодятся. Я уже уяснил себе из первого сообщения — он

не думает, что скоро сможет двигаться дальше. Схожу-ка я сначала к расчетчикам. Пусть они поточнее высчитают координаты местоположения «Квембли» с помощью теневых спутников. Затем зайду к атмосферникам, узнаю их мнение, а потом, если понадоблюсь, буду в отсеке планирования.

— Может быть, мы с вами встретимся у атмосферников, — ответила Изи. — Я собираюсь немедленно начать собирать информацию, которую хочет иметь Дондрагмер, если вы останетесь на вахте. Бонд.

— Хорошо, я задержусь немного. У меня, правда, есть кое-какие другие дела, но я прослежу, чтобы все экраны «Квембли» были под наблюдением. Да, вот еще что. Вам лучше сказать Дону, кто здесь остался на вахте, чтобы он не послал какое-нибудь важное сообщение на стеннийском, или как там называется его родной язык? Думаю, эти шестьдесят четыре секунды задержки радиоволн не так уж много значат, если учесть, что мы можем отсюда сделать для него.

Женщина пожала плечами, произнесла несколько слов на языке крошечного матроса в микрофон, помахала Мерсерэ и ушла прежде, чем Дондрагмер услышал ее последнюю фразу.

Алан Аукойн ушел еще раньше.

Метеорологическая лаборатория располагалась на самом «высоком» уровне цилиндра, близко к оси вращения станции, чтобы человек чувствовал себя хоть на одну десятую легче, чем в коммуникационном отсеке.

Поскольку люди на станции нуждались в тренажерах для поддержания физической формы, а места не хватало, то при проектировании было решено, что их роль будут выполнять обычные лестницы, а автоэскалаторы, как и интеркомы, были предусмотрены только в качестве аварийного оборудования, поэтому у Изи Хоффман был выбор: либо спиральная лестница у самой оси симметрии цилиндра, либо любая из нескольких обычных. Так как у нее не было никакого груза, она воспользовалась обычной лестницей и через минуту уже достигла цели, находящейся точно «наверху».

Наиболее значительными предметами в этом отсеке были две, по двадцать футов в диаметре каждая, атмосферные карты Дхрауна, и каждая представляла собой картинку — экран, несущий информацию об изменениях температуры, давления на разных высотах, скорости ветра на поверхности планеты, а также другие данные, получаемые либо с теневых спутников, находящихся на низкой орбите, либо от исследовательских групп месклинитов.

Пятнышко зеленого цвета отмечало положение Базового лагеря, расположенного слегка к северу от экватора, а девять желтых искорок, разбросанных неподалеку, указывали местонахождение исследовательских лэнд-крейсеров. На фоне гигантской планеты эта группа объектов поражала своей скученностью, хотя на самом деле они были разбросаны по довольно большой территории — примерно на восемь тысяч миль к востоку и западу от лагеря и на двадцать — двадцать пять тысяч миль к югу и северу. И все это на западной стороне того, что метеорологи называли Нижней Альфой.

Желтые светлячки, за исключением двух, вырвавшихся далеко в холодные области на западе, располагались примерно по контуру Нижней Альфы. Конечно, хорошо бы со временем расположить следящие станции по всему контуру, но пока они охватывали немногим более четверти восьмидесятитысячемильного периметра.

Цена была высокой — и не просто в денежном исчислении, которое Изи привыкла считать мерой измерения затраченных усилий, но и в жизнях.

Она поискала глазами на карте обведенный красным кружком желтый огонек на самом краю Нижней, отмечавший позицию «Эскета». Семь месяцев — три с половиной дня Дхрауна — прошло с тех пор, как люди в последний раз видели членов его команды, хотя передатчики по-прежнему слали виды внутренних отсеков лэнд-крейсера.

Снова и снова Изи с грустью думала о своих друзьях — Кабремме и Дестигмете. И часто, сама не сознавая того, она

беспокоила совесть Дондрагмера, упоминая о них в разговорах с командиром «Квембли».

— Привет, Изи!

— Хай, мам! — ворвались в ее невеселые мысли голоса вошедших.

— Привет, парни погоды, — ответила она. — У меня есть друг, которому срочно требуется прогноз. Можете помочь?

— Если для нашей станции, то конечно, — ответил Бендж.

— Не будь циничным, сын. Ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать такие вещи. Это — для Дондрагмера, с «Квембли».

Она показала на желтый светлячок на карте и, вкратце обрисовав ситуацию, добавила:

— У Алана имеются более точные координаты «Квембли», если это имеет какое-то значение.

— Да нет, разница небольшая, — сказал Сайлас Макдевитт. — Но, поскольку вам не по нраву циничные замечания, придется выбирать слова осторожнее и быть более точным: огонек, там, на экране, должен находиться несколько правее, на несколько сотен миль, однако сомневаюсь, что расчетный прогноз из-за этого заметно изменится.

— Я вообще не уверена, достаточно ли у вас данных для любого прогноза, — парировала Изи. — Погодные изменения даже на этой планете идут с западного направления, а местность к западу уже многие дни находится на теневой стороне. Так не могли бы вы просмотреть аналогичные ситуации, наблюдаемые раньше? Может быть, это что-нибудь прояснит?

— О, конечно.

Сарказм Бенджа сменился энтузиазмом, заставившим его, забыв о перепалке, с головой погрузиться в атмосферную физику.

— Большинство наших данных получено с помощью отраженного солнечного света, вернее, с помощью того, что излучается с поверхности планеты. Но дело в том, что

планета гораздо больше излучает в пространство, чем получает от солнца. Из-за этого и разгорелся весь сыр-бор — считать ли Дхраун звездой или все-таки отнести его к планетам. Мы в любой момент можем узнать температуру почвы, мы узнали кучу всяких вещей о поверхности, уровнях облачности. С южными ветрами... — Он внезапно умолк, заметив, что Макдевитт внимательно смотрит на него, но не сумел прочесть выражение лица метеоролога.

Макдевитт, вовремя заметив замешательство молодого человека, ободряюще кивнул, прежде чем с того слетела вел юношеская самоуверенность.

— При такой мощной гравитации плотность воздуха падает примерно вдвое с каждым ярдом высоты. И это вызывает изменения температуры поистине поразительные. — Бендж снова замолчал, на этот раз глядя на свою мать. — Ты понимаешь или надо пояснить?

— Мне не хотелось бы сейчас вникать глубоко в описанную тобой проблему, — ответила Изи, — но общее понимание картины у меня есть. По-моему, ты немного сомневаешься, что твой прогноз верен, что надо сообщать Дону с точностью до минуты, когда туман у них там собирается разойтись. Может быть, тебе будет полезен его доклад о поверхностном давлении и направлении ветра? На «Квембли» ведь есть приборы, ты знаешь.

— Может быть, — подтвердил Макдевитт, в то время как Бендж молча кивнул.

— Могу я поговорить с «Квембли»? И поможет ли мне кто-нибудь из них? Стеннийским я практически пока не владею.

— Я помогу, если мне удастся четко перевести твои технические термины, — ответила Изи. — Если вы планируете с пользой провести здесь отпущенное вам время, то было бы неплохо попытаться изучить язык наших маленьких друзей. Многие из них знают наш, но они, определенно, одобрили бы эту идею.

— Знаю. И собираюсь это сделать. И буду рад, если вы мне поможете.

— Когда смогу. Но, конечно, вы гораздо чаще будете видеть Бенджа.

— Бендж? Ну и что? Он приехал сюда вместе со мной, три недели назад, и вряд ли успел выучить язык лучше, чем я. Мы оба занимались проверкой местных обсерваторий и компьютерных систем — насколько они соответствуют проектным разработкам.

Изи улыбнулась своему сыну.

— Может быть, и так. Но Бендж такой же языковый жук, как и его мать. И, думаю, он будет вам полезен, хотя, должна признать, свой стеннийский он получил скорее от меня, чем от месклинитов. С детства он настаивал, чтобы я учила его языкам — ему хотелось иногда иметь секреты от своих сестер. Спишите это, если вам больше нравится, на родительскую гордость. Но дайте ему попробовать. Правда, чуть позже. Сначала надо передать информацию Дондрагмеру, и как можно скорее. Он сообщил, что ветер западный, скорость шестьдесят миль в час, если это вам как-то пригодится.

Метеоролог на мгновение задумался. Затем он и Бендж повернулись к приборам и в течение нескольких минут колдовали над ними. Их действия мало что значили для Изи, хотя, конечно же, она знала, что они вводят цифровые данные в вычислительное устройство. Но ей было приятно видеть Бенджа, самостоятельно управляющегося со своей работой, без подсказок и контроля.

Они с мужем прекрасно понимали, что математические познания парня могли оказаться недостаточными для области исследований, в которой лежали его интересы. И хотя то, чем он сейчас занимался, являлось обычным делом и было по плечу каждому, кто имел хоть какое-то образование, Изи предпочла гордиться сыном.

— Конечно же, — заметил Макдевитт, пока машина переваривала введенные данные, — все равно останется место

сомнениям. Здешнее солнце не слишком-то влияет на температуру поверхности Дхрауна, но и пренебрегать этим эффектом полностью тоже нельзя. С тех пор, как люди сюда прибыли три года назад, планета постепенно все приближается и приближается к солнцу. Практически мы не имели данных об условиях на поверхности, за исключением, разве что, тех, что получали с помощью полудюжины роботов, пока, спустя полтора года, не был создан Базовый лагерь месклинитов. Однако даже их деятельность охватывает лишь крошечный участок планеты. Наша работа по прогнозам почти полностью эмпирична, но, как бы мы ни доверяли законам физики, для вывода эмпирических правил у нас пока просто недостаточно материала.

Изи кивнула.

— Я понимаю, да и Дондрагмер тоже, — сказала она. — И все же вы располагаете большей информацией, чем он, и, мне кажется, он был бы рад любым сведениям в данной ситуации. Если бы я сама находилась там, внизу, в тысячах миль от любой помощи, внутри машины, которая в действительности проходит стадию испытаний, и даже не могла разглядеть того, что творится вокруг меня, то, доложу вам на основании собственного опыта, я ухватилась бы за малейшую возможность знать, что происходит снаружи. И не просто ограничилась бы беседой, хотя и она помогает, но захотела бы, чтобы меня лицезрели и видели все, что написано на моей физиономии.

— Мы и так чертовски много времени поддерживаем с ними видеосвязь, — вставил Бендж. — Но даже когда там внизу нет облачности, шесть миллионов миль — многовато для телескопа.

— Ты прав, конечно, но, по-моему, ты отлично знаешь, что я имела в виду, — тихо произнесла его мать.

Бендж пожал плечами и ничего не сказал; в помещении почти на полминуты воцарилась весьма напряженная тишина.

Тишину неожиданно нарушил компьютер, извергнувший бумажную ленту с замысловатыми символами прямо перед Макдевиттом. Мать и сын склонились над его плечами — узнать, что там напечатано, хотя Изи ничего не понимала. Бендж, секунд пять поглядев на строчки информации, издал странный звук — нечто среднее между смешком и удовлетворенным хмыканьем. Метеоролог посмотрел на него:

— Давай, давай, Бендж. Можешь быть саркастичным, сколько влезет, но я бы воздержался от передачи этих результатов Дондрагмеру без проверки.

— Почему же? «Что там такого?» — спросила женщина.

— Большая часть информации поступила с теневых спутников. Кроме того, я подключил к введенному массиву данных и ваши сведения о ветре, но уменьшил степень вероятности, потому что не знаю, что за инструменты там, внизу, у этих гусениц, и насколько точны переданные вам цифры — вы ведь сами сказали о скорости ветра: примерно шестьдесят. Я ничего не ввел про туман, поскольку не имею о нем никаких сведений, кроме самого факта существования. При такой программе первая строчка данных, выданных компьютером, гласит, что видимость в норме, то есть в норме для человеческих глаз, прошу заметить, но и для глаз месклинитов примерно то же самое, насколько я понял: двадцать две мили.

Изи вопросительно подняла брови.

— Как же это понимать? О какой норме может идти речь? А я-то думала, что все эти старые шуточки насчет метеорологов давно устарели!

— Ну, они просто стали пресными, старомодными. Все дело в том, что мы не располагаем полноценными данными, которые требуются для ввода в машину, и взять их негде. Самое главное — отсутствует детальная топографическая карта планеты. Особенно плохо разведана пара миллионов квадратных километров к западу от «Квембли». Ветер, дующий вверх или вниз по довольно крутому склону, при любой

значительной скорости мог бы быстро изменить температуру воздушных масс из-за одного лишь изменения давления, как несколько минут назад указал Бендж. В действительности даже лучшие топографические карты, имеющиеся в нашем распоряжении, разрабатывались исходя только из этого эффекта, но и они довольно отрывочны. Мне необходимо получить более детальные измерения от парней Дондрагмера и сделать еще один прогон. Вы, кажется, говорили, что Аукойн собирается более точно определить местоположение «Квембли»?

Изи не успела открыть рот для ответа, как в комнате появился Алан Аукойн собственной персоной. Он не стал тратить время на приветствия и принял как само собой разумеющееся, что метеорологи уже сообщили Изи дополнительную информацию.

— Восемь точка четыре пять градуса к югу от экватора, семь точка девять два три — к востоку от меридиана Лагеря. Это настолько точно, насколько они могут поклясться. Тысяча ярдов неопределенности — много это или мало для того, что вам нужно?

— Сегодня просто все упражняются в остроумии, — пробормотал Макдевитт. — Спасибо, этого вполне достаточно. Изи, не могли бы мы спуститься в отсек связи и переговорить с Дондрагмером?

— Хорошо. Вы не будете возражать, если с нами пойдет и Бендж, или есть какая-нибудь работа, которую ему надо выполнить здесь? Я хотела бы, чтобы он тоже познакомился с Дондрагмером.

— И, как бы случайно, показал свои лингвистические способности? Ладно, пусть идет. А вы. Алан?

— Нет. У меня масса работы. Я хотел бы проанализировать расчеты любого прогноза, который оказался достаточно верным, и мне надо знать все, что сообщит Дондрагмер. Хочу посмотреть, как это повлияет на результаты. Я буду в отсеке планирования.

Метеоролог кивнул, соглашаясь. Аукойн направился в одном направлении, а трое остальных спустились по лестнице в отсек связи. Мерсерэ исчез, как и предупреждал, но один из наблюдателей разместился с таким расчетом, чтобы присматривать за экранами «Квембли». Он помахал им рукой и вернулся на свое место, как только вошла Изи. Остальные обратили на процессию мало внимания. Здесь привыкли к постоянным приходам и уходам, так как существовало жесткое правило: в отсеке связи никогда не должно быть менее десяти наблюдателей, а график дежурств был гибким, иначе, как обнаружили, возникал эффект дорожного гипноза.

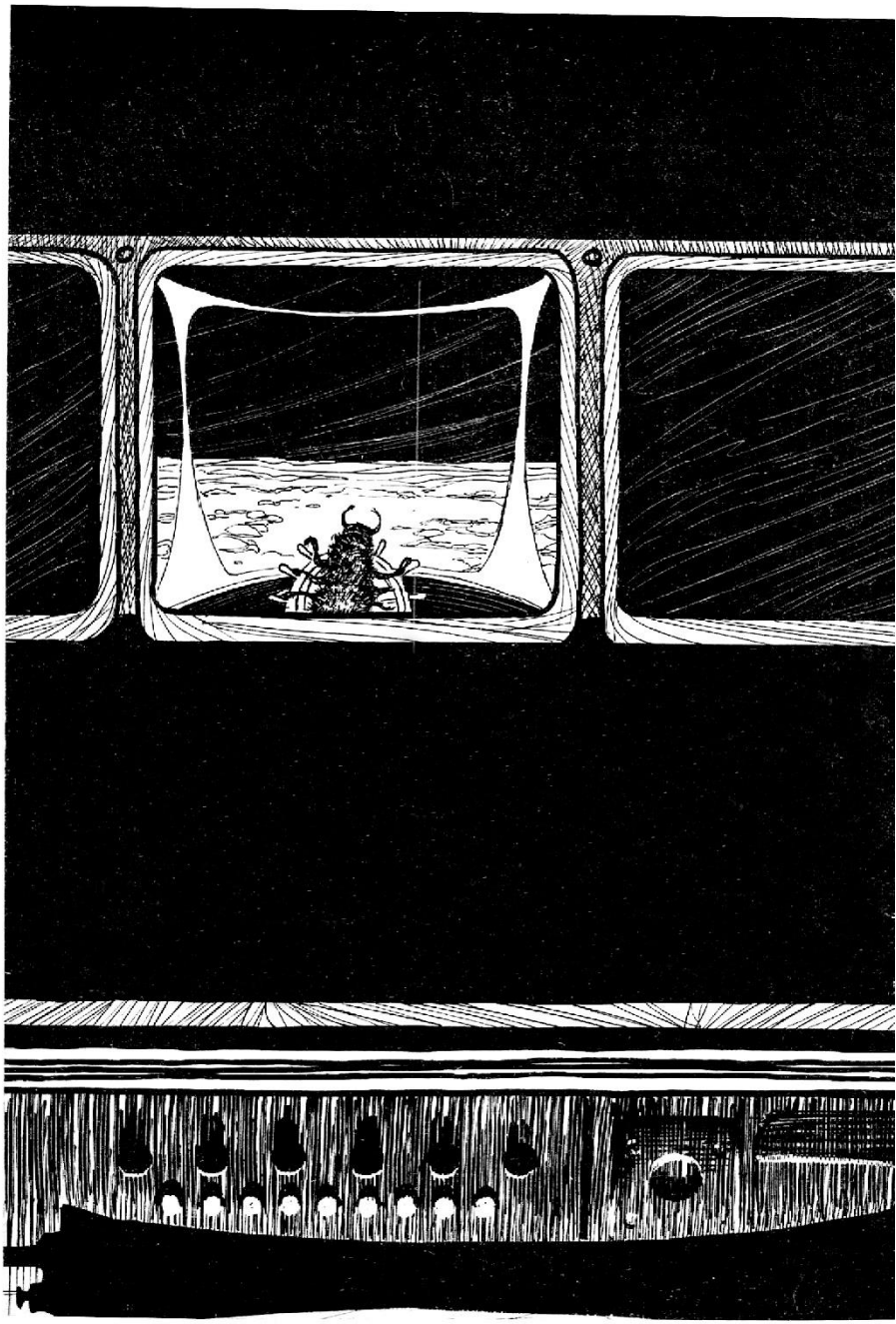
Четыре передатчика, связывающие станцию с «Квембли», располагались в центре, перед группой из шести кресел. Над ними, чуть выше, были установлены соответствующие видеоэкраны, которые хорошо просматривались и из общих рядов кресел позади. Каждое из шести «вахтенных» кресел было оборудовано микрофоном и переключателем, что позволяло входить в контакт с любым из радиопередатчиков «Квембли».

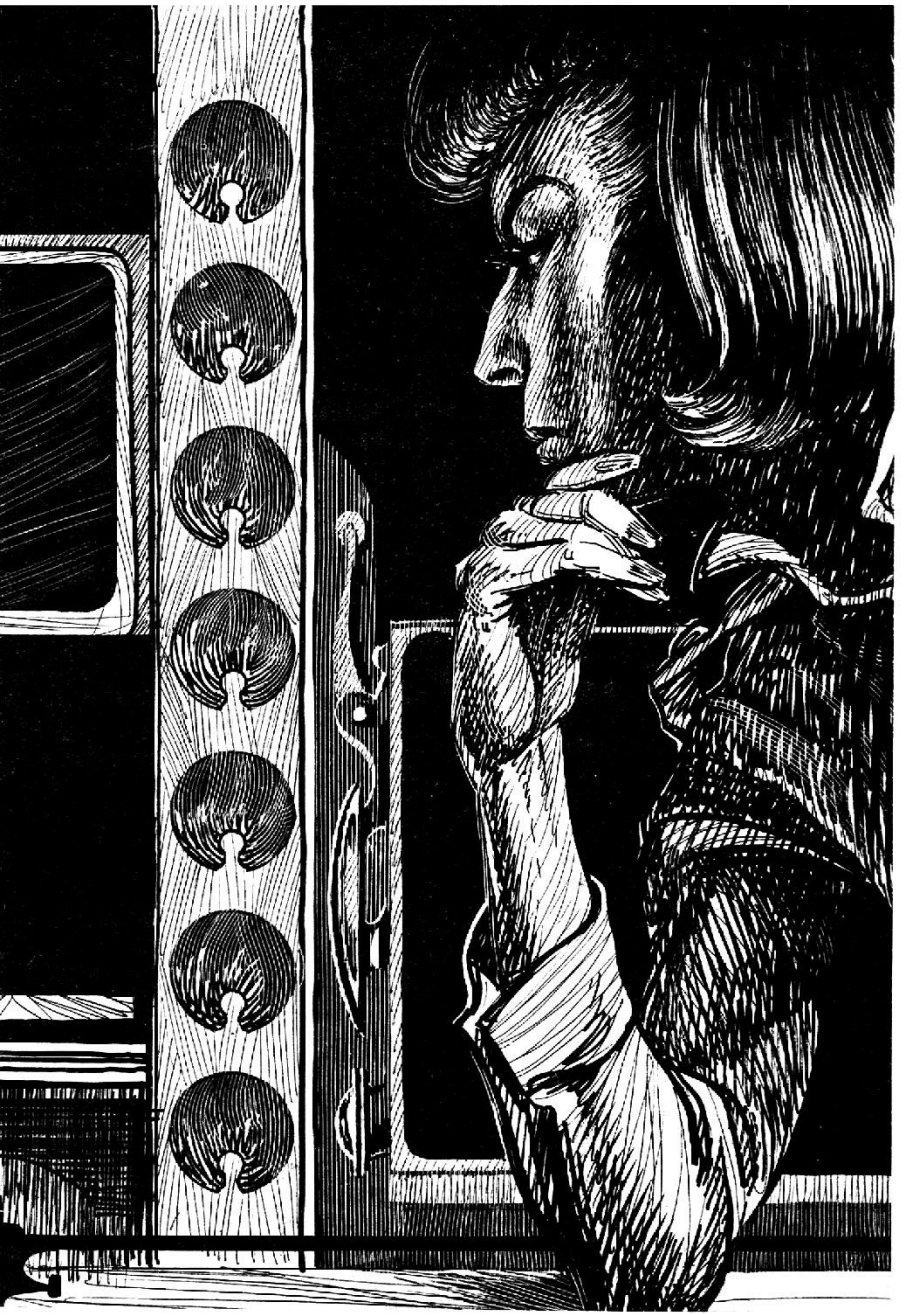
Изи с комфортом устроилась в центральном кресле и, переключив свой микрофон на прибор, установленный на капитанском мостике Дондрагмера, сосредоточилась на экране. Камера передатчика смотрела в сторону иллюминаторов мостика, и сообщения месклинитов о тумане оказались совершенно верными. Пост рулевого и находящийся там матрос смутно различались в нижнем левом углу экрана; остальное пространство заливала серая пустота. Свет на мостике был притушен, но, как рассудила Изи, туман за окнами подсвечивался наружными прожекторами «Квембли».

— Дон! — позвала она. — Здесь Изи. Ты на мостике?

Она запустила таймер и осмотрелась по сторонам.

— Бордендер! Любой дежурный! — продолжила она на стеннийском. — Мы никак не можем получить надежный прогноз погоды с той информацией, которой располагаем.





Мы просим сообщить, и как можно точнее, температуру снаружи на данный момент, скорость ветра, наружное давление, а также любые данные, касающиеся состава тумана, и...

— И ту же информацию за последние несколько часов, как можно более точно указав время замеров, — на том же языке продолжил Бендж.

— Мы будем готовы к приему информации, как только закончим разговор с мостиком, — сказала женщина.

— Нам бы пригодилось все, что у вас есть, по составу атмосферы, тумана и снега, — добавил ее сын.

— Если же вы располагаете еще каким-то материалом, который, по вашему мнению, мог бы помочь, мы будем рады получить его, — закончила Изи. — Вы находитесь на месте событий, в отличие от нас, и, должно быть, имеете какие-то собственные соображения насчет погоды на Дхрауне.

Первые слова отвечавшего месклинита чуть перекрыли завершающую фразу Изи. Таймер был установлен на временную задержку, в течение которой радиоволны совершали полет до Дхрауна и обратно, на станцию. И вот ответ с мостика пришел:

— Здесь Кервенсер, миссис Хоффман. Капитан внизу, в отсеке систем жизнеобеспечения. Я могу вызвать его сюда, наверх, если хотите, или сами свяжитесь с ним по прибору, установленному там. Однако, если вы можете дать нам какой-нибудь совет, мы бы хотели получить его как можно быстрее. Отсюда, с мостика, ничего не разглядеть даже на длину тела, и мы не осмеливаемся двигаться вперед иначе, чем по кругу. Полеты, еще до того, как мы остановились, дали нам кое-какое представление об окружающей местности, и это место кажется достаточно надежным, но мы не решаемся продвигаться вперед. Мы перемещаемся исключительно медленно, по кругу диаметром примерно в двадцать пять кабельтовых. И, за исключением тех моментов, когда мы оказываемся кормой или носом к ветру, ощущение такое, будто корабль собирается опрокинуться через каждые

несколько секунд. Туман при соприкосновении с окнами замерзает, поэтому снаружи ничего не разглядеть. Гусеницы, похоже, все еще чистые, как мне кажется, потому что при движении намерзший на них лед раскалывается прежде, чем успевает причинить вред. Однако, по-моему, тяги управления тележками могут обледенеть в любой момент, и очищать их от льда — незавидная работенка. Возможно, нам придется поработать снаружи, но сам бы я не решился на такое, пока не стихнет ветер. К тому же, слова «обледенение скафандра» звучат неприятно. Будут какие-нибудь предложения?

Изи терпеливо ждала, когда Кервенсер закончит. Задержка в шестьдесят четыре секунды производила одинаковое впечатление на всех, но особенно сильное на тех, кто много разговаривал с планетой. Эти люди старались сделать свои фразы как можно более информативными, пытаясь предугадать, чтобы хотела услышать другая сторона.

Как только Изи поняла, что Кервенсер закончил и ждет ответа, она вкратце пересказала сообщение, переданное ученым, не упоминая, конечно, о результате расчетов на компьютере, из которых следовало, что погода должна стоять ясная.

Месклиниты знали, что земная наука отнюдь не является непогрешимой, большинство из них имели куда более реалистичное представление о ее возможностях, чем многие люди, но они не видели никакого смысла выставлять себя в глупом свете, если этого можно избежать. Конечно, Изи не метеоролог, но она человек, и Кервенсер, возможно, равнял ее с другими.

Вся группа почти в полном молчании ожидала ответа первого офицера, когда Изи закончила сообщение. Бендж, по просьбе Макдевитта, пробормотал перевод, что заняло у него чуть больше времени, чем само послание. Когда же наконец пришел ответ, то он состоял всего лишь из вежливого обещания, что люди вскоре получат нужную им

информацию: ученые «Квембли» немедленно передадут запрошенные сведения.

Изи и ее сын приготовились к приему данных. Она включила запись, чтобы иметь возможность проверить любой технический термин еще до попытки его перевода, но послание пришло на языке людей. Очевидно, его передавал Бордендер. Макдевитт, довольно быстро справившись от удивления, начал делать записи, в то время как Бендж неотрывно следил за карандашом и, навострив уши, слушал месклинита.

В общем-то, не так уж и плохо, что Изи не пришлось переводить. При всем ее хорошем знании стеннийского в обоих языках оставалась масса незнакомых ей слов, которые было не перевести адекватно. Она понимала, что это вполне естественно и не стоит из-за этого расстраиваться, но никак не могла избавиться от неприятного ощущения. Она не могла думать о месклинитах как о представителях культуры, схожей с той, которая породила Робин Гуда или Гаруналь-Рашида, хотя прекрасно знала, что уже несколько сотен месклинитов за последние полвека получили под руководством землян довольно значительное научно-техническое образование. Об этом факте широко не распространялись, поскольку существовало широкое мнение, что плохо передавать сложные знания «отсталым» расам. Считалось, что это может вызвать у них комплекс неполноценности и предотвратить дальнейший прогресс.

Но метеорологов это не волновало. Когда прозвучало последнее «Конец связи», Макдевитт и его ассистент быстро пробормотали в ближайший микрофон «Спасибо» и заторопились в свою лабораторию. Изи, заметив, что микрофон установлен на связь с капитанским мостиком, переключила его и ответила более аккуратным подтверждением полученных данных, вежливо поблагодарила и отключилась. Затем, решив, что больше никому не понадобится в лаборатории метеорологии, она откинулась на спинку кресла, с которого

хорошо просматривались все четыре экрана «Квембли», и стала ждать, когда что-нибудь случится.

Мерсерэ вернулся спустя несколько минут после ухода Макдевитта и Бенджа, и его пришлось ввести в курс последних событий, больше не происходило ничего существенного. Иногда на одном из экранов мелькало длинное, похожее на гусеницу тело, но месклиниты занимались своими делами, практически не обращая никакого внимания на наблюдателей.

Беседа между Изи и Мерсерэ тихо увяла. Мало что можно сказать друг другу, что уже не было бы сказано: год, проведенный вне Земли, исчерпал темы для бесед, за исключением профессиональных вопросов и проблем чисто личного характера. Личного интереса у Изи к Мерсерэ практически не было, хотя он ей, в общем-то, и нравился как человек, а профессиональные интересы соприкасались лишь во время сеансов связи с месклинитами.

Изи подумывала уже, не начать ли еще одну беседу с Кервенсером. Она хорошо знала этого офицера, и он ей определенно нравился, почти так же, как и сам капитан. Тем не менее, мысль о временной задержке между вопросом и ответом обескураживала ее, как часто бывает при отсутствии важной темы, которая требовала бы обсуждения.

В отсеке связи стояла почти полная тишина. Лишь каждые несколько минут с одного из исследовательских лэндкрейсеров поступал рапорт, который немедленно передавался в Базовый лагерь, но большинство людей, несущих вахту, имели ничуть не больше тем для беседы, чем Изи и Бойд Мерсерэ.

Изи поймала себя на том, что пытается предположить, когда же метеорологи вернутся со своим прогнозом и насколько надежным этот новый прогноз окажется. Пусть, скажем, две минуты пути до лаборатории, даже одна, если они торопились; еще одна — на ввод новой информации в компьютер; две — на прогон; пять минут, поскольку она хорошо знала своего сына, — на споры по поводу того,

действительно ли этот прогноз лучше предыдущего; повторный прогон с модифицированным разбросом переменных; затем две минуты на спуск вниз — обратно в отсек связи, тут-то они, наверняка, торопиться не станут, все еще продолжая спорить. Но все равно скоро они должны появиться здесь.

Но, прежде чем они появились, кое-что изменилось. Совершенно неожиданно экран капитанского мостика приковал к себе общее внимание. До сих пор на нем все было спокойно, виднелись лишь неясные очертания иллюминатора, покрытого замерзшим аммиаком, да на его фоне смутно проглядывало изображение рулевого, казавшегося почти полностью неподвижным, поскольку рычаг управления находился в другой плоскости, ибо «Квембли» двигался по кружному пути, о котором говорил Кервенсер.

И вдруг иллюминаторы буквально на глазах очистились, хотя за ними по-прежнему мало что можно было разглядеть: угла раствора камеры передатчика не хватало, чтобы захватить участок поверхности планеты в зоне, освещенной прожекторами. Появились еще двое месклинитов и, приблизившись к иллюминаторам, посматривали наружу и возбужденно жестикулировали. Мерсерэ указал на другой экран: там, в лаборатории, также царило возбуждение. Но пока никто из исследователей не счел нужным сообщить, что же происходит. Изи решила, что они слишком заняты возникшими проблемами, но, впрочем, они и всегда-то держали громкость на довольно низком уровне, иногда даже полностью выключали звук, если только не хотели о чем-то определенном поговорить с людьми.

И как раз в этот момент вернулись метеорологи. Уголком глаза Изи заметила своего сына и спросила, не оборачиваясь:

— Ну, на этот раз есть что-нибудь ценное?

Ответил Макдевитт:

— Да. Должен ли Бендж перевести это им?

— Нет. Похоже, у них там что-то случилось. Свяжитесь с ними сами. Дондрагмер, скорее всего, уже на мостике или вот-вот появится там, так что адресуйтесь к нему. Когда ваши слова достигнут планеты, он их услышит. Вот, пожалуйста, воспользуйтесь этим микрофоном и креслом.

Метеоролог повиновался без возражений и заговорил, едва усевшись в предложенное кресло.

— Дондрагмер, примерно двенадцать часов видимость будет ухудшаться. Туман, грозящий обледенением, продержится еще около часа, а затем температура станет понижаться, туман сменится кристаллами аммиака, которые не будут прилипать к вашим иллюминаторам. Если вам удастся избавиться от уже намерзшего на них льда, вы сможете разглядеть поверхность планеты даже сквозь идущий снег. Ветер постепенно будет слабеть в течение ближайших пяти часов. К тому времени температура окажется достаточно низкой, так что не беспокойтесь, вам не грозит таяние. Сильная облачность ожидается еще примерно в течение сорока пяти часов... — Он продолжал говорить, но Изи перестала слушать.

Почтит самом начале речи Макдевитта, еще до того, как его послание начало поступать на Дхраун, к передатчику на капитанском мостике подполз месклинит, причем настолько близко, что его гротескная голова заполнила собой весь экран. Одна из его рук-клешней протянулась в сторону, и Изи поняла, что он включает звук. Она не удивилась, услышав, что капитан говорит гораздо более спокойным тоном, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах.

— Изи или любой, кто находится на вахте, пожалуйста, передайте специальный рапорт Барленнану. Температура снаружи повысилась на шесть градусов за последние несколько минут и достигла ста трех градусов, лед стаял с иллюминаторов, и мы оказались на плаву.

3. Нервный центр

Возможно, со стороны Дондрагмера было невежливо передавать сообщение на языке землян. Время, которое занял бы перевод, могло немного смягчить шок Макдевитта. Но хуже всего, как признался потом сам метеоролог, было понимание того, что его собственное предсказание уже летело к Дхрауну, и никакой силой его не остановить. У него мелькнула дикая мысль взять корабль и пуститься вдогонку за радиоволнами, летевшими к планете, чтобы каким-то чудом заслонить им путь к приемникам «Квембли». Мысль длилась лишь мгновение — что еще можно успеть за тридцать две секунды? Кроме того, ни один из тендеров, имевшихся на станции, не был предназначен для сверхсветовых полетов, большинство на них использовалось для обслуживания теневых спутников.

Изи, сидевшая в соседнем кресле, казалось, даже не заметила разницы между прогнозом и докладом Дондрагмера. По крайней мере она не посмотрела на него с выражением, которое не могли бы скрыть девятеро из десятерых его друзей. Ну, она ничего такого и не подумала, решил Макдевитт, именно поэтому она здесь и работает.

Женщина уже манипулировала своим переключателем, а ее внимание было сосредоточено на экране несколько меньших размеров, находившемся над четырьмя, которые показывали «Квембли». Сперва индикатор рядом с ним горел красным, но, по мере того как она делала переключения, его цвет изменился на зеленый, и сразу на экране возникло изображение комнаты, похожей на кабинет, в которой собрались дюжины месклинитов. Изи начала доклад немедленно.

Ее речь была краткой: она всего лишь повторила несколько фраз Дондрагмера и закончила задолго до того, как поняла, что ее слова услышаны.

Ага, вот и подтверждение: все до единого гусеницеподобные тела, находящиеся в пределах видимости,

метнулись к приемнику. Хотя Изи так и не научилась читать выражения «лиц» месклинитов, нельзя было никак иначе истолковать размахивание конечностями и щелканье клешнями. Одно из созданий помчалось к полукруглому выходу в дальнем конце комнаты и скрылось там. Несмотря на черную с красным окраску существ, Изи вдруг вспомнила, как несколько лет назад одной из ее дочерей попала в дыхательное горло длиннющая макаронина, и подумала, что месклинит похож на ту макаронину, так как при сорокакратном земном тяготении для человеческого глаза он казался безногим.

Звук еще не дошел с Дхрауна, но в коммуникационном отсеке уже вспыхнули разговоры. Исследовательским лэндкрейсерам не впервой было попадать в переделки. В общем-то, сами месклиниты воспринимали подобные трудности гораздо хладнокровнее, чем человеческие существа, находящиеся в роли беспомощных наблюдателей. Хотя интерком на станции не включали, люди, каким-то образом узнав новость, начали появляться в комнате и устраиваться в креслах. Экран за экраном на панелях мониторинга настраивались на полевой штаб в Базовом лагере.

Тем временем Изи и Мерсерэ полностью сосредоточили внимание на четырех экранах, передающих с «Квембли», и лишь изредка бросали взгляды на другой.

Судя по изображениям на экранах, нельзя было категорически утверждать, что корабль находится на плаву, потому что передатчики двигались точно так же, как и сам корабль, оборудование неподвижно стояло на своих местах, ничто не двигалось толчками и не перекатывалось. С другой стороны, основу команды составляли хорошо обученные матросы, и привычка, выработанная всей их жизнью, не позволяла им оставить вещи незакрепленными. Изи внимательно следила за экраном, связанным с мостиком, надеясь заметить что-нибудь снаружи корабля — что-нибудь, дающее хоть какое-то представление о происходящем, однако ничего нельзя было разобрать сквозь окна. Затем и окна

исчезли из поля зрения, так как передний план снова занял Дондрагмер, желая дополнить свой доклад.

— Похоже, нет никакой опасности в данный момент. Если судить по показаниям лага, ветер тащит нас довольно быстро. Наш магнитный курс — шестьдесят шесть. Корабль погружен в жидкость примерно до уровня второй палубы. Наши ученые пытаются вычислить плотность этой жидкости, однако никто не догадался составить таблицы водоизмещения корпуса судна, насколько мне известно. Если у вас, людей, имеются эти данные, мы были бы рады получить их. Надеюсь, мы не наткнемся на что-нибудь твердое, не могу даже предположить, насколько это вероятно, но пока этого не случилось, мы в безопасности. Все наши приборы и установки функционируют нормально, не считая того, что гусеницам не за что уцепиться: они просто вращаются, если подавать энергию на тележки. Пока все. Если ваши теневые спутники могут контролировать наше местонахождение, мы также будем рады иметь и эту информацию, и как можно чаще. Передайте Барленнану, что пока все в порядке.

Изи, поиграв переключателем на пульте, повторила все сказанное капитаном практически дословно. Когда ее слова достигли Лагеря, она увидела, как дежурный месклинит принялся записывать сообщение. Изи надеялась, что у пишущего возникнут какие-то вопросы, и, хотя вряд ли она могла бы ответить на них, это придало бы ей уверенности, в которой она нуждалась, а так на нее снова нахлынуло ощущение собственной беспомощности и какой-то безнадежности. Тем временем месклинит, молча приняв информацию, захватил записи и направился к двери, а Изи принялась гадать, сколько времени понадобится ему, чтобы доставить сообщение командиру. Ни у одного из людей не было ни малейшей идеи по поводу того, где в точности расположен Базовый лагерь, который в последнее время все чаще стали называть Поселком.

На самом деле путешествие было недолгим. Большая часть пути пролегла снаружи корабля, по открытому месту — из-за вполне понятного отношения колонистов к массивным объектам над головой, отношения, которое трудно было изменить даже в мире, где тяготение составляло лишь доли процента того, что было на Месклине. Почти всюду потолки над Поселком были выполнены из плотной прозрачной ткани, доставленной с их родной планеты. Единственное отступление от обычного, общего для Месклина принципа строительства городов заключалось в том, что строения здесь, за редким исключением, располагались вровень с поверхностью, как диктовала сама местность. Мысль о фундаменте или втором этаже никогда бы не пришла в голову месклиниту. Многопалубный «Квембли» и остальные лэнд-крейсеры в основном были разработаны землянами и панешками.

Курьер пропетлял примерно двести ярдов по переплетениям коридоров, прежде чем добрался до строения, занимаемого командиром. Здание располагалось в северной части скопления строений высотою в фут, составляющих большую часть Поселка. Остальная часть построек закопалась в почву вдоль края шестифутового уступа, протянувшегося примерно на две мили с запада на восток и перерезанного в нескольких местах искусственными проходами. Под уступом, возвышаясь палубами над прозрачным покрытием Поселка, лежали два огромных лэнд-крейсера. Стена дома Барленнана также была прозрачной и открывала вид на один из кораблей, находящийся довольно близко. Другой корабль тоже было видно, но он располагался примерно в тысяче футов восточнее. Снаружи работали несколько месклинитов в гермокостюмах. По сравнению с кораблем, вокруг которого они суетились, они казались карликами.

Барленнан как раз критически наблюдал за этой группой механиков, когда появился курьер и, не прибегая ни к каким формальностям, тут же принялся зачитывать сообщение, переданное Изи. И к тому времени, как командир

повернулся, чтобы взять письменную копию рапорта, он знал содержание.

Конечно, сведения не слишком утешительные. У Барленнана возникло немало вопросов уже после первого сообщения, но это послание не отвечало ни на один из них. Однако командир сдержал свое нетерпение.

— Полагаю, от метеорологов-землян ничего полезного так до сих пор и не поступило.

— Для нас, командир, совершенно ничего. Конечно, они могли говорить с «Квембли», не поставив нас в известность.

— Правда. Ну, а до наших метеорологов что-нибудь дошло?

— Насколько мне известно — нет, командир. Ничего ценного. Но Гузмиин, возможно, мог отправить туда послание.

— Хорошо. Я хочу с ними побеседовать сам и буду в их комплексе примерно через полчаса или чуть позже. Сообщите Гузу.

Курьер сделал подтверждающий жест клешней и исчез за дверью, через которую появился. Барленнан направился к другой. Неторопливо продвигаясь в западном направлении, минуя здание за зданием, он следовал по лабиринту туннелей с прозрачными потолками. Эти туннели, соединяя все постройки, делали Поселок одним целым.

Большая часть туннелей на пути Барленнана имела уклон вверх, так что, повернув на юг от края уступа, он оказался уже на более высоком уровне — на пять футов выше, чем его дом, хотя все еще и не на уровне командных мостиков крейсеров позади него. Материал потолка над ним натянулся несколько сильнее, так как давление почти чистого водорода, составляющего атмосферу в Поселке, с высотой падало не так быстро, как давление гораздо более плотной смеси газов атмосферы Дхрауна. Полное давление наружной атмосферы здесь было примерно таким, как на уровне моря на Месклине. И только когда лэнд-крейсеры спускались к более низким широтам, они брали с собой на борт

дополнительный запас аргона, чтобы поддерживать баланс давлений внутренней и наружной атмосфер.

А так как в атмосфере Дхрауна содержалось почти два процента кислорода, то месклиниты были очень осторожны во всем, что касалось утечек. Барленнан еще хорошо помнил неуклюжие опыты, приведшие к кислородно-водородному взрыву вскоре после его первого знакомства с человеческими существами.

Исследовательский комплекс размещался в самой западной и наиболее высокой части колонии, достаточно далеко от большинства остальных зданий, и отличался от них тем, что имел особенно прочную, хотя и прозрачную, крышу. Здание комплекса, как ни одно из строений Поселка, приближалось к тому, чтобы считаться двухэтажным, так как на крыше было установлено значительное число инструментов, и добирались до них как по лестницам, так и через гидрошлюзы. И, надо сказать, далеко не все эти инструменты были изготовлены инопланетянами. Месклиниты вовсю пользовались своим собственным воображением и изобретательностью в течение уже пятидесяти лет, почувствовав себя полностью свободными с тех пор, как оказались на Дхрауне.

Как и исследовательские корабли, лабораторный комплекс представлял собой странную мешанину примитивности и сложности. Энергию поставляли термоядерные микрореакторы, созданные на Земле, химическое стекло изготовляли на родной планете — Месклине. Связь с орбитальной станцией осуществлялась с помощью электромагнитного лучевого передатчика, но внутри комплекса сообщения передавались вручную — курьерами. Правда, месклиниты предприняли кое-какие шаги, чтобы изменить это положение, но людям ничего не сообщали. Месклиниты понимали, что такое телеграф, и были уже недалеки от создания телефона, который мог бы воспроизводить диапазон частот их голосов. Тем не менее, ни телефонов, ни телеграфа в Поселке не было, так как большая часть усилий Барленнана

сосредоточилась на проекте, который завоевал симпатии Изи к команде «Эскета», а чтобы проложить телеграфные провода по этой местности, потребовалось бы много времени.

Барленнан ничего не говорил о своих планах землянам и другим. Ему нравились человеческие существа, хотя он и не заходил в этом так далеко, как Дондрагмер. Он всегда помнил об удивительно короткой продолжительности их жизни, это мешало ему: не успевал он по-настоящему хорошо понять людей, с которыми работал, как их уже сменяли другие. Еще больше его беспокоило, что люди, дроммиане или панешки могли обнаружить, насколько эфемерны они по сравнению с месклинитами, он боялся, что это подействует на них угнетающе и приведет к непредсказуемым последствиям. Поэтому одной из основ политики месклинитов стало правило избегать обсуждения вопроса о продолжительности жизни с чужаками. Другое правило заключалось в том, чтобы, насколько возможно, всегда сводить к минимуму зависимость от других рас. Никогда нельзя знать точно, останется ли отношение нового руководства таким же, что и прежде. На чужаков нельзя положиться полностью — так, во всяком случае, считало большинство месклинитов, и уверенность Дондрагмера в обратном была ярким исключением.

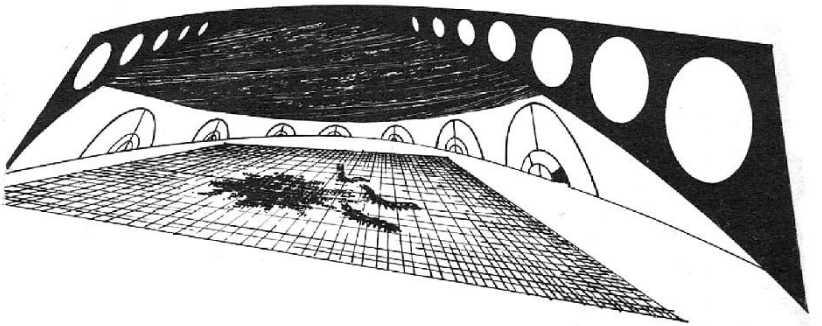
Все это отлично знали ученые-месклиниты, и никто не удивился приходу командира. Однако первой заботой всегда оставалась текущая ситуация.

— Кто-то попал в переделку? Или вы просто решили нанести визит? — посыпались вопросы.

— Боюсь, что положение очень серьезно, — ответил Барленнан и вкратце рассказал, что случилось у Дондрагмера.

— Соберите всех, кто, по вашему мнению, может быть полезен, и направляйтесь к карте.

Барленнан первым добрался до отсека площадью в сорок квадратных футов, пол которого представлял собой карту Нижней Альфы, и стал ждать. До сих пор карта охватывала



лишь небольшую часть территории, и командир в который раз подумал, как много работы им еще предстоит. И все же его радовала мысль, что эта карта гораздо полнее, чем ее двойник, созданный людьми для себя где-то во многих миллионах миль отсюда. На обеих была изображена дуга, покрытая точками лэнд-крейсеров, да кое-какие ориентиры на местности. Месклиниты выполнили рисунок с помощью тонких черных линий, делающих карту похожей на набросок нервной системы человека, даже с местоположением клеток.

Собственные данные месклинитов, добытые без участия и без помощи людей, в основном были сосредоточены вокруг того места, где сейчас находился «Эскет». Они были нанесены красными линиями и занимали практически всю территорию Поселка. Здесь никогда не будет видеопередатчика, пока командует Барленнан.

Сейчас, сосредоточив внимание на территории, расположенной на несколько футов южнее «Эскета», Барленнан видел, как удручающе мало там линий — как черного цвета, так и красного. Линия, указывающая путь «Квембли», сиротливо пересекала пустое пространство. Барленнан приподнялся над картой, насколько позволили возможности тела, так что его глаза оказались на высоте шести-семи дюймов от пола, и уныло разглядывал ее, когда стали прибывать ученые. Их руководитель Бендивенс выглядел возбужденным, но Барленнан никак не мог понять, настроен ли тот чрезмерно оптимистично или, наоборот, совершенно

пессимистично. Командиру все-таки хотелось бы знать, какой тон он задал своей группе почти из двадцати месклинитов, созывая их на конференцию. Ученые собрались в нескольких футах от Барленнана, подняли верхние части своих тел и вежливо ожидали сообщений или вопросов. Он начал без всякого вступления.

— Согласно последнему докладу, «Квембли» находился здесь, — Барленнан ткнул в точку на карте. — Он пересекал снежное поле, почва состояла из замерзшей воды, почти без примесей других веществ, но поверхность ее все же была достаточно загрязненной, как сообщили ученые Дона.

— Бордендер? — спросил кто-то.

Барленнан сделал клешней утвердительный жест и продолжал.

— Снежное поле началось здесь. — Он показал место примерно в четырех футах северо-восточнее отметки, показывающей местонахождение корабля. — Оно расположено между двумя горными хребтами, которые мы отметили лишь приблизительно. Воздушные шары Дестигмета пока еще не забрались так далеко на юг, по крайней мере, вести об этом нас еще не достигли, и летчики Дона тоже не много увидели. Вскоре после того, как «Квембли» остановился для обычной проверки и осмотра, неожиданно поднялся сильный ветер, а затем опустился плотный туман из чистого или почти чистого аммиака. Затем, совершенно неожиданно, температура поднялась на несколько градусов, и они оказались на плаву, гонимые ветром примерно в восточном направлении. Не можете ли вы дать какое-то объяснение случившемуся? И мы очень нуждаемся в конструктивных советах. Почему поднялась температура и почему растаял снег? Есть ли какая-то связь между этими двумя факторами? Помнится, они упоминали, что наивысшая температура у них была сто три градуса, это на двадцать шесть или двадцать семь градусов ниже точки таяния льда. И откуда ветер? Как долго он продержится? Он несет «Квембли» в

направлении горячих районов внутри Нижней Альфы, к югу от стоянки «Эскета».

Барленнан указал на секцию пола, почти сплошь раскрашенную красным цветом, и сказал:

— Как далеко их может отнести? Я не хотел, чтобы Дондрагмер отправлялся в это путешествие, и, конечно же, не хочу его потерять, даже если мы не согласны с ним полностью. Мы попросим у людей помощи, какую они могут оказать, но вам придется подключить и собственные мозги. Я знаю, некоторые из вас пытались разобраться в климатологии Дхрауна. Есть ли какие-нибудь стоящие идеи на этот счет?

Последовало несколько минут тишины. Даже те, кто привык произносить длинные речи ни о чем, слишком хорошо знали Барленнана, чтобы рискнуть пуститься в болтовню теперь. Какое-то время с идеями было плохо, затем один из ученых шмыгнул к двери и исчез раньше, чем отзвучали его слова:

— Минутку, мне надо проверить таблицы.

Вернулся он через тридцать секунд.

— Я могу объяснить температуру и таяние, — твердо заявил он. — Поверхность представляла собой талый лед, над ним — аммиачный туман. Теплота, выделившаяся при образовании раствора, вызвала подъем температуры. Водоаммиачные растворы образуют соединения, способные таять даже при семидесяти одном градусе.

Это объяснение приветствовалось громким дружным уханьем и одобрительными жестами рук-клешней. Барленнан присоединился к остальным, хотя некоторые слова были ему не совсем понятны. Но вопросы у него не иссякли.

— Поможет ли это рассчитать, насколько далеко унесет «Квембли»?

— Помочь-то поможет, но, кроме того, нужна еще информация о протяженности снежного поля, — был ответ. — Поскольку в данном районе наших наблюдателей не было, чуть ли не единственная надежда остается на фотоснимки,

сделанные людьми, а это, боюсь, даст нам не много: в половине случаев на снимках невозможно отличить льды от облаков. Кроме того, все они сделаны еще до того, как мы высадились здесь.

— Все равно давайте попробуем, — приказал Барленнан. — Если повезет, можно, по крайней мере, определить, преграждают ли путь «Квембли» горные хребты на востоке. Если да, то трудно представить, чтобы судно унесло больше чем на несколько сот тысяч кабельтовых.

— Хорошо, — ответил один из исследователей. — Мы проверим. Бен, Дис — пошли со мной. Вы больше, чем я, привыкли работать с фотографиями.

Все трое исчезли за дверью. Остальные разбились на небольшие группы и загалдели, возбужденно размахивая клешнями, то разглядывая карту под ногами, то предлагая воспользоваться оборудованием из лабораторий по соседству. Барленнан стойко выдерживал это в течение нескольких минут, а затем решил принять участие в обсуждении.

— Если плато, которое пересекал Дон, состояло из чистого водяного льда, — сказал он, — там не могло быть никакой аммиачной примеси достаточно долгое время. Так почему же все изменилось так неожиданно?

— Почти наверняка это сезонный эффект, — ответил ученый. — Может быть, он связан с какими-то циклическими изменениями направления ветра. Атмосферные потоки, перемещающиеся над различными участками планеты, насыщены либо водяными, либо аммиачными парами — в зависимости от природы поверхности, над которой они проходят, а больше всего — от температуры. Орбита планеты представляет собой эллипс, оси которого отличаются по величине ровно в два раза, и ось планеты более наклонена, чем у Месклина. Поэтому легко представить, что в одно время года интересующее нас плато в основном насыщено водой, а в другое — аммиаком. В действительности давление паров воды настолько низко, что трудно представить себе ситуацию, способную образовать атмосферу из одних

водяных паров, без добавки паров аммиака, но я уверен, что такое возможно. Мы будет работать над этим, но вот вам еще один пример, когда нам требуется систематическая круглогодичная глобальная информация. Похоже, людям не терпится, они ужасно спешат, а ведь могли бы подождать еще несколько мет, прежде чем высаживать нас здесь.

Барленнан сделал жест, человеческим эквивалентом которого могло бы быть неопределенное хмыканье.

— Конечно, неплохо иметь свежие данные. Но лучше думайте, что вы находитесь здесь для того, чтобы их добыть, а не для того, чтобы получить их от кого-то.

— Согласен. А вы собираетесь послать «Каллифф» или «Хуурш» на помощь Дондрагмеру? Ведь эта ситуация во многом отличается от ситуации с «Эскетом»?

— С нашей точки зрения — да. Люди же сочтут нас непоследовательными, если я буду настаивать на посылке спасательного крейсера, когда раньше в аналогичной, казалось бы, ситуации я настаивал на обратном. Но я еще подумаю. Крейсер — не единственная возможность двигаться по ветру. Вы пока займитесь теоретической работой, о которой только что говорили, но подумайте также и о том, что надо прихватить с собой в путешествие к «Квембли».

— Хорошо, командир.

Ученый хотел было удалиться, но Барленнан добавил еще несколько слов:

— Да, Джемблаки. Без сомнения, ты тут же ринешься в отсек связи, чтобы поговорить с коллегами-людьми. Пожалуйста, не рассказывай им о нашей гипотезе. Пусть они первыми выскажут свои соображения, если захотят. И вырази должное удивление, если они придут к тем же результатам, что и мы. Понял?

— Отлично.

Ученый обменялся бы понимающей усмешкой с командиром, если бы их лица были способны на такую мимику. Джемблаки удалился, и, после минутного раздумья, Барленнан последовал его примеру. Возможно, ему стоило бы

задержаться, чтобы умерить пыл оставшихся исследователей и техников, но были другие дела, требующие его внимания. Что ж, если они не могут обойтись без няньки, пусть наставят себе шишек, пока не научатся самостоятельности.

Надо как можно скорее поговорить с космической станцией, но, если возникнет спор, а, вероятнее всего, так и будет, необходимо продумать свой собственный курс. Некоторые из двуногих гигантов, Аукойн например, который, похоже, мог бы многое порассказать об их политике, казались не склонными рисковать даже резервным оборудованием, какой бы важной, с точки зрения месклинитов, ситуацией это ни диктовалось. Естественно, чужаки ведь заплатили за него, так что все вполне понятно, даже похвально. Но Барленнан по-прежнему не видел ничего неэтичного в том, чтобы попытаться уговорить их занять более удобную для месклинитов позицию, если получится. И лучше всего добиваться этого с помощью, особенно симпатизирующей им особы, зовущейся Хоффман. Просто безобразие, что человеческие существа несут вахту столь нерегулярно. Если бы они отводили определенные часы для своих вахт в отсеке связи, Барленнан давно бы изучил их сменность и постарался выбрать нужных людей. Он подумал, и уже не впервые, не специально ли они сделали расписание нерегулярным, чтобы исключить подобные попытки со стороны месклинитов, но, похоже, не было никакой возможности проверить это. Вряд ли стоило задавать им прямой вопрос.

Центр связи Поселка находился довольно далеко от лабораторий, так что на обратном пути ему хватило времени на обдумывание, но по дороге, благо даже крюк не пришлось делать, он заглянул домой и набросал несколько записей, чтобы быть во всеоружии, вступая в открытую словесную дуэль с людьми.

Центральной темой должен был стать вопрос о спасательной операции — на тот случай, если крейсер Дондрагмера в конце концов окажется поврежден. Если уже несколько месяцев назад, когда дело касалось «Эскета»,

проскочили лишь намеки на ненужные расходы, то теперь-то наверняка скряги наверху в большинстве своем будут против посылки «Каллиффа». Конечно же, стоит только Барленнану поступить здесь, внизу, по своему разумению, вряд ли люди смогут помешать ему, однако командир предпочитал удержаться в рамках вежливого соглашения. И более всего он хотел бы вообще обойтись без конфликта. Именно по этой причине он надеялся, что переговоры придутся на дежурство Изи Хоффман. Непонятно почему, но она, казалось, склонна занимать позицию месклинитов, когда возникают разногласия. И, определенно, только благодаря ей удалось избежать открытой ссоры в ситуации с «Эскетом», хотя куда важнее было то, что сам Барленнан тогда не имел намерения посылать спасательный крейсер, оказавшись, таким образом, на стороне Аукойна.

Что ж, по крайней мере, можно заглянуть в отсек связи и узнать, кто именно сейчас на вахте, там, наверху. Плавным переливающимся движением, которое соответствовало пожатию плечами у человека, он поднял распластанные восемнадцать футов своего тела с пола и направился в коридор. И именно в этот момент ветер достиг Поселка.

Тумана еще не было. Барленнан, мгновенно изменив планы, едва лишь поверхность купола покрылась рябью, поспешно направился в лабораторный отсек. Но, прежде чем он смог выслушать хоть какие-нибудь прогнозы своих ученых, звезды стали меркнуть. Через несколько минут виден был только нависший над ними потолок, сразу вдруг ставший твердым и серым. Здесь, в лаборатории, покрытие потолка было куда более жестким, чем в коридоре, но звуки, несущиеся снаружи, были такими грозными, что не один месклинит начал прикидывать, насколько прочны построенные ими здания. Они не выразили эту мысль вслух в присутствии командира, но взгляды, бросаемые ими вверх, когда завывание тяжелого воздуха снаружи усилилось, были достаточно красноречивыми.

Неожиданно Барленнан сообразил, что сейчас ему здесь не место: он командир, а не ученый, так что, наверное, это единственная группа в Поселке, которой не требовалось отдавать целенаправленные приказы. Он задал всего лишь один вопрос и услышал в ответ, что скорость ветра примерно в два раза ниже той, о которой сообщил Дондрагмер, находящийся в десяти тысячах миль отсюда. Барленнан направился в отсек связи.

На мгновение он задумался, не заглянуть ли к себе по пути, но решил, что каждый, кому он понадобится, легко найдет его на посту Гузмиина. И тут в голове у него вспыхнул вопрос, ответ на который быстрее всего можно было получить через ретранслятор станции землян, и этот вопрос с каждым мгновением казался ему все более и более важным. Позабыв о том, что хотел удостовериться, на вахте ли Изи Хоффман, он пулей ворвался в отсек связи и, вежливо, но решительно оттеснив дежурного месклинита от передатчика, начал говорить еще до того, как занял свое место. Он даже не вздохнул с облегчением, увидев лицо Хоффман, когда засветился экран, а просто воспринял этот факт как приятный сюрприз.

— Ветер и туман — здесь, — резко начал Барленнан. — Кое-кто из моих парней сейчас снаружи, и я ничего не могу сделать, чтобы помочь им, но некоторые из них работали около крейсеров, стоящих неподалеку. Не могли бы вы проверять, через передатчики, все ли в порядке у них там? Пока я не беспокоюсь чрезмерно, так как скорость ветра намного ниже той, о которой сообщил Дон. Кроме того, воздух гораздо более разрежен здесь, на нашей высоте, но ничего не разглядеть сквозь этот проклятый туман, и было бы спокойнее, если б знать о тех, кто остался у крейсеров.

Изи беззвучно начала что-то говорить — еще раньше, чем просьба командира была высказана наполовину, еще не успев услышать его слов, судя по времени. Очевидно, у человеческих существ было что сообщить месклинитам и без их вопросов. Барленнан сконцентрировался на своем

собственном послании, пока не закончил его, зная, что Гузмиин или еще кто-нибудь из команды записывает все поступающее в приемник.

Пересекающиеся послания не были редкостью в практике общения, и с ними управлялись по давно установленной процедуре.

Едва отправив свое послание в путешествие, Барленнан повернулся и уже собирался спросить, чего хотели земляне, как вдруг его неожиданно перебили. В отсек пулей ворвался один из офицеров и, увидев Барленнана, затараторил:

— Все группы, кроме двух, вышедших через северные ворота, отозваны. Одна на этих двух работает на «Хуурше», другая же выравнивала площадку для нового комплекса примерно к двадцати кабельтовых к северу, с другой стороны парковочного поля. В первой группе восемь человек, во второй — двадцать.

Барленнан жестом дал понять, что слышал, одновременно щелкнув четырьмя клешнями.

— Насчет группы на «Хуурше» мы вскоре получим сообщение с космической станции, — ответил он. — Сколько из тех, кто был застигнут снаружи налетевшим ураганом, успели забраться внутрь? Что они докладывают о наружных условиях и о возможностях передвижения? Был ли кто-нибудь ранен?

— Никто не ранен. Ветер — лишь незначительная помеха, они вернулись из-за тумана — при такой видимости невозможно вести работы. Кое-кто с трудом нашел путь. По-моему, группа, работающая на площадке, все еще пытается найти путь назад, если только они не решили переждать там, где находились. Те же, кто на «Хуурше», внутри, вряд ли даже заметили что-нибудь. Если первая группа не выйдет на связь слишком долго, я отправлю посыльного.

— А что вы собираетесь сделать, чтобы он не потерялся?

— Во-первых, компас. Во-вторых, надо выбрать такого, кто много работал снаружи и хорошо знает местность.

— Я не... — Барленнана перебил голос из репродуктора.

— Барленнан, — послышался голос Изи, — передатчики на «Хуурше» и «Каллиффе» по-прежнему работают все. Насколько отсюда видно, на «Каллиффе» никого нет, крейсер стоит неподвижно, ничто не двигается. А в отсеке жизнеобеспечения «Хуурша» просматриваются трое или пятеро. Наши люди, следящие за экранами, видели не менее троих месклинитов за последние несколько минут, но при такой видимости их не узнать. С виду крейсер кажется неповрежденным. Все на борту занимаются своими делами и не обращают на нас никакого внимания. Совершенно очевидно, что они не пытались передать сюда, наверх, какое-либо срочное послание. Сейчас Джек Бреверманн пытается привлечь их внимание с соседнего пульта, но не думаю, что за них надо волноваться. Ваш Поселок тоже вне всякой опасности, так как ветер не самый сильный, а воздух разреженный. Остается только «Квембли».

— Да я и не волнуюсь — во всяком случае, не чрезмерно. Минутку, если вы подождете, я ознакомлюсь с содержанием вашего предпоследнего послания и попытаюсь ответить на него, — сказал Барленнан. Он повернулся к офицеру, чей пост только что занял: — Полагаю, вы записали все, что она сказала?

— Да. Это не слишком срочно, но очень интересно. Пришел еще один внутренний рапорт от Дондрагмера. «Квембли» по-прежнему на плаву, все так же дрейфует, хотя, как считает капитан, два-три раза они уже чиркнули днищем по поверхности. Ветер не ослабевает, но, поскольку корабль движется, ученые не могут прийти к определенному мнению относительно скорости ветра.

Командир жестом показал, что все понял, затем повернулся к передатчику и заговорил:

— Спасибо, миссис Хоффман. Очень приятно, что вы оперативно послали даже рапорт «Без перемен». Я еще буду здесь некоторое время, так что, если что-нибудь произойдет, я узнаю почти сразу. А ваши ученые-атмосферники получили какой-нибудь прогноз, на который могли бы

положиться? Или хотя бы нашли объяснение тому, что произошло?

Все месклиниты, находившиеся в отсеке, отчетливо понимали, что их командир, произнося эти слова, старается как можно лучше сохранить непроницаемый вид: голос, задавший вопрос, звучал ровно, конечности расслаблены; жвалы ни слишком плотно сжаты, ни раскрыты; голова не напряжена, глаза прикованы к экрану. Наблюдающие за ним месклиниты не знали в точности, что у него на уме, но могли сказать, что он придавал этому вопросу гораздо большее значение, чем казалось со стороны. Некоторые недоумевали, зачем он так старается сохранить контроль над собой, ведь маловероятно, что кто-нибудь из людей сумеет правильно истолковать его позу, но те, кто знал его лучше, понимали, что он никогда не рискнул бы в таком деле. Помимо всего, некоторые из людей были настроены сочувственно. А Элиза Рич Хоффман, казалось, понимала месклинитов настолько хорошо, как если бы сама была одним из них, и ее стеннийский был безупречен, насколько позволяли органы речи человека.

Все наблюдали за экраном с интересом, гадая, обнаружит ли человеческое существо признаки того, что заметила состояние командира. Практически весь персонал был хорошо знаком с выражением человеческих лиц, большинство умели различать человеческие существа как в лицо, так даже и по одному лишь голосу. Ведь командир уже давно высказал пожелание, чтобы подобные знания всячески культивировались. Барленнан, на мгновение отведя взгляд от экрана, обозрел круг внимательных слушателей и был удивлен их выражением, а также раздосадован своей «прозрачностью». Интересно, как они отреагируют на ответ Изи? Но Барленнан так никогда этого и не узнал.

Женщина, получив его вопрос, собралась уже отвечать, как вдруг внимание ее было отвлечено. В течение нескольких секунд, совершенно очевидно, она слушала кого-то или что-то, потому что повернула голову и ее глаза исчезли из

поля зрения наблюдателей Поселка. Затем она снова повернулась лицом к экрану.

— Барленнан, снова поступило сообщение от Дондрагмера. «Квембли» остановился, или, точнее, почти остановился, на поверхности, их тащит самую малость, хотя скорость потока жидкости не снизилась. Дело в том, что, пока они были на плаву, тележки отнесло в стороны от днища и теперь они не соприкасаются с поверхностью корабля. Если их не потащит за собой река и не освободит, они там и застрянут. И Дондрагмер считает, что уровень жидкости понижается.

4. Небольшая беседа

Битчермарлф, рулевой, испытывал странное чувство безнадежности. Руль «Квембли» был соединен с тележками с помощью простой системы тросов и рычагов. Силы месклинитов не хватало, чтобы развернуть тележки, когда корабль находился в неподвижности, даже во время движения управлять рулем было не так-то просто. Теперь же, когда корабль находился на плаву, его движители-тележки не касались днища, и руль поворачивался совершенно свободно, сам собой, в ответ на случайный толчок или даже незначительный наклон корпуса. Теоретически крейсер был маневренным в море, но для этого требовалось установить гребные лопасти на гусеницах, что не составило бы труда, находись они на земле.

Дондрагмер, когда понял, что они на плаву, подумал, не послать ли матросов в гермокостюмах, чтобы поставить лопасти на гусеницах, но решил не рисковать: риск был велик, даже если прочно привязаться к корпусу страховочными фалами. Все считали, что их путешествие скоро закончится, что они, наверное, вот-вот достигнут берега реки или озера, по которому они плыли, и случится это раньше, чем работа может быть завершена, так что не стоит ее и начинать. Если

кто-то окажется снаружи во время толчка о берег, страховочные фалы не спасут.

Подобные мысли мелькнули и у рулевого, находящегося на своем посту, однако он не высказал их вслух. Битчермарлф, конечно, был молод, но уж не настолько, чтобы предположить, будто никто, кроме него, не мог догадаться об очевидном. Он целиком полагался на профессиональную подготовку своего капитана.

Тем не менее, по мере того как шло время, он начал беспокоиться, не получая от Дондрагмера никаких указаний по этому поводу. Что-то надо предпринимать, не могут же они без конца, вот так, дрейфовать в восточном направлении. Он взглянул на компас — да, определенно, в восточном направлении. Согласно последней разведке с воздуха, в этом направлении где-то впереди располагаются холмы, те самые холмы, которые окружали снежное поле слева по борту на протяжении последних трех или четырех тысяч миль и были иногда слегка заметны, возвышаясь над далеким горизонтом.

Судя по цвету, холмы были из камня, а не изо льда, несли поверхность, над которой дрейфовал «Квембли», была просто растаявшей снежной равниной, рано или поздно, но они почти наверняка должны на что-нибудь наткнуться. Битчермарлф не более других представлял себе, с какой скоростью их несет, но его уверенность в прочности корпуса не уступала подобной же уверенности капитана, хотя он и не испытывал желания наткнуться на риф на Дхрауне, впрочем, как не испытывал такового и на Месклине.

Так или иначе, ветер не должен был бы гнать их так быстро, учитывая плотность атмосферы. Хотя верхняя часть корпуса, гладкая, хорошо обтекаемая, за исключением командного мостика, представляла собой небольшое сопротивление, зато тележки внизу, под днищем, сильно мешали движению. Насколько могли судить воздушные разведчики, равнина была ровной, как стол, так что непонятно, почему такое сильное течение. Рулевой пошевелился при этой

мысли, поглядел на капитана, помешкал и все-таки решился:

— Капитан, как насчет того, чтобы проверить пост по наблюдению за давлением на корпус? Если нас несет сильное течение, следовательно, мы движемся под уклон, и это указывает...

Дондрагмер перебил его:

— Но поверхность ровная... нет, ты прав. Надо проверить. — Он поднялся к переплетению переговорных труб и вызвал лабораторию: — Ворн, как давление? Вы, надеюсь, следите за ним?

— Безусловно, капитан. Как носовой, так и кормовой пузыри безопасности все время расширяются с тех пор, как мы начали дрейфовать. Мы опустились примерно на шесть длин тела за довольно непродолжительное время. Я готов добавить немного аргона.

Дондрагмер одобрил принятое решение и оглянулся назад на своего рулевого.

— Правильно посоветовал. Мне бы следовало подумать об этом. Похоже, нас несет не только ветром, но и течением. Так что все пари о скорости, расстоянии, о времени остановки ничего не стоят. Течению неоткуда взяться, если только воздушная разведка не прозевала наклона поверхности, ну, а так как наклон все же есть, то, следовательно, плато где-то осушается.

— Мы готовы продолжить путь по твердому грунту. Не вижу, что еще можно сделать.

— Есть еще одна вещь, — угрюмо сказал Дондрагмер.

Он снова поднялся к переговорным трубам и издал сиреноподобный рев общего сбора. Держа голову на одинаковом удалении от труб, капитан заговорил, стараясь, чтобы его услышали все:

— Всему экипажу — немедленно надеть гермокостюмы! И побыстрее! Пусть все покинут свои посты для выполнения этой процедуры, но возвращайтесь как можно скорее.

Он опустился на свое командное место и приказал Битчермарлфу:

— Достань свой гермокостюм, и мой, и принеси их сюда. Быстро!

Рулевой вернулся с обоими комплектами одежды уже через девяносто секунд. Он хотел помочь капитану одеваться, но, остановленный весьма выразительным жестом, занялся собой. Через пару минут оба, облачившись в защитную одежду, но с откинутыми головными шлемами, вернулись на свои посты.

Спешка, к счастью, оказалась ненужной. Время текло, ничего не происходило. Битчермарлф играл с бесполезным рулем, а Дондрагмер погрузился в размышления.

Капитан «Квембли» ждал, когда же придет хоть какая-то информация от ученых-землян, и сомневался, будет ли от нее польза. Он надеялся, что спутники помогут хотя бы примерно определить скорость «Квембли». Приятно знать, несколько цинично думал он, насколько серьезна вероятность врезаться во что-нибудь, что окончательно остановит их. Необходимые данные, как он отлично знал, трудно получить вовремя, по расписанию. Они поступали более чем с тридцати «теневых спутников», находящихся на орбите на высоте не более трех тысяч миль над поверхностью планеты. Не было предпринято ни одной попытки изменить их орбиты, чтобы расширить охватываемую ими зону наблюдения, но ведь, с другой стороны, обмен информацией не был их основным предназначением. Само расположение главной базы землян, находящейся на синхронной орбите в шести миллионах миль над меридианом Поселка, предполагало, что подобная задача не является необходимой. Кроме того, фантастическая скорость спутников на низких орбитах — более девяноста миль в секунду, — хотя наблюдатели-люди утверждали, будто это весьма удобно для наблюдения за положением базовой линии, казалась Дондрагмеру непреодолимой причиной трудностей. И он не особенно надеялся узнать свою скорость из этого источника.

Спустя примерно полчаса после того, как они надели гермокостюмы, короткая дрожь пробежала по корпусу «Квембли», к капитан немедленно сообщил на станцию, что они, наверное, коснулись дна. Все остальные члены команды пришли к такому же выводу, и обстановка на борту становилась все напряженнее.

Из переговорной трубы, связывающей мостик с лабораторией, раздался рев, а за ним последовал рапорт о том, что давление стало расти быстрее и что надо немедленно добавить аргон в корабельную атмосферу, иначе пузыри безопасности могут лопнуть. Хотя никакого увеличения скорости ни в малейшей степени не ощущалось, из рапорта совершенно четко следовало, что теперь они спускались гораздо быстрее. Но вот насколько быстрее? Капитан и рулевой переглянулись, не задавая вопрос вслух, но он легко читался в их взглядах.

Проходили минуты, напряжение росло, клешни все крепче сжимали ремни безопасности и захваты.

Раздался грохочущий удар — корпус судна резко дернулся в сторону, за ним последовал другой — и корпус вздыбился со стороны правого борта. В течении нескольких секунд корабль яростно швыряло, и те, кто находился на корме и на носу, чувствовали себя, как на гигантских качелях, то вздымаясь вверх, то ныряя вниз, а разглядеть что-нибудь снаружи по-прежнему мешал туман. Затем еще один, гораздо более мощный, удар сотряс «Квембли», судно, развернувшись, накренилось на шестьдесят градусов, но на этот раз выравнивания не произошло. Скребущие, скрежещущие звуки наполнили корабль, пытавшийся изменить положение, но тщетно. Наконец наступила тишина, и тут впервые стал слышен шум проносящейся снаружи мимо корпуса жидкости.

Дондрагмер и Битчермарлф не ушиблись. Для существ, считающих две сотни земных «g» нормальным явлением, а шестьсот — лишь незначительной помехой, подобные передряги были нипочем. Они даже не ослабили захватов и

остались каждый на своем посту. Капитан не беспокоился о каких-то непосредственных травмах экипажа. И первые же его слова показали, что он просчитывал ситуацию на много ходов вперед.

— Всем постам — приказываю? — проревел он в переговорные трубы. — Проверить герметичность корпуса и немедленно доложить о любых трещинах, разломах, пробоинах и прочих свидетельствах возможных протечек. Персоналу лабораторий занять посты по аварийному расписанию, проверить внутреннюю атмосферу на содержание кислорода. Жизнеобеспечение, прекратить циркуляцию атмосферы до завершения проверки на кислород. Выполняйте!

Совершенно очевидно, что переговорные трубы были в сохранности. Доклады стали поступать практически немедленно, и по мере их поступления Битчермарлф стал расслабляться. В общем-то, он не ожидал, что корпус, защищавший их от губительной атмосферы Дхрауна, выдержит подобный натиск стихии, и его уважение к инженерной мысли чужаков сильно возросло. Он считал, что любые искусственные сооружения уступают в прочности и надежности живым телам, и, конечно же, месклинит имел право на такой подход. Так или иначе, когда поступили все доклады, выяснилось, что не произошло никаких значительных отказов внутри крейсера, не было даже видимых повреждений. А что касается обычных протечек, неизбежных в любой конструкции, имеющей люки для персонала и оборудования, не говоря уж о специальных отверстиях для инструментов и контрольных канатов, то выяснить, ухудшилось ли положение с ними, удастся не сразу. Наблюдение за давлением и проверка на кислород будут, конечно, вестись непрерывно, по установленному расписанию.

Энергия поступала по-прежнему, что, в общем-то, никого не удивляло. Двадцать пять независимых друг от друга водородных конвертеров — практически идентичных друг другу модулей, которые можно было перемещать, по мере надобности, из одного места в любое другое, являлись

машинами, лишенными каких-либо подвижных частей и работающими на газообразном топливе. Их вполне можно было сунуть под молот без всякого вреда для них.

Большая часть внешних прожекторов исчезла или, может быть, просто вышла из строя. Правда, есть запасные. Однако несколько прожекторов работали, и с погруженного в жидкость края мостика можно было наблюдать внешний пейзаж. Что же касается другого края мостика, то он возвышался над поверхностью жидкости, но туман по-прежнему блокировал обзор. Дондрагмер легко пробрался в нижний конец и скользнул взглядом по нагромождению скругленных камней на дне — больших и маленьких, размерами от половины длины его тела до таких, которые раз в двадцать превышали его рост. В эти камни и умудрилось вклиниться судно. Затем капитан осторожно вернулся назад на свой пост, включил звуковую систему своего радио и передал доклад, который Барленнан должен был услышать примерно через минуту. Не дожидаясь ответа, он повернулся к рулевому.

— Битч, останься здесь, на посту, на случай если у землян будет что передать. Я собираюсь произвести полный, осмотр самолично, особенно воздушных шлюзов. Хочу посмотреть, как проявил себя вариант инженерного решения, на котором мы остановились. Возможно, в нашем распоряжении остались только малые аварийные шлюзы, так как основной на данный момент, похоже, находится под нами и может быть заблокирован снаружи, даже если удастся открыть внутреннюю переборку. Поболтай с землянами, если захочешь. Чем больше месклинитов научится пользоваться их языком и чем больше людей овладеет нашим, тем лучше. Командный пост — твой.

Дондрагмер совершил уже ставший привычным, но теперь бесполезный ритуал: издал предупредительный стук по люку отсека, прося разрешения пройти, после чего открыл его и исчез, оставив Битчермарлфа в одиночестве.

У рулевого на данный момент не было никакого желания затевать пустой разговор со станцией где-то высоко над ними. Капитан оставил ему слишком много забот, требующих размышления.

Битчермарлфа не радовало, что он остался ответственным за командный пост корабля при данных обстоятельствах. Зато его не волновала мысль о возможной блокировке основного воздушного шлюза, потому что малые вполне надежны, хотя через них и нельзя протащить аппаратуру жизнеобеспечения, неожиданно вспомнил он. Что ж, на данный момент вряд ли есть смысл выходить наружу, но, если «Квембли» поврежден окончательно и бесповоротно, с этой необходимостью придется столкнуться лицом к лицу.

Ну, а самый главный вопрос — что сулит выход наружу? Двадцать тысяч миль, то есть около сорока миллионов кабельтовых, отделяющих их от Поселка, представлялись Битчермарлфу долгим, очень долгим путем, особенно с грузом аппаратуры жизнеобеспечения, а без этой аппаратуры нечего даже и думать ни о каком путешествии. Месклиниты были поразительно живучими организмами и могли выдержать такие перепады температур, что земляне-биологи не могли поверить, но кислород — это уже совсем другое дело. Его парциальное давление в атмосфере снаружи составляло примерно пятьдесят фунтов на квадратный дюйм — вполне достаточно, чтобы убить любого из членов экипажа «Квембли» в считанные секунды.

Желательнее всего было бы поставить огромную машины снова на гусеницы. Удастся ли это — во многом будет зависеть от потока жидкости, несшейся мимо застрявшего корпуса. Наружные работы в потоке, может быть, в принципе, и возможны, но, определенно, это будет весьма трудно и опасно. Месклинитам, одетым в гермокостюмы, придется брать с собой много балласта, чтобы их не относило от места работы, и страховочные фалы еще более усложнят дело.

Да и поток, конечно же, не останется постоянным. Он вообще, только что зародился в связи с переменой погоды и

так же неожиданно может прекратиться. Тем не менее, как хорошо усвоил Битчермарлф, существовала существенная разница между погодой и климатом. Но даже если река была лишь сезонным явлением, это все равно могло оказаться слишком долгим для месклинитов: год на Дхрауне соответствовал восьми земным годам, что составляло около полутора лет на Месклине.

В этой области информация землян могла оказаться полезной. Чужаки наблюдают за Дхрауном аккуратно уже в течение долгого времени и, наверное, имеют какое-то представление о местных сезонах. Кроме того, капитан сказал, что он может поболтать с земляками по радиопередатчику, при этом ни слова, не упомянув о том, что можно обсуждать, а что — нельзя.

Мысль о том, что под запретом может находиться что-то помимо инцидента с «Эскетом», не была доведена до ушей Битчермарлфа. И молодой рулевой уже решился было включить радио, чтобы послать вызов, когда из передатчика возле него раздался голос. Более того, речь звучала на его собственном языке, хотя и с сильным акцентом.

— Дондрагмер. Я знаю, что ты очень занят, но если не можешь говорить со мной сейчас, буду рад, если поговорит кто-то другой. Я — Бенджамин Хоффман, ассистент лаборатории аэрологии здесь, на станции, и мне нужна помощь двух видов, если у кого-нибудь из вас найдется время. Кроме того, я хотел бы попрактиковаться в языке, мне это понадобится в дальнейшем. Должен признать, что наша лаборатория оказалась не на высоте: уже дважды за последнее время полученные нами метеосводки-прогнозы, касающиеся вашей части планеты, совершенно не соответствовали действительности. В оправдание хочу сказать, что нам недостает деталькой информации для правильного расчета. Наблюдения, которые мы ведем отсюда, многого не решают, а внизу, на поверхности планеты, число следящих станций даже близко не лежит к тому, что требуется. Ваша команда оставила на своем пути огромное число автоматики, но и

она, увы, охватывает лишь небольшую часть планеты, как вы знаете. И поскольку правильные прогнозы будут полезны как вам, так и нам, я подумал, что мог бы по-настоящему обсудить некоторые детали с кем-то из ваших ученых и даже, может быть, разработать планы изменения метеоусловий для тех мест, о которых вы собрали достаточно данных.

Рулевой ответил охотно:

— Капитана нет на мостике, Бенджамин Хоффман. Я — Битчермарлф, один из рулевых, сейчас на вахте. Я тоже был бы очень рад поупражняться в языке, когда позволяют обязанности, как сейчас. Боюсь, ученым сейчас хватает работы, да и сам я, наверное, буду занят большую часть времени: у нас тут некоторые неприятности, хотя ты и не знаешь подробностей. У капитана не было времени рассказывать всю историю целиком, когда он докладывал наверх несколько минут назад. Я постараюсь обрисовать тебе как можно более полную картину событий и хочу поделиться кое-какими мыслями, пришедшими мне в голову уже после того, как капитан покинул командный пост. Можешь записать эту информацию для ваших людей и прокомментировать мои идеи, если захочешь. Если ты сочтешь, что о них не стоит говорить капитану, то я и не буду, он и без моих идей занят предостаточно. А теперь я подожду подтверждения от тебя, готов ли ты к записи. Или ты не будешь записывать?

Битчермарлф сделал паузу, и не только по причине, которую только что указал. Он неожиданно подумал, а стоит ли беспокоить эти чуждые существа своими мыслями, которые вдруг показались ему плохо продуманными и никому не нужными.

И все же, убеждал себя месклинит, любые фактические данные должны быть полезны. Ведь сколько мельчайших деталей в той ситуации, в которой сейчас очутился «Квембли», могут оказаться важными, а люди пока ничего не знают! И к тому времени, как подтверждение от Бенджа

поступило, рулевой вернул себе изрядную долю уверенности в себе.

— Все в порядке, Битчермарлф, все готово для записи! Да я и без твоей просьбы собирался записывать — для языковой практики. Я передам все, что пожелаешь. И даже если ваши метеорологи заняты, может быть, мы вдвоем попытаемся разобраться с метеоинформацией? Держи с ними связь и сообщай мне их данные. Кроме того, ты в самой гуще событий и можешь все наблюдать, тем более что ты, как и любой на матросов, набранных Барленнаном на Месклине, наверняка разбираешься в погоде. Насколько я понимаю, ты провел на Месклине по крайней мере несколько моих жизней, изучая методы проведения исследований и инженерное дело. Давай начинай, я готов.

Эта речь способствовала полному восстановлению духа Битчермарлфа. Прошло лишь десять месклинитских лет с тех пор, как чужаки начали обучать нескольких избранных аборигенов своим наукам. Конечно, взрослых особей человеческой расы в глазах месклинитов окружало что-то вроде ореола сверхспособностей, но уж пятилетнего несмышленыша, находящегося сейчас на связи, никак нельзя было считать превосходящим существом.

Расслабившись, как только позволял наклоненный под шестьдесят градусов пол, матрос приступил к описанию ситуации, в которой сейчас находился «Квембли». Он описал в деталях путешествие вниз по реке, как теперь точно установили, и о том, чем завершилось это путешествие; подробно рассказал обо всем, что видел с командного поста; объяснил, каким образом корабль сорвался с тележек, и обрисовал проблему, вставшую перед командой. Он даже подробно объяснил устройство воздушных шлюзов и высказал предположение, почему главный шлюз, скорее всего, не удастся использовать, да и другие, наверное, тоже.

— Капитану, чтобы принять правильное решение, — заключил Битчермарлф, — очень помог бы надежный прогноз ситуации с рекой: что с ней может произойти в ближайшее

время и когда она иссякнет, если это вообще случится. Если в этом сезоне растает все снежное поле, и вода будет стекать с плато лишь по одному стоку — нашей реке, — то, думаю, придется нам застрять здесь на добрую часть года, тогда надо планировать соответственно. Если же есть какая-то надежда на то, что почва под нами через недолгое время станет сухой, — это совсем Другое дело, и хорошо бы знать об этом заранее. Как ты считаешь?

Бендж задержался с ответом дольше, чем на обычные шестьдесят четыре секунды: слишком много пищи для размышлений.

— Я все записал на пленку и отослал в секцию планирования, — наконец пришли его слова. — Они размножат и раздадут копии по лабораториям. Даже мне понятно, что ваша река доставит хлопот по горло, и, в конце концов, все равно может оказаться, что сведений не хватает. Вполне допускаю, что ваше снежное поле начало сезонное таяние, но, если бы все воды Северной Америки стали стекать через одну такую реку, я бы ждал большого наводнения. Не знаю, как велико пространство, охватываемое вашей воздушной разведкой, и не знаю, насколько точны фотографии, сделанные отсюда, сверху, но готов поклясться, что, если нанести все это на карты, белых пятен там останется предостаточно. Даже если все и придут к какому-то общему мнению, мы все равно многого еще не знаем об этой планете.

— Но у вас уже такой опыт работы на других планетах! — воскликнул Битчермарлф. — Разве это не может как-нибудь помочь?

И снова ответ пришел позже, чем диктовалось обычной задержкой во времени.

— Люди и их друзья имеют опыт работы со многими планетами, верно, я прочел довольно много об этом. Все дело в том, что практически ничего из этого опыта здесь не годится. Известны три типа планет. К первому мы относим планеты Земного типа, они похожи на мой родной мир: он невелик, плотен и практически лишен водорода. Второй тип

— юпитерианский, эти планеты обычно гораздо больше по размерам и гораздо менее плотные, потому что сохранили большую часть водорода еще со времени своего формирования, как мы считаем. Эти два типа были известны задолго до того, как мы стали выходить за пределы нашей звездной системы, потому что других типов в нашей планетной системе не было.

Третий тип — очень большие, очень плотные и, по большей части, неисследованные планеты. Теории, согласно которым планеты первого типа потеряли свой водород вследствие изначально малой массы, а планеты второго типа сохранили его вследствие большой, были хороши до тех пор, пока мы ничего не знали о планетах третьего типа, то есть наши идеи были вполне убедительны, пока мы знали не так уж много. Извини, если я сейчас говорю, как мой школьный учитель.

Вы сейчас как раз находитесь на третьем типе. Ничего подобного нет вокруг солнц с планетами первого типа. Конечно, должна быть какая-то причина, но в чем она заключается — не знаю. О подобных планетах вообще не было известно среди рас Содружества, пока мы не просто научились путешествовать меж звезд, но пока не начали заниматься этим с таким размахом, что интерес для летящих кораблей представляли не только обитаемые планеты. Но даже и тогда мы не могли изучить их сразу же, как и планеты Юпитерианского типа. Мы могли послать вниз, на их поверхность, несколько специализированных, очень дорогих и обычно весьма ненадежных роботов — вот и все. Ваша раса — первая из встретившихся нам, которая способна переносить силу тяжести планет третьего типа или атмосферное давление второго типа.

— Но разве Месклин не относится к третьему типу, по твоему описанию? К настоящему времени вы должны уже многое знать о нем, ведь контакт с нашим народом длится что-то около десяти наших лет — с тех пор, как ваш корабль сел на Краю Месклина, то есть на экваторе.

— Больше пятидесяти наших лет. Все дело в том, что Месклин не относится к третьему типу. Это просто странный второй. Он бы мог сохранить весь свой водород, подобно Юпитеру, если бы не его исключительно быстрое вращение, чудовищное вращение, придающее вашему миру очертания сваренного яйца и отпускающее на ваш день всего восемнадцать минут. Ничего подобного мы не встречали до сих пор, я, по крайней мере, не слышал. Именно поэтому расы Содружества согласились пойти на столь крупные издержки и затраты, не жалея времени и усилий, чтобы установить контакт с вашим миром и подготовить экспедицию на Дхраун. За прошедшие тридцать лет мы довольно многое узнали об этой планете, о ее недрах с помощью нейтринных счетчиков на теневых спутниках, но сейсмическое оборудование, которое ваши люди устанавливают на поверхности, добавит кучу новых знаний, подтвердит или опровергнет уже известные. То же касается работы ваших химиков. Через пять или шесть ваших лет, наверное, сведений об этом каменном шаре наберется достаточно, чтобы ответить на вопрос: как он должен называться — звездой или планетой?

— Ты хочешь сказать, что вы вступили в контакт с месклинитами лишь потому, что собрались как можно больше разузнать о Дхрауне?

— Нет, совсем не так. Мыслящие существа, люди они или нет, интересны сами по себе — по крайней мере, оба моих родителя так считают, хотя я встречал и людей, которые думают обратное. Вряд ли идея Дхраунского проекта зародилась много раньше, чем был создан ваш Колледж. Моя мама или доктор Аукойн могут сказать тебе, когда точно. Это все было задолго до того, как я родился. Конечно же, когда кому-то пришло в голову, что ваши ребята могли бы непосредственно исследовать места, подобные Дхрауну, все просто накинулись на эту мысль.

Битчермарлф наконец решился задать вопрос, который, вообще-то, считал строго внутренним делом землян, совершенно его не касавшимся, вроде того, насколько взрослым

можно считать человека-пятилетку. Вернее, вопрос вырвался у него прежде, чем месклинит спохватился: почему столь крупные силы и средства тратились на проекты, подобные Дхраунскому, от которых нет очевидной материальной пользы.

Впоследствии они с Бенджем часто спорили об этом, и Бендж не слишком умело защищал свои позиции, ссылаясь на силу любопытства, что до какой-то степени Битчермарлф мог понять, так как увлекался историей и хорошо знал, насколько близко люди и некоторые другие расы подошли к гибели из-за энергетического голода, прежде чем разработали термоядерные конвертеры. Но Битчермарлф был слишком молод и не умел противостоять давлению, у него не хватало опыта, чтобы убедительно доказать, даже самому себе, полную зависимость любой культуры от понимания законов Вселенной. Их спор так и не стал горячим, чему немало способствовали временные интервалы между репликами абонентов, зато Бендж достиг блестящих результатов в овладении стеннийским языком.

Первым перевел разговор на другую тему Битчермарлф, потому что заметил некоторые перемены в окружающей обстановке. В течение почти целого часа он так был увлечен беседой с Бенджем, что не обращал внимания ни на командный пост, ни на клокочущую жидкость снаружи, как вдруг увидел в верхнем иллюминаторе огоньки, перемигивающиеся высоко над ним. Это был Орион. Туман исчез.

Спохватившись, Битчермарлф огляделся вокруг и заметил, что уровень воды, в которую была погружена нижняя часть командного поста, несколько понизился. Минут десять пристального наблюдения убедили его, что ошибки нет: уровень воды в реке падал.

На протяжении этих десяти минут Бендж несколько раз задавал вопросы о том, что случилось, и наконец месклинит сообщил причину своего молчания. Бендж доложил обстановку Макдевитту, так что ко времени, когда Битчермарлф окончательно убедился в падении уровня воды, наверху, у

передатчика, уже собрались несколько заинтересованных слушателей. Рулевой, кратко сообщив им о своих наблюдениях, послал по переговорным трубам вызов Дондрагмеру.

Капитан находился в кормовой части судна, за лабораторной секцией, рядом с отсеком, в котором находился танк регулировки давления, когда пришел вызов. Битчермарлф ожидал, что после его доклада капитан немедленно, буквально через несколько секунд, примчится на пост, но Дондрагмер не поддался искушению. Иллюминаторы почти во всех частях корпуса, включая и отсек, где он сейчас находился, были слишком малы, чтобы позволить четко определить уровень воды, так что ему пришлось принять на веру утверждение рулевого. Более того, этот факт поразил его гораздо меньше, чем самого матроса, к удивлению, последнего.

— Следи как можно точнее за уровнем потока до тех пор, пока тебя не сменят, — был его приказ. — Немедленно сообщи и мне, и землякам, когда уровень стабилизируется, а также докладывай о любых изменениях, какие заметишь.

Битчермарлф подтвердил, что приказ принят, и, пробравшись к иллюминатору, отметил уровень жидкости царапиной на стекле. Доложив о сделанном капитану и слушателям-землянам, он вернулся на свой пост, не отводя взгляда от отметины. Волнующаяся жидкость то поднималась на несколько дюймов выше царапины, то слегка опускалась, так что прошло некоторое время, прежде чем он окончательно убедился в снижении уровня. За это время люди сверху задали два-три нетерпеливых вопроса, на которые он вежливо ответил на языке землян, а потом Бендж сообщил, что он снова остался один, если не считать нескольких человек, занятых наблюдением за другими крейсерами.

Большую часть оставшегося времени, пока на мостик не прибыл Такуурч, его сменщик, они посвятили беседе друг с другом, описывая родные миры, исправляя и развивая различные концепции, делясь впечатлениями о Земле и

Месклине, то есть занимались языковой практикой и, хотя оба не вполне сознавали это, развивали теплую личную дружбу.

Битчермарлф вновь заступил на вахту шестью часами позже, сменив Такуурча (по времени месклинитов прошло двадцать четыре дня — стандартная длительность вахты), и обнаружил, что уровень воды опустился уже почти на фут от его отметки. Такуурч сообщил, что землянин Бендж тоже только что вернулся на пост после периода отдыха. Младший рулевой с интересом подумал про себя, как скоро после прихода Така землянин решил отправиться отдохнуть. Естественно, об этом ведь не спросишь, но, едва заняв свое место, он немедленно включил передатчик.

— Я снова вернулся, Бендж. Не знаю, когда Так в последний раз докладывал тебе, но уровень воды понизился больше чем на половину длины тела и поток движется много медленнее. Ветер почти стих. А у ваших есть что-нибудь новенькое?

Дожидаясь ответа, он понял, что последний вопрос был бесцельным, так как в действительности его интересовало одно: сколько времени просуществует река, но сейчас уже ничего не поделаешь. Да и вдруг у них есть что-то ценное?

— Твой друг Такуурч сообщил и об уровне воды, и о ветре, и о многих других вещах, — объявил голос Бенджа. — Хорошо, что ты вернулся, Битч. Пока у меня еще нет сведений из лаборатории, но с учетом того, что ты говорил, и того, что мне удалось выжать из модели крейсера, которой я располагаю, можно сделать вывод: через шестьдесят или семьдесят часов вы окажетесь на суше. Если, конечно, вода продолжит убывать с той же скоростью. А для этого нужен хороший гладкий канал, но разве можно на него рассчитывать? Не хотелось бы прослыть пессимистом, но мой прогноз таков: течение окончательно замедлится, прежде чем иссякнет вся жидкость, то есть вы останетесь в стоячей воде.

— Возможно, ты и прав, — согласился Битчермарлф. — С другой стороны, если поток замедлится, мы, наверное, без опасения сможем начать наружные работы, не дожидаясь, пока вода спадет полностью.

Это было пророческое замечание. Оно еще не достигло станции землян, когда из переговорной трубы послышалось уханье, призывающее к вниманию.

— Битчермарлф! Сообщи землянам, что тебя сменяет Кервенсер, и немедленно отправляйся к правому борту, но прежде облачись в гермокостюм. Надо проверить тележки и рулевые канаты. С тобой для безопасности пойдут еще двое. Помни — я более заинтересован в точности, чем в скорости. Если есть повреждения, которые легче исправить, пока корабль находится в накрененном положении, доложи мне об этом. Когда закончишь проверку, осмотрись, как там вообще. Я хотел бы иметь примерное представление, насколько плотно мы засели и как много работы потребует освобождение нас из этого плена. Я тоже займусь наружной проверкой, но надо иметь и другое мнение.

— Да, капитан, — ответил рулевой.

Он даже чуть не забыл сообщить об этом Бенджу, настолько неожиданным был приказ — не сам факт, что ему придется выйти наружу, а то, что капитан выбрал именно его для проверки своих собственных рассуждений.

Внутри корабля все давно находились без гермокостюмов — их сняли, когда Дондрагмер убедился, что корпус не поврежден. Битчермарлф, быстро облачившись в свой, через несколько минут был возле указанного шлюза. Капитан и еще четыре матроса, все тоже в костюмах, уже ждали. Матросы держали катушки канатов.

— Порядок, Битч, — приветствовал капитан. — Стакенди выйдет первым и привяжет свой канат — он послужит удобным захватом при подъеме. Затем пойдешь ты, потом Праффен. Каждый из вас привяжет свой канат к разным скобам. И сразу займитесь своими заданиями. Подождите, привяжите балласты к ремням ваших костюмов, иначе будете

всплывать. — Он передал рулевому четыре грузика, снабженных самоосвобождающимися защелками.

Выход наружу через крошечный шлюз происходил в тишине. Фактически шлюз представлял собой ванну с жидкостью, достаточно глубокую, так что наклон «Квембли» почти не влиял на работоспособность шлюза. Тот факт, что наружный выход находился под водой, мог иметь какое-то значение. Битчермарлф, попав из шлюза прямо в поток, был рад удерживающему захвату Стака, пока искал скобу для своего собственного страховочного фала. Минутой позже к ним присоединился третий член их группы, и вместе они преодолели короткое расстояние до дна реки. Дно было образовано округлыми камнями, которые просматривались с мостика, они располагались странными волнообразными линиями по течению реки. С первого взгляда у Битчермарлфа создалось впечатление, что крейсер застрял в расщелине между двумя такими волнами. Света от нескольких все еще работающих наружных прожекторов хватало, чтобы, хотя и с трудом, разглядеть открывшийся им подводный мир.

Все трое направились вокруг кормы, чтобы взглянуть на нижнюю часть корпуса судна. Хотя эта часть была освещена слабее, сразу же стало совершенно ясно, что докладывать Дондрагмеру придется о многом.

Корпус «Квембли» был установлен на шестидесяти тележках. Каждая из них имела ширину в три фута, а длину вдвое больше, и расположены они были продольными рядами по двенадцать штук в каждом. Все они вращались на роликах, соединяясь между собой лабиринтом рулевых тяг, разбираться в которых было основной обязанностью Битчермарлфа. На каждой из тележек было место для энергоблока, и каждая имела свой собственный мотор, где энергия термоядерного двигателя трансформировалась в движение гусениц. Если энергоблок был выключен, гусеницы вращались свободно. Ко времени аварии десять из двадцати пяти конвертеров «Квембли» были установлены на тележках.

Восемнадцать тележек на корме крейсера, включая все пять с энергоблоками, отсутствовали.

5. Из огня да в полымя

Строго говоря, не все тележки пропали. Некоторые валялись на камнях, сорванные, очевидно, во время последнего удара. Другие же могли быть сорваны раньше и остались где-то вверх по течению, где именно — Битчермарлфу страшно было даже подумать. Это еще успеется, прежде всего — проверить то, что осталось. И рулевой принялся за дело.

Правый борт, похоже, подвергся наименьшим испытаниям, практически там все уцелело, почти все тележки были на месте и лабиринт управляющих тяг не поврежден. Ближе к середине корпуса многие из тяг лопнули, несмотря на огромную прочность месклинитского волокна, из которого они были сделаны. Часть тележек оказались выбитыми из своих рядов, а некоторые просто свободно болтались. Разрушения в районе кормы имели очень схожий характер, и это несколько ободряло. Считая со стороны левого борта, первый ряд лишился пяти последних тележек, второй и третий ряды потеряли по четыре, и тоже последние, четвертый ряд — последние три, пятый ряд, со стороны правого борта, — последние две. Это доказывало, что все они пострадали от одного и того же удара, который пришелся на корпус по диагонали, и так как некоторые из сорванных тележек валялись поблизости, то и другие могли сказаться неподалеку.

Месклинитов немало удивило, что сорванные тележки произвели не такие уж страшные разрушения. Битчермарлф и его спутники не имели никакого отношения к разработке «Квембли» и других лэнд-крейсеров. За этим стояло чуждое мышление другой расы, и месклинитам даже в голову не могло прийти, с какими проблемами пришлось столкнуться создателям машин, приводимых в действие самыми сложными из существующих источников энергии, но

управляемых существами, принадлежащими к культуре, находящейся на стадии использования мускульной силы и энергии ветра, существами, которые, оказавшись на Дхрауне, не могли рассчитывать ни на чью помощь, если понадобится что-то отремонтировать или заменить какие-то детали. Именно по этой причине управление осуществлялось с помощью рулевых тяг, а не специальных сельсинов или других механизмов; именно поэтому воздушные шлюзы были столь просты по конструкции, хотя и не слишком совершенны; поэтому система жизнеобеспечения не только управлялась вручную (за исключением ламп, поддерживающих жизнедеятельность растений), но и была разработана и построена месклинитскими учеными и техниками.

Несколько сотен месклинитов получили довольно внушительное «инопланетное» образование, хотя не было предпринято никаких попыток распространить новые знания внутри месклинитской культуры. Почти все выпускники Колледжа сейчас находились на Дхрауне, но вместе с ними прибыли и добровольцы из числа матросов Барленнана — вроде Битчермарлфа, в большинстве своем молодые и достаточно развитые. Этим последним и предстояло осуществлять любые ремонтные работы и обычное обслуживание лэнд-крейсеров, именно на них должны были ориентироваться создатели судов. Необходимость в машинах, способных под управлением месклинитов преодолевать тысячи миль в условиях Дхрауна в течение внушительного времени, оставаясь при этом надежными и разумно безопасными, привела к созданию оборудования с такими поразительными свойствами, что Битчермарлф, знай он об этом, не удивлялся бы незначительности разрушений и быстроте, с какой можно было отремонтировать крейсер.

И конечно же, интеллект месклинитов тоже был принят во внимание. Он позволил конструкторам отказаться от роботов, которые не оправдали себя еще на заре космических исследований. Интеллект месклинитов был вполне сопоставим с интеллектом людей или, скажем, дроммиан и

панешек — факт, поразительный сам по себе, так как на всех четырех планетах, как оказалось, жизнь эволюционировала совершенно разными путями и в разных геологических условиях. К тому же месклиниты имели гораздо большую продолжительность жизни, чем люди, хотя, по непонятным причинам, избегали обсуждения этого допроса.

Таким образом, как ни посмотреть, проект был рискованным, и большая часть риска досталась месклинитам. Гигантская космическая баржа, дрейфующая на орбите недалеко от станции людей, которая, как предполагалось, в состоянии эвакуировать сразу весь Поселок в случае необходимости, была, скорее, лишь символом заботы о существах, работающих в полевых условиях, на лэнд-крейсерах.

Но, естественно, ничего из этого не могло прийти на ум трем матросам, инспектирующим повреждения «Квембли». Они просто удивились и обрадовались, что не все тележки потерялись, что большинство из них просто выскочили из пазов, куда их можно было, пусть и с некоторыми трудностями, вернуть. Когда Битчермарлф, к своему удовольствию, понял это, он решил заняться поиском пропавших тележек. Обследовав дно реки, насколько позволяли страховочные фалы, они обнаружили двенадцать тележек и изучили повреждения: разорванные гусеницы, утерянные секции, сломанные несущие колеса, несколько погнутых осей. Матросы собрали все, до чего могли добраться, и доставили свой груз назад, к корме «Квембли». Рулевой подумал было удлинить вдвое страховочные фалы и, таким образом, расширить радиус поиска, но сначала решил доложить Дондрагмеру и получить его разрешение на это. Вообще-то говоря, Битчермарлф немного удивлялся, почему капитана до сих пор не видно, ведь он собирался все проверить сам.

Все разрешилось очень просто: когда рулевой и его спутники обогнули кормовую часть корпуса, чтобы подойти к шлюзу, Дондрагмер с двумя офицерами, которым полагалось сопровождать капитана при обычных вылазках, и еще шесть членов команды, специально, очевидно, вызванных

недавно на помощь, находились у середины корпуса «Квембли», пытаясь освободить от камней главный шлюз.

Гермокостюмы не имели специальных средств связи, разговаривать друг с другом через разделяющую их жидкость было непросто, но звук голоса месклинитов, рожденный плавательным сифоном, а не парой легких (водорододышащие крошки не имели легких), относился как раз к одной из особенностей, ошеломляющих землян-биологов.

Рулевой привлек внимание своего капитана низким ревом и жестом пригласил его следовать за собой вокруг кормы крейсера. Дондрагмер, решив, что дело не терпит отлагательств, направился за ним, но прежде отдал необходимые распоряжения оставшимся у шлюза.

Несколько фраз Битчермарлфа да короткий взгляд — и капитан получил полное представление о ситуации. После нескольких секунд раздумья он отверг идею немедленного поиска сорванных тележек. Течение было еще сильным, так что безопаснее отложить поиск на потом, когда поток иссякнет, если это случится достаточно скоро. А тем временем можно приступить к ремонту уже найденных. Битчермарлф дал знак, что приказание понял, и, немедля, начал сортировать поврежденное оборудование.

Работа требовала осторожности — некоторые детали были легкими и могли быть унесены течением, если не принять мер. Кое-каких уже не хватало — вполне очевидно, что они исчезли именно таким образом. Рулевой принес переносный фонарь и приказал одному из матросов встать несколькими ярдами ниже по течению: если что-то уплывет, это можно будет поймать. Он подумал, насколько полезней сейчас оказалась бы сеть, но на борту «Квембли» не было ничего подобного. Хотя, если рассудить, сеть можно сделать из корда, которого на борту судна хватало, но вряд ли идея стоила затрат времени.

За восемь часов работы, прерываемой отдыхом и болтовней с Бенджем, они отремонтировали три тележки. Некоторые недостающие части Битчермарлф и его помощники

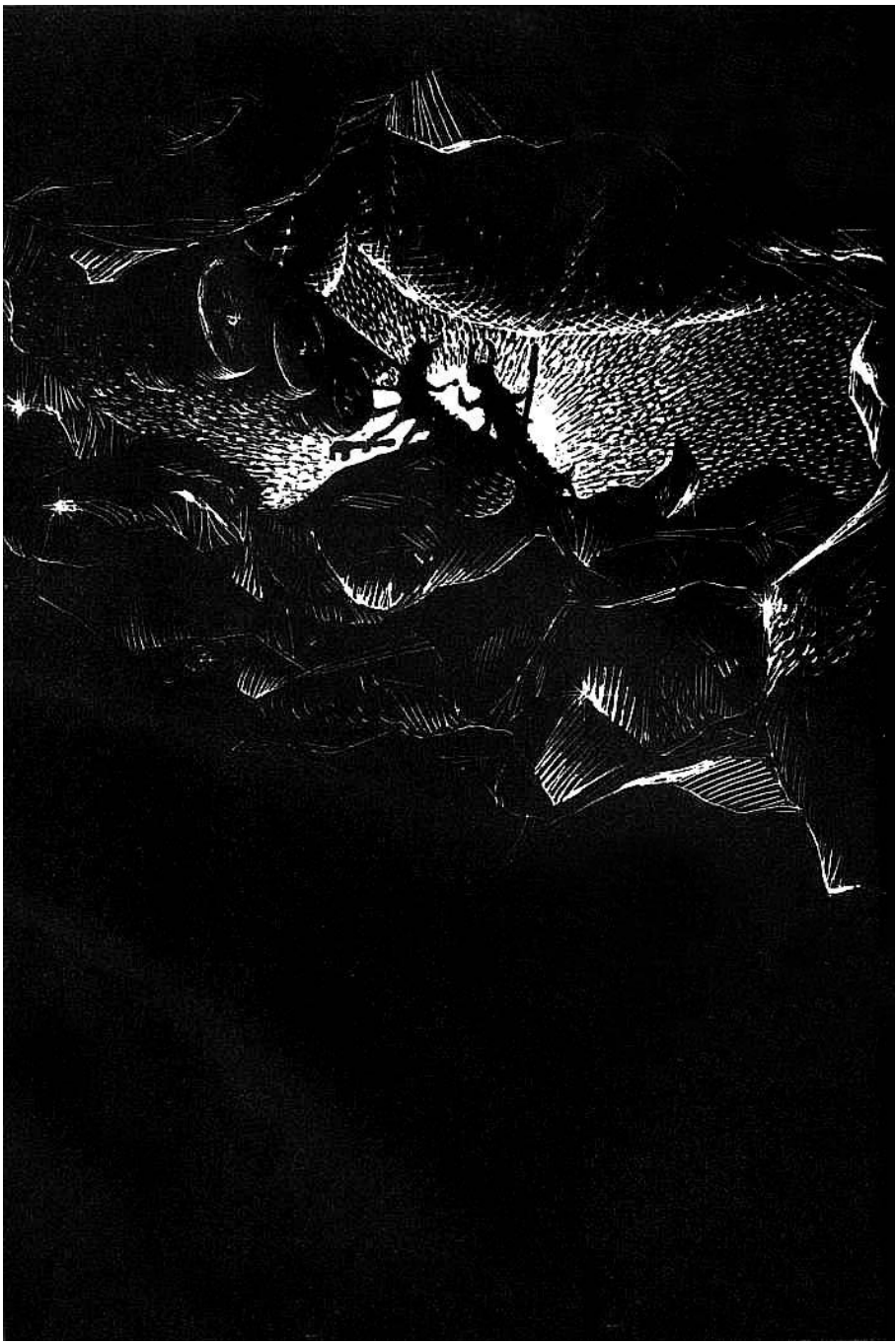
соорудили сами, используя месклинитские тросы и ткань наравне с инопланетными полимерами и сплавами, бывшими у них под рукой. Инструменты, которыми они пользовались, были их собственными — месклиниты давно достигли мастерства в таких вещах, как производство ножниц, молотков и прочих инструментов с режущей кромкой. Изготовленные из кости, рога и раковин, они отличались исключительной твердостью и прочностью — такова уж природа всех месклинитских материалов.

Установка на место отремонтированных тележек, в предназначенные для них пазы, потребовала серьезных мышечных усилий даже по меркам месклинитов, тем более что металл кое-где был погнут во время аварии.

Первые три готовые тележки разместили в четвертом ряду, так как пятый был все еще прижат к камням на дне реки, а три остальных располагались слишком высоко, и до них не так-то просто можно было добраться. Битчермарлф, уступая необходимости, присоединил тележки там, где мог, и приступил к ремонту остальных.

Уровень жидкости в реке продолжал понижаться, как и скорость потока. Дондрагмер приказал рулевому и двум его помощникам перейти работать на другое место, выбраться из-под корпуса корабля, предвидя, что может произойти при дальнейшем обмелении реки. Его предусмотрительность была вознаграждена, когда, скрежеща по камням, корабль изменил свое положение, так что угол наклона палубы уменьшился примерно до тридцати градусов, сделав досягаемыми еще два ряда тележек и заставив двоих рабочих пригнуться между камнями, чтобы не быть раздавленными.

Теперь стало ясно, что даже если вода спадет еще, то крейсер все равно останется в нынешнем положении. Днище корабля, в точке с левой стороны борта, примерно в трети расстояния от носа, между первым и вторым рядами тележек, упиралось в одинокую скалу футов восемнадцати в основании, торчащую посредине дна реки, пробовать срыть



ее — дело безнадежное. Битчермарлф, продолжая выполнять порученную ему работу, гадал: как же капитан предполагает снять корабль с этой скалы? Любопытно, что произойдет, если капитан преуспеет? Вряд ли создателям корабля приходило в голову, что может встретиться такое препятствие, как скала или русло реки, ведь планеты с мощным тяготением должны иметь довольно ровную поверхность, судя по Месклину (единственному доступному примеру). Даже если проектировщики и предполагали, что на пути движения могут встретиться участки, где сцепление с почвой будет неподходящим, они, наверное, считали, что надо просто избегать подобных участков. Вот и еще один довод в пользу наземной разведки с участием живых существ, а не автоматов.

Битчермарлф, находясь в философском настроении, заключил, что предвидение, совершенно определенно, во многом зависит от уровня доступных знаний.

Дондрагмер, раздумывающий над той же проблемой — как освободить судно, — был не ближе к решению, чем рулевой, даже после пятидесяти часов работы на почве. И первый офицер, и ученые были в одинаковой степени сбиты с толку. Правда, они не так сильно беспокоились, как капитан, хотя и его чувства, строго говоря, нельзя было обозначить человеческим понятием «беспокойство». Он рассказал Битчермарлфу, когда тот в очередной раз дежурил на командном мостике, содержание разговора, состоящегося между ним и наблюдателями-землянами несколько часов назад.

Разговор начался как обычный доклад, в совершенно оптимистичных тонах. Дондрагмер, пожалуй, был готов признать, что еще не составил рабочий план, но это вовсе не значило, будто он над ним не думал. К сожалению, он произнес фразу: «У нас достаточно времени, чтобы разработать его».

Изи, на другом конце, возразила:

— Времени может оказаться не так много, как вы предполагаете. У нас тут кое-кто раздумывал над этими камнями. Они круглые, обкатанные, согласно вашему докладу, да мы и сами их разглядели с помощью передатчика на мостике. Это значит, судя по нашему опыту, что их постоянно ворочает жидкость — либо в русле реки, либо на побережье. А чтобы ворочать такие большие камни, требуется мощный поток. Мы боимся, что поток, занесший вас сюда, — всего лишь предварительный ручеек, первое таяние сезона, и, если только вы вовремя не уберетесь оттуда, вам придется встретиться с гораздо большим количеством воды.

Дондрагмер поразмыслил над сказанным.

— Хорошо, но мы и так делаем все, что в наших силах. Уберемся мы отсюда вовремя или нет, но мы не можем сделать более того, что можем. Если ваши ученые сообщат что-нибудь конкретное об ожидаемом суперпотоке, мы постараемся это учесть, в противном случае остается лишь продолжать начатое. Конечно же, я оставлю дежурного здесь, у радио, если только работа не потребует всех. Тогда попытайтесь связаться с лабораторией. И все же спасибо за информацию.

И капитан вернулся к своей работе и к своим мыслям. Он не был паникером, чрезвычайность ситуации лишь прибавляла ему хладнокровия. В приведенной беседе эта его черта блестяще подтвердилась: он был готов сделать все возможное за отпущенное ему время, полностью сознавая, что однажды времени может не хватить. И сейчас он взвешивал свои возможности.

Большой камень был основной проблемой. Он не позволял тележкам войти в контакт с почвой, а пока они не лягут надежно на дно, нет никакой возможности передвинуть «Квембли» за счет его собственной энергии. Судно, возможно, удалось бы чуть-чуть сдвинуть с помощью мускульной силы на экваторе Месклина или на Земле, но только не на Дхрауне: при таком тяготении трудно передвинуть даже двухфунтовый камешек.

Внутри корабля имелась система канатов, которую можно было бы использовать как подъемный блок, но канаты не могли выдержать даже статический вес корабля.

Несколько тележек — четыре, если быть точным, — находились в контакте с самим камнем. Еще несколько, в пятом ряду, касались дна реки. Но ни одна из них не имела энергоблока. Хотя, если подумать, конвертеры можно переместить и на них. Если бы те четыре, касающиеся камня, и те, что находились впереди, а также некоторые из тележек пятого ряда были бы движущими, то нельзя ли было бы просто отвести крейсер назад?

Да, можно. Без всякого сомнения. Занимая горизонтальное положение, при неплохом сцеплении с почвой любые четыре хорошо разнесенные движущие тележки могут переместить корабль. Но если вес распределяется только на несколько тележек, сцепление будет даже лучше, чем обычно. Кроме того, движение назад шло бы в основном под уклон.

Не отсутствие уверенности заставило Дондрагмера обрисовать этот план людям, находившимся на связи, он просто объявил о своих намерениях, не спрашивая совета. Человек, принявший эту информацию, не был инженером и, не задумываясь, одобрил план, но, как положено, сообщил о докладе в секцию планирования. Наконец, через час или около того, когда Дондрагмер вовсю готовился к выполнению своего плана, эта информация достигла инженера.

У инженера идея вызвала удивление, брови его взметнулись, он склонился над масштабной моделью «Квембли» и, подумав немного, пару минут занимался расчетами.

Инженер был плохим лингвистом, но это не единственная причина, по которой он отправился искать Изи Хофф-ман. Он не слишком хорошо знал Дондрагмера и не представлял, как месклинит реагирует на критику. Зато он имел опыт работы с дроммианами, принимавшими участие в Дхраунском проекте, и потому считал, что гораздо безопаснее, если его точку зрения будет высказывать официальный представитель. Изи, когда он ее нашел, заверила, что не

знает случая, когда бы Дондрагмер отказался от резонного совета, но согласилась, что ее познания в стеннийском помогут, если понадобится, смягчить острые углы, хотя, вообще-то, капитан достаточно хорошо владеет языком землян. Они вместе направились в отсек связи.

Бендж уже был там, что стало обычным явлением в свободное от вахты время. Он подружился еще с несколькими месклинитами, хотя больше всех ему по-прежнему нравился Битчермарлф. Большая занятость последнего из-за аварии не помешала им продолжать свои беседы, и стеннийский Бенджа весьма улучшился, его мать была им довольна.

Когда прибыли Изи с инженером, Бендж разговаривал с Такуурчем и не слишком расстроился из-за необходимости прервать беседу. Передав, что есть важное послание для капитана, он уступил свое место матери.

Для того чтобы добраться до мостика, Дондрагмеру понадобилось всего несколько минут. Как и вся его команды, он работал почти без передышки, но, по счастливой случайности, в тот момент, когда пришел вызов, он находился внутри корабля.

— Я здесь, Изи, — наконец послышался его голос. — Так сообщил, что у тебя срочное дело. Выкладывай.

— Это касается твоего плана съехать с камня. Дон, — начала она. — Конечно, мы не можем иметь целостную картину, но наших инженеров беспокоят две вещи. Во-первых, когда съедет передняя тележка, у тебя останется еще примерно десять футов корпуса плюс командный мостик. Продумал ли ты, что незащищенный корпус может удариться о камень, когда тележка съедет? Во-вторых, в самом конце маневра корпус будет опираться почти полностью на два своих конца. Пневматические шасси могут распределить эту нагрузку, но мой друг здесь не уверен, что это случится. Более того, если окажется, что большую часть полного веса «Квембли» примет на себя незащищенный корпус, а не пневматическая подушка, тяготение Дхрауна сослужит

плохую службу: твое судно может разломиться на две части. Ты проверил эти моменты?

Дондрагмер вынужден был признать, что не проверил, но сделает это прежде, чем план получит дальнейшее развитие. Он поблагодарил Изи и ее друга, отключил связь и направился к основному шлюзу, уже давно очищенному от камней.

Снаружи поток ослабел настолько, что необходимость в страховочных фалах пропала. Уровень жидкости упал примерно до семи футов, слишком разнокалиберные камни не позволяли определить эту цифру точнее. Капитану пришлось полпути карабкаться с камня на камень, что было трудной задачей, хотя она немного облегчалась положительной плавучестью тела месклинита.

От шлюза Дондрагмеру пришлось ползти к передним тележкам, где он попробовал сравнить кривизну поверхности камня с изгибом нижней части корпуса «Квембли». Увы, здесь ни в чем нельзя быть уверенным, так как смещение корпуса назад изменит его наклон, но, тем не менее, капитану не понравилось то, что он увидел. Похоже, инженер-землянин прав. Риск повредить корпус действительно велик. Но дело даже не только в этом. Здесь же проходила и ось руля. Она выступала из корпуса чуть впереди воздушной подушки, ее герметизация поддерживалась специальным механизмом с помощью жидкостного мини-шлюза. И здесь же находился главный узел соединения руля с переплетением тяг, управляющих тележками. Серьезное повреждение оси, конечно, не выведет полностью корабль из строя, так как на корме предусмотрен еще один такой же механизм, но на такой риск идти нельзя.

И он решил задачу. Но не сразу — ему потребовалось на размышление еще около часа. А человек-психолог, обдумывая впоследствии поведение Дондрагмера, был весьма огорчен: он все пытался обнаружить определенные различия между логикой человека и месклинита, но пришел к выводу, что общего слишком много.

Решение, конечно же, предусматривало работу. Даже самые маленькие камни были тяжелыми, зато их было довольно много поблизости, не надо было за ними никуда ходить. И вся команда «Квембли», за исключением Битчермарлфа и тех, кто помогал ему с тележками, принялась собирать камни. Насыпь между носом попавшего в ловушку корабля и большой скалой росла с неплохой скоростью.

Это было на руку Битчермарлфу: закончив ремонт поврежденного блока, он обнаружил, что насыпь позволяет добраться до таких мест на корпусе, которые прежде были вне пределов досягаемости. Обе группы — и Битчермарлфа, и Дондрагмера — закончили работу почти одновременно. Правда, Битчермарлф так и не смог отремонтировать четыре тележки из-за отсутствия некоторых деталей, но бережно разобрал их на запасные части. Кроме того, он отметил нарушения в местах сцепления, которые, к счастью, были разбросаны по разным участкам корпуса, и вес крейсера распределялся по тележкам все-таки достаточно равномерно. Чтобы вести работы в пятом ряду, практически погребенном в камнях на дне реки, пришлось спустить воздух из нескольких секций амортизирующей подушки. А когда, заменив две тележки, подушку снова подкачали, наклон корпуса слегка изменился, что встревожило Дондрагмера, но ненадолго: изменение оказалось ничтожным.

Капитан провел большую часть времени, снуя между передатчиком, надеясь услышать что-нибудь о грозящем им потоке, и местом проведения работ, следя за ходом сооружения ската и за скоростью течения. Когда скат был почти готов, воды осталось менее чем на ярд, и поток почти полностью иссяк. Сейчас они находились, скорее, в маленьком бассейне, а не в потоке.

Давно наступила ночь — солнце зашло уже сто часов назад. Атмосфера полностью прояснилась, и работающим снаружи яростно замигали звезды. Их собственное солнце отсюда не было видно. Даже в самое удачное время его лучи не могли пробиться сквозь плотную атмосферу Дхрауна, а

сейчас и подавно: оно висело слишком низко над горизонтом, а может быть, и вообще ушло за горизонт — Дондрагмер точно не знал. Солнце и Фомальгаут, как было известно всей команде, находились в южном направлении, никогда не поднимаясь особенно высоко. Воображаемая линия, соединяющая эти две звезды, сместилась с приходом тьмы примерно на двадцать градусов, как сказали бы люди, или на четыре единицы, как сказали бы навигаторы с Месклина.

Вне круга, освещаемого прожекторами «Квембли», была почти абсолютная тьма. У Дхрауна не было лун, а звезды давали света не больше, чем на Земле или на Месклине.

Температура почти не менялась. Ученые Дондрагмера постоянно измеряли параметры окружающей среды, насколько позволяли их оборудование и знания, а затем сообщали результаты на орбитальную станцию. Капитан, в глубине души, все-таки рассчитывал получить взамен кое-какую дополнительную информацию, хотя и понимал, что люди вовсе не обязаны делать это: подобные доклады, помимо всего прочего, являлись просто частью соглашения, заключенного между людьми и месклинитами.

Капитан предложил своему экипажу самим попытаться поразмыслить над ситуацией. Бордендер, сочтя предложение шуткой, саркастически ответил, что если люди предоставят ему полную картину описания других частей Дхрауна, а также компьютер для обработки данных, то он, так и быть, попытается. Но капитан и не думал шутить. Повторив, что полезные идеи были бы встречены с радостью, он покинул лабораторию.

Даже ученым было приказано выйти наружу, когда подошло наконец время снимать корабль со скалы. Бордендер, раздосадованный этим, проворчал, что не видит принципиальной разницы между нахождением внутри «Квембли» и снаружи, если произойдет что-то чрезвычайнее. Но Дондрагмер решительно заявил, что это не предмет для обсуждения, а приказ, и даже ученые не отрицали его права настоять на своем. Только сам капитан, Битчермарлф и техник по

имени Кенсни из отсека жизнеобеспечения должны были остаться на борту. Сначала Дондрагмер подумал, не взять ли ему на себя функции рулевого, но, поразмыслив, решил, что если окажется повреждена система жизнеобеспечения, то Битчермарлф, лучше зная схему управляющих тяг, скорее почувствует неладное. Хотя энергоснабжение внутренних систем «Квембли» не связано напрямую с движением, но, если при соскальзывании корабля или разрушении ската система жизнеобеспечения будет нарушена, лучше кого-то иметь поблизости. Эта система куда важнее самого крейсера: при крайней необходимости, если крейсер разрушится, команда смогла бы добраться назад, до Поселка, таща на себе атмосферное оборудование.

Строго говоря, руководствуясь своими рассуждениями, капитан должен был оставить на борту только Битчермарлфа и Кенсни, а сам покинуть корабль и наблюдать снаружи. Но Дондрагмер не внял доводам разума и тоже остался на борту.

Напряжение в толпе месклинитов, собравшихся снаружи неподалеку от огромного корпуса, нарастало по мере того, как матросы выбирали слабину в канатах. Дондрагмер со своего поста на мостике не мог видеть возбужденную толпу, и это помогало ему оставаться спокойным. Позиция Битчермарлфа, наоборот, позволяла ему наблюдать за товарищами, и он, чувствуя общую нервозность, нервничал сам. Наблюдатели-люди, следившие за событиями с помощью передатчика, который специально для этого вынесли из секции жизнеобеспечения и надежно закрепили на камне, торчащем из воды в сотне ярдов от лэнд-крейсера, ничего не видели до тех пор, пока крейсер по-настоящему не начал двигаться. Земляне были спокойны, за исключением Изи и Бенджа.

Бендж мало внимания уделял внешнему обзору, он наблюдал за экраном командного поста. Вернее, за Битчермарлфом. Одна пара его клешней крепко держала руль, две другие мелькали с почти невообразимой скоростью между

рукоятями двигателей, управляющих контрольными канатами, чтобы сравнить натяжение в различных линиях тележек. Сложное переплетение канатов, специально перенастроенных так, чтобы с помощью одного управлять всеми, было стихией Битчермарлфа и подчинялось только ему. Рулевой был очень занят.

Как только «Квембли» начал пятиться назад, кто-то из людей воскликнул:

— Какого черта они не установили дистанционное управление или, по крайней мере, индикаторы тяги и мощности на мостике?! Этот бедный жук сходит с ума. Просто не представляю, как он может определить, какая из тележек в данный момент просто хотя бы сцепляется с грунтом, не говоря уж о том, как реагирует на его управление.

— Будь у него всякие красивенькие индикаторы, он бы их установил, — ответил Мерсерэ. — Но Барленнан отказался на своих кораблях от любого оборудования, более сложного, чем то, которое месклиниты могли бы самостоятельно отремонтировать на месте, за исключением случаев, когда по-другому никак было не обойтись. Я согласился с ним, как и все остальные члены комиссии. Смотрите — он соскальзывает, как по льду.

Из динамика грянул хор возбужденных сиреноподобных воплей, немного смягченный тем, что издававшие их создания пребывали под водой. На непередаваемо долгое мгновение штук шесть тележек провисли под брюхом корабля, в то время как нос «Квембли» сползал со ската, отодвигаясь назад по дну реки. Инженер, который опасался «эффекта мостика», суеверно скрестил пальцы и затаил дыхание. Затем корма медленно начала опускаться — по мере того как передние тележки скользили вниз, и наконец вес снова был нормально распределен. Усилие изгиба, которое никто серьезно не просчитал, постепенно уменьшилось. Крейсер съехал на относительно ровное каменистое дно реки и остановился.

Команда, разделившись на два потока, хлынула вокруг носа и кормы, спеша добраться до главного шлюза, забыв подобрать передатчик. У Изи мелькнула мысль, не напомнить ли об этом капитану, но она тактично решила подождать.

Однако Дондрагмер не забыл об оставшемся снаружи оборудовании. Как только первые члены команды вынырнули из бассейна, в котором оказался корабль, голос капитана разнесся по переговорным трубам:

— Кервенсер! Реффел! Немедленно выводите разведывательные флаеры. Реффел, подбери передатчик снаружи и, прежде чем отправиться, удостоверься, что затвор находится на флаере. Затем проделай десятиминутный облет к северо-востоку и возвращайся назад. Кервенсер, облетишь к западу и немного заберешь южнее в течение того же времени. Бордендер, доложи, когда все твое измерительное оборудование будет на борту. Битчермарлф и Такуурч, выйдите наружу и перенастройте контрольные канаты двигателей в нормальное положение.

Его передатчик на мостике оставался включенным, так что Изи слышала и переводила все приказы, хотя замечание про затвор на флаере ничего не значило ни для кого из них. Она и ее коллеги наблюдали за экраном передатчика, оставшегося снаружи, с большим интересом, так как два крошечных вертолета поднялись из раскрывшегося верхнего отсека. Один, облетев передатчик, оказался вне поля зрения, другой же по-прежнему набирал высоту, направляясь к западу. Картинка закачалась, когда Реффел, подобрав передатчик, установил его внутри своего флаера. Как только флаер поднялся над грунтом, Изи совершенно автоматически переключила селектор на видеозапись — пригодится для будущей работы над картой.

Дондрагмер одобрил действия Изи, но сам не мог наблюдать за летящим флаером, ему лишь оставалось ждать устного рапорта от Реффела или, через космическую станцию, от Кервенсера, но разведчики молчали.

Десятиминутные полеты не дали ничего интересного. Но все-таки удалось выяснить, как сообщил Дондрагмер на земную станцию, что «Квембли» находился в долине шириной примерно пятнадцать миль. Ее каменные склоны по меркам Дхрауна считались почти пологими: пилоты оценили наклон градусов в двадцать-тридцать, зато они были очень высокими, не менее сорока футов. К западу, насколько далеко смог забраться Кервенсер, он не обнаружил никаких признаков зарождения нового потока, но отметил, что камни, устилавшие дно долины, через две-три мили уступали место скальному грунту, и там, как монетки, были разбросаны бесчисленные озерки, подобные тому, которое сейчас окружало «Квембли». К востоку, на всем протяжении полета Реффела, камни и лужи тянулись до самого горизонта. Дондрагмер, поразмышляв над этим некоторое время, приказал одному из флаеров продолжить облет:

— Керв, подымись снова в воздух. Рулевым все равно еще несколько часов не управиться. Лети на запад вдоль долины, если получится, спустись как можно ниже, чтобы зацепить светом прожекторов поверхность, и еще раз поищи любые признаки образования нового потока. Пусть это займет часа три, если ты что-нибудь заметишь, конечно, если же видимость будет плохой, возвращайся назад. Я сдаю вахту. Передай Стакенди, чтобы принял командный пост, прежде чем вылетишь.

Даже месклиниты устают, но время для отдыха Дондрагмер выбрал неподходящее, как впоследствии сказал ему Барленнан. И когда капитан возразил, что все равно ничего не смог бы сделать, даже если бы оставался на посту, его начальник издал месклинитский эквивалент хмыканья.

— Но ты бы попытался. Ведь потом-то ты нашел выход!

Дондрагмер не согласился, что его замена была серьезным упущением, но в глубине души вынужден был признать, что в тот момент действительно уходить не стоило.

Прошло почти восемь часов после отлета Кервенсера, когда за дверью капитанской каюты раздался рев тревоги.

Дондрагмер вскочил, и ворвавшийся к нему матрос обрисовал ситуацию коротко и ясно:

— Капитан, Кервенсер и рулевые все еще снаружи, а бассейн жидкости, в котором мы находимся, замерз.

6. Политика

Раздражение и нетерпение уже весьма ощущались в лаборатории планирования, но пока еще никто не потерял самообладания окончательно. Иб Хоффман, всего часа два назад вернувшийся из месячной командировки на Землю и Дромм, не произнес практически ни слова, лишь запросил свежие данные. Изи, сидевшая рядом с ним, вообще молчала, но ей уже было ясно, что пора любым путем повернуть русло беседы в конструктивном направлении. Требовалось подходящая тема. Например, изменение политики землян на новой стадии проекта. Что ж, это могло оказаться неплохой идеей, но не сейчас. В данный момент это сведется к тому, что люди, сидящие по одну сторону стола, начнут обвинять своих коллег, сидящих напротив, в недостатках нынешней политики. Абсурд. Еще более абсурдно препирательство ученых, до сих пор гадающих, почему это вдруг озеро замерзло, когда температура повысилась. Дельный совет мог бы привести к каким-то рациональным действиям, и вообще Изи казалось, что такой вопрос полезнее обсуждать в лаборатории, а не в конференц-зале.

Если ее муж немедленно не примет участия в беседе, ей придется вмешаться самой, решила она.

— Все это я уже слышал сто раз и по-прежнему не считаю убедительным! — резко бросил Мерсерэ. — До какого-то момента это еще имело смысл, но, кажется, этот момент мы давно миновали. Я отлично понимаю — чем сложнее и комплекснее оборудование, тем меньше персонала требуется для управления им, — но тогда специального оборудования должно быть много и специально обученного персонала для обслуживания и ремонта — тоже. И если бы лэнд-крейсеры

были напичканы автоматикой, как настаивали некоторые мои коллеги, мы бы и обошлись на Дхрауне всего сотней месклинитов вместо пары тысяч — сперва. Но все эти машины — все до единой — к настоящему времени уже давно превратились бы в ненужный хлам, потому что мы не смогли бы доставить сюда ни квалифицированный персонал, ни запасное оборудование. Поймите, месклиниты пока еще не могут полностью освоить наши технические достижения. Я согласен с этим, Барленнан согласен с этим. Как я уже говорил, это имело смысл.

— Но вы, Аукойн и, по какой-то причине, Барленнан пошли еще дальше: вы были против включения в список оборудования вертолетов. Мне известно: среди создателей проекта имелись люди, считавшие, что месклинита никогда не научить летать, и, быть может, именно агорафобией мотивировались поступки Барленнана. Но, в конце концов, он смог понять, что без воздушной разведки лэнд-крейсерам не пройти по неизвестной территории больше нескольких миль, и чтобы исследовать хотя бы только Нижнюю Альфу, при таком темпе понадобится чертова уйма времени. Именно благодаря этому аргументу нам удалось убедить его.

Однако имелось много другого оборудования, которое мы с удовольствием бы им предоставили, весьма полезного и оправдавшего бы себя, но от поставки которого он отговорил нас. Никакого оружия — тут я согласен, оно было бы бесполезно. Но никакого радиооборудования для связи на коротких дистанциях? Никаких переговорных устройств для Поселка? Это просто сущая нелепица, что Дондрагмеру приходится вызывать нас, находящихся от него в шести миллионах миль, чтобы просить передать его доклады Барленнану в Поселок. До сих пор это было не так уж важно, поскольку Барл не мог помочь Дону физически, да и временное запаздывание, в общем-то, невелико, в обычных обстоятельствах это просто глупо. Но теперь, когда исчез первый помощник Дона, это стало исключительно важным: исчез он в сотнях

миль от «Квембли» или не далее, чем в десяти? И никто в галактике не может с ним связаться — ни отсюда, ни с крейсера. Почему же Барл был против радио. Алан? И почему вы были против? — Макдевитт распалился не на шутку.

— По той самой причине, которую вы только что назвали, — ответил Аукойн с ноткой резкости в голосе. — Проблема обслуживания.

— Вы несете чушь, — вскинул голову Макдевитт. Нет никакой проблемы с обслуживанием простого акустического прибора и даже, если уж на то пошло, видеопередатчика. Насколько мне помнится, четыре такие штуки Барленнан протащил с собой по Месклину в первом контролируемом людьми путешествии, которое состоялось лет пятьдесят тому назад. И ни один из них не причинил никому ни малейшего беспокойства. Сейчас подобных приборов на Дхрауне около шестидесяти, и за истекшие полтора года ни с одним из них ничего не случилось. Барленнан должен это знать, и вы тоже. Более того, почему мы передаем их сообщения именно таким образом, как сейчас? Почему мы используем для передачи не автоматику, а целый штат переводчиков, которые, в силу разных причин, замалчивают кое-какие вещи — извини, Изи. И вы не докажете мне, что за все время на станции возникла хоть одна-единственная проблема с обслуживанием радиопередающего оборудования. Кто и кого здесь пытается обдурить?

Изи пошевелилась: это уже пахнет настоящим скандалом. Ее муж коснулся руки Изи жестом, который она отлично поняла: он сам собирается вмешаться. Но прежде он предоставил Аукойну возможность ответить:

— Никто никого не пытается обдурить. Я вовсе не имел в виду техническое обслуживание оборудования. Это просто неудачный выбор выражения. Этика — вот о чем надо говорить. Месклиниты — весьма умелые, умные и самоуверенные существа, по крайней мере те из них, с кем нам доводилось встречаться. Они бороздят под парусами тысячемильные просторы океана Месклина на своих странных

составных суденышках, оторванные от дома, без всякой надежды хоть на какую-то помощь со стороны, многие месяцы, предоставленные самим себе и своей судьбе, — совсем, как люди несколько веков назад. И, по общему нашему мнению, возможность легкодоступной связи друг с другом могла бы подорвать их уверенность в себе. Признаюсь, я не на сто процентов уверен в этом. Месклиниты — не люди, хотя их разум во многом подобен нашему; кроме того, имеется еще один весьма важный фактор, значение которого мы пока не можем оценить, а может быть, никогда не сможем: нам неизвестна их средняя продолжительность жизни, хотя ясно, что она гораздо больше нашей. И все-таки Барленнан согласился с нами насчет радио. Ведь он сам, именно он, поднял этот вопрос — и никогда не жаловался на затруднения со связью.

— Нам, — неожиданно вмешался Иб.

Аукойн посмотрел на него сначала с удивлением, затем с недоумением.

— Да, Алан, — подтвердил Иб, — именно это я и хочу сказать: он не жаловался нам. А что он думает про себя — одному богу известно.

— Но почему же он не жалуется или хотя бы не попросит радио, если пришел к выводу, что оно ему необходимо? — воскликнул Мерсерэ.

Планировщик не хотел сдавать позиции, однако, как с удовлетворением отметила Изи, агрессивность в его голосе исчезла.

— Я и сам не понимаю, почему, — признался Хоффман. — Просто вспомнилось кое-что. Я слышал о первых контактах с Барленнаном: тогда, несколько десятилетий назад, он был настроен весьма дружественно, практически чуть ли не поклонялся таинственным чужакам с Земли, Панеша и Дромма, во времена экспедиции «Тяготение» он выполнял для землян работу по просьбе людей, а затем вдруг, в самом конце экспедиции, неожиданно фактически пошел на шантаж: вынудил нас на своих условиях согласиться с

требованиями, с которыми, как считают пять землян, семь панешек и девять дроммиан из каждых десяти, мы ни за что не должны были соглашаться. Вы не хуже меня знаете: передавать развитую технологию или хотя бы просто основы науки в распоряжение расы, которая еще не достигла эпохи технического развития, чрезвычайно опасно. Экологи просто кипят от возмущения, потому что считают — каждая раса должна иметь право самостоятельно преодолевать болезни своего роста, а ксенофобы орут на всех углах, что мы вооружаем против самих себя зловредных чужаков. На нас накидываются историки, потому что мы искажаем картину исторического развития, администраторы же боятся, что возникнут проблемы, с которыми они пока не научились справляться.

— Ксенофобы сами опасны больше всех, — резко перебил его Мерсерэ. — Эти психи считают само собой разумеющимся, что любые негуманоидные существа сразу же автоматически должны стать нашими врагами, едва лишь позволят технические возможности. Именно поэтому мы предоставляем месклинитам только то оборудование, которое они заведомо не смогут дублировать, — вроде термоядерных конвертеров или других вещей, которые нельзя разобрать и изучить по деталям без использования пяти уровней промежуточного оборудования. Аргументы Алана звучат довольно-таки неплохо, но это всего лишь отговорка. Вы, как и я, знаете, что можно научить месклинита летать на челноке, автоматизированном в разумной мере, если пульт управления приспособлен к его клешням. И нет на этой станции ни одного ученого, который не отдал бы три кварты своей собственной крови, лишь бы челнок, набитый физическими образцами и инструментами собственного изобретения, начал курсировать между станцией и поверхностью Дхрауна.

— Ну, не совсем так, хотя доля правды в этом есть, — хладнокровно возразил Хоффман. — Я согласен с твоей личной оценкой ксенофобов, Бойд, но факт тот, что благодаря

дешевой энергии хороший межзвездный грузовик может окупить затраты на свое строительство за четыре — пять лет, а межзвездная война теперь не кажется такой уж невозможной, как раньше считалось. Кроме того, вы знаете: отсеки на нашей станции не потому такие просторные, что мы страдаем излишней расточительностью, а потому, что они, определенно, предназначены и для других целей. Например, средний дроммианин, обнаружив отсек, в который не смог бы протиснуться, сразу же заподозрил бы, что здесь дело нечисто, что от него намеренно что-то скрывают. У них напрочь отсутствует понятие уединенности, и, по нашим стандартам, большинство из них просто параноики. И если бы с самого начала мы не поделились с ними технологией, мы сами создали бы целую планету высоко развитых ксенофобов, гораздо более опасных, чем все до сих пор произведенное Землей. Не знаю, отреагировали бы месклиниты подобным же образом, но по-прежнему считаю, что создание Колледжа на Месклине — крупнейший успех нашей политики с тех пор, как первый дроммианин был допущен к учебе в МТИ.[1] И месклинитам пришлось шантажировать нас, чтобы добиться именно этого.

— Удручающая правда, — согласился Мерсерэ. — Но все это имеет лишь побочное значение. Главное же сейчас в том, что мы просто не знаем, что в действительности думает или планирует Барленнан. Тем не менее, будьте уверены, он не согласился бы переправить две тысячи своих парней, включая и самого себя, на почти совершенно неизвестный мир, с высокой степенью вероятности исключительно опасный даже для существ вроде него, не имея на то какой-то очень веской причины.

— Мы сами спровоцировали его, — кивнул Аукойн.

— Да. Мы попытались перещеголять его в искусстве шантажа, — поддержал Хоффман. Мы согласились продолжать обучение в Колледже на Месклине, несмотря на возражения

[1] Массачусетский технологический институт.

многих наших сотрудников, если он сделает для нас работу на Дхрауне. При этом с обеих сторон не упоминалось ни о какой материальной компенсации, хотя месклиниты отлично знают о зависимости уровня благосостояния от уровня знаний. Мне бы очень хотелось считать Барленнана идеалистом, но, боюсь, его идеализм прекрасно уживается с шовинизмом. И кто знает, как далеко это может его завести?

И еще одно. Нам не пришлось согласовывать с месклинитами состав оборудования для них. Они беспрекословно согласились с нашим выбором, какие бы не имели на этот счет личные мнения. И что же теперь? Мы можем помочь им лишь информацией о некоторых физических реальностях, которые им незнакомы и с которыми их ученым не справиться самостоятельно, и у нас имеются возможности высокоскоростных вычислений. Вот и все. А там, внизу, одна из исключительно дорогих исследовательских машин оказалась вмерзшей в озеро вместе с сотней живых существ, которые для некоторых из нас представляются лишь придатком к этой машине, но для остальных дни прежде всего являются личностями. И если мы хотим изменить нашу политику, надо настоять на том, чтобы Барленнан получил челнок, набитый новой аппаратурой. Но вряд ли это можно назвать нашей насущной проблемой в данный момент, Бойд. Я просто не знаю, что такого послать вниз, чтобы хоть немного помочь Дондрагмеру.

— Наверное, ты прав, Иб, но я не могу не думать о Кервенсере, и насколько лучше было бы, если... — Мерсерэ умолк.

— Помни, он мог прихватить с собой один из передатчиков. У Дондрагмера их три, не считая одного, установленного на командном мостике, и все они — портативные. Решение — брать передатчик или не брать — целиком зависело от самого Кервенсера и его капитана. Давайте пока оставим в стороне все «если» и попытаемся придумать что-нибудь конструктивное, — решительно заявил Хоффман.

Мерсерэ успокоился, хотя и слегка обиделся на Иба за его последнюю фразу. Не отвлекаясь больше на реплики, планировщик снова взял бразды правления в свои руки и, глядя на противоположный край стола, где сидели ученые, сейчас уже притихшие, обратился к ним:

— Итак, доктор Макдевитт, вы пришли к какой-нибудь общей точке зрения относительно того, что там, внизу, произошло?

— Не совсем, но есть одна идея, которую стоит проверить. Как вы знаете, наблюдатель «Квембли» сообщал, что температура почти не изменялась с того момента, как разошелся туман; никакого источника теплового излучения не было замечено; наблюдалось разве что весьма незначительное потепление. Зато там, где они застряли, барометрическое давление все время росло, хотя и очень медленно. Предыдущие показания — во время движения — нельзя принимать во внимание из-за неопределенности положения, но температура все время была ниже точки замерзания и воды, и жидкого аммиака, однако, пожалуй, выше, чем смеси воды и моногидрата аммиака. Мы все еще не пришли к единому мнению, могло ли первоначальное таяние быть вызвано аммиачным туманом, вступившим в соединение со снегом, по которому двигался «Квембли». Дондрагмер опасался такой возможности; и, если это верно, нынешнее замерзание могло произойти из-за испарения аммиака из этой смеси. Нам необходимы данные по аммиачной составляющей...

— Что? — почти одновременно переспросили Хоффман и Аукойн.

— Извините, — спохватился Макдевитт. — Научный сленг. Речь идет о парциальном давлении аммиака в насыщенной водоаммиачной смеси. Нам нужны данные, которые бы либо доказали, либо опровергли эту идею, и, конечно же, месклиниты таких замеров не делали.

— А они могли бы?

— Уверен, мы смогли бы выработать какое-то совместное решение, но не знаю, сколько времени это займет. —

Макдевитт на секунду задумался. Пары воды не должны мешать; равновесное давление смеси значительно ниже, чем чистого аммиака при той же температуре. Работа не должна быть слишком трудной.

— Как я понимаю, это лишь гипотеза, а не подтвержденная теория? Достаточно ли она хороша, чтобы служить в качестве основы для действий? — усомнился Аукойн.

— Все будет зависеть от самих действий.

Аукойн нетерпеливо махнул рукой, и атмосферный физик продолжил:

— По сути, я бы не стал рисковать, не стал бы действовать по принципу «все или ничего». Я бы попытался испробовать все, что угодно, насколько позволят запасы материалов на «Квембли», лишь бы это не привело к новой опасности.

Мерсерэ кивнул, соглашаясь.

— Хорошо, — произнес он. — Тогда, может быть, вы останетесь придумать еще что-нибудь? Или, возможно, стоит обсудить эту идею с кем-то из месклинитов? Вдруг они подкинут что-то полезное?

Макдевитт поджал губы и на мгновение задумался.

— Мы с ними разговариваем довольно часто, но, по-моему, если и удастся придумать что-то стоящее, так только здесь. — Он резко замолчал.

Изи с мужем постарались скрыть усмешки. Аукойн кивнул, казалось, не заметив этого faux pas.[2]

— Ладно, — решил Мерсерэ. — Возвращайтесь назад в секцию связи, и удачи вам. Если кто-то — вы или они — придумает хоть что-нибудь мало-мальски полезное, немедленно сообщите нам.

Четверо ученых, кивнув в знак согласия, вместе покинули конференц-зал. Десятеро оставшихся несколько минут сидели молча, а потом Аукойн выразил вслух то, о чем думали и с чем были согласны все присутствующие, кроме одного.

---

[2] Ошибочный ход (фр.).

— Давайте смотреть правде в глаза, — медленно произнес он. — Настоящая баталия начнется тогда, когда мы передадим это сообщение Барленнану.

Иб Хоффман резко выпрямился.

— Вы еще этого не сделали? — бросил он.

— Изи сообщила им о факте вынужденной остановки, и потом мы передали промежуточные доклады о ходе ремонтных работ. Насчет обмерзания мы пока еще ничего не говорили.

— Но почему же?!

Изи явственно распознала сигналы опасности, прозвучавшие в голосе мужа, и подумала, хочется ли ей как-то сгладить надвигающуюся бурю или нет.

— Вы, — напрягся Аукойн, — не хуже меня понимаете — почему. Узнает ли он об этом немедленно, или через десять часов, или от самого Дондрагмера, если тот вернется в Поселок через год, — сейчас не имеет значения. На данный момент Барленнан ничем не может им помочь. Хотя, в принципе, у него есть такая возможность, но нам это не понравилось бы.

— И это... — прозвучал елейный голос Изи. Она уже решила, какую линию поведения выбрать в разговоре.

— Вы и сами хорошо знаете: можно послать на помощь «Квембли» один из двух лэнд-крейсеров, все еще находящихся Поселке. Именно так он и хотел поступить, когда случилась та история с «Эскетом».

— И вы по-прежнему возражаете против этого. — Голос Изи звучал утвердительно.

— Конечно, — решительно подтвердил Аукойн. — И по той же самой причине, с которой Барленнан, как вам известно, согласился тогда. И дело не в том, что у нас имеются вполне определенные планы относительно тех двух лэнд-крейсеров, это лишь часть проблемы. Что бы вы ни думали, Изи, я вовсе не считаю чью-либо жизнь маловажным фактором только потому, что речь идет не о человеке. Тем не менее, я действительно возражаю против бесцельной траты

времени и ресурсов, потому что изменение политики в самый разгар операции, как правило, приводит и к тому, и к другому.

— Но если вы утверждаете, что жизни месклинитов значат для вас ничуть не меньше, чем жизни людей, то как можно говорить о каких-то тратах?

— Подумайте, Изи, — и вы поймете. Не хочу обидеть вас, но вы игнорируете тот факт, что «Квембли» находится примерно в десяти тысячах миль от Поселка, если измерять по прямой линии или лететь по воздуху, а если взять маршрут, которым они прошли, это составит более тринадцати тысяч миль. Спасательная машина просто не может покрыть это расстояние менее чем за двести — двести пятьдесят часов. А последние четыреста миль, которые «Квембли» несла река, могут оказаться вообще непроходимыми.

— Но можно дать спасателям общее направление с помощью спутниковых фотоснимков, — не сдавалась Изи.

— Да, несомненно, — согласился Аукойн. Но факт остается фактом: если только Дондрагмер сам не сможет помочь себе, своей команде и своей машине выбраться из нынешней передряги, что бы ни послал ему Барленнан, это ни в малейшей степени не поможет. Конечно, если над «Квембли» уж нависла неминуемая опасность. Если же нет, если они всего лишь вмерзли в лед, как это случалось в девятнадцатом веке с китобоями на Земле, их система жизнеобеспечения имеет неограниченные ресурсы, позволяющие поддерживать замкнутый цикл, а также у них есть термоядерные конвертеры. Так что мы с Барленнаном можем спланировать хорошенькую, неторопливую спасательную экспедицию.

— Как уже было с «Эскетом» Дестигмета, — с некоторой горечью возразила женщина. — Прошло больше семи месяцев с тех пор, а вы, как тогда, так и теперь, обрываете любые разговоры на эту тему!

— Ну, не сравнивайте! «Эскет» никуда не делся, он все еще находится на своем месте, ничуть не изменившись, как

показывают его до сих пор работающие экраны, несмотря на то что команда куда-то подевалась. У нас нет ни малейшего предположения о том, что произошло с командой, но, поскольку никто из них не вернулся на борт и за все прошедшее время мы никого не видели, просто невозможно поверить, что кто-то из них еще жив. Даже месклиниты, при всех их способностях и физической выносливости, не могут прожить на Дхрауне семь месяцев, не имея в своем распоряжении ничего кроме своих гермокостюмов.

Изи опустила глаза, не зная, что ответить. Если исходить из чистой логики, Аукойн полностью прав, но Изи не верила, что ситуация подчинялась исключительно логике.

Иб, зная, как сейчас чувствовала себя Изи, решил, что снова подоспело время направить беседу в другое русло. Он разделял мнение планировщика до какого-то момента, пока дело касалось основополагающей политики, но также понимал и то, почему его жена не хочет согласиться с доводами Аукойна.

— Сейчас реально, как я себе представляю, — сказал Хоффман, — перед нами стоит та же проблема, что и перед Доном, поскольку у него снаружи остались матросы. Похоже, оба они оказались подо льдом, насколько я могу судить, но никому не известно, промерзла ли эта каша до самого дна или нет. В любом случае, судя по заданию, которое им полагалось выполнить, они находятся где-то среди тележек «Квембли». Думаю, в такой ситуации подходит обычная поисковая работа с кирками. Но каковы шансы на то, что месклиниты, облаченные в гермокостюмы, смогут перенести такой груз? Правда, температура не будет причинять им беспокойство, хотя она и упала ниже точки замерзания воды, но вдруг им свойственны какие-то иные физиологические ограничения, о которых мы не знаем?

— Кроме того, пропал первый офицер Дона, он запаздывает с возвращением из полета. Тут мы совсем ничем не можем помочь, поскольку он не взял с собой передатчика… хотя… есть еще один вертолет. Обращался ли к нам

Дондрагмер за помощью? — Аукойн повернулся ко второму планировщику.

— В последний раз мы разговаривали с ним примерно с полчаса назад, — ответил Мерсерэ.

— Тогда я настоятельно рекомендую, чтобы мы предложили ему отправить на поиски пропавшего летчика второй вертолет, — заявил Хоффман.

Аукойн кивнул, соглашаясь, и взглянул на женщину:

— Я бы сказал, что это ваша работа, Изи.

— Да, как если бы меня уже привязали к ней. — Изи встала. Проходя мимо Иба, она незаметно слегка дернула его за ухо и покинула конференц-зал.

— Далее, — продолжил Хоффман. — Признаю, вы можете оказаться правы, возражая против спасательной экспедиции из Поселка. Но, мне кажется, настало время просветить Барленнана насчет ситуации с «Квембли».

— Зачем нам больше неприятностей, чем необходимо? — возразил Аукойн. — Мне вообще не нравится спорить с кем-то, особенно если этот кто-то даже не прислушивается к тому, что я говорю.

— Ну, спорить, может быть, и не придется. Как вы помните, в прошлый раз он согласился с нами, — улыбнулся Хоффман.

— Вы же сами несколько минут назад утверждали, что не знали, насколько искренни были его аргументы.

— Не знал. Но если бы он серьезно был против нас тогда, то сделал бы именно то, что хотел: послал бы группу на помощь «Эскету». Как вы помните, он так поступал в некоторых других случаях, когда какой-нибудь из крейсеров оказывался в опасности.

— Но все это происходило гораздо ближе к Поселку, и, в конце концов, мы одобрили его действия, — заметил Аукойн.

— Вы знаете ничуть не хуже меня: мы одобрили его действия потому, что у нас не было другого выхода — он в любом случае сделал бы по-своему.

— Мы одобрили его действия, Иб, потому что ваша жена оба раза вставала на сторону Барленнана и просто переговаривала нас. Ваш аргумент, как ни странно, говорит в пользу того, чтобы не сообщать ему о нынешней ситуации.

— А на чьей стороне была Изи во время спора по «Эскету»? — спросил Хоффман. — Впрочем, это к делу не относится. Я по-прежнему считаю, что мы сразу же должны были сказать Барленнану о нынешней ситуации. Простая честность. Кроме того, чем дольше мы будем замалчивать этот факт, тем более вероятно, что, обнаружив правду, рано или поздно, он сочтет, будто все сообщения от экспедиций, передаваемые ему, мы подвергали цензуре.

— Я бы не назвал это цензурой, — возразил Аукойн. — Мы не изменили ничего.

— Но вы уже довольно часто задерживали передачу сообщений, решая, что он должен и что не должен знать. И, как уже говорил, я не считаю это игрой, условия которой мы обсудили с ним и на участие в которой он согласился. Прошу извинить меня за щепетильность, но, даже если исходить из чисто меркантильных интересов, нам лучше как можно дольше пользоваться доверием Барленнана.

Присутствующие, до сих пор слушавшие в полном молчании, заговорили, перебивая друг друга, едва только Хоффман произнес эти слова. У Аукойна ушло несколько секунд на то, чтобы вникнуть в смысл их реплик, но, в конце концов, ему стало ясно, что чувства всех на стороне Иба. И председательствующий благопристойно сдался, ему не нравилось выглядеть упрямым как бык.

— Хорошо, мы передадим полный доклад Барленнану сразу, как только разойдемся. — Он бросил взгляд на победителя. — Правда, если миссис Хоффман уже не отправила его. Что там у нас дальше?

Один из присутствующих, до этого момента ничего не предпринимавший, а только слушавший, задал вопрос:

— Прошу простить меня, если я что-нибудь неправильно истолковал в вашей беседе за последние несколько минут.

Иб, и вы, и Алан утверждаете, что Барленнан согласился, как предлагали земляне, свести к минимуму количество сложного оборудования в его экспедиции. Я тоже так думал. Но вы, Иб, только что выразили сомнения насчет искренности Барленнана в этом вопросе. Проистекают ли ваши сомнения из того, что он согласился взять с собой вертолеты?

Хоффман покачал головой.

— Нет. Мы привели очень веские аргументы, доказывая необходимость вертолетов, хотя меня и удивило, что Барленнан, не сопротивляясь, взял их без всякого спора.

— Но месклиниты ведь по природе своей агорафобы. Сама мысль о полете должна быть для них чудовищной.

Иб угрюмо улыбнулся.

— Правда. Но вы знаете, что сделал Барленнан после заключения договора с руководством экспедиции «Тяготение»? Первое, чем он занялся, едва изучив основы науки, это разработка, строительство и полет — на Месклине, в полярной зоне, где тяготение максимальное, — воздушного шара с подогревателем. Что бы ни двигало Барленнаном, это не агорафобия. Я сомневаюсь не в нем, а в его образе мышления, прошу прощения за неуклюжий каламбур.

— Я согласен, — подытожил Аукойн. — И, по-моему, мы уже иссякли. Давайте прервемся часов, скажем, на шесть. Пусть каждый поразмыслит. Желающие могут спуститься в отсек связи и послушать разговоры или сами поговорить с месклинитами. Тема одна — все, что касается Дхрауна. Мои идеи на этот счет вам известны.

— Совершенно, верно. — Это был человек, задавший вопрос. — Я все продолжаю гадать насчет того, что случилось с «Эскетом». И каждый раз, когда один из крейсеров попадает в затруднительное положение, даже если это вызвано бесспорно естественными препятствиями, «Эскет» опять приходит мне на ум.

— Так же, как и всем нам, по-моему, — подхватил Аукойн.

— Чем больше я думаю об этом, тем больше я чувствую, что команда «Эскета», должно быть, наткнулась на

разумных противников. Ведь известно, что на Дхрауне есть жизнь помимо мха и псевдоводорослей, найденных месклинитами. Даже мох и водоросли не могли бы зародиться, а тем более развиваться в этой атмосфере. Скорее всего, где-то должен существовать более сложный экологический комплекс — я бы предположил, что в районах с более высокой температурой.

— Например, в Нижней Альфе, — закончил за него мысль Хоффман. — Действительно, разве могут в одной среде долго просуществовать аммиак и несвязанный кислород, если иметь в виду планетные масштабы? Так что я вполне верю в возможность обитания здесь разумных существ. Пусть мы не заметили никаких признаков их деятельности из космоса, пусть с ними не столкнулись экспедиции месклинитов, если только на них не наткнулся «Эскет», но семнадцать миллиардов квадратных миль поверхности планеты служат тому хорошим оправданием. Идея кажется мне вполне вероятной, и вы — не первый, кому она пришла в голову, но я не знаю, чем она может нам помочь. Барленнан тоже думал об этом, как говорила Изи, и прикидывал, не послать ли другой крейсер в место исчезновения «Эскета», специально для поисков и контактов с любыми разумными существами, если они там найдутся. Но даже Барленнан усомнился в целесообразности такого предприятия. И, естественно, мы не настаивали.

— А почему? — вмешался Мерсерэ. — Если бы мы смогли вступить в контакт с аборигенами, как в свое время произошло на Месклине, проект действительно сдвинулся бы с мертвой точки! Нам бы не пришлось полностью зависеть только от... О...

Аукойн угрюмо улыбнулся.

— Именно, — произнес он. — Наконец-то вы обнаружили вескую причину, чтобы гадать насчет честности Барленнана. Я не утверждаю, что он бессердечный политик, готовый пожертвовать жизнями своих сородичей только ради того, чтобы сохранить под своим контролем все операции на

Дхрауне, — команду «Эскета», бесспорно, уже невозможно было спасти, когда он, в конце концов, согласился с тем, что не стоит посылать «Каллифф» в том же направлении.

— Но, тем не менее, есть еще один момент, — задумчиво произнес Хоффман.

— Какой же?

— Не знаю, стоит ли здесь говорить об этом, поскольку все равно доказательств нет и не будет, но дело в том, что крейсером «Квембли» командует Дондрагмер — давний соратник Барленнана, по человеческим понятиям они должны быть близкими друзьями. Есть ли какая-то вероятность, что ситуация затрагивает лично самого Барла и что это окажет воздействие на его рассуждения по поводу спасательной экспедиции или даже заставит приказать нам послать спасателей, несмотря на взвешенные аргументы? Как и вы, я не думаю, что эта гусеница — всего лишь административная машина. Его хладнокровие — исключительно физиологический фактор.

— Мне тоже приходило это в голову, — признался главный планировщик Аукойн. — Когда, много месяцев тому назад, он позволил Дондрагмеру отправиться в экспедицию, я удивился. У меня создалось впечатление, что ему очень не хотелось вынуждать Дона испытывать судьбу. Но тогда я не слишком над этим задумался: никто ничего не знает о психологии месклинитов вообще и Барленнана в частности, — так что стоит ли принимать во внимание смутные ощущения при серьезном планировании? Если кто в этом и разбирается, Иб, то только ваша жена, а она не может или не хочет выразить словами то, что понимает в месклинитах. Как вы сами сказали, мы не можем взвешенно оценить вероятность влияния дружеских отношений. Мы можем лишь пополнить список наших вопросов. Давайте выслушаем соображения насчет членов команды, которые, предположительно, оказались вмерзшими в лед под «Квембли», и на этом действительно закончим.

— С помощью термоядерного конвертера можно было бы нагревать катушечные сопротивления, такие сопротивления не так уж сложно изготовить, — сказал Мерсерэ. — Нагреватели — не слишком ненужное оборудование на. Дхрауне, если уж на то пошло. Если только...

— Но мы не сделали этого, — прервал его Аукойн.

— Нет, сделали, если позволите мне закончить. На «Квембли» столько конвертеров, что их хватит, чтобы поднять корабль с планеты и вывести на орбиту, если только их энергию удастся направить на такое дело. На борту наверняка найдется какой-нибудь металл, который можно использовать для изготовления резисторов кустарным способом. Но смогут ли месклиниты управляться с подобными приборами, я не знаю. Должен же быть какой-то предел даже для их приспособляемости к разнице температур! По крайней мере, в нашей власти спросить их об этом.

— Вы допускаете ошибку. Мне известно, что на борту лэнд-крейсеров исключительно мало металла: нет ни лишнего оборудования, ни запасов металлических материалов. И я бы весьма удивился, окажись месклинитские тросы проводниками. Я не химик, но все, столь прочное и плотное, как этот материал, должно иметь электроны, хорошенько закрепленные на своих местах. Тем не менее, конечно же, свяжитесь и обсудите этот вопрос с Дондрагмером. Вероятно, Изи все еще в отсеке связи; она поможет вам, если окажется, что дежурный месклинит не силен в филологии. Все. На этом закончим.

Мерсерэ кивнул, уже направляясь к двери. Аукойн проследовал вслед за ним в ту же дверь. Остальные разошлись кто куда. Только Хоффман остался сидеть за столом.

Его взгляд был бесцельно устремлен в пространство, лицо оставалось нахмуренным, и сейчас он выглядел старше своих сорока лет.

Ему нравился Барленнан. Еще больше ему нравился Дондрагмер, как и его жене. Он не имел ни малейших оснований жаловаться на проволочки с исследованиями Дхрауна,

тем более что нынешнюю политику он сам помогал создавать, в отличие от остальных планировщиков. Кроме той уловки полувековой давности, не существовало никакой конкретной причины не доверять руководителю месклинитов. Нет никаких видимых оснований считать, что он хочет держать гипотетических аборигенов Дхрауна в своих руках. Нет никаких доказательств. Определенно, нет. Кроме того, если бы он решил взвалить ответственность за исследовательский проект на Дхрауне на подобных существ, даже если бы они и существовали, это вызвало бы еще больше задержек и осложнений, что конечно же, Барленнан должен понимать.

Случайные разногласия между месклинитами и людьми были весьма редки и незначительны, не то, что при сотрудничестве с такой расой, как дроммиане. Вот с теми месклиниты сталкивались бы вдесятеро чаще. Нет, не видно пока никакой причины предполагать, что месклиниты уже начали реализовывать свои собственные, независимые планы.

И все же Барленнан не хотел брать с собой вертолеты, хотя, в конце концов, его убедили их взять. Это был все тот же Барленнан, построивший воздушный шар с подогревом в качестве своего первого упражнения в прикладной науке.

Он не послал спасательную группу на помощь «Эскету», хотя все гигантские лэнд-крейсеры были на счету, одинаково необходимые для проекта. Не послал, и несмотря на тот факт, что около сотни его соратников находилось на борту.

Он отказался от радиопередатчиков для связи на коротких дистанциях, несмотря на всю их очевидную полезность. Аргументы, которые он выдвинул против них, принадлежали к тому типу, который мог бы использовать в классе твердолобый учитель, но речь то шла о реальной жизни — смертоносно искренней.

Пятьдесят лет назад он не только воспользовался шансом приобрести чужие знания, но намерение сделал так,

чтобы заставить своих не-месклинитских партнеров предоставить эти знания ему.

Иб Хоффман никак не мог избавиться от ощущения, что Барленнан опять исподтишка что-то замышляет.

Ему лишь хотелось знать, что на этот счет думает Изи.

7. Обледеневший корабль

Битчермарлф и Такуурч, как и вся команда «Квембли», оказались застигнутыми врасплох, когда озеро неожиданно замерзло.

В течение нескольких часов у них не было времени оглядываться по сторонам, все их внимание было приковано к переплетениям тончайших нитей — сложнейшей системе рулевого управления, гораздо более сложной, чем, скажем, на земном клипере.

Оба в точности знали, что именно надо сделать, поэтому у них не было надобности в разговорах. Но даже когда их глаза и отвлекались от работы, они все равно мало что видели: месклиниты находились под огромным корпусом своего корабля, днище которого опиралось на огромный пневматический матрац-демпфер, распределяющий вес судна равномерно на все тележки. Окруженные этими тележками, погруженные в темень Дхраунской ночи, поглощающей мир вне поля действия их портативных прожекторов, они, как и матросы внутри «Квембли», не заметили, что крошечные кристаллы начали формироваться на поверхности озера и оседать на дно, сверкая в свете прожекторов «Квембли».

Рулевые, подсоединив канаты по левому борту на всем протяжении от кормы до носа, в первом ряду тележек, теперь перешли ко второму ряду и, двигаясь вперед, вдруг обнаружили, что попали в ловушку.

Свет батареи Такуурча немного ослабел, и месклинит решил вернуться для подзарядки к ближайшему термоядерному конвертеру, установленному на одной из тележек первого ряда. Каково же было его удивление, когда он

обнаружил, что не может не только подобраться к конвертеру, но даже и тележку не видит. После нескольких безуспешных попыток разобраться в происходящем он позвал Битчермарлфа. У них ушло почти десять минут на то, чтобы установить следующий факт: они оказались полностью окружены матовой белой стеной, не поддающейся даже их силе. Она сплавила воедино все внешние тележки, заполнив все пространство между ними от демпфера наверху до камней внизу — примерно фута на три в высоту. Внутри стены они пока еще имели свободу передвижения.

Их инструменты не были приспособлены к тому, чтобы вгрызаться в лед, да и просто были слишком малы, хотя Битчермарлф и Такуурч затратили почти целый час на долбление, прежде чем оба в этом убедились. Ни один, ни другой особенно не беспокоились: совершенно очевидно, что лед обездвижил «Квембли», и команде придется раскалывать его и пробиваться вглубь, к ним, хотя бы ради того, чтобы освободить машины, если и не ради спасения рулевых. Конечно же, запас необходимого для дыхания водорода был ограничен, но для них это значило меньше, чем соответствующая нехватка кислорода для человека. По крайней мере, они располагали еще где-то десятью-двенадцатью часами полной активности, и когда парциальное давление водорода опустится ниже определенной отметки, они просто потеряют сознание. Биохимические процессы в их телах будут замедляться все больше и больше, но должно пройти не менее полутора сотен часов, прежде чем случится что-то необратимое. Одна из причин месклинитской стойкости, хотя этого до сих пор не смогли обнаружить люди-биологи, заключалась в поразительной простоте и устойчивости их обмена веществ.

Итак, оба чувствовали себя совершенно спокойно и вернулись к своей работе. Они уже заканчивали проверять тележку второго ряда, когда совершили еще одно открытие. И оно их весьма обеспокоило.

Лед медленно полз вперед. Он надвигался неспешно, но неотступно. Так получилось, что никто из них не знал — во всяком случае, ничуть не лучше, чем Иб Хоффман, — что может стать с живым существом, вмороженным в блок льда, и какой от этого будет эффект. Но ни тот, ни другой не имели ни малейшего желания проверить это на себе.

По крайней мере, пока было светло. Не все из энергоблоков оказались отрезанными стеной льда, и Такуурч подзарядил свой прожектор. Это позволило им еще раз, но весьма осторожно, осмотреть границы их тюрьмы. Битчермарлф надеялся найти лазейку — хоть тоненький слой жидкости у самого дна или, что предпочтительнее, у самого верха окружающих их стен. Он не знал, началось ли замерзание сверху или со дна озера. Он не знал, как было бы известно любому оказавшемуся на его месте человеку, что лед плавает на воде. В общем-то, оно и к лучшему, ибо такое знание могло привести его к ошибочному выводу в данном случае. Кристаллы действительно начали формироваться наверху, но они были плотнее, чем окружающая их жидкость, и опускались, растворяясь лишь тогда, когда достигали слоев, более насыщенных аммиаком. В результате этого псевдоконвекционного эффекта вся жидкость в озере постепенно лишалась аммиака, пока его концентрация в смеси не достигла критической точки, после чего наступило почти полное повсеместное замерзание. И, в конце концов, поиск не дал никаких результатов.

Какое-то время оба просто лежали меж двух тележек, наблюдая за прогрессирующим промерзанием. У них не было с собой приборов, измеряющих время, а потому скорость процесса оставалась для них величиной неизвестной. Такуурч предположил, что он замедляется, Битчермарлф не испытывал такой уверенности.

Иногда одному из них приходила в голову какая-нибудь идея, но другой немедленно находил в ней изъян.

— Можно попробовать сдвинуть некоторые из этих камней — те, что поменьше, — высказал очередную идею Такуурч. — Почему бы не попытаться прорыть ход подо льдом?

— И куда же? — возразил его товарищ. — Ближайший край озера находится в сорока — пятидесяти кабельтовых, по крайней мере, так мне показалось. Нам не пробиться так далеко через все эти камни, прежде у нас кончится водород для дыхания, даже если предположить, что жидкость, находящаяся внизу, между камней, почему-то не замерзла.

Такуурч жестом признал справедливость сказанного, и снова воцарилась тишина, а лед продолжать надвигаться.

Следующая конструктивная мысль посетила Битчермарлфа.

— Наши прожекторы должны давать сколько-то тепла, даже если мы и не чувствуем его через гермокостюмы! — неожиданно воскликнул он. — Так почему бы с их помощью не растопить лед вокруг нас, а может, даже удастся проплавить путь наружу?

— Стоит попробовать, — прозвучал лаконичный ответ Такуурча.

Они вместе приблизились к ледяному барьеру. Битчермарлф соорудил на дне маленькую горку из камней, у самой стены льда, и установил на ней оба прожектора, включив их на полную мощность. Затем месклиниты, придвинувшись поближе и приподняв передние части своих тел, оперлись на каменную насыпь и погрузились в ожидание, наблюдая за пространством между лампами и льдом.

— Если подумать, — заметил Такуурч спустя некоторое время, — наши тела тоже отдают какое-то количество тепла, верно? Так что не должно ли само наше пребывание здесь помогать таянию этой штуки?

— Возможно, — неопределенно ответил Битчермарлф. — Но лучше всего понаблюдать и за тем, что творится вокруг. Как бы все не замерзло по сторонам и позади, пока мы ждем здесь.

— А какое это имеет значение? Если у нас тут начнет таять, значит, тепла наших тел и наших прожекторов достаточно, чтобы бороться с замерзанием, и мы будем проплавлять себе путь наружу.

— Правда. Но все же посматривай. Не лишне знать, что тут происходит.

Такуурч жестом выразил согласие. Они снова замолчали.

Хотя и старший по возрасту, Такуурч был не из тех, кто долго может сносить молчание. Не выдержав, он выразил вслух еще одну идею:

— Я знаю, наши ножи льду нипочем, но не помогут ли они, если поскрести ими прямо здесь, где свет ближе всего?

Он отстегнул один из своих ножей, которые матросы всегда носили при себе на всякий случай, и потянулся к ледяной стене.

— Подожди-ка минуту! — воскликнул Битчермарлф. — Если ты начнешь здесь работать, как же мы узнаем, произвело ли тепло какой-то эффект?

— Если мой нож позволит нам куда-нибудь выбраться, то какой смысл рассуждать, из-за чего это произошло — из-за тепла или из-за работы? — вопросом на вопрос ответил Такуурч.

Битчермарлф, не найдя подходящего ответа, успокоился, хотя и пробормотал что-то насчет «контролируемых экспериментов», и Такуурч принялся за работу своим крошечным ножом.

Увы, его вмешательство не повлияло на эксперимент, хотя, быть может, слегка и задержало появление зримых результатов. Тепла тел, тепла прожекторов и ножа — всего вместе оказалось недостаточно: лед продолжал наступать. Наконец им пришлось снять прожекторы с каменной горки и отступить, наблюдая, как она медленно поглощается кристаллической стеной.

— Похоже, ожидание не будет долгим, — заметил Такуурч, посветив своим прожектором вокруг. — Остались свободными только два энергоблока. Не подзарядить ли еще

разок наши прожекторы, прежде чем конвертеры станут недоступны? Или уже все равно?

— Почему же, давай подзарядим! — ответил Битчермарлф. — Жаль, что только это мы и в состоянии извлечь из всей мощи корабля. Четыре такие штуки могли бы двигать «Квембли» по ровной поверхности, а однажды мне довелось услышать от кого-то из людей, что и одной хватит, если сцепление с поверхностью будет хорошим. Они, конечно же, разбили бы лед для нас, если бы мы сумели использовать энергию, заключенную в них...

— Снять-то энергоблок мы с тобой сможем, но вот что делать дальше — ума не приложу. Эти блоки способны вырабатывать электрический ток, но не вижу, каким образом разряды будут раскалывать лед. А механическая тяга, которую можно отсоединить от блока, действует только на вал моторов.

— Скорее всего, мы сами погибнем от электрошока, если попробуем использовать ток. Я не очень-то много знаю об электричестве, в основном я занимался обычной механикой за то недолгое время, что учился в Колледже, но хорошо знаю: оно может убить. Подумай о чем-нибудь еще.

Такуурч приложил максимум усилий, чтобы выполнить эту просьбу. Как и его более молодой товарищ, он лишь короткое время изучал науки чужаков; оба сами изъявили готовность участвовать в Дхраунском проекте, связав свою судьбу с ним, а не с дальнейшей учебой в своем родном мире. Их познания в общей физике были примерно такими, как у Бенджа или Хоффмана в возрасте около десяти — одиннадцати лет.

И неудивительно, что оба месклинита начали терять уверенность, едва дело выходило за рамки, позволяющие быстро соорудить видимую модель. Тем не менее, нельзя сказать, что они не обладали способностью к абстрактному мышлению. Оба они слышали о тепле как о низшей форме проявления энергии, хотя и не могли представить себе броуновское движение частиц.

Битчермарлф первым подумал еще об одном эффекте электричества.

— Так! Помнишь объяснения, которые нам давали перед стартом? Помнишь вопрос: что будет, если на тележки подавать слишком большое количество энергии еще до приведения крейсера в движение? Люди сказали, что в этом случае возможен обрыв тросов или повреждение моторов.

— Совершенно, верно. Четверть нагрузки — предел при скорости ниже ста кабельтовых в час.

— Слушай дальше. У нас есть возможность добраться до ручек управления, и моторы, конечно же, не включатся на вращение. Так почему бы просто не подать энергию на тележки и не позволить мотору нагреваться, как ему заблагорассудится?

— А почему ты думаешь, что он будет нагреваться? Ты ведь не знаешь, что заставляет моторы работать, и я не знаю. Люди не говорили, что такие действия вызовут разогрев моторов, они только говорили, что для моторов такие действия вредны.

— Верно, но что еще может с ними произойти? Ты же знаешь, что любой вид энергии, который не используется каким-либо иным способом, переходит в тепло.

— Почему-то мне это не кажется правдоподобным, — возразил более пожилой матрос. — И все-таки давай испробуем все, что кажется нам хоть мало-мальски стоящим. Люди ничего не говорили и о том, повлияет ли повреждение мотора на корабль. Если что-то случится, вряд ли наше положение ухудшится — куда уж дальше?

Битчермарлф задумался. Мысль, что «Квембли» подвергнется опасности, не приходила ему в голову. Чем больше он думал над этим, тем меньше чувствовал себя вправе идти на такой риск. Он взглянул на энергоблок, легко уместившийся между тросами на ближайшей тележке, и удивился, как вообще такая крошечная вещь может представлять опасность для огромного корпуса над ними. Но потом вспомнил колоссальные размеры машины,

доставившей их экспедицию на Дхраун, и понял, что с таким видом энергии, которая позволяет перебрасывать огромные тяжести через все небо, нельзя обращаться небрежно.

Он никогда бы не испугался использовать подобные двигатели, потому что имел возможность хорошо освоить управление ими, но намеренное неправильное использование могучей силы — это совсем другое дело.

— Ты прав, — нехотя признал Битчермарлф, понимая желание Такуурча воспользоваться представившейся возможностью. — Но мы поступим немного иначе. Послушай, если гусеницы тележек будут свободно проворачиваться, тогда мы не повредим ни мотор, ни энергоблок, и простое размешивание воды нагреет ее.

— Ты думаешь? Помнится, я слышал что-то подобное, но если я не могу расколоть этот лед с помощью собственной силы, то как же с ним справиться путем простого перемешивания воды? Кроме того, тележки не свободны, они находятся в самом низу, да еще на них давит «Квембли».

— Правильно. Ты хотел копать. Давай начнем перетаскивать камни, а то лед придвигается все ближе.

Битчермарлф, подав пример, начал извлекать скругленные булыжники из-под гусениц. Это оказалось трудным делом даже для месклинитских мышц. Несмотря на скругленность, камни были плотно подогнаны друг к другу. Более того, когда очередной камень удавалось извлечь, вокруг оставалось все меньше места, куда можно было его положить, а до камней под самыми гусеницами, которые действительно помешали бы вращению, оказалось невозможно дотянуться: мешали те, что находились с краев и еще не были убраны.

Оба месклинита яростно работали, чтобы расчистить хоть немного места вокруг тележки, но их пугало, как много времени пришлось на это затратить.

Когда расчищенная ими вдоль тележки канава оказалась достаточно глубокой, они принялись за камни, лежащие под гусеницами, и эта задача оказалась еще более трудной.

«Квембли» имел массу примерно двести тонн. На Дхрауне это означало, что вес в шестнадцать миллионов фунтов необходимо распределить между пятьюдесятью шестью тележками. Матрац-демпфер хорошо исполнял работу по распределению веса, но триста тысяч фунтов здесь, на Дхрауне, — слишком много для месклинита, чей вес даже на полюсе Месклина чуть больше трехсот. Это слишком много и для примерно восьми квадратных футов площади поверхности гусеницы. И если бы условия на Дхрауне не способствовали уплотнению материалов, «Квембли» и другие крейсеры, наверное, завязли бы по самые свои демпферы раньше, чем успели проехать хотя бы ярд.

Другими словами, камни под гусеницами были зажаты намертво. Что бы ни делали матросы, на какие ухищрения ни шли, ни один из камней не сдвинулся вообще. У рулевых не было ничего, что годилось в качестве рычага; их запасы канатов были бесполезны без блоков; их мышцы без помощи оборудования, к сожалению, не годились для выполнения этой работы — ситуация, месклинитам менее знакомая, чем другим расам, уже оставившим позади эпоху технической революции.

Тем не менее, наступающий лед стимулировал мысли. Он мог бы, конечно, стимулировать и панику, но ни один из матросов не был подвержен этой форме распада личности. И снова именно Битчермарлф оказался впереди.

— Так, выбирайся из-под тележки. Мы сдвинем эти булыжники! Давай вперед; они будут выходить с другой стороны. — Молодой матрос произнес эти слова, взбираясь на тележку.

И Такуурч сразу же понял идею. Он исчез за следующей, находящейся впереди тележкой, не произнеся ни слова.

Битчермарлф растянулся вдоль основной коробки двигателя между гусеницами. На этом пространстве шириной в

фут под ним и чуть впереди располагалось углубление, в котором находился энергоблок — конвертер. Он представлял собой предмет прямоугольной формы, того же размера, что и коммуникаторы. Из его поверхности выступали снабженные кольцами контрольные рычаги. Управляющие ячейки в боковых стенках имели крошечные выступы по краям.

Тросы дистанционного управления с мостика были протянуты через некоторые из ячеек и подсоединены к кольцам, однако рулевой проигнорировал их. Он мало что мог разглядеть, поскольку свет прожекторов концентрировался на поверхности в нескольких футах от него и верхняя часть тележки находилась в тени, но он сейчас не нуждался в зрении. Даже одетый в гермокостюм, он мог управиться с рычагами на ощупь.

Осторожно сдвинув главный рычаг управления реактором в положение «Работа», Битчермарлф затем, еще осторожнее, включил двигатели. Мгновенно последовала реакция: гусеницы по обе стороны от него стали перемещаться вперед, и звяканье маленьких твердых предметов о каждую из них на какое-то мгновение стало слышно. Затем шум прекратился, и гусеницы стали ускорять свой ход. Битчермарлф мгновенно отключил подачу энергии и сполз с тележки, чтобы посмотреть, что произошло.

План сработал точно так же, как срабатывает компьютерная программа, в которую вкралась логическая ошибка: на выходе имеется ответ, однако не тот, которого ожидали. Как и планировал рулевой, гусеницы откинули назад камни, находящиеся под ними, но он забыл воздействие пневматического демпфера, нависающего сверху.

Тележка провисла под собственным весом, а сверху, проседая вслед за тележкой, на нее давил матрац-демпфер — до тех пор, пока гусеницы не уперлись в дно. Посмотрев вверх, Битчермарлф увидел в матраце похожую на шишку выпуклость — там, где вся двигательная установка опустилась примерно на четыре дюйма.

Из своего убежища появился Такуурч и, оценив ситуацию, ничего не сказал: говорить было не о чем.

Ни один из них не знал, какую нагрузку способен выдержать матрац и на сколько дюймов можно еще опустить тележку, чтобы она повисла без опоры, хотя оба изучили все детали конструкции «Квембли». Матрац-демпфер представлял собой не единый газовый мешок, но был разделен на тридцать отдельных ячеек, каждая из которых приходилась на две тележки, соединенные в тандем. Рулевые знали все тонкости соединения — оба провели немало времени, ремонтируя системы, но даже после недавнего осмотра днища «Квембли», когда почти все тележки были разгружены от веса корабля, они оставались в глубоких сомнениях относительно того, как сильно тележка могла опуститься под собственной тяжестью.

— Что ж, вернемся к выковыриванию камней, — заметил Такуурч, засовывая свои клешни под булыжник. — Будем надеяться, теперь эти камни расшатаны, иначе к ним все равно можно будет подобраться только с краев.

— На эту работу у нас не хватит времени. Лед по-прежнему наступает. Возможно, придется опустить гусеницы на целую длину тела, прежде чем они смогут вращаться свободно. Оставь тележки в покое. Так. Пора испробовать что-то Другое.

— Я только хотел бы знать, что именно.

И Битчермарлф показал ему. Прихватив на этот раз с собой фонарь, он снова забрался на тележку. Озадаченный Такуурч последовал за ним. Молодой матрос, поднявшись, выпрямился вдоль колонны, поддерживающей тележку, и атаковал матрац-демпфер своим ножом.

— Но ведь нельзя причинять кораблю повреждения! — возразил Такуурч.

— Позже исправим. Мне это нравится ничуть не больше, чем тебе, и я с удовольствием выпустил бы воздух с помощью нормального выходного клапана, если бы мы только могли до него добраться. Но мы не можем. И если в самое

ближайшее время не снять нагрузку с этой тележки, вообще уже ничего не придется делать. — Произнося эти слова, Битчермарлф продолжал действовать ножом.

Это оказалось не легче, чем извлекать камни. Материал матраца-демпфера был исключительно толстым и прочным: чтобы поддерживать «Квембли», ему приходилось выдерживать высокое внутреннее давление — более ста фунтов на квадратный дюйм.

Одним из неудобств долгого пути являлась необходимость накачки вручную ячеек или стравливания, также вручную, избыточного давления, так как перепады высот поверхности, по которой они путешествовали, изменялись более чем на несколько футов. В данный момент матрац был слегка плоским, поскольку после их стремительного спуска вместе с потоком до подкачки дело не дошло, но внутреннее давление и сейчас было достаточно большим.

Снова и снова Битчермарлф бил ножом в одну точку натянутой поверхности. И каждый раз нож погружался чуть глубже. Такуурч, согласившись наконец с необходимостью этих действий, присоединился к товарищу. Оба ножа, не мешая друг другу, замелькали, ударяя попеременно, в ритме, слишком быстром, чтобы за ним способен был уследить человеческий глаз. Окажись человек свидетелем, если такое можно представить, он ждал бы, что они вот-вот отсекут друг другу клешни.

И все рано прошло немало минут, прежде чем они пробили оболочку. Первым признаком успеха стал тоненький ручеек пузырьков, распространяющихся во всех направлениях вверх вдоль изгиба выпирающей ячейки матраца. Еще несколько ударов — и крестообразная дыра размером с фут начала извергать дхраунский воздух, так что хлынувший поток пузырей скрыл дыру. Пленники прекратили свои усилия.

Медленно, но заметно натянутая ткань опадала. Пузыри теперь струились более медленно вдоль ее поверхности, собираясь наверху около ледяной стены. Какое-то время

Битчермарлф думал, что ткань станет совершенно плоской, но тележка этому мешала. Центр ячейки, то есть точка, к которой была подсоединена тележка (ни один из них не знал, где именно проходят границы ячейки), стремился вниз, оттягиваемый тележкой.

— Я снова запущу двигатель, и посмотрим, что произойдет, — сказал Битчермарлф. — Переберись на минуту за переднюю тележку.

Такуурч повиновался. Младший рулевой намеренно засунул несколько булыжников под гусеницы, снова забрался на тележку и устроился на ней поудобнее. На этот раз он прихватил с собой фонарь, для того чтобы видеть, как и куда сдвинется тележка. Взглянув на место присоединения в нескольких дюймах над ним, он вновь запустил двигатель.

Булыжники создавали некоторое трение; ткань сморщилась, и вращающаяся колонна слегка накренилась, поскольку тележка устремилась вперед. Колонна уходила в верхнюю ячейку, нетронутую и недоступную, и это предотвращало увеличение наклона.

Естественно, тележки не могли соприкоснуться друг с другом, но тенденция была заметна. И когда поступательное движение работающей тележки достигло предела, гусеницы продолжали двигаться, но на этот раз они двигались не свободно. Вибрации указывали на то, что теперь гусеницы скользили по камням, и спустя несколько секунд Битчермарлф ощутил движение струящейся, завихряющейся воды даже через гермокостюм.

Он начал спускаться вниз по тележке и чуть не попал под одну из гусениц. Лишь чудом ему удалось торопливым рывком дотянуться до ручки управления и остановить мотор, а потом несколько секунд он приходил в себя: даже его эластичному телу едва ли удалось бы перенести путешествие между гусеницами и камнями. Самое малое — был бы поврежден гермокостюм.

Переведя дыхание, Битчермарлф неспешно, очень осторожно проверил управляющие тросы, ведущие от реактора

к верхним блокам, расположенным вдоль днища демпфера, и проследил за ними глазами до точки над передней тележкой, куда он мог бы дотянуться. Несколькими секундами позже он очутился на той тележке, снова запустил мотор, теперь уже с безопасного расстояния, и мысленно выругал себя за то, что не сообразил поступить подобным образом с самого начала.

Такуурч, появившийся рядом, заметил:

— Что ж, скоро мы узнаем, приведет ли перемешивание воды к ее нагреванию.

— Обязательно, — заверил Битчермарлф. — Кроме того, на этот раз гусеницы трутся о камни на дне, а не разбрасывают их в стороны. Ты сколько угодно можешь не верить, что при перемешивании выделяется тепло, но наверняка должен знать, что оно выделяется при трении. Наблюдай за льдом и сообщи мне, если по соседству станет слишком жарко. Я установил минимальную подачу энергии, но все равно это довольно много.

Такуурч направился к месту, откуда, по его мнению, будет видно, если во льду в результате таяния образуется пещера. Настроенный довольно пессимистически, он уселся и стал ждать. Течение было не слишком сильным, но, поскольку у него не было груза, он, опасаясь, как бы его не унесло, прикрепил себя к паре камней среднего размера и перестал волноваться, что попадет под гусеницы.

Он до сих пор не понимал, как может простое перемешивание нагреть воду, но замечание Битчермарлфа насчет трения его утешило.

Кроме того, хотя ничто не вынудило бы его признаться, он в значительно большей степени полагался на мнение молодого матроса, чем на свое собственное, и потому, успокоившись, в полной уверенности ожидал, что скоро лед начнет поддаваться.

Он не был разочарован. Минут пять спустя ему показалось, что между ним и ледяным барьером стала видна большая часть каменистого дна. Через десять минут он был в

этом уверен, и трубный звук радости возвестил Битчермарлфу о данном факте.

Битчермарлф, услышав призыв, рискнул оставить управляющие тросы без надзора, чтобы самому убедиться. Лед отступал. Немедленно он принялся строить планы:

— Отлично, Так. Надо скорее запускать другие тележки! Как только они оттают, и мы сможем добраться до их рычагов управления, так и начнем. Нам, похоже удастся освободить «Квембли» от этой штуки, да и себя тоже.

Такуурч задал вопрос:

— Ты собираешься продырявить все ячейки, расположенные над тележками с энергоблоками? — спросил Такуурч. — Но тогда треть демпфера, лишенная воздуха, выйдет из строя.

Битчермарлф слегка смешался.

— Да, я как-то позабыл. Нет, пожалуй, тележки понадобятся, но... Нет, это нехорошо. Давай-ка подумаем. Можно попробовать добраться до другого оттаявшего энергоблока, мы установим его на другую тележку испорченной ячейки — той, которую мы прокололи. Таким образом, тепла будет вдвое больше. А что потом — я не знаю. Попробовать выкапывать камни из-под других тележек? Нет, бесполезно... В общем, не знаю. Что ж, так или иначе, в наших силах включить еще один двигатель. Быть может, этого хватит.

— Будем надеяться, — с сомнением в голосе произнес Такуурч.

Неуверенность молодого матроса разочаровала его, и туманный план, предложенный Битчермарлфом, не вселял надежды, но и сам он не мог предположить ничего лучшего.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Мне лучше вернуться назад и присмотреть за тросами, хотя, думаю, с ними все будет в порядке, — сказал Битчермарлф. — А ты продолжи проверку края ледяной стены и займись другим конвертером, как только он окажется размороженным. Мы установим его в эту тележку, — он показал на другую тележку, прикрепленную к ячейке, из которой

выпустили воздух, — и запустим ее как можно скорее. Понятно?

Такуурч, жестом выразив согласие, приступил к осмотру ледяного барьера, а Битчермарлф вернулся к управляющим тросам и замер в ожидании.

Тем временем Такуурч проделал несколько кругов вдоль ледяной границы, их окружающей, с удовольствием наблюдая, как лед отступает во всех направлениях, но он заметил, что процесс, по мере увеличения свободного пространства, стал замедляться. Это его не слишком удивило, но немного обеспокоило. Наконец он определил, какой из замороженных энергоблоков окажется освобожденным в первую очередь, и устроился поблизости от него.

Его ощущения и эмоции, так же, как и его спутника, ожидающего у рычагов управления, не поддаются описанию на языке людей. Он не проявлял ни нетерпения, ни покорности в человеческом понимании. Он просто знал, что ожидания не избежать, и воспринимал это без всяких эмоций. Будучи вполне разумным и даже обладая хорошим воображением, как по человеческим, так и по месклинитским стандартам, он, однако, не ощущал необходимости в чем-то, даже отдаленно напоминающем понятие «мечтание»; ему не требовалось ничего такого, чтобы занять свой ум на время задержки. Полуосознанные «внутренние часы» подавали ему сигнал, когда пора проверять процесс таяния, и он делал это через разумно частые интервалы — вот и все, что мог бы понять человек из его действий, еще в меньшей степени человек справился бы с описанием того, что происходило в мозгу месклинита.

Со всей определенностью можно сказать: он не спал и не был погружен в мысли, потому что мгновенно прореагировал на неожиданный громкий удар и фонтан взлетевших вокруг него булыжников.

Место, где Такуурч лежал в ожидании, находилось прямо позади работающей тележки, так что он мгновенно понял, что произошло.

Такой же мгновенной была и реакция Битчермарлфа. Рывком дернув на себя рычаг управления, он отключил энергоблок раньше, чем человек мог бы заметить что-то неладное. Оба месклинита одной-двумя секундами позже столкнулись носами у замершей в неподвижности тележки.

«Этого следовало ожидать», — признался себе Битчермарлф. Хотя месклинитские органические соединения очень, и очень прочны, и гусеница могла бы прослужить еще много месяцев в условиях обычного путешествия, но искусственно созданное трение о сверхтвердые дхраунские булыжники даже при незначительной мощности двигателя оказалось чрезмерным испытанием для нее.

Наверное, слово «сверхтвердые» не совсем точно описывает камни: те, что находились под движущейся гусеницей, оказались заметно сглажены сверху примерно за час работы, а некоторые и вообще были сточены более чем наполовину. Сначала Битчермарлф подумал, что гусеницу перерезал одни из острых камней, но после внимательного изучения молодой рулевой решил, что причиной разрушения послужил обычный износ: гусеница превратилась в тонкую пластинку с острыми краями.

Такуурч согласился с Битчермарлфом, когда тот предъявил ему свидетельства.

Вопроса о том, что делать дальше, у них не возникло, они занялись делом немедленно: менее чем за пять минут энергетический конвертер был снят с поврежденной тележки и установлен на той, что находилась позади нее, также разгруженной, потому что она присоединялась к уже проколотой ячейке демпфера. Не беспокоясь о том, что он наверняка испортит еще одну пару гусениц, Битчермарлф тут же запустил двигатель.

Теперь Такуурч начал беспокоиться. Оптимизм предыдущего часа бесследно испарился, поскольку разрушился фундамент, на котором он основывался. Рулевой сомневался, что вторая тележка протянет достаточно долго, чтобы проложить им дорогу к свободе. Спустя несколько минут до

него неожиданно дошло, что концентрация нагретой воды в одном месте могла оказаться неплохой идеей, и он тут же изложил ее своему спутнику. Битчермарлф, хотя и расстроенный тем, что не додумался об этом сам, немедленно согласился, и в течение получаса оба матроса работали, наваливая булыжники между гусеницами и вокруг тележек, которые должны были послужить источником тепла. В конце концов, им удалось создать довольно плотную загородку, внутри которой, как в кастрюле, постепенно набралась вода. Таким образом, пространство между тележкой и ближайшей частью ледяной стены нагревалось.

Такуурч с удовлетворением отметил, что лед на корпусе «Квембли», на участке в два ярда, таял почти на глазах.

Конечно же, полного счастья он не испытывал, не хуже Битчермарлфа понимая, что гусеницы вряд ли протянут дольше, чем на первой тележке. И если они оборвутся раньше, чем окажется свободным путь наружу, то будет нелегко придумать еще что-нибудь для собственного спасения.

Некоторые люди в подобной ситуации опустили бы руки и покорно ждали, пока их спасут, поддерживая в себе эту надежду до последней минуты. Так же могли вести себя и некоторые месклиниты, но ни один из рулевых к таким не принадлежал. В стеннийском имеется слово, которое Изи перевела как «надежда», но это один из наименее удачных эквивалентов понятий в ее практике.

Такуурч, движимый этим неопределенным чувством, расположился между работающей тележкой и тающим льдом, прижимаясь ко льду, чтобы не препятствовать току нагретой воды, и стараясь одновременно уследить и за тележкой, и за льдом. Битчермарлф оставался возле управляющих рычагов.

Поскольку под второй тележкой они не пытались копать, трение здесь было сильнее, а значит, и эффект нагрева тоже. Система управления предназначалась для регулирования скорости гусениц, а не усилия, с которым они вгрызались в

камни. Естественно, к несчастью, износ гусениц также был сильнее. Тяжелый удар, объявляя об их неудаче, последовал удручающе скоро после завершения каменной кладки. Как и прежде, две ленты материала разорвались почти одновременно: рывок, передавшийся на колонну, соединяющую тележку с корпусом корабля, при разрыве одной гусеницы оказался достаточным, чтобы порвалась и другая.

И снова месклиниты отреагировали мгновенно и дружно, без всякой консультации друг с другом. Битчермарлф, отключив подачу энергии, в тот же миг ринулся со своего места к тающей поверхности; Такуурч оказался там быстрее только потому, что ему пришлось преодолеть вдвое меньшее расстояние. Когда они достигли ледяного барьера, оба уже держали наготове ножи и без промедления начали отчаянно врубаться в стену перед ними.

Они знали, что находятся довольно близко к корпусу «Квембли»; им оставалось преодолеть во льду расстояние не больше длины тела. Быть может, прежде чем процесс замерзания снова возьмет верх, их мышцы помогут им пробиться...

Первым сломался нож Такуурча.

Несколько человек наверху могли бы проявить интерес к звукам, неожиданно раздавшимся в приемнике, хотя даже Изи Хоффман не смогла бы понять их.

Битчермарлф немедленно внес предложение:

— Давай-ка назад и двигайся кругами как можно быстрее, чтобы вода, охлаждаемая льдом, смешивалась с остальной. Я продолжу работу ножом, а ты — перемешиванием.

Старший матрос повиновался, и еще несколько минут не было слышно никаких звуков, кроме ударов ножа.

Таяние продолжалось, но оба матроса ясно видели, что его скорость уменьшается. Тепло уходило из воды вокруг них.

Хотя они и не знали, но единственной причиной, почему окружающая их среда оставалась жидкой довольно долгое время, было то, что их ледяная ловушка упиралась в

каменное дно, частично препятствуя выходу аммиака. Теоретики, как земные, так и месклинитские, были абсолютно правы, хотя ничем не могли помочь Дондрагмеру: замерзание под «Квембли» в большой степени явилось следствием медленного диффундирования аммиака в нижние слои льда сквозь по-прежнему жидкие границы между твердыми кристаллами.

Капитан, даже обладая этой информацией, не мог сделать больше, чем двое его людей, сейчас попавших в ловушку под кораблем. Конечно, если бы такая информация поступила заранее, ему, возможно, и удалось бы вовремя вывести «Квембли» на сушу, но лишь при условии, что он успел бы обрести способность двигаться.

Что же касается Битчермарлфа, то, даже имея сейчас всю эту информацию в своем распоряжении, он вряд ли стал бы сознательно обдумывать ее: он был слишком занят. Его нож мелькал в свете фонаря неимоверно быстро, и в каждый удар он вкладывал такую силу, на какую только отваживался. Его сознание полностью сосредоточилось на орудии, сочетая максимальные скорость и силу с наименьшим риском.

Но все же нож сломался. Позже Битчермарлф никогда не стремился анализировать причины происшедшего, а сейчас знал одно: таяние замедляется, вызывая в нем бешеное желание вкладывать в удары все большую силу, но, будучи тем, кем он был, он ни на минуту не допускал предположения, что сам мог стать жертвой паники или что древко ножа могло оказаться дефектным. Но никаких объяснений, кроме этих двух, так и не нашел. В общем, какова бы ни была причина, рукоять, зажатая в его правой верхней клешне, неожиданно оказалась без лезвия, и серебристый треугольник металла, упавший перед ним, в его клешнях был ничуть не более полезен, чем в человеческих пальцах.

В раздражении он швырнул рукоять вниз, но даже не испытал удовлетворения, поскольку, находясь в жидкости, она опустилась на дно мягко, без удара.

Такуурч оценил ситуацию мгновенно. Его комментарий люди сочли бы циничным, если бы расслышали слова месклинита, произнесенные в шести миллионах миль от них:

— Ну что, останемся здесь или вернемся назад, на середину? Где ты предпочитаешь замерзнуть?

— Не знаю. Здесь, на краю, нас могли бы найти скорее; здесь пробиться легче всего, если им вообще удастся это сделать. Если же у них ничего не выйдет, то какая разница? Единственное, что я хотел бы знать, так это что происходит с существом, вмерзшим в кусок льда.

— Что ж, кто-нибудь об этом узнает очень скоро, — пообещал Такуурч.

— Может, да, а может, и нет. Вспомни «Эскет».

— А какое это имеет отношение к нам? То, что произошло с нами, — произошло по-настоящему, никто не станет темнить.

— И все равно люди ведь пытались понять, что случилось с «Эскетом», но не смогли.

— Что ж, лично я собираюсь вернуться к середине корпуса и, пока смогу, — думать.

Битчермарлф удивился:

— О чем тут еще думать? Мы застрянем здесь, пока нас кто-нибудь не вытащит или пока не изменится погода: когда потеплеет, мы оттаем естественным образом.

— Успокойся.

— Только не пока мы здесь.

— Тебе не кажется, что если включить энергоблок даже при отсутствии на тележках гусениц, то где-нибудь он произведет достаточно трения, чтобы поддерживать воду по соседству от...

— Попробуй, если хочешь, — не дослушав, ответил Битчермарлф. — Я бы не стал рассчитывать на это даже при включении конвертеров на полную мощность. Кроме того, я бы поостерегся приближаться к ним, если они действительно будут работать с максимальной нагрузкой. Давай взглянем обстоятельствам в лицо. Так: мы находимся под

водой, но не в океане, и, когда она замерзнет, мы окажемся внутри льда. Нет совершенно ничего, куда бы... А-а-а!

— Что?

— Ты выиграл. Никогда нельзя прекращать думать. Я сожалею о недавней слабости. Идем.

Девяносто секунд спустя оба месклинита, с некоторыми трудностями протиснувшись через ножевые разрезы, уже находились внутри продырявленной надувной ячейки, в полной безопасности, недоступные для воды.

8. Пальцы в бульоне

Дондрагмер, решив, что вряд ли кто-нибудь из пропавших рулевых может оказаться в непосредственной близости от главного шлюза, приказал ученым установить буровую установку рядом с ним и взять на пробу образец льда. Результат оказался неутешительным: грязь, в которой стоял «Квембли», промерзла до самого дна, по крайней мере, в том месте, где брали пробу. Оставалась надежда, что непосредственно под корпусом корабля, откуда ни тепло, ни аммиак не могли так быстро улетучиться, лед не такой толстый, а может, его даже и нет вовсе, но капитан категорически запретил запускать бур туда, ибо скорее всего рулевые находились именно там. Во-первых, они там работали, а во-вторых, будучи в другом месте, не могли не заметить, что температура стремительно падает.

Тем не менее, выяснить это наверняка возможности не было, так как связаться с ними никто не мог. Конечно же, пластмассовый корпус «Квембли» мог передавать звук, но внутренняя обшивка создавала довольно надежную звукоизоляцию. Однако отказываться даже от ничтожного шанса было нельзя, и Дондрагмер приказал матросу пройти от носа до кормы по самой нижней палубе, постукивая металлическим прутком через каждые несколько футов.

Ни звука не раздалось в ответ, но это вовсе не означало, что рулевых нет под корпусом корабля. Погибли они? А может, звук не проникал сквозь корпус? Или те, кто находился внизу, просто не имели возможности отозваться? Никто не мог ответить на эти вопросы.

Снаружи на льду работала еще одна группа, однако капитан уже понял, что быстро они не управятся. Даже большая физическая сила месклинитов тут не поможет. Инструментом размерами примерно с кернер, каким пользуются люди, восемнадцатидюймовые, весящие двадцать футов гусеницы сумеют лишь процарапать лед вокруг корабля по окружности примерно в двести пятьдесят футов. А сколько времени займет очистка двигателей, тележек и управляющих тросов — этого никто даже не мог представить.

В воздух опять поднялся второй вертолет, и снова за пультом управления находился Реффел. Передатчик по-прежнему оставался на борту, и люди столь же пристально, как и пилот, всматривались в ландшафт, освещаемый прожекторами маленькой машины. И так же, как и он, они яростно проклинали долгие ночи Дхрауна. До конца этой, уже принесшей множество бед, оставалось еще более шестисот часов, а пока не взойдет солнце, говорить о целенаправленном поиске не приходилось.

Чтобы прожекторы были хоть сколько-нибудь полезными, их приходилось направлять так, чтобы они испускали узкий луч света, озаряющий круг не более нескольких сотен футов в поперечнике. Реффел летел на запад медленно, зигзагами, заставляя этот круг перемещаться то к одной, то к другой стороне долины. На станции высоко наверху телевизионное изображение, поступавшее с его передатчика, записывалось с экрана и копировалось для топографов. Они уже с явным интересом изучали структуру периодического потока в долине при тяготении сорок земных «g». Что же касалось поиска пропавшего Кервенсера, то прошло еще слишком мало времени, чтобы можно было ожидать каких-то конкретных результатов.

Дондрагмер действительно не слишком беспокоился о своем первом офицере и рулевых, поскольку сильные эмоции (в человеческом понимании) были ему чужды. То, что он испытывал по отношению к ним, правильнее назвать заинтересованностью. К тому же он сделал все, что от него зависело, и на время забыл о пропавших членах команды. Более всего его сейчас заботили два вопроса, на которые он хотел бы получить предельно точный ответ: как скоро может растаять лед и, следовательно, как скоро наступит очередной паводок.

Но даже и эти жизненно важные вопросы отодвигались на второй план, когда он задумывался над тем, как побыстрее и с наименьшими затратами сил освободить корабль от льда. Поставив эту задачу и перед людьми, и перед

месклинитскими учеными, он все же не преминул напомнить последним, что ее решение не должно отвлекать их от основных исследований. Дондрагмер не был в действительности хладнокровным, но в его систему ценностей входило понятие полезности, то есть, даже погибая, он должен был приносить пользу.

Люди на такое удивительно объективное и нечеловечески спокойное поведение реагировали по-разному. Метеорологи и планетологи сочли его само собой разумеющимся. Большинство из них, наверное, даже и не понимало, в сколь бедственном положении оказался «Квембли», не говоря уже о пропавших месклинитах. Изи Хоффман, оставшаяся на вахте после сообщения Барленнану нескольких данных, по свидетельству Аукойна, совершенно не удивилась. Она с искренним уважением отнеслась к способности капитана избегать паники в опасной для него и других ситуации.

Однако ее сын испытывал совершенно иные чувства по этому поводу. Макдевитт, чуткий и тактичный человек, знавший о зародившейся дружбе между Бенджем и Битчермарлфом, временно освободил его от работы в аэрологической лаборатории, и юноша ни на секунду не покидал отсек связи.

Он безмолвно наблюдал за тем, как Дондрагмер отправляет вертолет на разведку, формирует и посылает группы колоть лед. Он даже немного заинтересовался обменом идеями между учеными-людьми и месклинитскими учеными. Макдевитту не очень хотелось составлять дополнительный метеопрогноэ, ибо он сознавал, что его профессиональная репутация совсем недавно и так уже пострадала, однако он обещал постараться. Когда все эти дела были улажены и Дондрагмер, казалось, более ничего не хотел, кроме как находиться на своем мостике и ожидать естественного развития событий, Бендж начал проявлять нетерпение. Терпению — ближайшему человеческому эквиваленту одного из основных качеств месклинитов, юноше еще нужно было поучиться. Несколько минут он беспокойно ерзал в своем

кресле перед экранами, надеясь, что хоть что-нибудь произойдет. Наконец он уже больше не мог сдерживать свои чувства.

— Если больше ни у кого нет срочного материала для передачи, можно ли мне поговорить с Доном и его учеными? — спросил он.

Изи взглянула на него, а затем на других. Присутствующие мужчины либо пожали плечами, либо как-то иначе показали, что им все равно, и тогда она разрешающе кивнула:

— Давай. Правда, я не знаю, расположен ли кто-нибудь из них к обычной болтовне, но в худшем случае они прямо скажут тебе об этом.

Бендж не стал попусту тратить время на объяснения, о чем он собирается говорить. Он переключил свой микрофон, на передатчик, находившийся на командном посту Дондрагмера:

— Дон, это Бендж Хоффман. Сейчас у тебя лишь одна группа матросов скалывает лед у кормы «Квембли». В его энергоблоках имеется такое количество энергии, которое превышает все, что могла бы выработать с помощью своих линий планета месклинитов за год. Ваши ученые подумали об использовании конвертеров, чтобы привести в действие ту буровую установку для сбора проб, или как нагревателя? Далее. Ваши матросы только скалывают лед или же специально пытаются пробраться под корпус, чтобы найти Битчермарлфа и Такуурча? Я знаю, что важно высвободить «Квембли», но ведь лед все равно когда-нибудь придется убирать. Мне кажется, вполне вероятно, что какая-то часть воды под кораблем пока не замерзла и что оба ваших матроса по-прежнему живы и находятся в ней. Вы пробиваете тоннель или только роете канаву?

Некоторые из людей, слушавших этот разговор, слегка нахмурились, полагая, что юноша слишком резок, но никто не счел необходимым прервать либо предостеречь его. Большинство из них взглянули на Изи и решили воздержаться от замечаний в адрес ее сына. В конце концов, никто не

осуждал Бенджа. Всех интересовало то, о чем он спрашивал, но никому не хотелось задавать вопросы.

Как обычно при сеансах связи между станцией и Дхрауном, у Бенджа оставалось достаточно времени, пока он ожидал ответа, чтобы обдумать следующие вопросы и тщательно подобрать слова для своих реплик.

Большинство взрослых из собственного опыта знали, что происходило сейчас с юношей, некоторые были довольны, и у всех он вызывал искреннюю симпатию. Несколько человек поспорили, что он не совладает с искушением и повторит свое послание чуть-чуть в другой форме, прежде чем придет ответ. Когда же из громкоговорителя зазвучал ответ Дондрагмера, а Бендж по-прежнему молчал, никто не развеселился, но те, кто знал Изи лучше всех, поняли по выражению ее лица, что она довольна сыном. Она не осмелилась поспорить даже сама с собой.

— Привет, Бендж. Мы делаем все, что можем, как для рулевых, так и для моего первого офицера. Боюсь, энергию корабля нельзя использовать, чтобы привести в действие какое-либо оборудование. Электрический ток нужен для освещения, к тому же без него остановятся тележки, что, уверен, ты хорошо знаешь, но для другого нашего обычного оборудования он бесполезен. Остаются только вертолеты, кое-что из исследовательских приборов лаборатории и прожекторы. Даже если мы придумаем способ, как с помощью двигателей расколоть лед, то все равно не сможем до них добраться. Все двигатели находятся подо льдом. Не забывай, Бендж, мы сознательно отказались, насколько это возможно, от действительно сложного оборудования. Почти все имеющееся у нас на планете, что мы не могли изготовить сами, напрямую связано с вашим исследовательским проектом.

Иба Хоффмана не было в эту минуту рядом, и он не слышал последней фразы, о чем можно лишь сожалеть. Позже он замучил сына вопросами и просьбами как можно более точно повторить то, что сказал Дондрагмер.

— Я знаю об этом, но...

Бендж замолчал. Все слова, которые он так тщательно подбирал, казалось, потеряли смысл. Он знал, что прожекторы нельзя использовать как нагреватели. Это были электролюминесцентные приборы, а не обычные лампы накаливания или дуговые лампы. От них требовался не только неограниченный срок эксплуатации, но и безотказная работа в условиях атмосферы Дхрауна с ее свободным кислородом и огромными перепадами давления, чтобы не причинить вреда месклинитам. Если бы Битчермарлф понимал это, он, возможно, потратил бы меньше времени впустую.

— А если попробовать просто пропустить ток от конвертера сквозь какие-нибудь толстые провода, чтобы растопить лед? Или даже пропустить ток прямо через воду? Там еще должно оставаться достаточное количество аммиака, который послужит проводником.

Снова наступила пауза, а Бендж думал, насколько точно он выразил свои мысли.

— Я не уверен, что хорошо знаком с этим разделом физики, хотя, полагаю, Бордендер и его коллеги знают намного больше, — с оттенком сомнения ответил Дондрагмер. — Кроме того, я не представляю, что мы могли бы использовать в Качестве проводов и какой при этом будет протекать ток. Я знаю, что когда энергоблоки присоединены к обычному оборудованию вроде прожекторов или двигателей, то в этом случае предусмотрена автоматическая система безопасности, однако я понятия не имею, как они работают и вообще будут ли работать при простом прямом последовательном подсоединении. Если ты разузнаешь у ваших инженеров, насколько велика опасность аварии, я буду очень тебе благодарен. Но, повторяю, нам нечего использовать в качестве проводов. На «Квембли» вообще очень мало металла. Наши припасы в основном состоят из канатов, тканей и дерева. И, конечно, нет ничего, что специально предназначалось бы для подачи мощного электрического тока. Возможно, ты и прав, предлагая пропустить ток прямо через воду, но неужели ты забыл, что, вполне вероятно,

Битчермарлф и Такуурч находятся где-то подо льдом? Хотя я и не думаю, что они могут оказаться в непосредственной близости от проводника, но ручаться за их безопасность все же не могу. И здесь тоже один из ваших ученых, наверное, смог бы помочь. Если ты узнаешь и достаточно подробно передашь нам точные сведения и дельные рекомендации, как решить эту задачу, я с радостью последую вашим советам. Пока же я могу тебе сказать: мы делаем все, что можем. Я так же беспокоюсь о «Квембли», Кервенсере, Битчермарлфе, Такуурче, как, наверное, и ты.

В этом, конечно, капитан был не совсем прав, но обвинять его в сознательной лжи нельзя. Просто не дано ему было по-настоящему понять, как дружба может стать такой близкой за такое короткое время, тем более что друзья даже и не встречались. На его родной планете не существовало ни почты, ни любительского радио. Он, впрочем, знал, что теплые отношения могут завязаться у существ, которые общаются только с помощью видеосвязи, все-таки у них с Барленнаном был опыт, когда Чарлз Лэкленд сопровождал «Бри» с помощью радио через тысячи миль океанов Месклина. И все же он лично понимал настоящую дружбу совсем иначе, и у него известие о смерти Лэкленда вызвало лишь обычное сожаление. Дондрагмер знал, что Бендж и молодой рулевой довольно много разговаривали друг с другом, однако не прислушивался к их беседам и, возможно, просто не понял бы, какие чувства связывают их, даже если бы и попытался это сделать.

К счастью, Бендж не задумывался об этом, так что у него не возникало сомнений в искренности капитана. Тем не менее, его не удовлетворили ни ответ, ни ход развития событий. Ему казалось, что до сих пор очень мало сделано именно для Битчермарлфа. Пока что ему только сказали о помощи, но сам он ничего не сделал. Он не мог даже увидеть, что там происходит, а вынужден был сидеть и ждать сообщений. Многие люди, и более взрослые, и гораздо более

сдержанные, чем Бендж Хоффман, чувствовали бы себя неуютно в такой ситуации.

Когда он снова заговорил, стало ясно, что нервы его не выдержали столь сильного и долгого напряжения. Изи шагнула было к нему, словно желая заставить сына замолчать, но ваяла себя в руки и остановилась. Было уже поздно, а кроме того, вряд ли месклинит сможет так же чутко уловить все оттенки речи Бенджа, как его мать.

— Но вы же не можете вот так просто ждать, ничего не делая! — воскликнул Бендж. — Ведь каждая секунда может стать для них последней! Вы знаете, сколько воздуха осталось у них в гермокостюмах?

Выпалив это, юноша через несколько секунд понял, что сказал. И не успел еще его страстный упрек достичь «Квембли», как он снова с жаром заговорил, на сей раз более тщательно подбирая слова.

— Я знаю, вы не сидите без дела, но просто я не могу понять, как вы можете быть такими спокойными. Я бы сам вышел наружу и стал бы скалывать лед или делать что-нибудь еще, но не могу, ибо нахожусь очень далеко.

— Я делаю все, что от меня зависит, чтобы спасти их, — наконец-то пришел ответ Дондрагмера на первую часть послания. — О запасах воздуха не надо беспокоиться еще долгое время. Мы не так чувствительны к его нехватке, как, насколько я понимаю, вы, люди. Даже если концентрация водорода станет слишком низкой, чтобы они могли оставаться в сознании, жизненно важные процессы, происходящие в их организмах, просто замедлятся и будут замедляться все больше и больше в течение нескольких восьмичасовых циклов. Правда, никто не знает, сколь долго это может продолжаться, для каждого месклинита, похоже, это время индивидуально. Тебе не нужно беспокоиться о том, что они могут утонуть. Кажется, вы используете такое слово, если я правильно понимаю его значение.

После короткой паузы Дондрагмер продолжил:

— Мы используем все инструменты, которыми располагаем. Если бы я вышел наружу, то польза от меня оказалось бы ничтожной, а кроме того, на получение докладов от Реффела через ваших людей ушло бы гораздо больше времени. Вы можете сообщить мне, как проходят поиски Кервенсера? Как я понимаю, ничего интересного обнаружить пока не удалось, поскольку свет прожектора вертолета по-прежнему виден отсюда и его маршрут не изменился. Возможно, у вас уже есть какое-то описание местности, которое вы могли бы передать сюда. Мне бы хотелось знать как можно больше об этом районе.

Изи снова подавила восклицание, прежде чем Бендж что-либо заметил. Когда юноша сосредоточил свое внимание на экране, передававшем сигнал с вертолета, она подумала, пытается ли Дондрагмер отвлечь ее сына от происходящего на «Квембли» или он так изучил человеческую натуру, что хорошо понимает чувства, владевшие ее сыном. Последнее казалось маловероятным, но даже Изи Хоффман, которая, наверное, знала месклинитов лучше, чем все остальные люди, не могла с уверенностью отвергать такую возможность.

Бендж вообще не смотрел на другой экран, и ему пришлось спросить, не происходило ли что-нибудь там. Один из наблюдателей ответил, что экран все время показывает поверхность, усыпанную камнями всевозможных размеров. Изредка появляются замерзшие маленькие озера, схожие с тем, в котором стоял сейчас «Квембли». Никаких следов пребывания другого вертолета или его пилота не было. Впрочем, никто и не надеялся обнаружить что-либо за такой короткий срок. Искать нужно медленно и тщательно, исследуя каждый дюйм. Если Кервенсер действительно разбился бы так близко от точки своего старта, этого не могли не заметить с крейсера. Маленькие вертолеты несли на борту прожекторы, и Кервенсер совершенно определенно использовал свои собственные.

Бендж передал эту информацию на Дхраун, а затем задал свой очередной вопрос:

— Почему Реффел летает так долго очень близко от вас? Разве Кервенсер находился не за пределами видимости?

Пока шел ответ, в душе юноши шевельнулась слабая надежда, что пропавший вертолет не успел улететь слишком далеко, но она оказалась напрасной.

— Так оно и было, Бендж. Просто нам казалось более резонным провести полное обследование местности, начиная отсюда и продвигаясь вовне. К тому же таким образом мы можем предоставить наиболее подробные и точные сведения вашим ученым. Если они могут подождать, пожалуйста, передай Реффелу, что я приказал лететь ему прямо на запад вдоль долины до тех пор, пока он видит свет прожекторов на моем капитанском мостике, а затем пусть возвращается.

— С радостью, капитан.

Беседа велась на стеннийском, так что никто из наблюдателей-ученых не понял ни слова. Бендж решил не спрашивать их разрешения и передал на вертолет приказ на том же языке. Реффелу, похоже, нисколько не мешал акцент Бенджа, и его маленькая машина отправилась на запад.

— И что же будет с нашей картой? — пробурчал топограф.

— Вы же слышали капитана, — ответил юноша.

— Я не все слышал и не все понял. Но, полагаю, сейчас уже слишком поздно возражать. Как ты думаешь, когда вертолет вернется, они заполнят пробел, который сейчас оставляют?

— Я спрошу у Дондрагмера, — любезно ответил Бендж, бросив, однако, беспокойный взгляд на свою мать.

Она постаралась придать своему лицу каменное выражение, но все-таки что-то прочесть по ее лицу было можно. К счастью, ученый уже покидал отсек связи, что-то бормоча себе под нос, а Бендж, снова сосредоточил все свое внимание на экране Реффела. Так что Изи смогла позволить себе немного расслабиться. Несколько из присутствовавших поблизости взрослых, догадавшихся о содержании беседы с

Дондрагмером, с трудом удержались, чтобы не улыбнуться. По какой-то необъяснимой причине им нравилось разыгрывать кого-нибудь из группы ученых. Однако Бендж ничего не заметил. Он по-прежнему сильно переживал за Битчермарлфа.

Заверение Дондрагмера, что пропавшим рулевым еще довольно долго не грозит смерть от удушья, несколько успокоило его, однако он не мог не думать о попавших в беду месклинитах. Даже если время еще есть, даже если они еще живы, они все равно могут погибнуть. А вдруг они уже мертвы? Просто необходимо найти выход!

Тепло плавит лед. Тепло — это энергия. «Квембли» нес на своем борту столько энергии, что ее было достаточно, чтобы вывести корабль на орбиту вокруг Дхрауна, хоть и не было никакой возможности использовать ее таким образом. Разве эта огромная машина не имела каких-нибудь нагревателей среди оборудования системы жизнеобеспечения, которые можно было бы разобрать и вынести наружу?

Нет. Месклинитам вряд ли когда-нибудь понадобились бы обогреватели на Дхрауне. Даже в тех частях планеты, где, как казалось, внутреннего тепла не хватало, солнце нагревало воздух примерно до пятидесяти градусов выше абсолютного нуля. Районы, в которых месклинитам предстояло провести многие годы, центр Нижней Альфы, например, были слишком жаркими, а не слишком холодными для них.

«Квембли» действительно располагал охладительным оборудованием, снабжаемым энергией от термоядерных конвертеров, но, насколько знал Бендж, его ни разу не запускали со дня испытаний. Оно могло оказаться полезным, когда исследователи проникнут в центральную часть Нижней Альфы, однако до этого должен пройти по крайней мере еще один земной год, а возможно, и больше. Судьба «Эскета» сделала весьма сомнительными некоторые из начальных планов.

Однако рефрижератор представляет собой тепловой насос. Даже Бендж знал это, и, по крайней мере в теории, большинство насосов — обратные. Значит, этот должен иметь где-то снаружи корпуса высокотемпературную секцию для сброса тепла. Где она находится? Можно ли ее снять? При какой температуре она работает? Дондрагмер должен знать. А если он уже думал об этом? Может быть, и нет. Он далеко не глуп, однако его культура сильно отличается от человеческой. Все знания из области физики он приобрел от людей, когда был уже совсем взрослым, и они, очевидно, не укоренились в нем глубоко, поэтому обо всем, что касается специфических физических процессов, он вряд ли подумал в первую очередь. Бендж кивнул самому себе, затем легко убедил себя, что, даже если он будет выглядеть глупо, идея все же может оказаться стоящей, и после этого протянул руку к переключателю микрофона.

На этот раз никто из окружающих его взрослых не улыбался, когда послание отправилось на Дхраун. Никто из присутствующих не разбирался до тонкостей в устройстве лэндкрейсеров, чтобы ответить на вопросы, касающиеся рефрижератора, но все достаточно знали физику, чтобы обругать себя за то, что не подумали об этом раньше. Взрослые ожидали ответа Дондрагмера с таким же нетерпением, как и Бендж.

— Холодильник — одно из ваших электронных устройств, которое я не изучал до мельчайших подробностей, — наконец достигли станции слова капитана, который по-прежнему, к разочарованию некоторых слушателей, говорил на своем языке. — Мы не использовали его с тех пор, как он прошел приемосдаточные испытания. Погода здесь была иногда весьма теплой, однако не такой уж невыносимой. Само устройство описать просто. Во всех отсеках корабля имеются металлические пластины, которые становятся холодными, когда в систему подается питание. Есть также металлический стержень в виде разомкнутой ячейки, проходящей вдоль каждой из сторон корпуса сверху. Он

начинается около кормы, тянется примерно на половину длины тела месклинита к носу от центровой линии корпуса, огибает корпус сверху примерно в четырех длинах тел за командным постом и идет назад вдоль корпуса по другой стороне до той точки, где он начинается. Стержень проходит через корпус в начале и конце. Это одно из немногих приспособлений, выполненных таким образом. Я предполагаю, что этот стержень и должен служить тепловым радиатором. Я понял благодаря твоему намеку, что должна существовать подобная часть системы, которая находится снаружи. Ничто другое, похоже, не годится. К сожалению, она располагается так высоко над поверхностью льда, что вряд ли поможет растопить его, даже если действительно достаточно нагрета. Но именно этого-то я и не знаю и сразу ничего сказать не могу. Я понимаю, радиатор можно разогреть настолько, насколько понадобится, пропуская сквозь него ток, определенный силы, но не могу сказать, что мне нравится идея попытаться снять его с корпуса для такой цели.

— Да, есть опасность, что это разрушит вашу систему охлаждения, особенно если не удастся ее отключить, — согласился Бендж. — И все же, по-моему, стоит рискнуть. Разреши мне найти инженера, который хорошо знает эту систему. У меня есть идея. Я вызову тебя позже.

Юноша выскользнул из кресла, не дожидаясь ответа Дондрагмера, и торопливо покинул отсек связи.

Как только он исчез, наблюдатели, не понимающие стеннийского языка, попросили Изи хотя бы вкратце изложить им содержание беседы, что она сделала с явным удовольствием. Когда Бендж вернулся с инженером, все присутствующие собрались возле них, чтобы послушать. Несколько искренних благодарственных молитв, должно быть, вознеслись к Всевышнему, когда стало ясно, что новоприбывший вовсе не полиглот, и Бенджу приходится переводить для него. Оба уселись перед экранами, и, прежде чем включить микрофон, юноша решил еще раз проверить, правильно ли понял инженера.

— Я должен сказать капитану, что большинство деталей крепежа, удерживающего стержень радиатора на корпусе «Квембли», это самые обычные гвозди. Они неглубоко входят в обшивку корпуса, и их можно вытащить, не повредив его. Может оказаться, что, когда настанет время снова закреплять их, понадобится цемент, но на крейсере он есть. Тем не менее, соединения на концах радиаторов придется отрезать. Сплав не очень твердый, можно обойтись ножницами. Как только его снимут, стержень можно будет использовать как нагреватель сопротивления, просто вставив его концы в пазы, помеченные DC в энергоблоке. Я могу также сообщить капитану, что нет никакой опасности короткого замыкания, поскольку у конвертеров имеются внутренние предохранители. Все правильно, мистер Катини?

— Именно так, — кивнув, ответил маленький седовласый инженер, один из тех, кто помогал проектировать и строить лэнд-крейсеры, и один из очень немногих людей, которые довольно долго прожили на экваторе Месклина в условиях трехкратного земного тяготения. — Я думаю, что ты все правильно и доходчиво пояснишь Дондрагмеру. Если хочешь, я могу сам все рассказать. Он всегда достаточно легко понимал меня, когда я говорил на своем языке.

Бендж кивнул, однако начал говорить в микрофон на стеннийском. Изи подозревала, что он просто подстраховывается и надеется, что его предложение не вызовет сильной обратной реакции, однако не сочла нужным вмешиваться. Ей пришлось признать, что он очень хорошо говорит по-стеннийски. Должно быть, он многому научился у своего друга, Битчермарлфа. Отдельные места он переводил даже лучше, чем она сама, использовал аналогии, которые должны что-то значить для капитана, но которые ей самой не пришли бы в голову.

Когда же пришел ответ капитана, то все услышали, что он говорит на языке людей. Дондрагмер, очевидно, догадался, почему Бендж, а не инженер, сообщивший информацию, вел беседу. Юноша, слегка удивившись, бросил

короткий взгляд на мать. Изи, не отрываясь, глядела на экран Дондрагмера.

— Я все понял, — прозвучал голос месклинита с легким акцентом. — Мы можем снять стержень радиатора и использовать его как нагреватель вместе с энергоблоком, чтобы расплавить лед вокруг корабля. В конвертере имеется множество энергии, и нет никакой опасности его взорвать. Тем не менее, пожалуйста, ответьте мне на два вопроса.

Во-первых, насколько мы можем быть уверены в том, что позже сумеем вновь правильно подсоединить стержень? Я знаю достаточно, чтобы понять: цемент — плохой материал для этого. И я не хочу оставлять корабль без системы охлаждения, поскольку Дхраун приближается к солнцу, и скоро станет слишком жарко. Во-вторых, поскольку металл, по которому потечет ток, будет касаться льда или погружаться в растаявшую воду, то насколько рискуют те, кто находится под водой или в ней? Достаточно ли надежны гермокостюмы? Скорее всего, они должны быть весьма хорошими электрическими изоляторами, поскольку они прозрачны.

Инженер тут же начал отвечать, оставив Бенджа а недоумении, каким образом прозрачность гермокостюмов связана с их электрической проводимостью и каким образом Дондрагмер смог, обладая отрывочными знаниями, додуматься до этого.

— Вы достаточно легко сможете восстановить соединения. Просто плотно сожмите металлические концы и с помощью клея закрепите повязку из ткани вокруг соединения, но, так как клей не проводит ток, проследите, чтобы он не попал между металлическими поверхностями.

Можете также не волноваться за тех, кто находится в воде. Гермокостюмы надежно защищают от удара таком. Я подозреваю, что потребовалось бы весьма высокое напряжение, чтобы вообще причинить вред кому-нибудь из вас, поскольку жидкости вашего тела не поляризованы. Правда, у меня нет экспериментальных доказательств, но, я полагаю, вы и не захотите их получить. Мне пришло в голову, что

можно было бы попробовать создать электродуш над поверхностью льда, содержащего немалое количество аммиака, который служит неплохим проводником. Если это сработает, то сработает весьма неплохо. Однако может оказаться слишком горячо, чтобы кто-нибудь из вашего экипажа мог находиться поблизости, а таким душем необходимо управлять осторожно. Кроме того, есть опасность, что будет уничтожена слишком большая часть стержня, чтобы вы впоследствии снова могли восстановить систему. Поэтому лучше всего просто нагревать лед и удовольствоваться тем, что он будет таять, а не кипеть.

Катини замолчал и стал ждать ответа Дондрагмера. Бендж по-прежнему размышлял, а все остальные, кто мог слышать беседу, смотрели неотрывно на экран. То, что капитан заговорил на языке людей, привлекло даже тех, кто в ином случае терпеливо ждал бы перевода.

— Хорошо, — пришел наконец ответ. — Мы снимем металлический стержень и попытаемся использовать его как нагреватель. Я сейчас же отдаю приказы своим подчиненным выходить наружу и начинать разбирать малые захваты. Мы установим один из передатчиков снаружи, чтобы вы могли наблюдать, как мы будем обрезать проводники и проверять все, прежде чем мы включим энергию. Мы будем работать медленно, так что вы сможете остановить нас, если мы сделаем что-либо не так, прежде чем ошибка станет непоправимой. Мне не нравится эта ситуация. Я не люблю делать что-то, в чем совершенно не уверен, а особенно тогда, когда не знаю, чем все может кончиться. Предполагается, что я здесь командир, но теперь я могу лишь жалеть, что не изучил подробнее вашу науку и технологию. Быть может, я и правильно представляю себе происходящее и не сомневаюсь, что могу доверять вашим знаниям и советам, однако в первый раз за многие годы я чувствую себя столь неуверенно.

На это ответил Бендж, опередивший свою мать на долю секунды.

— Я слышал, ты был первым месклинитом, понявшим общие идеи нашей науки, а также что именно ты приложил много усилий для создания Колледжа. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что твои знания недостаточны?

Изи прервала его, заговорив, как и Бендж, на родном языке Дондрагмера.

— Ты знаешь гораздо больше, чем я. Дон. И ты действительно командир. Если бы тебя не убедило предложение Катини, ты не отдал бы эти приказы. Тебе придется привыкнуть к этому ощущению, которое тебе не нравится. Ты просто снова столкнулся с чем-то новым. В чем-то это похоже на то время, пятьдесят лет назад, задолго до моего рождения, когда ты неожиданно понял, что наука, которую мы, чужаки, использовали, не что иное, как просто знания, вынесенные за пределы уровня «обыкновенных вещей». А теперь ты столкнулся с тем, что никто, даже самый мудрый командир, не может знать всего и что иногда приходится получать профессиональные советы. Не беспокойся. Дон, это нормально!

Изи откинулась на спинку кресла и посмотрела на своего сына, который — единственный из всех, присутствовавших в комнате, — смог полностью понять ее речь. Юноша выглядел удивленным, почти испуганным. Какое бы впечатление она ни произвела на Дондрагмера, когда ее, слова достигли его, Изи совершенно определенно достигла желаемого эффекта в отношении Бенджамина Ибсона Хоффмана. Она хотела сказать что-то еще, но ее перебило восклицание кого-то из людей:

— Эй! Что случилось с вертолетом?

Все быстро повернулись к экрану Реффела. Последовала секунда полной тишины. Затем Изи выкрикнула:

— Бендж, сообщи Дондрагмеру, а я пока вызову Барленнана!

9. Пересекшиеся цели

В Поселке уже давно установилась нормальная погода, аммиачный туман унесло я неизведанные районы Нижней Альфы, и с северо-запада дул легкий ветерок. Звезды яростно перемигивались между собой, привлекая внимание месклинитов, находившихся снаружи или в одном из прозрачных коридоров, но их не замечали остальные, те, кто был в освещенных комнатах, хотя и под тем же прозрачным потолком.

Именно потому, что Барленнан находился недалеко от лабораторий в западной чести Поселка, когда пришел вызов от Изи, ее послание не сразу достигло его. Оно было записано и доставлено одним из курьеров Гузмиина, который, подчиняясь существующим приказам, не обратил никакого внимания на то, что Барленнан проводил совещание. Курьер протянул послание командиру, который вынужден был прервать свое предложение на середине, чтобы прочесть его. Бендивенс и Дисленвер, ученые, с которыми он беседовал, молча ждали, пока он ознакомится с посланием, хотя их позы выдавали крайнее любопытство.

Барленнан дважды перечитал сообщение, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем повернулся к курьеру:

— Как я понял, это только что получено.

— Да, командир.

— И сколько времени прошло с тех пор, как получен предыдущий доклад Дондрагмера?

— Не много, командир, менее часа, я бы сказал. В журнале указано точное время; не проверить ли мне?

— Это не столь важно, поскольку вы знаете его. Последнее, что я слышал о «Квембли», — то, что их вынесло на сушу после нескольких часов дрейфа вниз по реке, и это произошло уже довольно давно. Я предполагал, что все в порядке, поскольку от Гуза более не поступало никаких сообщений о крейсере. Он услышал какой-то внутренний

рапорт, который передают через равные промежутки времени, либо сам спросил людей, как там у них дела?

— Не знаю, командир. Я не нес вахту все это время. Мне проверить?

— Нет. Я сам довольно скоро прибуду туда. Передай Гузу, чтобы он ничего не передавал до моего прихода, а просто задерживал все послания.

Курьер исчез, и Барленнан снова повернулся к ученым.

— Иногда я просто не понимаю, почему мы отказались от внутренней связи. Мне хотелось бы знать, сколько времени ушло у Дона на то, чтобы так серьезно попасться, но, прежде чем доберусь до Гузмиина, я хотел бы выяснить еще кое-что.

Бендивенс проделал телодвижение, означающее то же, что у людей пожимание плечами.

— Только прикажи, и мы быстро поможем тебе. У нас в лабораториях есть телефоны, которые работают достаточно хорошо, и мы сможем подсоединить практически весь Поселок, но на это понадобится довольно много металла.

— Нет, еще рано. Телефонную сеть мы пока сохраним в тайне. Вот, прочтите-ка это. «Квембли» застрял в чем-то вроде замерзшей воды, и оба его вертолета пропали. У одного из них на борту имелся передатчик, поддерживавший связь с человеческими существами, непосредственно перед исчезновением он работал.

Дисленвер издал звук, напоминающий тихое гудение, и тоже потянулся за посланием. Бендивенс молча потянул ему листок. Дисленвер прочел его, раз, другой, как это сделал Барленнан, и только потом заговорил.

— Я думаю, человеческие существа могли бы собрать несколько более полную информацию, если бы вообще наблюдали аккуратно. Здесь сказано лишь то, что Кервенсер не вернулся из полета и что с поисковым вертолетом с передатчиком на борту, вылетевшим на его поиски, неожиданно прервалась связь. Изображение исчезло, и экран просто стал черным.

— Этому может быть лишь одна причина, — заметил Бендивенс.

— Я тоже так думаю, — произнес командир. — Но вопрос не в том, что именно закрыло экран, а почему это произошло именно в том месте и в то время. Мы можем предположить, что Реффел сделал это сам, отключив передатчик. Было бы неплохо, если б ты сообразил сделать это, прежде чем нам пришлось оставить «Эскет», и тем самым облегчил бы нашу операцию. Скорее всего, он увидел нечто не вписывающееся в официальную версию истории с «Эскетом». Но что именно? «Квембли» застрял на огромном расстоянии от «Эскета». Теоретически один из наших воздушных шаров мог оказаться в том районе, но этого не должно было случиться.

— Мы ничего не узнаем, пока не вернется воздушный шар, вылетевший к Дестигмету, — рассудительно ответил ученый. — Меня сейчас больше интересует, почему мы не узнали об исчезновении Кервенсера несколько раньше. Почему оказалось так, что нам сообщили обо всем уже после того, как Реффел отправился на поиски и тоже пропал? Неужели Дондрагмер так задерживал свои доклады людям-наблюдателям?

— Я в этом очень сомневаюсь, — ответил Барленнан. — Вполне возможно, что они сообщили нам об исчезновении Кервенсера вовремя. Помните, курьер сказал, что приходили и другие послания? Гузмиин мог подумать, что сообщение о подобном происшествии не стоит того, чтобы из-за него специально посылать курьера, пока не пройдет достаточно времени, чтоб можно было ожидать результатов поиска. Мы сможем все проверить через несколько минут, но, мне кажется, мои предположения верны.

— Может быть. Однако в последнее время я довольно часто думал о том, действительно ли люди со станции передают нам информацию своевременно и полностью. Несколько раз у меня создавалось впечатление, что они накапливают сообщения и посылают их на планету одним, так

сказать, пакетом. Вполне вероятно, они просто не продумали это, а может, мне вообще все показалась...

— Но они могут намеренно задерживать информацию, — подхватил Бендивенс. — Если в поведении людей есть какой-то умысел, мы можем потерять половину нашей экспедиции, даже не узнав об этом. Они могут опасаться, что мы прекратим исследования и потребуем, чтобы нас вернули домой, как это предусмотрено контрактом, если риск окажется слишком большим.

— Пожалуй, это вполне логично, — признал Барленнан. — Просто я как-то не думал об этом. Я, правда, считаю, что люди обманывают нас, но чем больше пытаюсь разобраться в том, что происходит, тем активнее пытаюсь придумать, как нам узнать истину. А вдруг люди все-таки выбирают, что сообщить нам, а что нет, каждый раз, когда с одним из исследовательских крейсеров что-то случается?

— Ты думаешь, они на это способны? — спросил Дисленвер.

— Трудно сказать. Конечно, мы сами очень многое утаили от них, и у нас на то есть, как мы считаем, весьма веские причины. Но в общем-то меня не это беспокоит. Мы знаем, многие из людей весьма хороши в бизнесе, и, если мы не можем удержаться на их уровне, сами виноваты. Но мне хотелось бы сейчас точно знать одно: что кроется за всем этим — расчет или простая неаккуратность. Я знаю только одну возможность все проверить, но пока еще не готов ею воспользоваться. Если у вас есть какие-нибудь предложения, буду весьма рад.

— А о какой возможности ты говоришь? — почти одновременно спросили оба ученых, Дисленвер чуть-чуть раньше.

— «Эскет», конечно. Только там мы сможем провести независимую проверку всего, что они нам говорят. По крайней мере, я ничего другого пока не придумал. Правда, на это уйдет довольно много времени. До восхода солнца туда никто не отправится, да и лететь до места сто двадцать часов или

около того. Конечно, мы могли бы послать «Диди» даже ночью...

— Если бы мы установили световой передающий канал, как я предлагал... — начал Дисленвер.

— Слишком рискованно. Почти наверняка люди заметят его. Мы просто не знаем, каковы возможности приборов человеческих существ. Мне известно лишь, что большинство из них расположено там, на станции, но никто из нас даже не представляет, насколько они совершенны. Люди так щедро снабжают нас этими передатчиками картинок, которые мы таскаем с собой по планете, что я сильно сомневаюсь в сложности и высокой стоимости подобного оборудования. К тому же двенадцать лет назад они уже использовали их на Месклине. Но даже не обладая особо точными приборами, они вполне могут заметить свет на ночной стороне планеты. Вот почему я отклонил твою идею, Дис. Но это вовсе не значит, что она плоха.

— Что ж, но металла для установления электрической связи нам пока не хватает, — заметил Бендивенс. — Мне нечего больше предложить. Впрочем, если подумать, так мы очень просто можем узнать, на каком расстоянии их приборы способны засечь свет.

Позы месклинитов мгновенно изменились. Теперь они явно выражали вопрос.

— Мы могли бы, — продолжил ученый, — вполне невинно спросить, в состоянии ли они обнаружить сигнальные огни либо прожекторы пропавших вертолетов.

Барленнан ненадолго задумался, а потом сказал:

— Хорошо. Отлично. Пойдем-ка. Тем не менее, если люди ответят, что такой возможности у них нет, можно ли не сомневаться, что они не скрывают ее от нас? Тогда придется придумать, как проверить еще и это.

Он первым направился к выходу из зала с картой Дхрауна, где проходило совещание, и далее по коридору Поселка к отсеку связи. В большинстве коридоров и проходов было относительно темно. Спонсоры экспедиции не экономили

на снабжении экспедиции источниками искусственного света, но Барленнан сам строго ограничивал их число. И в комнатах, и в проходах освещение было таково, чтобы лишь различать, что происходит вокруг.

Месклиниты чувствовали себя комфортно только в том случае, если над ними не нависал потолок и они могли видеть звезды над головой. Ни одного из уроженцев Месклина не радовало то, что на Дхрауне существовало множество вещей, которые могли бы свалиться сверху. Даже ученые изредка посматривали вверх, проходя по переходам, и искренне радовались, когда видели над собой бескрайнее звездное небо. Сейчас солнце Месклина, которое люди называли Лебедь-61, находилось за горизонтом.

Барленнан по пути больше смотрел вверх, чем вперед, пытаясь разглядеть станцию людей. На ней стоял световой маяк, видимый с Дхрауна как звезда четвертой величины. Любимым занятием месклинитов в свободное время было наблюдать, как она едва заметно движется среди звезд. По этому движению они снова и снова перенастраивали свои маятниковые инструменты, которые изготовили сами, ибо те редко шли согласованно друг с другом более чем несколько часов.

Звезды и станция разом пропали из виду, когда вся троица достигла ярко освещенного отсека связи. Гузмиин, увидев Барленнана, немедленно доложил:

— Никаких новостей ни об одном из вертолетов.

— А какие доклады ты получил от Дондрагмера с того времени, как «Квембли» вынесло на сушу, то есть примерно за последние сто тридцать часов? Ты знаешь, как давно пропал первый офицер Дона?

— Только весьма приблизительно. Об этом случае сообщили, но без подробностей, в том числе и как давно это случилось. Я просто принял сообщение, не задавая никаких вопросов. О втором исчезновении мне стало известно менее чем через час.

— И ты не удивился, что эти сообщения пришли одно за другим, хотя между событиями, о которых в них говорится, явно прошло гораздо больше времени?

— Да. Когда пришел второй рапорт, меня тоже заинтересовал этот вопрос. Но я не смог ответить на него и подумал, что ты, если, конечно, захочешь, лучше сам расспросишь обо всем людей.

В эту минуту вмешался Бендивенс:

— Как ты думаешь, может. Дон не сообщил о первом исчезновении, потому что не принял поначалу его всерьез и понадеялся, что Кервенсер скоро отыщется? Тогда можно было бы рассказать нам об этих эпизодах как о незначительных инцидентах.

Барленнан задумчиво посмотрел на задавшего вопрос ученого, но с ответом не помедлил.

— Нет, я так не думаю. Дондрагмер, конечно, не всегда соглашается со мной, но есть некоторые поступки, на которые не способен никто из нас.

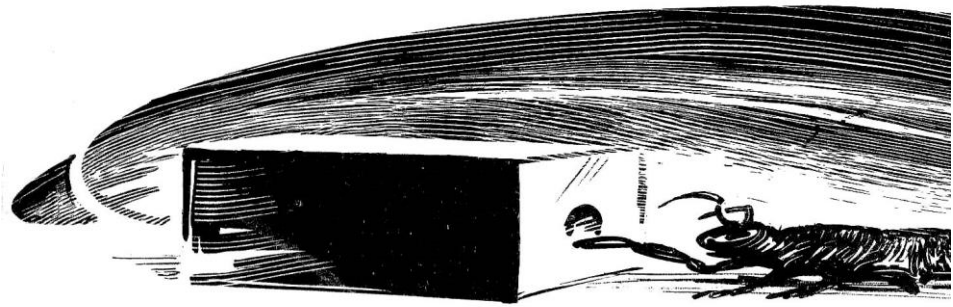
— Даже если бы от срочного доклада ничего не зависело? И, кроме того, ни мы, ни человеческие существа ничем не могли помочь, узнай мы все сразу или позже.

— Даже тогда.

— Не понимаю, почему.

— Зато я понимаю. Придется поверить мне на слово. У меня нет времени на детальные пояснения, и я сомневаюсь, что, так или иначе, сумел бы быстро подобрать нужные слова. Если Дондрагмер по каким-то причинам не сделал этого доклада, значит, скорее всего, это причины веские. Лично я сильно сомневаюсь, что тут есть его вина. Гуз, а кто из людей передал тебе сообщения? Это был один и тот же?

— Нет, командир. Я плохо разбираюсь в их голосах, а они довольно часто не называют своих имен. Примерно половина докладов сейчас поступает на их, человеческом, языке. Большая часть остальных приходит от людей по имени Хоффман. Некоторые другие тоже говорят на нашем языке, но,



кажется, эти двое владеют им в совершенстве. У меня создалось впечатление, что более молодое существо, носящее это имя, чаще других, вообще очень много, разговаривало с «Квембли». Вот я и подумал, что, если все могут просто болтать, ничего серьезного там не происходит.

— Хорошо. Я, наверное, подумал бы так же. Воспользуюсь, пожалуй, передатчиком. У меня есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать людям.

Вахтенный, не дожидаясь приказа, уступил Барленнану место, и тот устроился перед передатчиком. Экран был темным. Командир сжал рычаг «Внимание» и стал терпеливо ждать, пока пройдет минута. Он мог бы начать говорить сразу, поскольку, естественно, кто бы ни находился сейчас на станции возле приемника, он тут же примет передачу, но Барленнан хотел увидеть, с кем будет говорить. Оставалось лишь надеяться, что задержка не вызовет ни у кого подозрений.

Лицо, появившееся перед ним на экране, было ему незнакомо. Даже пятидесяти земных лет общения с людьми оказалось недостаточно, чтобы он научился распознавать семейное сходство, хотя любой человек сразу бы догадался,

что перед ним сын Изи. Собственно, за пятьдесят лет Барленнан видел не так уж много людей. На Месклине побывало около двадцати мужчин, и ни разу там не появлялись женщины.

Гузмиин узнал юношу и хотел было представить его, но тот сделал это сам.

— Здесь Бендж Хоффман, — проговорил он. — Никаких сообщений не поступало с «Квембли» с тех пор, как мать вызвала вас примерно двадцать минут назад. Никого из инженеров или ученых в отсеке связи сейчас нет. Если у вас есть вопросы, на которые необходимы ответы специалистов, то скажите об этом сразу. Если же вас интересует информация о текущих событиях, я нахожусь здесь, в центре связи, последние семь часов почти неотлучно и, возможно, смогу вам помочь. Я жду.

— У меня два вопроса, — отозвался Барленнан. — На один из них, наверное, ты сможешь ответить, на другой, скорее всего, нет. Сначала о втором исчезновении. Я просто прикидывал, насколько далеко от «Квембли» находился второй вертолет, когда передача с его борта прекратилась. Если тебе не известно расстояние, то, может быть, ты скажешь, как долго разыскивали пилота.

Второй вопрос в основном касается вашей технологии, с которой я не слишком хорошо знаком, но ты, надеюсь. Маком лучше. Есть ли у вас какая-нибудь возможность увидеть огни, такие, скажем, как прожекторы на вертолетах, оттуда, где вы находитесь? Как мне кажется, зрения, ни человеческого, ни месклинитского, недостаточно, но у вас есть множество оптических устройств, о которых я знаю очень мало, наверное, есть и такие, о которых мне вообще ничего не известно. Я жду ответа.

Бендж поднял палец и кивнул как раз в ту минуту, когда Барленнан задал первый вопрос, но юноша подождал, пока не поступит и второй, прежде чем заговорил сам.

— Я могу ответить на ваш первый вопрос, а мистер Кавано найдет кого-нибудь, кто мог бы ответить на второй, — были его первые слова. — Кервенсер начал свой разведывательный полет примерно одиннадцать часов назад. И никто не заподозрил, что с ним что-то не так, пока не прошло восемь часов, когда все вдруг выяснилось одновременно: Кервенсер и его вертолет исчезли, «Квембли» вмерз в лед, а Битчермарлф с Такуурчем оказались где-то под ним. По крайней мере, никто точно не знает, где они, однако они работали под корпусом, а после этого их никто не видел. Где же им еще быть, если не там? Один из матросов, Реффел, вылетел на втором вертолете с телепередатчиком на поиски Кервенсера и некоторое время исследовал местность довольно близко от «Квембли». Затем мы предложили ему отправиться чуть дальше, туда, где аварию вертолета Кервенсера, если бы она произошла, не могли увидеть или услышать с крейсера. Он так и сделал, и, конечно же, Дондрагмер, наблюдавший за ним с командного мостика, потерял его из виду. Затем мы долго совещались с капитаном, и все, кто находился здесь, оказались втянутыми в разговор. Как позже выяснилось, никто не наблюдал за экраном Реффела несколько минут. Затем кто-то заметил, что экран стал совершенно темным. Не таким, каким он становится, когда

прерывается связь, а таким, словно исчезло лишь изображение.

Барленнан бросил взгляд на Гузмиина и ученых. Никто из них не произнес ни слова, но это было и ни к чему. Никто не наблюдал за экраном Реффела, когда тот закрывал его! На такую удачу месклиниты и не рассчитывали.

Бендж продолжал говорить.

— Звук, конечно, остался включенным, поскольку никто из нас с Реффелом не разговаривал. Ни один из нас даже не представлял, что случилось. Это произошло как раз перед тем, как моя мама вызвала вас, менее получаса назад, а значит, между двумя исчезновениями прошло примерно около двух с половиной часов. На ваш второй вопрос ответа придется подождать, поскольку мистер Кавано еще не вернулся.

Барленнана несколько сбила с толку арифметика: юноша использовал название мер на месклинитском, а сами меры — земные. После нескольких секунд обдумывания он во всем наконец разобрался.

— Понятно, — заговорил он. — Если я правильно тебя понял, вы послали нам сообщение через два часа после того, как «Квембли» вмерз в лед, а Кервенсер исчез. Не знаешь ли ты, почему так могло случиться? Конечно, я понимаю, что ничего не смог бы предпринять, но ведь я возглавляю экспедицию и должен постоянно быть в курсе всего, что происходит с лэнд-крейсерами. Я не знаю, чем именно ты занимаешься на станции. Возможно, ты просто многого не знаешь. Но я слышал от своего радиста, что ты довольно много беседовал с экипажем «Квембли», так что, может быть, ты сможешь помочь мне? Я жду.

Барленнан преследовал свои скрытые цели, произнося последнюю фразу. Очевидным было одно: он хотел побольше узнать о Бендже Хоффмане, и особенно потому, что тот очень хорошо владел языком месклинитов и, если Гуз не ошибался, похоже, с большой охотой беседовал с ними. Барленнан надеялся, что Бендж окажется таким же, как и другой Хоффман, второе симпатизирующее им существо на

станции. Если так, то было важно знать, какое положение он занимает.

Кроме того, командир также исподволь хотел проверить утверждение Гузмиина, что юноша довольно часто и подолгу болтал с членами команды «Квембли». Наконец, даже Барленнан понимал, что Бендж весьма молод для человеческого существа, чтобы заниматься серьезной работой: его словарный запас и общий стиль речи ясно указывали на это. Это можно было бы весьма успешно использовать, если удастся установить достаточно близкие отношения.

Ответ юноши показался месклиниту весьма пространным и в то же время многообещающим.

— Я не знаю, почему вам не сообщили о Кервенсере и «Квембли» сразу же, — сказал он. — Лично я думал, что это было сделано. Я очень много общался с Битчермарлфом, вы должны его знать, он один из рулевых Дона. Мне очень нравилось беседовать с ним. Мы хорошо понимали друг друга. Когда я узнал, что он попал в беду, то сосредоточился на том, как бы ему помочь. Я находился в отсеке связи не все время, это не мое рабочее место, а просто приходил, когда появлялась возможность поболтать с Битчем. Я согласен, что кто-то должен был вам сообщить о случившемся раньше. Если хотите, то могу узнать, кто обязан был это сделать и почему он этого не сделал. Моя мама или мистер Мерсерэ должны знать.

Что же касается моей работы здесь, то, прежде чем ответить на этот вопрос, я должен пояснить вам кое-что. На Земле, когда кто-нибудь заканчивает основное обучение, то есть овладевает письмом, чтением, счетом, изучает основы ряда наук, он должен поработать где-нибудь в таком месте, где не требуются особые знания или навыки, два или три наших года, и тогда ему разрешают получить либо специализированное образование, либо общее высшее. Никто не говорит об этом прямо, но все знают, что от людей, на которых вы работаете, зависит ваше будущее, то есть именно они определяют, чем лучше всего вам заняться. Номинально я

прикреплен к аэрологической лаборатории в качестве так называемого мальчика на побегушках. На самом деле любой сотрудник станции, которому я попадусь на глаза, может дать мне задание. Главное — кто успеет опередить других. Но я не жалуюсь. У меня довольно много свободного времени, и за последние несколько дней я часто и подолгу беседовал с Битчем.

Барленнан исходя из своего пятидесятилетнего опыта достаточно легко догадался, что понимает его собеседник под словом «день».

— Конечно, — продолжил юноша, — знание вашего языка помогает. Моя мать — просто помешана на языках, а я унаследовал это от нее. Она начала изучать стеннийский десять лет назад, когда папа впервые подключился к Дхраунскому проекту. Думаю, что теперь я в основном буду заниматься связью на полулегальном положении, то есть довольно много времени. А вот идет мистер Кавано с одним из астрономов, которого, если не ошибаюсь, зовут Тиббетс. Они ответят на вопрос, можно ли обнаружить свет на большом расстоянии, а я затем попытаюсь ответить на другие ваши вопросы.

На экране появилось изображение астронома, широкие черты темнокожего лица которого, пожалуй, удивили Барленнана. Он никогда еще не видел человеческое существо с бородой, хотя и привык к различному виду растительности на их черепах. Лицо Тиббетса украшала бородка с стиле Ван Дейка, которая вполне умещалась внутри шлема космического скафандра. Месклиниту же Тиббетс казался совершенно необычным существом. Поразмыслив, Барленнан решил, что задавать вопросы астроному о его внешности нетактично. Возможно, лучше попозже будет узнать об этом у Бенджа. Смутить кого бы то ни было — не лучший способ начать разговор.

К великой радости командира, это странное продолжение лица нисколько не мешало его обладателю говорить.

Как видно, Тиббетсу уже передали вопрос Барленнана, потому что он сразу же заговорил, на языке людей.

— Мы можем засечь отсюда любые искусственные огни на планете, включая и переносные, хотя могут возникнуть трудности с остронаправленными, обращенными не в нашу сторону. Мы используем стандартное оборудование. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что у нас есть все, что, скорее всего, вам понадобится. Чтобы подготовить приборы к работе, нужно несколько минут. Что именно мы должны сделать?

Этот вопрос застал Барленнана врасплох. После совещания со своими учеными он почему-то не сомневался, что люди постараются скрыть от месклинитов свои возможности. Конечно же, если бы командир был чуть более дальновиден, он не стал бы отвечать так, как сделал в эту минуту. И тут же пожалел о сказанном, еще до того, как его слова достигли станции.

— Тогда вы должны без особых усилий засечь наш лэнд-крейсер «Квембли». Вам ведь известно, где он находится, даже лучше, чем нам. Огни на его командном посту вряд ли погашены. Пропали два его вертолета, которые обычно также имеют огни на борту. Я бы хотел, чтобы вы просканировали площадь, скажем, примерно в радиусе двух сотен миль от «Квембли», как можно тщательнее, попытались отыскать другие огни, а затем сообщили бы мне и Дондрагмеру, где они, если вам удастся их обнаружить. Как долго это может продлиться?

За время, необходимое для ответа, Барленнан успел сообразить, как он ошибся. Теперь уже ничего нельзя было изменить и оставалось лишь надеяться, что не совсем точный перевод поможет если не исправить, то хотя бы скрыть его ошибку. Пришедший ответ позволил ему немного воспрять духом. Быть может, ошибка оказалась не такой уж и серьезной, пока люди ничего не узнают о тех двух огнях неподалеку от «Квембли»!

— Боюсь, что обнаружить-то огни мы сумеем, — ответил Тиббетс, — а вот засечь точные координаты источников света будет гораздо труднее, особенно отсюда, со станции. Но я совершенно уверен, что мы сможем найти ваши пропавшие вертолеты, если у них по-прежнему горят бортовые огни. Если вы думаете, что они потерпели аварию, то, мне кажется, особых перемен в их бортовом освещении быть не должно. Я тотчас же займусь этим вопросом.

— А как насчет их энергоблоков? — спросил Барленнан, решивший, раз уж начал, узнать все, даже самое худшее. — Если по каким-то причинам свет погас, может, вы сумеете обнаружить вертолеты по излучению?

К тому времени, как вопрос достиг станции, Тиббетс ушел, как и обещал. К счастью, рядом оказался Бендж, который и ответил на заданный вопрос. Эту информацию должны были знать все, кто хоть как-то связан с Проектом, и поэтому юноша, прежде чем попал на станцию, получил подробные объяснения.

— Термоядерные конвертеры испускают нейтрино, которые мы можем засечь, но мы не в состоянии точно определить их источник, — сообщил он командиру. — Именно для этого и предназначены теневые спутники. Они обнаруживают нейтрино, которые практически целиком приходят от солнца. Энергоблоки на Дхрауне и здесь, наверху, не слишком заметны на таком мощном фоне. Компьютеры следят за всеми спутниками, вычисляют, где они находятся и, в особенности, находится ли планета между каким-то определенным спутником и солнцем, так чтобы можно было измерить поглощение нейтрино в различных частях планеты. Через несколько лет мы планируем получить статистический анализ Дхрауна с помощью рентгена. Может, для вас это не совсем понятно. Я имел в виду четкое представление о плотности и составе планеты. Как вы знаете, люди все еще спорят о том, планета Дхраун или звезда и откуда возникает избыточное тепло — из-за термоядерных реакций в ядре или из-за радиоактивности оболочки.

Но я уверен, насколько позволяют мои знания, что они не смогут найти ваши пропавшие вертолеты только по нейтринным эмиссиям, даже если их конвертеры и работают по-прежнему.

Барленнану удалось скрыть свою радость при этих новостях, и он просто ответил:

— Спасибо. Не можем же мы требовать от вас слишком многого. Как я понял, когда ваш астроном что-нибудь найдет или когда он будет уверен, что не найдет ничего, вы сообщите нам. Мне хотелось бы точно знать, могу ли я рассчитывать на это. Пока я закончил, Бендж, однако вызывай нас сразу же, как только что-нибудь выяснится о вертолетах или о твоих друзьях. Все-таки меня заботит их судьба, хотя, быть может, и не так, как тебя волнует судьба Битчермарлфа. Такуурч мне ближе.

Барленнан, часто непосредственно общавшийся с человеческими существами и имеющий множество причин, по которым было необходимо развить подобное умение, сумел гораздо лучше понять Бенджа и определить, какие чувства испытывает юноша к Битчермалфу, чем это удалось Дондрагмеру. Он не сомневался, что эта дружба может оказаться весьма полезной, однако перестал думать об этом, как только отвернулся от коммуникатора.

— Что ж, могло быть гораздо хуже. Как, впрочем, и лучше, — заметил он обоим ученым. — И, конечно же, все-таки хорошо, что мы не установили эту световую систему связи для переговоров ночью. Они, определенно, заметили бы нас.

— Не уверен, — возразил Дисленвер. — Человек сказал, что они могли бы заметить такой свет, но это еще не значит, что они ведут подобные наблюдения. И если для таких наблюдений требуется специальное оборудование, готов побиться об заклад, что его используют для более важных дел.

— То же думал бы и я, если б ставки не были столь высоки, — возразил Барленнан. — Так или иначе, мы не можем рисковать теперь, поскольку они собираются обследовать

эту область самыми лучшими приборами, которые у них есть. Мы сами только что попросили их об этом.

— Но их не интересует Поселок. Они будут исследовать районы по соседству с «Квембли», в миллионах кабельтовых, отсюда.

— Представь, что там, дома, ты смотришь вверх на Турей. Если ты собираешься исследовать одну его часть с помощью телескопа, то сколько усилий тебе понадобится, чтобы взглянуть и на другую часть?

Дисленвер отмахнулся.

— Тогда нужно либо подождать восхода солнцу, либо организовать специальный полет, если мы хотим использовать «Эскет» так, как предлагаешь ты. Я признаю, что не придумал пока что-нибудь еще. Я даже не представляю, что мы могли бы использовать в качестве хорошего теста.

— Это не столь важно. Гораздо важнее узнать, насколько быстро, аккуратно и полно человеческие существа сообщат о том, что мы подготовим для них. У нас еще есть время. Я что-нибудь придумаю. Кстати, когда твои исследователи собираются отправляться в полет?

— Не скоро, — ответил Бендивенс. — Кроме того, я не согласен, что детали не имеют большого значения. Не хочешь ведь ты, чтобы у них создалось впечатление, что мы, возможно, имеем какое-то отношение к тому, что они увидят на «Эскете». Они-то уж точно не глупы.

— Конечно. Я вовсе не недооцениваю их. Это будет что-то естественное. Не забывай о главном: человеческие существа знают еще меньше, чем мы, о том, что естественно для этого мира. Возвращайтесь в лаборатории и сообщите всем, у кого подготовлено оборудование для погрузки на «Диди», что отлет перенесен на более раннее время. Через пару часов я принесу вам письменное послание для Дестигмета.

— Хорошо.

Ученые направились к двери, и Барленнан чуть позже последовал за ними. Он только сейчас начал понимать, насколько важно замечание Бендивенса. Что же можно

придумать такое, чтобы оно, находясь в поле зрения одного из передатчиков «Эскета», не позволило бы обнаружить, что месклиниты находятся по соседству, но привлекло бы внимание человеческих существ и заставило эти огромные создания изменить свои сообщения? Сможет ли он придумать нечто такое, даже не зная, почему доклады задерживались, более того — не будучи даже уверенным, что люди поступают так сознательно? Нельзя исключить вероятность, что задержка сообщений с «Квембли» вызвана обычным недосмотром. Как и предположил молодой человек, каждый из них мог подумать, что кто-то другой послал донесение. С точки зрения Барленнана как матроса это говорило о недопустимой некомпетентности и полном отсутствии дисциплины. Однако он уже неоднократно подозревал такие качества в человеческих существах, не в расе в целом, конечно, а у отдельных людей.

Конечно же, все нужно тщательно проверить, и передатчики «Эскета» сослужат для этого свою службу. Насколько было известно Барленнану, они по-прежнему активизированы. Естественно, месклиниты позаботились о том, чтобы никто не очутился в их поле зрения со времени «исчезновения» крейсера, и уже очень давно ни одно человеческое существо не упоминало о нем. Их, наверное, лучше было бы закрыть, а не обходить стороной, тогда, очевидно, месклиниты обладали бы куда большей свободой действий. Однако такая идея не пришла никому в голову, пока Дестигмет не отбыл выполнять приказ о создании второго Поселка, о котором люди не должны знать.

Как вспомнилось Барленнану, один из передатчиков находился на командном посту, один — в лаборатории, один — в ангаре, где обычно стояли вертолеты, и все они были аккуратно расположены так, чтобы не мешать регулярным полетам со дня происшедшей «катастрофы». Четвертый находился в секции системы жизнеобеспечения, хотя через него и нельзя было разглядеть вход в нее. Конечно же, потребовалось забрать почти все оборудование из этого отсека.

Несмотря на то, что все тщательно продумывалось и подготавливалось, ситуация по-прежнему оставалась напряженной. Лаборатория и система жизнеобеспечения были почти недоступны. Пользоваться ими можно было лишь соблюдая великую осторожность, что, безусловно, раздражало Дестигмета и его старшего офицера Кабремма. Они неоднократно запрашивали разрешение закрыть коммуникаторы, но Барленнан отказывался, не желая снова привлекать внимание людей к «Эскету». Теперь, возможно, ему удастся убить двух зайцев. Неожиданное затемнение одного или даже всех четырех экранов наверняка заметят наблюдатели со станции. А вот что предпримут люди, решат ли они скрыть это событие от Поселка, никак нельзя сказать заранее. Вот так все и выяснится.

Чем больше он думал об этом, тем лучше, надежнее казался ему план. Барленнан испытывал ощущение, сходное с тем, какое испытывает любое разумное существо вне зависимости от его расы, когда решает сложную задачу без посторонней помощи. Он смаковал это удовольствие целых полминуты, пока его не нагнал еще один из курьеров Гузмиина.

— Командир! — Курьер сбавил скорость и теперь двигался рядом с Барленнаном по почти темному коридору. — Гузмиин просил передать, чтобы вы немедленно вернулись в отсек связи. Одно из человеческих существ, то, которое зовут Мерсерэ, появилось на экране. Гуз говорит, что он докладывает: на борту «Эскета» что-то происходит. Что-то движется в лаборатории!

10. Взвешенные данные

Поспешать за Барленнаном, когда тот неожиданно направился в другую сторону, оказалось для курьера непросто, однако ему удалось это сделать. Командир даже не заметил, что у сопровождавшего его курьера возникли какие-то трудности.

— Есть какие-нибудь подробности? Что и когда именно двигалось?

— Никаких. Человек просто появился на экране, без всякого предупреждения. Он сказал: «Что-то происходит на «Эскете». Передайте командиру». Гузмиин приказал мне срочно вернуть вас назад, в отсек связи, так что я больше ничего не слышал.

— Ты дословно повторил то, что он сказал? Он использовал наш язык?

— Нет, он говорил на своем. Его слова были следующими...

Курьер повторил фразу, на этот раз на том языке, на котором ее произнесли. Барленнану пришлось согласиться, что перевод был довольно точным.

— Тогда нам неизвестно, действительно кто-нибудь допустил промах и его заметили или, может быть, что-то уронили в поле зрения камер...

— Сомневаюсь, что кто-то был неосторожен. Человек вряд ли бы не узнал месклинита.

— Пожалуй. Что ж, к тому времени, как мы вернемся, должны появиться какие-нибудь детали.

Тем не менее, таковых не оказалось. Изображение Бойда Мерсерэ уже исчезло с экрана, когда Барленнан достиг отсека связи. Более того, что еще поразительнее, на экране не было вообще никого. Командир подозрительно посмотрел на Гузмиина. Офицер связи сделал жест, равнозначный пожиманию плечами.

— Он просто ушел, командир, не добавив больше ни слова.

Заинтригованный, Барленнан сжал рычаг «Внимание».

Бойда Мерсерэ сейчас больше волновали другие заботы. Значительная их часть имела отношение к событиям на Дхрауне, а вовсе не на «Эскете». Кроме того, сию минуту его мучили несколько вопросов, гораздо более насущных, чем гигантская звезда-планета.

В первую очередь нужно было успокоить Аукойна. Аукойн страшно разозлился, узнав, что ему не сообщили о переговорах между Дондрагмером и Катини, а также командиром и Тиббетсом. Он готов был обрушить свою ярость на молодого Хоффмана, который нарушил заведенный порядок, взявшись не за свое дело, да еще, и не поставив никого в известность. Вместе с тем Аукойн вовсе не хотел обижать или сердить Изи. Он очень ценил ее, считая самым незаменимым членом группы связи. Именно поэтому попало Мерсерэ и другим. Нужно ведь было Аукойну на ком-то сорвать злость.

Эту задачу Бойд считал несложной и не слишком серьезной. Он еще многие годы назад понял, что относиться к умиротворению административных работников надо как к бритью, то есть как к чему-то занимавшему время, но не требовавшему особого ума. И вообще это стоило проделать только затем, чтобы в будущем избавиться от лишних хлопот. На самом деле больше всего его беспокоило даже не странное происшествие на «Эскете», а состояние дел на «Квембли».

Его волновал вовсе не экипаж лэнд-крейсера. Пропавшие месклиниты не были его личными друзьями. Он в какой-то мере переживал, конечно, за них, как переживал бы за людей, даже если бы они не были близки ему.

Проблемой был сам «Квембли», и проблемой едва ли обычной. Лэнд-крейсеры и прежде, случалось, попадали в трудное положение, и до сих пор их всегда вызволяли. Таким образом, Мерсерэ мог бы полностью сосредоточиться на своих делах и ни о чем другом не думать, если бы его оставили в покое.

Однако в покое его не оставили. Бендж Хоффман так болел душой за все происходящее, что его чувства невольно передавались окружающим, даже когда он просто молча сидел рядом. Он прямо-таки излучал симпатию к месклинитам. И Бойд неожиданно ловил себя на том, что обсуждает с Дондрагмером, как быстро может растаять лед и начаться новый паводок и как это может повлиять на пропавших

рулевых, гораздо более заинтересованно, чем полагалось бы выдержанному хладнокровному профессионалу. Все это просто раздражало. Битчермарлф и Такуурч, и даже Кервенсер — их судьбы ничего не меняли. От правильных действий специалистов зависело, спасется ли вся команда. Но рядом с Бенджем, даже если тот не произносил ни слова, любой человек, мыслящий здраво и объективно, казался бессердечным. И Мерсерэ не мог не поддаться этому влиянию.

Изи очень хорошо понимала, что происходит, но не вмешивалась, поскольку почти полностью разделяла чувства своего сына. Отчасти из-за того, что она была женщиной, отчасти из-за того, что сама пережила немало, она сильно симпатизировала Битчермарлфу и его спутнику. Примерно двадцать пять лет назад она сама попала в весьма схожую ситуацию, когда вследствие целой цепи ошибок очутилась в поврежденном беспилотном исследовательском корабле на очень жаркой планете с высоким давлением.

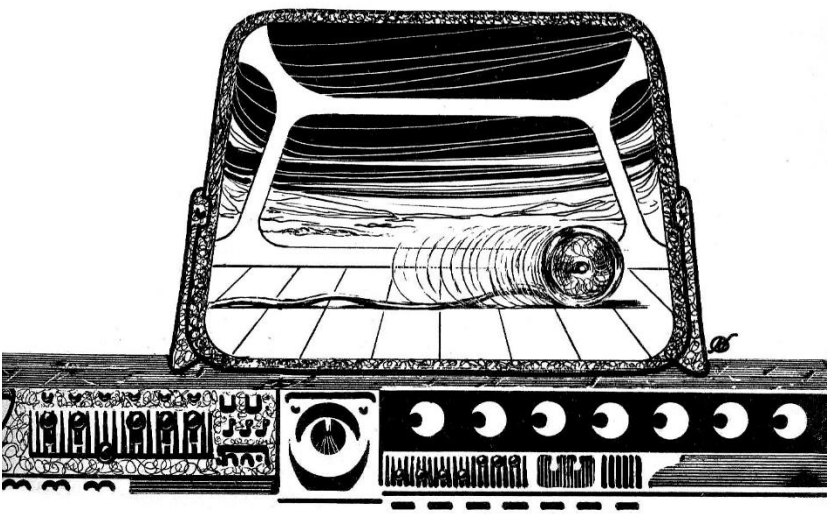
Более того, она пошла еще дальше, чем осмеливался Бендж. Дондрагмер мог и, наверное, послал бы поисковую группу к месту исчезновения Реффела, поскольку его координаты были известны. Вот только вряд ли он стал бы рисковать еще одним из трех оставшихся коммуникаторов. И все же Изи, используя то прямые доводы, то чисто эмоциональное воздействие, убедила капитана, что риск будет гораздо больше, если поиск вести без коммуникатора. Этот разговор, как и многие другие, шел без Аукойна. Даже споря с Дондрагмером, Мерсерэ задумывался о том, как будет оправдываться перед ним. Тем не менее, он целиком соглашался с Изи, а Бендж, стоя за его спиной, с трудом прятал улыбку.

Целиком поглощенный этой беседой, Бойд едва ли обратил внимание на сообщение другого наблюдателя, что какие-то предметы мелькнули на экране передатчика, располагавшегося в лаборатории «Эскета». Он быстро переключил каналы, передал сообщение в Поселок и тут же переключился снова на «Квембли», даже не подождав конца

цикла связи. Позже он утверждал, что вообще не заметил названия «Эскета» в докладе, а посчитал это сообщение совершенно обычным докладом от одного наблюдателя или другого. В эту минуту он испытывал лишь раздражение из-за того, что его отвлекают от «Квембли», и, чтобы успокоиться, выбрал, по его мнению, самый простой и надежный способ — просто выкинул из головы все, что отвлекало его. А затем вскоре совершенно естественно вообще забыл об этом сообщении.

Бендж обратил на него еще меньше внимания. История с «Эскетом» произошла задолго до его прибытия на станцию, и название корабля почти ничего не значило для него, хотя как-то раз его мать и упоминала при нем о своих друзьях Дестигмете и Кабремме.

И конечно же, только Изи по-настоящему отреагировала на это сообщение. Она едва ли обратила внимание на то, что говорил или делал Мерсерэ, и вовсе не собиралась сообщать Барленнану ничего, пока не узнает еще что-нибудь. Она тут же устроилась в кресле перед экранами, связанными с



«утраченным» крейсером, и вся Вселенная перестала для нее существовать.

Барленнан, таким образом, почти ничего нового не узнал. Изи же, которая приняла его вызов, сама ничего не видела, а к тому времени, когда она сосредоточила свое внимание на экране связи с «Эскетом», всякое движение прекратилось. Сам же наблюдатель, который это заметил, смог лишь сказать, что видел два предмета: сложенный витком канат и короткую трубу, прокатившуюся по полу лаборатории крейсера. Возможно, нечто извне толкнуло их, хотя вокруг корабля не наблюдалось никаких признаков жизни вот уже несколько земных месяцев, и в равной степени, и даже более, было вероятно, что нечто накренило «Эскет», и поэтому предметы заскользили по полу.

Услышанное заставило Барленнана задуматься. Конечно, кто-то из команды Дестигмета мог допустить небрежность. Но также возможно и то, что во всем виноваты природные силы, во что, казалось, предпочитали верить люди. Но так как сам Барленнан вынашивал тайные планы, то он заподозрил людей в том, что они все это придумали. В другое время он, вероятно, и отмел бы такую мысль, но не сейчас.

Было трудно понять, чего именно они хотят добиться подобной выдумкой. Едва ли это какая-то ловушка. Но тут нельзя ошибиться. А может, это просто-напросто розыгрыш? Или за всем этим кроется что-то серьезное? Барленнану пришлось признаться самому себе, что он не может ответить на мучившие его вопросы.

Так или иначе, он не любил домыслов. Гораздо легче принимать четкие и ясные доклады, не думая о подтексте. И если возникают какие-то недоразумения, то это лишь вина того, кто составлял донесение. Командир подумал, что раздражающей прямоте Дондрагмера, которая заставляла его осуждать затею с «Эскетом», все же приходится отдать должное.

Да, он согласится с тем, что доклад правдив. И, сделав это, повернет эту уловку против тех, кто ее придумал. Что ж, тогда остается лишь связаться с Дестигметом и проверить все. А значит, на «Диди» придется отправить еще одно послание.

Если подумать, то, в общем-то, есть еще одна возможность проверить правдивость сообщений людей. Это донесение, правдиво оно или нет, поступило достаточно быстро. К этому должна была иметь отношение миссис Хоффман.

Мысль о том, что Изи причастна ко всему этому, серьезно меняла дело, поскольку ее, пожалуй, Барленнан и Аукойн разделили бы, хотя, конечно, последний ничего не слышал о новом инциденте с «Эскетом». Даже Мерсерэ ничего не подумал на этот счет. Он все еще был занят иными делами.

— Изи! — Бойд отвернулся от своего микрофона. — Мы, похоже, все-таки убедили Дона. Он дает видеокамеру своей поисковой группе из шести матросов. И он хочет проверить, насколько точно определил расстояние до места, где исчез Реффел. Он считает, что мы сможем точно сказать, где находился передатчик. Может быть, в свое время мы его и определяли, но не уверен, что где-нибудь записали. Не хотите ли поговорить с ним, пока я схожу к картографам, или, может быть, вы сходите сами?

— Я хочу еще немного понаблюдать здесь. Пусть Бендж сходит, если он хотя бы на минуту сможет оторваться от экранов.

Она полувопросительно посмотрела на сына. Тот кивнул и тут же исчез. Однако он пропадал дольше, чем она ожидала, и вернулся в несколько удрученном состоянии.

— Они сказали, что с удовольствием дадут мне карту записанной первой части полета Реффела, до того, как я велел ему изменить маршрут. Они лишь смогли сообщить, что место, где он исчез, вне карты. На карту нанесена долина только на милю западнее того места, где сейчас находится крейсер.

Мерсерэ раздраженно хмыкнул:

— Я совсем забыл об этом.

Он повернулся к микрофону, чтобы передать эту, хотя и не слишком утешительную, информацию Дондрагмеру.

Нельзя сказать, что капитан сильно удивился или расстроился. Он уже сам прикинул примерное расстояние и направление, в котором следовало послать Стакенди, возглавлявшего поисковую группу.

— Мне кажется, человеческие существа были правы, сказав, что вам следует прихватить с собой передатчик, — заметил капитан. — Хотя его неудобно нести и мне бы не хотелось потерять его, зато мы будем точно знать, где вы находитесь. Я все еще беспокоюсь, как бы не повторился паводок, который принес нас сюда, а люди, находящиеся наверху, на станции, пока не могут дать никаких точных прогнозов. Они уверены, что начинается сезон весенних паводков. Но так как у вас будет передатчик, они смогут заблаговременно предупредить вас, если узнают что-нибудь важное, а вы сможете связаться со мной через них, если сами что-то обнаружите.

— Я сам еще не знаю, что лучше всего предпринять, если начнется паводок, — сказал Стакенди. — Конечно, если мы окажемся близко от «Квембли», то постараемся вернуться на борт как можно быстрее, а если успеем уйти довольно далеко от крейсера, то в этом случае направимся к северной границе долины, которая кажется ближайшей к нам. Правда, я не уверен, что это самый лучший вариант. Если корабль унесет вниз по течению, то, даже если мы и переживем паводок, нам придется добираться до него не меньше года.

— Я тоже думал об этом, — ответил капитан, — но так ничего и не решил. Дело в том, что корабль может не вынести еще одного плавания. Не знаю, нужно ли нам потратить время, чтобы вытащить оборудование системы жизнеобеспечения из корабля и перенести его на окраину долины, прежде чем продолжить попытки вызволить корабль из ледового плена. Твое замечание весьма важно, и, скорее всего,

лучше дать вам передатчик, как ради вашей безопасности, так ради и нашей. Что ж, берите и отправляйтесь. Чем скорее вы вернетесь, тем меньше нам придется беспокоиться о паводках.

Стакенди жестом выразил согласие, и уже через пять минут Дондрагмер увидел, как его группа из шести матросов показалась из главного шлюза. Передатчик придавал поисковой группе гротескный вид. Пластмассовый блок, имеющий высоту и ширину по четыре дюйма и длину двенадцать дюймов, тащили на носилках двое носильщиков. Трехфутовые шесты, закрепленные на расстоянии двух футов, поддерживались на скобах, располагавшихся посередине восемнадцатидюймовых тел месклинитов-носильщиков. Шесты и скобы были изготовлены из материалов, хранившихся среди корабельных припасов — честно говоря, никому не нужного хлама, которого в хранилищах оказалось целые тонны, что было странно и нелепо для крейсера, приводимого в движение термоядерной энергией.

Поисковая группа обогнула нос «Квембли», повернутый на северо-запад, и двинулась прямо в западном направлении. Дондрагмер понаблюдал за ее огнями несколько минут, пока они огибали большие камни, но ему пришлось вернуться к другим делам еще задолго до того, как они пропали из виду.

Месклиниты рассредоточились по всему корпусу, высвобождая радиатор. Дондрагмер очень неохотно отдал приказ начать эту работу, ведь она разрушала корабль, но, взвесив все за и против, он понял, что другого выхода нет, и принял решение. А решив что-то однажды, он более не мучился, прав был или нет. Точно так же, как большинство людей считало дроммиан типичными параноиками, большинство месклинитов, знавших землян, считало их очень нерешительными. Дондрагмер, приняв решение и отдав приказ, теперь просто наблюдал за тем, чтобы при разборке корпусу были причинены наименьшие повреждения. Со своего командного мостика он не мог разглядеть всего, что делается

на корме, где проводники выходили из корпуса наружу. Несколько позже ему придется выйти из корабля, чтобы проследить, как там идут работы. Может быть, даже лучше прихватить с собой видеокамеру и позволить людям-инженерам наблюдать за операцией. Конечно, из-за задержки в связи им будет трудно вовремя предотвратить серьезную ошибку, но лишний глаз не повредит.

Все шло нормально, и работу можно было доверить Праффену. Проблему, которую капитан упомянул в разговоре со Стакенди, нужно было очень серьезно обдумать. Оборудование системы жизнеобеспечения демонтировалось легкое он мог выделить несколько членов экипажа, чтобы перенести его, не слишком сокращая число тех, кто занимался размораживанием. Но если начнется новый паводок, когда оборудование будет находиться на земле, а «Квембли» унесет довольно далеко, могут начаться серьезные неприятности.

Система жизнеобеспечения с полностью замкнутым циклом, использовавшая месклинитские растения, зависела от термоядерных конвертеров, снабжавших ее основной энергией. Она имела в своем составе как раз такое количество растений, которое было необходимо для нужд команды. Если бы их оказалось намного больше, то не хватило бы месклинитов, чтобы заботиться о самих растениях! Вполне возможно, что придется перенести часть системы и оставить остальное, а затем расширять ту или иную часть, чтобы система могла обеспечивать команду, если обстоятельства вынудят всех либо подняться на корабль, либо сойти на берег. Подготовить еще несколько цистерн совсем нетрудно, но заставить ту или иную культуру разрастаться, чтобы она снабжала месклинитов достаточным количеством водорода — на это может уйти слишком много времени, и тогда всем грозит гибель.

Все же очень плохо, что связь осуществлялась через станцию людей. Одной их главнейших задач «Эскета» было модифицировать старую систему жизнеобеспечения либо создать новую, способную поддерживать жизнь большего числа месклинитов. Исходя из того, что Дондрагмер знал, это можно было сделать уже много месяцев назад.

Его раздумья были прерваны передатчиком.

— Капитан! Здесь Бендж Хоффман. Не будет ли для тебя чрезмерно трудным установить одну из видеокамер так, чтобы мы могли наблюдать за теми, кто занят размораживанием? Может быть, для этой цели годится тот, что на командном посту, если переместить его чуть ближе к правому борту и развернуть в сторону кормы.

— Это будет довольно легко сделать, — ответил капитан. — Я как раз думал, что было бы неплохо, если б кто-нибудь из ваших людей последил за работой.

Поскольку передатчик весил меньше пятисот фунтов в поле тяготения Дхрауна, то оказалось, что лишь его неудобные размеры вызвали мелкие осложнения. Представьте себе человека, пытающегося передвинуть пустой ящик из-под

холодильника. Толкая, передатчик перед собой по палубе и даже не пытаясь поднять, Дондрагмер поместил его в нужное место буквально за несколько секунд. Через некоторое время пришло подтверждение от юноши.

— Спасибо, капитан. Все в порядке. Я могу разглядеть поверхность у правого борта и, как мне кажется, вижу и главный шлюз, а также членов команды, работающих по обе стороны. Правда, трудно судить о расстояниях, но я знаю, насколько велик «Квембли» и как далеко находится главный шлюз, и, конечно, мне известны размеры месклинитов, так что, думаю, ваши прожекторы позволят мне разглядеть лед примерно ярдов на пятьдесят-шестьдесят за пределами шлюза.

Дондрагмер удивился:

— Я вижу на расстояние, втрое превышающее указанное тобой. Нет, подожди-ка. Ты используешь ваши двенадцатеричные числа, так что число не такое большое. Однако я действительно вижу дальше. Должно быть, мои глаза лучше ваших видеоячеек в передатчиках. Я надеюсь, ты наблюдаешь не только за тем, что происходит там. Ты видишь все остальные экраны, связанные с «Квембли»? Или за ними наблюдают другие люди? Я хотел бы поддерживать постоянный контакт со своей поисковой группой, насколько это возможно. Она только что вышла на поиски. После происшедшего с Реффелом я опасаюсь за них и их передатчик.

Пока Дондрагмер посылал это сообщение, его непрестанно мучила совесть. С одной стороны, он нисколько не сомневался, что Реффел закрыл свой передатчик намеренно, хотя еще меньше, чем Барленнан, понимал, зачем он это сделал. С другой стороны, он не одобрял секретности всего маневра с «Эскетом». Одновременно он не хотел сделать что-нибудь, из-за чего планы Барленнана рухнули бы, и серьезно огорчился бы, если б все открылось. Естественно, нельзя отбрасывать вероятность того, что Реффел на самом деле попал в беду, однако если бы с ним, и правда, что-то случилось, то, находясь всего лишь в нескольких милях от

«Квембли», он уже давно бы успел вернуться, даже пешком, и все объяснить.

В общем, у Дондрагмера имелось неплохое оправдание, к тому же судьба Кервенсера на самом деле была неизвестна, но просто он не любил лгать и изворачиваться.

— Все четыре экрана прямо передо мной, — пришло заверение Бенджа. — Сейчас я один сижу возле них, хотя в отсеке связи есть и другие люди. Моя мать находится примерно в десяти шагах от меня, у экранов «Эскета». Тебе сообщили, что на них что-то двигалось? Мистер Мерсерэ только что затеял новый спор с мистером Аукойном. — Барленнан многое бы отдал, чтобы услышать эту фразу. — Со мной в отсеке находятся примерно еще десять наблюдателей, следящих за другими экранами, но я не знаю никого из них достаточно хорошо. Экраны Реффела по-прежнему черны. Пятеро матросов работают в отсеке «Квембли», где установлен еще один передатчик, но я не могу определить, чем именно они заняты. Ваша пешая поисковая группа пока движется вперед. Прожекторы, которые они несут с собой, не столь сильные, как те, что на «Квембли», и поэтому я вижу лишь силуэты, и, если возникнут какие-то неприятности, я, боюсь, смогу заметить опасность не раньше, чем они сами. И конечно же, нужно учесть еще и задержку во времени, пока сообщение идет туда и обратно.

— Не напомнить ли им об этом? — спросил Дондрагмер. — Главного зовут Стакенди. Он довольно плохо владеет вашим языком. Однако он твердо полагается на вас и ваше оборудование и считает, что вы сумеете его вовремя предупредить. И боюсь, что, приняв это как само собой разумеющееся, он может ослабить бдительность и попасть в беду. Пожалуйста, напомни ему, что связь между ним и мною исключительно непрямая.

Ответ юноши пришел значительно позже, чем это могла объяснить одна лишь задержка из-за скорости распространения радиоволн. Очевидно, он сразу начал передавать просьбу, даже не подумав отослать подтверждение, что она

получена. Капитан решил не заострять на этом внимания, ведь Хоффман еще очень молод. Имелось множество других дел, которыми Дондрагмеру необходимо было заняться, и он занялся ими, словно забыл о незаконченной беседе до тех пор, пока голос Бенджа снова не раздался на командном посту.

— Я переговорил со Стаком и все передал ему. Он обещал быть осторожным. Пока они еще не очень далеко отошли от «Квембли» и все еще находятся среди камней, которые тянутся на некоторое расстояние вверх по течению. Я думаю, они все еще не миновали область, карту которой мы успели составить, хотя сам я не могу отличить даже и квадратного ярда этого каменного сада от другого точно такого же. Поверхность представляет собой гладкий лед с выступающими из него булыжниками, а иногда встречаются булыжники, не покрытые льдом. Мне непонятно, насколько успешными могут оказаться поиски. Даже если они взберутся на самый высокий камень, то увидят просто множество других, примерно таких же, которые, безусловно, закрывают дальний обзор. Вертолеты не так уж и велики, а вы, месклиниты, еще меньше.

— Мы думали об этом, когда высылали поисковую группу, — ответил Дондрагмер. — Конечно, успешные поиски среди больших камней практически невозможны, если пропавшие либо мертвы, либо потеряли сознание. Тем не менее, как ты сам сказал, несколько дальше начинается открытое плато. В любом случае, вполне возможно, что Керв или Реффел смогут откликнуться на зов или сами позвать на помощь. И, конечно, ночью можно скорее кого-то услышать, чем увидеть. Кроме того, впереди таится серьезная опасность, ставшая причиной их исчезновения, поисковая группа не может не столкнуться с ней.

Капитан почти не сомневался в том, что ответит Бендж на его последнюю фразу. И он оказался прав.

— Обнаружить что-то, погубив целую группу, — не слишком ли высокая цена за знание?

— Но ведь мы должны знать, что там произошло на самом деле. Пожалуйста, поддерживай постоянную связь с группой Стакенди, Бендж. Мне придется заняться другими многочисленными делами, а ты узнаешь о происходящем по меньшей мере на полминуты раньше меня, так или иначе. Я не знаю, решают ли что-нибудь эти секунды, но все-таки ты немного ближе к Стаку по времени, чем я.

Кроме того, сейчас мне надо выйти наружу. Мы добрались до такого места на корпусе корабля, где металлический стержень нужно снимать крайне осторожно. Я вытащу один из передатчиков, чтобы поддерживать постоянный контакт с вами, но не смогу отвечать вам, так как буду в гермокостюме. Уровень громкости ваших передатчиков не слишком высок. Я вызову тебя сразу же, как только вернусь. К сожалению, здесь нет никого, кого можно было бы оставить на вахте. А тем временем, пожалуйста, записывай в журнал все, что будет происходить с группой Стакенди.

Капитан подождал ровно столько, сколько понадобилось, чтобы получить подтверждение от Бенджа, которое на этот раз прибыло вовремя, а затем направился к шлюзу и стал надевать гермокостюм. Предпочитая передвигаться внутри корпуса судна, а не снаружи, он вновь по лестнице вернулся на командный пост, чтобы использовать малый шлюз, выходивший на поверхность. Шлюз был сделан в виде U-образной трубки, заполненной жидким аммиаком и достаточно широкой, чтобы в ней могло поместиться тело месклинита в гермокостюме. Дондрагмер отомкнул внутренний люк, забрался в трехгаллонный бассейн с жидкостью, и крышка закрылась за ним. Он проследовал вниз, по изгибу, и вынырнул на поверхность, открыв такую же крышку, но уже снаружи командного поста.

Когда он почувствовал, как гладкий пластик корпуса изгибается под ним, со всех сторон, кроме кормы, он непроизвольно напрягся, но быстро совладал со своими чувствами, ибо неоднократно бывал и в более высоких местах. Его клешни быстро мелькали, хватаясь за поручни, пока он

передвигался к корме, туда, где оставались еще не разъединенными несколько соединений рефрижератора. Два из них были проведены сквозь корпус, как электрические контакты, и, таким образом, именно они более всего заботили Дондрагмера. Другие, как он надеялся, вынимались из корпуса крейсера подобно гвоздям, однако их придется отрезать, но отрезать так, чтобы потом снова можно было подсоединить. Сварку и пайку Дондрагмер знал только теоретически. Ему, правда, было известно, как это нужно делать, и он не сомневался, что надо оставить какие-то отрезки снаружи, чтобы потом к ним приварить или припаять стержни. Капитан хотел удостовериться, что все будет сделано правильно.

Как ему сказали, отрезать стержни будет несложно, даже месклинитскими ножницами. Он тщательно выбрал точки, где должны быть сделаны разрезы, и приказал двум матросам заняться этим делом. Остальных он предупредил, чтобы те отошли подальше, когда стержень будет высвобожден. Это касалось не только тех, кто находился внизу, на поверхности, но и тех, кто сейчас был на корпусе. Как только стержень отрежут, его придется аккуратно спустить на поверхность, но Дондрагмера весьма беспокоил его вес, и он понимал, что стержень может выскользнуть и упасть. И тогда кто-нибудь серьезно пострадает, если стержень свалится на него с такой высоты. Чрезвычайно слабое тяготение Дхрауна вряд ли спасет.

Вся операция длилась почти час. Капитан часто думал о пешей поисковой группе, но ему было необходимо проверить еще одну часть проекта расплавления льда. Он снова вернулся на корабль и направился в лабораторию, где Бордендер готовил энергоблок к сопряжению со временным сопротивлением. На самом деле нужно было сделать не так уж много. Разнополюсные гнезда, по одному на каждом из концов блока, должны обеспечить подведение постоянного тока к стержню, как только его концы вставят в них. А если потребуются какие-нибудь изменения, то поработать

придется над стержнем, а не над энергоблоком. Капитану потребовалось лишь несколько секунд, чтобы убедиться, что ученый все делает правильно, и он заспешил на свой капитанский мостик. И лишь когда он добрался туда и попытался вызвать Бенджа, то понял, что так и не снял гермокостюм. Говорить с Бордендером сквозь гермокостюм было можно, а вот разговаривать с человеком по радио — совсем никак. Он быстро начал снимать костюм, но, открыв только голову, снова заговорил.

— Я вернулся, Бендж. Есть какие-нибудь новости у Стакенди?

Пока вопрос летел в пространстве, он закончил снимать костюм, расправил его и положил рядом с центральным люком. Ему здесь было не место, но на то, чтобы спуститься вниз и положить его возле остальных у шлюза, может не хватить времени, и Дондрагмер не успеет к ответным словам Бенджа.

— Ничего важного, насколько я могут судить, капитан, — послышался голос юноши. — Они прошли уже довольно много, хотя я и не могу сказать, сколько точно — наверное, мили три с тех пор, как ты выходил наружу. По-прежнему никаких следов обоих вертолетов, и единственное, что они или я могли заметить и что могло обеспокоить их, — это случайные тучи на высоте нескольких сот футов. По крайней мере, так оценил высоту Стак. Сам я не могу разглядеть их достаточно хорошо, поскольку они дрейфуют в сторону «Квембли». Мне кажется, если вертолет вдруг случайно попал в большое облако и потерял ориентацию, то он мог рухнуть, тем более, если облако было низким, и он не успел выбраться из него. Эти машины не оснащены приборами для полетов вслепую, да? Просто трудно поверить, что так все и вышло. И, конечно, если бы они пытались увидеть землю, а не смотрели бы по сторонам... Но ни одно из этих облаков, которые мы видели, не настолько велико, чтобы в нем можно было заблудиться, утверждает Стак.

Дондрагмер тоже сомневался, что во всем виноваты облака, он не поверил бы в это, даже если б не имел особого мнения на этот счет. Он взглянул на небо. Облака еще не достигли «Квембли», и всюду весело перемигивались звезды. Поскольку Бендж сообщил, что облака, замеченные Стакенди, двигались к крейсеру, то они, скорее всего, идут с края долины, то есть находятся гораздо западнее тех мест, где должны находиться вертолеты. Собственно, что, касается Кервенсера, так он мог находиться очень, очень далеко от «Квембли». А кроме того, Реффел, видимо, так и не встретился с ним. Дондрагмер снова сосредоточил свое внимание на экране, поскольку Бендж продолжал говорить.

— Стак сообщает, что русло потока заметно поднимается, но он не объяснил мне, как узнал это. Он сказал лишь, что они, с тех пор как вышли с «Квембли», все время идут вверх.

«Видимо, изменилось давление, — подумал Дондрагмер, — оно всегда более заметно в гермокостюмах». Даже просто спускаясь или поднимаясь по корпусу судна, месклиниты четко ощущали, как изменяется степень жесткости костюмов. Кроме того, поток, который принес сюда крейсер, был довольно быстрым. Даже с учетом тяготения Дхрауна разница высот должна быть весьма внушительной.

— Иные изменения они увидели только в ложе потока. Группа уже миновала булыжники. Теперь в основном идет голый камень лишь с пятнами льда во впадинах.

— Хорошо. Спасибо, Бендж. А ваши метеорологи что-нибудь выяснили насчет вероятности другого паводка?

Юноша фыркнул, но этот звук почти ни о чем не говорил месклиниту.

— Боюсь, что ничего. Доктор Макдевитт просто не уверен. Доктор Аукойн долго выговаривал ему за это, и потому мой босс только недавно освободился. Он заявил, что людям потребовалось несколько столетий, чтобы они научились делать надежные десятидневные прогнозы на Земле, планете, полностью доступной для всевозможных измерений. Любой, кто ждет, что прогнозирование погоды будет

отточено за пару лет для такого большого мира, как Дхраун, где нам доступен лишь крошечный участок поверхности планеты, когда приходится иметь дело по меньшей мере с двумя долговременными факторами, да еще температура меняется в пределах от пятидесяти до тысячи по Кельвину и более, тот должен просто верить в чудеса. Он сказал, нам просто повезло, что эта немыслимая погода не породила ледовые поля, которые с повышением температуры тут же превратились бы в болота. Тогда, чуть только температура бы снова упала, могли разразиться страшные бури с дождем и снегом, что привело бы к обледенению не только капитанского мостика, но и всего корпуса корабля. И вообще тут вполне можно ожидать кучу всяких сюрпризов — вроде тех, что выдает компьютер, когда в программе меняют всего только одну переменную. Было просто смешно наблюдать за тем, как доктор Аукойн пытался его успокоить. Обычно все происходит наоборот.

— Жаль, что мне не удалось все это услышать. Похоже, тебе это доставило удовольствие, — заметил капитан. — А ты доложил своему шефу об облаках, которые увидел Стакенди?

— О, конечно, я сообщил всем. Правда, это произошло всего лишь несколько минут назад, и никто пока еще не высказался по этому поводу. Впрочем, еще рано, капитан, делать какие-нибудь выводы, не говоря уж о прогнозах. Информации мало. Но, тем не менее, кое-что есть. Доктор Макдевитт очень заинтересовался, на сколько именно футов поднялась группа Стака, и сказал, что, если облака, о которых они сообщили, еще не достигли «Квембли», он хотел бы как можно точнее знать время, когда это произойдет. Я весьма сожалею: мне следовало бы сказать об этом сразу.

— Ничего страшного, не извиняйся, — ответил Дондрагмер. — Небо здесь по-прежнему чистое. Как только появятся облака, я тут же сообщу на станцию. Скажи, доктор Макдевитт подозревает, что надвигается туман, подобный тому, который предшествовал паводку?

Несмотря на исключительное умение месклинитов владеть собой, капитан ждал ответа с чувством некоторого беспокойства.

— Он не говорил этого, да и вообще не хочет ничего утверждать. Он уже и так много раз ошибался, и ему попадало за это. Он больше не хочет рисковать своей репутацией и, насколько я понимаю, отважится давать прогнозы, если поймет, что вам угрожает опасность. Подожди-ка! На экране Стака что-то появилось.

Дондрагмер напрягся.

— Позволь, я проверю. Да, все матросы Стака, кроме одного, на виду, а тот, которого не видно, должно быть, несет задний конец передатчика, потому что он по-прежнему передвигается. Впереди появился свет. По крайней мере, он ярче, чем тот, которым располагает группа поиска. Во всяком случае, мне так кажется, но расстояние так велико, что не могу утверждать наверняка. Не знаю, заметила ли его группа Стака, но думаю, что не могла не заметить, ведь ты сказал, что ваши глаза лучше наших видеокамер. — Он на несколько секунд отвернулся от экрана. — Мама, ты не хочешь взглянуть? Может, нужно сообщить обо всем Барленнану? Я буду держать Дона в курсе. — Затем он продолжил: — Да, Стак заметил его, и вся группа остановилась. Свет тоже не двигается. На передатчике Стака громкость включена до предела, но я не понимаю ни слова из того, о чем они говорят. Они сняли передатчик, поставили его на землю, и все столпились перед ним. Теперь я вижу всех шестерых. Почва здесь почти полностью обнажена, льда очень мало. Никаких камней. Сейчас матросы Стака выключили свои прожекторы, и я ничего не могу разглядеть, кроме нового света. Он становится все ярче, но, как мне кажется, это видеоячейки реагируют на общую темноту поля. Я ничего не вижу вокруг, все как в тумане.

Что-то, вроде, закрыло камеру на мгновение. Нет, все снова в порядке. Я могу различить силуэты и уверен, что это кто-то из поисковой группы, должно быть, он приподнялся,

чтобы получше разглядеть, что впереди. А теперь я слышу какие-то звуки, но не могу разобрать слов. Не понимаю, почему... Подожди-ка. Матросы Стака снова включили свои прожекторы. Двое их них возвращаются к передатчику, снова поднимают его и несут к остальной группе. Все огни сейчас перед ним, так что теперь я все вижу достаточно четко. Виден туман, клочья которого несутся на высоте нескольких футов, а может, и дюймов, и новый свет идет откуда-то сверху. На почве нет никаких отметок. Просто голый камень, шесть месклинитов, распластавшихся на нем, их прожекторы и темная линия между ними, которая может быть как каменистой насыпью другого цвета, так и узким руслом, идущим к ним слева и уходящим вправо от меня на экране. А теперь я, вроде, вижу какое-то движение где-то рядом с новым светом. Быть может, это прожектор на вертолете. Я не знаю, как именно они расположены на машинах и как высоко могут находиться над поверхностью, когда машины припаркованы, и насколько они ярки.

Так, сейчас видно несколько лучше. Да, действительно, что-то движется. Оно надвигается на нас, просто черное пятно в тумане. Оно идет без света. Если мои предположения насчет расстояния имеют какой-то смысл, хотя, скорее всего, я ошибаюсь, то его размеры примерно таковы, как и размеры месклинитов. Может быть, это Кервенсер или Реффел.

Да, я почти уверен, это месклинит, но он все еще довольно далеко, чтобы я мог его узнать. Я плохо знаю и Кервенсера, и Реффела и вряд ли смог бы отличить одного от другого. Он пересекает линию. Должно быть, это поток, потому что брызги на какую-то секунду блеснули в луче прожектора. Сейчас он находится всего лишь в нескольких ярдах, и другие окружают его. Они о чем-то переговариваются, но недостаточно громко, чтобы я мог разобрать что-либо. Если они подойдут чуть ближе к передатчику, я спрошу, кто это, но, как мне кажется, они скоро сообщат об этом сами. Я не могу спросить сейчас, они не услышат меня сквозь

гермокостюмы, если только не окажутся рядом с передатчиком. Сейчас все направляются к передатчику, и группа расходится. Двое остановились прямо перед камерой. Похоже, это Стакенди и тот, кто только что...

Его прервал голос, раздавшийся позади него. Он достиг не только его ушей, но и трех включенных микрофонов, и через них трех различных приемопередатчиков на Дхрауне, где вызвал три весьма различные реакции.

— Кабремм! Где же ты был все эти месяцы?! — вскрикнула Изи.

11. Игра с радио

В действительности вина Кабремма была не так уж велика, хотя Барленнан долго не мог простить его. Передатчик находился вдали от прожекторов. Когда новоприбывший присоединился к группе Стакенди, он не смог разглядеть прибор, а позже просто не заметил его и, лишь очутившись в двух-трех футах от передатчика, понял, что это такое. Но даже и тогда не встревожился: все люди так похожи — не разберешь, кто есть кто; наверное, и его соплеменники столь же неотличимы для людей. Конечно, он предпочел бы не попадать в поле зрения видеокамеры, но раз уж так получилось, лучше не дергаться. Попытка спрятаться только вызовет подозрения.

Когда же из динамика послышался голос Изи, выпалившей его имя, стало очевидно, что действовать поздно; спасительные шестьдесят четыре секунды истекли. Первым побуждением Стакенди было потянуться к шторке видеопередатчика, но месклинит вовремя понял, что это лишь все усложнит.

Чего он не понимал, так это как вести себя дальше. Ни Кабремм, ни Стакенди не умели плести интриги, хотя на Месклине обман был обычным делом как в торговле, так и в политике. К несчастью для заговорщиков, оба они туго соображали. Вопреки опасениям Дондрагмера затея с

«Эскетом» развивалась так успешно... А теперь, что ни предприми, только хуже будет. Ведь неизвестно, как поведут себя Барленнан и Дондрагмер. Сговориться, увы, невозможно.

Несколько секунд Стакенди прикидывал, нельзя ли выдать Кабремма за пропавшего Реффела или Кервенсера. Нет, не поверят. Миссис Хоффман произнесла имя так уверенно. Наверняка, узнала Кабремма. Да и тот может не найтись сразу, брякнет что-нибудь. Скорее всего, он понятия не имеет о положении пропавших. Человеческое существо молчит, должно быть, ждет ответа. Что она успела увидеть за это время?

Барленнан тоже услышал восклицание Изи и оказался не в лучшем положении. Он мог лишь гадать, почему Кабремм вдруг очутился поблизости от «Квембли», хотя инцидент с Реффелом и подготовил его к чему-то подобному. Только один из трех воздушных шаров использовался для регулярного сообщения между «Эскетом» и Поселком; остальные — ими командовал Дестигмет — обычно находились в исследовательских полетах. И все же Дхраун слишком велик, чтобы появление одного из них по соседству с «Квембли» не оказалось неприятным сюрпризом.

Как ни огорчительно, похоже, как раз это и произошло. На редкость неудачное стечение обстоятельств. И надо же, чтобы единственный человек во Вселенной, который может отличить Кабремма от сородичей, увидел его в самый неподходящий момент!

Итак, люди знают, что команда «Эскета» не погибла. На этот случай у командира не было припасено никакого плана, никакой истории, которую можно подсунуть людям, рассчитывая, что ею воспользуется и Кабремм. Может быть, Дондрагмер что-нибудь придумает? Конечно, капитан постарается, что бы ни думал обо всем этом деле. Но что, что он может придумать? Барленнан не имел ни малейшего понятия о том, что скажет Дондрагмер, и лихорадочно соображал, как отвечать на вопросы людей? А вопросов не

избежать, стоит ему только достичь Поселка. Пожалуй, самой безопасной тактикой будет прикинуться, будто он в полном неведении, и потребовать полный рапорт у Дондрагмера. Капитану, быть может, удастся, по крайней мере, помешать Кабремму, свалявшему дурака, окончательно загубить дело.

Барленнан переполошился бы не на шутку, знай он, где месклиниты с «Квембли» встретили Кабремма. Изи за несколько секунд до своего восклицания сообщила ему, что Бендж что-то заметил на экране «Квембли». Если бы не это, командир бы непременно предположил, что Кабремм случайно оказался в поле зрения передатчика «Эскета». Его не посвятили в детали поисковой экспедиции Стакенди, и Барленнан вообразил, что инцидент произошел на борту «Квембли», а не в пяти милях от корабля.

Невелика дистанция — пять миль, но это ничуть не лучше пяти тысяч, потому что и на таком расстоянии связь можно поддерживать только через людей. Дондрагмер, таким образом, имел столько же шансов прикрыть провал, сколько и сам Барленнан. Тем не менее, сам того не подозревая, капитан «Квембли» ухитрился сделать это.

Он тоже услышал восклицание Изи, и гораздо явственнее, чем Барленнан, из-за того, что женщина в волнении отодвинулась от своего микрофона и оказалась ближе к другому. Капитан не придал ее возгласу особого значения, поскольку был поглощен обдумыванием слов, которые несколько секунд назад пробормотал Бендж. Эти слова так его обеспокоили, что Дондрагмер допустил промах, которого все после первых же сеансов связи между планетой и орбитальной станцией научились избегать. Он послал срочный вызов на станцию, прервав Бенджа на полуслове:

— Пожалуйста, прежде чем продолжишь, сообщи мне дополнительные данные об этой жидкости. Как я понял из твоих слов, в русле реки, в поле зрения видеопередатчика Стакенди, движется поток. Если это так, пожалуйста, передай следующий приказ: «Стак, вместе с двумя матросами

отправляйся вверх по течению, и немедленно! Сообщайте все свои наблюдения, в особенности о размерах и скорости течения. Трое других матросов пусть следуют вниз по течению и посмотрят, насколько близко поток подходит к «Квембли». Определив это, они должны немедленно вернуться к крейсеру. Кого нашли, сообщите позже. Пока я просто рад, что один из пропавших нашелся. Если поток — начало следующего паводка, лучше всего прекратить работы и как можно быстрее перенести оборудование системы жизнеобеспечения из корабля в безопасное место». Пожалуйста, проверь и немедленно передай эти приказы Стакенди!

Сообщение Дондрагмера начало поступать, едва Изи закончила предложение, задолго до того, как Кабремм или Барленнан могли бы ответить на ее реплику. Мерсерэ и Аукойн по-прежнему отсутствовали, так что Бендж, не мешкая, передал приказ Дондрагмера по назначению. Изи, отвлекшись от размышлений о Кабремме, сообщила о приказе Барленнану. Если Дон тревожится, значит, для этого есть основания, ему там, внизу, виднее. И все-таки она не отрывала взгляда от экрана, пытаясь объяснить себе появление Кабремма.

Как и капитан, Изи, сама того не желая, помогла Барленнану: закончив излагать распоряжение Дондрагмера, она добавила:

— Не знаю, насколько полной и точной информацией ты располагаешь, Барл. Все меняется так быстро. Дон выслал партию с передатчиком на поиски Кервенсера и Реффела. Она-то и обнаружила поток, который так сильно беспокоит Дона, а потом наткнулась на Кабремма. Не представляю, как он очутился в тысячах миль от «Эскета», но мы постараемся разузнать и передадим тебе, как только сможем. Признаюсь, мне приходило в голову, что он и все остальные могли уцелеть, но я не очень-то на это надеялась. Конечно, оборудование систем жизнеобеспечения переносное, и его можно прихватить с собой, покидая корабль. Но на «Эскете» все

оставалось на своих местах, с него ничего не забрали. Появление Кабремма — прекрасная новость, мне кажется. По-видимому, на Дхрауне есть такие зоны, где месклиниты могут обходиться без оборудования землян.

Слова Изи многое прояснили командиру. Он подтвердил получение данных и поблагодарил, почти машинально, думая о своем. Предположение Изи повернуло ход его мыслей в новом направлении.

Бендж пропустил мимо ушей слова матери, поскольку сам вел переговоры. Он передал приказания Дондрагмера поисковой партии, увидел, что она, как и было ведено, разделилась на две части, но не заметил заминки, вызванной тем, что Кабремм объяснял Стакенди, каким образом добрался до места их встречи. Докладывая о действиях группы капитану, юноша не удержался от комментария:

— Капитан, я надеюсь, транспортировка системы жизнеобеспечения не потребует участия всей команды? Конечно, это адова работа, но, сдается мне, вы управитесь и малыми силами до начала таяния, которое освободит «Квембли». Вы не бросите корабль, правда? Там, под ним, Битч и его друг. Вы не можете вот так просто оставить их. Неужели управление нагревателем требует много матросов?

Дондрагмер успел изучить характер Бенджа, хотя некоторые мелкие черточки по-прежнему были выше его понимания, поэтому он отвечал, осторожно подбирая слова:

— Конечно же, я не брошу «Квембли», пока есть хоть какой-то шанс на спасение. Но всего в нескольких милях отсюда поток. Это заставляет предположить вероятность еще одного паводка, и вероятность весьма высокую. Я отвечаю за всю команду. Металлический стержень, который мы срезали с корпуса, через несколько минут спустят на поверхность. Как только это будет сделано, Бордендер и один матрос останутся, чтобы заняться нагревателем. Все остальные, за исключением группы Стакенди, немедленно начнут переносить цистерны с растениями и прожекторы к склону долины. Я не хочу бросать в беде рулевых, но, если сообщат,

что приближается наводнение, мы направимся к наивысшей твердой точке поверхности, вне зависимости от того, найдем мы этих двоих или нет. Ты недоволен, я понимаю, но иного выхода нет — ты же видишь.

Капитан замолчал, не особо беспокоясь, что ответит Бендж и ответит ли вообще. У месклинита имелось много других поводов для беспокойства.

Он молча наблюдал за тем, как тяжелый металлический стержень, призванный послужить нагревателем, если получится, осторожно подтаскивают к правому борту «Квембли». К стержню были прикреплены канаты, концы которых обмотали вокруг скоб для захвата. Матросы, находившиеся на поверхности, осторожно стравливали канаты, повинуясь приказам Праффена. Расположившись на крышке шлюза для вертолетов и приподняв дюйма на четыре переднюю часть тела, Праффен наблюдал и жестами отдавал указания, по мере того как один конец стержня ускользал от него, а другой — медленно приближался. Дондрагмер собрался вмешаться: ему показалось, что матроса вот-вот сметет с корпуса корабля, но Праффен позволил стержню проскользнуть под ним, поочередно поднимая пары конечностей и цепляясь то за пластик корпуса, то за скобы для захвата. Когда ему больше уже ничего не угрожало, Праффен позволил матросам работать чуть быстрее; и через пять минут стержень уже лежал на льду.

Дондрагмер снова влез в гермокостюм и выбрался наружу, на корпус, чтобы отдать новые приказания. Все находившиеся снаружи, повинуясь ему, тут же направились к главному шлюзу, чтобы выносить оборудование системы жизнеобеспечения. Капитан вернулся на мостик, собираясь связаться с Бенджем и Стакенди.

Юноша не проронил ни слова за все то время, что спускали стержень. То, что он видел, объяснений не требовало. И все-таки Бендж расстроился, когда команда занялась другим делом. Дондрагмер прав, тысячу раз прав. Но оставить корабль... Появление двух месклинитов с переносным

энергоблоком отвлекло его от мрачных мыслей. Теперь было за чем наблюдать, помимо двигающегося вверх по течению Стакенди на соседнем экране.

Бендж не знал, который из двоих матросов — Бордендер. Однако действия месклинитов интересовали его больше, чем выяснение их личности, особенно хлопоты вокруг нагревателя.

Стержень оказался достаточно жестким, чтобы сохранить форму при транспортировке. Теперь, отделенный от корпуса, он лежал на льду, точно гигантская шпилька для волос с парой изгибов у центра, где стержень проходил над шлюзом для вертолета. Расстояние между концами стержня составляло фута два. Первоначальная кривизна, повторявшая форму корпуса, сейчас исчезла: стержень распрямился под собственным весом. Лебедку развернули во время спуска, чтобы зажимы, прикреплявшие ее к корпусу, смотрели вверх; это обеспечивало хороший контакт со льдом.

Несколько минут месклиниты копошились возле стержня; у Бенджа создалось впечатление, что они хотели развести концы и расположить стержень как можно ближе к корпусу корабля. Наконец до них дошло, что концы все равно должны оказаться близко друг к другу при подключении к энергоконвертеру, так что они оставили стержень в покое и поволокли энергоблок к корме. Один из них внимательно осмотрел отверстия в блоке и концы стержня, другой ждал рядом.

Бендж не мог хорошенько разглядеть энергоблок: изображение его на экране было очень маленьким, однако он успел познакомиться со схожими приборами, стандартными модулями, нуждавшимися в незначительной модификации для использования на Дхрауне. Помимо магнитного ротора, приводящего в действие механический двигатель, у аппарата было несколько других энерговыходов. Электричество, которым хотел воспользоваться Бордендер, можно было получить с любого из нескольких выходов; на противоположных концах блока имелись контактные пластины, к

которым при необходимости подводились потенциалы. Кроме того, месклиниты могли воспользоваться двухполюсными разъемами-ячейками и простыми однополюсными разъемами.

Пластины, пожалуй, использовать было легче всего, но месклиниты, как позже узнал Бендж, отказались от них, сочтя слишком опасными; они решили использовать оконечные разъемы. Концы «шпильки» необходимо было вставить в разъемы на противоположных концах блока. Бордендер уже знал, что стержень чуть-чуть толстоват для разъемов и должен быть подпилен, и для этого прихватил с собой инструменты. Подпилить концы оказалось несложно, а вот согнуть их под прямым углом — потруднее. Пока Бордендер бился над этой проблемой, остальные члены команды показались из шлюза, нагруженные гидропоническими цистернами, насосами, прожекторами и энергоблоками, и направилась на север, к склону долины. Бордендер не отрывался от работы, только бросил короткий взгляд в их сторону.

Мучения Бордендера объяснялись не физической немощью, хотя объект приложения его усилий, человеку представлявшийся проволокой полукруглого сечения, полдюйма в диаметре, для месклинитов был толстым металлическим стержнем. Сплав оставался прочным даже при ста семидесяти кельвинах, так что Бордендер не опасался сломать стержень. Тем не менее, силы месклинитам хватало; чего им не хватало, так это трения.

Лед, державший в плену корабль, был замерзшей водой с незначительной примесью аммиака. Температура его приближалась к точке плавления, а кристаллическая структура была не столь далека от идеальной, так что лед оказался отменно скользким. Передвигаться по нему, пусть и с грехом пополам, месклинитам помогали клешни и когти, вгрызавшиеся в скользкую твердь, горизонтальная структура тела и многочисленность конечностей. Однако, когда Бордендер и его помощник попытались применить внушительное боковое усилие, двадцати фунтов их веса оказалось

недостаточно для зацепления когтей. Металл отказывался сгибаться, а длинные тела месклинитов скользили в полном соответствии с третьим законом Ньютона. Это выглядело так забавно, что даже Бендж, обеспокоенный судьбой рулевых, не смог подавить смех, усмехнулся и Сайлас Макдевитт, только что спустившийся из метеорологической лаборатории.

Наконец Бордендер решил инженерную проблему. Он притащил оборудование для бурения, проделал во льду около полудюжины дырок глубиною примерно в фут. Установив в них поддерживающие буровую башенку фермы, он получил якорь для своих мускулов.

Чтобы подсоединить концы стержня к разъемам энергоблока на двухдюймовой высоте, потребовались такелажные работы, но тут не играли роли ни трение, ни сила, поэтому месклинитам потребовалось всего полминуты. Бордендер приблизился к ручкам управления энергоблоком. Люди, наблюдавшие за ним, если и не ощущали его замешательства, разделяли напряжение; Дондрагмер не был до конца убежден уверениями людей, что эта операция безопасна для его корабля. Бендж и Макдевитт также испытывали сомнения насчет наспех сооруженного нагревателя.

Сомнения, увы, оказались не беспочвенными. Системы защиты, встроенные в энергоблок, обеспечивали главным образом безопасность этой машины; тем не менее, они могли анализировать внешнюю нагрузку в деталях. Они позволили блоку выдавать ток, а не напряжение, до уровня, — установленного ручным управлением. Естественно, Бордендер установил минимально допустимое значение. Сопротивление протянуло несколько секунд, а могло бы продержаться неограниченно долгое время, если бы концы стержня находились подо льдом.

Вокруг стержня бурлила вода и мгновенно превращалась в облачко микроскопических кристалликов льда в плотном холодном воздухе. Облачко скрывало из виду стержень.

Однако последний фут стержня не защищало весьма специфическое, латентное тепло нагревавшейся воды, и в этом месте металл незаметно накалялся. Естественно, что сопротивление стержня росло с увеличением температуры. Энергоблок, силясь поддержать постоянный ток, увеличил напряжение и еще больше нагрел металл, в основном в уже накаленных секторах. Края «шпильки» побагровели, потом исходящее от них белое свечение озарило облако, заставив Дондрагмера помимо воли отпрянуть на дальний конец мостика, в то время как Бордендер и его спутник попытались расплющиться и слиться со льдом.

Лицо Бенджа исказила гримаса беззвучного крика, а Макдевитт прошептал:

— Эта штука не может взорваться!

Конечно же, их переживания несколько запоздали. К тому времени, как сигнал достиг спутника и был развернут в картинку, один край металлической петли расплавился, а энергоблок автоматически отключился. Бордендер, скорее удивленный, чем обрадованный, тут же переключил управление с автоматического на ручное и, не тратя время на разговоры с капитаном, начал разбираться в происшедшем.

Это не потребовало много времени; Бордендер был последовательным мыслителем и успел вобрать гораздо больше инопланетных познаний, чем рулевые. Он разбирался в принципах действия и конструкции энергоблоков примерно так же, как студент высшей школы — в принципах действия и конструкции телевизионного приемника: сам он не мог построить такое устройство, однако был в состоянии отыскать причину крупной неисправности. В оправдание Бордендеру надо сказать, что из него готовили скорее химика, чем физика.

Люди наблюдали за ним с удивлением, а Дондрагмер — с некоторым беспокойством. Бордендер и его помощник снова придали стержню нужную форму. С помощью бурильного оборудования углубили рытвину, вытопленную нагревателем во льду, настолько, чтобы в ней уместилась коробка

энергоблока. Затем месклиниты опустили блок в яму, снова подсоединили концы стержня, и все забросали осколками льда, образовавшимися при бурении, оставив открытыми только ручки управления. Бордендер снова включил подачу энергии, на этот раз отступив гораздо быстрее.

Снова появилось белое облако, но теперь оно стало расти и расплываться по сторонам. Облако обволокло правый борт «Квембли», капитанский мостик, закрыло поле обзора Дондрагмеру и видеокамере передатчика. Подсвеченное лучами прожекторов снаружи, оно привлекло внимание тех месклинитов, что сейчас уже приближались к склону долины, а также партии Стакенди, находившейся еще дальше, на десять миль западнее. Погруженная в тающий лед петля заставляла его испаряться. Горячий пар, преодолев расстояние в долю миллиметра, собирался в капли и снова испарялся, хотя и менее интенсивно, с поверхности расползающегося во все стороны бассейна, и опять обращался в лед от соприкосновения с воздухом. Дымящееся озерцо, длиной примерно в три четверти корпуса «Квембли» и шести футов в ширину, начало мелеть, поскольку его содержимое, ставшее ледяной пылью, ветер уносил быстрее, чем оно восполнялось таянием.

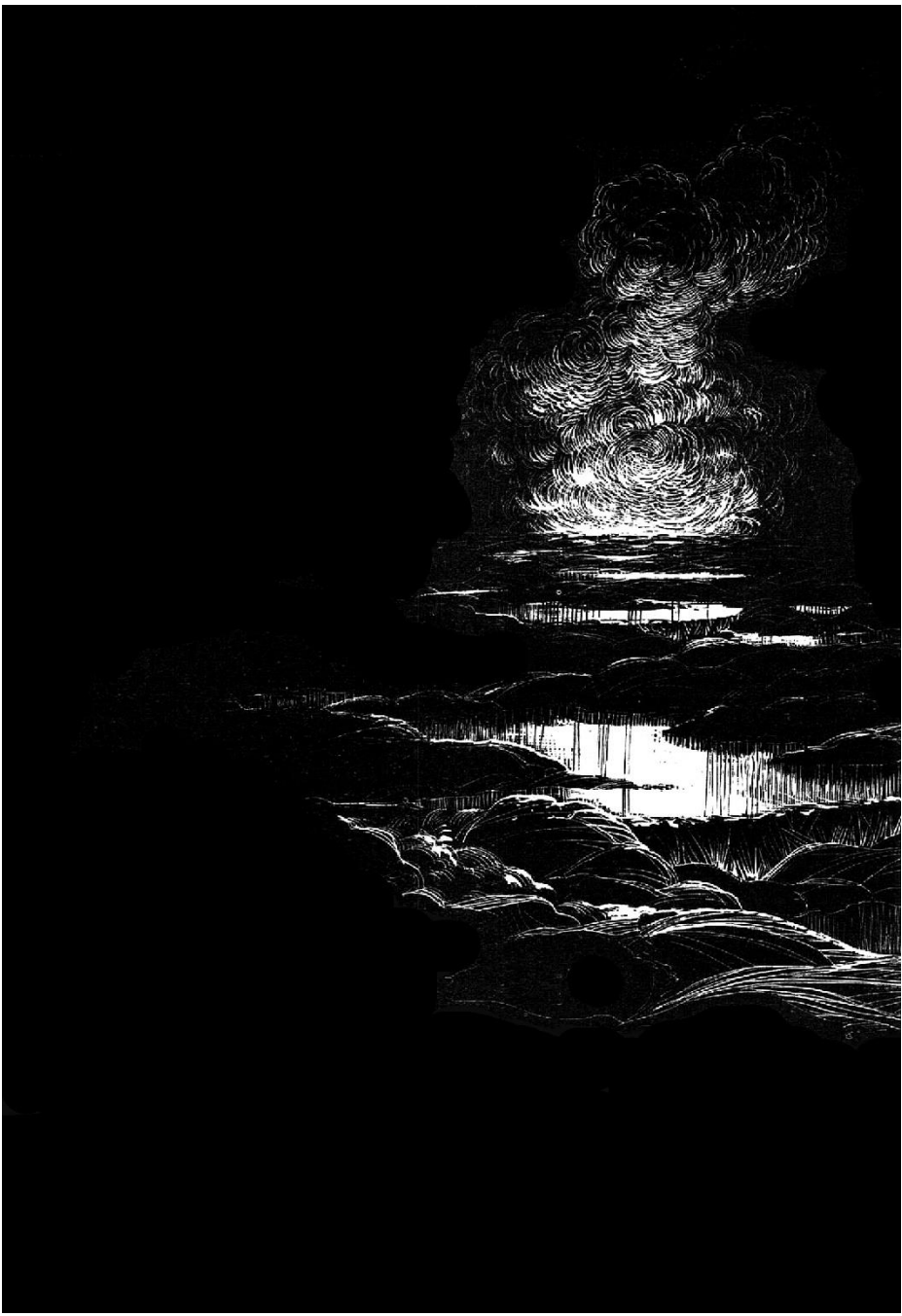
Один край озерца достиг крейсера, и Дондрагмера, заметившего проблеск воды сквозь прореху в облачной завесе, обожгла пугающая мысль. Он торопливо надел гермокостюм и устремился к главному шлюзу. Здесь капитан замешкался; гермокостюм мешал ему определить на ощупь, не перегревается ли корпус корабля, а термометры на борту были только в лаборатории. Он решил было отправиться туда, но побоялся упустить время. Вместо этого месклинит открыл верхние трубопроводы безопасности на внешнем шлюзе, которыми управляли изнутри с помощью специальных канатов, проходивших через жидкую ловушку для газов. Он не знал, сколь долго продержится тепло снаружи — достаточно ли долго, чтобы нагреть аммиак в шлюзе и довести его до кипения. Корпус «Квембли» хорошо

изолирован, и поэтому просачивание будет очень медленным, успокаивал себя капитан. А что, если кипящий аммиак попадет внутрь корабля? Это был как раз тот случай, когда малые познания рождают большое беспокойство. Тем не менее, открыв трубопроводы, капитан не причинил особого вреда судну, зато несколько приободрился. Он торопливо вернулся на мостик посмотреть, что происходит снаружи.

Мягкий ветер с запада, стараясь отогнать ледяной туман, рвал его в клочья, и сквозь просветы Дондрагмер смог рассмотреть, что уровень воды стал ниже. Правда, площадь озерца возросла немного, но, понаблюдав за ним, капитан решил, что достигнут некоторый предел. Иногда ему удавалось разглядеть двоих своих подчиненных, перебирающихся с места на место в поисках точки наилучшего обзора. Наконец месклиниты разместились почти под самым мостиком, по ветру.

Какое-то время уровень воды словно застыл на одной отметке, хотя никто из наблюдающих не мог понять почему. Позже они решили, что кипящая вода проплавила себе путь до все еще жидкого пласта под «Квембли», на испарение которого ушло не менее пятнадцати минут. По истечении этого времени в бурлящем озерце показались верхушки камней, лежащих на дне, и Дондрагмер неожиданно сообразил, что необходимо отключить энергоблок до того, как стержень расплавится снова.

Теперь-то он знал, что опасности взрыва нет; однако несколько дюймов проволоки уже расплавились, и будет не так-то просто восстановить рефрижератор. А если стержень будет плавиться дальше, хлопот не оберешься. Раз уровень воды достиг камней на дне, петля перестала следовать за тающим льдом. Надо выйти и достаточно быстро подобраться к ручкам управления, чтобы предотвратить новую аварию. Капитан не стал тратить время на упреки ученым за то, что не привязали шнур к ручкам управления; он и сам об этом не побеспокоился.



Дондрагмер надел гермокостюм и вышел наружу через шлюз командного поста. Изгиб корпуса скрывал озеро, и он начал спускаться вниз, придерживаясь за скобы, настолько быстро, насколько позволял густой туман. Все еще спускаясь, он прокричал Бордендеру:

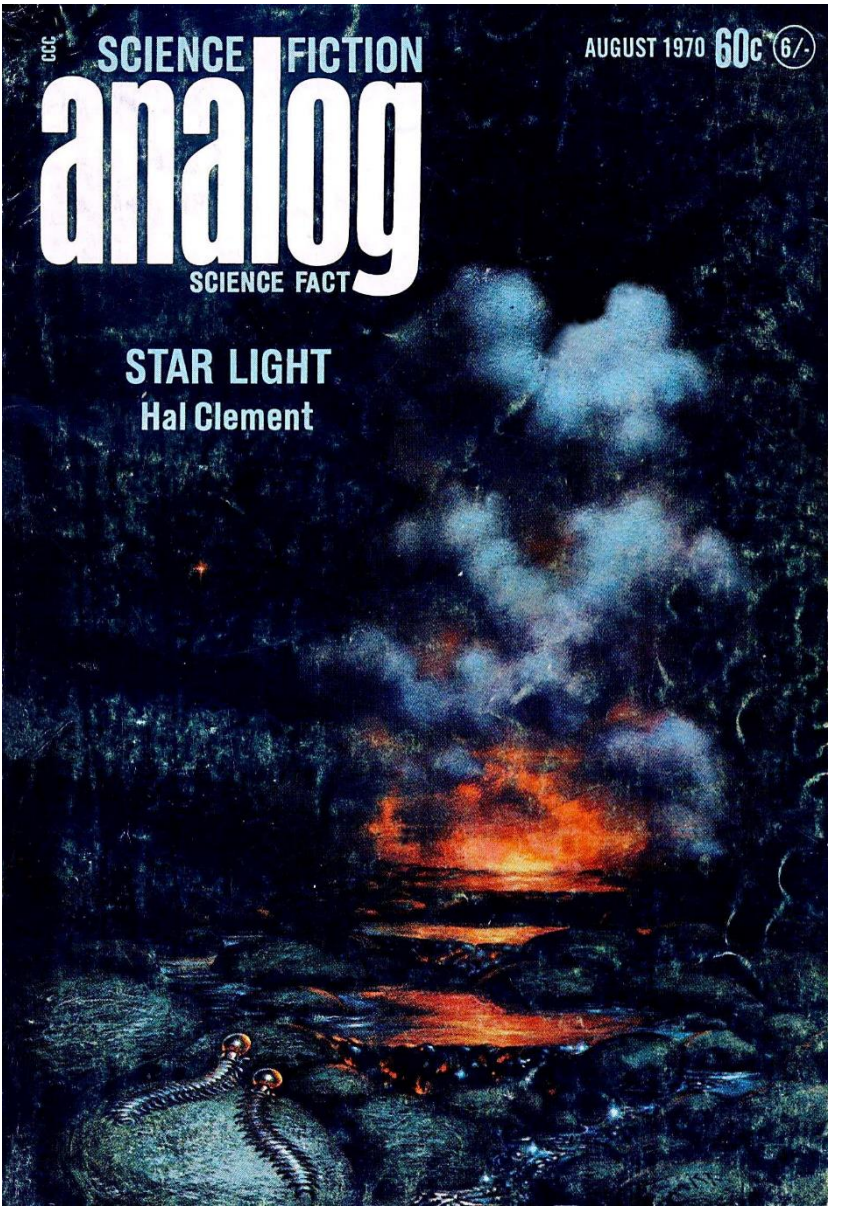
— Не позволяй стержню расплавиться снова! Выключи энергию!

Ответный невнятный рев дал понять, что он услышан, однако больше из белой пелены не донеслось ни звука. Он продолжал спуск, осторожно нащупывая путь, пока наконец не достиг самого низа изгибавшегося корпуса. Теперь только толстая прослойка демпфера и две трети высоты тележек отделяли месклинита от дымящейся поверхности воды. Конечно же, она не кипела при таком давлении, однако была горячей даже по меркам землян. Капитан поежился, понимая, что гермокостюм — плохая защита. Однако он отмахнулся от неприятной мысли; работа есть работа, и ее надо делать.

Энергоблок находился у кормы, довольно далеко от того места, где сейчас находился капитан, и, скорее всего, был окружен горячей водой. Дондрагмер не видел иного выхода, как двигаться вперед по корпусу: если уж придется прыгать, захваты на корпусе только помешают. И месклинит направился вперед.

Почти сразу же он выбрался на чистый воздух и увидел, что Бордендер и его помощник исчезли, очевидно, пробирались к дальнему концу озерца в надежде выполнить приказ. Капитан продолжал двигаться вперед и через ярд-другой заметил, что можно спуститься на нерастаявший лед. Он так и сделал и заторопился по следу, оставленному, как он предполагал, его матросами.

Но почти сразу же пришлось сбавить темп, потому что он снова очутился в ледяном тумане, слишком близко к воде, чтобы рисковать. По мере продвижения он несколько раз позвал матросов и успокоился, услышав отклик. Значит, они пока еще не провалились в воду.


CCC
SCIENCE FICTION
analog
SCIENCE FACT
AUGUST 1970 60c 6/-
STAR LIGHT
Hal Clement

Капитан нагнал их почти под самой кормой крейсера, обогнув озерцо. Его поджидало ужасное разочарование: энергоблок находился не только вне пределов досягаемости, но и вне пределов видимости. Прыгать в воду было бы полным безумием, даже для месклинитов, равнодушных к опасности. Рассудительному Бордендеру подобная мысль даже не пришла в голову, но она посетила Дондрагмера, пережившего необычайные приключения в экваториальной зоне Месклина с низким тяготением много лет назад.

Времени оставалось совсем немного. Заглянув за кромку льда, все трое смогли разглядеть в просветах округлые верхушки камней, разделяемые водой, которая убывала на глазах. Очевидно, петля уже почти полностью обнажилась; рассчитывать на то, что, по счастливой случайности, она застряла между камней и все еще скрыта водой, не приходилось. Пару минут капитан взвешивал разнообразные рискованные меры, а лотом внезапно, не отдав никаких приказаний, скользнул вниз, за край, и с высоты двух футов упал на верхушку камня.

Это было равносильно падению с восьмого этажа на Земле, и даже месклинита, привычного к высокой гравитации, здорово тряхнуло. Тем не менее он быстро обрел самообладание и оповестил оставшихся наверху, что цел и невредим, а также строго-настрого запретил следовать его примеру, на случай если гордость возьмет верх над благоразумием. Отдав приказ, капитан на время забыл о сородичах и сосредоточился на следующем шаге.

Ближайший камень, на котором он смог бы разместить свое тело, отстоял от него почти на два фута, то есть на длину его тела, но, по крайней мере, он был виден. И, что еще лучше, чуть в стороне торчал другой камень — примерно квадратный дюйм открытой поверхности. За две секунды прикинув, что к чему, Дондрагмер уже на два фута приблизился к энергоблоку и теперь высматривал новую точку для остановки. Квадратного дюйма промежуточного

камня коснулась примерно дюжина его ног, когда длинное черно-красное тело метнулось на второй камень.

Следующая стадия оказалась сложнее. Как определишь направление, если главный ориентир — корпус корабля — едва заметен из-за пара. И ни одного крупного камня поблизости. Дондрагмер помешкал, озираясь вокруг и соображая, что делать дальше. Но, прежде чем он нашел решение, необходимость в нем отпала. Бульканье, которое сопровождало переход в пар воды, соприкасающейся с раскаленным стержнем и почти мгновенно опадающей под действием мощного атмосферного давления Дхрауна, неожиданно прекратилось, и Дондрагмер понял, что опоздал: металл уже не спасти. Он тут же расслабился и стал ждать; пусть остынет вода, уляжется пар и рассеется ледяной туман. Капитану уже стало жарковато, и он подумывал, не возвратиться ли назад, тем же путем, но, представив, каково карабкаться по отвесной ледяной стене, да еще когда под тобой горячая вода, Дондрагмер легко подавил искушение.

Он все еще был жив, когда воздух очистился и кристаллы льда начали расти на камнях. От энергоблока его отделяло примерно шесть футов, и капитан добрался до него, передвигаясь зигзагами по камням, благо путь теперь хорошо просматривался. Он выключил энергоблок и только после этого осмотрелся вокруг.

Бордендер и его напарник уже пробрались вдоль ледяного уступа туда, где торчал стержень.

Под громадой корпуса виднелась черная каверна, которая не освещалась прожекторами «Квембли». Капитану не хотелось приближаться к ней — он боялся обнаружить тела рулевых. Его замешательство заметили наверху, на станции.

— Чего он ждет там, у энергоблока? — пробормотал Макдевитт. — Наверное, лед еще недостаточно тверд.

— А мне почему-то кажется, что причина не в этом. — Тон, каким Бендж произнес эти слова, заставил метеоролога резко повернуться к нему.

— А в чем дело? — спросил он.

— Не притворяйтесь, будто не знаете. Там, внизу, были Битч и его друг. Как они могли спастись от горячей воды? Готов поклясться, что капитан только сейчас подумал об этом; он бы никогда не позволил им использовать нагреватель, если бы предвидел, что может произойти. Вы можете представить, что случилось с Битчем?

Макдевитт задумался. Единственное, что успокоит парня, это здравые суждения, а если рассуждать здраво, то дело — табак. И все же Макдевитт попробовал урезонить Бенджа:

— Все это выглядит довольно скверно, но отходную справлять рано. Непохоже, чтобы вода проникла глубоко под корпус корабля. Хотя и это могло случиться. В любом случае надежда есть: они могли выбраться на другую сторону, которую мы не видим, а может, их спас лед. Кроме того, они вообще могли находиться в другом месте.

— Водяной лед спас их? Как мне помнится, вы, вроде, говорили, что вода замерзла потому, что из нее начал выделяться аммиак, а не из-за снижения температуры. Водяной лед, температура которого приближается к точке плавления — нулю градусов Цельсия, грозит тепловым ударом месклиниту.

— Это было только предположение, — пошел на попятную метеоролог. — Слишком мало данных, чтобы делать выводы. Я признаю, что твой маленький друг мог погибнуть; но мы знаем так мало о том, что произошло внизу, и было бы глупо перестать надеяться. Даже Дондрагмер не теряет надежды. Могу поспорить, он все проверит тщательнейшим образом, как только это станет возможным.

Бендж снова взял себя в руки и старался гнать черные мысли, но, вместо того чтобы следить за Стакенди, юноша нет-нет да и переводил взгляд на изображение капитана.

Несколько раз Дондрагмер пробовал опуститься на лед и снова возвращался, чем довел Бенджа до белого каления. Наконец капитан убедился, что лед выдержит его вес, дюйм

за дюймом начал опускать свое длинное тело на свежезамерзшую поверхность и двинулся к кораблю. Люди продолжали внимательно следить за ним, Бендж сжал кулаки, и даже Макдевитт сидел как на иголках.

Наблюдатели не могли слышать звук, неожиданно разнесшийся над ледяной поверхностью, он не проник сквозь корпус к акустическим рецепторам передатчика. Оставалось только строить догадки о том, почему вдруг Дондрагмер неожиданно повернул назад от корпуса, когда, казалось, вот-вот должен был исчезнуть под ним. Люди видели, как он устремился к тому месту, над которым стояли двое других месклинитов, и возбужденно помахал им, совершенно, очевидно, забыв о рулевых.

12. Направленные экстраполяции

Дондрагмеру была небезразлична участь сородичей, но ему казалось вполне нормальным сконцентрировать внимание на том, что требует немедленных действий, в ущерб тому, что бессилен изменить. Когда ветер донес до него: «Здесь конец потока», намерения капитана круто изменились.

Он не мог видеть, откуда прилетел голос, поскольку находился на два фута ниже уровня поверхности, но Бордендер доложил о проблесках света примерно в полумиле от них. По приказу капитана ученый взобрался на корпус, откуда открывался лучший обзор, а его помощник отправился на поиски каната, чтобы вытащить капитана из ледяной ямы. Последнее заняло изрядное время. Вышколенные Дондрагмером матросы вернули канаты, использованные при спуске стержня радиатора, на прежние места внутри крейсера; и, когда Скендра, помощник Бордендера, попытался пробраться через главный шлюз, обнаружилось, что тот покрыт четвертьдюймовым слоем чистого льда. Пары, курившиеся над водой, осаждались влагой на корпусе, так что весь правый борт обледенел. По счастью, скобы захватов

выступали над коркой льда, и матрос смог взобраться наверх и воспользоваться шлюзом командного поста.

А тем временем Бордендер сообщил, что огни приближаются через ложе реки. По приказу капитана он собрал всю мощь своего голоса и послал зов через тысячу ярдов пространства. Оба тщательно прислушались, не придет ли отклик: даже месклинитским голосам было трудно преодолеть такую дистанцию, да еще две оболочки гермокостюмов. К тому времени, когда Дондрагмер выбрался на поверхность, они знали, что приближаются матросы из партии Стакенди, которым было приказано продвигаться вниз по течению; они достигли конца потока менее чем в миле от корабля. Этим новости пока исчерпывались; надо было дождаться матросов, чтобы узнать детали.

Впрочем, и состоявшийся позднее разговор скорее все запутал, чем прояснил.

— Река осталась в прежних пределах на всем протяжении, — доложили матросы. — Она ниоткуда не подпитывается и, похоже, не испаряется. Правда, здорово петляет между камней — вниз по течению их множество. А затем мы начали натыкаться на странные препятствия. Например, встретилось что-то вроде дамбы из льда, которую поток огибал то с одного, то с другого края. Через полкабельтовых показалась другая дамба. Впечатление такое, словно часть потока замерзла, встретившись со льдом среди камней, но только передовая часть потока. Вода, следовавшая по пятам, обходила дамбы до тех пор, пока сама не сталкивалась со льдом. Дамбы вырастали в высоту примерно на половину длины тела, прежде чем текущая следом вода отыскивала обходной путь. Мы достигли последней преграды, где такое происходило всего лишь несколько минут назад. Мы видели, что светлое облако, поднимавшееся над кораблем, рассеялось, хотели послать кого-нибудь одного назад, на случай если что-то не так, но потом решили исполнять приказ, по крайней мере, до тех пор, пока река не станет снова уводить нас от «Квембли».

— Хорошо, — ответил капитан. — Вы уверены, что река не становится шире?

— Насколько мы можем судить, нет.

— Очень хорошо. Быть может, у нас в запасе несколько больше времени, чем я думал, и происходящее вовсе не прелюдия к тому, что привело нас сюда. И все-таки хотел бы я знать, почему вода замерзала таким странным образом.

— Нам лучше всего спросить об этом у людей, — дипломатично предложил Бордендер, который не имел никаких идей на сей счет, но предпочитал не обнаруживать этого.

— Хорошо. И они захотят получить результаты замеров и анализов. Как мне кажется, вы не прихватили с собой образчик льда из замерзшей реки, — скорее констатировал, чем спросил капитан.

— Нет. Нам не в чем было его нести.

— Ладно. Борн, возьми контейнеры и принеси образцы. Хорошенько проанализируй их, и как можно быстрее. Пусть кто-нибудь проводит тебя. Я вернусь на мостик и свяжусь с людьми, сообщу им последние новости. Все остальные пусть скалывают лед, чтобы мы могли пользоваться главным шлюзом.

Дондрагмер начал взбираться по обледенелому корпусу к командному посту. Он предполагал, что за ним наблюдают, и не ошибся.

Бендж и Макдевитт и в самом деле смогли проследить за ним, хотя с трудом различали месклинитов. Они ожидали с нетерпением рассказа капитана. Особенно изнывал Бендж, не находивший себе места с тех пор, как поиски под днищем крейсера оборвались. Что, если рулевых там все-таки нет? Может, они находились среди новоприбывших, которые и прервали эти поиски.

Даже невозмутимый Макдевитт ерзал от нетерпения, к тому времени как голос Дондрагмера достиг станции.

Доклад удивил метеоролога и огорчил его младшего коллегу. Бендж хотел было прервать капитана вопросом о

Битчермарлфе, но вовремя понял, что это бесполезно; а когда закончил говорить Дондрагмер, начал Макдевитт:

— Это пока не больше, чем предположения, капитан, хотя, наверное, ваш ученый сможет проверить их, когда проанализирует образцы. Вполне возможно, что жидкость вокруг вашего корабля изначально была водным раствором аммиака (мы это и прежде подозревали), который замерз, но не потому, что температура стала понижаться, а потому, что из раствора испарилось значительное количество аммиака и температурная точка замерзания раствора повысилась.

Туман, замеченный вами как раз перед началом неприятностей, еще там, на снежном поле, состоял из кристалликов аммиака — об этом сообщили ваши ученые. Я предполагаю, что он пришел с запада, где значительно холоднее. Аммиак вступил в реакцию со льдом и частично его расплавил, образовалась смесь, и выделилось тепло от реакции. Вы боялись чего-то подобного, прежде чем это произошло, как мне помнится. Вот что привело к первому паводку.

Когда аммиачное облако прошло в Нижнюю Альфу, раствор вокруг вас начал испарять аммиак, образовалась новая смесь, температура которой оказалась ниже точки замерзания. Я предполагаю, что облако, с которым столкнулся Стакенди, также состояло из аммиака и служило питающей средой для ручья, который он обнаружил.

Когда туман соприкасается с водяным льдом, они смешиваются до тех пор, пока смесь не окажется слишком насыщенной аммиаком, чтобы оставаться в жидкой фазе (так образовались дамбы, описанные вашими матросами), а жидкий аммиак продолжает течь и отыскивать обходные пути. Я предполагаю, что если вы найдете возможность отвести поток к вашему кораблю и если жидкости окажется достаточно, то проблема с освобождением «Квембли» может быть решена.

Бендж, прислушивавшийся к словам Макдевитта, несмотря на дурное расположение духа, подумал о воске,

который стекает с коптящей свечи и застывает сперва с одной стороны, потом — с другой. Он прикинул, а нельзя ли на этой аналогии построить для компьютера модель распространения.

— Вы хотите сказать, что мне не нужно бояться паводка? — наконец задал вопрос Дондрагмер.

— Предполагаю, что нет, — ответил Макдевитт. — Если описанная мною общая картина верна — здесь, наверху, мы не раз ее обсуждали, — туман, с которым столкнулся Стакенди, должен пройти над снежной долиной, откуда вас принесло, или над тем, что от нее осталось. Вызови он к жизни новый паводок, поток уже давно вас достиг бы. Я подозреваю, что толстый слой снега, который, растаяв, ринулся в проход и смыл вас, почти весь исчез во время первого паводка. Именно поэтому вы оказались там, где и находитесь теперь. Кажется, я знаю, почему новый туман вас еще не настиг. Место, где с ним столкнулся Стакенди, на несколько футов выше того, где находитесь вы, и потоки воздуха, текущие с запада, струятся вниз. Высокое тяготение Дхрауна и специфический состав воздуха должны обусловливать исключительно сильный эффект фена (адиабатическое нагревание с ростом давления). Аммиак, наверное, испаряется к тому моменту, как туман доходит до места, где Стакенди его наблюдал.

Дондрагмеру потребовалось какое-то время, чтобы переварить услышанное. Когда истекло несколько секунд после нормальной задержки сигнала, Макдевитт уже засомневался, достаточно ли четко все объяснил; и как раз в этот момент пришел еще один вопрос.

— Но, если аммиак просто испарился, он должен находиться в воздухе вокруг нас. Почему же газообразный аммиак не плавит лед столь же эффективно, как его жидкие капли? Не действует ли здесь какой-то физический закон, который я не изучал?

— Я не уверен, что состав жидкости и концентрация аммиака оказывают решающее влияние, во всяком случае, не

рискую утверждать, — признался метеоролог. — Когда Бордендер получит новые данные и передаст их сюда, наверх, я заложу все в машину, чтобы посмотреть, не упущены ли какие-то факты. Те, которыми я сейчас располагаю, не опровергают этой гипотезы, но, признаюсь, в ней есть нечеткие аспекты. Слишком много переменных; если рассматривать воду без примесей, их число практически бесконечно — прошу простить мне вольное использование этого слова. А для смеси воды и аммиака — это бесконечность, возведенная в квадрат.

Кстати, перейдем от абстракций к конкретике: я наблюдаю на экране Стакенди. Он по-прежнему движется вдаль потока в тумане, еще не достиг источника, но я не заметил притоков, насыщающих реку. Ширина потока не превосходит нескольких длин ваших тел и довольно долго остается в таких пределах.

— Это уже легче, — в конце концов пришел ответ. — Думаю, если бы надвигался настоящий паводок, поведение реки указало бы на это. Очень хорошо, я снова свяжусь с вами, как только у Бордендера появится информация. Пожалуйста, продолжайте наблюдать за Стакенди. Я снова выйду наружу, чтобы проверить положение дел под корпусом. Мне помешали сделать это.

Метеоролог хотел сказать что-то еще, но замолчал, поняв, что Дондрагмера уже не будет на месте, когда его слова достигнут командного поста «Квембли». Сочувствуя переживаниям Бенджа, ученый разделял волнение, с каким его помощник следил за появлением месклинита в пределах обзора видеокамеры передатчика. Правда, часть пути до поверхности ускользнула от их взгляда, поскольку Дондрагмеру пришлось ползти вперед, а значит, прямо под командным постом и вне поля зрения камеры; но они снова увидели месклинита, неподалеку от того места, где все еще оставался канат, который помог капитану выбраться из ямы. Конец каната был обмотан вокруг опоры, использованной для сгибания стержня.

Люди наблюдали, как капитан спустился по канату вниз, в яму. Месклинит висел на тонком канате — не толще, чем шестифутовая рыболовная леска, и раскачивался, подобно маятнику, при сорока земных «g». Это было впечатляющее зрелище, хотя расстояние, которое предстояло преодолеть Дондрагмеру, немногим превышало длину его тела. Даже Бендж на время перестал думать только о Битчермарлфе.

Капитана уже не беспокоил лед: скорее всего, озерцо успело промерзнуть до самого дна. Поэтому он направился прямо к крейсеру. Он несколько замедлил движение, когда приблизился к каверне, и задумчиво разглядывал ее.

«Квембли» по-прежнему оставался в плену у льда, от которого освободились только тележки по правому борту на расстоянии примерно в шестьдесят футов от носа, но за пределами этой зоны лед, как и раньше доходил до демпфера, и даже выше. И даже там, где лед стаял, гусеницы на один-два дюйма оставались под водой, когда нагреватель расплавился. Контрольные канаты, которыми манипулировал Битчермарлф, в основном высвободились, но самого рулевого капитан не обнаружил. Дондрагмер не питал никакой надежды найти своих матросов живыми под «Квембли»: если бы они уцелели, давно бы уже появились. Капитан не особо рассчитывал найти там и мертвые тела. Как и Макдевитт, он не исключал возможности того, что обоих матросов не было под корпусом, когда вода замерзла. Еще один случай необъяснимого исчезновения: даже капитан ума не мог приложить, куда делись Реффел и Кервенсер.

Под корпусом было темно, свет прожекторов сюда не проникал. Дондрагмеру это не мешало (его зрительный аппарат не реагировал на неожиданное изменение освещенности — результат адаптации к восемнадцатиминутному периоду обращения Месклина), но некоторые детали он упустил. Он заметил разорванные гусеницы двух тележек — рулевые пытались спастись — и груды камней, наваленных в попытке преградить путь теплой воде, но от его внимания

ускользнул разрез в демпфере, где рулевые и нашли прибежище.

Одно стало ясно капитану: пропавшие рулевые какое-то время находились здесь. Очевидно, лед перекрыл им пути к отступлению, когда работа подходила к концу. Но как же такое могло произойти? Капитан обмерил длину гнезда, сложенного из камней, осмотрел со всех сторон каждую из тележек. Но ему так и не пришло в голову заглянуть выше. Все-таки он принимал участие в строительстве этого огромного механизма и знал, что выше уже просто некуда деваться.

Он снова вышел на свет и оказался в поле зрения передатчика. Бендж напрягся: он уже разделял мнение капитана, что, если бы рулевые находились под корпусом корабля, они бы не остались в живых, и теперь ожидал увидеть, как Дондрагмер вытаскивает их тела. Не увидев этого, он вздохнул с облегчением, но радость его быстро померкла, потому что мозг сверлил вопрос: где же Битчермарлф? Капитан начал выбираться наверх и скрылся из виду. Может быть, он направляется на командный пост, чтобы сообщить все в деталях? Бендж, теперь уже погруженный в апатию, ждал, сжав кулаки.

Но голос Дондрагмера так и не прозвучал. Капитан собирался сообщить людям, что обнаружил, но по пути наверх остановился, чтобы поговорить с одним из матросов, откалывавшим лед.

— Миссис Хоффман сообщила мне, что вы кого-то нашли, когда достигли потока, — сказал Дондрагмер. — Можешь добавить какие-то детали? Кого вы встретили там, где суша скрывается в тумане? Реффел это или Кервенсер? Который из них? И все ли в порядке с вертолетами? В связи произошел перебой; кто-то наверху, очевидно, заметил Кабремма на «Эскетс». Затем я сам вступил в разговор, потому что найденный вами поток меня встревожил. Именно поэтому я и разделил группу. Так кого же вы нашли?

— Это был Кабремм.

Дондрагмер чуть не выпустил захваты.

— Кабремм?! Старший офицер Дестигмета? Здесь? И человеческое существо его узнало; значит, он появился и был замечен на вашем экране?

— Вроде бы так. Он не разглядел наш передатчик, а потом было уже поздно. Кто мог подумать, что человеческое существо сумеет различать нас? Мы сами-то только что его узнали.

— Но что он там делал? Эта планета втрое больше Месклина. И как это его угораздило появиться именно там! Я знал, что командир рано или поздно сядет на мель, решившись на уловку с «Эскетом», чтобы дурачить людей, но никогда не ожидал такой глупой неудачи.

— Это не случайность, капитан. Кабремм не успел все рассказать нам. Мы решили использовать приказ разделиться, чтобы вывести его из поля зрения передатчика. Но, как я понимаю, больше всего беспокойства ночью принесла эта река. Примерно в пяти миллионах кабельтовых отсюда, вниз по течению, нагромождение льда. Это не очень далеко от «Эскета». Что-то вроде ледяной реки медленно течет в теплые районы. «Эскет», шахты и фермы расположены как раз на ее пути.

— Фермы?

— Так их называет Дестигмет. А в действительности это еще один Поселок с гидропонными цистернами. Огромная система жизнеобеспечения. Однако баланс у нее не такой, как у системы на крейсерах. В общем, Дестигмет выслал «Гвельф» под командой Кабремма, чтобы исследовать верховье потока и узнать, чем угрожает ледяная — до поры до времени — река. Они сели там, где мы их встретили, как раз из-за тумана; они легко могли пролететь над ним, но тогда не разглядели бы ложе реки.

— Значит, они прибыли раньше, чем нас принес сюда поток. Исследуя реку, они должны были пролететь прямо над нами. Как же Кабремм не заметил наших огней?

— Не знаю, капитан. Если Кабремм и сказал что-то Стакенди, то я этого не слышал.

По телу Дондрагмера прошла волна — так люди в недоумении пожимают плечами.

— Может быть, он и заметил, но предпочел оставаться подальше от человеческих глаз. Наверное, Кервенсер и Реффел наткнулись на «Гвельф», и Реффел отключил видеообзор, чтобы люди не заметили воздушный шар. Но почему Кервенсер не вернулся и не доложил?

— Боюсь, я и об этом ничего не знаю, — ответил матрос.

— Стало быть, река, которая нас несла, должна заворачивать к северу, раз она достигает того места, где расположился «Эскет».

Матрос сообразил, что Дондрагмер просто размышляет вслух, и молчал. Капитан задумался.

— Но вот еще вопрос: слышал ли командир, как человек — я предполагаю, это была миссис Хоффман, ока единственная из людей хорошо нас знает — назвал Кабремма по имени. Если слышал, то, наверное, как и я, подумал, что кто-то свалял дурака на «Эскете». Ее возглас слышали вы и я. Это вполне объяснимо: оба наших прибора — передатчики «Квембли», и, скорее всего, сигналы с них поступают на один и тот же пульт. Но вот Поселок... Я слышал, что на станции весь комплекс связи расположен в одном большом отсеке, должно быть, достаточно большом, чтобы экраны не располагались вплотную друг к другу. Барл мог услышать, а мог и не услышать ее.

В общем, все сводится к тому, что человеческое существо узнало одного из членов команды «Эскета», который не только жив, хотя вся его команда предположительно мертва уже более шести месяцев, но и находится в пяти-шести миллионах кабельтовых от места гибели. Мы не знаем, насколько уверено человеческое существо в том, что узнало Кабремма. Во всяком случае, этой уверенности хватило, чтобы назвать его по имени вслух, но, быть может, ее окажется недостаточно, чтобы поделиться догадкой с другими

людьми без проверки. Насколько я понимаю, они не любят выглядеть глупо, ничуть не меньше нас. Итак, мы не знаем, услышал ли ее возглас Барленнан и понял ли, что это провал. Хуже всего то, что нам неизвестно, как он будет отвечать на вопросы людей. Безопаснее всего было бы прикинуться, что он находится в полном неведении, изумлен. Мне кажется, он это поймет. Но хотелось бы с ним побеседовать — без участия человеческих существ.

— Может, и для вас неведение — это выход? — спросил матрос.

— Я не смогу сыграть на этом. Люди уже знают, что ваша группа вернулась, и я не смогу убедить их, что ничего такого за время вашего путешествия не случилось. Я бы, конечно, хотел внушить миссис Хоффман, что она обозналась и вы встретили Реффела или Кервенсера. Но, пока мы не найдем хотя бы одного из них, это будет трудно организовать. И как она узнала Кабремма? Как вообще она распознает нас? По окраске и привычному положению ног? Как ты думаешь?

Что же сталось с этой парой? Если действительно Реффел, наткнувшись на «Гвельф», выключил передатчик, он бы давно уже вышел на связь. Хотелось бы мне, чтоб он больше походил на Кабремма. Я мог бы рискнуть и утверждать, что она видела именно Реффа. Все-таки освещение было плохое, даже для видящих машин. Только вот я не знаю, что предпримет Барл. Я даже не знаю, слышал ли он ее или нет. Такого рода случайности как раз меня и беспокоили, когда началась операция с «Эскетом». Эта связь через станцию человеческих существ просто неизбежно затрудняет координацию. Боюсь, после такого промаха мы уже не успеем обзавестись собственной системой связи. Сейчас наш плотик без киля несет прямиком на рифы. — Он сделал паузу. — Договорился ли Кабремм с вашей группой насчет дальнейшей связи, когда вы убрали переговорный ящик подальше?

— Ничего такого я не слышал. Приказ разделиться и двигаться в разные стороны поступил гораздо раньше, чем что-либо могло быть сказано.

— Хорошо. Продолжай работать, а я что-нибудь придумаю.

— Меня вот что все время беспокоит, — ответил матрос, снова принимаясь скалывать лед, — что же произойдет, когда они наконец узнают? Я все твержу себе: не бросят же нас здесь, в самом деле! Не кажутся они настолько жестокими, даже в деловых соглашениях. Хотя могут. У нас ведь нет собственного космического корабля.

— Подобные мысли и заставили нашего командира начать проект, как ты знаешь, — заметил Дондрагмер. — Они кажутся вполне доброжелательными существами, честными, насколько позволяет их недолгая жизнь. Лично я доверяю им. И все же они другие, и никогда нельзя быть полностью уверенным, как они себя поведут. Их мотивы — загадка для нас. Именно поэтому Барленнан и хотел, чтобы мы освоились в этом мире как можно скорее, и без помощи их знаний. Некоторые из людей предпочли бы держать нас в зависимости.

— Я понимаю.

— Шахты стали первой ступенью на пути к независимости, а воздушные шары — триумфом, но мы еще безмерно далеки от того момента, когда сможем обойтись без человеческих энергоблоков. Иногда я задумываюсь, понимает ли командир, насколько недоступны пока для нас некоторые — да что там некоторые! — многие вещи.

Однако хватит рассуждений — это не решит наших проблем. Я должен снова поговорить с людьми. Надеюсь, умолчав о Кабремме, я не разбужу их подозрений, по крайней мере, это может сыграть на версию об ошибочном опознании, если нам придется ее использовать. Продолжай и помаши мне — я буду на мостике, — когда шлюз очистится.

Матрос жестом выразил понимание и повиновение, и Дондрагмер наконец добрался до командного поста.

Ему было что сообщить людям и без упоминания Кабремма, и капитан начал говорить сразу же, как только снял гермокостюм.

— По крайней мере один из рулевых находился под корпусом некоторое время, а возможно, они там были оба, но я не нашел ни одного, ни другого — только свидетельства того, что они пытались выбраться наружу. Иначе не объяснишь то, что они поломали — или почти поломали — две тележки. Большая часть пространства под корпусом корабля не оттаяла, и я боюсь, что они, скорее всего, в толще льда. Мы постараемся еще поискать их, с помощью прожекторов, когда вернется остальная часть команды и у меня будут свободные матросы. Вода... эта жидкость, испаренная нагревателем, покрыла ледовой оболочкой весь корпус и блокировала главный шлюз. Мы должны как можно скорее освободить его ото льда. Большую часть оборудования можно вынести наружу не иначе как через главный шлюз, ведь нам, возможно, придется оставить «Квембли». А если все же не придется, есть много такого, чего нельзя иначе внести внутрь.

Кроме того, стержень, использованный для нагревателя, расплавился примерно на длину тела. И я не знаю пока, как восстановить рефрижератор и вновь запустить его, если удастся освободить «Квембли». Возможно, эта забота и не столь важна сейчас. Но, если мы продолжим исследования, придется дважды подумать, прежде чем отправиться в Нижнюю Альфу без охлаждения. Похоже, ваши специалисты уверены, что пониженное давление обусловлено там высокой температурой в результате выхода внутреннего тепла, и вам очень важно установить, так ли это. На корабле почти нет металла, а внешний радиатор, насколько я понял, должен обладать высокой электропроводимостью. Правильно?

Капитан ждал ответа с интересом. Он надеялся, что технические проблемы отвлекут внимание людей от Кабремма и «Эскета»; с ним, Дондрагмером, это бы не сработало, но

Бендж Хоффман молод; хотя, наверное, он не один в отсеке связи.

Ответил Бендж. Его, казалось, не интересовали ни технические проблемы, ни Кабремм, ни «Эскет».

— Если ты думаешь, что они во льду, почему не пошлешь матросов прямо сейчас посмотреть? Быть может, гермокостюмы помогли им выжить? Некоторое время назад ты сказал, что отложил их поиск, потому что они не задохнутся. Мне кажется, чем дольше ты будешь откладывать, тем меньше у них шансов выжить. Разве это не самая важная проблема сейчас?

Изи вмешалась раньше, чем Дондрагмер начал говорить. Казалось, она обращалась как к своему сыну, так и к капитану:

— Это не самое главное. Спасение «Квембли» — вопрос жизни и смерти для всей команды, Бендж. И капитан вовсе не беспечно относится к своим подчиненным. Я знаю, что ты ощущаешь, думая о своем друге, и это совершенно естественно; но ответственная личность должна думать, а не только чувствовать.

— А я считал, что ты на моей стороне.

— Я очень тебе сочувствую; но это не мешает мне признать правоту капитана.

— Готов спорить, Барленнан согласился бы со мной. Ты не спрашивала у него, что следует предпринять Дондрагмеру?

— Я не спрашивала, однако он в курсе. Если ты думаешь иначе — вот микрофон. Сообщи ему собственную точку зрения на происшедшее. Не думаю, чтобы он отменил приказы Дондрагмера или еще кого-нибудь из капитанов крейсеров, тем более, когда его самого нет поблизости.

Повисло молчание. Бендж подыскивал возражения. Он был слишком молод, чтобы смириться с холодной трезвостью, с какой капитан планировал свои поступки. После десяти секунд молчания Дондрагмер предположил, что передача со станции закончилась, и начал отвечать:

— Миссис Хоффман — кажется, я узнал ее голос — совершенно права, Бендж. Я не меньше твоего тревожусь о Битчермарлфе и Такуурче, но я в ответе за множество жизней. И боюсь, у меня нет времени на споры. Изи, ты не могла бы подключить кого-нибудь из ваших инженеров к решению проблемы с рефрижератором? Наверное, вы видите Бордендера, взбирающегося по корпусу с образцами; доклад о природе потока должен поступить с минуты на минуту. Если мистер Макдевитт еще в отсеке связи, пожалуйста, попроси его не уходить. Если же он ушел, не могла бы ты пригласить его?

Наблюдатели заметили месклинита, на которого указал капитан, хотя даже Изи не узнала Бордендера. Опередив Бенджа, Макдевитт ответил:

— Я здесь, капитан. Мы подождем, и как только результат анализа окажется здесь, я введу его в компьютер. И хорошо бы, чтобы Бордендер заодно переслал данные о давлении и температуре, вместе с химической информацией.

Бендж хмурился, но больше не вмешивался, понимая, что сейчас не время для пререканий. Кроме того, в отсек связи вошел его отец, сопровождаемый Аукойном и Мерсерэ. Бендж тактично соскользнул с кресла, стоявшего перед центральным экраном, чтобы уступить место планировщику. Юноша был так раздосадован, что не опасался даже нагоняя за несдержанность в разговоре с капитаном. Он не испытал облегчения, когда Изи, вводя новоприбывших в курс дела, ни словом не обмолвилась о пропавших рулевых.

Ее отчет был прерван голосом Дондрагмера:

— Бордендер говорит, что проверил плотность и температуру кипения жидкости из потока. Она примерно на три восьмых состоит из аммиака и на пять восьмых — из воды. Он также говорит, что наружная температура семьдесят один градус, давление двадцать один и шесть десятых стандартной атмосферы — естественно, нашей стандартной, ветер северо-северо-западный — двадцать один градус от северного направления, если быть точным, скорость сто

двадцать кабельтовых в час. Очень легкий бриз. Это удовлетворит ваш компьютер?

— Это поможет. Я немедленно отправляюсь, — ответил Макдевитт, понимаясь с кресла. Возле двери он оглянулся и позвал:

— Бендж, не хочется отвлекать тебя от экранов именно сейчас, но, пожалуй, тебе лучше пойти со мной. Проверишь, правильно ли я ввел данные, а затем передашь предварительные результаты сюда, чтобы сообщить о них Дондрагмеру, пока я буду занят перепроверкой.

Бендж молча последовал за начальником. Изи взглядом поблагодарила Макдевитта, направившего энергию юноши в безопасное русло, и сына, владевшего собой куда лучше, чем она предполагала.

Аукойн не обратил никакого внимания на эту немую сцену; он все еще пытался уяснить положение дел.

— Насколько я понимаю, еще ни один из пропавших членов команды не нашелся, — сказал он, — и Барленнан уже оповещен обо всем, о чем мы договорились несколько часов назад. Произошло ли еще что-нибудь такое, о чем ему сообщили, а мне — нет?

Изи взглянула на него, пытаясь отыскать следы недовольства на лице администратора, но он, казалось, не осознавал, что его слова можно истолковать как критику. Она подумала, прежде чем ответить:

— Да. Примерно три часа назад Кавано доложил, что на одном из экранов «Эскета» что-то движется. Он заметил пару объектов, которые весьма странным образом перемещались по полу лаборатории, от одного края экрана к другому. Я сразу же начала наблюдение, но более ничего не происходило. Затем, примерно через час или около того, группа, отправленная Доном на поиски пропавшего вертолета, встретила месклинита. Сначала мы, естественно, предположили, что это один из пилотов. Но, когда он приблизился к передатчику, я узнала Кабремма, старшего офицера с «Эскета».

— В шести тысячах миль от того места, где предположительно погибла команда «Эскета»?

— Да.

— Каковы же были комментарии Барленнана?

— Ничего особенного. Он подтвердил, что доклад принял, но не выдвинул никаких особых теорий.

— Даже не спросил, уверены ли вы в том, что узнали месклинита? Или на чем основано ваше утверждение?

— Нет.

— Что ж, если вы не возражаете, то это хотел бы сделать я. Насколько хорошо вы знаете Кабремма и насколько уверены в том, что были правы?

— Я знала его достаточно хорошо, чтобы не ошибиться; он очень выделялся среди остальных, по окраске, манере держаться и двигаться. Я могу узнать его, как вас, Иба или Бойда.

— Освещение было достаточным, чтобы различить цветовой рисунок? Сейчас ведь там уже ночь.

— Рядом с передатчиком располагались прожекторы, хотя большинство из них находились спереди, в поле зрения, и в основном высвечивался силуэт Кабремма.

— Вы хорошо знали двух пропавших? Это точно, что ни один из них не похож на Кабремма?

Изи покраснела.

— Это, определенно, не Кервенсер, первый офицер Дона. Боюсь, я не слишком хорошо знаю Реффела, чтобы быть уверенной. Эта возможность мне в голову не приходила. Я просто увидела матроса и назвала его по имени, не задумываясь, повинуясь рефлексу. И уже не могла умолчать об этом в своем докладе; в тот момент микрофон связи с Поселком был подключен, и Барленнан или тот, кто был на вахте, едва ли могли не услышать меня.

— Значит, можно допустить, что Барленнан воздержался от комментариев из вежливости, чтобы не ставить вас в неловкое положение, уличая в глупой ошибке?

— Полагаю, это вполне возможно, — не слишком уверенно ответила Изи. Она ясно понимала, что ее мнение не могло быть полностью объективным.

— Тогда я думаю, — также медленно и задумчиво произнес Аукойн, — что мне лучше поговорить с Барленнаном самому. Вы говорите, что более ничего не происходило на борту «Эскета» после того, как Кавано увидел те предметы?

— Я ничего не заметила. Конечно, передатчик, установленный на командном посту, смотрит во тьму, но три других размещаются в отлично освещенных отсеках, а они ничего не показывали, кроме того, о чем я говорила.

— Хорошо. Барленнан знает наш язык достаточно хорошо, как я имел возможность убедиться, так что мне не потребуется ваша помощь в переводе.

— О нет. Он вас поймет. Вы хотите сказать, что мне лучше уйти?

— Нет, нет, конечно же, нет. Было бы лучше, если бы вы послушали и предупредили меня, если почувствуете, что возникает какое-то взаимное непонимание.

Аукойн потянулся к переключателю микрофона, чтобы связаться с Поселком, но еще раз взглянул на Изи, прежде чем щелкнул им.

— Вы не будете возражать, если я поинтересуюсь мнением Барленнана насчет Кабремма? Конечно, сейчас наша основная проблема — «Квембли», но желательно прояснить и этот момент. Я бы не хотел, чтобы у Барленнана создалось впечатление, будто мы скрываем информацию.

Он отвернулся и послал вызов вниз, на Дхраун.

Барленнан находился в отсеке связи Поселка, так что не пришлось тратить время на оповещение. Аукойн представился, как только удостоверился в том, что командир находится на другом конце канала связи, и начал свою речь.

Хотя Изи, Иб и Бойд скучали, во второй раз слушая одно и то же, им пришлось отметить мастерство, с которым планировщик выражал свои идеи. По сути, он пытался предвосхитить просьбу послать другой крейсер на спасение

«Квембли», в то же время ничего не предлагая. Аукойн искусно жонглировал фразами. Несмотря на то, что он ни о чем другом не говорил с самого совещания, это была вдохновенная импровизация, мастерская работа, как позже заметил Иб. Планировщик упомянул об опознании Кабремма, но сделал это мимоходом, так что Изи чуть не прослушала. Аукойн не утверждал, что она ошиблась, но, совершенно очевидно, не придавал этому случаю никакой важности.

Жаль, что такое отточенное красноречие пропало зря. Конечно же, Аукойн, как и остальные люди, не мог знать, что Кабремм не выходит из ума у Барленнана и что командир уже два часа не мог думать ни о чем другом. Оказавшись перед лицом неминуемого крушения своих хитроумных планов, не в силах отыскать реальной альтернативы, он провел эти часы в яростных и целенаправленных раздумьях. К тому времени как его вызвал Аукойн, Барленнан предпринял первые шаги по реализации другого плана. Его пожирало нетерпение, так что месклинит не оценил словесные кружева, которые плел планировщик. Когда подошла пауза, Барленнан уже имел наготове собственную речь, которая имела весьма далекое отношение к только что сказанному.

Пауза в действительности не была ожиданием ответа, просто Аукойн собирался с мыслями. Однако Мерсерэ вовремя задержал его, когда он вознамерился возобновить речь:

— Перерыв был слишком долгим, и Барленнан предположил, что вы закончили и ждете ответа. Лучше погодите. Он, наверное, уже начал говорить.

Администратор покорно ждал; все-таки это была беседа, а не монолог. Он уже приготовил ироническую реплику на тот случай, если Мерсерэ ошибся, но голос месклинитского командира пришел даже раньше, чем они могли предположить.

— Я долго обдумывал то, что миссис Хоффман сообщила о Кабремме, — говорил он, — и смог прийти лишь к одной теории. Как вы знаете, мы допускаем возможность

существования разумных существ на Дхрауне. Ваши ученые были уверены в том, что здесь существует высокоорганизованная жизнь, еще до того, как мы высадились, — благодаря богатому кислородом воздуху. До сих пор мы натыкались только на простейшие растения и микроскопические организмы, но «Эскет» углубился в районы Нижней Альфы дальше любого другого крейсера. Условия там весьма специфичны, температура выше, и мы не знаем, каким образом это может изменить другие факторы.

До сих пор возможность того, что «Эскет» встретился с разумным противодействием, считалась всего лишь гипотезой, одной из многих, которые мы могли бы придумать. Тем не менее, как неоднократно указывали ваши сотрудники, никто из команды не мог выжить в течение такого периода без поддержки системы жизнеобеспечения крейсера или чего-либо подобного. И конечно же, они не могли добраться от того места, где, насколько мы знаем, по-прежнему находится «Эскет», до района по соседству с Дондрагмером. Появление Кабремма мне кажется убедительным свидетельством того, что команда Дестигмета встретилась с аборигенами Дхрауна или была захвачена ими в плен. Я не знаю, почему Кабремм оказался на свободе. Может быть, просто сбежал, хотя трудно понять, как он осмелился сделать это в таких обстоятельствах. Скорее всего, аборигены намеренно послали его, чтобы установить контакт. Я бы очень хотел, чтобы вы передали эти соображения Дондрагмеру, выслушали его мнение и попросили разузнать все у Кабремма, если с ним еще можно переговорить. Он все еще с поисковой партией или нет?

Несколько фрагментов одновременно встали на свои места в мысленной мозаике-головоломке Иба Хоффмана. Его беззвучные аплодисменты остались незамеченными даже Изи.

13. Факты странны, вымысел убедителен

Барленнан был вполне доволен своей речью. Он не произнес ни одного лживого слова; самое худшее, в чем его можно обвинить, так это в заблуждении. И если только кто-кто из людей уже не подозревает его, не может быть никакой причины для того, чтобы не передать «теорию» капитану «Квембли», подсказав тому, какой линии Барленнан предлагает придерживаться. На Дондрагмера вполне можно рассчитывать. Он подыграет, особенно, если поймет намек на невозможность связи с Кабреммом. Конечно, плохо, что пришлось раньше времени разыгрывать карту «аборигенов» Он планировал сделать это позднее. Было бы гораздо приятнее, если бы люди дошли до всего сами. Но плох тот план, который невозможно изменить в соответствии с новыми обстоятельствами, напомнил себе Барленнан.

Говорливый Аукойн не находил слов от изумления. Он не сомневался, что Изи обозналась, поскольку уже давно скинул «Эскет» со счетов. И то, что Барленнан принял ее точку зрения, оказалось для него неожиданностью. Администратор понимал, что Изи, как никто другой, знала месклинитов, но не ожидал, что сами месклиниты это заметят. Он винил себя в том, что в последние несколько месяцев не обращал внимания на обычные беседы между наблюдателями (особенно Изи) и месклинитами и оказался оторванным от хода событий, впал в самый страшный грех для руководителя.

Аукойн не смог найти никакой причины для отказа в просьбе Барленнану и посмотрел на остальных. Изи и Мерсерэ выжидательно глядели на него. Женщина держала руку на переключателе микрофона, словно собиралась вызвать Дондрагмера. Ее муж слегка улыбался, что озадачило Аукойна, но, когда их глаза встретились, Хоффман кивнул, словно проанализировал теорию месклинитов и нашел ее правдоподобной. Планировщик помешкал немного и проговорил в микрофон:

— Мы немедленно сделаем это, командир.

Он кивнул Изи, которая тут же включила свой микрофон и начала говорить. Бендж вернулся как раз в тот момент, когда она произнесла первые слова, и было заметно, что его просто распирает от информации, но он взял себя в руки, когда заметил, что беседа с «Квембли» уже в полном разгаре. Отец наблюдал за ним, пока Изи передавала теорию Барленнана, и втихомолку потешался. Совершенно ясно, что Бендж заглотил идею целиком. Что ж, он еще молод, но некоторые из присутствующих, старше его по возрасту, настроены столь же некритично.

— Барленнан хотел бы знать, что ты думаешь на этот счет и что удалось узнать от Кабремма, — заключила Изи. — Это все. Хотя нет, подожди. — Ее внимание привлек Бендж. — Мой сын только что вернулся из аэрологической лаборатории, и, похоже, у него кое-что есть для вас.

— Мистер Макдевитт прогнал через компьютер данные новых измерений, добавив их к полученным ранее, и сейчас проводит второй пересчет, — без предисловий начал Бендж. — Он оказался прав насчет причин таяния и замерзания вашего озера, а также природы облаков, с которыми столкнулся Стакенди. Весьма велика вероятность того, что выпадение конденсированных осадков из этих облаков увеличится, и поток рядом с вами станет еще мощнее. Он предлагает, чтобы вы следили за приближением облаков к «Квембли». По-видимому, они образуются из-за адиабатического нагревания, поскольку несущий их воздушный поток движется вниз по склону поверхности. Макдевитт утверждает, что чем позже эти облака доберутся до вас, тем сильнее окажется разлив, когда он вас настигнет. Сам я не знаю, почему должно произойти именно так, но на это указывает компьютер. Макдевитт также попросил меня напомнить, что это всего лишь еще одно экспериментальное вычисление, и поэтому весьма вероятно, что оно может оказаться ошибочным, как и прежние. Он привел весьма длинное объяснение все тех причин, по которым не может быть уверен в

непогрешимости вычислений, но ты, впрочем, все это уже слышал и ранее.

Ответ от Дондрагмера поступил почти сразу же после истечения обычной паузы, он затратил всего секунду-две на принятие решения.

— Очень хорошо, Бендж. Пожалуйста, передай Барленнану, что его мысль кажется разумной. По крайней мере, она объясняет исчезновение двух моих пилотов. У меня не было возможности побеседовать с Кабреммом — если это действительно был он, — я его не видел. Он не вернулся на «Квембли». Вам проще узнать, остался ли он со Стакенди или присоединился к тем, кто отправился вниз по течению. Я приму меры предосторожности на тот случай, если предположения командира правильны. Если бы эта мысль пришла мне голову несколько раньше, я бы, конечно, не послал практически всю свою команду для подготовки безопасной базы в долине.

А может, даже и хорошо, что я так поступил. Не вижу никаких возможностей быстро освободить крейсер, и, если мистер Макдевитт предрекает еще одно наводнение, нам нужно как можно быстрее закончить переход. Стоит потоку, вроде того, что принес нас сюда, ударить по «Квембли», как обломки корпуса окажутся разметанными на миллионы кабельтовых вниз по течению. Когда мои матросы вернутся, мы прихватим с собой еще одну порцию оборудования и временно оставим корабль. Мы остановимся на склоне долины, и, как только оборудование системы жизнеобеспечения заработает, я начну посылать группы матросов назад, сюда, чтобы вести работы по освобождению «Квембли», при условии, конечно, что не идет поток. Таков мой твердый, основной план; я разработаю задания для групп с вашей помощью, и, если теория Барленнана потребует специфических действий, предприму их, но у меня нет времени на обсуждение основных решений. Я могу уже разглядеть не севере движущиеся огни; кажется, возвращается моя команда. Я разверну камеру так, чтобы вы могли их увидеть.

Изображение на экране помутнело, затем картина резко изменилась, когда капитан развернул ящичек передатчика.

Если капитан заботился об удобстве людей, у него были весьма своеобразные представления на сей счет. Освещенное пространство вокруг «Квембли», где детали не только можно было рассмотреть, но сравнить и интерпретировать, сменилось почти полной тьмой, оживленной лишь несколькими точками света. И потребовалось пристальное, внимательное наблюдение, чтобы убедиться в справедливости утверждения Дондрагмера, что эти точки движутся. Изи уже собиралась попросить, чтобы камеру развернули в прежнее положение, когда заговорил Бендж.

— Вы что, поставили крест на Битчермарлфе и Такуурче и просто собираетесь уйти и оставить их там? Я знаю, что у тебя под началом сотня матросов, о которых надо позаботиться, но вы же не испробовали всех средств для спасения!

Изи была поражена и напугана запальчивостью сына и едва не вмешалась в беседу с выговором парню и извинениями Дондрагмеру. Но она замешкалась, пытаясь найти подходящие слова; к тому же сердцем Изи была на стороне Бенджа. Аукойн и Мерсерэ не следили пристально за беседой, поскольку оба сосредоточились на Барленнане, кроме того, Бендж выпалил свою тираду на стеннийском. Иб Хоффман сохранял невозмутимость — только уголки его рта предательски подергивались, но никто, кроме Изи, не мог бы догадаться, что он веселится от души. Макдевитт только что вошел, слишком поздно, чтобы исправить положение, и заметил лишь смятение на лице Изи.

Пауза затянулась сверх положенного времени, но люди терпеливо ждали ответа Дондрагмера. Когда же ответ поступил, ни в тоне, ни в словах не оказалось и следа раздражения; Изи жалела, что не видит Дона и не может судить о его чувствах по положению тела.

— Я не бросил их, Бендж. Оборудование, которое мы планируем прихватить с собой, включает энергетические конвертеры, так что я пошлю матросов под корпус с

прожекторами, чтобы вытащить конвертеры — сколько получится — из незамерзших тележек. И распоряжусь заодно внимательно осмотреть все вокруг. Если рулевых найдут, отряжу матросов освободить их ото льда — спасатели будут работать до последней возможности. Но я не могу бросить всю команду на скалывание льда, пока не покончено с другими делами. К тому же кто поручится, что рулевые не обнаружили, что происходит, прежде чем озерцо промерзло до самого дна. Может, они оказались в ловушке, когда искали дыру во льду.

Бендж кивнул и покраснел от смущения. Изи извинилась за сына:

— Спасибо, капитан. Мы поняли. Бендж погорячился и неудачно выбирал слова. Ты не мог бы снова направить камеру на освещенную площадь? Мы ничего не можем разглядеть.

— Кстати, — попросил Макдевитт, — хотя вы и собираетесь покинуть «Квембли», нельзя ли оставить один конвертер на борту — для подпитки прожекторов — и нацелить камеры капитанского мостика так, чтобы нам был виден корпус? Это позволит наблюдать за потоком, когда он появится, а он появится — я уверен — часов через пятнадцать, если не раньше. Кроме того, мы будем знать, есть ли смысл разыскивать крейсер и где его разыскивать. Конечно, в этом случае у вас остаются только два передатчика, но, мне кажется, идея стоящая.

И снова Дондрагмер принял решение мгновенно; его ответ прозвучал из динамика почти сразу же после шестидесятичетырехсекундного гонга.

— Да, мы так и сделаем. Все равно пришлось бы оставить источники света и энергоблоки для них, чтобы команды могли вернуться и работать; и я хотел бы иметь с ними надежную связь. Я снова развернул передатчик, так чтобы камера показывала правый борт, который вы уже, без сомнения, наблюдаете. А сейчас я должен покинуть капитанский мостик; через минуту-две команды уже будет здесь, и

я хочу каждой группе сообщить, чем заняться, как только они прибудут на место.

И снова Бендж заговорил, ни с кем не посоветовавшись:

— Капитан, если мои слова успеют достичь, тебя, не мог бы ты подать знак, например помахать, если обнаружишь Битчермарлфа живым? Или, может, он сделает это сам? Я не прошу взбираться обратно на капитанский мостик, чтобы поведать детали.

Ответа не последовало. Очевидно, Дондрагмер надел гермокостюм и вышел наружу, едва закончил говорить. Людям оставалось только ждать.

Аукойн с помощью Изи передал ответ Дондрагмера в Поселок и получил подтверждение от Барленнана. Командир попросил держать его в курсе всего происходящего с «Квембли», сообщая все детали, особенно соображения Дондрагмера, если таковые появятся. Аукойн согласился, попросив Изи довести эту просьбу до сведения капитана, но Изи напомнила, что придется подождать, пока месклинит возобновит связь.

— Хорошо, — кивнул планировщик. — По крайней мере, они хоть не просят выслать спасательный корабль. Хорошо, что это не пришло в голову никому из нас.

— Лично я, — возразила Изи, — отправила бы «Каллифф» или «Хуурш» давным-давно, когда «Квембли» вмерз в лед.

— Знаю, знаю, — проворчал Аукойн. — И ценю вашу лояльность, помешавшую подбросить сию идею Барленнану, вопреки моим возражениям. Эх, только бы ему это не взбрело на ум. Всякий раз, когда вы объединяетесь против меня, я оказываюсь на лопатках.

Изи искоса взглянула на Аукойна, а затем уставилась на микрофон. Ее муж решил рассеять напряженность и нарушил неловкое молчание вопросом:

— Алан, а что вы думаете о теории Барленнана?

Аукойн нахмурился. Он отлично понял, почему Иб вмешался в разговор, но вопрос, который тот задал, был не из разряда риторических и требовал серьезного ответа. Изи же

просто обрадовалась, что избавлена от утомительных споров.

— Теория поразительная, — нехотя произнес планировщик, — но абсолютно невероятная. Дхраун — огромная планета, если это вообще планета. Не странно ли, что мы встретили разумную жизнь так скоро, и произошло это — заметьте! — только с одним крейсером. Здешняя цивилизация — если она существует — не использует электромагнитную энергию; мы бы засекли это, когда впервые приблизились к планете. Стало быть, уровень ее развития невысок. Но, тогда как объяснить случившееся с командой «Эскета»?

— Не обладая знаниями о физических и мыслительных способностях аборигенов, не говоря уже об их культуре, я не берусь даже строить предположения, — улыбнулся Хоффман. — Но разве не закончили свои дни в Испании некоторые из тех индейцев, что встретились с Колумбом?

— Ну, это сравнение притянуто за уши. Можно выдвинуть бесконечное множество версий того, что произошло с «Эскетом», и не ссылаясь на разумное противодействие. Вы это знаете не хуже меня — сами ломали над этим голову, пока не бросили бессмысленное занятие. Если в теории Барленнана и есть крупица истины, ее надо искать под микроскопом.

— Вы по-прежнему считаете, что я ошибалась насчет Кабремма? — спросила Изи.

— Боюсь, что так. Более того, я просто не верю, что мы наткнулись на разумную жизнь. Не считайте меня твердолобым, но некоторые вещи просто невозможны по сути своей.

Хоффман усмехнулся.

— Способность людей проводить аналогии — ее можно назвать статистической интуицией — всегда была весьма обманчивой, даже если опустить такие классические примеры, как Луис Лэйн. Но вероятность, от которой вы отмахиваетесь, не столь уж незначительна. Вы знаете, не хуже меня, что в очень небольшом пространстве — в пределах

пяти парсеков от Солнца, — заключающем в себе всего лишь семьдесят четыре звезды и примерно двести планет, мы обнаружили двадцать рас почти одного с нами уровня развития, безопасно преодолевших энергетический кризис. Восемь других, включая обитателей Тенебры и Месклина, пока не столкнулись с энергетической проблемой; еще восемь с ней не справились и вымерли, и три потерпели поражение, но идут на поправку. И каждая из них находится примерно в ста тысячах лет от ключевого момента. А ведь возраст планет колеблется в пределах от девяти миллиардов лет — у Панеша — до девятисот миллионов — у Тенебры. Это больше чем совпадение, Алан.

— Может быть, Панеш, Земля и более старые планеты родили и похоронили не одну цивилизацию; может быть, это случается со всеми мирами каждые несколько десятков миллионов лет.

— Но этого бы не произошло, окажись древние расы настолько разумными, чтобы никогда не пользоваться ископаемым топливом. Не думаете ли вы, что о присутствии человека на Земле через миллиард лет будут напоминать только опустошенные угольные выработки и жестянки из-под пива, залегающие в глубинных пластах, как теперь — кости ящеров? Я в это не верю. Алан.

— Как знать... Я в достаточной степени мистик, чтобы поверить, будто какие-то сверхсущества направляют расы, существующие в этой части космоса, к одному великому свершению.

— Нравится ли вам демоническая гипотеза или вы предпочитаете теорию Эсфа — не имеет значения. Здесь, определенно, замешано нечто большее, чем простая случайность. Вы не можете использовать одни лишь статистические законы для критики того, что предположил Барленнан. Вам не надо принимать на веру его теорию, но я настоятельно рекомендую относиться к нему серьезно. Как я.

Дондрагмеру было бы интересно присутствовать при этой беседе, так же, как и на совещании персонала,

несколькими часами ранее. Но даже будь такое физически возможным, капитану помешала бы гора дел. После возвращения большей части команды (несколько матросов остались на новом месте устанавливать оборудование) двадцать его подчиненных присоединились к тем, кто уже скалывал лед с главного шлюза, примерно столько же направились под корпус с прожекторами и инструментами для поиска и доставки энергоблоков. Капитан сдержал обещание, приказав обшарить все закоулки в поисках Битчермарлфа и Такуурча. Но он велел главным образом обследовать толщу льда, и в результате матросы ничего не обнаружили. Они появились спустя несколько минут с двумя энергоблоками, которые вынули из тележек, использованных рулевыми, и еще двумя, которые освободил ото льда импровизированный нагреватель. Под корпусом, насколько помнилось Дондрагмеру, должно было оставаться еще шесть конвертеров, но до них не добрались, хотя матросы и знали, где их искать.

Свободные от поисков и скалывания льда проникли в крейсер через доступные шлюзы: малый, что вел на командный пост, несколько больших, для вертолетов, и пару аварийных, располагавшихся по обоим бортам, неподалеку от носа и кормы. Оказавшись внутри, каждый сразу же начинал заниматься своим делом. Одни собирали запасы еды на то время, пока не заработает система жизнеобеспечения и не возобновится нормальная переработка; другие готовили бухты канатов, фонари, энергоблоки и прочее оборудование для переноски.

Многие мастерили приспособления для переноски. Поскольку «Квембли» приводился в движение термоядерной энергией, обнаружилась отчаянная нехватка колес. Многочисленные крошечные блоки, передающие усилия управляющих канатов через углы, были слишком малы, чтобы использовать их для волокуш или схожих приспособлений, и Дондрагмер строго-настрого запретил разбирать устройства. На борту не нашлось ничего напоминающего грузоподъемник или тележку. Подобные устройства,

приводившиеся в движение силой мышц, использовались на Месклине для перевозок на средние и большие дистанции, но на «Квембли» не попадалось ничего такого, что не мог бы перенести из одного конца корабля в другой любой месклинит. А теперь, когда предстояло преодолеть не одну милю с тяжелым грузом, пришлось импровизировать. Начали появляться носилки. Коридоры, ведущие к главному шлюзу, быстро заполнялись припасами и оборудованием.

Однако шум не проникал сквозь демпфер, в котором попрежнему находились Битчермарлф и Такуурч. Как стало известно позже, они забрались в это убежище буквально за несколько минут до того, как заработал нагреватель. Прочный, толстый резиноподобный материал демпфера с трудом поддавался даже ножу, который пустили в ход месклиниты, и глушил все звуки. Конечно, если бы матросам, работавшим под корпусом, пришлось связаться с кем-либо вдалеке, их резонирующие возгласы вполне могли проникнуть сквозь толстый материал; но матросам было не до разговоров, и они четко знали свою задачу. Края разреза, через который рулевые проникли в демпфер, сошлись, благодаря эластичности материала, так что сквозь него не проникал свет. Наконец, стоицизм и покорность судьбе настолько доминировали в характере месклинитов, что только удушье могло заставить Битчермарлфа и его спутника выглянуть наружу.

Так что Дондрагмер, если и услышал призыв Бенджа, вряд ли мог ему посигналить. Всего три фута отделяло рулевых от их товарищей, но пропавших так и не нашли.

Но не вся команда «Квембли» занималась подготовкой к переходу: двум матросам Дондрагмер дал особое поручение:

— Отправляйтесь к потоку, затем двигайтесь на северо-запад, пока не найдете Кабремма и «Гвельф». Сообщите, чем мы здесь занимаемся и где разобьем лагерь — вы уже на том месте побывали. Мы установим приборы так, чтобы хорошо просматривалась местность. Он сможет привести «Гвельф»

и посадить его где-нибудь вне освещенной зоны, не боясь, что увидят человеческие существа. Скажите, что командир, похоже, начал часть игры, касающуюся аборигенов, несколько ранее, очевидно, из-за Кабремма. Он не вдавался в детали и, возможно, будет действовать так и дальше — пусть люди изобретают собственные предположения.

Когда поговорите с Кабреммом, направляйтесь вверх по руслу потока, пока не найдете Стакенди. Сообщите ему то же самое. И смотрите не попадите в поле зрения передатчика. Когда решите, что партия Стакенди уже недалеко, выключите прожекторы и высматривайте его. Конечно же, я буду поддерживать с ним связь через людей, но это сообщение не для человеческих ушей. Вы поняли?

— Да, — ответили в один голос оба матроса и тут же исчезли.

Прошло несколько часов. Наконец главный шлюз освободили ото льда и открыли. Почти все, что необходимо было вынести наружу, вынесли, когда сверху поступил вызов. Передатчик, раньше находившийся в лаборатории, сейчас был снаружи, так что с Дондрагмером связались напрямую. У микрофона на другом конце сидел Бендж.

— Капитан, Стакенди докладывает, что поток, за которым он следует, становится заметно шире и быстрее, а из туч начинает идти дождь. Я передал, чтобы он возвращался, под мою ответственность.

Капитан посмотрел вверх, на безоблачное небо, а затем в западном направлении, туда, откуда мог показаться туман, скрывавший Стакенди, если бы сейчас был день.

— Спасибо, Бендж. Именно это я бы и сам приказал. Мы сейчас покидаем «Квембли», а то поток станет слишком мощным, чтобы переправляться через него с оборудованием. Я установлю передатчик на командном посту и оставлю включенными прожекторы, как и просил мистер Макдевитт. Надеюсь, скоро вы сообщите, что можно спокойно вернуться назад. Пожалуйста, дай знать об этом Барленнану и скажи, что мы будем очень осторожно и

внимательно — насколько возможно — высматривать аборигенов. Если, как командир предполагает, они используют Кабремма в качестве посредника, я сделаю все от меня зависящее, чтобы установить с ними сотрудничество. Сам я Кабремма пока не видел, а ты больше не упоминал о нем, так что я в полном неведении.

Информируй меня, пожалуйста, обо всех предположениях и планах Барленнана, да и я постараюсь держать тебя в курсе. Но разное может произойти, и так быстро, что будет не до разговоров. Наблюдай за своими экранами. Пока все. Мы выходим.

Капитан издал резонирующий трубный зов, который, к счастью для человеческих ушей, не был усилен передатчиком. Месклиниты вытянулись в линию и спустя две минуты исчезли из поля зрения передатчика, оставшегося на капитанском мостике.

Другой передатчик несли в хвосте колонны, так что экран наверху показывал вереницу огней, которые покачивались в ее начале. Кроме этого, мало что было видно. Ближайшие к передатчику матросы, находившиеся в двух-трех ярдах от камеры, просматривались довольно отчетливо: они то и дело огибали валуны. Вереницу месклинитов могли преследовать легионы аборигенов, и ни один человек этого бы не заметил. Аукойн уже в который раз проклинал 1500-часовой период обращения Дхрауна. Оставалось больше шестисот часов до того, как холодное тусклое свечение Лаланда-21185 возвестит о начале дня.

Поток был еще слаб, когда месклиниты пересекли его, хотя Стакенди, находившийся в нескольких милях западнее, подтвердил, что поток набирает мощь. Бендж предложил, чтобы группа Стакенди также пересекла поток и встретилась с товарищами на другой стороне долины. По счастью для месклинитов, он посоветовался сперва с Дондрагмером. Капитан, вспомнив о двух посланцах, продвигающихся вверх по руслу потока, торопливо велел повременить с переходом. Пусть Стакенди и его люди проверят, не изменилась

ли ширина русла в тех местах, где они уже проходили, распорядился Дондрагмер. Бендж и Изи приняли этот предлог. Иб Хоффман, отлично знавший, что у группы нет при себе приборов и толку от измерений не будет никакого, тихонько присвистнул, а потом долго боролся с искушением расхохотаться.

В эти минуты, растянувшиеся на часы, мало что можно было наблюдать. Команда взобралась по каменному склону туда, где осталась первая партия груза, и начала разбивать лагерь. Конечно же, в первую очередь занялись оборудованием жизнеобеспечения. Запас дыхательной смесив гермокостюмах был еще достаточным, но рано или поздно его придется пополнять. Кроме того, организм месклинитов, расточающий энергию, требовал пищи.

Наконец группа Стакенди пересекла поток и, несколько позже, достигла лагеря. Переход был одобрен Дондрагмером, после того как в сообщение Бенджа совершенно случайно вкралось имя одного из посланцев капитана.

Таким образом, никто из экипажа «Квембли» и людей не видел нарастания потока. А это было довольно любопытное зрелище. Мелкий ручеек, извивающийся между камнями и ныряющий под них, вбирал в себя другие крошечные ниточки воды, смешанной с аммиаком, и, по мере того как капли влаги концентрировались и оседали, становился все глубже и резвее. Теперь он яростно бился о камни, затоплял ложбины. Тут и там жидкость на некоторое время замерзала, потому что полузамерзшая грязь, уносимая течением, и аммиак из тумана заставляли колебаться концентрацию раствора. Аммиак переходил в жидкую фазу при обычной для Дхрауна температуре — сто семьдесят четыре градуса по шкале Кельвина, или семьдесят один градус по шкале, используемой месклинитскими учеными.

По мере приближения потока к «Квембли», он набирал среди камней все больше водяного льда, и течение его замедлялось. Какое-то время аммиак растворялся в воде, и их смесь текла дальше, как только попадала в температурную

зону, где становилась жидкой. Наступил момент, когда поток остановился и стал обрастать наплывами, как свеча — воском; смесь временно застыла из-за возрастающей концентрации аммиака. Но затем он снова обратился в жидкость, как только находящийся под смесью чистый водяной лед начал активно реагировать с ней.

Наконец поток достиг ямы, которая была выплавлена у правого борта «Квембли». Здесь его могли наблюдать люди. Сейчас он представлял собой сложную композицию из различных жидкостей, льда и полузамерзшей грязи и разлился мили на две. В этом нескончаемом соревновании твердой и жидкой фаз последняя, похоже, брала верх. Далеко внизу по течению воздух был по-прежнему свободен от тумана и насыщен аммиаком, конечно, насыщен по отношению к чистой жидкой поверхности аммиака. Давление газообразного аммиака опустилось ниже того, что необходимо для равновесия смеси аммиак-вода. Таким образом, конденсация в основном протекала на льду — водяном льду и льду с низким содержанием аммиака.

Поверхность льда расплавлялась и освобождала следующий, еще твердый слой для испарения. Жидкость снова стремилась затвердеть, поскольку абсорбировала пары аммиака, но течение бросало ее на водяной лед.

В пространстве под корпусом «Квембли» лед плавился, соприкасаясь с жидкостью, и образовывалась густая жижа; но аммиак, диффундирующий с поверхности у борта корабля, тут же плавил и ее. Постепенно хватка льда, удерживавшего огромную машину, ослабевала, но так медленно, что ни люди, наблюдавшие за происходящим с орбиты, ни месклиниты, затаившиеся в темном убежище, не заметили перемены, когда корабль освободился и поплыл свободно.

К этому времени уже вся смесь в русле стало жидкой — осталось лишь несколько пятен ледяного крошева. Новый поток совершенно отличался от потока, пронесшегося примерно сотней часов ранее, когда три миллиона квадратных

миль водяного снега оказались в соприкосновении с аммиачным туманом.

Итак, незаметно для всех заинтересованных лиц «Квембли» пришел в движение вместе с потоком. Движение это не было отмечено людьми из-за отсутствия ориентиров, точек отсчета, а рулевые не ощутили его потому, что ни покачивание, ни наклон не потревожили их.

Эта сезонная река, осушающая большое плато, на котором застрял «Квембли», проходила между горами, точнее, холмами — в масштабах Дхрауна. Она текла четыре тысячи миль в северо-западном, а потом юго-восточном направлении. «Квембли» большую часть своего пути до начала паводка проделал параллельно этому направлению. Дондрагмер, его рулевые, воздушные разведчики — большая часть команды — хорошо знали небольшое возвышение слева от них, где-то рядом. Иногда его можно было разглядеть с командного поста, иногда — только из кабины пилотов.

Паводок пронес крейсер через ущелье на юго-восточной оконечности гряды в низменные области, ближе к краю Нижней Альфы, где корабль и застрял. Первый паводок был стремительным, хотя и робким началом нового климатического сезона. Дхраун приближался к своему неяркому холодному солнцу, и по мере этого приближения менялась широта субзвездного пояса. Второй же паводок мог закончиться, только когда все плато окажется осушенным: примерно через земной год или более. Первые движения «Квембли» были осторожны и незаметны, потому что он высвобождался из ледяного плена очень медленно. Это объяснялось тем, что жидкость под кораблем содержала взвесь кристаллов; кроме того, течение замедлялось из-за значительной ширины и глубины. Быть может, Битчермарлф и Такуурч уже смутно осознавали происходящее из-за недостатка водорода для дыхания, но, даже если они и находились в полном сознании, легкие движения корпуса «Квембли» могли замаскировать собственные перемещения мягкой поверхности, поддерживавшей их.

Нижняя Альфа была не самым теплым регионом на Дхрауне, но парниковый эффект, который заставляет концентрироваться радиоактивные элементы на любой планете, нагрели ее до точки плавления водяного льда, что на двести градусов превышало температуру, которую обеспечивал Лаланд-21185 без помощи озонового слоя. Человек мог бы выжить в этом регионе, пользуясь незначительной искусственной защитой, если бы не колоссальное давление атмосферы и сила тяжести. По-настоящему жаркий регион — Нижняя Бета — располагался в сорока тысячах миль дальше, к северу; протекающие в нем процессы определяли изменение климата на Дхрауне.

«Квембли» дрейфовал в области с высокой температурой, которая поддерживала реку в жидком состоянии, несмотря на то что теперь аммиак, содержавшийся в жидкости, начал испаряться. Направление потока почти полностью определялось особенностями рельефа, а не наоборот; просто в геологических масштабах река была слишком молодой, чтобы сильно изменить ландшафт. Кроме того, большая часть поверхности планеты в этом районе была образована твердой коренной породой вулканического происхождения, а не наносами осадочного характера, в которых поток мог бы легко проложить себе русло.

Примерно в трехстах милях от точки, в которой судно было оставлено, «Квембли» вынесло в широкое мелкое озеро. Вернее, в мягкую грязевую дельту реки. Огромный корпус замедлил движение, с трудом преодолевая грязевые потоки, но спустя примерно полчаса «Квембли», на мгновение резко накренившись, скользнул на просторы озера и, сразу же выправившись, свободно поплыл. Именно это покачивание, сопутствующее окончательному освобождению, привлекло внимание рулевых и заставило их выйти наружу, чтобы осмотреться.

14. Спасательная команда

Было бы неправдой сказать, что Бендж узнал Битчермарлфа с первого взгляда. На самом деле первым гусеницеподобным существом, вынырнувшим из воды и взобравшимся на корпус корабля, оказался Такуурч. И все же именно имя молодого рулевого прозвучало в четырех передатчиках на Дхрауне.

Один из передатчиков, расположенный на покинутом командном посту «Квембли», никем не был услышан. Два других находились в лагере Дондрагмера, в нескольких сотнях ярдов от широкой быстрой реки, которая сейчас заполняла долину. Четвертый стоял в вертолете Реффела, припаркованном рядом с корпусом «Гвельфа».

Летательные аппараты оставались примерно в миле к западу от лагеря Дондрагмера, так как Кабремм не осмеливался подойти ближе, опасаясь повторения своей прежней ошибки. Наверное, он вообще бы не сдвинулся с места, где Стакенди обнаружил его, если бы не поднявшийся уровень реки. Кроме того, его задержал туман, и сейчас он не испытывал ни малейшего желания лететь. Еще менее хотел куда-нибудь двигаться Реффел.

Тем не менее, выбора не было, и Кабремм позволил своему аппарату спокойно подыматься вверх, в восходящих потоках, пока тот не оказался в чистом воздухе, над туманом. Реффел завис на своем вертолете так близко от позиционных огней другой машины, как только осмелился. Достигнув высоты в несколько ярдов над туманом, представляющим собой скопление крошечных капелек аммиака, они почувствовали, что машины поддаются управлению, и полетели в сторону огней лагеря Дондрагмера, пока командир вертолета не решил, что они уже находятся достаточно близко.

Позволить «Гвельфу» попасть в зону, доступную для наблюдения людям наверху, на орбитальной станции, было бы еще более серьезной ошибкой, чем та, которую он уже

допустил. Кабремм по-прежнему пытался сообразить, что же он скажет Барленнану, когда они увидятся.

Кабремм и Реффел провели несколько неприятных часов, прежде чем пришли к заключению, что, похоже, Реффел, оказавшись в пределах видимости «Гвельфа», «захлопнул» свой передатчик достаточно быстро, не успев «засветить» Кабремма.

В любом случае Дондрагмер и Кабремм наконец-то обрели возможность почти прямого общения, и теперь могли, таким образом, скоординировать свои сообщения и действия на тот случай, если проявятся какие-нибудь последствия наблюдений Изи. Один груз свалился с плеч капитана. Тем не менее, он продолжал предпринимать шаги, связанные с этой ошибкой.

Выкрик Бенджа «Битч!» отвлек капитана от очередного такого занятия: он проверял, нет ли среди команды матроса, более или менее похожего на Кабремма. Поиски затруднялись еще и тем, что он не видел этого офицера уже несколько месяцев, да и вообще знал его не очень хорошо. Дондрагмер до сих пор еще не мог найти времени, чтобы посетить «Гвельф», а Кабремм тоже не подошел бы к лагерю близко, не желая обнаружить себя.

Придуманный Дондрагмером план состоял в том, чтобы все члены команды, которых издали можно было бы принять за Кабремма, как бы ненароком, время от времени появлялись в поле зрения камеры передатчика. Стоило испробовать любые попытки, могущие хоть как-то подорвать уверенность Изи Хоффман в том, что она видела именно Кабремма.

Однако ни разу за истекшие двенадцать часов — с тех пор, как растворились в ночи огни крейсера, судьба «Квембли» и его рулевых не переставала занимать мыслей Дондрагмера. И, услышав прозвучавшее из динамика имя, он замер.

— Капитан! — продолжал голос Бенджа. — Только что из реки вынырнули два месклинита, и сейчас они карабкаются

вверх по корпусу «Квембли». Наверное, все это время они просидели где-то там, под кораблем, даже когда вы не смогли их найти. Это не может быть никто, кроме них — Битча и Така. С ними не удастся переговорить, пока они не доберутся до командного поста, но, похоже, в конце концов вы получите обратно свой корабль. Двое матросов ведь справятся с управлением, не так ли?

Мысли Дондрагмера лихорадочно заметались. Он не винил себя за решение оставить крейсер, несмотря на то что паводок стал для него причиной стольких неприятностей. В то время, с той информацией, какая имелась в их распоряжении, такое решение было единственно верным. И лишь позже, когда стала ясна природа потока, они поняли, что могли в полной безопасности оставаться на борту крейсера, но вернуться на борт «Квембли» уже не представлялось возможным. Будучи месклинитом, капитан не стал зря тратить времени на мысли типа «а что, если?». Покидая свой корабль, он сознавал, что шансы вернуть его весьма малы, а когда тот поплыл вниз по руслу потока в целости и сохранности, не превратившись в кучу бесформенного хлама, эти шансы стали еще меньше, и серьезно рассчитывать на них не приходилось.

А теперь неожиданно шансы сильно возросли. Не только «Квембли» оказался в порядке, но рулевые, оба, остались в живых, и к тому же находились на борту корабля. Что можно сделать, если...

— Бендж! — сказал Дондрагмер, приняв решение. — Не мог бы ты переговорить с вашими техниками, чтобы они постарались определить, и по возможности точнее, как далеко от нас находится сейчас «Квембли»? Вполне вероятно, что Битчермарлф справится с ним в одиночку, хотя есть кое-какие проблемы управления, которые будут держать его и Такуурча в постоянном напряжении. И все-таки они должны справиться с ними. В любом случае надо выяснить, какое примерно расстояние нас отделяет — пятьдесят миль или тысяча? Не думаю, что тысяча: вряд ли река успела унести

их так далеко за двенадцать часов, но все же мы должны это знать. Пусть ваши люди этим займутся, и, пожалуйста, сообщи Барленнану, что происходит.

Бендж повиновался и быстро приступил к делу. Апатия сменилась подъемом. Он больше не чувствовал себя разбитым и усталым, забыл обиды и тревоги. Когда двенадцать часов назад экипаж оставил «Квембли», Бендж, окончательно потеряв надежду увидеть своего друга живым, покинул отсек связи, чтобы хоть немного выспаться. Он, правда, не думал, что сможет уснуть, но организм взял свое, и девять часов спустя юноша, отлично выспавшись, вернулся к обычным обязанностям в лаборатории аэрологии. И лишь чистая случайность привела его в отсек связи, к экранам, за несколько минут до появления рулевых. Его послал Макдевитт — собрать общие данные, полученные от других крейсеров, но он задержался на несколько минут, чтобы взглянуть на экран «Квембли». Метеоролог привык полагаться на Бенджа во всем, что касалось знания языка месклинитов.

Сон и неожиданное «воскресение» Битчермарлфа — все вместе заставило Бенджа забыть старые обиды, вызванные политикой Дондрагмера. Поэтому, выслушав просьбу капитана, он немедленно вызвал свою мать — сменить его у экрана — и поспешил на тот уровень станции, где располагались лаборатории, преодолевая ступени со всей доступной для его мышц скоростью.

Изи, которой тоже удалось немного поспать, связавшись с Дондрагмером, сообщила, что заступила на дежурство вместо Бенджа, потом, как было обещано, вызвала Барленнана, а затем снова переключилась на капитана, чтобы задать собственный вопрос:

— Дон, нашлись двое из пропавших. Тебе не кажется, что еще остается какой-то шанс найти пилотов вертолетов?

Дондрагмер чуть не сболтнул лишнее, хотя старался очень аккуратно выбирать слова. Он, конечно, знал, где находится Реффел, поскольку курьеры постоянно сновали между лагерем и «Гвельфом»; но вот никаких следов

Кервенсера, к глубокому сожалению капитана, так до сих пор и не было замечено. Он действительно исчез, и вероятность того, что он еще жив, капитан считал очень низкой. Еще час назад он считал, что даже у «Квембли» больше шансов уцелеть. Конечно, говорить об этом можно было совершенно открыто, не делая секрета; промах заключался в том, что, разговаривая, он имел в виду одного лишь Кервенсера, забыв включить в число пропавших Реффела. Стеннийские формы, определяющие эквиваленты единственного и множественного числа столь же различались, как и в языке людей. И Дондрагмер несколько раз ловил себя на том, что использует единственное число, говоря о своих пропавших пилотах. Казалось, Изи ничего не заметила, но впоследствии он много думал над этим.

— Трудно судить. Я не видел никого, из них. Если он отправился вниз, в область, где сейчас разгулялся паводок, то не вижу, как они могли бы остаться в живых. Очень жаль, конечно, — и не только парней, но и машины, потому что даже с одним вертолетом удалось бы перебросить больше парней на «Квембли» и вернуть корабль назад гораздо быстрее. Естественно, большую часть оборудования таким путем переправить невозможно; с другой стороны, если окажется, что двое рулевых не смогут привести крейсер сюда по какой-то причине, обладание хотя бы одним из вертолетов имело бы большое значение для них. Очень жаль, что ваши ученые не могут засечь передатчик, который взял с собой Реффел, как они засекли тот, что на «Квембли».

— Не один ты испытываешь сожаление, — согласилась Изи, подумав, что этот вопрос начали обсуждать вскоре после исчезновения Реффела. — Я не слишком хорошо разбираюсь в машинах, чтобы понять, почему сила сигнала зависит от яркости изображения; я всегда считала несущую волну просто несущей. Но похоже, дело обстоит так: или передатчик Реффела находится в полной темноте, или он уничтожен. А ваша система жизнеобеспечения, как я вижу, уже установлена и работает?

Последняя фраза Изи не являлась попыткой сменить тему. Просто она впервые хорошенько разглядела оборудование, о котором так много говорили, и потому испытывала любопытство. Система жизнеобеспечения состояла из множества — более сотни — квадратных прозрачных цистерн, занимающих площадь примерно в дюжину квадратных ярдов, и каждая на треть была заполнена жидкостью, в которой пузырился почти чистый водород, служащий месклинитам для дыхания, — месклинитский «воздух», пузырьки которого, рождаясь в жидкости, поднимались наверх. Энергоблоки питали лампы, освещающие цистерны, но насосы, поддерживающие циркуляцию газа, приводились в движение мускульной силой. Растения, которые окисляли насыщенные гидрокарбонатами биологические отходы жизнедеятельности месклинитов и отдавали свободный водород, были представлены несколькими разнообразными одноклеточными организмами, соответствующими земным одноклеточным водорослям. Их отобрали для системы жизнеобеспечения также и потому, что они годились в пищу, но, как дали Изи понять, их вкусовые качества оставляли желать лучшего. Те секции оборудования, где выращивали растения более высокого порядка — эквиваленты фруктов и овощей, — оказались слишком громоздкими, и их нельзя было снять с крейсера.

Изи не знала, каким образом негазообразные продукты биологического цикла вводились в цистерны и выводились из них, но она с любопытством проследила, как заряжают патроны для гермокостюмов. Сначала с помощью мускульной силы приводили в движение насосы, а те, в свою очередь, нагнетали водород в цистерны, где лежали куски пористого твердого материала. Этот материал имел совершенно не месклинитское происхождение, по молекулярной структуре он, хотя и весьма отдаленно, напоминал цеолит, который адсорбировал водород на внутренних стенках, своих волосяных каналов, и в широком диапазоне температур поддерживал нужное парциальное давление водорода в

газе, используемом месклинитами для наполнения гермокостюмов.

Дондрагмер ответил на замечание Изи:

— Да, нам, хоть и скромно, хватает еды и воздуха. Но что делать? — вот в чем настоящая проблема. Нам удалось спасти слишком мало вашего планетологического оборудования, и мы не можем продолжать работу для вас. Возможно, мы и смогли бы проделать обратный путь до Поселка — пешком, но пришлось бы поэтапно нести на себе оборудование жизнеобеспечения. Это означало бы, что через каждые несколько миль пришлось бы создавать новый лагерь, перебрасывать оборудование, перезаряжать патроны для дыхания, восстанавливать биоцикл — и так бесконечно. А так как расстояние до Поселка примерно тридцать тысяч... то есть, по-вашему, — двенадцать тысяч миль, то дорога заняла бы у нас годы. И это не метафора, я вовсе не имею в виду ваши короткие годы. Вот и получается: чтобы в дальнейшем мы смогли принести какую-то пользу для вашего проекта, надо постараться любым образом привести «Квембли» сюда, назад.

Изи осталось только согласиться, хотя она ясно видела альтернативу, о которой капитан не упомянул. Конечно же, Аукойн не одобрит этого, но, кто знает, может, и одобрит: ведь обстоятельства сильно изменились. Хорошо подготовленная команда исследователей — мощная и гибкая сила, в случае спора это нельзя упускать из виду.

Прошло несколько минут, прежде чем Бендж вернулся. Его информация вызвала прилив энтузиазма в ученых.

— Капитан, — позвал он, — «Квембли» по-прежнему движется, хотя и не очень быстро, его скорость где-то около двадцати кабельтовых в час. Он был засечен шесть минут назад в трехстах десяти наших милях от вашего передатчика. В вашем исчислении это примерно двести тридцать четыре тысячи кабельтовых, из-за довольно значительной разницы в уровнях между вами и «Квембли» надо ввести небольшую поправку. В общем, «Квембли» описал огромную дугу, и мы

пока не располагаем данными о длине реки, хотя наши ученые засекли уже двадцать позиционных точек с тех пор, как ваш корабль начал дрейфовать, так что в лаборатории уже составлена приближенная, грубая карта русла.

— Благодарю, — пришел в должное время ответ капитана. — Вы уже вступили в устный контакт с рулевыми?

— Пока еще нет, но мы не спускаем с них глав, они уже забрались внутрь. Я уверен, очень скоро они обнаружат передатчик на командном посту, хотя, подозреваю, имеются некоторые другие места, которые они захотят посетить в первую очередь. Запас воздуха в гермокостюмах, должно быть, уже весьма мал.

Предположение оказалось верным. Всего лишь несколько минут ушло у рулевых на то, чтобы удостовериться: крейсер покинут, большая часть оборудования системы жизнеобеспечения исчезла. Следовало немедленно проверить состав воздуха на борту корабля: не проник ли туда кислород снаружи? Ни один из них не знал никаких, хотя бы самых приблизительных тестов, позволяющих убедиться в наличии кислорода, не знал, какие меры в подобном случае предпринимались Бордендером и его коллегами. Они уже были готовы проверить содержание кислорода весьма отчаянным способом — по запаху, когда до Битчермарлфа дошло, что, по чисто научным соображениям, на борту могли оставить один из передатчиков и что человеческие существа чем-то смогут помочь. В лаборатории его не оказалось, но командный пост — следующее наиболее вероятное место, и голос Битчермарлфа спустя всего десять минут после того, как рулевые оказались на борту корабля, уже мчался сквозь пространство к орбитальной станции людей.

Бендж не стал спешить с поздравлениями, когда услышал вопрос Битчермарлфа, и сразу же передал его Дондрагмеру. Капитан, созвав ученых, обрисовал ситуацию, и в последующие полчаса связь была исключительно насыщенной: Бордендер все объяснял Бенджу, Бендж — Битчермарлфу, Битчермарлф, повторив объяснения, отправлялся в

лабораторию для проверки материалов и оборудования, затем возвращался обратно на командный пост, чтобы уточнить кое-какие детали...

В конце концов, все стороны, участвующие в беседе, почувствовали себя уверенными, что все инструкции поняты правильно. Во всяком случае, Бендж, оказавшийся центром переговоров, определенную уверенность испытывал. Он достаточно разбирался в химии и физике, чтобы понять: ничего, в принципе, взорваться не должно, даже если Битчермарлф и допустит какую-то ошибку. Единственно, о чем он беспокоился, так это о том, что его друг может провести тесты немного неаккуратно и не заметить опасную концентрацию кислорода. И какова степень риска — только опасность от отравления? Или смесь водорода с кислородом таила в себе еще что-нибудь? Да, Бендж был полностью уверен: смесь кислорода с водородом обладала и другими качествами.

И Бендж оставался в весьма сильном напряжении, пока Битчермарлф не вернулся на командный пост с сообщением, что оба теста завершены. Катализатор, связывающий свободный кислород путем ускорения его реакции с аммиаком, по-прежнему активно действовал, и концентрация паров аммиака в воздухе корабля оставалась достаточно высокой. Рулевые уже сняли гермокостюмы и не чувствовали запаха кислорода, хотя, конечно, это не слишком надежный показатель. Люди вот, например, не всегда ощущают запахи.

По крайней мере, оба рулевых могли прожить на борту корабля какое-то время. Прежде всего они вручную привели в действие насос, подающий в ферментную цистерну водород, и испытали громадное удовлетворение от того, что большая часть растений жива. Следующей проблемой была навигация.

Бендж сообщил своему другу все, что знал, об их нынешнем местоположении, о местоположении команды, а также о направлении и скорости движения «Квембли». Никаких проблем с использованием этой информации не возникло.

Битчермарлф определил направление дрейфа достаточно легко, поскольку были видны звезды, и он располагал отличным магнитным компасом. Магнитное поле Дхрауна, в значительной степени более сильное, чем магнитное поле Земли, повергало в ужас ученых, разбивая устоявшиеся представления об определенном соотношении между магнитным полем и периодом обращения для обычных планет.

Дискуссия, вызванная разработкой детального плана действий, оказалась короче предыдущей, касавшейся теста на кислород, хотя и она прерывалась довольно длинными паузами. И Дондрагмер, и рулевые отлично понимали, что надлежало сделать и каким образом.

Битчермарлф был намного моложе Такуурча, но вопрос о том, кто занимает руководящее положение на борту, ни у кого не возникал. К тому же Бендж всегда обращался к Битчу по имени, а не просто формально вызывал «Квембли», что тоже добавляло авторитета молодому рулевому. Изи и некоторые другие подозревали, что Такуурч, несмотря на свою готовность обсуждать свои собственные прошлые достижения, вовсе не выказывал большого желания принимать на себя ответственность. Он более склонялся к тому, чтобы принимать предложения Битчермарлфа — или сразу же, или после не очень настойчивых возражений.

— Мы все еще дрейфуем, и, если только у этой реки нет каких-нибудь странных изменений русла ниже по течению, мы так никогда и не приблизимся к остальным для оказания помощи, — наконец заключил младший рулевой. — Первейшая наша задача — установка лопастей на некоторые из тележек с энергоблоками. Если устанавливать лопасти на все тележки, мы никогда не закончим, так что возьмем пару тех, что поближе к корме, да несколько в центре — для контроля за движением. А поскольку энергоблоки останутся и на других тележках, у нас будет выбор: либо спокойно плыть, либо, подплыв к берегу, выбраться на сушу. Так и я немедленно выходим наружу и начинаем работать.

Присматривай за нами, как сможешь, Бендж. Передатчик мы оставляем там же, где он сейчас.

Битчермарлф не стал ждать ответа. Он и его спутник тут же надели гермокостюмы и достали лопасти, специально сконструированные для надевания на гусеницы. Их проверили на Месклине, но на Дхрауне еще никогда не использовали, поэтому никто не знал, как они будут работать в действительности. Площадь их была невелика, поскольку рабочее пространство для них ограничивалось небольшим зазором над тележками, и часть этого пространства занимал пластиковый шит, упираясь в который, лопасти, когда они скользили по верхней стороне тележки, опускались вниз, образуя плоскую поверхность. Тем не менее, считалось доказанным, что они обеспечивают какую-то тягу, какую именно — предстояло еще узнать. «Квембли», который сейчас дрейфовал в водоаммиачном растворе, имел более высокую посадку, чем в океане мира, где его собирали.

Установка лопастей и щита для двоих рабочих была делом весьма долгим и нелегким. Детали можно было брать лишь по одной за раз, поскольку не имелось места, куда бы их положить, — крейсер был на плаву. И страховочные фалы тоже постоянно мешали. Клешни месклинита не так удобны, как человеческие пальцы, хотя неудобство это частично восполнялось тем, что их обладатель мог использовать три пары одновременно и полностью согласованно: у

него не существовало такой асимметрии, как правосторонняя или левосторонняя ориентация у людей.

Еще одной из причин беспокойства явилась необходимость в искусственном освещении. Как оказалось, установка двенадцати лопастей и одного щита на каждую из трех тележек заняла у них пятнадцать часов. А если бы на каждой из тележек работать вчетвером, то, как заверил Битчермарлф Бенджа, на все ушло бы два часа, не больше.

К этому времени стало ясно, что «Квембли», несмотря на то что продолжает двигаться, уже не удаляется от лагеря. Очевидно, судно попало в некое подобие водоворота диаметром около четырех миль. Битчермарлф воспользовался этим, когда полностью подготовился к включению моторов: он выждал, пока люди-аналитики точно не подтвердили, что его уносит на юг, после чего запустил все три килевых двигателя. В течение нескольких секунд вроде бы ничего не происходило, но затем рулевые и люди вместе с ними

заметили, как огромный корпус корабля мало-помалу начал двигаться вперед. Месклинитам, находящимся на мостике, была видна небольшая волна, расходящаяся от носа движущегося корабля, люди же, наблюдая за кормовой частью, различили легкую рябь сразу позади корпуса судна.

Битчермарлф заложил руль круто влево, нацеливая нос на Сол и Фомальгаут. Почти с полминуты он гадал, получилось или нет, но потом звезды над головой устремились вправо — длинный корпус корабля начал свой величественный разворот. Однако теперь пришлось приложить немало усилий, чтобы его остановить. Битчермарлф повторял эту процедуру не один раз, выворачивая руль то в одну, то в другую сторону, прежде чем почувствовал: судно слушается. Затем, в течение почти целого часа, ему удавалось удерживать движение корабля в южном направлении, хотя сначала он даже понятия не имел, каким курсом они идут. Исходя из информации, поступившей ранее, он мог лишь догадываться, что водоворот сначала нес бы «Квембли» в том же самом направлении, после чего, вероятнее всего, завернул его на восток.

Прошло какое-то время, — и вот антенны направленного действия, установленные на спутниках, и компьютеры на станции смогли подтвердить это предположение. Но едва лишь это подтверждение поступило, как нос «Квембли» мягко врезался в землю.

Битчермарлф тут же переключил тягу на два дальних носовых мотора, которые обладали своими источниками энергии, что позволяло не занимать лопастные двигатели, и крейсер тяжело выбрался на берег.

— Я выбрался из озера, — доложил он. — Теперь новая проблема. Если я двинусь вперед по суше, не снимая лопастей, они быстро износятся. Если же выяснится, что я на острове, или мне еще по какой-то причине придется вернуться на воду, уйдет чертова уйма времени снимать их, а потом снова устанавливать. Я могу отправиться на разведку пешком, оставив судно на месте, чтобы выяснить, есть ли какие-

нибудь шансы остаться на берегу. Это займет какое-то время, но, конечно, не столько, как если бы мне пришлось ждать рассвета. Я с удовольствием выслушаю советы от вас, люди, или приказы от капитана. Мы будем ждать.

Дондрагмер, как только ему передали сообщение, ни секунды не медлил с ответом:

— Никуда не выходи. Подожди, пока картографы там, наверху, не решат, на той ли ты стороне реки, что и мы, или нет. Насколько я представляю себе карту по их описаниям, существует большая вероятность, что водоворот отнес тебя на восточную сторону, и тогда ты на правом берегу, тогда как мы — на левом. Даже если они будут не совсем уверены в этом, спускайся обратно на воду и двигайся на запад, пока они не решат, что ты миновал реку... нет, подожди. Есть еще одна идея. Следуй на запад, пока они не решат, что ты находишься прямо напротив самого устья реки, а затем вновь поворачивай на юг. Мне хотелось бы выяснить, сможешь ли ты хоть с какой-нибудь скоростью двигаться вверх по течению. Я знаю, это будет довольно медленно, вполне может оказаться, что в некоторых местах у берега ты вообще не сможешь пройти.

— Я все передам, капитан, и Битчу, и картографам, — ответил Бендж. — Я также попытаюсь достать копию карты, его поможет нам спасти уйму времени.

Определить направление оказалось задачей не из легких. Вопрос о местоположении «Квембли» решился довольно быстро, но вот направление реки, по которой судно спустилось к озеру, осталось загадкой. Замеры были сделаны во многих местах, но они лишь показали, что река чрезвычайно извилиста. После некоторого обсуждения все сошлись на том, что Битчермарлфу лучше вернуться на воду и взять курс на запад, держась как можно ближе к берегу, предпочтительно не выпуская его на виду, насколько позволят прожекторы и наклон дна. Если ему самому удастся найти устье реки, то, как и сказал Дондрагмер, он должен идти вверх по течению; если же нет, следовало продолжать

путь вдоль берега до тех пор, пока люди наверху не уверятся, что он миновал устье, после чего необходимо повернуть на юг.

Как выяснилось, не составило особого труда провести «Квембли» вдоль берега, и без всяких приключений через два с лишним часа судно достигло устья. Сама река, вытянувшись в западном направлении, образовывала широкую излучину, которую, пока отслеживали путь крейсера вниз по течению, почему-то совершенно выпустили из виду. Потом река снова поворачивала и впадала в озеро со стороны западного склона, в результате чего, вероятно, и появлялся тот самый, движущийся против часовой стрелки водоворот. Один из планетографов заметил, что в данном случае кориолисово ускорение ни при чем: озеро находилось всего лишь в семи градусах от экватора, да к тому же на южной стороне планеты, период оборота которой составляет два месяца.

В дельте, где береговая линия резко сворачивала на север, пришлось помучиться. Битчермарлф у руля и Такуурч на левом крыле мостика развернули судно, обходя то появляющийся, то исчезающий полуостров. Несколько раз, когда машины зарывались в мягкий донный ил, приходилось резко сбрасывать скорость, но, в конце концов, преодолев трудности, корабль вышел на чистую воду и устремился вверх по течению.

Течение на проверку оказалось не таким уж быстрым, но все же «Квембли» пока не давали полный ход. Месклиниты не спешили: Дондрагмер отпустил шесть часов, а если понадобится, и больше, чтобы определить истинную силу течения. За это время они продвинулись вперед на десять миль. При такой скорости крейсер должен был достигнуть лагеря через день или два, то есть где-то через неделю по земному времени.

Все планы рухнули из-за обыкновенного нежелания чуточку подождать. И в этом, естественно, ни в коем случае не следовало винить месклинитов. Именно Аукойн, от лица всех людей, решил, что полторы мили в час — скорость

плавания — это, в общем-то, слишком мало. Дондрагмер так не считал, но согласился, что, так и быть, пусть крейсер выбирается на твердую почву и заодно проводит исследования. На основании общего решения, он приказал Битчермарлфу поворачивать на запад, к виднеющейся там земле, которая, очевидно, была берегом реки. На первый взгляд, земля казалась проходимой. Терзаемый дурными предчувствиями, капитан отдал рулевому приказ убирать лопасти.

Снимать лопасти было куда легче, чем ставить их, тем более что теперь крейсер находился на земле. Детали можно было складывать рядом, и автоматически отпадала надобность в страховочных фалах.

Бендж, когда в следующий раз посетил отсек связи, обнаружил, что «Квембли» уже плавно движется на юг со скоростью десять миль в час. Окружающий ландшафт был ровным, лишь изредка попадались случайные выходы на поверхность скальных пород, да еще то тут, то там виднелись группки низкорослого кустарника — наивысшей формы жизни, пока обнаруженной на Дхрауне. Почва в основном состояла из затвердевших осадочных пород — планетологи сочли, что равнина раньше была сокрыта водами озера или реки, и даже Бенджу это показалось довольно правдоподобным.

Как и прежде, Битчермарлф горел желанием поговорить, но сразу было видно, что теперь он стал каким-то рассеянным. И он, и Такуурч постоянно всматривались вперед, насколько позволяли их зрение и прожекторы «Квембли». Не было никакой гарантии, что сейчас впереди вдруг не возникнет огромный камень или какое-нибудь другое препятствие; без радара они могли позволить себе максимум десять миль в час. Чуть быстрее — и они ничего не успеют рассмотреть в свете прожекторов. Когда же возникала необходимость в ремонтных работах, например в починке генератора воздуха, они останавливали крейсер и совместными усилиями справлялись с возникшей проблемой. Одной пары

глаз, как они считали, недостаточно, чтобы уследить за всем.

Но часы шли, и постепенно ими начинала овладевать предательская уверенность, что опасности никакой быть не может; что позади уже много миль, а они ни разу не сменили курс, разве что подошли поближе к реке, чтобы случайно не упустить ее из виду. Человек потихоньку начал бы прибавлять скорость. Но для месклинитов это был знак, что надо остановиться и немного передохнуть. Даже Такуурч понимал, что, когда им начинает овладевать искушение пойти против законов элементарного здравого смысла, значит, с ним происходит что-то не то.

Как-то, подойдя к экранам и увидев судно замершим на месте, Аукойн предположил, что это обычная остановка для починки в очередной раз вышедшего из строя генератора воздуха. Однако вскоре он заметил одного из месклинитов, лениво раскинувшегося на мостике; моторы все были выключены, вокруг раскинулась пустынная равнина. На вопрос, почему судно не движется, Такуурч, недолго думая, ответил, что он начал привыкать. Администратор покинул отсек связи в весьма задумчивом расположении духа.

Тем не менее, все эти меры до сих пор оправдывали себя, или, во всяком случае, так казалось.

Через несколько десятков миль на их пути все чаще стали встречаться выходы скальных пород, правда, не такие большие, как раньше, но теперь они теснились друг к другу и стали непонятно заостренными на вид. Планетологи строили догадки — ни на чем, как правило, не основанные из-за отсутствия элементарной информации о стратиграфии планеты. Основную часть ландшафта все еще составляли затвердевшие осадочные породы, но наблюдатели подозревали, что слой их вскоре может резко уменьшиться и что спустя некоторое время «Квембли» выйдет на тот же голый камень, на котором и был разбит лагерь Дондрагмера.

Теперь рулевому приходилось периодически сворачивать то вправо, то влево, чтобы объехать скальные обнажения, зачастую приходилось даже сбрасывать скорость.

Несколько раз за прошедшие пару часов планетологи жалобно просили остановиться, пока не поздно, и собрать образцы осадочной породы, по которой движется крейсер, и ничего, если камни будут слишком большие. Аукойн, сославшись на то, что, прежде чем образцы достигнут станции, пройдет минимум год, а то и два, отказал в просьбе. Ученые возразили, что все-таки куда лучше ждать год, чем не получить образцов никогда.

Но в следующий раз «Квембли» остановился только по инициативе Битчермарлфа. Причиной остановки послужил, на первый взгляд, незначительный факт: почва впереди по курсу казалась чуточку темнее, однако граница между нею и поверхностью земли под судном была весьма четкой. На экране это практически было не видно, но месклиниты, одновременно заметив перемену в ландшафте, без лишних слов сошлись на том, что здесь следует провести небольшую разведку. Битчермарлф вызвал станцию и, сообщив людям и своему капитану, что он и Такуурч на время покидают корабль, кратко обрисовал ситуацию. Едва послание было переведено, как тут же два планетолога кинулись к Изи и попросили ее буквально настоять на том, чтобы месклиниты, возвращаясь на борт, захватили с собой образцы. Она признала, что в данных обстоятельствах даже Аукойн не стал бы возражать, и согласилась передать просьбу ученых, когда снова свяжется с Дондрагмером.

Тем временем капитан дал свое согласие на вылазку, внеся при этом две поправки: чтобы за месклинитами наблюдали через экран с мостика, и чтобы прожекторы были включены на полную мощь. Отменить намеченную вылазку никто не решился: Аукойн при этом не присутствовал.

Как оказалось позднее, вылазка себя полностью оправдала. Примерно в сотне ярдов впереди, чуть дальше того

места, куда достигал свет прожекторов, их путь пересекал небольшой ручей, впадающий затем непосредственно в реку. Переместив свет прожекторов вправо, рулевые заметили, что приток этот, появляясь откуда-то с севера, некоторое время идет параллельно курсу крейсера, потом огибает его и исчезает из виду на северо-западе. Таким образом, «Квембли» оказался на полуострове в двести ярдов шириной и примерно столько же длиной. С востока, то есть слева, несла свои воды река, а со всех других сторон судно окружал тот самый ручеек. И месклиниты, и люди пришли к выводу, что изменение в цвете почвы, которое, собственно, и привлекло внимание рулевых, произошло в результате ее увлажнения потоком.

Снаружи, даже при нескольких дополнительных прожекторах, линия раздела была еще меньше заметна, чем с мостика. Как рассудил Битчермарлф, во всем виновата ограниченность поля зрения. Команда, состоящая из Битчермарлфа и Такуурча, наскребла и рассовала по контейнерам взятые с той и с другой стороны границы образцу почвы, а затем рулевые направились взглянуть на поток. Он оказался довольно быстрым, но небольшим — шириной всего в три-четыре длины тела, уровень жидкости находился дюйма на два ниже почвы, в которой он пробивал свой путь. Быстро посовещавшись, двое месклинитов развернулись спиной к реке и пошли вверх по течению ручья. По виду они ничего не могли сказать о составе жидкости в ручье, но бережно наполнили бутылочку для дальнейшего исследования.

Спустя некоторое время они подошли к месту, где ручей сворачивал, и сразу поняли, что появился он здесь лишь недавно: даже невооруженным глазом было видно, как ручей буквально вгрызается в берега, унося с собой кусочки осадочных пород. Теперь, стоя на самом повороте, они не только увидели, но и ощутили, как ручей подтачивает их берег Битчермарлф, встав на самый край, вдруг почувствовал, что почва под ним начала обваливаться, кусок берега отделился, и мгновение спустя месклинит очутился в ручье.

Протока оказалась глубиной около дюйма, поэтому он воспользовался случаем и, прежде чем выбраться на сушу, взял еще один образец, теперь с самого дна ручья. Месклиниты решили еще минут десять пройти вверх по течению: Битчермарлф пошел прямо по воде, Такуурч следовал за ним по берегу. Еще до исхода, отпущенного ими самим себе времени, они наткнулись на источник, откуда брал свое начало поток. Это был родник, бьющий примерно в полумиле от «Квембли» и закручивающий яростные водоворотики там, где его подпитывало подземное течение. Битчермарлф, неосторожно решив исследовать центр источника, был сбит с ног и отброшен назад.

Итак, их маленькую экспедицию можно было считать законченной: камеры у них не было, а все возможные образцы уже собраны, поэтому они вернулись на «Квембли» и на словах описали увиденное ими.

Даже ученые согласились, что теперь пора возвращаться в лагерь, где Бордендер и его команда могли бы заняться образцами. Битчермарлф привел крейсер в движение.

Судно приблизилось к ручейку и начало переваливать через него, корабль слегка содрогнулся, когда двигатель угодил в зону родничка, но на мостике этого даже не почувствовали.

Следующие восемь секунд прошли спокойно.

«Квембли» уже почти перевалил через ручей, когда твердая почва вокруг него вдруг начала превращаться в грязь. Мостик слегка подкинуло, на экранах орбитальной станции это выглядело так, будто детали окружающего ландшафта чуть подпрыгнули.

Движение вперед почти сразу же прекратилось. И хотя винты продолжали работать, толку от них было мало: они беспомощно завязли в той липкой грязи, в которую вдруг превратилась почва. Ни тяги, ни опоры не было. «Квембли» начал оседать. Так он опускался до тех пор, пока полностью не исчезли двигатели, затем, плюхнувшись днищем, корабль начал тонуть, пока почти целиком не ушел в

полужидкую трясину. Остановили движение судна два скальных обнажения — одно из них подцепило судно за корму, другое же врезалось справа по борту в десяти футах от главного шлюза. Раздался громкий скрежет, корпус крейсера качнулся вперед, потом налево и застрял окончательно.

В тот же миг, как вовремя предупредило Битчермарлфа его обоняние, где-то лопнула обшивка. Внутрь заструился кислород.

15. Суть

— В общем, все сводится к тому, — заявил Аукойн со своего места во главе стола. — Что у нас есть выбор: послать баржу вниз, на поверхность планеты, или не послать. Если не пошлем, «Квембли» и два месклинита, оставшиеся на борту, потеряны для нас, а Дондрагмер и его команда будут пребывать в бездействии до тех пор, пока спасательный крейсер, например «Каллифф», не доберется до них из Поселка. К сожалению, если мы и попытаемся посадить баржу, велика вероятность, что это не поможет: мы не знаем, почему почва не выдержала веса «Квембли», и нельзя быть уверенным, что то же самое не произойдет с баржей где-нибудь поблизости. Потеря баржи была бы совершенно некстати. Даже если сначала сделать посадку у лагеря Дондрагмера и переправить его с командой на крейсер, мы все же рискуем потерять баржу, а ведь неизвестно, сможет ли команда отремонтировать свой корабль. Доклады Битчермарлфа в этом смысле не обнадеживают: они нашли и законопатили места основных протечек, но по-прежнему, время от времени, кислород проникает внутрь корпуса, и уже несколько цистерн системы жизнеобеспечения непоправимо отравлены. До сих пор рулевые справлялись с очисткой, а также латали дыры с помощью других, уцелевших деталей, но это не может длиться до бесконечности, пока существуют протечки. И кроме того, ни Битчермарлф, ни Такуурч ничего

не предложили насчет того, как высвободить крейсер из этой жижи, в которой они застряли.

Есть и еще один веский аргумент против высадки баржи на Дхрауне. Если использовать дистанционное управление, придется учитывать шестидесятисекундное запаздывание на любую команду — тогда о каком же управлении вообще можно говорить? Так что этот вариант исключается. Можно, конечно, запрограммировать бортовой компьютер на автоматическое управление, но, как уже было в свое время доказано — когда кое-кто пытался совершить автоматическую посадку вдали от Земли, — риск очень велик. С таким же успехом можно преподать быстрый урок управления этой штукой месклинитам!

— Только не надо упирать на то, что последнее предложение выглядит нелепым. «Алан», — мягко сказала Изи. — «Квембли» — просто первый из крейсеров, который, кажется, попал в непоправимую беду. Дхраун — очень большой мир, нам мало известно о нем, и, подозреваю, скоро, рано или поздно, у нас не останется лэнд-крейсеров для проведения спасательных и любых других работ. Кроме того, даже я знаю, что управление баржей сдублировано с компьютером, то есть с управлением типа «нажми-на-ту — кнопку-куда-хочешь-лететь». Я признаю, что даже и в этом случае шансы на успех невелики — один к десяти или даже ниже, что любой, кто попытается на этой машине совершить перелет от одного места к другому на Дхрауне, да еще, не имея при этом никакого опыта полетов, скорее всего погибнет, но есть ли у Битчермарлфа и Такуурча хотя бы и такие шансы остаться в живых, не располагая ничем другим?

— Мне кажется, есть, — тихо ответил Аукойн.

— Какие же, во имя всего сущего? — не выдержал Мерсерэ. — Мы уже здесь немало...

Изи подняла руку, и либо жест, либо выражение ее лица заставили Бойда замолчать.

— Вы можете порекомендовать другой способ, дающий реальные шансы на спасение? И кому — «Квембли», или двум его рулевым, или команде Дондрагмера?

Аукойн имел совесть, поэтому густо покраснел, однако голос его прозвучал твердо.

— Я уже упоминал об этом ранее, если Бойд помнит, — заявил он. — Надо послать «Каллифф» из Поселка, чтобы подобрать их всех.

Последовало несколько секунд молчания. На лицах, сидевших за столом, мелькнуло выражение удивления. Наконец заговорил Иб Хоффман.

— Вы полагаете, Барленнан одобрит это решение? — с невинным видом спросил он.

— В общем, все сводится к тому, — сказал Дондрагмер Кабремму. — Что мы можем оставаться здесь и ничего не делать, пока Барленнан не пришлет спасательный крейсер из Поселка. Полагаю, он сумеет придумать причину, которая не покажется людям слишком притянутой за уши, поскольку он не поступил точно так же в случае с «Эскетом».

— Ну, это нетрудно, — согласился первый офицер «Эскета». — Тогда одно из человеческих существ было против посылки крейсера, и командир просто позволил ему выиграть спор. На этот раз он может повести себя тверже.

— Похоже, тогда у некоторых из людей зародились кое-какие подозрения. Впрочем, неважно. Если ждать здесь, то неизвестно, сколько продлится ожидание: ведь мы не знаем, имеется ли наземный путь от Поселка к этому месту. Ты прибыл сюда с шахт по воздуху, а мы часть пути проплыли.

Бели же мы решим не ждать, то нам остаются две возможности. Во-первых, можно поэтапно передвигаться к «Квембли», неся оборудование систем жизнеобеспечения на себе, останавливаясь для его установки и подзарядки. Думаю, со временем мы доберемся до корабля. Вторая возможность — двигаться таким же образом к Поселку, чтобы встретить спасательный крейсер, если таковой выйдет нам

навстречу, или добраться до Поселка пешим порядком, если спасательного крейсера не будет. Уверен, когда-нибудь мы доберемся даже туда, в конце концов. Но если мы и достигнем «Квембли», что толку? Нет никакой уверенности, что удастся отремонтировать его; если люди полностью адекватно передали ощущения Битчермарлфа, это кажется сомнительным. В общем, мне не нравятся обе эти возможности, потому что они подразумевают огромные затраты времени впустую. Есть кое-что получше, чем тащиться по поверхности этого мира.

— Что ты имеешь в виду? — оживился Кабремм.

— По-моему, было бы гораздо лучше использовать твой воздушный шар — либо для спасения моих рулевых, если будет принято решение бросить «Квембли», либо для переправки моей команды и оборудования к тому месту, где он сейчас находится.

— Но это...

— Конечно, это, так сказать, «потопит весь плот», поскольку напрямую коснется «Эскета». Но использование вертолета Реффела произведет то же впечатление: какую-бы ложь мы ни придумали, как объяснить, что произошло с передатчиком, установленным на вертолете, чтобы люди не поняли, что случилось? И я просто не уверен, что наш план стоит такой жертвы, как жизни месклинитов, хотя и признаю, что он стоит риска, конечно; в ином случае я бы не согласился с планом.

— Я слышал об этом, — ответил Кабремм. — Никто так и не смог убедить тебя, что существует весьма серьезная опасность оказаться в полной зависимости от существ, которые просто не могут, наверное, воспринимать нас как разумный вид, как себе подобных.

— Совершенно, верно. Но помни и то, что некоторые из них так же отличаются друг от друга, как они сами — от нас. У меня уже сложилось свое мнение о чужаках к тому времени, когда один из них ответил на мой вопрос о дифференциальном подъемнике четко, в деталях, и подготовил для

меня первый урок по использованию математического аппарата в науке — даром. Я понимаю, что люди различаются между собой, как и мы сами. И, конечно же, тот, кто отговорил Барла от посылки помощи «Эскету», должен весьма отличаться, в пределах вида, от миссис Хоффман или Чарльза Лэкленда, но никогда и ни за что я не стану испытывать к ним недоверия, как, похоже, испытываешь ты. И если уж на то пошло, Барленнан, по-моему, тоже не испытывает такого недоверия; он не раз уже менял свое мнение по этому поводу, вместо того чтобы спорить со мной, а Барленнан — просто не Барленнан, если не уверен, что он прав. И мне кажется, что самая правильная идея — «прикрыть парусами» весь наш план и прямо попросить помощи у людей в деле с «Квембли». По крайней мере, можно рискнуть обнаружением всех трех воздушных шаров неподалеку от крейсера.

— Их больше уже не три.

Кабремм, хоть и понимал, что это не относится к делу, был рад сменить тему.

— Карфренгин и четверо матросов пропали на «Элше» вот уже два дхраунских дня назад, — добавил он.

— Эти новости до нас еще не дошли, — произнес Дондрагмер. — И как же прореагировал командир? Я склонен думать, что, если мы начнем терять персонал по всем точкам карты, у него появится соблазн попросить помощи у людей.

— Он сам еще об этом не слышал. Мы направили поисковые наземные партии, используя тележки, которые сняли с «Эскета», и, пока все тщательно не проверим, пока не подготовим подробный и полный доклад, не хотим ничего сообщать.

— И сколько же ждать, пока он не станет полным? Карфренгин и его экипаж к этому моменту уже могут погибнуть. На воздушных шарах оборудование жизнеобеспечения не протянет так долго.

Кабремм сделал волнообразное движение, соответствующее человеческому пожиманию плечами:

— Поговори об этом с Дестигметом. У меня хватает и своих забот.

— А почему твой воздушный шар не использовали для поисков?

— Использовали. Вплоть до наступления темноты. Надвигается какая-то новая река, очень медленно, но скоро она все-таки накроет весь второй поселок, если только не остановится. Она уже достигла «Эскета», и тот начал заваливаться, именно поэтому мы смогли так быстро и легко снять тележки. Дестигмет послал меня назад, чтобы я проследовал по маршруту ледника и попытался определить, будет ли он наступать долгое время или это наступление кратковременное. Мне, по всей видимости, не следовало забираться так далеко, но я не смог заставить себя остановиться. И на всем протяжении река ведет себя с завидным постоянством: то она твердая, то — жидкая; это самое поразительное, с чем до сих пор мне приходилось сталкиваться на этой планете. Нет никакого шанса на то, что лед остановит свое наступление, и с поселком у «Эскета» практически покончено.

— И, конечно же, Барленнан об этом тоже еще не слышал?

— Не было никакой возможности сообщить ему. Мы обнаружили, что лед надвигается, лишь перед самым наступлением ночи. А до тех пор он был всего лишь утесом в нескольких дюжинах кабельтовых от шахты.

— Другими словами, мы потеряли не только моего первого офицера и вертолет, но еще и воздушный шар с пятью членами экипажа, а заодно уж и весь проект с «Эскетом», и, наверное, мой «Квембли» впридачу. И ты по-прежнему считаешь, что мы не должны прекратить этот обман, не должны рассказать всю правду людям и попросить у них помощи?

— Да. Стоит им узнать, что у нас здесь столько разных неприятностей, они, наверное, решат, что мы бесполезны для них и бросят нас здесь.

— Чепуха. Никто не бросает вот так, на ветер, проекты, в которые вложена такая уйма затрат. Впрочем, ладно, не стоит спорить: так или иначе, это бесполезно. Я хотел бы…

— Что ты действительно хотел бы, — перебил его Кабремм, — так это найти какой-то предлог, чтобы «выплеснуть всю бочку» своим кислороддышащим друзьям.

— Ты же знаешь, я бы этого не сделал. Я полностью готов полагаться на свои собственные суждения, однако достаточно разбираюсь в истории, чтобы с опасением относиться к сиюминутным изменениям самых основ утвержденной политики.

— И то хорошо. Ничего плохого нет в том, что тебе нравится кое-кто из людей, но не все они такие, как Хоффман. Ты сам это признал.

— В общем, все сводится к тому, — обратился Барленнан к Бендивенсу, — что мы здорово поторопились с посылкой Дисленвера к «Эскету» с приказом «захлопнуть» все передатчики, находящиеся на его борту. Казалось, вопрос с «Эскетом» как-то утих, но это снова вдохнет в него жизнь. Мы все еще пока не готовы для основного дела, и этот момент наступит через год, не ранее. Я не сожалею о том, что пришлось вынудить людей задуматься об опасности со стороны аборигенов, однако команда Дестигмета не сможет сыграть свою роль, пока они не изготовят как можно больше механического и электрического оборудования собственной конструкции — оборудования, которого, как считают люди, у нас нет. И, конечно, пока опасность со стороны аборигенов не станет казаться вполне реальной, вряд ли люди предпримут шаги, которых мы от них хотим. Если бы имелась какая-то возможность отправиться вслед за Дисом и отменить приказ, я бы это сделал. И еще я сожалею о том, что не осмелился одобрить твои эксперименты с радио и установить передатчик на «Диди».

— Ну, последнее вполне поправимо, и я буду рад поработать над этим, — ответил Бендивенс. — Конечно, люди могут засечь радиоволны, но если мы ограничимся короткими и

редкими передачами и будем использовать простые коды типа «да — нет», то они, наверное, не сумеют определить источник радиоволн. Тем не менее, уже поздно: Дисленвера не догнать.

— Правда. Хотелось бы мне знать, почему никто там, наверху, более ни слова не сказал о Кабремме. Последний раз, когда я разговаривал с миссис Хоффман, у меня создалось впечатление, что она уже не так сильно уверена, что и в самом деле видела именно его. Ты не думаешь, что она действительно сделала ошибку? Или, быть может, человеческие существа пытаются проверить нас, как я хотел проверить их? Или Дондрагмеру удалось сделать нечто такое, что сняло нас с этого рифа? Если она действительно ошиблась, то нам снова придется обдумывать все с самого начала...

— А как насчет того, другого, сообщения, о котором мы более ничего не слышали, — о том, что по палубе «Эскета» что-то прокатилось? — вопросом на вопрос ответил ученый. — Что, если это был еще один тест? Или, быть может, там действительно происходит нечто подобное? Помнишь, у нас же не было никакого контакта с этой базой в течение ста пятидесяти часов? И если на «Эскете» в самом деле что-то передвигается, то очень плохо, что у нас нет никаких сведений и мы не можем предпринять никаких разумных действий. Знаешь, я не имею ничего против самого плана с «Эскетом», но все-таки ужасно надоедает, когда не можешь доверять своим данным.

— Если с «Эскетом» что-то случилось, нам просто придется положиться на суждения Диса, — ответил командир, игнорируя последнюю фразу ученого. — На самом деле главная проблема — «Эскет». Настоящий вопрос в том, что делать с Дондрагмером и с «Квембли». Думаю, у него имелась весьма веская причина покинуть корабль и позволить ему дрейфовать дальше, но результаты этого решения оказались несколько неуклюжими. Тот факт, что пара его матросов осталась на борту, еще более осложняет ситуацию. Если бы

не это, мы могли бы просто забыть о «Квембли» и выслать «Каллифф», чтобы он подобрал всех.

— А почему нельзя выслать его сейчас? Разве человек Аукойн не предложил это?

— Предложил. Я ответил, что должен подумать.

— Почему?

— Потому что один шанс из десяти, а может быть, один из ста, что «Каллифф» доберется туда вовремя, что для двух матросов будет от этого какая-то польза. Помнишь то снежное поле, которое пересекал «Квембли» еще до первого паводка? Как ты полагаешь, на что похоже вся та территория сейчас? И как долго, ты думаешь, двое месклинитов, хотя и компетентных в своем деле, но не имеющих специального технического или научного образования, смогут протянуть в этом постоянно протекающем корпусе? Конечно, мы могли бы признаться во всем, рассказать людям, как связаться с Дестигметом через вахтенных, которых он держит у передатчиков «Эскета»; тогда люди могли бы сказать ему, чтобы он послал на помощь воздушный шар.

— Могли бы. И выкинули бы на ветер огромную проделанную работу. И разрушили бы то, что по-прежнему кажется многообещающей операцией, — задумчиво ответил Бендивенс. — И ты не хочешь этого. Во всяком случае, ничуть не больше, чем я сам. Но, конечно же, нельзя бросить и этих двух рулевых.

— Нельзя, — медленно согласился Барленнан, — но я вот о чем подумал: не слишком ли мы будет велик риск, если подождать еще одной возможности?

— Какой же?

— Если люди будут убеждены, что мы не в состоянии провести спасательную операцию, то, возможно, особенно если участие в обсуждении примут оба Хоффмана, они решат предпринять какие-то действия сами.

— Какие действия? Корабль, который они называют «баржей», может приземлиться только здесь, у Поселка, с помощью своего автоматического управления, если я

правильно понял Спасательный План Номер Один. И, конечно же, баржа не может облететь всю планету, вылетев с орбитальной станции: если на исправление ошибок будет уходить по целой минуте, она тут же разобьется. И люди не могут спуститься на ней лично: баржа приспособлена для того, что спасти нас, там наш воздух и температура, да и тяготение на Дхрауне просто размажет человеческое существо по палубе.

— Только не недооценивай этих чужаков, Бен. Может быть, они и на самом деле не слишком изобретательны, но у их предков имелось предостаточно времени на то, чтобы продумать множество годных к употреблению идей, о которых мы вообще не имеем никакого представления. Я бы не стал рисковать матросами, если бы не чувствовал, что есть реальная возможность заставить людей воспринять мысль, будто они сами должны провести спасательную операцию. Это гораздо лучше, чем отказаться от нашего плана.

— В общем, все сводится к тому, — сказал Битчермарлф Такуурчу, — что каким-то образом мы должны найти время между затыканием дыр и очисткой нашего воздуха от отравы, чтобы убедить людей, что «Квембли» стоит спасения.

Лучше всего было бы привести его в движение нам самим, но сомневаюсь, что у нас это получится. И именно крейсер окажет решающее влияние на принятие решения. Твоя жизнь и моя не слишком много значит для людей, за исключением, быть может, Бенджа, который не командует там, наверху. Если корабль уцелеет, если мы сможем удержать в рабочем состоянии все эти цистерны, чтобы они снабжали нас едой и воздухом, и сами каким-то образом удержимся от случайного отравления кислородом, да еще при этом совершим что-нибудь невозможное в деле ремонта и высвобождения крейсера, только тогда, может быть, они убедятся, что стоит предпринять спасательную операцию. Если же спасательной операции не будет, нам придется проделать все это самим, хотя бы ради себя. Но если мы сможем

через людей сообщить Барленнану, что «Квембли» на свободе и в полном порядке, это осчастливит многих, и особенно командира.

— Ты считаешь, что мы справимся? — спросил Такуурч.

— Ты и я — первые, кого необходимо убедить в этом, — ответил более молодой рулевой. — После этого убедить весь остальной мир будет куда как легче.

— В общем, все сводится к тому, — обратился Бендж к своему отцу, — что мы не станем рисковать баржей для спасения двух жизней, даже если именно для этого она здесь и находится.

— Ну, не совсем так, как ни смотри, — ответил Иб Хоффман. — Все-таки это часть аварийного оборудования, она предназначалась для использования в случае провала всего проекта, если придется эвакуировать Поселок, и такая вероятность не исключена. Есть также и много всякого другого, чего нельзя было проверить заранее. Например, выравнивание давления внутри крейсеров и в термокостюмах путем добавки аргона казалось вполне оправданным решением, но мы не могли быть полностью уверены в том, что при этом сами месклиниты не будут испытывать какие-нибудь побочные эффекты. Аргон инертен по земным стандартам, но то же касается и ксенона, являющегося довольно эффективным анестезирующим средством для людей. Живые организмы слишком сложны для безоговорочной экстраполяции, хотя месклиниты, кажется, имеют гораздо более простую физиологию, чем мы сами. Это может служить одной из причин, по которой они в состоянии переносить столь большие температурные перепады.

Но, главное, баржа настроена так, что может совершить посадку, только нацелившись на лучевой маяк рядом с Поселком; она не сможет приземлиться где-нибудь еще на Дхрауне. Конечно, ею можно управлять с помощью дистанционного управления, но только не с такого расстояния.

— Но разве нельзя изменить программу бортового компьютера баржи, так, чтобы он мог посадить корабль и в

других местах, по крайней мере на достаточно плоской поверхности? Ответь мне: если бы речь шла о твоем друге, ты посадил бы баржу с помощью введенной программы или с помощью дистанционного управления, с такой задержкой?

— Помни, что на барже стоят протонные реактивные двигатели, ее масса покоя двадцать семь тысяч фунтов, и это создаст довольно-таки значительный всплеск даже при очень аккуратной посадке — при сорока-то «g», особенно если учесть, что реактивные двигатели настроены для уменьшения разброса.

Бендж нахмурился, задумавшись.

— Но почему мы не можем хотя бы немного приблизиться к Дхрауну и, таким образом, снизить запаздывание для дистанционного управления? — спросил он после нескольких секунд раздумий.

Иб удивленно взглянул на своего сына:

— Ты же знаешь — почему. Во всяком случае, должен бы знать. Масса Дхрауна примерно в три с половиной раза больше массы Земли, а его период обращения вокруг оси примерно пятнадцать сотен часов. И синхронная орбита, на которой мы находились бы над одной и той же долготой на экваторе, таким образом, чуть превышает шесть миллионов миль. Если, например, использовать орбиту высотой в сто километров над поверхностью планеты, то ты должен был бы двигаться со скоростью порядка девяноста миль в секунду и вращаться вокруг Дхрауна с периодом где-то около сорока минут. И ты смог бы наблюдать какую-то точку на его поверхности в течение одной-двух минут из этих сорока. А поскольку эта планета имеет площадь поверхности, равную примерно восьмидесяти семи площадям поверхности Земли, то сколько контрольных спутников тебе бы потребовалось для выполнения хотя бы одной посадки и взлета?

Бендж нетерпеливо отмахнулся.

— Все это я знаю, но ведь там уже целый рой этих станций — теневых спутников. Даже я знаю, что на них имеется ретрансляционное оборудование, поскольку они постоянно

сообщают данные для компьютеров, находящихся здесь, на станции, и в любой момент по меньшей мере половина из них находится по другую сторону Дхрауна. Почему бы контролер, находящийся на одном из них, или корабль, примерно на той же высоте, не мог бы подключиться к их оборудованию и управлять посадкой и валетом оттуда? Задержка в этом случае была бы не больше секунды или около того, даже если бы спутник и баржа оказались на противоположных сторонах планеты.

— Потому что... — начал было Иб и умолк.

И молчал он целых две минуты. Бендж не мешал его мыслям, занятый своими, которые проносились у него в голове весьма быстро.

— Придется на несколько минут прервать поток поступления нейтринных данных, пока идет перенастройка ретрансляционного оборудования, — наконец ответил Иб.

— И сколько уже лет они собирают одно и то же? — Бендж обычно не позволял себе проявлять иронию в отношении кого-то из своих родителей, но сейчас его чувства начали накаляться.

Отец молча кивнул, согласившись с замечанием, и продолжал думать.

Прошло, должно быть, минут пять, хотя Бендж мог бы поклясться, что гораздо больше, когда старший Хоффман неожиданно встал.

— Идем, сын. Ты совершено прав. Этого вполне достаточно для посадки с орбиты на поверхность и последующего старта с поверхности на орбиту. Для перелетов над поверхностью, правда, много даже задержки в одну секунду, но мы обойдемся без нее.

— Конечно! — с энтузиазмом подхватил Бендж. — Стартовать на орбиту, перевести дух, изменить орбиту, чтобы выбрать подходящую точку для посадки, и приземлиться.

— Это сработало бы, но пока говорить об этом преждевременно. Вот если ввести такие старты в привычку, тогда, действительно, произойдет значительный перерыв в

поступлении нейтринных данных. И, помимо всего остального, я хотел найти какой-то предлог для подобных действий еще с того момента, как подключился к проекту. А теперь у меня таковой есть, и я собираюсь его использовать.

— Предлог для чего?

— Для исполнения того, ради чего, как мне кажется, Барленнан с самого начала пытался маневрировать нами: дать барже пилотов-месклинитов. Полагаю, со временем он захочет получить и межзвездный корабль, чтобы начать вести ту же жизнь в межзвездном пространстве, к какой он привык на океанах Месклина, но ему придется удовольствоваться лишь одним большим прыжком за раз.

— Так ты думаешь, именно этого он намеревался добиться с самого начала? Зачем ему беспокоиться, будут или нет у него собственные пилоты-месклиниты? А если и так, то почему было не реализовать идею сразу? Ведь для месклинитов такая задача вполне по силам?

— Конечно. Нет никаких сомнений, что они могут научиться управлению.

— Тогда почему же было не сделать это с самого начала?

— Не хочу читать тебе лекцию именно сейчас. Я был бы рад испытывать только гордость за свою расу, но, боюсь, объяснение поубавит твое уважение к самой человеческой сути, во всяком случае — к возможностям человека контролировать свои эмоции.

— Что ж, могу себе представить, — заметил Бендж. — Но тогда что заставляет тебя думать, что сейчас мы можем изменить ситуацию?

— Придется для пользы дела сыграть на наименее добропорядочных свойствах человеческого характера. Я направляюсь вниз, в лабораторию планетологии, и затеваю авантюру. Я собираюсь спросить химиков, что именно захватило в тиски «Квембли», и когда они ответят, что не знают, поскольку у них нет образцов этой дряни, я спрошу — как же так? Я спрошу: почему они до сих пор удовольствовались лишь сейсмическими нейтринными данными, когда с

таким же успехом можно было анализировать минеральные образцы, доставленные сюда с каждой из точек, где останавливался, хотя бы минут на десять, месклинитский крейсер?

Если ты предпочитаешь воззвать к более высоким человеческим эмоциям, то заранее подготовь душераздирающие реплики о жестокости людей по отношению к твоему другу Битчермарлфу, оставшемуся по нашей вине медленно задыхаться в чужом мире, находящемся во многих парсеках от родного дома. Мы используем и эти аргументы, если придется вынести спор на более высокий уровень — скажем, на суд общественного мнения. Не думаю, что дело дойдет до этого, но сейчас я не в настроении ограничивать себя цивилизованной борьбой и чисто логическими аргументами.

И если Алан Аукойн начнет ворчать насчет цены управления баржей (мне кажется, он чрезмерно благоразумен), я собираюсь попинать его обеими ногами. Энергия у нас практически даровая — с тех пор, как мы получили термоядерные двигатели, так что о ценности чего идет речь? Может быть, о ценности его личных заслуг? Так или иначе, но ему придется использовать команды месклинитов. Ведь, позволяя барже впустую дрейфовать неподалеку от станции, он попусту растрачивает ее собственную стоимость. Я знаю, что в моей логике имеется маленькая брешь, но, если ты укажешь на нее в присутствии доктора Аукойна, я отшлепаю тебя впервые с тех пор, как тебе исполнилось семь лет, а последнее десятилетие, по-моему, не слишком ослабило мою руку. Пусть Аукойн соображает все сам.

— Не нужно раздражаться в отношении меня, па.

— Я и не раздражаюсь. В действительности я не столько раздражен, сколько напуган.

— Напуган? Чем же?

— Тем, что может случиться с Барленнаном и его группой, на этой, как твоя мама называет, «ужасной планете».

— Но почему? Почему ты испугался только сейчас?

— Потому, что понемногу начал понимать: Барленнан — разумное, волевое, вдумчивое и честолюбивое существо, к

тому же неплохо обученное — примерно такое, каким был мой единственный сын шесть лет назад, и я еще очень хорошо помню твой эксперимент с прибором для подводного плавания. Идем. Нам нужно организовать школу астронавтов и отобрать в нее парочку студентов.

Эпилог: Уроки

На расстоянии в двести миль баржа выглядела как похожий на звезду объект, отражающий слабый свет Лаланда-21185. Бендж наблюдал, как корабль притормозил на этом расстоянии и занял стационарную орбиту, которую его пилот считал подходящей, однако ни Бендж, ни пилот никаких технических деталей не обсуждали. Настолько удобным оказалось разговаривать, не ожидая в течение целой минуты ответов друг друга, что Бендж и Битчермарлф просто болтали без умолку.

Однако такие беседы становились все менее и менее частыми. Теперь Бенджу пришлось по-настоящему вернуться к своей работе и, как он подозревал, наверстывать упущенное. Битчермарлф во время тренировочных полетов частенько забирался так далеко, что вообще не имел возможности разговаривать ни с кем, кроме своего инструктора.

— Время передавать бразды правления, Битч, — закончил Бендж их последнюю беседу, услышав насвистывание Тиббетса, приближающегося из шахты. — Учитель уже близко.

— Я готов, как только он появится, — тут же пришел ответ. — На этот раз он будет использовать ваш язык или мой?

— Не знаю, он сам тебе скажет. А вот и он, — ответил Бендж.

Однако бородатый астроном, осмотревшись по сторонам, сперва обратился к Бенджу. Сейчас они оба плавали в невесомости, в секции визуального наблюдения, расположенной в центральной части огромной станции, и Тиббетс принял как само собой разумеющееся, что баржа и его студент

дрейфуют где-то по соседству. Его цепкий взгляд вобрал в себя все — и тусклый янтарь солнца, и туманный диск Дхрауна, отсюда казавшийся чуть больше Луны, видимой с Земли.

— Где он, Бендж? Кажется, я слышал, как ты с ним беседовал. Надеюсь, он не опаздывает? Пора бы ему уже неплохо разбираться с орбитами перехвата, даже с номограммами вместо высокоскоростных компьютеров.

— Он здесь, сэр. — Бендж показал. — Чуть более чем в двухстах милях, на 17,8-минутной орбите вокруг станции.

Тиббетс поморгал.

— Просто немыслимо. Вот уж не предполагал, что эта груда железа может проскочить расстояние хотя бы в двести футов за такое время, не говоря уж о двухстах милях. Ему необходимо было использовать форсаж, с ускорением двигаясь в направлении к нам...

— Он так и поступил, сэр. С ускорением около двухсот «g». А время, указанное мной, равно периоду обращения Месклина, в то время как ускорение — сила тяжести в его родном порту. Он говорит, что еще ни разу не чувствовал себя так комфортно с тех пор, как подписал контракт с Барленнаном. Одного лишь ему бы еще хотелось — каким-то образом прибавить солнечного света.

Астроном медленно улыбнулся.

— Так. Мне все ясно. Конечно, в этом есть смысл. Я должен был бы сам догадаться. У меня для него приготовлено множество упражнений, но это ничуть не хуже любого из них. Надо будет сделать упор на маневрах, требующих высоких ускорений. Что ж, займемся делом. Ты не мог бы остаться, чтобы проконтролировать мой стеннийский? Кажется, для сегодняшней работы у меня наготове все стеннийские термины, да и космос достаточно чист, так что его ошибки и мои должны быть относительно безвредны, однако зачем рисковать?

— И все же очень плохо, что «Квембли» нельзя спасти, — заметил Аукойн, — но команда Дондрагмера добилась

неплохих результатов в изучении местности, где они застряли в ожидании спасения. Думаю, лучше всего послать им на выручку «Каллифф», хотя бы и с неполной командой, чтобы дать им возможность спокойно работать, пока не прибудут спасатели, а не переправлять их обратно в Поселок на барже. Так или иначе, это довольно опасно, пока у нас не будет двоих опытных, с практическими навыками пилотов-месклинитов. Та единственная посадка, около «Квембли», когда мы подобрали двух рулевых, была просто чудом, и нельзя рассчитывать на его повторение.

А теперь еще у нас неприятности со «Смофом». Если так будет продолжаться и впредь, мы скоро лишимся всех крейсеров, и даже раньше, чем Нижняя Альфа будет пройдена хотя бы наполовину. Знает ли кто-нибудь командира «Смофа» так, как Изи знает Дондрагмера? Вы ведь, Изи, с ним незнакомы, по-моему, не так ли? Может ли кто-нибудь охарактеризовать его способность выбираться самому из неприятностей? Или все-таки рискнем и пошлем баржу вниз до того, как два месклинита полностью пройдут обучение?

— Тиббетс считает, что Битчермарлф уже сейчас мог бы спокойно посадить баржу на поверхность, если только нет принципиальных возражений против посадки вообще, — сказал инженер. — Лично я незамедлительно разрешил бы ему сделать это.

— Возможно, вы и правы. Но все дело в том, что нельзя посадить баржу на ледник, а поднять лэнд-крейсер она не в состоянии, даже если бы имелась возможность как-то подцепить корабль, не сажая баржу. На данный момент самое лучшее для Битчермарлфа и Такуурча — продолжать учебу. Теперь вопрос к секции планетологии: в каком направлении надо отправиться команде «Смофа» и какое расстояние им надо преодолеть, если придется оставить крейсер, до ближайшей точки, где баржа смогла бы совершить посадку и подобрать их. Если она, эта точка, близка к их нынешнему местонахождению, то, естественно, нет необходимости им что-то говорить: я хочу, чтобы они всеми силами

постарались спасти крейсер, и нет никакого смысла смущать их возможностью легкого спасения.

Иб Хоффман слегка шевельнулся, но удержался от комментариев. Наверное, в чем-то Аукойн был прав.

Администратор продолжал:

— Кроме того, есть ли что-нибудь определенное по тому феномену, в котором увяз «Квембли»? Вы уже получили образцы этой грязи — или что там оно такое? Битчермарлф доставил пробы уже неделю назад.

— Да, — ответил химик. — Это поразительный пример поверхностной активности вещества. Оно весьма чувствительно к природе и размеру частиц содержащихся в нем минералов, к соотношению воды и аммиака со связующей жидкостью, к температуре и давлению. Конечно же, вес «Квембли» явился главной причиной неприятностей. Месклиниты могли бы спокойно разгуливать по его поверхности, что они и проделывали неоднократно, находясь в достаточной безопасности. Но как только вещество оказалось под воздействием резко возросшей нагрузки, его внутренняя структура нарушилась, и оно стало аморфным. Процесс имел волнообразный характер...

— Хорошо, остальное можно изложить на бумаге, — кивнул Аукойн. — Есть какая-нибудь возможность определять подобные места на поверхности без того, чтобы утопить там очередной лэнд-крейсер?

— Гм-м. Я бы сказал, что да. Радиационная температура должна послужить надежным источником информации... по крайней мере, она предупредит, что необходима еще какая-то проверка. И если уж на то пошло, я бы не стал беспокоиться, что баржа утонет в таком «болоте»: реактивные двигатели просто испарят всю воду и аммиак с поверхности еще до полной посадки.

Аукойн кивнул и перешел к другим вещам: доклады с крейсеров, сообщения для прессы, поставки оборудования, перспективные планы исследований...

И все же он испытывал легкое разочарование. Собственные ошибки не были для него секретом, но, как и большинство людей, он нашел им оправдание и постарался, чтобы никто их не заметил. Однако Хоффман все видел; может быть, и другие кое-что замечали, так что придется быть настороже, если он хочет сохранить этот важный и ответственный пост за собой. «И все-таки, — твердо повторил он про себя, — месклиниты тоже люди, даже если и выглядят похожими на насекомых».

Внимание Иба Хоффмана несколько отвлеклось, хотя он и понимал всю важность данной работы. Его мысли опять и опять возвращались к «Квембли», к «Смофу» и так хорошо разработанному прибору для подводного плавания, который чуть не погубил его одиннадцатилетнего сынишку. Доклады, сопровождаемые едкими замечаниями Аукойна, все продолжали и продолжали звучать...

Медленно, с мучительными сомнениями, Иб наконец решился.

— Мы идем с небольшим опережением, — сказал Барленнан. — Большая удача, что удалось снять передатчики с «Квембли», поскольку все равно пришлось его оставить. Нет худа без добра: мы работали без всяких ограничений, якобы снимая все, что только понадобится. Мы смогли использовать при этом вертолет Реффела, так как люди уверенны, что и он утрачен. Джемблаки и Дисленвер, похоже, считают, что крейсер можно привести в походное состояние на следующий же день.

Он взглянул на слабенькое солнце, стоявшее почти у них над головами.

— Земные химики весьма помогли нам разобраться с той грязью, в которой застрял крейсер. Но просто удивительно было слушать, когда один из них разговаривал с Дисом насчет этой штуки: без конца повторяя, что это лишь его предположения, он в то же время давал совет за советом. Очень жаль, что нельзя сказать ему, насколько удачными оказалось большинство из его советов.

— Сомнение, похоже, — неотъемлемая черта людей, — заметил Гузмиин. — А когда поступили новости?

— «Диди» вернулся с час назад и уже улетел обратно. Слишком много работы для одной машины. Плохо, что мы потеряли «Элш», да еще Кабремм с его «Гвельфом» запаздывает, а работы все прибавляется. Может быть, что-то наконец выяснится насчет «Каллиффа»; предполагалось, Кабремм должен разведать маршрут, чтобы крейсер побыстрее добрался до лагеря Дона. Надо узнать, не заметил ли его один из разведчиков Кенанкена. Пока опоздание менее дня, так что еще есть возможность...

— И, учитывая все это, ты утверждаешь, что мы идем с опережением? — перебил Гузмиин.

— Конечно. Если помнишь, вся цель игры с «Эскетом» состояла в том, чтобы убедить людей позволить нам использовать космические корабли. Самообеспечение и самоподдержка — лишь побочные явления, хотя и полезные. Мы, предполагалось, должны были создать миф о местной жизни, внушив уверенность людям в грозной опасности, — и все это еще до того, как смогли бы убедить Аукойна разрешить нам полеты. На подготовку ушли месяцы, но это гораздо меньше установленного нашим графиком срока, а потеряли мы при этом немного: базу у «Эскета», конечно, «Элш» и его команду и, похоже, Кервенсера с его вертолетом.

— Но ведь Кервенсер и Карфренгин — немалая потеря. Нас ведь не так уж и много. И если Дондрагмер и его команда не смогут протянуть до прибытия «Каллиффа», мы понесем по-настоящему большие потери; по крайней мере, среди экипажа наших воздушных шаров нет ученых и инженеров.

— Ну, Дону не грозит серьезная опасность. Их всегда может подобрать Битчермарлф на человеческом космическом корабле, то есть, я имею в виду, на нашем космическом корабле.

— Не забудь: если в этой операции что-нибудь пойдет не так, то мы лишимся не только нашего единственного космического корабля, но и наших единственных космических пилотов.

— Следовательно, — задумчиво произнес Барленнан, — надо попытаться вновь вернуть себе утраченные позиции. Как только «Квембли» будет готов, ему следует начать поиск подходящего места и сразу перебазировать туда поселок у «Эскета». Думаю, найти хорошее место ученым Дона будет нетрудно: Дхраун, похоже, весьма богат металлическими рудами. Возможно, район поиска стоить приблизить к Поселку, чтобы облегчить связь. Кроме того, придется построить еще несколько воздушных шаров: тот единственный, что у нас остался, не справляется с работой. Возможно, придется сконструировать машины, большие по размерам.

— Я уже подумывал над этим, — признался техник, который до сих пор слушал, не произнося ни слова.

— Тебе не кажется, — спросил Гузмиин, — что было бы разумно — осторожно, конечно, — побольше разузнать у людей о воздушных шарах? Мы никогда не обсуждали этот вопрос с ними. Ты прошел обучение давно, многие годы назад, и некоторые из наших восприняли идею использовать в этих машинах энергоблоки как нечто само собой разумеющееся. Но мы не знаем, используют ли их люди подобным образом? И что, если не случайно мы так быстро потеряли два из наших трех воздушных шаров? Может быть, есть что-то фундаментально ошибочное в самой идее?

Командир сделал жест нетерпения:

— Глупости. Я не старался получить полное научное образование у чужаков, поскольку очевидно, что на это потребовалось бы слишком много времени, но одно я понял точно: все основные — базовые — правила по сути своей достаточно просты. Как только люди начали концентрироваться на основных правилах, они прошли путь от парусных кораблей до космических за пару сотен лет. Воздушные шары, с источниками энергии или без них, — простые

устройства, и я сам отлично в этом разбираюсь. Установка на борту у них двигателя ничего, в принципе, не меняет: работают те же самые правила.

Техник задумчиво посмотрел на своего командира и подумал об электронно-лучевых трубках и телевизионном оборудовании, прежде чем ответить.

— Как мне кажется, — медленно произнес он, — кусок материи, унесенный порывом ветра, и корабль, захваченный воздушным потоком, являются примерами проявления одних и тех же правил.

Барленнан, почувствовав какой-то подвох, не хотел согласиться с этим замечанием, но и возразить ничего не смог.

Он все еще пытался выбросить из головы слова своего техника, хотя и безуспешно, когда, примерно часов двадцать спустя, курьер вызвал его в отсек связи. Барленнан отправился туда, терзаясь сомнениями, чувствуя, что ситуация перестала быть однозначной и грозит выйти из-под контроля. Едва он появился, Гузмиин что-то коротко произнес в микрофон, и минутой позже на экране возникло лицо человека, которого ни один из месклинитов не знал.

— Я — Иб Хоффман, муж Изи и отец Бенджа, — без всякого предисловия начал незнакомец. — Я говорю только с вами двумя — с Барленнаном и Дондрагмером. Вся остальная часть команды наблюдателей занята другими экранами в связи с новой тревогой: еще на одном из крейсеров что-то случилось. Я использую ваш язык, насколько могу, и рядом стоит жена; она знает, что я хочу сказать, и поправит меня, если я сильно ошибусь. Я решил, что пришло время устранить некоторое взаимонепонимание, но пока не хочу посвящать в это всех здесь, и вы поймете, почему, еще до того, как я закончу, если уже не сообразили, в чем дело. Меня это волнует прежде всего потому, что я не хотел бы называть кого-нибудь лжецом на любом языке.

Прежде всего, Барленнан, примите мои самые сердечные поздравления. Я почти абсолютно уверен в том, что, передав

месклинитским пилотам нашу баржу, мы выполнили один из главных пунктов вашего плана, и, наверное, задолго до того, как ты надеялся его осуществить. И с этим все в порядке. Я хотел, чтобы так произошло. Возможно, несколько позже у вас возникнет желание самим совершать межзвездные полеты. Это меня также вполне устраивает. И я помогу.

Вы, похоже, чувствуете, что множество людей попытаются помешать вам, и я должен признать, что некоторые действительно предпримут такие попытки, хотя, как мне кажется, наиболее влиятельный из них сейчас находится под полным контролем. Кстати, вы не можете быть вполне уверены, даже сейчас, что я с вами откровенен: вы сами достаточно хитроумны, так что вполне резонно ожидаете того же и от других. И это плохо. Многому ли из того, что я говорю, вы верите — не знаю, и все же я должен сказать все.

Какова в действительности ситуация, сложившаяся у вас там, на Дхрауне, — можно только гадать. И я выскажу предположения. Я почти уверен, что исчезновение «Эскета» не было настоящим, — раз. Я не уверен, что нынешнее состояние «Квембли» безнадежно, — два. Вы, возможно, знаете о Дхрауне гораздо больше, чем сообщили, — три. Я бы не сказал, что это меня не волнует, потому что на самом деле меня это волнует очень. Мы находимся здесь, чтобы как можно больше узнать о Дхрауне, и тот факт, что вы о многом умалчиваете, — потеря для всего проекта. Я не могу угрожать вам наказаниями за нарушения контракта, поскольку не совсем уверен в том, что вы его нарушили, да и не занимаю такого положения, чтобы угрожать вам. И, в любом случае, еще меньше мне хочется вам угрожать. Но все же я намерен убедить вас, что будет лучше для нас всех, если далее обходиться без секретов. Мы сейчас в таком положении, что малейшая неоткровенность, скорее всего, нам обойдется весьма дорого, а вы потеряете все. И чтобы как-то подкрепить свою мысль, я расскажу вам одну историю.

Вы знаете, люди дышат кислородом — примерно так же, как вы дышите водородом. Но, являясь существами гораздо

большими по размерам, мы нуждаемся в более сложной системе дыхания, чтобы ввести кислород в наши тела. И из-за особенностей этой системы мы задыхаемся, если сказываемся лишенными газообразного, несвязанного кислорода внутри определенных, довольно узких, границ давлений.

Примерно три четверти Земли покрыты водой. Мы не можем дышать под водой без искусственного оборудования, но использование такого оборудования является распространенным видом спорта среди людей. Оборудование, по сути, состоит из баллона со сжатым воздухом и системы клапанов, которые определенным образом вводят в нашу дыхательную систему воздух. Все просто и очевидно.

Шесть наших лет назад, когда Бенджу было одиннадцать лет, он изготовил подобное устройство, сконструировав его самостоятельно, хотя и под моим руководством. Он сделал баллон под давлением и регулятор, используя обычные инструменты, которые можно найти в большинстве домашних мастерских, точно так же как он ранее изготавливал и более сложные вещи — такие, например, как компактные газовые турбины. С моей помощью он подверг все детали испытаниям — все они работали отлично. Он вычислил, сколько ему потребуется воздуха для определенного времени пребывания под водой. Я проконтролировал и это, используя коммерческое вычислительное устройство, — сама собой разумеющаяся мера предосторожности.

Я уверен, вам известны принципы гидростатики и газодинамики; во всяком случае, Изи сообщила мне их эквиваленты на вашем языке. Вы можете понять, что на определенной глубине легкие, полностью наполненные воздухом, имеют половинный объем по сравнению с объемом на поверхности. Бендж и об этом знал, но решил, что все равно легкие будут полностью заполнены воздухом, поскольку речь идет о содержании кислорода, так что баллона с запасом на один час хватит на один час пребывания под водой, независимо от глубины, до тех пор, пока давление в баллоне с воздухом выше давления воды.

В общем, чтобы сделать эту длинную историю короткой, скажу, что все вышло не так. У него кончился воздух в три раза быстрее, чем он рассчитывал, — минут за двадцать, и мне срочно пришлось его спасать. Из-за быстрой смены давлений и некоторых других особенностей человеческого организма, которым вы, похоже, аналогов не имеете, он чуть было не погиб. Все дело оказалось в том, что дыхание у человека контролируется, но не содержанием кислорода в крови, а содержанием в ней двуокиси углерода — продукта отходов дыхания. И чтобы поддерживать нужное соотношение, мы должны прогонять нормальные объемы воздуха через наши легкие, независимо от концентрации кислорода или давления. Отсюда вытекает, что запаса, рассчитанного на час при нормальном давлении, хватает лишь на полчаса на глубине в тридцать три фута и на треть часа на глубине в шестьдесят шесть футов, и так далее.

Я не намерен оскорбить ничей ум вопросом, понял ли он то, что я хотел сказать, но был бы рад услышать комментарии от вас по поводу этой истории.

Ответы оказались весьма любопытными, как по своей природе, так и по времени поступления. Ответ Барленнана шел лишь чуть-чуть дольше, чем диктовала задержка на расстояние; ответ же Дондрагмера пришел гораздо, гораздо позже и не совпал с ответом его командира.

— Совершенно очевидно, что неполные знания могут привести к ошибкам, — сказал Барленнан, — истина, для нас давно уже не новая. Мы вполне осознаем, что наши знания не могут быть полными и что наша работа по этой причине опасна. Мы всегда понимали это — зачем же подчеркивать именно сейчас? Я бы с большим удовольствием послушал доклад насчет того крейсера, что попал в аварийную ситуацию. Вы заставляете меня подозревать, что мягко подводите к информации о том, что я потерял еще один крейсер из-за того, что инженеры-конструкторы чего-то не предусмотрели. Не беспокойтесь, я не собираюсь обвинять вас в этом. Никто из нас не мог предвидеть всего.

Иб угрюмо улыбнулся при ярком проявлении еще одной чисто человеческой черты в месклините.

— Нет, вовсе не это было у меня на уме, командир, хотя в том, что вы только что сказали, есть свои весьма серьезные аспекты. Тем не менее, я хотел бы подождать ответа Дондрагмера, прежде чем ответить вам.

И прошла еще одна долгая минута, полная напряжения, пока не прозвучал голос капитана «Квембли»:

— Поведанная вами история достаточно ясна, и вы могли бы наложить ее еще короче, если бы не имели в виду нечто очень важное. Ключевым моментом, подозреваю, является не столько исключительная ситуация, в которую ваш сын попал из-за своего невежества, сколько то, что это произошло с ним даже при вашем, опытного взрослого человека, руководстве. Я вполне готов усмотреть здесь намек на то, что, если уж и вы, чужаки, не признаете за собой ни всезнания, ни всемогущества, мы, на Дхрауне, и подавно постоянно находимся в определенной опасности, сколько бы вы не наблюдали за нами и не помогали нам. И мы непредсказуемо увеличиваем риск для самих себя, когда действуем по собственному наитию, подобно студенту-химику, экспериментирующему самостоятельно.

Дондрагмер провел гораздо больше времени в Колледже, чем его командир.

— Правильно. «Именно это я и имел в виду», — сказал Иб. — Я не мог...

— Минуточку, — перебила его Изи. — Не лучше ли сначала передать слова Дона Барленнану?

— Правильно.

Ее муж коротко, одной фразой, пересказал речь капитана и продолжил:

— Я не могу навязывать вам какую-то политику, и не стал бы делать этого, если бы и мог. Я не жду, что вы расскажете обо всем, что произошло на Дхрауне с момента строительства Поселка. Мало того, я даже рекомендую воздержаться от этого шага: у меня и без того предостаточно хлопот с

администрацией здесь, наверху, чтобы еще усложнять существующее положение. Тем не менее, если Изи случайно вдруг удастся неофициально поговорить с ее старыми друзьями Дестигметом и Кабреммом, я имел бы лучшее представление о действительных событиях, и это помогло бы мне здесь, наверху, проследить, чтобы наши общие дела шли спокойно и гладко. Я не жду от вас мгновенного решения, не жду немедленной перемены в базовой политике, командир, но, пожалуйста, подумайте над этим.

Барленнан, прирожденный морской капитан, привык к необходимости быстрых решений. Более того, обстоятельства давно уже наталкивали его на подобные мысли, и неважно, что зарождались они в крошечной голове — границы тела для мыслей не имеют значения. Ведь в конце концов, думал Барленнан, его базовая политика преследует одну цель: выживание всей команды. И он не задержался с ответом Ибу:

— Изи сможет переговорить с Дестигметом, но не сейчас: «Эскет» весьма далеко отсюда. Я также подожду пока задавать вам кое-какие вопросы, на которые хотел бы получить ответы. Прежде всего прошу сообщить мне о новых неприятностях. Вы сказали, что еще один на моих крейсеров попал в аварийную ситуацию. Пожалуйста, расскажите, что произошло, и мы подумаем, какая там требуется помощь, чтобы вам легче было ее организовать.

Иб и Изи Хоффманы с улыбкой переглянулись и вздохнули с облегчением.

Но именно Бенджу принадлежало ключевое замечание. Это случилось несколько позже, в аэрологической лаборатории, когда Иб и Изи пересказали ему и Макдевитту содержание неофициальных переговоров. Бендж поднял взгляд на карту, на огромную территорию Дхрауна, где затерялась крошечная площадка, светящаяся живыми огоньками, и сказал:

— Мне показалось, будто вы считаете, что они там, внизу, теперь в гораздо большей безопасности.

Эта мысль всех отрезвила.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕДИЦИЯ «ТЯГОТЕНИЕ» 5
У КРИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ 244
ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ 357